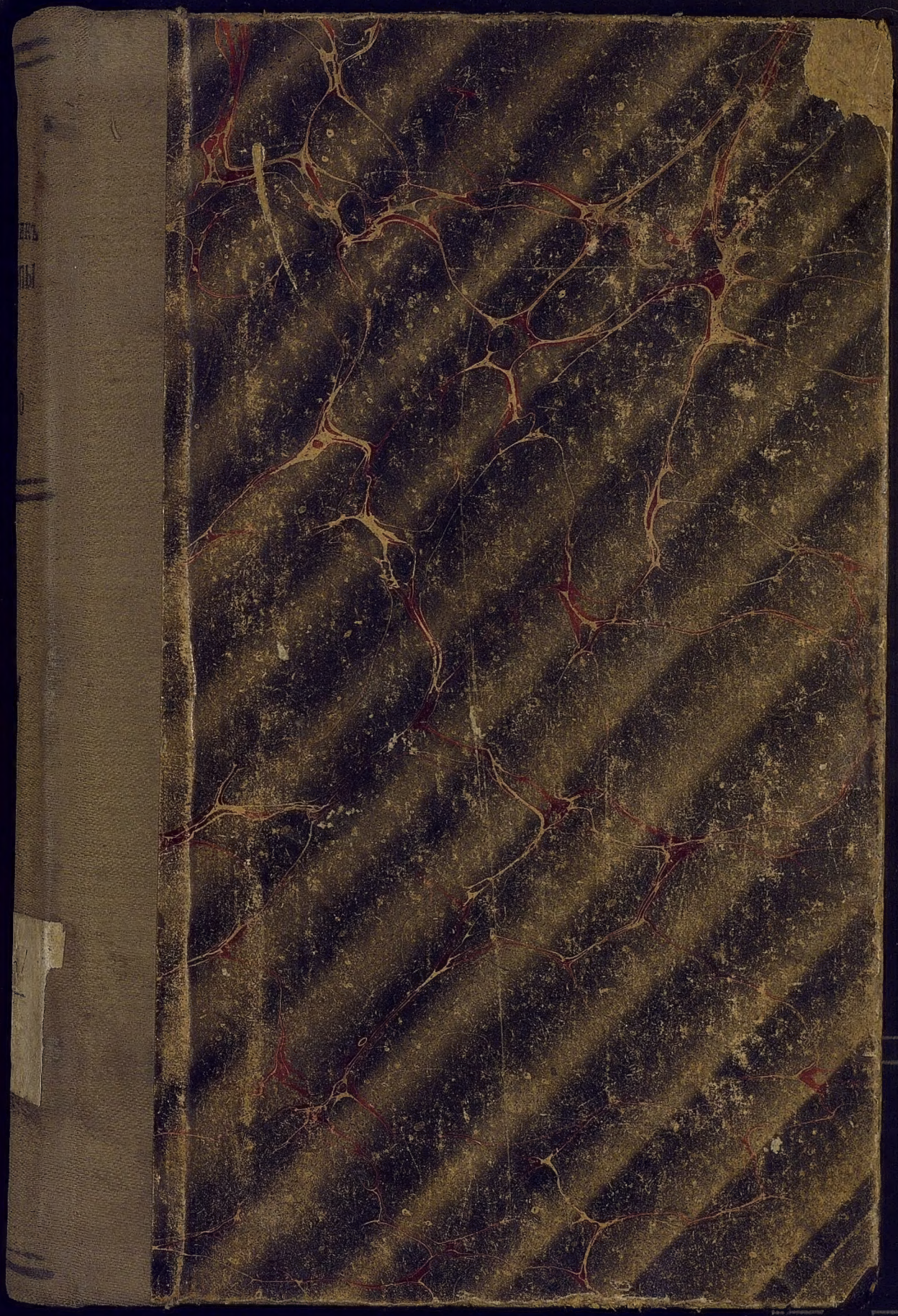


участи женщины

въ Москвѣ.

БЮРО КОМИССІИ

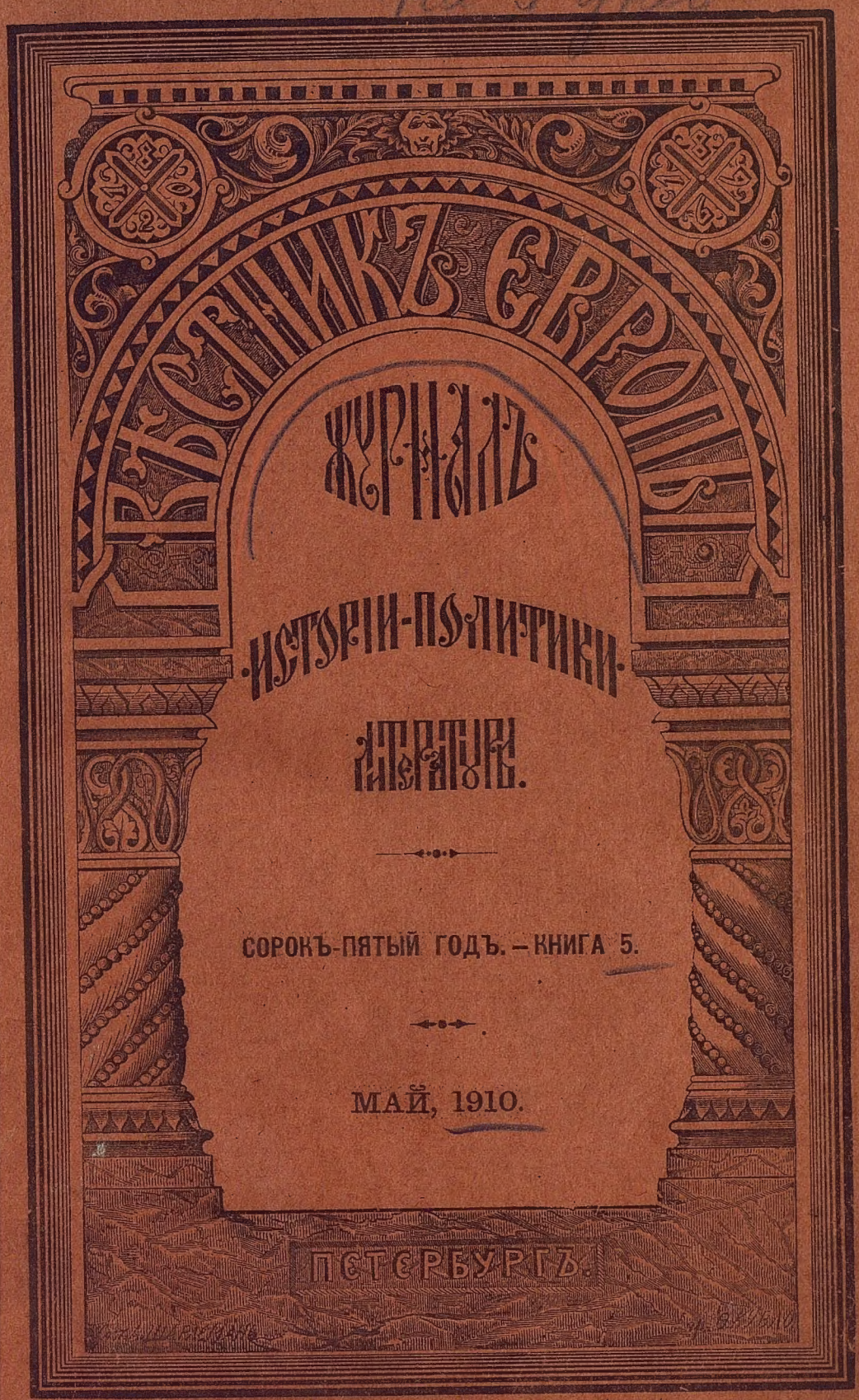
ТРУДОВОЙ ПОМОЩИ.

~~14/XII 55~~
~~17/XII-76~~
~~21/XII 1898~~
~~3/III 1899~~
10/I 976

Московское Отд. Императорского Русского Археологическаго Общества.

БИБЛІОТЕКА

№ 4



Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., 28.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1910.

стр.

1) АНГЛИЙСКАЯ ГЕЛЬГРАВЮРА: К. Д. КАВЕЛИНЪ.

2) РИСУНКИ В. И. РОССИНСКАГО: ГЛАВНѢЙШІЕ ТИПЫ КОМЕДІИ „ГОРЕ ОТЪ УМА“ ВЪ ПОСТАНОВКѢ МОСКОВСКАГО ХУДОЖЕСТВЕННАГО ТЕАТРА.

I.—ПРЕСТУПЛЕНІЕ ГРИГОРЬЕВА.—Разсказъ,—**Вл. Кохановскаго** . . . 3

II.—ВЪ ИЗГНАНІИ.—Отрывокъ.—**Тана** . . . 57

III.—ЗА СНѢЖНЫМИ ВЕРШИНАМИ. — Изъ путевыхъ замѣтокъ.—III. Въ горныхъ ущельяхъ Сванетіи.—IV. Въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ.—V. На невѣдомомъ курортѣ.—VI. У забытаго памятника прошлаго.—VII. Латпарскій перевалъ.—Окончаніе.—**Н. А. Морозова** . . . 64

IV.—НА ИМАТРѢ ЗИМОЙ.—Стихотвореніе.—**Л. М. Василевскаго** . . . 89

V.—ГОДЪ ТЮРЬМЫ.—VI-XII.—Окончаніе.—**Сергѣева** . . . 90

VI.—ЗЛАТОЦВѢТЪ.—Стихотвореніе.—**Н. А. Карпова** . . . 108

VII.—ДАРВИНИЗМЪ И ХРИСТІАНСКАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ.—**А. Берса** . . . 109

VIII.—ВЪ ПОѢЗДѢ.—**И. Сургучева** . . . 120

IX.—БЫЛЬ ЧУДНЫЙ, ГОРДЫЙ ХРАМЪ...—Стих. **А. Хирьякова** . . . 131

X.—РЫЦАРЬ КАПИТАЛА. — „A Captain of industry“, by Upton Sinclair. — I-IV.—Перев. съ англ. **М. Чепинской** . . . 132

XI.—*** ПОЛУТѢНИ... ПОЛУЗВУКИ...—Стих. **Елены Карѣевой** . . . 156

XII.—ИЗРАИЛЬ И ВАВИЛОНЪ.—I-II.—**Н. Никольскаго** . . . 157

XIII.—МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ КОНЦѢ 70-хъ И НАЧАЛѢ 80-хъ ГОДОВЪ ПРОШЛАГО ВѢКА.—Личныя воспоминанія.—**Максима Ковалевскаго** . . . 178

XIV.—АННА-ВЕРОНИКА.—H. G. Wells. „Ann-Veronica“. A modern Love-Story.—XXXI-XL. — Окончаніе. — Перев. съ англ. **З. В.** . . . 222

XV.—ХРОНИКА.—ПО ПОВОДУ БЮДЖЕТА НА 1910-ый ГОДЪ.—**М. И. Фридмана** . . . 261

XVI.—ШКОЛЬНЫЙ ГИПНОЗЪ.—Изъ записокъ педагога.—**Аркадія Велскаго** . . . 274

XVII.—ЛЮБОПЫТНОЕ СОВПАДЕНІЕ.—Письмо изъ Лондона.—**Діонео** . . . 289

XVIII.—ПО ПОВОДУ ДѢЛА ТАРНОВСКОЙ.—Письмо изъ Венеціи.—**М. Осоргина** . . . 302

XIX.—СОВРЕМЕННАЯ РЕФОРМА КИТАЙСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ. — **В. Алексѣева** . . . 310

XX.—ДМИТРІЙ ДМИТРІЕВИЧЪ АХШАРУМОВЪ.—**Ч. Вѣтринскаго** . . . 321

XXI.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — **И. В. Жилкина** . . . 330

XXII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—П. А. Столыпинъ о современномъ положеніи Россіи.—Задачи правительства и способъ ихъ исполненія.—Второе чтеніе законопроекта о мѣстномъ судѣ.—Вопросъ объ условномъ осужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ.—Своеобразные политическіе взгляды.—Печальное засѣданіе.—Московское юридическое общество . . . 342

XXIII.—КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ. — **С. А. Адріанова** . . . 357

XXIV.—ЕЩЕ О „ВѢХАХЪ“.—**Л. З. Слонимскаго** . . . 369

XXV.—„ГОРЕ ОТЪ УМА“ въ Московскомъ Художественномъ Театрѣ. — I-V. — **Вл. И. Немировича-Данченко** . . . 375

XXVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Парламентскіе выборы во Франціи.—Избирательныя программы и воззванія кандидатовъ. — Рѣчь министра-президента Бріана и враждебная ему демонстрація.—Общій характеръ выборовъ и ихъ особенности.—Лекція Рузвельта въ Парижѣ.—Избирательная реформа въ Пруссіи. — Политическій кризисъ въ Англіи . . . 392

XXVII.—ПАМЯТИ К. Д. КАВЕЛИНА († 3 мая 1885-го года).—**К. К. Арсеньева** . . . 405

XXVIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—L. Юбилейный сборникъ Лит. Фонда.—1859-1909. — И. А. Родіоновъ. Наше преступленіе (не бредъ, а быль). 5-е исправ. изд. — Изъ исторіи новѣйшей русской литературы. — Общестуденческій Литературный Сборникъ.—Студенческій альманахъ. Книга I. Изд. Д. Тягая.—**Ч. В—скаго.**—„Незабвенному Владиміру Васильевичу Стасову“. Сборникъ воспоминаній.—**Е. К.**—„Книга для чтенія по исторіи новаго времени“, т. I.—**А. Прѣснякова.**—Влад. Грабеньскій. Исторія польскаго народа.—**М. А. Славинскаго.**—К. Гюнтеръ. Происхожденіе и развитіе человѣка.—**Н. Рубакина.**—Наши неурожаи и продовольственный вопросъ, ч. I и II, А. С. Ермолова.—В. Твердохлѣбовъ. Обложеніе городскихъ недвижимостей на Западѣ.—П. Гензель. Новѣйшія теченія въ коммунальномъ обложеніи на Западѣ—**В. В.**—Новыя книги и брошюры . . . 409

XXIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Старый вопросъ. — Почему мы его не поднимаемъ? — Судебная ликвидація и необходимость амнистіи. — Нѣсколько иллюстрацій. — Петербургскія городскія дѣла. — Новый голова, г. Глазуновъ. — Указъ сената объ обывательскихъ обществахъ. — А. Я. Пассоверъ, В. И. Семеновъ, А. В. Перелешинъ и М. Л. Кропивницкій †. . . . 434

XXX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I-III. . . . 450

XXXI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ. . . . 455

XXXII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

МАЙ

3-961/5
49 г.
ПРОВЕРЕНО 1928 г.
Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: МОХОВАЯ, 32.

Главная Контора журнала: Загородный проспектъ, № 14. | Экспедиція журнала: Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1910

4051

ПРЕСТУПЛЕНІЕ ГРИГОРЬЕВА

РАЗСКАЗЪ.

I.

Раннимъ, яснымъ лѣтнимъ утромъ со станціи отправляли партію арестантовъ. Они стояли у третьяго пути, опустивъ внизъ глаза, угрюмые, сосредоточенные, серьезные. Они чувствовали на себѣ вниманіе стоявшихъ на платформѣ людей—и это, повидимому, было тяжело имъ. Часто поднимали они глаза и съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ смотрѣли въ ту сторону, откуда должны были подать поѣздъ.

Утро было теплое, солнечное, ароматное. Ночью прошелъ дождь, и теперь вся зелень, окружавшая станцію — и тополя, стоявшіе у подъѣзда, и пестрѣющіе въ палисадникѣ цвѣтники, и колосящаяся на другой сторонѣ рожь, — казалась необыкновенно молодой, чистой и свѣжей. И глядя кругомъ на деревья и траву, на синѣющій на горизонтѣ лѣсъ, на ясное голубое небо, на чуть подернутый прозрачной дымкой воздухъ, на стоящихъ на платформѣ людей, между которыми было много нарядно одѣтыхъ дачниковъ и дачницъ, — странно было видѣть партію сѣрыхъ, запыленныхъ арестантовъ... Странно было видѣть хмурыя, сосредоточенныя лица, ихъ голые черепа...

Странно было видѣть ихъ особую, на нѣсколько минутъ лишь открывшуюся жизнь, странно и жутко чувствовать ихъ прежнія преступленія... И глядя на нихъ, каждому изъ стоявшихъ на платформѣ людей хотѣлось прочесть на ихъ лицахъ о томъ, что̀ совершили они и что̀ пережили... И не вѣрилось теперь, что стоявшіе бритые и закованные въ кандалы арестанты

были когда-то тоже свободными, вольными людьми. Не вѣрилось, что могли чувствовать они также, какъ и всѣ, что могли любить они, быть нѣжными, ласковыми; не вѣрилось, что могли быть у нихъ матери, жены, дѣти, близкіе люди... Точно пропасть какая-то непереходимая лежала теперь между ними и остальными свободными людьми...

Все жарче и жарче становилось въ воздухѣ. Солнце поднялось уже высоко и лучи его стали ударять прямо въ лица арестантовъ. Видно было, что устали уже стоять они съ тяжелыми кандалами, съ мѣшками въ рукахъ. Устали и конвойные. Они нетерпѣливыми глазами смотрѣли во всѣ стороны, переминаясь съ ноги на ногу, вытирали рукавами рубахъ струившійся съ лица потъ. Наконецъ старшій изъ нихъ—высокій, черный человѣкъ, съ изрытымъ оспой лицомъ и щетинистыми усами—отошелъ отъ партіи и, перейдя два пути, остановился передъ дежурнымъ помощникомъ начальника станціи, отдалъ ему честь и какъ-то нерѣшительно спросилъ:

— Когда же поѣздъ, ваше благородіе?

Помощникъ начальника станціи — худой, высокій, желчный человѣкъ, съ маленькими злыми глазами — посмотрѣлъ на него и раздраженно проговорилъ:

— Подождешь! Ишь важныхъ господъ какихъ везетъ, подумаешь!

Конвойный покраснѣлъ.

— Такъ что, ваше благородіе, ждемъ ужъ очень долго...

— Не разговаривай! — крикнулъ помощникъ. — Иди и жди пока подадутъ.

Въ глазахъ конвойнаго на мгновенье блеснула злоба, но онъ сдержалъ себя и, лишь только покраснѣвъ еще больше, пошелъ назадъ. Подойдя къ партіи, онъ, нахмурившись, осмотрѣлъ всѣхъ арестантовъ. Ему показалось, что нѣкоторые изъ нихъ переговариваются между собой, смотря на него недовольнымъ, насупившимся взглядомъ...

— О чемъ разговоръ затѣяли? — спросилъ онъ сердитымъ голосомъ, оглядывая черезъ головы переднихъ задніе ряды. Онъ замѣтилъ въ заднихъ рядахъ молодого арестанта съ блѣднымъ, измученнымъ интеллигентнымъ лицомъ.

— Петровскій, замолчать! — крикнулъ онъ.

Молодой арестантъ сталъ еще блѣднѣе, посмотрѣлъ ему прямо въ лицо и сказалъ:

— Я не могу больше стоять, у меня рана на ногѣ... Я въ больницѣ долженъ лежать...

— Это не мое дѣло! — угрюмо проговорилъ конвойный. — Разъ начальство отправляетъ—значитъ, здоровъ.

— Мучители!—тихо проговорилъ арестантъ.

Изъ конторы вышелъ начальникъ станціи Григорьевъ и, подойдя къ помощнику, сталъ о чемъ-то тихо говорить съ нимъ, нѣсколько разъ оглядываясь въ сторону арестантовъ. Потомъ спустился по ступенькамъ на землю и подошелъ къ партіи. Это былъ старѣющій уже человѣкъ, высокаго роста, довольно плотный, съ сѣдѣющими волосами, съ нервнымъ, интеллигентнымъ лицомъ. Онъ остановился около партіи и сталъ смотрѣть вдоль уходящихъ отъ платформы рельсъ. Когда изъ-за поворота, заставленнаго пустыми товарными и пассажирскими вагонами, показался подаваемый поѣздъ, онъ проговорилъ:

— Вотъ уже поѣздъ подаютъ...

Отъ его словъ конвойные и арестанты какъ будто оживились. Стали оправляться, поправлять мѣшки; нѣкоторые продвинулись немного впередъ, загремѣвъ кандалами... Нѣсколько мгновеній спустя, арестантскіе вагоны, не дошедши до платформы, остановились... Одинъ изъ конвойныхъ, вложивъ шашку въ ножны, побѣжалъ къ вагонамъ, взобрался на ступеньки и попробовалъ рукой дверь. Потомъ сошелъ на землю и, ставъ около вагона, сталъ махать рукой конвойнымъ и арестантамъ.

Загремѣли кандалы и партія, тяжело ступая, пошла къ остановившемуся поѣзду...

Они прошли мимо Григорьева плотнымъ сѣрымъ пятномъ, обдавъ его пылью, запахомъ пота, прогремѣвъ цѣпями, прошуршавъ халатами... Григорьевъ старался не смотрѣть въ ихъ лица, старался не думать о томъ, что чувствуютъ, что переживаютъ они... Это было мучительно больно для него. Раньше онъ былъ начальникомъ другой, меньшей станціи, и тамъ никогда ему не приходилось такъ близко видѣть арестантовъ. Онъ видѣлъ только ихъ лица, выглядывавшія сквозь рѣшетки, но не слышалъ ни звона цѣпей, ни жуткаго шуршанья халатовъ, и потому они казались ему какъ-то болѣе далекими, чѣмъ теперь, когда они проходили въ двухъ шагахъ отъ него. И потому мучительно жуткое чувство охватило его душу. Онъ старался не смотрѣть на нихъ, а они, между тѣмъ, гремѣли кандалами, взбирались по крутымъ ступенькамъ въ вагоны.

Когда очередь дошла до молодого арестанта съ интеллигентнымъ лицомъ, то конвойный проговорилъ:

— Ну, живо, не задерживать!..

Тотъ взялся блѣдными, худыми руками за ручки вагона и съ мучительной гримасой, загремѣвъ кандалами, воскликнулъ:

— О, какая боль, какая адская боль!..

Кто-то изъ арестантовъ грубо подтолкнулъ его, и онъ, застонавъ, скрылся за дверью вагона...

Скоро всѣ арестанты взобрались въ вагонъ и стали размѣщаться на скамьяхъ. И послѣ жаркихъ солнечныхъ лучей и душнаго, пыльнаго воздуха, на которомъ пробыли они нѣсколько часовъ въ ожиданіи поѣзда, узкій и низкій вагонъ, съ желѣзными рѣшетками на окнахъ, съ твердыми, грязными скамьями, показался имъ удобнымъ и покойнымъ мѣстомъ. Всѣ хотѣли и спѣшили занять мѣста у оконъ, чтобы потомъ, когда пойдетъ поѣздъ, пригнувъ голову къ рѣшеткѣ, смотрѣть на проносящіеся мимо луга, на колосящуюся рожь, на синѣющіе на горизонтѣ лѣса, на блеснувшую на изгибѣ рѣку, на поднимающійся въ низкихъ мѣстахъ туманъ, смотрѣть на то, что когда-то было близкимъ и доступнымъ, а теперь стало далекимъ и невозвратимымъ.

Когда они размѣстились на скамьяхъ и стихъ звукъ кандаловъ, за окномъ просвисталъ свистокъ и вагонъ медленно со всѣмъ поѣздомъ сдвинулся съ мѣста. Нѣсколько секундъ спустя, онъ подъѣхалъ къ платформѣ и остановился...

Платформа уже наполнилась пассажирами. Носильщики несли багажъ, катили тележки. Жандармы, сытые и здоровые, важно прохаживались по краю платформы.

Поѣздъ еще долго стоялъ на станціи.

Еще жарче стало въ воздухѣ, еще выше поднялось солнце, еще больше народа наполнило платформу...

Наконецъ, раздался третій звонокъ, и мгновенье спустя поѣздъ, переполненный людьми и багажемъ, тяжело сдвинулся съ мѣста.

Махали платками вслѣдъ уѣзжавшимъ провожавшіе ихъ, посылали воздушные поцѣлуи и кричали что-то... Имъ въ отвѣтъ высовывались изъ оконъ близкія и дорогія имъ лица и любящими глазами смотрѣли на нихъ, махали тоже платками, посылали воздушные поцѣлуи...

Арестантскій вагонъ шелъ послѣднимъ; никто не провожалъ его, никто не махалъ платкомъ вслѣдъ ему, никто не посылалъ ему воздушныхъ поцѣлуевъ... Всѣмъ былъ онъ чуждъ и далекъ...

Поѣздъ пошелъ быстрѣе и скоро вышелъ за семафоръ и понесся среди ровной, зеленой степи...

Арестанты сбились у оконъ и жадными глазами смотрѣли вокругъ.

Многимъ изъ нихъ проносящіяся за окнами мѣста были близкія и хорошо знакомыя... Многіе изъ нихъ родились здѣсь, пахали землю, сѣяли хлѣбъ, косили... Многіе оставили здѣсь женъ, дѣтей, матерей, и теперь, глядя черезъ рѣшетку изъ душнаго, грязнаго вагона на зеленыя поля, на утопающіе въ зелени хутора и села, на проселочныя дороги съ ѣдущими по нимъ крестьянами,—имъ казалось, что все то, что̀ вспоминали они, было неправдой, не дѣйствительной жизнью, а прекраснымъ, навсегда ушедшимъ сномъ...

А поѣздъ все несся и несся впередъ и съ каждою минутою все дальше и дальше становились знакомыя мѣста, близкіе люди, свободная жизнь...

II.

Григорьевъ, отпустивъ поѣздъ, пошелъ въ дежурную комнату вмѣстѣ со своимъ помощникомъ, высокимъ, желчнымъ человѣкомъ.

— Давно я уже не видѣлъ близко арестантовъ, — проговорилъ помощникъ;—какія все отчаянныя, страшныя лица.

Григорьевъ нѣсколько мгновеній молчалъ, потомъ, не глядя на помощника, сказалъ:

— Это только такъ кажется. У всѣхъ насъ тоже станутъ такія лица, если мы перенесемъ то, что̀ перенесли они, если обрить наши головы и надѣть на насъ арестантскіе халаты...

— Ну, нѣтъ—проговорилъ помощникъ;—у нихъ ужъ отъ рожденія такія звѣрскія лица. Они и безъ халатовъ были отчаянные.—Потомъ, помолчавъ немного, онъ добавилъ:—Вѣшать ихъ надо, выродковъ: подумайте только, сколько на совѣсти у каждаго изъ нихъ лежитъ преступленій...

Григорьевъ молчалъ. Онъ вспоминалъ лица и фигуры уѣхавшихъ только-что арестантовъ, вспоминалъ тяжелые кандалы, гремѣвшіе на ихъ ногахъ, сѣрые одноцвѣтные халаты. Вспоминалъ какіе-то, не то враждебные, не то испуганные взгляды, бросаемые на нихъ стоящими на платформѣ людьми, вспоминалъ обнаженныя шашки конвойныхъ, ихъ спокойныя лица. Вспоминалъ потомъ интеллигентное лицо молодого арестанта, его тихій стонъ, когда садился онъ въ вагонъ. И это послѣднее воспоминаніе было для него самымъ мучительнымъ и тяжелымъ. Ему

казалось, что этотъ молодой арестантъ похожъ на него, не на него теперешняго, а на прежняго, когда онъ былъ молодъ и когда жизнь его и мысли были другими. И невольно приходила на умъ жуткая мысль, что вотъ онъ сейчасъ могъ бы не идти вотъ такъ, какъ идетъ по платформѣ, а могъ бы ѣхать въ арестантскомъ вагонѣ...

И помощникъ, идущій рядомъ съ нимъ, не разговаривалъ бы съ нимъ такъ спокойно, а злобно вспоминалъ бы о немъ, о его звѣрскомъ, преступномъ лицѣ, какъ вспоминалъ теперь объ отправленныхъ только что арестантахъ...

Вся, вся его жизнь, всѣ его поступки, ощущенія, переживанія, могли бы быть совсѣмъ другими, чѣмъ теперь...

И придя въ контору, онъ разсѣянно слушалъ то, что говорилъ ему его помощникъ, то, что говорили ему приходившіе въ контору кондуктора, сторожа, стрѣлочники, невпопадъ отвѣчалъ имъ, смотрѣлъ на все какимъ-то далекимъ и безучастнымъ взглядомъ. А передъ глазами стоялъ похожій на него интеллигентный молодой арестантъ...

Наконецъ, одинъ изъ служащихъ, внимательными глазами посмотрѣвъ на него, спросилъ:

— Что съ вами сегодня, Николай Петровичъ, не больны ли вы?

Всѣ сидѣвшіе и стоявшіе въ конторѣ тоже внимательными глазами посмотрѣли на его лицо. Онъ вдругъ смутился. Ему почудилось, что они догадываются о его мысляхъ и его воспоминаніяхъ. Тогда онъ, овладѣвъ собою, проговорилъ спокойнымъ голосомъ:

— Да, мнѣ нездоровится сегодня...

Потомъ, посидѣвъ еще немного въ конторѣ, поднялся съ дивана, взялъ со стола фуражку и вышелъ на платформу. Почти никого теперь уже не было на платформѣ; только метельщикъ, въ ситцевой рубахѣ и солдатской фуражкѣ, подметалъ платформу, да двѣ какія-то бабы съ корзинами сидѣли на скамейкѣ у звонка. На запасныхъ путяхъ лѣниво шумѣлъ паровозъ; два стрѣлочника съ красными флагами о чемъ-то разговаривали у стрѣлки. Солнце поднялось уже высоко за навѣсъ; лучи его не проникали на платформу и здѣсь теперь было прохладнѣе, чѣмъ нѣсколько часовъ тому назадъ. Григорьевъ остановился и нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно, глядя на уходящіе вдаль рельсы. Потомъ медленными шагами пошелъ вдоль платформы. Дошелъ до водокачки, свернулъ и пошелъ къ синѣвшему невдалекѣ лѣсу.

III.

Чѣмъ дольше лежалъ Григорьевъ въ лѣсу, въ высокой, щекочущей лицо и руки травѣ, тѣмъ ближе казалось небо; чѣмъ глубже становилась тишина кругомъ, тѣмъ дальше и дальше уносился онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, и постепенно на нѣсколько часовъ забылъ онъ, что онъ начальникъ станціи, что у него есть семья, что онъ уже пожилой, живущій спокойной жизнью человѣкъ. Прошлое, далекое и навсегда уже ушедшее теперь, стало близкимъ и яркимъ, такимъ близкимъ и яркимъ, что онъ снова точно пережилъ его въ эти нѣсколько часовъ...

И вспомнилъ онъ себя далеко отсюда, еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, живущимъ у своего дальняго родственника— богатаго старика. Этотъ старикъ взялъ его, когда у него умерли родители и онъ остался сиротою. Онъ взялъ его къ себѣ въ качествѣ пріемнаго сына. Странно, неуютно и непривѣтливо показалось ему въ домѣ родственника: высокія, большія, непривѣтливыя комнаты; темная, дорогая, громоздкая мебель; черныя, тяжелыя занавѣси на окнахъ и дверяхъ. И самъ старикъ-родственникъ, съ бритымъ худымъ лицомъ, съ горбатымъ большимъ носомъ, съ желтыми худыми руками, казался ему тоже какимъ-то страннымъ и чуждымъ человѣкомъ. Какою-то холодностью и неласковостью вѣяло отъ него. Съ нимъ онъ, большею частью, былъ молчаливъ. Григорьеву казалось, что онъ смотритъ на него свысока и обращается съ нимъ не какъ съ равнымъ роднымъ, а какъ съ взятымъ изъ милости пріемышемъ. И это было для него мучительно и больно...

Но иногда вдругъ во время такихъ мыслей къ нему въ комнату тихо входилъ родственникъ, пытливо и внимательно смотрѣлъ на него и спрашивалъ:

— Тебѣ скучно, вѣрно?

Григорьевъ смотрѣлъ на него, на его старческое, сухое, морщинистое лицо, на его худую, сгорбленную фигуру, и онъ вдругъ начиналъ казаться ему не холоднымъ и черствымъ человѣкомъ, а добрымъ и внимательнымъ. Вотъ онъ пришелъ къ нему и спрашиваетъ у него, не скучно ли ему. Онъ, значитъ, думаетъ о немъ и заботится. Можетъ быть, еслибы онъ былъ съ нимъ ласковѣе и откровеннѣе, они сошлись бы. Вѣдь онъ, въ сущности, совершенно не знаетъ его. Не знаетъ ни его души, ни его мыслей. Но вдругъ ему начинало чудиться, что гдѣ-то

въ самой глубинѣ глазъ родственника блеститъ недовольный, холодный, жесткій огонекъ...

„Можетъ быть, ему непріятно, что я все молчу!"—думалъ онъ. И вдругъ, помимо его воли, въ его душѣ противъ родственника снова начинало подниматься непріязненное чувство. Снова онъ начиналъ вспоминать своихъ родителей, которые умерли въ бѣдности и лишеніяхъ, у которыхъ даже не было денегъ на хорошее лѣченіе.

Смотрѣлъ вокругъ себя на дорогую мебель, дорогіе ковры, дорогія зеркала и думалъ: „Какая роскошь, какое богатство!"

И опять ему казалось, что родственникъ взялъ его къ себѣ изъ милости, взялъ для того, чтобы онъ забавлялъ и развлекалъ его...

Такъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы. И съ каждымъ днемъ онъ все больше и больше замыкался въ себя, все больше и больше чувствовалъ свою отчужденность и свое одиночество...

Однажды родственникъ заболѣлъ. Сначала за нимъ ходилъ Григорьевъ, но потомъ, когда ему стало хуже, онъ пригласилъ сестру милосердія. Она пріѣхала, когда во всей квартирѣ было какъ-то особенно угрюмо и молчаливо. Родственнику въ этотъ день было особенно нехорошо, и Григорьевъ даже думалъ, что онъ умретъ. Ему было жутко отъ близости смерти и отъ своей безпомощности и одиночества. Когда пріѣхала молодая дѣвушка, ему сразу стало легче и онъ почувствовалъ себя уже не такимъ одинокимъ и не такимъ безпомощнымъ. Сестра милосердія была еще совсѣмъ юная, высокая, стройная дѣвушка, съ миловиднымъ, блѣднымъ лицомъ, съ серьезнымъ, слегка грустнымъ выраженіемъ большихъ темныхъ голубыхъ глазъ. Она просто и тихо подошла къ лежащему родственнику, осторожно поправила подъ его головой подушку, перемѣнила ледъ въ пузырѣ, потомъ сѣла у его изголовья на стулъ и внимательными глазами стала смотрѣть на его красное, горячее лицо, прислушивалась къ его тяжелому дыханію, безсвязному тихому шопоту... Григорьевъ смотрѣлъ на нее, на ея юное, красивое, серьезное лицо, на ея большіе, внимательно смотрѣвшіе на родственника глаза, на ея тихія и въ то же время спокойныя движенія—и ему казалось, что вмѣстѣ съ нею въ домъ вошло что-то новое, свѣтлое, милосердное, хорошее...

Спустя нѣсколько дней, когда родственнику стало немного лучше, Григорьевъ въ первый разъ за время его болѣзни пошелъ пройтись по улицѣ.

Вечеръ былъ теплый и ясный. Въ воздухѣ уже чувствова-

лась весна. Пахло распускающимися почками, зеленѣющей травой, мягкой влагой. Гдѣ-то далеко въ полѣ протяжно гудѣлъ паровозъ, гдѣ-то играла музыка. Небо было темное, ясное, звѣздное...

Дневной шумъ стихалъ и постепенно тишина воцарялась на улицахъ.

Григорьевъ вдыхалъ свѣжій вечерній воздухъ, смотрѣлъ на небо, на зеленѣющія деревья—и постепенно передъ нимъ блѣднѣлъ образъ больного родственника, блѣднѣли мрачныя, молчаливыя комнаты, блѣднѣли бредъ и стоны...

Онъ думалъ, какъ хорошо уже на дворѣ — идетъ весна, идутъ свѣтлыя ночи, идутъ грозы, идетъ пѣніе и щебетаніе птицъ.

Но вдругъ онъ вспомнилъ, что вѣрно ужъ поздно и что пора идти домой. Можетъ быть, родственнику опять хуже, можетъ-быть онъ умираетъ...

И опять стало близкимъ и яркимъ лицо старика, его стоны, стала близкимъ и яркимъ сумрачность и мрачность квартиры, жуткая, напряженная тишина... „Какъ тяжело, когда близко опасно больной, когда близко смерть!“—думалъ онъ. Но вдругъ вспомнилъ, что онъ дома теперь не одинъ. Вспомнилъ, что около постели родственника сидитъ молодая и симпатичная ему дѣвушка... И вдругъ радостно стало у него на сердцѣ... И онъ быстрыми шагами пошелъ домой.

Когда онъ пришелъ домой, кругомъ было по прежнему тихо. Онъ прошелъ темную анфиладу комнатъ и вошелъ въ комнату родственника. Здѣсь было все по прежнему. По прежнему царилъ мягкій полумракъ, пахло лекарствами, бѣлѣла постель. Онъ тихими шагами подошелъ къ молодой дѣвушкѣ и, глядя на ея блѣдное въ полумракѣ лицо, спросилъ:

— Ну, что? Какъ онъ?

— Ему гораздо лучше, — проговорила она и, улыбнувшись радостной улыбкой, посмотрѣла на Григорьева.—Жару почти уже нѣтъ и онъ спитъ теперь ровнымъ и спокойнымъ сномъ...

Григорьевъ прислушался. Дыханіе родственника было тихое, ровное. Онъ посмотрѣлъ на молодую дѣвушку; ея лицо было какое-то особенно ясное, ласковое...

Онъ вдругъ почувствовалъ, что на душѣ у него сразу стало легче. Близкій призракъ смерти точно сразу исчезъ куда-то изъ дому. Онъ не любилъ родственника, но ему мучительно и жутко было думать, что онъ можетъ умереть, что онъ можетъ лежать неподвижнымъ, желтымъ въ гробу, среди трехъ мерцающихъ свѣ-

чей, среди запаха ладана, среди тоскливаго похороннаго пѣнія... Теперь не будетъ этого, теперь онъ уже навѣрно поправится и снова будетъ ходить, двигаться, разговаривать. И какая бы ни была ихъ жизнь, но она всегда будетъ лучше смерти... Онъ вдругъ вспомнилъ, что на дворѣ весна, ясное небо, миріады звѣздъ, и отчего-то вдругъ радостно стало у него на душѣ.

Въ этотъ вечеръ онъ поздно легъ спать. Онъ долго стоялъ у постели больного и тихо разговаривалъ съ молодой дѣвушкой. Въ этотъ вечеръ она была разговорчивѣе, чѣмъ обыкновенно. Онъ узналъ отъ нея, что она такая же сирота, какъ и онъ, и что, какъ и онъ, она живетъ у своей дальней родственницы. Узналъ онъ, что бѣдны онѣ и что жизнь ихъ мрачна и угрюма. Онъ слушалъ ее, смотрѣлъ на ея юное, красивое, но поблѣднѣвшее и утомленное лицо, представлялъ въ своемъ воображеніи ея жизнь— и жалость къ ней охватила его душу...

Незамѣтно въ тихой, шепчущейся бесѣдѣ протекла ночь и забрезжило утро... И вдругъ оба они разомъ почувствовали его... Посмотрѣли въ окно и улыбнулись другъ другу.

— Свѣтаетъ—тихо проговорила молодая дѣвушка.

— Да, уже свѣтаетъ—сказалъ онъ.

Потомъ поднялся со стула и, крѣпко пожавъ ея маленькую, теплую руку, пошелъ къ себѣ. Лежа въ постели, онъ долго думалъ о томъ, какъ было бы хорошо измѣнить ея жизнь, сдѣлать ее безбѣдной, счастливой и радостной, и какъ вообще было бы хорошо перемѣнить жизнь всѣхъ несчастныхъ и обездоленныхъ, сдѣлать ихъ счастливыми и радостными, чтобы у нихъ не было ни нужды, ни страданія, ни лишеній, ни тяжелыхъ переживаній. И чтобы вообще жизнь была прекрасная, легкая, радостная...

Онъ что-то плохо спалъ въ эту ночь, а на утро, какъ проснулся, то почувствовалъ вдругъ, что какое-то новое, сильное и глубокое чувство вошло къ нему въ душу...

IV.

Родственникъ постепенно выздоравливалъ. Сидѣлъ уже на постели, двигалъ худыми, прозрачными руками, тихо разговаривалъ съ Григорьевымъ. Но теперь Григорьева не радовало больше его выздоровленіе. Онъ зналъ, что какъ только онъ поднимется съ постели, молодая дѣвушка уйдетъ изъ дома, и снова станетъ кругомъ холодно, молчаливо, одиноко... За время болѣзни родственника онъ съ необыкновенною силой привязался къ ней.

Она явилась свѣтлымъ лучомъ для его одинокой, необласканной души...

— Какъ снова станетъ у насъ все угрюмо, мрачно, тоскливо, когда васъ не будетъ!

Она тоже грустно смотрѣла на него, и ему казалось, что ей тоже мучительно и тяжело...

За день до ея отъѣзда онъ сказалъ ей:

— Завтра васъ ужъ не будетъ здѣсь, я опять останусь вдвоемъ съ родственникомъ. Опять потянутся одинокіе дни, вечера, ночи...

Нѣсколько мгновеній она молчала, потомъ сказала ему:

— Но мы будемъ видѣться съ вами на улицахъ. Все свободное время я буду посвящать нашимъ встрѣчамъ. — Но тотчасъ же, грустно улыбнувшись, добавила: — Впрочемъ, его такъ мало у меня, этого свободнаго времени.

Онъ посмотрѣлъ на нее. Она стояла передъ нимъ грустная, тихая, поблѣднѣвшая... И вдругъ ему снова представилась ея жизнь, жизнь тяжелая, безпросвѣтная, полная лишеній и опасностей... Жизнь тоже необласканная, одинокая... И въ его сердцѣ, всегда тихомъ и мягкомъ, вдругъ шевельнулось злобное чувство на жизнь, на людей, на родственника. Зачѣмъ у другихъ есть все, а у нея ничего? И какъ-то странно вдругъ потемнѣло лицо его...

Въ это время въ комнату вошелъ, въ ночныхъ туфляхъ и въ халатѣ, родственникъ. Недовольными и подозрительными глазами посмотрѣлъ на нихъ, нахмурился что-то... Потомъ, не глядя на молодую дѣвушку, позвалъ ее за собой и, шаркая туфлями, вышелъ изъ комнаты. Григорьевъ нѣсколько мгновеній неподвижными глазами смотрѣлъ имъ вслѣдъ... И вдругъ родственникъ сталъ какъ-то болѣзненно тяжелъ ему, тяжелъ своимъ видомъ, своей походкой, своимъ голосомъ, своей холодной, черствой душой... Ему вдругъ точно почудилось, что старикъ становится между нимъ и его новымъ, нарождающимся чувствомъ... И точно затрепетало вдругъ что-то испуганно въ груди его и стало такъ тоскливо, что захотѣлось плакать.

На другой день молодая дѣвушка уѣзжала отъ родственника.

На дворѣ было сыро и грязно. Она уѣзжала на старомъ, тряскомъ извозчикѣ, тихая, поблѣднѣвшая, согнувшаяся, а родственникъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и, облокотившись на мягкую спинку кресла, сухимъ и спокойнымъ голосомъ диктовалъ Григорьеву письмо. Кругомъ было тихо, неподвижно. На дворѣ монотонно шумѣлъ дождь...

V.

Послѣ отъѣзда молодой дѣвушки жизнь Григорьева вошла въ свою прежнюю колею, колею тоски, замкнутости и одиночества. Только теперь все это стало для него еще тяжелѣе и еще тоскливѣе, чѣмъ прежде. Еще мрачнѣе казались молчаливыя комнаты; еще глуше тишина ночей; еще суровѣе и дальше душа родственника. Легче ему становилось лишь тогда, когда онъ встрѣчался съ молодой дѣвушкой. Но встрѣчались они рѣдко. Она почти цѣлые дни и ночи просиживала у больныхъ, и встрѣчи ихъ изъ-за этого были короткія и печальныя... Онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ—и временами ему казалось, что родственникъ замѣчаетъ его тоску и волненіе. Часто онъ хмурился и какими-то подозрительными и недовольными глазами смотрѣлъ на него. Однажды вдругъ спросилъ его:

— Отчего ты послѣднее время такой скучный? Ужъ не скучаешь ли по сидѣлкѣ, которая ходила за мной во время моей болѣзни?

Григорьевъ покраснѣлъ. Сначала ему хотѣлось сказать „нѣтъ", но потомъ вдругъ стало стыдно за себя и за молодую дѣвушку— и онъ, посмотрѣвъ прямо въ глаза родственнику, проговорилъ:

— Да, я скучаю по ней...

Родственникъ вдругъ измѣнился въ лицѣ и лежащая на столѣ его рука стала вздрагивать.

— Что же это ты такъ,—проговорилъ онъ, мелькомъ вскинувъ холодные глаза на Григорьева, — чѣмъ же это она тебя такъ привлекла?

— Такъ, — сказалъ Григорьевъ: — жизни наши схожи, и души—тоже...

Родственникъ на мгновенье остановилъ на немъ свой взоръ. Потомъ, чуть усмѣхнувшись однѣми сухими губами, спросилъ:

— Чѣмъ же это ваши жизни схожи?.. Я что-то не вижу этого...

— Мы оба одинокіе съ ней и несчастные, — проговорилъ Григорьевъ—вотъ мы и сошлись...

— А!—проговорилъ, поблѣднѣвъ, родственникъ:—я не зналъ, что у тебя несчастная жизнь... Ты никогда мнѣ что-то не говорилъ объ этомъ, и я думалъ все время, что твоя жизнь— счастливая... Странно, очень странно...

Онъ замолчалъ; рука его, лежавшая на столѣ, стала вздра-

гивать еще больше. Тихо стало кругомъ... Однообразно тикали большіе стѣнные часы, жужжала около лампы муха... Черезъ нѣсколько минутъ старикъ опять повторилъ:

— Странно, очень странно!—Потомъ, посмотрѣвъ на Григорьева хмурымъ, тяжелымъ взглядомъ, сказалъ:—Я думалъ, что ты будешь счастливъ, живя въ такой роскоши и въ такомъ довольствѣ, а ты недоволенъ еще... Почему же ты мнѣ раньше ничего не говорилъ объ этомъ?

— Потому что ты никогда не спрашивалъ у меня ни о моихъ мысляхъ, ни о моихъ переживаніяхъ,—проговорилъ Григорьевъ.

— Ну, что же, извини, что меньше догадливъ, чѣмъ та сидѣлка, что была здѣсь!—произнесъ родственникъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялся и вышелъ изъ комнаты. Скоро тяжелые шаги его смолкли въ глубинѣ квартиры. Тихо стало. Сердце Григорьева забилось тяжелыми ударами и стало трудно дышать. „Теперь наши отношенія съ нимъ станутъ совсѣмъ натянутыми“—подумалъ онъ. И вдругъ тяжелое раздраженіе охватило его душу. „Какое ему дѣло до меня?“—подумалъ онъ.—„Развѣ я могу не думать, какъ думаю, и не чувствовать, какъ чувствую? Развѣ я могу измѣнить свою душу и свои переживанія? Что же онъ хочетъ отъ меня?“

И когда онъ пришелъ къ себѣ въ комнату, то долго не могъ успокоиться. И чѣмъ больше думалъ онъ, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе росло въ его сердцѣ раздраженіе противъ родственника и тѣмъ все ближе и ближе становилась молодая дѣвушка... И опять онъ повторилъ:—„Что же онъ хочетъ отъ меня? Что же онъ хочетъ? Лжи, обмана...“ И тишина, царящая въ домѣ, и глядящая въ окно темная ночь, и тихо мерцающія въ далекомъ небѣ звѣзды—все это дѣлало мысли его и ощущенія еще болѣе яркими и еще болѣе выпуклыми. Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, онъ подошелъ къ окну и растворилъ его. Глубокій и темный дворъ былъ передъ глазами; черной массой выдавались въ углу сложенныя сажени дровъ, темнѣло неподвижное засохшее дерево у воротъ. Тихо и неподвижно было на дворѣ. Спали уже всѣ; только собака, лежащая въ будкѣ, тихо потряхивала желѣзной цѣпью... Онъ долго смотрѣлъ на темный дворъ, на темныя окна дома, на темныя крыши сосѣднихъ домовъ—и оттого, что все это было тихо, неподвижно, глухо, еще больше тоска стала охватывать его душу, и онъ тихо прошепталъ: „Какъ тяжело, какъ тяжело“! Смотрѣлъ еще долго, потомъ затворилъ окно и сталъ раздѣваться, и когда легъ, то царившая кругомъ

тишина стала еще отчетливѣе и еще неподвижнѣе... И вдругъ жутко сдѣлалось ему и почудилось, что вошелъ кто-то въ комнату невидимый, жуткій, давящій...

VI.

На другой день Григорьевъ всталъ рано. Тревожно и тяжело было у него на сердцѣ. Когда онъ вошелъ въ столовую, родственникъ, блѣдный и насупившійся, сидѣлъ уже тамъ. Нѣсколько минутъ они молчали. Было томительно и неловко. Потомъ старикъ проговорилъ глухимъ голосомъ, не глядя на него:

— Я сегодня ночью думалъ по поводу нашего вчерашняго разговора и въ концѣ концовъ пришелъ къ заключенію, что если тебѣ плохо живется у меня, то самое лучшее—можешь уйти... Я вѣдь насильно не держу тебя... Можешь идти на всѣ четыре стороны.

Сердце Григорьева забилось тяжелыми, порывистыми ударами.

„Значитъ, онъ выгоняетъ меня!"—подумалъ онъ. И вдругъ злоба охватила его: „Ну, что жъ, если такъ, то и уйду!"—подумалъ онъ.

Онъ посмотрѣлъ прямо въ лицо старику. Тотъ смотрѣлъ на него. Глаза ихъ встрѣтились.

— Хорошо,—проговорилъ Григорьевъ—я уйду...

— Уходи — сказалъ родственникъ, и голосъ его какъ-то странно задрожалъ — уходи. Иди на нужду, на голодъ и холодъ. Иди къ своей сидѣлкѣ: можетъ быть, она утѣшитъ тебя и дастъ денегъ. Я не угодилъ тебѣ, вытянувъ тебя изъ нищеты и давъ тебѣ спокойную и сытую жизнь—такъ, можетъ быть, она угодитъ тебѣ.—Онъ поднялся, злобнымъ и презрительнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Григорьева и вышелъ изъ комнаты. Нѣсколько мгновеній Григорьевъ неподвижно сидѣлъ на мѣстѣ, смотря ему вслѣдъ, потомъ всталъ и быстрыми шагами пошелъ къ себѣ.

Войдя въ комнату, онъ растерянными глазами осмотрѣлся кругомъ.

Здѣсь все было по прежнему: бѣлѣла его постель, лежали на столѣ его книги, темнѣли шкафъ и комодъ. Точно ничего не случилось, точно эта комната по прежнему принадлежала ему. Вдругъ онъ увидалъ на вѣшалкѣ свое пальто и шапку. Тогда онъ сразу вспомнилъ, что надо сейчасъ уходить. Онъ подошелъ къ вѣшалкѣ и снялъ шапку и пальто. Но пальто снова тотчасъ повѣсилъ. „Не надо, ничего не надо. Пришелъ къ нему безъ

ничего и уйду безъ ничего...“ Надѣлъ шапку и, оглядѣвшись еще разъ кругомъ, вышелъ изъ комнаты. Швейцаръ, какъ всегда, почтительно снялъ передъ нимъ фуражку, распахнулъ тяжелую стеклянную дверь. Онъ вышелъ на улицу. Вечерѣло. Птицы весело чирикали на вѣткахъ деревьевъ. Играла музыка гдѣ-то. Голубѣло надъ головой ясное небо, бѣлѣли медленно плывущія по небу облака.

Онъ шелъ быстро, толкая встрѣчныхъ прохожихъ, видя передъ собою близко-близко мужскія и женскія лица, слушая далекіе и въ то же время близкіе голоса, отрывки словъ... Кто-то толкнулъ его; улыбнулась ему ласковой улыбкой подрумяненная женщина въ большой черной шляпѣ. Ребенокъ какой-то, оборванный и грязный, пробѣжалъ у его ногъ; газетчикъ, что-то крича, махалъ передъ его глазами газетой... Онъ не замѣтилъ, какъ прошелъ много улицъ и очутился за городомъ. Здѣсь было тихо, свѣжо и ароматно. Вдали синѣлъ подернутый туманной дымкой лѣсъ, бѣлѣлъ куполъ церкви, пестрѣли разбросанные то тамъ, то здѣсь однообразные домики. Онъ остановился. Потомъ сошелъ съ дороги и легъ на траву подъ вѣтвистымъ зеленымъ кленомъ. Сбоку въ оврагѣ журчалъ ручей, стрекотали кузнечики въ травѣ... Онъ лежалъ долго. Лежалъ и думалъ о томъ, что теперь предстоитъ ему нищета, голодъ и лишенія. Вспомнилъ происшедшую нѣсколько часовъ тому назадъ сцену съ родственникомъ, вспомнилъ его поблѣднѣвшее, озлобленное лицо, его дрожащія бѣлыя губы... Онъ думалъ такъ, а кругомъ постепенно темнѣло. Сталъ темнымъ горизонтъ, лѣсъ, посѣрѣлъ бѣлый куполъ церкви, потемнѣли листья деревьевъ... Гдѣ-то за дорогой на хуторѣ заиграли на гармоникѣ, залаяли собаки...

Онъ поднялся съ травы и хотѣлъ идти въ городъ, но вдругъ вспомнилъ, что ему некуда идти... Молодая дѣвушка на дежурствѣ, друзей у него нѣтъ, нѣтъ и денегъ на гостинницу... Значитъ, нужно оставаться здѣсь, высмотрѣть гдѣ-нибудь удобное для ночлега мѣсто и расположиться тамъ спать. Онъ посмотрѣлъ на небо. Надъ головой было ясно, но съ запада медленно надвигалась черная тяжелая туча. „Будетъ гроза“—подумалъ онъ. Опять посмотрѣлъ на городъ, нерѣшительно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ... Потомъ остановился и, махнувъ рукой, прошепталъ: „А все равно... не пойду я къ людямъ. Пусть льетъ дождь, пусть мочитъ меня... Куда я пойду? Кому я нуженъ?“ Сошелъ съ дороги и пошелъ по направленію лѣса.

Когда онъ пришелъ въ лѣсъ, совсѣмъ стемнѣло уже кру-

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

139 Ф 531

гомъ. Туча надвинулась уже близко и небо чернымъ покровомъ нависло надъ лѣсомъ...

Темно, мрачно и тихо стало кругомъ. Изрѣдка вспыхивала молнія и жуткимъ, ослѣпительнымъ свѣтомъ освѣщала все кругомъ.

Нѣсколько мгновеній было тихо, потомъ глухо зарокоталъ громъ вдали, опять на нѣсколько минутъ воцарилась томительная, чего-то ждущая тишина. Но вотъ въ глубинѣ зашумѣлъ лѣсъ, пахнуло холоднымъ, сырымъ вѣтромъ въ лицо, затрепетали надъ головой вѣтки, зашуршали листья... Мягко заторохтѣло вдругъ что-то въ чащѣ. Ближе, ближе... Ярко вспыхнуло вдругъ небо, оглушительный, рѣзкій ударъ прорѣзалъ воздухъ. Хлынулъ дождь... Григорьевъ стоялъ подъ большимъ, развѣсистымъ дубомъ, прижавшись спиной къ толстому, корявому стволу. Сначала дождь не доставалъ его изъ-за развѣсистыхъ, мохнатыхъ вѣтокъ, но потомъ, когда намокли листья, крупныя капли стали падать на его голову и плечи. Скоро онъ промокъ весь и ему стало холодно. Тогда онъ посмотрѣлъ на небо. Оно по прежнему было черное и мрачное. Онъ оглядѣлся кругомъ. Шумѣли и гнулись верхушки высокихъ дубовъ, гнулся къ землѣ тонкій, мокрый орѣшникъ. „Какъ жутко!“ — подумалъ онъ: — „кругомъ такая буря, такой мракъ“. И вдругъ онъ вспомнилъ, что, можетъ быть, еще не разъ придется ему переживать такія ночи. Вѣдь много впереди еще времени, а что ждетъ его—неизвѣстно.

Долго еще бушевала гроза. Промокъ онъ весь, дрожалъ отъ холода и сырости. Наконецъ стало проясняться небо, звѣздочка выглянула изъ-за разорвавшихся тучъ... Выглянула другая... Молнія съ каждой минутой сверкала все дальше и дальше; громъ становился все глуше и глуше. Посвѣтлѣло небо, потомъ заблестѣли звѣзды. Вѣтеръ стихъ и деревья сдѣлались неподвижными. Прошло еще немного времени и стало свѣтать. Свѣжій, бодрящій вѣтеръ повѣялъ въ лицо, стряхнулъ съ деревьевъ на землю нѣсколько капель... Птичка какая-то запѣла въ чащѣ; гдѣ-то далеко, далеко залаяла собака. Жизнь начинала просыпаться... И теперь, глядя на прояснявшееся съ каждымъ мгновеніемъ, все свѣтлѣющее небо, на неподвижныя влажныя деревья, на высокую зеленую траву, вдыхая ароматъ утра, весны, слушая пѣніе птицъ и отдаленный лай—теперь казалось страннымъ и непонятнымъ, какъ нѣсколько минутъ тому назадъ могъ быть мракъ, какъ могла бушевать буря, грохотать громъ. Онъ вышелъ изъ-подъ дерева и пошелъ по мокрой, примятой во многихъ мѣстахъ травѣ. Онъ страшно усталъ, не спавши всю ночь,

и ему хотѣлось теперь найти хоть какое-нибудь убѣжище, гдѣ бы можно было хоть немного отдохнуть. Ему показалось, что между деревьями мелькнула какая-то постройка. Онъ пошелъ къ ней. Дѣйствительно, на небольшой полянкѣ была полуразрушенная изба безъ оконъ, безъ дверей, съ обвалившейся во многихъ мѣстахъ крышей.

Онъ вошелъ въ нее и оглядѣлся.

Полусгнившая солома лежала въ углу.

Онъ легъ на нее и, закрывая глаза, улыбнулся грустной улыбкой... Вспомнилась почему-то жившая во дворѣ у родственника цѣпная собака—у нея въ канурѣ тамъ тоже лежала такая же солома...

Усталый и измученный, онъ скоро заснулъ...

VII.

Новая жизнь началась для Григорьева. Жизнь, полная нищеты, лишеній и голода. Часто, проходя теперь мимо дома родственника, онъ смотрѣлъ на верхнее окно, и въ его воображеніи ярко представлялась небольшая, но уютная комната, представлялись другія большія комнаты, уставленныя дорогой мебелью и устланныя дорогими коврами. Представлялся потомъ кабинетъ родственника, самъ родственникъ, съ жесткимъ, холоднымъ лицомъ...

Онъ усмѣхнулся и думалъ: „Не понравилось, что сказалъ правду; хотѣлъ обмана, лести... А то, что я долгіе годы сидѣлъ около него, ходилъ за нимъ, помогалъ во всемъ — это забыто, это ничего. Не такъ сказалъ и—вонъ!“ Онъ хмурился и отходилъ отъ дома...

Иногда онъ хотѣлъ пойти къ кому-нибудь изъ знакомыхъ родственника и попросить ихъ дать ему какое-нибудь мѣсто, но потомъ раздумывалъ и не шелъ. Ему стыдно было идти, и кромѣ того, онъ зналъ, что они не помогутъ ему. Они не захотятъ возстановлять противъ себя родственника. Какое имъ дѣло до него? Пока онъ жилъ у старика, они были любезны съ нимъ и внимательны, а теперь, когда онъ ушелъ отъ него и остался на улицѣ, онъ безразличенъ имъ. Пусть онъ не ѣстъ цѣлый день, пусть не ѣстъ нѣсколько дней — какое имъ дѣло до него? Да и никому нѣтъ дѣла. Часто у него теперь животъ подводитъ отъ голода и голова кружится, и темнѣетъ въ глазахъ, а всѣ равнодушно проходятъ мимо него, занятые своими дѣлами

и своими интересами. Одна лишь молодая дѣвушка часто умоляетъ его взять отъ нея что-нибудь съѣстное или деньги... Но онъ говоритъ ей, что онъ сытъ и что деньги есть у него. Ему стыдно брать отъ нея что-нибудь. Развѣ она тоже не такая же нуждающаяся, какъ и онъ? Но однажды онъ не выдержалъ. Три дня подъ рядъ онъ ничего не ѣлъ. Отощалъ, голова кружилась. И когда она попросила его зайти съ ней въ ресторанъ, онъ зашелъ и ѣлъ вмѣстѣ съ ней жадно, какъ голодный волкъ. Когда она платила за обѣдъ, онъ молчалъ, чувствуя себя сытымъ и временно счастливымъ.

Потомъ они пошли по улицѣ. Весна была въ полномъ разгарѣ и все кругомъ — и высокіе дома, и бульвары, и сады, и небо, и ярко сіявшее солнце — все это говорило о радости, о счастьѣ, о жизни... А онъ смотрѣлъ вокругъ и все это вызывало въ немъ только еще бо̀льшую тоску и грусть... И вдругъ ему вспомнился недавній вечеръ, когда былъ боленъ родственникъ и онъ, гуляя по улицѣ, впервые почувствовалъ вѣяніе весны, жажду жизни... Вспомнилъ потомъ, какъ вернулся домой и какъ молодая дѣвушка ждала его. Вспомнилъ ночь, проведенную вмѣстѣ. О, какъ могла бы быть хороша жизнь, еслибы не было холода, голода, нужды!..

Часто теперь молодая дѣвушка, встрѣчаясь съ нимъ, съ тоской смотрѣла на его блѣдное, измученное лицо, на его поношенную, старую одежду. Шептала потомъ:

— Какъ это ужасно! Какъ это ужасно! —

Онъ молчалъ, потому что не зналъ, что̀ сказать ей, чѣмъ утѣшить ее. Смотрѣлъ куда-то вдаль и молчалъ. Потомъ, уходя отъ нея, чувствовалъ, что она смотритъ ему вслѣдъ и видитъ его стоптанныя, порванныя ботинки, его обитые на низахъ, просвѣчивающіе брюки. И онъ ёжился тогда и старался скорѣе затеряться въ толпѣ. Его толкали, часто ругали; однажды извозчикъ ударилъ его кнутомъ, но онъ мало теперь обращалъ на все это вниманія. Какая-то апатія большею частью царила въ его душѣ. Иногда только, при воспоминаніи о родственникѣ, эта апатія смѣнялась злобой: вотъ онъ живетъ теперь въ роскошной квартирѣ, пьетъ, ѣстъ дорогія блюда; по вечерамъ, развалившись у себя въ мягкомъ креслѣ, занимается въ кабинетѣ — а онъ, голодный, усталый, измученный, скитается безъ пріюта по улицамъ. И опять вспоминались умершіе въ бѣдности отецъ и мать. Почему же тотъ все имѣетъ? Развѣ заслужилъ онъ все это, онъ, черствый, жестокій, холодный эгоистъ? И жуткія, мучительныя мысли охватывали его душу. Что же будетъ дальше съ нимъ?

Неужели и дальше все время будетъ нищета, голодъ, страданія, униженія?.. И постепенно отъ этого мысли его становились все мрачнѣе, безотраднѣе, жестче... И точно холодъ сталъ охватывать его мозгъ и его душу. И не замѣчалъ онъ уже больше ни весны, ни солнца, ни яснаго голубого неба; не замѣчалъ ни ароматныхъ, лунныхъ ночей, ни яркихъ блестящихъ звѣздъ въ высокомъ небѣ. Постепенно стали исчезать изъ сердца мечты и грезы и на смѣну имъ стали приходить раздраженіе, злоба и отчаяніе...

И ко всему этому присоединилось вдругъ еще несчастіе. Заболѣла молодая дѣвушка. Узнавъ объ этомъ, онъ стиснулъ зубы и усмѣхнулся тяжелой усмѣшкой, и блѣдное и худое лицо его стало еще блѣднѣе и худѣе...

Онъ пришелъ въ первый разъ въ больницу навѣстить ее подъ вечеръ, когда кончился уже пріемъ. Онъ пришелъ усталый, запыленный, тяжело дышащій. Сторожъ, сидѣвшій у воротъ, подозрительными и недовольными глазами осмотрѣлъ его костюмъ и, строго взглянувъ на него, спросилъ:

— Вамъ что нужно?

— Мнѣ нужно въ больницу—проговорилъ Григорьевъ.

— Теперь никакого пріему уже нѣту—сказалъ сторожъ:—надо было раньше приходить.

— Я не зналъ, когда пріемъ—проговорилъ Григорьевъ.

— Это до насъ не касается—сказалъ сторожъ.

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, пустите меня!—проговорилъ умоляюще Григорьевъ:—я вамъ буду очень благодаренъ.

Сторожъ посмотрѣлъ на его костюмъ и, насмѣшливо хмыкнувъ, сказалъ:

— Мы благодарностей отъ такихъ не принимаемъ...

Въ это время къ воротамъ подъѣхала щегольская коляска и изъ нея вышелъ пожилой господинъ съ сѣдыми бакенами и упитаннымъ, полнымъ лицомъ. Сторожъ почтительно вскочилъ передъ нимъ со скамейки и приподнялъ фуражку. „Это, вѣрно, докторъ“—подумалъ Григорьевъ—„попрошу его; можетъ быть, онъ пойметъ мое волненіе и хоть ненадолго пуститъ въ больницу“.

Онъ поклонился ему и проговорилъ:

— Пожалуйста, я очень прошу васъ, пропустите меня хоть на нѣсколько минутъ къ больной. Это — близкій мнѣ человѣкъ.

Докторъ пріостановился и быстро скользнулъ по немъ присматривающимся взглядомъ.

— Нѣтъ, нельзя. Теперь не пріемные часы.

— Я знаю — проговорилъ Григорьевъ, — но я васъ прошу сдѣлать это въ видѣ исключенія, я васъ очень прошу...

— Не могу,—проговорилъ докторъ—мы исключеній не допускаемъ.

— Но войдите въ мое положеніе... Я страшно волнуюсь... Поймите, я чувствую, что она такъ близко отъ меня, всего въ нѣсколькихъ шагахъ, и я не могу ее увидѣть... Вѣдь это ужасно... Вѣдь она больна опасно, можетъ-быть она потеряетъ сознаніе до завтра...

— Все равно не могу.

— Да почему же? Ну, что вамъ стоитъ? Ну, пожалуйста! Ну, войдите хоть на нѣсколько мгновеній въ мою душу: вѣдь вы тоже человѣкъ, у васъ есть близкіе люди, представьте себя на моемъ мѣстѣ...

— Простите меня—сухо проговорилъ докторъ,—но у меня нѣтъ времени выслушивать ваши разсужденія о томъ, что̀ вы чувствуете, и о томъ, какъ я долженъ поступать.—

Онъ повернулся къ сторожу и спросилъ:

— Петра Ѳедоровича не было?

— Никакъ нѣтъ—проговорилъ тотъ.

— Ага!—проговорилъ докторъ и, стараясь не смотрѣть на Григорьева, быстро вошелъ во дворъ.

— Это ужасно!—прошепталъ Григорьевъ: — просишь, просишь, и никто не хочетъ на тебя обратить вниманія. Никто не хочетъ хоть на мгновенье понять того, что̀ ты чувствуешь.

И ему живо рисовалась тамъ, за стѣнами больницы, за высокими, уже освѣщенными окнами, молодая дѣвушка, блѣдная, похудѣвшая, одинокая, мечущаяся въ жару. Онъ нѣсколько минутъ стоялъ около воротъ, точно ожидая чего-то, потомъ пошелъ домой. Сначала улицы, по которымъ онъ шелъ, были шумны и оживлены, потомъ стали тихими и безлюдными. Онъ думалъ: „Хоть бы скорѣе прошла ночь и наступило утро". И вдругъ отчаяніе охватило его. Онъ сталъ думать о томъ, что за ночь молодой дѣвушкѣ можетъ стать гораздо хуже, что за ночь она можетъ умереть. Умретъ—и онъ не увидитъ ее передъ смертью, не услышитъ ея голоса, не узнаетъ ея послѣднихъ мыслей... „Что же дѣлать? Что же дѣлать?" — съ тоской подумалъ онъ. Вдругъ стройное хоровое пѣніе донеслось до него. Онъ оглядѣлся. На другой сторонѣ была церковь и тамъ еще шло служеніе. Въ окна были видны горѣвшія передъ иконами свѣчи, иконостасъ, алтарь. Онъ вспомнилъ вдругъ, какъ давно, когда былъ еще ребенкомъ, въ тяжелыя минуты молился Богу... Теперь

онъ уже давно не дѣлаетъ этого. Онъ не вѣритъ въ Бога, забылъ молитвы. Но теперь отъ царившаго въ сердцѣ волненія и отчаянія, и отъ того, что обиженъ былъ онъ и всѣ его оттолкнули—ему захотѣлось молиться. Молиться такъ, какъ молился онъ въ дѣтствѣ, когда кто-нибудь изъ близкихъ ему людей былъ въ опасности—молиться горячо, искренно и сильно...

Служеніе уже кончалось; въ церкви было мало народу. Кругомъ было просторно, темновато, молитвенно-тихо. Онъ сталъ въ углу около большой, озаренной блѣднымъ свѣтомъ нѣсколькихъ догорающихъ свѣчей, иконы Спасителя... Слушалъ пѣніе, смотрѣлъ на икону, вдыхалъ запахъ ладана, свѣчей, ощущалъ царившую кругомъ молитвенно-спокойную тишину—и какой-то тихій покой сталъ охватывать его душу. И онъ сталъ молиться, молиться горячо, искренно, глубоко. Молиться такъ, какъ молился онъ только давно, въ дѣтствѣ. И на нѣсколько минутъ ему показалось, что онъ не взрослый, безпріютный человѣкъ, съ тяжело сложившеюся жизнью, а ребенокъ съ ясной, беззаботной душой. Показалось, что вотъ Богъ, близкій здѣсь и доступный, слышитъ его, понимаетъ его, жалѣетъ его. Онъ молился, и не замѣтилъ, какъ опустѣла постепенно церковь, умолкло пѣніе, погасли свѣчи... Онъ весь ушелъ въ молитву и очнулся только тогда, когда услыхалъ около себя чей-то грубый голосъ:

— Пора, дядя, идти домой, служеніе кончилось...

Онъ такъ далекъ былъ нѣсколько минутъ отъ жизни и людей, что теперь сразу не могъ разобрать, гдѣ онъ и что говорятъ ему. Недоумѣвающими, какими-то растерянными глазами, смотрѣлъ онъ на стоящаго передъ собой церковнаго служителя.

Тогда тотъ сказалъ:

— Что, дядя, надрызгался немного?

Тогда Григорьевъ понялъ, чего хотятъ отъ него, понялъ, что служитель принимаетъ его за пьянаго...

— Я Богу молился—глухимъ голосомъ проговорилъ онъ, и лицо его потемнѣло.

— Ничего, дядя, другой разъ придешь, помолишься... А теперь иди домой, выспись немного...

Григорьевъ пошелъ къ выходу. И какъ далекъ сразу сталъ отъ него Богъ, молитва, радость и тишина, царившая въ душѣ!

Онъ вышелъ на улицу и сталъ спускаться съ лѣстницы. Позади сторожъ запиралъ двери церкви...

VIII.

На другой день, рано утромъ, Григорьевъ пошелъ въ больницу.

Подходя къ больничнымъ воротамъ, онъ съ волненьемъ взглянулъ на сидящаго на скамейкѣ сторожа. Сторожъ былъ другой, незнакомый и равнодушный. Но когда онъ входилъ въ ворота, сторожъ вдругъ почему-то спросилъ у него:

— Эй, вамъ куда?—

Григорьевъ поблѣднѣлъ.

— Мнѣ къ больной нужно — проговорилъ онъ.

Сторожъ ничего не сказалъ и, отвернувшись отъ него, сталъ по прежнему равнодушно смотрѣть на улицу.

„Ну, слава Богу, хоть сегодня пустили!“ — подумалъ Григорьевъ.

Онъ прошелъ дворъ и поднялся по ступенькамъ главнаго больничнаго зданія. Отворилъ тяжелую темную дверь и вошелъ въ длинный, просторный коридоръ. Оглядѣлся кругомъ, не зная куда идти. Безпомощными глазами смотрѣлъ передъ собой. Замѣтилъ вдругъ около какихъ-то дверей двухъ женщинъ въ бѣлыхъ халатахъ. Подошелъ къ нимъ и спросилъ, глядя то на одну, то на другую, какъ пройти ему въ женскую палату. Обѣ онѣ перестали разговаривать и посмотрѣли на него. Потомъ одна изъ нихъ, высокая и худая, спросила у него, въ какую палату и кого ему нужно. Когда онъ назвалъ фамилію молодой дѣвушки и сказалъ, что ее только два дня тому назадъ привезли, она сказала, чтобы онъ шелъ за ней, и пошла впередъ. Придя въ большую и просторную палату, она повела его между кроватями. Григорьевъ смотрѣлъ на ряды бѣлыхъ кроватей, на лежащихъ на нихъ прозрачно-блѣдныхъ женщинъ, на ихъ исхудавшія, безпомощно лежавшія поверхъ одѣяла руки—и жуткое чувство стало охватывать его душу. Ему стало казаться, что лежавшія на кроватяхъ женщины—не люди, когда-то двигавшіеся, разговаривавшіе, смѣявшіеся, а какія-то невѣдомыя, жуткія, могущія только неподвижно лежать существа...

И ему показалось, что еслибы вдругъ сейчасъ онѣ поднялись съ постелей и пошли, то невыразимый страхъ охватилъ бы его. Онъ смотрѣлъ вокругъ себя и думалъ: „Неужели и она тоже лежитъ такая же, какъ и онѣ—неподвижная, блѣдная, бѣлая... И я сейчасъ увижу ее?..“

— Вотъ!—проговорила сидѣлка, останавливаясь у одной изъ кроватей.

Григорьевъ посмотрѣлъ на лежащую на ней женщину. Онъ съ трудомъ узналъ въ ней, неподвижной и измученной, любимую молодую дѣвушку...

— Маруся,—тихо проговорилъ онъ, останавливаясь и нагибаясь къ молодой дѣвушкѣ,—что съ тобой?

Она не улыбнулась ему, какъ всегда, ободряющей улыбкой, не шевельнулась, не протянула ему руки...

Чуть слышно только прошептала:

— Больна...

Онъ смотрѣлъ на нее и не зналъ, что̀ сказать. Стоялъ и молчалъ, и ему казалось, точно чужой человѣкъ лежитъ передъ нимъ. Застоналъ вдругъ кто-то въ концѣ палаты... Заплакала какая-то больная... Прошло минуты двѣ. Молодая дѣвушка тихо зашевелила губами. Онъ нагнулся къ ея лицу, прислушался.

— Воды хочу...

Тогда онъ подозвалъ сидѣлку. Та дала молодой дѣвушкѣ воды, поправила подушку, нѣсколько секундъ какимъ-то присматривающимся взглядомъ смотрѣла на ея лицо. Вздохнула потомъ и тихо сказала Григорьеву:

— Вы бы лучше не утомляли ее: она все равно плохо сознаетъ, что̀ дѣлается вокругъ нея.

Онъ растерянными глазами посмотрѣлъ на молодую дѣвушку.

Она мутнымъ, лихорадочнымъ взоромъ смотрѣла на него. Ему вдругъ показалось, что взглядъ ея дѣлается тусклымъ и безсмысленнымъ... Тогда онъ испуганно спросилъ у сидѣлки:

— Что̀ съ ней?

Сидѣлка посмотрѣла въ глаза молодой дѣвушки. Потомъ сказала:

— Она въ забытьи...

Григорьевъ еще нѣсколько мгновеній испуганно смотрѣлъ въ лицо молодой дѣвушки, потомъ тихонько отошелъ отъ нея и пошелъ къ выходу. Опять замелькали передъ нимъ бѣлыя постели, блѣдныя лица, неподвижныя фигуры. Одно лицо вдругъ поразило его. Поразило своей неподвижностью, окаменѣлостью, застывшимъ взглядомъ...

Онъ остановился и нѣсколько мгновеній смотрѣлъ широко открытыми глазами въ неподвижное, землисто-желтое лицо, потомъ вдругъ крикнулъ:

— Мертвецъ!..

Къ нему быстро подошла сидѣлка...

— Чего вы кричите? — спросила она, встревоженными и въ то же время недовольными глазами смотря на него.

— Мертвецъ... Вотъ... — проговорилъ онъ, вытягивая руку и показывая на застывшее, окаменѣлое лицо.

Сидѣлка нагнулась къ кровати, потомъ, слегка измѣнившись въ лицѣ, вышла изъ палаты. Въ коридорѣ онъ слышалъ, какъ сидѣлка говорила встрѣтившемуся доктору, что въ палатѣ умерла больная. Онъ быстрыми шагами, почти бѣгомъ, прошелъ коридоръ, переднюю, и вышелъ во дворъ. Здѣсь было тихо, просторно, ясно. Пестрѣли цвѣты въ клумбахъ, стояла чья-то карета у крыльца; громко разговаривая, стояли у воротъ двѣ молоденькія, свѣжія дѣвушки... Онъ вышелъ за ворота и пошелъ по улицѣ. Былъ уже полдень и улицы были шумны, оживлены и многолюдны. Шло много нарядно одѣтыхъ мужчинъ, женщинъ, пестрѣли большія дамскія шляпы, бѣлѣли костюмы, катились по мостовой экипажи съ сытыми, величественными кучерами на козлахъ, звенѣлъ трамвай, гудѣлъ автомобиль... Пахло духами, цвѣтами, влагой недавно политыхъ улицъ...

Онъ смотрѣлъ вокругъ себя и ему казалось, что все то, что видитъ онъ, не дѣйствительность, а сонъ. Дѣйствительность была только-что, страшная, ужасная дѣйствительность, а это—свѣтлый и прекрасный сонъ. Но потомъ, когда онъ прошелъ немного, ему, наоборотъ, стало казаться, что это—дѣйствительная, настоящая жизнь; а то, что онъ видѣлъ нѣсколько минутъ тому назадъ—былъ жуткій, кошмарный, страшный сонъ. Теперь онъ проснулся и видѣлъ настоящую жизнь. Какъ шумно, радостно, свѣтло кругомъ! Вотъ молоденькая, стройная дѣвушка прошла мимо него, обдавъ его ароматомъ весны; вотъ засмѣялся кто-то около него звонкимъ, радостнымъ смѣхомъ; вотъ пробѣжалъ ребенокъ съ шелковистыми, длинными кудрями, съ довѣрчивымъ свѣтлымъ взглядомъ большихъ голубыхъ глазъ; вотъ прошла кормилица съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ и молодая женщина-мать съ счастливымъ, благодарнымъ взглядомъ...

Конечно, то былъ сонъ, тяжелый, мрачный сонъ. Развѣ могло бы быть все такъ радостно, ясно кругомъ, еслибы то не былъ сонъ? Развѣ могла бы улыбаться счастливой улыбкой прошедшая мимо него стройная, юная дѣвушка? Развѣ могъ бы кто-нибудь смѣяться беззаботнымъ, звонкимъ смѣхомъ? Развѣ могли бы такъ довѣрчиво смотрѣть голубые, ясные глаза пробѣжавшаго только-что ребенка? Развѣ могла бы быть такая свѣтлая радость и благодарность во взорѣ прошедшей только-что женщины-ма-

тери? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ничего этого не было бы тогда. Былъ бы ужасъ тогда на ихъ лицахъ, страхъ и отчаяніе. Но вдругъ онъ вспомнилъ молодую дѣвушку. Вспомнилъ ея такое близкое и въ то же время такое далекое страдальческое лицо. Вспомнилъ ея тихій, чуть слышный шопотъ... И жуткое чувство охватило его, и точно потускнѣло все передъ его глазами. И жалкой, и непонятной стала веселость, царившая кругомъ, молодой смѣхъ, оживленіе, довѣрчивые, радостные взгляды...

Жалкими стали идущіе люди, молодые и старые, красивые и безобразные. Жалкими стали счастье, любовь, материнство, наслажденіе... Какъ могло все это быть, когда здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ—страданіе, смерть, разложеніе?.. Ему вдругъ почудилось, что все сошло съ ума вокругъ него. Потомъ почудилось, что онъ самъ сошелъ съ ума...

Придя домой, онъ легъ на постель и лежалъ долго безъ мыслей, безъ движенія. Передъ глазами проносились лежащія на постеляхъ бѣлыя, неподвижныя фигуры, съ блѣдными, прозрачными лицами, окаменѣвшее лицо умершей, лицо сидѣлки, лица дѣтей, шедшихъ по улицѣ, стройныя фигуры женщинъ и дѣвушекъ, бѣлыя, весеннія платья, улыбки, радостные взоры. И было все это странно-смѣшанно и непонятно. Потомъ мысли его стали постепенно проясняться. И то, что было туманно и смутно, стало яснымъ и отчетливымъ; то, что казалось далекимъ, стало близкимъ и понятнымъ.

Стало близкимъ и понятнымъ, что любимая имъ дѣвушка опасно больна; что, можетъ, пройдетъ немного времени и умретъ она — и тогда онъ станетъ ужъ совсѣмъ никому ненужнымъ и никому невѣдомымъ человѣкомъ. Онъ приподнялся на постели и посмотрѣлъ въ окно. Сѣрая стѣна была передъ глазами, а за этой стѣной идетъ жизнь, двигаются люди, думаютъ, разговариваютъ, смѣются, наслаждаются... И много ихъ—тысячи, десятки тысячъ, милліоны... А онъ одинъ здѣсь лежитъ за стѣной, одинъ со своими мыслями и со своими переживаніями. И никому нѣтъ до него никакого дѣла, такъ же точно, какъ нѣтъ дѣла до того, что въ холодной и мрачной больницѣ умираетъ любимая имъ юная дѣвушка; такъ же точно, какъ и до того, что отецъ и мать его были бѣдняки, и до того, что родственникъ прогналъ его за то, что онъ не хотѣлъ лгать ему. И ихъ жестокость и безразличіе казались ему теперь страшными и непонятными. Но онъ вдругъ вспоминалъ себя, когда былъ ребенкомъ или когда жилъ у родственника. Вѣдь тогда тоже все это, всѣ его теперешнія мысли и переживанія были ему такъ же, какъ теперь дру-

гимъ, чужды и далеки. Тогда все казалось ему другимъ: и люди, и жизнь, и чувства, и волненія. Тогда не вѣрилось, что можно умереть съ голоду, что можно дрожать цѣлыми недѣлями въ нетопленной комнатѣ, что можно спать на морозѣ подъ открытымъ небомъ. И потому, что не вѣрилось въ это, и потому, что было скрыто это отъ него, мысли его были легче, нѣжнѣе, наивнѣе. Мысли обо всемъ — о людяхъ, о жизни, о любви, о смерти. Но теперь, когда жизнь его стала другой, далекой отъ жизни остальныхъ людей, спокойныхъ, сытыхъ, такъ похожихъ другъ на друга, и мысли его, и чувства, и переживанія тоже стали другими, понятными только ему одному и далекими отъ мыслей, переживаній и чувствъ другихъ людей. Точно пропасть легла между нимъ и ими. И чѣмъ больше отдалялся онъ отъ ихъ жизни, отъ ихъ чувствъ и ихъ переживаній, чѣмъ меньше видѣлъ вокругъ себя жалости и состраданія, тѣмъ глубже и страшнѣе становилась эта пропасть, тѣмъ злѣе и жестче становились его мысли... И теперь прежняя непріязнь его къ родственнику, помимо его воли, стала постепенно переходить въ ненависть...

Ему казалось, что старикъ, благодаря своей черствости и эгоизму, причинилъ ему главное зло. Ему казалось, что еслибы тотъ былъ другимъ, еслибы хоть немного иначе отнесся къ нему и къ молодой дѣвушкѣ, то тогда жизнь его теперь могла бы быть другою. Зачѣмъ такое жестокое и такое грубое посягательство на его мысли и его переживанія? И передъ его глазами опять вставала роскошная квартира старика, почтительныя лица лакеевъ, дорогая мебель, бронза, хрусталь... И представлялся онъ самъ, съ холоднымъ, жесткимъ лицомъ, сидящій у себя въ кабинетѣ въ мягкомъ креслѣ, представлялся мягкій матовый свѣтъ комнаты... Онъ вдругъ вздрагивалъ: „Можетъ быть, онъ думаетъ обо мнѣ, злорадствуетъ?..“ И злоба, и ненависть съ новой силой вспыхивали въ его сердцѣ...

Когда наступила ночь и за окномъ и въ комнатѣ стало совершенно темно, тревога за молодую дѣвушку и тоска еще сильнѣе охватили его душу. Въ безмолвіи ночи ему точно слышались ея тихіе стоны, ея тихій, ослабѣвшій голосъ. Потомъ чудились ему неподвижно лежащія бѣлыя фигуры больныхъ, чудилось прозрачное, окаменѣвшее лицо мертвеца...

„Можетъ быть,—думалъ онъ—и теперь тамъ умеръ кто-нибудь и лежитъ такъ въ ночи, никѣмъ не замѣчаемый, похолодѣвшій и неподвижный... И никто не знаетъ, что онъ мертвъ“...

Ему вдругъ стало жутко. „Кто знаетъ, подумалъ онъ:—мо-

жетъ быть, и гдѣ-нибудь близко отъ меня лежитъ мертвецъ, холодный, застывшій“...

Темно, неподвижно кругомъ. Толстая стѣна передъ глазами, а что̀ тамъ—ничего неизвѣстно... Жутко, жутко... Онъ не спалъ всю ночь до самаго разсвѣта, томимый тяжелыми мыслями и предчувствіями...

IX.

Черезъ три недѣли молодая дѣвушка вышла изъ больницы. Вышла слабая, измученная, еле держащаяся на ногахъ. Григорьевъ смотрѣлъ на другихъ дѣвушекъ, молодыхъ, цвѣтущихъ, красивыхъ, сытыхъ и беззаботныхъ, и думалъ: „Зачѣмъ имъ дано все, а ей ничего?“ Вспоминалъ ея жизнь, тяжелую, подневольную, полную труда и лишеній, и опять въ тысячный разъ думалъ о несправедливости жизни, о своей безпомощности и о людскомъ холодѣ и равнодушіи...

И страннымъ теперь казалось ему, какъ могъ онъ раньше быть близкимъ людямъ, думать, какъ они, не имѣть злыхъ мыслей и преступныхъ желаній... Какъ могъ никогда не задумываться надъ тѣмъ, что̀ было близко ему теперь, что̀ такъ ярко переживалъ онъ и переживаютъ, быть можетъ, многіе, выброшенные за бортъ человѣческой жизни люди... И странно было вспоминать теперь свое дѣтство, свои раннія грезы, свои нѣжныя волненія души. Неужели онѣ были у него? Неужели онъ былъ ребенкомъ, ласкался къ матери, слушалъ ея сказки о прекрасныхъ принцессахъ и добрыхъ феяхъ? Вѣрилъ въ возможность этого? Неужели?.. Неужели?.. Онъ смотрѣлъ на себя въ маленькое, засиженное мухами, зеркальце и улыбался горькой улыбкой. Вотъ онъ теперешній, вотъ жесткій взоръ его большихъ впалыхъ глазъ, вотъ темное, нахмуренное, некрасиво обросшее бородой лицо, вотъ двѣ глубокія морщины на лбу... А гдѣ же тотъ прежній, съ мягкимъ довѣрчивымъ взглядомъ голубыхъ глазъ, съ ясной улыбкой на губахъ, съ чистымъ, гладкимъ лбомъ? Его нѣтъ. Нѣтъ, какъ прежней его жизни, какъ прежней близости къ людямъ, какъ прежнихъ его тихихъ и ласковыхъ мыслей... И часто ему дѣлалось страшно отъ сознанія этого. Страшно, что умираетъ его прежняя душа, довѣрчивая, мягкая и добрая, и что на ея мѣсто нарождается другая, жесткая, злая, готовая на все...

И чѣмъ больше худѣла и блѣднѣла молодая дѣвушка, чѣмъ тяжелѣе становилось ей и чѣмъ больше веселья, радости и

солнца видѣлъ онъ вокругъ себя—тѣмъ мрачнѣе становилась душа его и жестче и злѣе мысли... И однажды въ праздникъ, когда на бульварѣ громко и бодро играла музыка и когда мимо нихъ проносились коляски, кареты, автомобили съ нарядными, здоровыми мужчинами, женщинами и дѣвушками, онъ сказалъ молодой дѣвушкѣ:

— Проклятіе имъ всѣмъ, здоровымъ и сытымъ, не понимающимъ насъ и не знающимъ нашей жизни...

Она посмотрѣла на него грустными глазами и тихо сказала:

— Да, еслибы у насъ хоть чуточку было этого, какъ бы хорошо было тогда! Тогда я поѣхала бы куда-нибудь, гдѣ тепло, тепло, гдѣ воздухъ такой свѣжій, чистый. Ничего не дѣлала бы, отдыхала бы послѣ болѣзни...

Онъ смотрѣлъ на нее тяжелымъ, нахмуреннымъ взглядомъ. Молчалъ. Играла музыка, журчалъ на площадкѣ фонтанъ; мягко шурша по торцовой мостовой, катились экипажи. Пестрѣли дамскія шляпы, зонтики, платья. Вдругъ онъ посмотрѣлъ вокругъ себя и глухимъ, задумчивымъ голосомъ проговорилъ:

— А сколько здѣсь кругомъ насъ денегъ, роскоши, наслажденія!.. Такъ близко и въ то же время такъ далеко...

Потомъ замолчалъ. Молчала и молодая дѣвушка. Мимо нихъ по аллеѣ проходила, смѣясь, весело разговаривая, нарядная, празднично настроенная публика. Слышались шутки, смѣхъ. Кое кто какими-то слегка удивленными и подозрительными глазами смотрѣлъ то на Григорьева, на его поношенный костюмъ, на его нахмуренное, сосредоточенное, небритое, загорѣлое лицо... Какіе-то нарядно одѣтые, пахнущіе духами, молодые мужчина и женщина хотѣли сѣсть рядомъ съ нимъ на скамейку, но, посмотрѣвъ на его костюмъ и на его лицо, что-то тихо сказали другъ другу и пошли дальше...

Какой-то военный, съ волочащейся по землѣ металлической саблей, тоже слегка удивленнымъ и строгимъ взглядомъ посмотрѣлъ на него. Какая-то маленькая кудлатенькая собачка, съ голубымъ бантикомъ на шеѣ, подбѣжала къ нему и, обнюхавъ его старые, запыленные сапоги, подняла мордочку и, глядя ему въ лицо, стала ворчать на него. Высокая, стройная дама, въ большой свѣтлой шляпѣ, съ взбитой прической, поддерживая платье, остановилась на аллеѣ и, съ какой-то брезгливостью глядя на него, стала торопливо звать къ себѣ собачку. Онъ не замѣчалъ ничего этого. Онъ весь былъ поглощенъ въ свои мысли. Вдругъ чей-то голосъ грубо окликнулъ его. Передъ нимъ стоялъ рыжій, съ изрытымъ оспой, скуластымъ лицомъ, бульварный сторожъ.

— Куда ты залѣзъ? — проговорилъ онъ густымъ, грубымъ голосомъ.—Не знаешь развѣ, что сюда чистая публика только допускается? Маршъ отсюда!

Молодая дѣвушка, поблѣднѣвъ, испуганными глазами смотрѣла на сторожа. Кое-кто изъ проходящихъ остановился около скамейки и съ любопытствомъ сталъ смотрѣть на нихъ.

— Я гулять сюда пришелъ — глухимъ голосомъ проговорилъ Григорьевъ: — я такой же, какъ и всѣ, и тоже хочу отдохнуть...

— Я сказалъ уже, что сюда пускаютъ только чистую публику, а для такихъ, какъ ты, другія мѣста есть. Ну, пошелъ...

Онъ сдѣлалъ шагъ къ скамейкѣ.

— Пойдемъ, пойдемъ!—испуганно проговорила молодая дѣвушка, схватывая Григорьева за руку.

— Я тоже отдохнуть хочу!—снова глухимъ голосомъ проговорилъ Григорьевъ, неподвижно сидя на скамейкѣ.

Тогда сторожъ вынулъ изъ кармана висѣвшій на шнуркѣ свистокъ и, обернувшись къ воротамъ бульвара, пронзительно свистнулъ. Въ саду произошло движеніе. Гуляющая по аллеямъ публика устремилась на свистокъ. Кое-кто бѣжалъ, придерживая рукой шляпы и перепрыгивая черезъ клумбы и скамейки. Не прошло и минуты, какъ около Григорьева и молодой дѣвушки собралась толпа. Задніе становились на цыпочки, придерживаясь руками за плечи переднихъ, задирали головы, заглядывали съ боковъ. Слышался любопытствующе-оживленный шопотъ: „Что такое? Что случилось? Поймали кого? Выводятъ?“

— Пойдемъ отсюда, ради Бога, пойдемъ!—испуганно шептала молодая дѣвушка.

Григорьевъ, поблѣднѣвшій, съ побѣлѣвшими губами, неподвижно сидѣлъ на скамьѣ. Онъ зналъ, что сейчасъ сбѣгутся сторожа, со злыми, раздраженными лицами, грубо схватятъ его и поволокутъ изъ сада. Можетъ быть, даже побьютъ его. Все возможно въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится теперь... Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя. Много лицъ было кругомъ него, молодыхъ и старыхъ, красивыхъ и безобразныхъ, мужскихъ и женскихъ...

И на всѣхъ этихъ лицахъ было одно выраженіе—выраженіе любопытства и непріязни къ нему... Онъ вспомнилъ вдругъ, какъ давно когда-то, когда онъ самъ былъ еще сытымъ и хорошо одѣтымъ человѣкомъ, онъ, проходя по улицѣ, наткнулся на суету: городовой тащилъ въ участокъ какого-то пьянаго, оборван-

наго бродягу... И тогда онъ тоже, какъ вотъ теперь эти столпившіеся кругомъ него люди, съ холоднымъ любопытствомъ и непріязнью во взорѣ смотрѣлъ на грязнаго, пьянаго, чуждаго и далекаго ему человѣка... Потомъ долго гулялъ по улицамъ среди праздничной и нарядной толпы... „А вотъ теперь меня самого потащатъ сейчасъ!"—промелькнуло у него въ головѣ. Онъ стиснулъ зубы и, глядя прямо передъ собой, ждалъ прихода сторожей.

И они пришли. Пришли грубые, злобно смотрящіе на него. Схватили его и, толкая, потащили къ выходу. Молодая дѣвушка, плача и защищая его, шла около; немного поодаль шла толпа... Многіе забѣгали впередъ, заглядывали въ его лицо... Другіе съ дальнихъ аллей догоняли толпу и съ острымъ любопытствомъ въ глазахъ торопливо распрашивали у шедшихъ, что̀ случилось, кого поймали, за что выводятъ... Имъ объясняли, жестикулируя руками, поправляя сбившіяся на голову отъ быстрой ходьбы шляпы, натыкаясь на шедшихъ впереди и съ боковъ...

Григорьевъ смотрѣлъ на идущую за нимъ плачущую и безсильную молодую дѣвушку, на лица, окружавшія его, лица мужчинъ и женщинъ, чувствовалъ боль отъ толчковъ сторожей, чувствовалъ несправедливость поступка—и въ груди его закипали бѣшеная злоба и ненависть.

„О,—думалъ онъ,—еслибы у меня было сейчасъ оружіе, съ какимъ наслажденіемъ я перебилъ бы всѣхъ васъ!" И ему казалось, что ведутъ его сторожа и идетъ за нимъ толпа,—не люди, такіе, какимъ онъ былъ самъ когда-то, а безжалостные звѣри, готовые на все преступники, убійцы...

И когда его вывели за ворота бульвара и, толкнувъ послѣдній разъ въ спину, выпустили изъ рукъ, — онъ, весь блѣдный, съ трясущейся челюстью, оглянулся назадъ и, смотря полнымъ ненависти взоромъ на оставшихся за рѣшеткой людей, погрозилъ имъ кулакомъ... Ему казалось, что онъ сейчасъ упадетъ на мостовую отъ охватившей его душу ненависти и отчаянія. Онъ шатался, передъ глазами шли красные круги... И вдругъ онъ услыхалъ позади себя въ нѣсколькихъ шагахъ громкій, веселый хохотъ. Онъ оглянулся. У воротъ бульвара стояли извозчики и, глядя на него, хохотали громкимъ, добродушнымъ, веселымъ хохотомъ...

— Что, не дали погулять, дядя? — проговорилъ одинъ изъ нихъ, рослый парень, съ симпатичнымъ, открытымъ лицомъ.

— Не серчай, а то еще дадутъ по загривку!—сказалъ другой, ухмыляясь широкой улыбкой.

Григорьевъ нѣсколько мгновеній неподвижными глазами смотрѣлъ на нихъ, потомъ повернулся и быстро пошелъ по мостовой.

Позади него громко смѣялись и что-то кричали ему вслѣдъ. Онъ шелъ, стиснувъ зубы, злобный, блѣдный. Молодая дѣвушка перестала уже плакать и шла теперь около него, подавленная и тихая...

Потомъ, когда они прошли немного, она сказала ему:

— Какъ это все ужасно, какъ ужасно, и за что, за что?

Потомъ посмотрѣла на него, на его лицо, на его платье, на его сапоги и, покачавъ головой, тихо проговорила:

— Боже мой! Что съ тобой стало? Какой ты раньше былъ красивый, здоровый, гордый...

Глаза ея покраснѣли. Потомъ она продолжала:

— Развѣ раньше кто-нибудь осмѣлился бы тебя такъ оскорбить? Развѣ раньше могли бы такъ кричать на тебя, толкать тебя, выводить изъ сада?—Она схватила его за руку.

— О, какіе мы несчастные съ тобой!.. Посмотри, кругомъ бьетъ жизнь, играетъ музыка, такъ ярко свѣтитъ солнце, а мы съ тобой идемъ оскорбленные, полуголодные, жалкіе...

Она тихо заплакала.

— Перестань плакать!—проговорилъ онъ, не глядя на нее:—ни къ чему это...

— Я не могу больше, не могу...—прошептала она.—Лучше смерть, чѣмъ такая жизнь... И никто, никто не хочетъ намъ помочь, никто не хочетъ понять насъ... Всѣ медленно убиваютъ насъ. Всѣ—убійцы наши...

Онъ посмотрѣлъ на нее. Она стояла передъ нимъ блѣдная, худая, некрасивая... „А сколько раньше въ ней было свѣжести, красоты!“—подумалъ онъ.—„Теперь все прошло, ничего нѣтъ этого“. И онъ подумалъ: „Да, всѣ убійцы наши, никто не хочетъ помочь намъ“. И вдругъ онъ странно поблѣднѣлъ и тихо прошепталъ:

— Смотри...

По направленію къ нимъ ѣхала коляска, запряженная парою красивыхъ темныхъ лошадей. На козлахъ сидѣлъ толстый кучеръ, съ большой рыжей бородой и большими блестящими пуговицами на армякѣ.

— Это родственникъ ѣдетъ!—проговорилъ глухимъ голосомъ Григорьевъ.

Молодая дѣвушка поблѣднѣла и въ ея глазахъ, всегда тихихъ и добрыхъ, блеснула злоба... Коляска быстро приближа-

лась и нѣсколько мгновеній спустя поровнялась съ ними. Родственникъ сидѣлъ, откинувшись на спинку, съ надменнымъ выраженіемъ лица, плотно сжавъ тонкія, блѣдныя губы.

Коляска быстро промчалась мимо нихъ и, свернувъ за уголъ, скрылась изъ виду.

Нѣсколько секундъ они молчали. Потомъ Григорьевъ, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Роскошествуетъ, не то что мы...

Молодая дѣвушка молчала, опустивъ внизъ голову, и лицо ея было нахмурено и сосредоточено. Григорьевъ нѣсколько мгновеній какимъ-то тяжелымъ взглядомъ исподлобья смотрѣлъ вслѣдъ скрывшейся за угломъ коляскѣ. Потомъ вдругъ тихо, глухимъ голосомъ сказалъ:

— Эхъ, убить бы его слѣдовало... Ограбить и убить...

Сказалъ и медленно перевелъ свои глаза на молодую дѣвушку. Внимательно осмотрѣлъ ея лицо. Оно по прежнему было блѣдное, нахмуренное, сосредоточенное. Тогда онъ снова тихо проговорилъ, внимательно всматриваясь въ ея лицо:

— Убить бы, говорю, и ограбить его слѣдовало...

Она молчала. Тогда онъ тихо спросилъ ее:

— Ты слышишь, что̀ я говорю?

— Слышу—отвѣчала она.

Тогда онъ, точно испугавшись чего-то, быстро проговорилъ:

— Ну, пойдемъ ужъ куда-нибудь... Что мы стоимъ здѣсь безъ толку!..

И онъ быстро зашагалъ по тротуару. Молодая дѣвушка пошла за нимъ. Они нѣкоторое время шли молча. Шли по знакомымъ и незнакомымъ улицамъ, по площадямъ, переулкамъ. Наконецъ онъ остановился, снялъ съ головы фуражку и, вытеревъ рукавомъ струившійся съ головы потъ, проговорилъ:

— Вотъ такъ нужда и до мыслей всякихъ доведетъ...

Надѣлъ фуражку, надвинулъ ее на лобъ и сталъ тяжело и часто дышать. Потомъ поднялъ глаза и нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на молодую дѣвушку. Потомъ подумалъ: „Почему она такъ стокойно отнеслась къ моимъ словамъ: убить и ограбить родственника? Вѣдь я не шутилъ и говорилъ серьезно“...

Вѣтеръ донесъ съ бульвара музыку. Гдѣ-то далеко, далеко просвистѣлъ свистокъ паровоза. Онъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку—и вдругъ его взоръ остановился на ея темномъ гладкомъ платьѣ.

„Почему она всегда ходитъ въ этомъ платьѣ?—подумалъ онъ:—почти каждый день, каждый день“... И вдругъ онъ вспо-

мнилъ, что въ этомъ платьѣ она ходила на дежурство и что и сегодня ей нужно идти дежурить, что объ этомъ она говорила ему еще на бульварѣ.

— А дежурство?—вдругъ быстро проговорилъ онъ.

Она подняла на него глаза, и ему показалось, что она точно съ какимъ-то удивленіемъ посмотрѣла на его лицо.

— Да, я сейчасъ пойду,—проговорила она. Потомъ сказала:—Какое у тебя странное лицо! Я никогда еще не видала тебя такимъ.

— Иди, иди, — проговорилъ, торопливо отворачиваясь отъ нея, Григорьевъ,—а то пропустишь дежурство или...

Она опять съ какимъ-то недоразумѣніемъ посмотрѣла на него, потомъ сказала:

— Ну, хорошо, я пойду. До свиданія.—

— До свиданія! — проговорилъ онъ, слабо пожимая протянутую ему руку.

Когда молодая дѣвушка ушла, онъ нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно на мѣстѣ. Потомъ тихими шагами пошелъ по тротуару. Опять донеслась съ бульвара музыка, донесся какой-то знакомый мотивъ...

„Гдѣ я слыхалъ этотъ мотивъ?—подумалъ онъ.—И вдругъ вспомнилъ, что слыхалъ его, когда еще жилъ у старика. Вспомнилъ даже, что стоялъ тогда у окна въ спальнѣ родственника, а позади, на постели сидѣлъ выздоравливающій родственникъ... Вспомнилъ его лицо, похудѣвшее, съ заострившимся носомъ... И вдругъ это лицо представилось ему мертвымъ и неподвижнымъ. Потомъ вдругъ представилась стоящая въ кабинетѣ несгораемая касса, мягкій, пушистый коверъ и чучело бульдога на немъ.

Онъ вздохнулъ какимъ-то тревожнымъ и глубокимъ вздохомъ. Посмотрѣлъ на небо, на золотящійся на солнцѣ куполъ собора, на верхушку высокаго тополя... Вдругъ вздрогнулъ и быстро оглянулся назадъ. Къ нему тихими шагами подходилъ старый нищій. Какими-то странно блестящими глазами смотрѣлъ на него. Потомъ, подойдя, проговорилъ шамкающимъ, беззубымъ ртомъ:

— О чемъ задумался, паренекъ?

Григорьеву показалось, что точно усмѣшка какая-то скользитъ на его старческомъ, морщинистомъ, загорѣломъ лицѣ.

— Ни о чемъ!—проговорилъ онъ, стараясь прямо и открыто смотрѣть ему въ лицо.

— Эхъ, эхъ!—проговорилъ нищій—Плохи дѣла, Господи...

Ходишь, ходишь цѣлый день—и ничего не выходишь, хоть съ голоду помирай. А ты что, занятіе какое имѣешь?

— Имѣю!—проговорилъ Григорьевъ.

Нищій усмѣхнулся.

— Ну, такъ дай старичку кусокъ хлѣба.

Григорьевъ досталъ изъ кармана старый, потертый кошелекъ и, вынувъ оттуда двухъ-копеечную монету, подалъ ее нищему. Тотъ взялъ деньги грязной, мозолистой рукой и, пожевавъ губами, проговорилъ:

— Спасибо, паренекъ, тебѣ. Дай Богъ удачи во всѣхъ твоихъ дѣлахъ...

Григорьевъ тревожно-внимательнымъ взоромъ оглядѣлъ его лицо, потомъ проговорилъ:

— Ну, я пойду уже, прощай...

Повернулся и быстрыми шагами пошелъ отъ него...

X.

Вернувшись домой, Григорьевъ быстро заснулъ, но посреди ночи вдругъ проснулся, точно отъ какого-то толчка. Быстро поднялся и сѣлъ на постели. Темно было кругомъ, тихо и неподвижно. Нѣсколько мгновеній онъ сидѣлъ безъ всякихъ мыслей, охваченный какимъ то тяжелымъ, тревожнымъ чувствомъ. Потомъ потянулся всѣмъ тѣломъ и тяжело опустился на постель...

„Еще ночь,—подумалъ онъ,—вѣрно не скоро разсвѣтетъ". Онъ посмотрѣлъ на окно: густая темнота была тамъ. Прислушался. Тихо кругомъ.

Тогда онъ снова поднялся и сѣлъ на постели, спустивъ ноги на полъ. И сидѣлъ такъ долго...

И чѣмъ дольше сидѣлъ онъ на постели, чѣмъ глубже становилась ночь, неподвижнѣе становилось все кругомъ, тѣмъ ярче становились его мысли и его воспоминанія... Вспомнился прошедшій день, прогулка по саду, скандалъ, встрѣча съ родственникомъ, разговоръ съ нищимъ и молодой дѣвушкой... „Какъ странно:—подумалъ онъ—за одинъ день и столько впечатлѣній!" Потомъ онъ вдругъ нахмурился. Вспомнилъ свой испугъ и свое волненіе послѣ разговора съ молодой дѣвушкой о родственникѣ... „Чего я такъ, собственно, взволнованъ?—подумалъ онъ:—вѣдь я еще не грабилъ его и не убивалъ. Мало ли кто что можетъ думать?" Потомъ, усмѣхнувшись, прошепталъ: „А еслибы убилъ и ограбилъ, то и хорошо. Такъ ему и надо. Онъ благодуше-

ствовалъ все это время, а я какъ страдалъ! Вѣдь никто не знаетъ, какъ я страдаю". Онъ вспомнилъ ночь въ лѣсу, вспомнилъ, какъ бушевала гроза, какъ шумѣли высокія деревья. Вспомнилъ, какъ ходилъ искать себѣ мѣсто, какъ голодалъ. „Конечно, слѣдовало бы убить — подумалъ онъ, — да и не его одного, а многихъ. Убить безъ всякой жалости, какъ собакъ". Онъ стиснулъ зубы. „Проклятые, все у васъ есть, а у насъ ничего!.." Поднялся съ постели и въ волненіи прошелся по комнатѣ. Потомъ, остановившись, прошепталъ: „И убью, и достану денегъ, достану во что бы то ни стало. Довольно терпѣть. Это только такъ кажется страшно: придти и убить. Мало ли что съ непривычки страшнымъ кажется". Онъ вдругъ вспомнилъ, какъ промолчала молодая дѣвушка, когда онъ сказалъ ей послѣ проѣзда родственника, что его слѣдовало бы убить и ограбить. „Она вѣдь знала, что я не шучу, что такъ дѣйствительно думаю. Знала, знала навѣрно..." Вдругъ жуткое чувство охватило его. „А можетъ-быть и она сама когда-нибудь подумывала объ этомъ?" На сердцѣ стало какъ-то холодно и тяжело. „Нѣтъ, этого не можетъ быть — она такая добрая, нѣжная, чуткая..." Онъ опять прошелся по комнатѣ. Опять остановился. „А я, развѣ я не добрый, не чуткій? Развѣ я не мечталъ о радости, о счастьѣ всѣхъ людей? А вотъ вѣдь у меня въ головѣ бродятъ преступныя мысли... Почему же у нея не можетъ быть такихъ мыслей?" И вдругъ ему стало больно, больно... тяжело, тяжело... „Какъ все это ужасно, какъ все это ужасно! — прошепталъ онъ. — Проклятая жизнь, проклятая жизнь!.."

Онъ сѣлъ на постели и, опустивъ внизъ голову, сжалъ ладонями виски. И сидѣлъ такъ долго, а ночь постепенно проходила и стало сѣрѣть за окномъ. Пѣтухъ прокричалъ во дворѣ, проторохтѣла по улицѣ извозчичья пролетка...

Онъ не замѣчалъ ничего этого, и только когда въ комнатѣ стало почти совсѣмъ свѣтло и отчетливо стали видны стоявшій у окна столъ, стулъ, лежащая на постели подушка съ порванной наволокой, отклеившіеся на стѣнахъ обои — онъ оглядѣлся кругомъ и подумалъ: „Однако уже свѣтаетъ". И ему представилось вдругъ, какъ черезъ нѣсколько часовъ взойдетъ солнце и все кругомъ станетъ свѣтлымъ, яснымъ и радостнымъ. Представилось, какъ наполнятся людьми широкія улицы, какъ зашумятъ по мостовой экипажи, какъ запестрѣютъ нарядныя дамскія платья, шляпы, зонтики...

Онъ усмѣхнулся. „Ничего, и мы повеселимся еще. Зачѣмъ погибать? И мы имѣемъ право на жизнь, на радость..."

Онъ началъ одѣваться. Онъ зналъ, что все равно больше не заснетъ уже. Одѣлся, отворилъ дверь и вышелъ на улицу. Тихо, прохладно и пустынно было на улицѣ. Небо еще было блѣдно-голубое и безоблачное. Въ его безоблачности и неподвижности чувствовался уже наступающій знойный день. Онъ пошелъ по улицѣ, самъ не зная куда и зачѣмъ... Прошелъ нѣсколько улицъ и вышелъ за городъ. Здѣсь было просторно и зелено. Широкая дорога, слегка извиваясь, уходила вдаль. Синѣлъ вдали лѣсъ, блестѣла въ полѣ на изгибѣ рѣка. Небо здѣсь казалось еще чище и еще голубѣе. По дорогѣ вереницей ѣхали на базаръ телѣги съ лежащими на нихъ мужиками и бабами. Шли въ одиночку и группами женщины съ корзинами и молокомъ. Потрескивали, поскрипывали телѣги, негромко разговаривали мужики и бабы, пофыркивали лошади... Онъ смотрѣлъ на нихъ, смотрѣлъ на уходящую вдаль дорогу, на синѣющій лѣсъ, на изгибъ рѣки, вдыхалъ свѣжій, пронизанный розовыми солнечными лучами воздухъ — и ночь, только-что пережитая въ маленькой, душной комнаткѣ съ окномъ въ стѣну, съ старой, поломанной мебелью, вдругъ стала далекой, далекой... Захотѣлось съ необыкновенной силой вдругъ покоя, ясныхъ и бодрыхъ мыслей... Неужели же его положеніе настолько ужасно, что ему остается только грабежъ и убійство? Неужели нѣтъ другого выхода? Онъ посмотрѣлъ на ѣдущихъ на телѣгахъ крестьянъ, на идущихъ съ кувшинами и корзинами бабъ, на ихъ лица, на ихъ одежду. „Какія у нихъ, вѣроятно, простыя и покойныя мысли, какъ легко, вѣрно, у нихъ на сердцѣ!..“ И жгучая зависть къ нимъ вдругъ охватила его душу. Онъ осмотрѣлся кругомъ: и здѣсь тоже какой покой, какой просторъ, какая тишина!.. Онъ долго стоялъ неподвижно, глядя вокругъ себя влажными глазами... И чѣмъ дольше стоялъ онъ и чѣмъ дольше вбиралъ въ себя ароматный воздухъ утра, чѣмъ дольше смотрѣлъ вокругъ себя, тѣмъ на сердцѣ его становилось все спокойнѣе. Никто не трогалъ его, не оскорблялъ, не смотрѣлъ съ презрѣніемъ на его грязную старую одежду. Не видѣлъ онъ вокругъ себя довольныхъ, сытыхъ лицъ, нарядныхъ, дорогихъ платьевъ. Кругомъ была одна лишь просыпавшаяся природа и простыя, грубыя, загорѣлыя лица ѣдущихъ и идущихъ на базаръ людей! „Зачѣмъ — подумалъ онъ — я не могу стоять здѣсь такъ вѣчно, смотрѣть на солнце, на небо, на зелень, на этихъ трудящихся простыхъ людей?..“ Когда взошло уже высоко солнце и воздухъ сталъ горячимъ и душнымъ, онъ пошелъ въ городъ. И чѣмъ больше онъ приближался къ городу, чѣмъ оживленнѣе было все кругомъ,

чѣмъ больше людей попадалось ему навстрѣчу, тѣмъ снова безпокойнѣе становилось у него на сердцѣ и тѣмъ ближе казалась минувшая ночь съ ея мыслями и переживаніями. А когда онъ вошелъ въ городъ, уже проснувшійся, шумный, душный, съ каменными громадами, съ нарядной толпой на улицахъ, онъ подумалъ, злобно оглядывая встрѣчныхъ нарядно одѣтыхъ мужчинъ и женщинъ: „Подождите, подождите, голубчики,—и мы еще повеселимся...“

И далеко было теперь отъ него спокойное поле, ясное небо, тихій скрипъ телѣгъ...

XI.

Мысль убить и ограбить старика по временамъ казалась Григорьеву необходимой, логической и даже мужественной. И онъ удивлялся, какъ это раньше никогда не приходило ему въ голову. Онъ разсуждалъ такъ: „Благодаря ему я и молодая дѣвушка медленно погибаемъ—почему же, чтобы спасти себя, нельзя погубить его?“ И къ этимъ мыслямъ присоединялась еще злоба и ненависть къ нему. По временамъ же мысль убить и ограбить родственника казалась ему преступной, жуткой и неисполнимой. Какъ это онъ вдругъ убьетъ его? Увидитъ кровь, блѣдное, безжизненное лицо, быть-можетъ услышитъ предсмертный стонъ, хрипъ... Онъ даже содрогался и шепталъ: „Какъ это, должно быть, ужасно!“ И ему начинало казаться, что никогда онъ этого не сдѣлаетъ. Но когда онъ начиналъ вспоминать всю свою нищенскую жизнь, униженія, оскорбленія, вспоминалъ блѣдное, усталое лицо дѣвушки, то злоба и ненависть снова охватывали его. „Трусъ я—говорилъ онъ тогда себѣ:—ничего ужаснаго въ этомъ нѣтъ. Убійство его меня ужасаетъ: а мое собственное убійство, а умираніе любимой дѣвушки, а голодъ, а нужда—это меня не ужасаетъ? Ишь, какой нѣжный!..“

Иногда онъ шелъ на ту улицу, гдѣ жилъ родственникъ, и медленными шагами проходилъ мимо его дома. Домъ стоялъ большой, мрачный, молчаливый. Окна почти всѣ были темными, лишь въ двухъ-трехъ виднѣлся свѣтъ. „Это въ кабинетѣ“, думалъ Григорьевъ. Иногда, когда около воротъ никого не было, онъ, осторожно озираясь, заходилъ во дворъ. Смотрѣлъ на окна комнаты, въ которой онъ жилъ. Тамъ почти всегда было темно... Смотрѣлъ потомъ на другія окна, на окна столовой, гостиной, спальни родственника. Опять, крадучись и озираясь, осторожно

уходилъ со двора. Шелъ по улицѣ, смотрѣлъ на прохожихъ и думалъ: „О, еслибы вы знали сейчасъ мои мысли, вы не смотрѣли бы такъ спокойно на меня: вы схватили бы меня, связали и спрятали бы отъ себя далеко, далеко. Хорошо, что вы не умѣете читать чужихъ мыслей!“ Иногда ему становилось жутко отъ сознанія этого; иногда же, наоборотъ, самодовольная улыбка появлялась на его лицѣ. Онъ думалъ: „Вотъ я иду среди васъ и никто не знаетъ, кто я. Можетъ-быть, я преступникъ, злодѣй, а можетъ-быть необыкновенно добрый человѣкъ... Никто не знаетъ ни моихъ мыслей, ни моей души. И если убью кого-нибудь изъ васъ и скрою это, то вы по прежнему будете смотрѣть на меня спокойными и равнодушными глазами“. Иногда же, глядя на ихъ лица, ему вдругъ начинало приходить на умъ, что вѣдь и онъ самъ не знаетъ ни ихъ мыслей, ни ихъ души, ни ихъ жизни. Можетъ-быть, и у нихъ много преступныхъ мыслей, мыслей еще хуже и еще жестче, чѣмъ его; можетъ-быть, даже среди нихъ много убійцъ, воровъ, мошенниковъ. Развѣ онъ знаетъ ихъ? Развѣ онъ знаетъ ихъ сокровенныя мысли? Никто никого не знаетъ! Вспоминалась вдругъ молодая дѣвушка. Вотъ она, добрая, честная, трудящаяся, чуткая—а она была бы рада смерти или убійству родственника...

И отъ этихъ мыслей часто необыкновенно жутко и страшно становилось ему...

XII.

Однажды вечеромъ онъ провожалъ молодую дѣвушку на дежурство. Она чувствовала себя лучше, мало кашляла и была оживлена. По дорогѣ они зашли въ городской садъ. Свернули въ боковую темную аллею и сѣли на скамью подъ густыми неподвижными вѣтками высокаго стараго клена. Издали, со стороны бесѣдки, слышалось хоровое пѣніе. Легкій вѣтеръ иногда тихо шелестѣлъ листьями надъ ихъ головой, тихо вѣялъ имъ въ лицо ароматомъ цвѣтовъ и зелени. И оттого что тихо было кругомъ, темно, ароматно, и оттого, что сидѣли они вмѣстѣ близко другъ около друга, и оттого, что никто не видѣлъ ихъ и не трогалъ, настроеніе ихъ было спокойное и умиротворенное. И на нѣсколько минутъ они забыли родственника, нужду, всѣ тяготы своей жизни. Не хотѣлось ни о чемъ думать, ничего вспоминать. Хотѣлось только чувствовать одинъ другого, слушать отдаленное хоровое пѣніе, вдыхать вечерній ароматъ и прохладу... И молодая дѣвушка тихо говорила ему:

— Какъ хорошо, что мы зашли съ тобой въ садъ. Какъ хорошо...

Потомъ смотрѣла на него, на луну, на тихо шевелившуюся надъ головой листву и добавляла:

— Какъ кругомъ тихо, величественно, спокойно...

Потомъ они пошли. Вышли изъ сада и пошли по улицѣ. Вотъ и домъ, куда должна войти она. Остановившись у подъѣзда, она тихо сказала:

— Ну, до свиданія.—

И опять повторила:

— Какъ хорошо, что мы зашли посидѣть въ садъ...

— Да,—проговорилъ онъ—тамъ такъ тихо, спокойно...

Онъ пошелъ медленными шагами, вдыхая полной грудью свѣжій, прохладный вечерній воздухъ. Надъ головой свѣтила луна и дѣлала все кругомъ какимъ-то тихимъ, задумчивымъ, неподвижнымъ. Онъ шелъ и думалъ о томъ, что какъ теперь должно быть хорошо гдѣ-нибудь въ полѣ, въ лѣсу, на берегу широкой степной рѣки. И въ эти минуты необыкновенно далеки были мысли о родственникѣ, объ убійствѣ, о его большихъ, устланныхъ мягкими коврами комнатахъ...

Подходя къ воротамъ дома, гдѣ онъ жилъ, онъ думалъ: „Сегодня, вѣрно, я хорошо засну". У воротъ никого не было; калитка была заперта. Онъ позвонилъ. Прислушался. Никто не шелъ. Позвонилъ еще разъ. Снова прислушался. Опять никого. Тогда онъ сталъ стучать въ калитку кулаками. Стучалъ долго, потомъ снова прислушался. Тихо. „Да что же это такое?—подумалъ онъ:—вѣрно дворника нѣтъ дома". Постоялъ немного въ нерѣшительности, потомъ тихими шагами отошелъ отъ воротъ. „Придется еще погулять немного; можетъ, потомъ онъ придетъ". Онъ пошелъ по улицѣ, самъ не зная, куда и зачѣмъ. „Непріятно все это, — подумалъ онъ немного спустя. — Спалъ бы я теперь уже, а то вотъ броди, самъ не зная для чего и зачѣмъ". Онъ незамѣтно прошелъ нѣсколько улицъ и очутился на той улицѣ, гдѣ жилъ старикъ. „Однако, далеко зашелъ", — подумалъ онъ, узнавая такъ хорошо знакомую ему улицу. Невдалекѣ стоялъ и домъ родственника, мрачный и темный. Онъ посмотрѣлъ на окна. „Спитъ уже, вѣрно, родственникъ..." Но въ это время изъ воротъ дома выѣхала коляска и, чуть покачиваясь на резиновыхъ шинахъ, остановилась у параднаго подъѣзда. „Это его коляска— подумалъ Григорьевъ.—Куда же онъ ночью ѣдетъ?" Онъ остановился и сталъ смотрѣть на коляску и на подъѣздъ, и сердце его стало вдругъ какъ-то странно и порывисто биться.

Минуту спустя изъ дверей, шурша платьемъ, вышли высокая, нарядно одѣтая женщина и родственникъ. Женщина, громко стуча по тротуару каблуками, подошла къ экипажу и, сѣвъ въ него, откинулась на спинку сидѣнья. Родственникъ, подсадивъ ее, на мгновенье остановился и сталъ что-то говорить швейцару. Потомъ тоже сѣлъ въ экипажъ и поднялъ воротникъ пальто. Коляска тронулась. Когда она поровнялась съ Григорьевымъ, онъ ясно и отчетливо увидѣлъ лицо старика и молодой женщины. Лицо родственника точно помолодѣло и было какъ-то странно возбуждено... Онъ сидѣлъ близко, близко прижавшись къ молодой женщинѣ, и обнималъ ее. Лицо женщины было уже немолодое, но красивое, вызывающее, чувственное...

Когда они проѣхали, Григорьевъ, усмѣхнувшись, прошепталъ: „Такъ вотъ какъ отдыхаетъ родственникъ!..“ Нѣсколько мгновеній онъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ; потомъ, когда экипажъ скрылся изъ виду, онъ посмотрѣлъ въ сторону подъѣзда. Тамъ никого не было, но мгновенье спустя парадная дверь снова отворилась и изъ нея вышелъ швейцаръ. Посмотрѣлъ вслѣдъ уѣхавшему экипажу и быстрыми шагами сталъ переходить улицу. Подошелъ наискось къ невысокому дому и постучалъ въ освѣщенное подвальное окно. Когда отворилась форточка, онъ сѣлъ на корточки и, загородивъ спиною окно, сталъ съ кѣмъ-то разговаривать... Григорьевъ смотрѣлъ на его широкую спину, на оставшійся кусочекъ тускло освѣщеннаго окна, на отворенную стеклянную парадную дверь дома—и какое-то странное волненіе вдругъ стало охватывать его...

Весь домъ вдругъ показался необыкновенно пустыннымъ, безпомощнымъ и доступнымъ... Ярко и близко представилась широкая, полуосвѣщенная, устланная сѣрымъ ковромъ лѣстница, большія комнаты, дорогая мебель, темная площадка наверху, заставленная старыми шкафами и комодами. Онъ взглянулъ на швейцара. Тотъ по прежнему сидѣлъ на корточкахъ, загораживая спиною окно... Тогда онъ вышелъ изъ-за столба и, продолжая смотрѣть на швейцара, пошелъ къ подъѣзду. Подошелъ къ дверямъ и торопливо взглянулъ на лѣстницу. Тамъ было такъ, какъ онъ и представлялъ себѣ: былъ полумракъ, и широкій коверъ, сѣрѣя, уходилъ въ высоту. Онъ пріостановился. Сердце забилось тяжелыми, замирающими ударами. Стало трудно дышать... Онъ оглядѣлся кругомъ. Никого нѣтъ...

Сдѣлалъ шагъ къ дверямъ. Снова оглянулся кругомъ. Пригнулся потомъ и быстро вошелъ въ дверь, зацѣпивъ плечомъ вторую половинку... Тяжело дыша и прислушиваясь, сталъ быстро

подниматься по лѣстницѣ. Дойдя до предпослѣдней площадки остановился: куда же дальше? Вдругъ онъ вспомнилъ, что на верхней площадкѣ въ углу стояла старая мебель. „Пока хоть тамъ побуду“—подумалъ онъ и снова пошелъ вверхъ по лѣстницѣ. Вотъ и послѣдняя площадка. Вотъ темнѣетъ въ безпорядкѣ разставленная мебель, вотъ низко повисшій потолокъ. Онъ, пригнувшись и протянувъ впередъ руки, осторожно ступая, пошелъ къ мебели. Наткнулся на что-то громоздкое и твердое. Легкій стукъ странно прозвучалъ въ тишинѣ. „Вѣрно, шкафъ“—подумалъ онъ. Подошелъ ближе, нащупывая руками.—„Да, шкафъ“. Плотно прижавшись къ нему, продвинулся между нимъ и стѣной и остановился. Здѣсь пахло пылью, старымъ деревомъ, было жарко и душно. „Подожду здѣсь“—подумалъ онъ и, снявъ съ головы шапку, положилъ ее на что-то твердое около себя. Потомъ досталъ изъ кармана носовой платокъ и вытеръ имъ вспотѣвшее лицо, голову и шею. Стукнуло вдругъ что-то внизу на лѣстницѣ. Онъ вздрогнулъ и рука его, нервно сжимая платокъ, на мгновенье застыла въ воздухѣ... Стукъ повторился... „Что это?“—прошепталъ онъ. Въ это время внизу вдругъ стало совершенно темно. Тогда онъ съ облегченіемъ подумалъ: „Это, вѣрно, швейцаръ запираетъ дверь и тушитъ электричество“. И вдругъ ему стало страшно.

Значитъ, онъ запертъ теперь и выхода ему отсюда нѣтъ. „Начинается что-то страшное!“—пронеслось у него въ головѣ, и онъ вдругъ почувствовалъ себя точно оторваннымъ отъ всего міра. И далекими сразу стали и молодая дѣвушка, только-что съ нимъ бывшая, и садъ, въ которомъ гуляли они, и улицы, тихія и пустынныя, по которымъ возвращался онъ домой, и люди, которые встрѣтились ему на пути...

И чѣмъ больше удалялось все это отъ него, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ онъ вокругъ себя безлюдность и пустоту, тѣмъ сильнѣе въ его душу проникало безпокойное волненіе и предчувствіе приближенія чего-то жуткаго, страшнаго, еще никогда неизвѣданнаго. Потомъ, когда волненіе слегка улеглось и мысли стали болѣе ясными и выпуклыми, онъ тихо прошепталъ: „Значитъ, этой ночью я убью его“... И на сердцѣ вдругъ стало холодно, холодно... Онъ нащупалъ лежавшій въ карманѣ коротенькій финскій ножъ, который всегда носилъ съ собой, и прошепталъ: „Вотъ этимъ самымъ ножемъ“. И вдругъ сразу все въ немъ точно омертвѣло. Онъ вынулъ изъ кармана ножъ и сталъ спокойно водить пальцемъ по его лезвію, пробуя, остеръ ли онъ, сталъ спокойно прислушиваться, не отворяетъ ли кто-нибудь внизу

дверь, спокойно составилъ себѣ планъ убійства, грабежа и бѣгства... И все: и убійство, и грабежъ, и бѣгство вдругъ показались ему необыкновенно легкими и доступными.

Такъ прошло часа два. Вдругъ кто-то подъѣхалъ къ дому. „Онъ!"—прошепталъ Григорьевъ и точно все замерло въ немъ. Провелъ рукой по волосамъ, надѣлъ шапку. Потомъ тихонько вышелъ изъ-за шкафа и остановился на ступенькѣ лѣстницы, держась руками за перила... Тяжело дыша, напряженно прислушивался... Слышно было, какъ отъѣхалъ экипажъ отъ крыльца, потомъ отворилась внизу дверь. „Идетъ!"—подумалъ Григорьевъ. Затворилась дверь, и послышались мягкіе, но необыкновенно отчетливые въ тишинѣ шаги. Кто-то поднимался по лѣстницѣ.

Григорьевъ, крѣпко держась за перила, сталъ тихо спускаться по ступенькамъ. Вотъ и площадка, на которую выходитъ дверь родственника. Григорьевъ пріостановился, потомъ, согнувшись, присѣлъ на корточки. Шаги ближе, ближе... Слышно тяжелое дыханіе старика. Въ темнотѣ зачернѣла его фигура. Григорьевъ, затаивъ дыханіе, пригнулся къ ступенькамъ низко, низко... Когда фигура подошла къ нему совсѣмъ близко, и родственникъ, вдругъ порывисто пріостановившись, замѣтилъ его, онъ быстро поднялся на ноги и, размахнувшись, изо всѣхъ силъ ударилъ его ножемъ въ грудь... Родственникъ зашатался и закричалъ хриплымъ голосомъ: „Помогите!" Потомъ, повернувшись, схватился руками за перила, сдѣлалъ движеніе, чтобы бѣжать, но Григорьевъ опять ударилъ его ножемъ. Тогда онъ, весь сжавшись, упалъ на лѣстницу и сталъ катиться по ступенькамъ внизъ. Григорьевъ побѣжалъ за нимъ, догналъ его и, нагнувшись, еще разъ ударилъ его ножемъ. Ему показалось, что родственникъ застоналъ, потомъ быстро смолкъ. „Убитъ!"—промелькнуло у него въ головѣ. „Теперь за дѣло". Онъ дрожащими руками сталъ шарить у него въ карманахъ пальто. Онъ зналъ, гдѣ родственникъ клалъ ключи отъ дверей. Нашелъ какой-то маленькій, длинный, тонкій ключъ. Поднялся на ноги и, взбѣжавъ по ступенькамъ, сталъ торопливо вкладывать ключъ въ замочную скважину. Но ключъ не подходилъ. Тогда онъ снова бросился къ родственнику и снова сталъ шарить по его карманамъ. Искалъ долго, но ключа нигдѣ не было. Вдругъ онъ замѣтилъ, что на лѣстницѣ какъ будто посвѣтлѣло. Онъ посмотрѣлъ въ окно. Сѣрѣло утро. „Уже свѣтаетъ—подумалъ онъ—неужели же я не найду ключа?" Снова сталъ торопливо искать его. Вдругъ замѣтилъ очертанія воскового лица родственника. Жутко стало, невыносимо жутко... А кругомъ становилось свѣтлѣй

и свѣтлѣй. Что-то стукнуло внизу; прокричалъ пѣтухъ. Тогда онъ поднялся на ноги. „Поздно уже—промелькнуло у него въ головѣ. — Надо бѣжать скорѣе, пока еще никого нѣтъ на улицахъ". Но вдругъ онъ вспомнилъ, что внизу заперта дверь. Какая-то растерянность охватила его. „Но вѣдь я все предусмотрѣлъ—промелькнуло у него въ головѣ—какъ же это такъ?" Нѣсколько мгновеній онъ стоялъ неподвижно. Вдругъ почувствовалъ въ рукѣ ключъ. Радость сразу охватила все его существо. Это, навѣрное, отъ входной двери. Опять гдѣ-то что-то стукнуло. Тогда онъ сталъ быстро спускаться внизъ. Вотъ и вторая площадка, вотъ и задернутая бѣлой занавѣской дверь швейцарской. „Вдругъ отдернется занавѣска и въ стекло выглянетъ швейцаръ?" — пронеслось у него въ головѣ. Затаивъ дыханіе, сталъ спускаться тихо, тихо. Подойдя къ дверямъ, медленно поворачивая голову, оглянулся назадъ. Занавѣска по прежнему виситъ неподвижно. Тогда онъ торопливо сталъ вкладывать ключъ въ замочную скважину. Ключъ не отпиралъ дверей. Холодъ охватилъ все его существо. Голова закружилась. „Неужели не подойдетъ?"—промелькнуло у него въ головѣ. Нервно, торопливо поворачивалъ ключъ, толкая дверь. И съ каждымъ мгновеніемъ все больше отчаяніе охватывало его душу. Вдругъ ключъ тупо щелкнулъ и дверь отворилась. Свѣтло сразу стало передъ нимъ и прохладный, предразсвѣтный воздухъ охватилъ лицо... Онъ, слегка высунувшись изъ дверей, посмотрѣлъ сначала въ одну сторону, потомъ въ другую. Пустынно было на улицѣ. Тогда онъ осторожно пріотворилъ дверь и, зорко смотря во всѣ стороны, быстрымъ шагомъ пошелъ по тротуару. Заворачивая за уголъ, оглянулся на домъ родственника. Домъ по прежнему стоялъ мрачный, спящій, молчаливый. И вдругъ ему представилось, какъ черезъ нѣсколько часовъ проснутся люди, все въ немъ и вокругъ него засуетится, заволнуется. Представилось, какъ найдутъ окровавленнаго родственника, какъ всѣ зашумятъ, какъ начнутъ строить догадки и предположенія. Какъ потомъ напишутъ объ этомъ убійствѣ въ газетахъ, какъ всюду о немъ будутъ оживленно говорить, сочувствуя родственнику и ненавидя его невѣдомаго убійцу...

И вдругъ ему стало страшно. Вотъ наступаетъ день, такъ, какъ и всегда, ясный, теплый, солнечный. Всѣ проснутся съ обычнымъ чувствомъ, съ обычными мыслями. А онъ? „Лучше не думать, лучше не думать!"—прошепталъ онъ, чувствуя, что на него надвигается что-то тяжелое и невыносимо давящее, и быстро пошелъ по улицѣ домой.

Придя домой, онъ перелѣзъ черезъ запертыя ворота, осматриваясь по сторонамъ, не проснулся ли кто-нибудь...

Онъ подошелъ къ маленькому флигелю, въ которомъ жилъ. Окно его комнаты не было заперто, и онъ легко отворилъ его. Въ комнатѣ уже тоже было довольно свѣтло. Вырисовывалась его несмятая постель, покрытый грязной скатертью столъ, два старыхъ соломенныхъ стула. Онъ затворилъ окно, спустилъ занавѣску. Онъ отошелъ отъ окна, потомъ, тихонько раздѣвшись, легъ въ постель. Свѣтлѣло за окномъ, свѣтлѣло въ комнатѣ. Онъ повернулся къ стѣнкѣ и закрылъ глаза. „Не надо ни о чемъ думать"—промелькнуло у него въ головѣ. На душѣ вдругъ стало легко и спокойно. Такъ легко и спокойно, какъ не было уже давно. Какъ было только въ дѣтствѣ, въ ранней юности... И скоро онъ заснулъ.

XIII.

На другой день онъ проснулся поздно. Солнце свѣтило ярко и въ комнатѣ было душно. Онъ быстро поднялся и сѣлъ на постели. Нѣсколько мгновеній неподвижными глазами смотрѣлъ передъ собой. Потомъ прошепталъ: „я убійца". „Теперь, навѣрно, объ этомъ уже всѣ знаютъ,—подумалъ онъ—навѣрно, тамъ кругомъ уже народъ, производится слѣдствіе"... Онъ подошелъ къ окну и приподнялъ занавѣску. Дворъ былъ уже оживленъ. Въ ворота входили и выходили люди. Онъ посмотрѣлъ въ сторону дома родственника. „Тамъ все уже извѣстно: шумъ, суета, быть-можетъ проклятія. А здѣсь еще тихо, спокойно, никто ничего не знаетъ и не подозрѣваетъ... Какъ будто ничего не случилось, все по прежнему"... И отъ этого ему стало легче. Легче, что въ душѣ входившихъ и выходившихъ людей, живущихъ въ домѣ и рядомъ съ нимъ квартирантовъ еще ясно, покойно. Нѣтъ еще, какъ у тѣхъ, мыслей и представленій о невѣдомомъ имъ, но уже рисующемся въ ихъ воображеніи обликѣ убійцы, его чувствахъ, его злодѣйствѣ. Нѣтъ еще ненависти къ нему, страха за свою жизнь и за свои деньги... Нѣкоторое время онъ оставался дома. Потомъ надѣлъ фуражку и пошелъ на улицу.

Временами ему казалось, что нѣкоторые изъ проходившихъ людей какими-то подозрительными глазами смотрѣли на него. Когда вышелъ вечерній выпускъ газетъ, онъ купилъ газету и сталъ искать замѣтку объ убійствѣ. Руки его дрожали и сердце

билось тяжелыми и замирающими ударами. Нашелъ замѣтку... Въ замѣткѣ писали, что глубокой ночью у дверей своей квартиры раненъ неизвѣстнымъ злодѣемъ извѣстный домовладѣлецъ такой-то. „Значитъ, я не убилъ его, а только ранилъ,—подумалъ съ удивленіемъ и испугомъ Григорьевъ, — значитъ, онъ живъ“. Потомъ опять прошепталъ: „Какъ странно, что онъ живъ, какъ странно!“ И тревожное чувство охватило его. Можетъ быть, онъ на лѣстницѣ разсмотрѣлъ въ темнотѣ его лицо; можетъ быть, онъ притворился только потерявшимъ сознаніе... Тогда его скоро, быть-можетъ даже сегодня ночью, арестуютъ и онъ очутится въ тюрьмѣ. „Ахъ, какъ нехорошо, какъ нехорошо, что я не убилъ его! — подумалъ онъ:—теперь я могу погибнуть“. И передъ его глазами вдругъ представилась высокая, огражденная высокой стѣной тюрьма, суровыя лица надзирателей, темныя, наполненныя арестантами камеры... Представилось, что все то, что видитъ онъ теперь—и солнце, и голубое небо, и деревья, и площади, и улицы — все это можетъ скоро скрыться отъ него за высокой тюремной стѣной. Онъ долго ходилъ по улицамъ, заходилъ въ скверы, сады, ходилъ въ поле. Но тревога нигдѣ не оставляла его. И чѣмъ шумнѣе и оживленнѣе было вокругъ него, тѣмъ жутче и тревожнѣе становилось у него на сердцѣ... Тѣмъ сильнѣе чувствовалась имъ острота своего положенія, своихъ мыслей, воспоминаній, своихъ чувствъ и переживаній. Одинъ онъ среди тысячъ этихъ людей. Одинъ, невыносимо далекій имъ, ненавистный, чуждый. Онъ—убійца. Его ищутъ. Всѣ о немъ говорятъ. Всѣ ненавидятъ его. И ихъ много, тысячи, десятки тысячъ... А онъ одинъ... И всюду ненависть къ нему и злоба. И почудилось ему, какъ страшно, невыносимо страшно станетъ, когда всѣ узнаютъ, что онъ—убійца! Какой злобой вспыхнутъ ихъ лица! Какая ненависть загорится въ ихъ глазахъ! И всѣ, всѣ, мужчины и женщины, молодые и старые, бѣдные и богатые, добрые и злые, всѣ, всѣ проникнутся къ нему ненавистью и отвращеніемъ и скажутъ, указывая на нихъ пальцами: „это убійца“. И даже дѣти, невинныя, маленькія дѣти, съ ясной улыбкой на губахъ, съ довѣрчивымъ взглядомъ, будутъ испуганно смотрѣть на него и чувствовать къ нему страхъ и отвращеніе...

Онъ вспомнилъ о молодой дѣвушкѣ. Знаетъ ли она уже объ убійствѣ? Догадывается ли, кто убійца? „Надо пойти къ ней, пойти скорѣе къ ней!“ — подумалъ онъ. Онъ засталъ молодую дѣвушку дома. Вызвалъ ее на улицу и нѣсколько мгновеній пристально всматривался въ ея лицо. Потомъ подумалъ: „Нѣтъ, она

ничего еще не знаетъ". И необыкновенно тяжело вдругъ стало говорить ей объ этомъ. Что почувствуетъ она?.. И нѣсколько минутъ они стояли молча. Но потомъ онъ проговорилъ:

— Ты знаешь, вчера ночью убили, то-есть ранили родственника...

Она поблѣднѣла и точно отодвинулась отъ него. Потомъ, испуганными глазами смотря на него, спросила:

— Кто убилъ?

— Я убилъ—проговорилъ онъ и посмотрѣлъ ей въ глаза.— Я убійца теперь...—Онъ криво усмѣхнулся.—Въ газетахъ уже написали... Полиція уже ищетъ меня...

— Боже мой, Боже мой!..—прошептала она, страшно поблѣднѣвъ и схвативъ его за руку.—Зачѣмъ же ты здѣсь? Вѣдь тебя могутъ схватить... Бѣги же куда-нибудь скорѣе изъ города, бѣги...

— А можетъ-быть еще не узнаютъ, что я это сдѣлалъ— проговорилъ онъ глухо, смотря куда-то въ сторону.

— Боже мой, Боже мой!—проговорила опять молодая дѣвушка.—Какое несчастіе, какое несчастіе!..

Она вдругъ заплакала, закрывъ лицо руками...

— Тише!—сказалъ онъ:—вѣдь здѣсь ходятъ люди...

— Я не знаю, я ничего не знаю, — прошептала она, — я только боюсь за тебя. Меня ужасаетъ то, что ждетъ тебя. Ты и такъ много страдалъ, а теперь еще новое страданіе... Это ужасно, это ужасно!..

Какой-то человѣкъ прошелъ мимо, подозрительно посмотрѣвъ на нихъ. Оглянулся потомъ...

— Тише! — проговорилъ онъ, блѣднѣя: — вѣдь здѣсь люди ходятъ...

Потомъ онъ сталъ говорить ей, что, можетъ быть, еще не узнаютъ, что онъ убилъ родственника, что лучше по прежнему оставаться въ городѣ, чѣмъ бѣжать. А она, переставъ плакать, смотрѣла на него широко открытыми глазами и говорила, точно не вѣря:

— И это ты убійца? Ты, такой честный, гордый, хорошій? До чего довела тебя жизнь, Боже, до чего довела тебя жизнь! Такъ еще, кажется, недавно мы сидѣли въ квартирѣ родственника, мечтали о любви, о счастьѣ, о радости. Ты смѣялся, шутилъ, цѣловалъ меня нѣжными поцѣлуями. Помнишь, потомъ мы подходили съ тобой къ окну и смотрѣли на сіяющій городъ, на далекое небо, на звѣзды?.. Какъ тихо было кругомъ, какъ ясно! Помнишь, какъ расходились мы потомъ, думая другъ

о другѣ, мечтая о будущей жизни? Помнишь, какіе дивные вечера стояли тогда? Гдѣ теперь все это?! Гдѣ? Все ушло навсегда, все! Ты теперь совсѣмъ уже не тотъ. Тебя нельзя узнать. Ты хотѣлъ убить человѣка, обокрасть его...—Она закрыла лицо руками и содрогнулась вся.—И я тоже хотѣла этого... Ужасно все это, ужасно!..

Онъ смотрѣлъ на нее, слушая то, что она говорила, и постепенно ея настроеніе и ея волненіе стали передаваться ему, и самъ вдругъ съ необыкновенной яркостью вспомнилъ онъ то еще недавнее время, когда родственникъ лежалъ больной въ бреду, а они сидѣли у его постели, любящіе другъ друга, спокойные, мечтающіе о свѣтломъ будущемъ... Онъ вздрогнулъ и жуткое чувство охватило его. Ему показалось вдругъ, что онъ сходитъ съ ума. Что же это въ самомъ дѣлѣ такое? Неужели же онъ, дѣйствительно, хотѣлъ убить и обворовать родственника? Неужели онъ, дѣйствительно, ночью прокрался къ нему на лѣстницу, ждалъ его въ темнотѣ за пахнувшей пылью мебелью, видѣлъ на площадкѣ его темный силуэтъ, чувствовалъ, какъ ножъ входитъ въ его тѣло... Слышалъ его стоны, хрипѣніе? „Что же это такое, что же это такое?“—подумалъ онъ и вдругъ замѣтилъ, что стемнѣло уже. Осыпавшіяся деревья у тротуара приняли какія-то странныя очертанія. Ему вдругъ стало страшно. Потомъ ему стало страшно самого себя. Онъ чувствовалъ, что онъ точно раздвоился, точно раздвоилась его душа и его мозгъ.

И онъ проговорилъ тогда уже вслухъ:

— Что же это такое? Что же это такое?

И смотрѣлъ на дѣвушку вопрошающими глазами...

Она смотрѣла на него.

Молчали оба...

Темно совсѣмъ уже стало кругомъ. Вѣтеръ, холодный уже и осенній, всколыхнулъ обнаженныя вѣтки...

Ему вдругъ стало холодно и онъ задрожалъ мелкой, щекочущей дрожью. Запахнулся въ старое пальто и вздрогнулъ плечами. Потомъ, отвернувшись отъ молодой дѣвушки, сказалъ:

— Пойдемъ отсюда... Пойдемъ куда-нибудь, гдѣ есть свѣтъ, есть люди... Мнѣ страшно становится...

— Пойдемъ!—проговорила она и торопливо пошла за нимъ. Онъ шелъ впереди ея быстрыми шагами, такъ что она едва поспѣвала за нимъ. Они прошли нѣсколько пустынныхъ переулковъ и вышли на оживленную, освѣщенную улицу. Здѣсь было много народу и было незамѣтно, что уже приближается ночь, что кругомъ уже царитъ темнота, что гдѣ-то колышутся

обнаженныя черныя вѣтки... Онъ шелъ по тротуару въ самой толпѣ, смотрѣлъ на лица проходящихъ мужчинъ и женщинъ, старался вслушиваться въ ихъ разговоръ. И постепенно жуткое чувство и страхъ стали какъ бы тускнѣть въ немъ. Мысли и воспоминанія поблѣднѣли и потеряли свою мучительную остроту. Нѣсколько времени ему было легче, но потомъ откуда-то изъ глубины души снова стало выползать жуткое чувство. Ему стало казаться, что идущіе по тротуару нарядно одѣтые и весело разговаривающіе другъ съ другомъ люди—совсѣмъ не такіе на самомъ дѣлѣ: здѣсь яркій свѣтъ, шумъ, суета, и они кажутся совсѣмъ не такими, какими казались бы въ тишинѣ, въ темнотѣ, вблизи обнаженныхъ черныхъ вѣтокъ. Можетъ быть, тамъ у нихъ были бы и другія лица, и другіе разговоры, и другія движенія. Можетъ быть, тамъ они были бы страшны и онъ не старался бы идти близко около нихъ, а наоборотъ, старался бы идти отъ нихъ подальше, подальше... Вотъ и онъ здѣсь другой. Онъ тоже идетъ такъ, какъ и они, съ виду спокойный и беззаботный, а нѣсколько минутъ тому назадъ онъ былъ другой, тамъ, въ темнотѣ и тишинѣ пустынныхъ переулковъ. Тамъ онъ чувствовалъ себя убійцей, а здѣсь онъ уже ничего этого не чувствуетъ. Здѣсь онъ чувствуетъ себя обыкновеннымъ, такимъ, какъ и они, человѣкомъ. И никто изъ нихъ не знаетъ, кто онъ, какъ онъ не знаетъ, кто они. Здѣсь шумъ, суета, яркій свѣтъ. А что будетъ съ нимъ и съ его душой, когда потухнетъ свѣтъ, воцарится тишина?..

Онъ почувствовалъ, что снова страшно становится ему, точно какая-то тяжесть начинаетъ давить его. Но онъ не уходилъ съ шумныхъ улицъ; ему здѣсь всетаки было легче, чѣмъ оставаться одному у себя въ маленькой комнаткѣ, среди тишины и мрака. И лишь только когда онъ почувствовалъ сильную усталость и улицы уже опустѣли, онъ рѣшилъ идти домой.

Эту ночь онъ не спалъ, лежалъ съ открытыми глазами и смотрѣлъ въ окно, за которымъ разстилался непроглядный мракъ темной осенней ночи. Мысли и воспоминанія, обгоняя другъ друга, съ необыкновенной быстротой и яркостью проносились въ его мозгу и мѣшали ему хоть на нѣсколько минутъ задремать. И вспомнилъ онъ вдругъ всю свою жизнь, раннее дѣтство, когда чисты, какъ алмазъ, были его мысли и когда все, что окружало его, казалось ему такимъ хорошимъ, невиннымъ, свѣтлымъ. Вспомнилъ юность свою, когда мечты и грезы о любви и счастьѣ впервые ворвались къ нему въ душу; вспомнилъ встрѣчу съ молодой дѣвушкой, пробужденіе любви къ ней, вечера, которые проводили

они вмѣстѣ. Вспомнилъ потомъ ссору съ родственникомъ, ночь въ лѣсу, болѣзнь молодой дѣвушки, голодъ, холодъ, безпріютность, нищету... Вспомнилъ потомъ, какъ стали темнѣть его мысли, перерождаться мягкая, чуткая душа. Вспомнилъ свои преступныя мысли, сцену убійства... И странно все это было, непонятно и мучительно жутко. Былъ онъ ребенкомъ съ чистыми мыслями, былъ грезящимъ о любви юношей, былъ влюбленнымъ первой чистой любовью, и былъ онъ потомъ воромъ, преступникомъ, злодѣемъ, убійцей... И было все это такъ далеко одно отъ другого и въ то же время такъ близко, мучительно близко... И онъ не могъ спать. Лежалъ съ открытыми глазами и яркія картины прошлаго вереницей проносились въ его мозгу. И опять постепенно страхъ сталъ охватывать его... Онъ посмотрѣлъ въ окно. Тамъ былъ мракъ, но на востокѣ какъ будто посвѣтлѣло уже. „Хоть бы скорѣе разсвѣло!—подумалъ онъ:—тогда, можетъ быть, исчезнетъ страхъ". Потомъ онъ вспомнилъ о родственникѣ. „Теперь онъ лежитъ въ больницѣ и, быть можетъ, тоже, какъ и я, не спитъ". Онъ вдругъ представилъ его себѣ мертвымъ, неподвижно лежащимъ въ гробу, представлялъ незажившія раны на груди... Вздрогнулъ... „Какъ будетъ странно тогда смотрѣть на него и знать, что я его убилъ". Онъ приподнялся на постели и прошепталъ: „Нѣтъ, пусть лучше выздоровѣетъ, пусть по прежнему ходитъ по большимъ молчаливымъ комнатамъ, сидитъ у себя въ кабинетѣ, развалившись въ креслѣ, ѣздитъ на рысакахъ. Пусть все это будетъ. Не надо только смерти, не надо"...

Свѣтлѣло постепенно за окномъ. Прогудѣлъ гудокъ гдѣ-то, проѣхала по улицѣ пролетка. Потомъ еще свѣтлѣе стало. Звонили въ церкви къ заутренѣ, хлопнула во дворѣ калитка, прошелъ кто-то за окномъ. Ночь уходила уже; погасли въ посвѣтлѣвшемъ небѣ звѣзды и лишь только въ западной части тускло мерцала одна...

XIV.

Проходили дни мучительные и тяжелые. Каждый день, ложась спать и вставая, Григорьевъ ждалъ, что его арестуютъ. Придутъ незнакомые, чуждые и далекіе ему люди, схватятъ его и отвезутъ въ тюрьму. И что бы онъ ни дѣлалъ, какъ бы ни просилъ ихъ, какъ бы ни открывалъ имъ свою душу—ничего не поможетъ...

И опять передъ его глазами вставали холодныя, сѣрыя стѣны тюрьмы, желѣзныя рѣшетки, ходящіе во дворѣ часовые... И онъ

сталъ бояться идущихъ по двору и на улицѣ людей, стоящихъ на постахъ городовыхъ, встрѣчающихся полицейскихъ. Ему казалось, что вотъ кто-нибудь изъ нихъ подойдетъ къ нему, посмотритъ ему въ лицо пытливымъ взглядомъ и скажетъ: „ты убійца!“ И сбѣгутся со всѣхъ сторонъ люди и, съ ненавистью смотря на него и показывая на него другъ другу, будутъ говорить: „это убійца!“ И будетъ онъ одинъ со своими чувствами и переживаніями, а ихъ будетъ много: сотни, тысячи...

А тутъ, какъ нарочно, счастье улыбнулось ему и досталъ онъ мѣсто. Мѣсто, о которомъ столько времени такъ упорно и такъ тщетно мечталъ...

И тогда еще ужаснѣе и еще жутче стали мысли объ арестѣ и тюрьмѣ. Съ необыкновенной силой захотѣлось вдругъ выбиться хоть теперь на дорогу, испытать хоть чуточку счастья, хоть чуточку радости, хоть чуточку покоя... Почти каждый день покупалъ онъ газеты и искалъ въ нихъ замѣтку о родственникѣ, и если была она, руки его начинали дрожать и сердце порывисто биться. Ему чудилось, что тамъ онъ найдетъ свою фамилію или извѣстіе о смерти родственника. Но не было ни того, ни другого. Тогда ему сразу становилось легче. На нѣкоторое время точно тяжесть какая-то сваливалась съ него и надежда вдругъ охватывала душу. „А можетъ-быть такъ никто и не заподозритъ меня въ убійствѣ?—думалъ онъ.—Можетъ быть, будутъ такъ искать, искать преступника и такъ и не найдутъ... Какое это было бы счастье, какое это было бы счастье!“ И вдругъ его душу охватывала жажда жизни. Опять съ необыкновенной силой хотѣлось хоть чуточку счастья, чуточку радости, теперь, когда у него не было голода, не было нужды! И вдругъ иногда передъ его глазами рисовались свѣтлыя и радостныя картины будущаго... Рисовалось, какъ постепенно будетъ онъ повышаться по службѣ, какъ женится потомъ на любимой дѣвушкѣ, какъ заживутъ они тихой, спокойной жизнью... Вѣдь возможно все это, возможно... Вѣдь вотъ нѣтъ уже у него голода и нужды; такъ дальше, можетъ быть, будетъ еще лучше... Но вдругъ вспоминалъ онъ объ убійствѣ, и сразу меркло все... Онъ—убійца, его ищутъ, его ненавидятъ. Потомъ передъ глазами вставало блѣдное, восковое лицо родственника, такое, какимъ видѣлъ онъ его на лѣстницѣ послѣдній разъ. Онъ вздрагивалъ, и страхъ охватывалъ его. И вдругъ ему казалось, что родственникъ умеръ уже, лежитъ теперь въ гробу мертвый, и три свѣчи мерцаютъ около него, а онъ—убійца его—ходитъ на службу, ходитъ по улицамъ, разговариваетъ. И онъ торопливо оглядывался по сторонамъ,

точно боясь, чтобы кто-нибудь не подслушалъ его мыслей. Потомъ, видя, что никто не смотритъ на него, тихо шепталъ: „Нѣтъ, нѣтъ, только не надо этого. Пусть по прежнему будетъ черствымъ, жестокимъ эгоистомъ, пусть по прежнему ѣздитъ, развалясь, на рысакахъ, сидитъ, развалившись, у себя въ креслѣ, не надо только смерти, не надо“... Иногда въ это время начинали вдругъ звонить гдѣ-нибудь въ церкви грустно и заунывно... Онъ вздрагивалъ, и ему чудилось, что это отпѣваютъ родственника, и опять передъ его глазами вставало восковое, жуткое, безжизненное лицо... И онъ думалъ: „И это я—убійца его“. И хотѣлось убѣжать куда-нибудь, гдѣ бы не было ни людей, ни жизни, ни мыслей, ни воспоминаній...

Иногда въ такія минуты онъ шелъ къ молодой дѣвушкѣ. Она встревоженными и какими-то точно испуганными глазами смотрѣла на него, а онъ говорилъ:

— Тяжело мнѣ, тяжело... Каждую минуту жду, что меня арестуютъ. На душѣ такъ неспокойно, тревожно... Родственникъ иногда мерещится блѣдный, восковой, страшный...

Онъ вздрагивалъ и испуганными глазами озирался по сторонамъ. Потомъ вдругъ шепталъ: „Ахъ, неужели было время, когда не было ничего этого: ни убійства, ни тревогъ, ни опасеній... Когда на душѣ было такъ ясно, такъ спокойно?!..“ Потомъ смотрѣлъ на нее и, улыбаясь грустной улыбкой, говорилъ:

— Не вѣрится мнѣ теперь, не вѣрится, что мы когда-то такъ беззаботно и просто могли любить другъ друга...

Она смотрѣла влажными глазами на его блѣдное, усталое лицо и тихо шептала:

— Какъ все это ужасно, какъ все это ужасно!..

Потомъ, чтобы хоть немного утѣшить его и ободрить, говорила:

— Но, можетъ быть, еще снова вернется прошлое... Вотъ, ты уже теперь не голодаешь, у тебя есть служба, у тебя есть будущее... И я себя чувствую теперь лучше, чѣмъ прежде... Можетъ быть, мы еще выбьемся къ жизни...

Онъ смотрѣлъ на нее и вдругъ испуганно говорилъ:

— А арестъ? А тюрьма? Вѣдь меня каждую минуту могутъ арестовать, могутъ посадить въ тюрьму...

И опять онъ тревожно и испуганно оглядывался. Потомъ уходилъ отъ нея, думая о тюрьмѣ и арестѣ, о восковомъ, безжизненномъ лицѣ родственника...

Такъ проходили дни...

Однажды Григорьевъ, какъ всегда, купилъ газету и, торо-

пливо развернувъ ее, сталъ искать замѣтку о преступленіи. Пробѣжавъ нѣсколько столбцовъ, онъ скоро нашелъ замѣтку. Сѣвъ на скамейку бульвара, онъ съ тревожно бьющимся сердцемъ сталъ читать ее. И вдругъ лицо его измѣнилось и сердце забилось быстрыми, неровными ударами... Въ замѣткѣ было написано, что выздоровѣвшій почти уже родственникъ заявилъ, что изъ всѣхъ, кого онъ знаетъ, онъ никого не можетъ подозрѣвать въ преступленіи... Надежда вдругъ, яркая и свѣтлая, вспыхнула въ сердцѣ Григорьева. „Значитъ, меня онъ не подозрѣваетъ въ преступленіи; значитъ, можетъ быть, меня не арестуютъ?!“ — подумалъ онъ, и на нѣсколько мгновеній на сердцѣ вдругъ стало радостно, радостно... Онъ поднялся со скамейки и быстрыми шагами пошелъ по аллеѣ. Свѣжій вѣтеръ дулъ ему въ лицо; какая-то высокая, стройная дѣвушка привѣтливо посмотрѣла ему въ глаза; какой-то ребенокъ, съ золотистыми кудрями, со звонкимъ смѣхомъ, пробѣжалъ у его ногъ...

И вдругъ какая-то странная увѣренность, что теперь его уже не арестуютъ, охватила его душу. Теперь онъ спасенъ, теперь онъ спасенъ! Онъ чувствуетъ это...

Пройдя аллею, онъ ушелъ съ бульвара и прошелъ къ молодой дѣвушкѣ. Онъ засталъ ее дома. Весь вечеръ просидѣлъ онъ у нея, дѣлясь съ нею своими надеждами и своими предчувствіями. И оттого, что онъ зналъ теперь, что родственникъ почти уже выздоровѣлъ, передъ его глазами не было больше его мертваго, воскового лица. И въ этотъ вечеръ, въ первый разъ за все время, ихъ настроеніе было спокойное, и надежда царила въ ихъ сердцахъ. И молодая дѣвушка, тихо сжимая его руку, говорила:

— Можетъ быть, жизнь еще улыбнется намъ...

Въ этотъ вечеръ онъ ушелъ отъ нея поздно.

На дворѣ была прохладная, свѣжая осенняя лунная ночь. Тихо уже и безлюдно было кругомъ. Извозчикъ дремалъ на углу; какая-то парочка тихо шепталась на скамейкѣ у воротъ.

Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, потомъ остановился и, посмотрѣвъ на небо, вздохнулъ глубокимъ, полнымъ вздохомъ. Свѣжій ночной воздухъ влился въ его грудь... Онъ вздохнулъ еще разъ, и вдругъ ему почудилось, что точно весной повѣяло въ свѣжемъ, бодрящемъ ночномъ воздухѣ. И вспомнилъ онъ вдругъ тотъ вечеръ, когда онъ впервые за время болѣзни родственника вышелъ на улицу. Тогда тоже вотъ такъ повѣяло на него весной... Тоже было такъ тихо кругомъ, ярко свѣтила луна, неподвижно стояли деревья... И вдругъ снова, какъ и тогда, надежда

охватила его душу... Вѣдь не все потеряно еще у него въ жизни. Можетъ быть, пройдутъ всѣ эти страданія, опасенія, волненія, и никто не арестуетъ его, и по прежнему онъ будетъ на свободѣ. Вотъ вѣдь прошли уже нужда, голодъ, болѣзнь молодой дѣвушки; можетъ быть, и это все пройдетъ и жизнь еще улыбнется ему. И опять вспомнилъ онъ, что родственникъ выздоравливаетъ уже и что онъ не заподозриваетъ его въ преступленіи...

Тихо было кругомъ и неподвижно. По прежнему дремалъ на углу извозчикъ, тихо шептались на скамейкѣ влюбленные. Ярко свѣтила луна, неподвижно стояли деревья. Онъ опять посмотрѣлъ на небо, вздохнулъ полнымъ вздохомъ и медленными шагами пошелъ по тротуару... И на сердцѣ у него было легко и спокойно...

Проходили опять дни, проходили недѣли... По прежнему Григорьевъ покупалъ газеты и читалъ о родственникѣ, но теперь настроеніе его уже не было такимъ безпокойнымъ и такимъ тревожнымъ. Съ каждымъ днемъ все бо́льшая и бо́льшая увѣренность, что его не арестуютъ, охватывала его душу. И глядя на него, молодая дѣвушка тоже становилась все бодрѣе и бодрѣе. И постепенно тревога стала совсѣмъ исчезать изъ ихъ сердца...

Прошелъ годъ. Никто не арестовалъ Григорьева. Родственникъ совсѣмъ оправился отъ ранъ, и Григорьевъ нѣсколько разъ видѣлъ его уже ѣдущимъ въ коляскѣ.

Прошелъ еще годъ... Прошли года...

XV.

Вотъ что съ необыкновенной ясностью и отчетливостью вспомнилъ Григорьевъ, лежа въ высокой, пахучей травѣ; вспомнилъ потомъ, какъ постепенно стала измѣняться его жизнь, какъ постепенно сталъ выбиваться онъ изъ нужды и лишеній. Вспомнилъ потомъ, какъ женился на молодой дѣвушкѣ и какъ жизнь его стала дѣлаться все спокойнѣе и все легче...

Онъ приподнялся на локтѣ и оглядѣлся кругомъ. Какъ тихо теперь кругомъ, зелено, просторно... Неужели же все то, что вспомнилъ онъ только-что, была правда? Онъ покачалъ головой. „Да, все это была правда, была правда“...

Гдѣ-то далеко, далеко прогудѣлъ свистокъ паровоза... Онъ прислушался, и вдругъ передъ его глазами возстали блѣдныя, измученныя лица арестантовъ... Гдѣ они теперь? Навѣрно, уже

далеко, далеко... И необыкновенная жалость къ нимъ и въ то же время стыдъ передъ ними за свою свободу охватили его душу. Онъ вспомнилъ вдругъ своего помощника, вспомнилъ его озлобленное лицо, вспомнилъ, какъ ругалъ онъ арестантовъ...

Вспомнилъ стоящую на платформѣ публику, испуганно любопытствующими глазами смотрящую на арестантовъ, вспомнилъ похожаго на него интеллигентнаго молодого человѣка... Далеко они теперь, далеко, и, можетъ быть, всѣ видѣвшіе ихъ уже забыли теперь о нихъ, забыли, какъ о чемъ-то чуждомъ, далекомъ, малоинтересномъ... Но онъ не забылъ и, вѣрно, не скоро забудетъ ихъ, ихъ блѣдныя, измученныя лица, звонъ ихъ тяжелыхъ кандаловъ—не забудетъ потому, что онъ понимаетъ ихъ, понимаетъ ихъ особую, чуждую и далекую всѣмъ жизнь, ихъ особыя чувства, переживанія и ощущенія. Понимаетъ ихъ особую, имъ только понятную правду, ихъ страданія... Понимаетъ потому, что онъ могъ бы быть ими, а они могли бы быть имъ.

Опять гдѣ-то далеко-далеко протяжно и заунывно просвистѣлъ свистокъ паровоза, донесло вѣтромъ отдаленное громыханіе поѣзда... Онъ нѣсколько мгновеній прислушивался, потомъ, когда стихло громыханіе, поднялся съ земли и тихими шагами пошелъ домой...

Тихій ароматный вѣтеръ дулъ ему въ лицо; чуть слышно шелестѣли на вѣткахъ молодые, липкіе листья. Какая-то птичка тихо чирикала въ зеленыхъ, свѣжихъ кустарникахъ... но онъ шелъ, не замѣчая ничего этого. Передъ его глазами по прежнему рисовались лица арестантовъ, такія далекія и въ то же время такія близкія ему и всѣмъ людямъ...

Вл. Кохановскій.

ВЪ ИЗГНАНІИ

Отрывокъ [1]).

Какая скука! Боже, Боже!..
Здѣсь каждый день одно и то же,
Все тѣ же люди—тѣсный кругъ,
И вѣчный роковой досугъ,
Какъ будто гложущій недугъ,
Меня съѣдаетъ. Даже стѣны
Мнѣ надоѣли. Перемѣны
Ни въ чемъ не вижу я вокругъ.
Тяжелый плѣнъ. Тоска, тоска...
Мнѣ кажется: прошли вѣка,
Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ дала жилище
Неизмѣримая тюрьма,
Мое полярное кладбище.

Уныло тянется зима.
Пропало солнце, какъ навѣки.
Надъ міромъ мгла виситъ давно.
Какъ долго ждать? Темно, темно...
Въ броню закованныя рѣки
Безмолвно спятъ на льдистомъ днѣ.
Бѣлѣетъ тундра въ скорбномъ снѣ.

---

[1]) Небольшая часть этого стихотворенія—около 25 строкъ—была напечатана раньше въ другомъ періодическомъ изданіи.

Земля застыла, какъ гробница,
И только вьюга буйно злится
Надъ шириной нѣмыхъ равнинъ.
Морозъ, свирѣпый властелинъ,
Ее сковать напрасно хочетъ.
Она летаетъ и хохочетъ,
Визжитъ и плачетъ. Грозный плачъ...
Остерегись, слѣпой палачъ
Полярной жизни и природы!..
Метель, шальная дочь свободы,
Съ тобой вести готова бой...
Собаки воютъ. Долгій вой
Несется вдаль. Какіе звуки...
То адскій гимнъ полярной муки,
Кромѣшный хоръ рабовъ зимы,
Молитва силѣ грозной тьмы.
Они не смолкнутъ до разсвѣта.

Какъ долго ждать тепла и лѣта...
Что дѣлать, Боже? Всюду мракъ,
Надежды ключъ давно изсякъ,
Угасли звѣзды золотыя
Въ небесныхъ мертвенныхъ степяхъ.
Какъ рядъ преступниковъ въ цѣпяхъ,
Влачатся дни мои пустые...
Писать ли мнѣ? О чемъ, къ чему?
Въ моихъ проклятьяхъ мало цѣли,
А звуки жалобъ надоѣли
Давно и сердцу, и уму.
Начать ли пѣснь на прежній тонъ?
Усталъ я пѣть въ нѣмой пустынѣ,
И пѣснь моя, раздавшись нынѣ,
Польется жалобно, какъ стонъ.
Усталъ я пѣть. Въ темницѣ скучной
Отъ прежнихъ пѣсенъ я отвыкъ,
И голосъ мой сталъ глухъ и дикъ,
Какъ этотъ вѣтеръ однозвучный.
Угасъ безъ солнца и весны
Живой источникъ вдохновеній;
Крылатыхъ звуковъ чудный геній
Ужъ не слетаетъ съ вышины.
Я больше пѣсенъ не пою,

Сижу во тьмѣ, скрывая слезы.
Хотите слушать рѣчи прозы —
Я разскажу вамъ жизнь свою.
Итакъ, начну. Идти впередъ
Пора лѣнивому разсказу.
Хотите знать мой чинъ и родъ:
Я жидъ и ссыльный. Я вамъ сразу
Сказалъ всю правду парой словъ.
Кто хочетъ слушать? Я готовъ
Продолжить нить своихъ признаній.
Я не стыжусь своихъ отцовъ,
Я не боюсь опальныхъ званій...
. . . . . .
Я жидъ. Катись вольнѣй и шире,
Моя несдержанная рѣчь!
Звени, звени, какъ бранный мечъ,
Отдайся эхомъ въ сонномъ мірѣ!
Зачѣмъ въ пустынѣ я живу?
Пустите, прочь нѣмыя узы!
Раздайся слово гнѣвной музы!
Я это слово воззову
На перекресткѣ улицъ шумныхъ,
Передъ толпой зѣвакъ безумныхъ.
На быстрыхъ крыльяхъ полечу
И наше имя прокричу
Съ высокихъ крышъ и съ грозныхъ башенъ.
Я жидъ, я жидъ! Но мнѣ не страшенъ
Невѣждъ крикливый приговоръ,
Я презираю вашъ позоръ,
И вашу грязь я отрясаю,
И вамъ въ лицо ее бросаю,
Чтобъ омрачить вашъ наглый взоръ...

Иль мало скрыто древней славы
Въ изгибахъ нашихъ ветхихъ книгъ?
Кто выше памятникъ воздвигъ —
Какія страны и державы?
Чьихъ смѣлыхъ словъ могучій зовъ
Вездѣ гремѣлъ, какъ голосъ Божій,
Низвергнувъ въ прахъ чужихъ боговъ
Съ высокихъ мраморныхъ подножій?
Кто снялъ съ народовъ рабскій стыдъ,

Кто облегчилъ земли мученья,
Кто людямъ далъ любви ученье?
. . . . . .
Томились мы въ плѣну пустыни,
Въ ярмѣ безчисленныхъ племенъ,
Боролись молча за святыни
Недосягаемыхъ временъ.
Мы освѣтили нашей вѣрой
Сѣдыхъ тумановъ пологъ сѣрый
И черный саванъ вѣчной тьмы.
Въ кошницу жизни полной мѣрой
Свой цѣнный кладъ вложили мы.
Землѣ борцовъ мы много дали
И ихъ дадимъ еще не разъ;
Еще не разъ помянутъ насъ
Неизгладимыя скрижали
Свободы, братства и добра;
Еще не разъ во мракъ безгласный
Мы принесемъ завѣтъ прекрасный,
Какъ лучъ надежды и утра...
Довольно. Я увлекся вдругъ.
Зачѣмъ будить воспоминанья
Минувшихъ дѣлъ, былыхъ заслугъ,
Зачѣмъ тревожить прахъ преданья,
Давно почившаго во мглѣ,
И разрывать въ сырой землѣ
Нѣмыя кости предковъ смѣлыхъ,
И поднимать ихъ ветхій щитъ,
Грозу доспѣховъ заржавѣлыхъ?
Пусть мертвый въ гробѣ мирно спитъ.
Я чуждъ пріязни дѣдовъ узкой—
Пусть я еврей, я также русскій,
Святой Руси я вѣрный сынъ,
Отчизны честный гражданинъ.
Въ моей груди какимъ-то дивомъ
Смѣшались звуки двухъ именъ,
Сплелись завѣты двухъ племенъ,
И грудь моя дрожитъ отзывомъ
При словѣ: родина. Мечты
Мнѣ возвращаютъ всѣ черты
Животрепещущей картины
Родныхъ полей. Моя любовь

Такъ ясно, ясно видитъ вновь
Необозримыя равнины,
Лѣса, и нивы, и луга,
Родного моря берега,
И буйныхъ волнъ веселый ропотъ,
Заботы мирныхъ деревень
И людныхъ селъ торговый день,
И городовъ веселый топотъ,
Мощеныхъ улицъ вѣчный шумъ...

Страна моя, страна родная,
Тебя увижу-ль я опять?
Откликнись мнѣ, отчизна-мать!
Твоя граница дорогая
Такъ далеко. Мой скорбный взоръ
Невольно ищетъ грань заката.
Тамъ все, что было сердцу свято,
Что я оставилъ съ давнихъ поръ...
Но вижу я въ дали туманной
Лишь очертанья бѣлыхъ горъ,
Покрытыхъ дымкой свѣтлотканной.
Молчитъ твой голосъ. Нужды нѣтъ.
Твое молчанье есть отвѣтъ
И говоритъ душѣ такъ ясно.
Я знаю, да: и ты несчастна,
И ты покорна душной тьмѣ,
И ты подвластна ночи черной,
И ты измучилась въ ярмѣ
Неволи рабской и позорной.
О, Боже мой, какъ горячо
Къ тебѣ стремится вздохъ мой каждый,
Какой настойчивою жаждой
Тебя увидѣть разъ еще
Я весь горю. Съ какою мукой
Надъ долголѣтнею разлукой
Я плачу, лью не слезы—кровь.
Кто скажетъ мнѣ, смогу ли вновь
Въ твои предѣлы возвратиться?
Кого просить, кому молиться?
Но если можно мнѣ теперь
Повѣрить сладостной надеждѣ,
Даю обѣтъ, и—ты повѣрь:

Клянусь служить тебѣ, какъ прежде,
Клянусь дышать и жить тобой,
И каждый сердца трепетъ жаркій,
И каждый мысли проблескъ яркій
Отдать тебѣ, тебѣ одной!..

Опять увлекся. Грудь моя
Еще дрожитъ отъ жгучей страсти
Умолкшихъ словъ. Огню ея
Давать ненужно лишней власти.
Пора продолжить мой разсказъ.

Я вамъ сказалъ безъ лишнихъ фразъ,
Что ссыльный я, опальный странникъ,
Въ глуши заброшенный изгнанникъ,
Что я нѣмые дни влачу
Въ странѣ, гдѣ вьюги воютъ дико,
И самъ отъ сдержаннаго крика
Я задыхаюсь—и молчу.

Я вынесъ много. Въ эти годы
На грудь мою легли невзгоды
Земною тягой. И едва
Она снесла тупое бремя.
Да, наше горестное племя,
Опальный, плѣнный, скорбный кругъ
Не пріобрѣлъ себѣ заслугъ
Помимо мукъ, и грозной славой
Не осѣненъ въ борьбѣ кровавой.
Свинцовый крестъ тяжелыхъ бѣдъ
Достался намъ. Нашъ жребій страшенъ.
Вѣнцомъ ликующихъ побѣдъ
Нашъ ратный геній не украшенъ.
Безсильный мечъ его разбитъ,
И взоръ поникъ его суровый,
И на челѣ его лежитъ
Вѣнецъ иной, вѣнецъ терновый...

Но не борьбы кипучій пылъ,
Не свѣтлой истины ученье,
Не роковое напряженье,
Безумный взрывъ послѣднихъ силъ,

Не шумъ тревогъ, не доблесть дѣлъ,
Нѣтъ, наше скорбное служенье
Намъ отвело иной удѣлъ—
Страданій горькое терпѣнье,
Нѣмую пытку безъ конца,
Невыносимую отраву.

И эта скорбь замѣнитъ славу
Побѣдоноснаго вѣнца.

. . . . . .

Танъ.

Среднеколымскъ, 1895.

ЗА СНѢЖНЫМИ ВЕРШИНАМИ

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.)

III *).

Въ горныхъ ущельяхъ Сванетіи.

Князь Ермолай ходилъ по лугу страшно озабоченный. Онъ то осматривалъ прочность сѣделъ на полутора десяткахъ верховыхъ горныхъ лошадей, то распоряжался упаковкой въ тюки подушекъ, одѣялъ, бурокъ и другихъ необходимыхъ принадлежностей труднаго пути. Да и было надъ чѣмъ призадуматься!

— Надо—говорилъ онъ мнѣ—все предусмотрѣть, ничего не забыть! Въ той области высокихъ горъ, ущелій и первобытныхъ, дѣвственныхъ лѣсовъ, куда мы ѣдемъ теперь, нѣтъ ни гостинницъ, ни усадьбъ, ни какого бы то ни было жилья. Надо ѣхать весь этотъ день съ утра до вечера верхомъ на лошадяхъ, то поднимаясь въ заоблачныя высоты по едва замѣтнымъ тропинкамъ на крутыхъ, иногда совсѣмъ отвѣсныхъ склонахъ горъ, то опускаясь въ бездны ущелій и переѣзжая верхомъ въ бродъ черезъ ревущія и пѣнящіяся горныя рѣки. А затѣмъ всѣмъ намъ придется жить двѣ недѣли въ шалашѣ изъ тесовыхъ досокъ съ зіяющими щелями, вдали отъ всякой медицинской или другой помощи! А между тѣмъ съ нами ѣдутъ шесть дамъ, большая часть которыхъ совершенно отвыкла въ столицѣ отъ такой жизни! Какъ онѣ вынесутъ эту, не подходящую для нихъ, дорогу?—

Наконецъ все было готово. Четыре тюка, связанныхъ въ

*) См. апрѣль, стр. 50.

двѣ пары прочными веревками, были перекинуты черезъ спины двухъ вьючныхъ лошадей, такъ чтобы одинъ тюкъ плотно ложился на одинъ бокъ лошади и уравновѣшивалъ собою лежащій на другомъ боку.

Было раннее утро. Наша кавалькада потянулась отъ усадьбы внизъ къ рѣкѣ и, переправившись черезъ нее въ бродъ, прошла по широкому каменистому полю, окаймляющему ея русло, и углубилась въ боковую долину Ладжануры. Тамъ она соединилась съ другой кавалькадой, состоявшей изъ священника, его двухъ дочерей-гимназистокъ, француза-геолога Бабе и еще одного молодого человѣка, родственника священника. Въ первой кавалькадѣ ѣхали, кромѣ князя Ермолая и его хорошенькой племянницы, еще князь-охотникъ, Ксана, Нина со своимъ мужемъ, двѣ ея младшія сестры и я. По совѣту всѣхъ присутствовавшихъ, Ксана, опасавшаяся головокруженія, ѣхала на мужскомъ сѣдлѣ въ своемъ синемъ велосипедномъ костюмѣ, и князь Ермолай, указывая на ея посадку, сказалъ мнѣ.

— Посмотрите, какъ твердо сидитъ! Ноги въ стременахъ совсѣмъ неподвижны, тогда какъ дрыгаютъ у многихъ нашихъ! А этого хорошему наѣзднику нельзя!

Мы всѣ смѣшались и помчались рысью по крутому берегу рѣки, гдѣ еще вилась довольно хорошая дорога. Но скоро мы свернули съ нея и, проѣхавъ нѣкоторое разстоянье по болѣе узкой тропинкѣ, пошли наконецъ въ бродъ по каменистому руслу неглубокой здѣсь Ладжануры, такъ какъ ни на томъ, ни на другомъ берегу уже не было пути. Весело металась быстрая вода подъ ногами нашихъ лошадей, обдавая насъ по временамъ яркими брызгами! Весело было смотрѣть на окружавшія насъ пѣнящіяся и прыгающія волны быстро мчащагося бурнаго потока, и мнѣ, не смотря на то, что мы ѣхали въ ущелье, невольно вспомнилась извѣстная картина Рѣпина, изображавшая студента и курсистку на камнѣ среди широкаго, безграничнаго потока, восклицающихъ съ восторгомъ:

— Какой просторъ!

Я не могу здѣсь передать всѣхъ перипетій этого оригинальнаго путешествія, когда, вступивъ въ Сванетію среди безконечныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ бука, граба, дикой груши и черной бузины, покрывавшихъ всѣ склоны горъ, мы ѣхали по извивавшейся узенькой тропинкѣ на склонахъ, то поднимаясь высоко вверхъ, то опускаясь внизъ къ шумящей Ладжанурѣ, и переѣзжали черезъ ея мечущіяся и ревущія воды на другой берегъ. Прошло часовъ шесть утомительнѣйшей ѣзды. Круто

взбираясь вверхъ по горному склону, мы цѣлыми часами должны были крѣпко держаться колѣнями за края сѣдла, чтобъ не сползти лошади на хвостъ, а потомъ, при такомъ же крутомъ спускѣ изо всѣхъ силъ упираться ногами въ стремена и стискивать ихъ у луки сѣдла, чтобъ не съѣхать лошади на шею. Бѣдныя животныя совершенно измучились въ пути, да и наши колѣни окончательно одеревенѣли. Даже опытные горные наѣздники чувствовали утомленье. Наконецъ впереди открылась луговинка, поросшая травою и одичавшимъ хрѣномъ. Она означала половину дороги и служила мѣстомъ передышки путниковъ. Мы всѣ радостно соскочили съ лошадей и, оставивъ ихъ пастись на лужайкѣ, растянулись подъ тѣнью грабовыхъ и орѣшниковыхъ кустарниковъ на подостланныхъ намъ буркахъ. Подоспѣвшій слуга съ тюками откупорилъ бурдюкъ съ краснымъ виномъ и поставилъ передъ нами — увы! — только три бутылки съ водою! Онъ разложилъ передъ нами лепешки-пу́ри, сыры, куриные и бараньи шашлыки, и мы, утоливъ сначала водою и виномъ мучительную жажду, принялись за ѣду, но были настолько утомлены, что ѣли почти насильно.

Часъ отдыха пролетѣлъ какъ нѣсколько минутъ.

— Господа, надо въ путь!—сказалъ князь Ермолай.—Иначе мы не пріѣдемъ въ Моаши до наступленія ночи, а въ концѣ пути намъ придется еще спускаться по такимъ крутымъ обрывамъ, что даже и днемъ на нихъ лошади постоянно скользятъ и спотыкаются. Надо спѣшить!

И вотъ, мы поѣхали далѣе, поднимаясь зигзагами все выше и выше. Лѣсной поясъ прекратился; появились обширные луговые склоны, до того крутые, что траву тамъ невозможно было косить.

— Тотъ, кто ступитъ на нихъ съ края нашей тропинки,—сказалъ мнѣ священникъ—уже не будетъ въ состояніи удержаться и будетъ скользить по рвущейся въ его рукахъ травѣ, все далѣе и далѣе, пока не разобьется внизу въ руслѣ потоковъ.

Здѣсь на высотѣ открывались виды, полные такой дикой прелести, что у меня голова кружилась отъ восторга, не смотря на всю усталость!

— Видите тура?—спросилъ насъ князь-охотникъ, показывая пальцемъ на крутой склонъ противоположной горы.

Но мы, простые смертные, какъ ни смотрѣли, ничего не могли увидѣть въ указанномъ имъ мѣстѣ, кромѣ кустарниковъ и луга.

Съ этого мѣста дорога пошла по промытымъ горными ручьями

неглубокимъ каменистымъ оврагамъ такими страшными кручами, что часть всадниковъ предпочла совсѣмъ сойти съ лошадей и карабкаться на четвереньках, ведя ихъ за собою въ поводу.

Потомъ мы попали въ большое облако и очутились, окутанные густымъ туманомъ, въ сѣдловинѣ горы, передъ сложенной изъ дикихъ камней маленькой часовенкой, въ которой стояла икона, окруженная всякими приношеніями проѣзжавшихъ путниковъ. Тамъ лежали мѣдныя и серебряныя монеты, подковы, восковыя свѣчи, всякія тряпочки и лоскутки.

Это былъ Джварскій перевалъ, 2.663 метра надъ уровнемъ моря.

— Какъ жалко — сказалъ мнѣ князь Ермолай, — что мы попали здѣсь въ облако. Отсюда открывается чудный видъ на главную цѣпь Кавказскихъ горъ.

И вотъ, какъ бы въ отвѣтъ на эту жалобу, облако, медленно проносясь кругомъ насъ, стало проясняться съ лѣваго края, прояснилось совсѣмъ, и мы въ его широкое отверстіе увидали дивную картину!

Далеко и высоко за зелеными волнами болѣе низкихъ горъ поднималась многочисленными зубцами высокая темная стѣна огромнаго хребта, одѣтая, какъ бѣлыми кружевами, многочисленными, перепутавшимися между собою ледниками, и всѣ они блестѣли въ лучахъ склонявшагося къ закату солнца.

Трудно было оторвать глаза отъ этого зрѣлища, и мы неподвижно сидѣли въ своихъ сѣдлахъ, какъ очарованные. Но видѣнье продолжалось только одну минуту: отверстіе въ окружавшемъ насъ облакѣ снова закрылось, и мы опять очутились въ густомъ туманѣ.

Быстрое тревожное восклицанье сосѣда вдругъ вывело меня изъ задумчивости. Смотрю около себя и вижу: недалеко отъ меня лошадь Ксаны лежитъ на боку на холодной землѣ, а сама Ксана стоитъ рядомъ съ нею. Она быстро отскочила отъ лошади. Двое изъ нашихъ молодыхъ людей бросились къ ней, а сваны-проводники ударами хлыстовъ заставили снова встать упавшее животное.

— Что случилось?—спрашиваю.

— Лошадь упала отъ усталости! — отвѣчаютъ горцы. — Но это бываетъ только при остановкѣ. На ходу она не упадетъ.

Испуганная Ксана ни за что не хотѣла болѣе садиться въ сѣдло.

— Я пойду пѣшкомъ!—говорила она со слезами въ голосѣ.— Я не знаю сама, какъ я очутилась на ногахъ, когда она неожи-

данно упала подо мной, сначала на колѣни, а потомъ на бокъ. Я боюсь.

— Счастье, что она была въ мужскомъ сѣдлѣ! — сказалъ одинъ изъ спутниковъ.—Иначе она не могла бы стать на ноги, а упала бы на спину и сильно расшиблась бы о камни!

Не смотря на всѣ уговоры и на то, что присутствовавшіе наперерывъ предлагали ей свои лошади, Ксана отказалась и пошла пѣшкомъ. Но ея ноги подкашивались отъ усталости, и, пройдя нѣсколько времени по крутому спуску внизъ, она совершенно ослабѣла и сѣла на краю дороги. Одинъ изъ молодыхъ людей уговорилъ ее попробовать сѣсть на его лошадь, обѣщая все время вести ее подъ уздцы, и она снова рѣшилась подняться на сѣдло. Такъ ее и вели довольно долго, но вдругъ дорога пошла внизъ до того круто, такими обрывами и зигзагами, толстые корни деревьевъ такъ перевили ее своими змѣистыми извивами, что всѣмъ намъ пришлось спѣшиться и спускаться на собственныхъ ногахъ.

Я нѣкоторое время велъ Ксану за руку, помогая ей всѣми силами. Но потеря вѣры въ возможность дойти до конца пути быстро увеличивалась у нея, и я съ каждой минутой все болѣе и болѣе опасался, что, придя въ отчаянье, она сейчасъ заявитъ, что не въ силахъ идти, и сядетъ на дорогѣ.

Присутствіе посторонняго, передъ которымъ инстинктъ подсказываетъ намъ сдерживаться,—подумалъ я,—одно можетъ ей помочь, и потому, воспользовавшись участливымъ приходомъ князя Варлама, я снова быстро сѣлъ въ сѣдло и только незамѣтно наблюдалъ издали, что будетъ, приготовившись уже, въ случаѣ нужды, переночевать съ нею здѣсь въ лѣсу. Однако мое средство подѣйствовало. Я видѣлъ, что въ присутствіи постороннихъ она болѣе владѣетъ собою и потому менѣе падаетъ духомъ, и, какъ мнѣ ни хотѣлось ей помочь, я рѣшилъ болѣе не подходить къ ней до конца пути или до ея окончательнаго изнеможенія, чтобы возможность свободно жаловаться мнѣ на свою судьбу не увеличивала, путемъ самовнушенія, ея безсилія. Я видѣлъ, какъ къ ней затѣмъ подходили и помогали по очереди всѣ другіе спутники, какъ ее то сажали въ сѣдло, то снова ссаживали и вели подъ руки, когда ея усталыя ноги нѣмѣли въ сѣдлѣ или подкашивались въ дорогѣ.

Я видѣлъ, какъ быстро спускался вечеръ, показались звѣзды. Мы выѣхали на луговую поляну, со всѣхъ сторонъ замкнутую высокими горами. Впереди показался огонекъ, послышался говоръ людей, и мы остановились около сколоченнаго изъ досокъ

дома или, вѣрнѣе, сарая, раздѣленнаго перегородками на нѣсколько отдѣленій, и князь Ермолай сказалъ:

— Вотъ и пріѣхали!

Сойдя съ сѣдла, я почувствовалъ, что мои колѣни отъ согнутаго положенія при спускѣ и слишкомъ короткихъ стремянъ страшно болятъ и почти онѣмѣли. Стараясь не обнаруживать своей усталости и не шататься, я побѣжалъ вмѣстѣ съ другими приготовлять Ксанѣ мѣсто для отдыха. Она окончательно упала духомъ и думала, что не переживетъ этой ночи и что во всякомъ случаѣ не будетъ въ состояніи обратно выбраться живой изъ этой роковой для нея долины.

Въ дощатой клѣти съ зіяющими щелями, изъ которыхъ дули снаружи струи ночного воздуха, мы уложили ее на двухъ, постланныхъ одна на другую, буркахъ на голыхъ тесовыхъ доскахъ, идущихъ по стѣнамъ хижины и замѣняющихъ здѣсь сразу и стулья, и постели. Подъ голову ей положили третью свернутую бурку, прикрывъ моимъ пальто, и она неподвижно лежала, закрывъ глаза и не говоря ни слова. Мнѣ стало страшно за нее: что̀ если она здѣсь простудится и заболѣетъ? Кто подастъ ей помощь, гдѣ найти лѣкарства и какимъ способомъ везти ее обратно по этой горной дорогѣ, гдѣ цѣлый день съ утра до вечера приходится то подниматься за облака, то спускаться въ ущелья чуть не къ центру земли, или сойти съ лошади только для того, чтобы тащить ее за собою по скользкимъ каменнымъ уступамъ?

Къ довершенію отчаянности положенія, наши вьючныя лошади отстали, не будучи въ состояніи слѣдовать за нами, такъ какъ на особенно опасныхъ крутизнахъ сопровождавшимъ насъ сванамъ приходилось ихъ развьючивать и по частямъ перетаскивать тюки собственными руками на веревкахъ.

Хозяинъ этого жилища, состоявшаго изъ духана (придорожнаго трактира) и четырехъ клѣтей, отдѣленныхъ другъ отъ друга дощатыми перегородками, могъ доставить намъ только свѣжей воды, вина, хлѣба-пури и немного сыра, которымъ всѣ мы, кромѣ Ксаны, отказывавшейся ѣсть и пить, немного подкрѣпили свои силы. Выйдя изъ открытыхъ дверей комнаты на дощатый помостъ, князь Ермолай и отецъ Александръ постоянно обращали свои взоры, сквозь глубокую тьму безлунной ночи, на то мѣсто, гдѣ невдалекѣ передъ нами высокой чер-

ной стѣной поднималась на фонѣ звѣзднаго неба почти отвѣсная гора, съ которой мы только что спустились.

— Маркоза́—сказалъ мнѣ князь Ермолай о своемъ слугѣ—знаетъ, что здѣсь ничего нѣтъ, и употребитъ всѣ усилія, чтобы доставить намъ тюки сегодня же.

— Но вѣдь тутъ невозможно спуститься въ такую ночь даже пѣшкомъ—возражалъ я.

— У нихъ есть квари (просмоленая лучина, употребляемая какъ факелъ), и сваны знаютъ эти горы, какъ свои пять пальцевъ.

Однако прошелъ часъ, два, приближалась полночь, и никто не являлся. Хотѣлось бы устроить какъ-нибудь хоть дамъ, но и для нихъ не хватило даже бурокъ. Вдругъ, взглянувъ на гору, я увидѣлъ, какъ на ней, между растущими стѣной деревьями, мелькнулъ свѣтлой точкой огонекъ и снова скрылся.

— Смотрите!—сказалъ я—огонекъ!

Свѣтъ снова мелькнулъ, но уже нѣсколько ниже.

— Идутъ! Идутъ!—радостно воскликнулъ князь Ермолай.—Теперь все будетъ хорошо!

Мы испустили громкій крикъ: О-о-го!—пронесшійся въ глубинѣ ночи. Въ отвѣтъ намъ раздался со склона отвѣтный крикъ. Огонекъ началъ зигзагами спускаться все ниже и ниже, и вотъ, наконецъ, передъ нами показались тѣни людей и одна изъ нашихъ вьючныхъ лошадей.

— А гдѣ же другая?

— Другая убѣжала въ горы, когда ее развьючили на крутизнѣ. Но мы, зная, что у васъ ничего нѣтъ, не хотѣли ждать, пока ее поймаютъ. Остальные переночуютъ въ лѣсу и не пріѣдутъ раньше завтрашняго дня.

Но все равно!—Въ тюкѣ оказалась половина багажа, и потому, устроивъ помягче дамъ и завѣсивъ моимъ пальто щели стѣны надъ головою Ксаны, мы удалились въ одну изъ сосѣднихъ комнатъ и заснули мертвымъ сномъ на ея деревянныхъ скамьяхъ.

IV.

Въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ.

Мои сосѣди по ночлежнымъ скамьямъ въ Моа̀ши—князь Ермолай и отецъ Александръ—первые проснулись раннимъ утромъ, и я услышалъ сквозь сонъ ихъ грузинскій говоръ. Потомъ

всталъ Бабе и, замѣтивъ, что я шевелюсь, обратился ко мнѣ съ какимъ-то вопросомъ по-французски, и я, тоже сквозь сонъ, отвѣтилъ ему. Но скоро безпокойство за Ксану заставило меня подняться, хотя мои компаньоны и говорили, чтобъ я еще спалъ, такъ какъ дамы еще не проснулись. Я вышелъ изъ дверей, и ясное солнечное утро почти ослѣпило меня послѣ полумрака нашей импровизированной спальни.

Чудная картина открылась передо мною. Прямо на сѣверъ за глубокой долиной неслась внизу нашего холма Цхенисъ-Цхали (лошадиная рѣка) и поднималась огромнымъ бурымъ амфитеатромъ гора Дадіашъ, а размывшая этотъ амфитеатръ и ея первоначальный антиклинальный подъемъ горная рѣка, со своими каскадами и пѣнящимися боковыми притоками, рисовалась на днѣ этого амфитеатра узкими снѣжно-бѣлыми черточками, какъ вѣтками распластаннаго тамъ серебристаго дерева. На западѣ отъ нея поднимались одна за другой фестонами на общемъ крутомъ подъемѣ лѣсистой почвы луговыя вершины Мушури и Латпари и далѣе снѣжная Ласиль. Прямо на югъ почти отвѣсной стѣной стояла гора Латхвіари, съ которой мы пріѣхали, сверху до низу поросшая сплошнымъ лиственнымъ и хвойнымъ лѣсомъ, огромныя тысячелѣтнія деревья котораго, казалось, нарочно поднялись по этимъ склонамъ и встали, столпившись, одни надъ другими, чтобъ лучше видѣть съ высоты, въ лежащей подъ ними долинѣ, могучіе процессы вѣкового размыванья и вывѣтриванья, незамѣтно измѣняющаго всѣ контуры противоположныхъ горъ. Налѣво, къ востоку, виднѣлась гигантская неприступная скала Читхаро, торчавшая изъ своей возвышенности какъ зубъ слона. Бѣлое облачко стояло надъ нею немного сбоку и развѣвалось, какъ знамя, въ голубой атмосферѣ, не уходя со своего мѣста, хотя быстрый вѣтеръ все время несся вверху и, отражаясь отъ горъ, производилъ сильный водоворотъ воздуха въ нашей замкнутой со всѣхъ сторонъ котловинѣ, на днѣ которой, на зеленомъ холмѣ, стояло наше жилище. Я взглянулъ далѣе и почти надъ каждой сильно выдающейся вершиной замѣтилъ такія же облака, развѣвавшіяся какъ знамена въ томъ же направленіи. Было ясно, что влажный воздухъ, переваливаясь въ своемъ быстромъ теченіи черезъ горныя вершины, охлаждался отъ расширенія въ высотѣ и выдѣлялъ изъ себя въ этихъ мѣстахъ водяные пары; но онъ не могъ унести ихъ далѣе, потому что, опускаясь внизъ за вершиной, онъ снова нагрѣвался и обратно растворялъ выдѣленную имъ влагу. Такимъ образомъ неподвижность облачка, какъ бы остановившагося надъ горою, была только

кажущеюся: оно лишь быстро возобновлялось съ одной стороны и быстро расплывалось съ другой.

Примѣта горныхъ жителей, что если надъ особенно высокими окрестными вершинами, въ родѣ скалы Прометея, появляется сизое дождевое облако, то пойдетъ черезъ нѣкоторое время дождь, имѣла, очевидно, вполнѣ прочное основаніе. Это означало, что атмосфера сильно насыщена парами. И наоборотъ: если вершины оставались безоблачными, то можно было поручиться за прочную, ясную погоду; это значило, что воздухъ былъ настолько сухъ, что даже и при такомъ подъемѣ и охлажденіи не могъ выдѣлить изъ себя паровъ.

Обойдя кругомъ дома, гдѣ никого не было видно, я подошелъ къ двери, гдѣ были уложены дамы, и окликнулъ Ксану. Изъ-за дощатой стѣны послышался ея веселый голосъ, отвѣчавшій мнѣ, что она совершенно оправилась отъ пути, и только сильно болятъ колѣни.

У меня сразу отлегло на душѣ. Если она перенесла этотъ путь, думалось мнѣ, то очевидно перенесетъ и обратный, въ концѣ котораго ее ждетъ, притомъ же, удобный домъ князя Ермолая и возможность медицинской помощи.

Изъ-за угла показался Бабе съ геологической картой этой мѣстности Кавказа и, обрадовавшись мнѣ, какъ единственному человѣку, съ которымъ можно было говорить здѣсь о геологіи, началъ по-французски изливать мнѣ свое горе:

— Это удивительно! Почти всѣ второстепенныя горы нанесены здѣсь совершенно фантастически, и нельзя узнать ни одной. Какая разница съ картами Швейцаріи!

Мы разложили карту на землѣ, сѣверъ къ сѣверу, югъ къ югу. Отыскавъ на ней приблизительную точку своего мѣстопребыванія, мы начали проводить изъ нея по картѣ проекціи на наиболѣе выдающіяся вершины окружающихъ насъ горъ, но и теперь могли узнать только исключительно высокія. Было ясно, что слова Бабе о фантастичности второстепенныхъ возвышенностей на казенной картѣ были совершенно справедливы.

— И вездѣ точно также!—говорилъ Бабе, уже изъѣздившій съ геологическими цѣлями много горъ и долинъ Закавказья.

Между тѣмъ дамы встали и выползли на дневной свѣтъ, усталыя, но совершенно невредимыя, изъ своихъ дощатыхъ убѣжищъ. Къ моему удивленію оказалось, что болѣе всѣхъ пострадала не Ксана, а княгиня Нина, у которой возобновилась, бывавшая у нея и ранѣе, сильная боль подъ ложечкой. Она одна лежала внутри хижины и не могла ничего ѣсть. Князь Ермолай

ходилъ совершенно унылый: медицинской помощи негдѣ было получить и приходилось предоставить все природѣ. Лучше всѣхъ выдержали путешествіе двѣ сестры княгини Нины и дочери священника. Онѣ сейчасъ же побѣжали внизъ холма пить воду изъ находившагося тамъ цѣлебнаго источника.

— Здѣсь, у подошвы той горы, есть минеральныя воды, въ родѣ Нарзана,—сказалъ мнѣ князь Варламъ,—открытыя совершенно случайно. Окрестные крестьяне замѣтили, что ихъ скотъ, разъ попробовавъ пить изъ этого источника, уже не желаетъ идти къ другимъ и толпами собирается въ этомъ мѣстѣ. Они стали сами пробовать и замѣтили, что вода помогаетъ въ желудочныхъ и многихъ другихъ болѣзняхъ, и теперь всѣ окрестные больные приходятъ сюда пить, а здоровые уносятъ для неспособныхъ придти воду домой въ бутылкахъ. Еслибы эта мѣстность не была такъ недоступна, здѣсь давно образовался бы курортъ. А теперь, при отсутствіи путей сообщенія, появился только этотъ духанъ для мѣстныхъ приходящихъ и немногихъ другихъ, кто слышалъ объ этихъ водахъ.

Мы пошли внизъ по холму и увидали вырытый въ землѣ неглубокій колодезь или скорѣе маленькій бассейнъ, обложенный съ боковъ четырьмя тесовыми дощечками. Чистая и прозрачная вода довольно быстро выдѣлялась съ его дна и текла внизъ по пригорку. Нѣсколько коровъ и козъ уже столпились по близости и лѣниво, не торопясь, пили протекавшую подъ ихъ ногами воду. Съ десятокъ крестьянъ и крестьянокъ стояли въ загороженномъ пространствѣ у колодца. Одни, зачерпывая воду въ кружки, медленно пили; другіе разливали ее въ бутылки, чтобъ унести съ собою. Пузырьки угольнаго ангидрида обильно выдѣлялись со дна бассейна и, газируя слегка его воду, выскакивали на ея поверхность. Зачерпнувъ изъ источника принесенною съ собою кружкой, я отпилъ его холодной воды и замѣтилъ въ ней, кромѣ легкаго выдѣленія углекислоты, еще легкій содовый и магнезіальный привкусъ. Она была очень пріятна, до того, что потомъ, послѣ возвращенія изъ этихъ мѣстъ, обычная вода показалась мнѣ совсѣмъ безвкусной. Очень низкая температура источника, какъ и другихъ, имѣющихся здѣсь, показывала, что всѣ они вытекали не изъ глубинныхъ слоевъ земли, и выдѣленье углекислоты легче всего объяснить большимъ давленіемъ, подъ которымъ текла въ землѣ вода. Но только угольный ангидридъ очевидно здѣсь шелъ особыми струями, такъ какъ вода въ источникѣ была лишь очень слабо насыщена имъ.

Нѣсколько коровъ, напившись, пошли вдоль берега ручья и

вдругъ, остановившись на мѣстѣ, завыли, поднявъ головы къ небу, протяжными, раздирающими душу мычаньями. Въ ихъ вопляхъ слышалось такое глубокое страданье, что, кажется, и человѣкъ не могъ бы болѣе сильно выразить свое отчаяніе.

— Что это значитъ? — спросилъ я, быстро вскакивая съ мѣста, чтобъ посмотрѣть на нихъ.

Еще нѣсколько другихъ коровъ, быковъ и телятъ, остававшихся у источника, побѣжали туда же и, обнюхавъ землю, начали выть такими же отчаянными голосами.

— Здѣсь недавно зарѣзали теленка, — сказалъ мнѣ подошедшій къ намъ отецъ Александръ. — Коровы дѣлаютъ это всегда, когда почуютъ въ почвѣ запахъ крови своего собрата.

Я видѣлъ это въ первый разъ въ жизни, и въ моей головѣ сразу возникла мысль: вотъ нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ говорятъ, что мы антропоморфизируемъ животныхъ, напрасно приписываемъ имъ свои человѣческія ощущенія, когда, по всей вѣроятности, они чувствуютъ совершенно своеобразно. Пусть же они послушаютъ этотъ жалобный вой животныхъ надъ лобнымъ мѣстомъ своего собрата — и они увидятъ, какъ одинаковы чувства и отношенія другъ къ другу во всемъ, родственномъ намъ, животномъ мірѣ! Послушайте гдѣ-нибудь на бойнѣ, и если ваши нервы не слишкомъ грубы, вы навѣрно пожалѣете въ тотъ моментъ, что васъ пріучили ѣсть мясо!

Всю дорогу, возвращаясь отъ источника домой, я оборачивался назадъ. Стадо все время стояло на томъ же мѣстѣ. Быкъ и коровы рыли копытами землю и затѣмъ, поднявъ головы вверхъ, выли такими же отчаянными голосами.

И мнѣ невольно вспоминались многочисленныя, ежедневныя казни послѣдняго времени, и хотѣлось также выть надъ лобными мѣстами своихъ собратій по человѣческому роду.

У нашего жилища вновь собрались окрестные жители, чтобы привѣтствовать князя Ермолая и его пріѣхавшаго племянника, такъ какъ владѣнья ихъ рода не только простирались до этого мѣста, но и уходили еще далѣе черезъ Кавказскія цѣпи куда-то въ Терскую область. Это была цѣлая страна, огромныя естественныя богатства, которыя большею частью лежали мертвымъ капиталомъ, вслѣдствіе отсутствія путей сообщенія съ цивилизованнымъ міромъ, а крестьяне находились еще во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ своимъ бывшимъ феодальнымъ владѣльцамъ. И здѣсь они приводили на веревочкахъ бѣлыхъ не-

винныхъ барашковъ и козочекъ, или подносили форелей и свернутые въ видѣ женскихъ косъ сыры. Столпившіеся вокругъ князя Ермолая пожилые крестьяне, которыхъ онъ своимъ вліяньемъ не разъ защитилъ отъ карательныхъ экспедицій, оживленно и долго толковали съ нимъ на мѣстномъ нарѣчіи.

— О чемъ они говорили?—спросилъ я его, когда мы остались одни.

— О бывшемъ аграрномъ движеніи, когда они объявили намъ забастовку и начали „снимать" въ нашихъ домахъ прислугу. Тогда никто не смѣлъ у насъ служить, а тѣмъ, кто оставался, объявляли бойкотъ и даже угрожали смертью.

— Что же вы имъ сказали?

— Сказалъ, что сами виноваты въ своемъ теперешнемъ горькомъ положеніи: зачѣмъ вѣрили соціалъ-демократамъ, что могутъ все получить собственными силами. Я говорилъ, что еслибъ шли за нами, то временно-обязанныя отношенія уже были бы прекращены обязательнымъ выкупомъ и надѣльной землей.

— А они что отвѣчали?

— Говорили: какъ же намъ было не вѣрить, когда ваши собственныя дѣти и племянники совѣтовали намъ все это? Они были нашими соціалъ-демократическими вожаками!

— А вѣдь ваши горцы не глупы!

— Нѣтъ! они очень умные!—отвѣтилъ князь Ермолай.

— И чѣмъ же вы кончили разговоръ?

— Они сказали: вотъ вы говорите намъ одно, ваши дѣти—другое; появились новые люди, которые совѣтуютъ намъ третье. Сговоритесь же прежде между собою, какъ найти выходъ изъ нашего тяжелаго положенія, и тогда мы пойдемъ за вами, куда хотите!

Какъ жаль, что я не зналъ ихъ языка, чтобы непосредственно узнать настроеніе этого замѣчательнаго народа!

V.

На невѣдомомъ курортѣ.

На слѣдующій день наши дамы настолько оправились отъ дороги, что рѣшили принимать желѣзныя ванны. Дѣло въ томъ, что кромѣ минеральныхъ источниковъ, далѣе, версты за двѣ отъ насъ, по склону горы были и желѣзистые. Въ первый разъ мы отправились туда верхами, но разстоянье было настолько не-

велико, что мы стали потомъ ходить пѣшкомъ, тѣмъ болѣе, что узенькая тропинка шла чудными мѣстами по крутому боку Латхвіари. Съ одной стороны высились стѣной крутые отвѣсы горы, съ другой—почва изъ глинистыхъ слоевъ палеозойскаго періода падала прямо въ глубину ущелій. Съ обѣихъ сторонъ склоны были покрыты безъ преувеличенія тысячелѣтними елями и буками, стволы которыхъ часто достигали такой толщины, что три человѣка едва могли ихъ обхватить. Какъ огромныя сѣрыя змѣи, извивались по склонамъ ихъ могучіе корни и впивались потомъ въ разсѣлины сланцевыхъ плитъ. Сотни кузнечиковъ спрыгивали изъ-подъ ногъ въ разныя стороны. Быстроногія ящерицы, то тутъ, то тамъ, взбѣгали на скалы по самымъ отвѣснымъ кручамъ. Ежевика, малина и какія-то кустарниковыя, растенія съ твердыми, какъ у лавроваго дерева, листьями, но покрытыя на бордюрѣ острыми, какъ иглы, колючками, называемыя здѣсь бадзгари, перепутавшись между собою, составляли подлѣсье. Во многихъ мѣстахъ приходилось идти по поясъ между ними, пока мы не доходили, наконецъ, до узкаго и глубокаго ущелья дивной красоты, по дну котораго сотнями серебристыхъ водопадовъ скатывался ручей Цвирнамисъ-Гелэ, живописно заваленный въ безпорядкѣ упавшими поперекъ него вѣковыми деревьями. Никогда я не видалъ даже и въ воображеніи ничего подобнаго! Это была по истинѣ сказочная красота!

Перейдя черезъ него по брошенному кѣмъ-то бревну, мы поднялись по горному склону снова вверхъ и, пройдя черезъ нѣсколько полянокъ, пришли, наконецъ, къ первобытному шалашу, обращенному къ намъ своею дощатой спиной. Около него мы увидѣли нѣсколькихъ туземцевъ, лежавшихъ на травѣ подъ навѣсомъ изъ древесныхъ вѣтвей, и большой черный котелъ съ пылающимъ подъ нимъ костромъ. Въ котелъ по деревянному желобу стекала изъ разсѣлины въ горѣ, насыщенная желѣзными солями, холодная вода, уже отложившая около себя на почвѣ слои краснаго порошка окисловъ желѣза. Подогрѣвъ эту воду въ котлѣ, такъ какъ она была слишкомъ холодна для купанья, ее выливали въ другой желобъ, по которому она и стекала въ избушку на курьихъ ножкахъ. Обойдя эту избушку, мы вошли въ нее съ обратной стороны въ подобіе двери, завѣшенное чѣмъ-то плетенымъ, въ родѣ изорваной рогожи, и увидѣли тамъ выдолбленную изъ буковаго ствола колоду, въ которую и стекала черезъ отверстіе стѣны подогрѣтая въ котлѣ вода.

Это и былъ импровизированный курортъ!

— Не хотимъ и думать о купаньѣ въ такой ваннѣ!—заго-

ворили наши дамы:—въ ней уже все лѣто омывали свои болѣзни мѣстные жители.

— Обѣщаемъ ежедневно мыть колоду мыломъ и пускать въ нее васъ первыми!—съ испугомъ воскликнулъ устроитель курорта, мѣстный крестьянинъ, ожидавшій приращенія своихъ скудныхъ доходовъ.

Нашимъ дамамъ пришлось примириться съ неизбѣжнымъ. И вотъ онѣ начали принимать по очереди ванны для укрѣпленія здоровья, хотя кромѣ княгини Нины всѣ были совершенно здоровы. Начались ихъ ежедневныя пилигримства по живописной лѣсной тропинкѣ. Я, по просьбѣ Ксаны, всегда сопровождалъ ее и, пока она купалась, валялся съ книгой въ рукахъ гдѣ-нибудь около, такъ какъ въ первый же день она пожаловалась мнѣ, что одинъ изъ водоваровъ, мѣстный стражникъ, довольно безстыднаго вида, пользуясь тѣмъ, что я отошелъ немного отъ избушки за малиной, нѣсколько разъ проходилъ мимо плохо прикрывавшейся двери и бросалъ внутрь избушки нескромные взгляды.

— Это служба въ солдатахъ испортила его — сказалъ ей князь Ермолай, и, по его требованію, провинившійся стражникъ былъ навсегда удаленъ отъ ванны.

Здѣсь, сидя на свободѣ, мнѣ нѣсколько разъ случалось дѣлать интересныя наблюденія надъ образованіемъ грозовыхъ облаковъ. Еще ранѣе, въ окрестностяхъ родного имѣнья въ Ярославской губерніи, я замѣтилъ одинъ своеобразный и, повидимому, самый частый въ нашихъ умѣренныхъ странахъ случай образованія грозъ.

Гдѣ-нибудь на одной сторонѣ горизонта начинаютъ возникать на извѣстной высотѣ оригинальной формы облака. Ихъ основанія совершенно плоски, а верхняя часть, быстро выростая въ высоту, принимаетъ видъ огромныхъ плотныхъ головокъ цвѣтной капусты. Тотъ, кто ѣлъ такія головки, какъ ихъ обыкновенно подаютъ на столъ, въ маслѣ съ толчеными сухарями, сейчасъ же ясно представитъ себѣ форму этихъ облаковъ и не ошибется, когда увидитъ ихъ на небѣ. Появляются они въ жаркіе лѣтніе дни, большею частью послѣ полудня, и происходятъ отъ быстраго стремленія вверхъ воздуха, насытившагося почвенными испареніями и потому уменьшившагося въ своей плотности. Взлетая такими кочанообразными клубнями нерѣдко на огромную высоту (до десятка или болѣе километровъ), эти воздушныя теченія, какъ отъ своего собственнаго разрѣженія, такъ и отъ соотвѣтствующаго ему охлажденія на высотѣ, выдѣляютъ во всемъ своемъ

объемѣ растворенные въ нихъ невидимые водяные пары, а потому и становятся послѣ этого замѣтными для нашего глаза. Но выдѣленіе водяныхъ паровъ сопровождается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и выдѣленіемъ электричества, напряженіе котораго становится все болѣе и болѣе сильнымъ по мѣрѣ того, какъ пары сгущаются внутри такого облака въ дождевыя капли и поверхность распредѣленія на нихъ электроновъ все болѣе и болѣе уменьшается. Вотъ почему часа черезъ полтора или даже много болѣе надъ данной мѣстностью и разражается гроза, съ ея дождемъ, молніями и громовыми ударами.

Какъ только я увидѣлъ и здѣсь надъ горами совершенно такія же облака во время моего дежурства при ваннахъ въ Сасаши, я сказалъ при возвращеніи своимъ спутникамъ:

— Сегодня вечеромъ будетъ гроза!

Они взглянули на голубое небо, съ плывущими по немъ кое-гдѣ бѣлыми кучевыми облаками, обычными, повидимому, признаками хорошей погоды, и, не обративъ вниманія на ихъ своеобразныя формы, не повѣрили моему предсказанію. Но каково же было ихъ удивленіе, когда вечеромъ дѣйствительно разразилась, сначала въ отдаленіи, а затѣмъ и надъ нами, сильная гроза, смѣнившаяся къ утру снова ясной погодой!

Въ слѣдующіе дни я продолжалъ свои наблюденія, и ихъ окончательные результаты можно резюмировать такъ. Образованіе этихъ своеобразныхъ, если можно такъ выразиться, *столбовыхъ* облаковъ есть ясный признакъ возникновенія въ данной мѣстности грозовызывающаго процесса. Но этотъ процессъ борется всегда съ другимъ, противоположнымъ: со стремленіемъ окружающей эти облака болѣе сухой атмосферы растворить въ себѣ ихъ водяные пары и этимъ прекратить образованіе дождя и молній. Борьба обоихъ процессовъ ясно сказывается на поверхностяхъ такихъ облаковъ. Если эти поверхности рѣзки и отчетливы, и всѣ контуры обрисовываются ясно на фонѣ голубого неба, если они уходятъ значительно вверхъ, такъ что высота становится не менѣе основанія, то гроза непремѣнно разразится черезъ нѣсколько часовъ. Если же, наоборотъ, контуры дѣлаются расплывчатыми, а поверхности ихъ отдѣльныхъ лопастей, напоминающихъ, какъ я говорилъ, головки цвѣтной капусты, —неясными, то это значитъ, что грозоразсѣивающіе процессы успѣшно борются здѣсь съ грозовызывающими, и гроза или совсѣмъ не состоится, или, если размываніе контуровъ слабо, произойдетъ лишь поздно ночью, да и то въ болѣе слабой степени.

Въ горахъ Сванетіи и Закавказья я не разъ отчетливо и во всѣхъ деталяхъ наблюдалъ всѣ перипетіи этой борьбы двухъ стихійныхъ силъ, и во время моего пребыванія тамъ всегда безошибочно предсказывалъ грозу за нѣсколько часовъ до ея дѣйствительнаго появленія. Но, конечно, существуетъ и другой типъ грозъ, когда на горизонтѣ прямо показывается та сизая туча, свернувшаяся переднимъ концомъ какъ свитокъ стариннаго папируса, которая такъ поэтически описана въ „Апокалипсисѣ".

Прошло четыре или пять дней въ непрерывныхъ путешествіяхъ на желѣзныя ванны, въ питьѣ „нарзана" у „источника живой воды", въ пѣніи хоровыхъ пѣсенъ, различныхъ играхъ и даже въ особомъ танцѣ „ктокакможет" на лужайкѣ передъ домомъ. Князь Ермолай, большой любитель и знатокъ грузинской поэзіи, читалъ намъ по-грузински нѣкоторыя стихотворенія Чавчевадзе, Церетели и знаменитаго стариннаго Орбеліани, но я долго не могъ схватить ритма, пока мнѣ не сказали, что большинство грузинскихъ поэтовъ пишутъ еще стариннымъ риѳмованнымъ гекзаметромъ, который нельзя подвести подъ ямбы, хореи, дактили, амфибрахіи и анапесты нашего современнаго европейскаго стихосложенія.

VI.

У забытаго памятника прошлаго.

Въ одинъ прекрасный день отецъ Александръ объявилъ намъ, что здѣсь можно познакомиться съ чрезвычайно интересной старинной горной церковью въ ущельи, всего лишь въ нѣсколькихъ верстахъ, гдѣ еще хранится уздечка знаменитой грузинской царицы Тамары.

— Вы, русскіе, и не подозрѣваете, какая древняя у насъ цивилизація! — воскликнула съ увлеченіемъ одна стремительная княжна.—Нѣкоторыя церкви построены у насъ еще въ первомъ вѣкѣ апостоломъ Андреемъ, проповѣдывавшимъ здѣсь христіанство.

— Но въ первомъ вѣкѣ еще не было церквей! — отвѣчаю я, умолчавъ уже о томъ, что считаю и самого апостола легендарнымъ.

— Ну, такъ во второмъ!

— Но и во второмъ ихъ еще не было!

— Однимъ словомъ, въ первые годы появленія въ нашихъ горахъ христіанства.

— Но христіанство было, какъ извѣстно, введено у васъ святой Ниной, жившей, по вашимъ же историкамъ, въ VIII-мъ вѣкѣ.

Самымъ интереснымъ для меня въ этомъ спорѣ было то инстинктивное стремленіе всѣхъ страстныхъ любителей старины увеличивать насколько возможно древность находимыхъ ими памятниковъ и документовъ. Только здѣсь оно высказалось болѣе наивно, тогда какъ у историковъ-открывателей совершенно такое же стремленіе обставляется нерѣдко рядомъ очень убѣдительныхъ доказательствъ. Да это и понятно: вѣдь важность открытаго вами памятника или документа увеличивается, можно сказать, пропорціонально квадрату его древности, а потому изъ всѣхъ датъ, которыя возможно допустить, невольно поддерживается самая древняя! Благодаря этому, позднѣйшимъ изслѣдователямъ часто и достается на долю печальная и неблагодарная роль отодвигать найденный памятникъ или документъ въ болѣе позднія времена, какъ это и мнѣ самому уже пришлось сдѣлать относительно „Апокалипсиса“ и вмѣстѣ съ нимъ многихъ документовъ, въ которыхъ онъ цитируется.

Мы быстро собрались и цѣлой толпой начали спускаться съ холма по направленію къ рѣкѣ Цхенисъ-Цхали, за которой вдали виднѣлось и ущелье съ его исторической церковью.

— Грузинская цивилизація — говорилъ мнѣ отецъ Александръ — достигла чрезвычайно высокой степени еще въ послѣдніе вѣка Римской имперіи. Наши молодые люди часто получали свое образованіе въ Аѳинахъ. Поэтъ Шота Руставелли, знаменитая книга котораго „Барсова кожа“ переведена на нѣмецкій и англійскій языки, считается и въ настоящее время недосягаемымъ образцомъ, а онъ жилъ въ XII-мъ вѣкѣ!

Я уже хорошо зналъ этого поэта. Портреты, скопированные масляными красками съ какого-то одного и того же, наивнаго по исполненію и потому, несомнѣнно, очень древняго оригинала, висѣли въ домахъ почти всѣхъ моихъ знакомыхъ закавказцевъ. Поэтъ съ перваго же взгляда поразилъ меня мертвенной блѣдностью своего лица. Мнѣ очень захотѣлось прочесть его поэму, хотя бы въ нѣмецкомъ переводѣ, но здѣсь его не было.

— Затѣмъ, съ конца среднихъ вѣковъ,—продолжалъ отецъ Александръ, — благодаря постояннымъ нападеніямъ и горцевъ, и персовъ, и турокъ, наша цивилизація начала падать, и только теперь, не смотря на всѣ препятствія, возрождается вновь. Въ

настоящее время у насъ есть замѣчательные поэты: Церетели и, недавно убитый фанатиками, Чавчевадзе, который былъ также и выдающимся общественнымъ дѣятелемъ прогрессивнаго направленія.

— А есть русскіе переводы этихъ поэтовъ?

— Есть переводы только отдѣльныхъ произведеній, сдѣланные Тхоржевскимъ, В. Величко и княгиней Амираджиби.

Надо непремѣнно ихъ прочесть, какъ только возвращусь, думалось мнѣ. Меня очень занимала будущая судьба этого небольшого народа, принявшаго меня такъ радушно и гостепріимно. Что-то предстоитъ ему въ будущемъ? Еслибы даже и удалось быстро устроить въ нашей восточной Европѣ и прилегающихъ частяхъ Азіи федеративное государство по образцу Соединенныхъ Штатовъ, то самая малочисленность населенія закавказскихъ Штатовъ уже сильно ограничивала бы возможность развитія въ ней богатой національной грузинской, армянской и татарской литературы, способной конкурировать, напримѣръ, съ англійской или нѣмецкой.

Этотъ вопросъ о національныхъ литературахъ всегда былъ для меня больнымъ вопросомъ.

Для чего намъ служитъ языкъ? — еще въ дѣтствѣ спрашивалъ я себя.—Для того, чтобы сообщать другимъ свои мысли и имѣть возможность узнавать мысли другихъ нашихъ собратьевъ по человѣческому роду. Значитъ, чѣмъ обширнѣе площадь, занимаемая даннымъ языкомъ на земной поверхности, чѣмъ многочисленнѣе говорящее и въ особенности пишущее на немъ населеніе, чѣмъ богаче его научная и изящная литература, тѣмъ намъ необходимѣе его знать. Но во всѣхъ этихъ отношеніяхъ ни одинъ языкъ не можетъ сравниться съ англійскимъ, а потому, какъ бы ни противодѣйствовали наши англофобы его введенію въ среднія учебныя заведенія, какъ перваго обязательнаго языка, каждому изъ насъ, кто хочетъ пріобщиться къ міровой жизни и литературѣ, приходится изучать его потомъ, самостоятельно. И всякому не-англичанину приходится дѣлать это. Затѣмъ слѣдуютъ нѣмецкій и французскій языки... А кого, кромѣ спеціализировавшагося лингвиста, хватитъ на изученіе болѣе чѣмъ трехъ языковъ? Значитъ, всѣ остальные, въ томъ числѣ и мой русскій, выключены самой судьбою изъ всеобщаго употребленія и должны навсегда остаться въ захолустьяхъ міровой цивилизаціи, пока естественный процессъ сліянія языковъ не сблизитъ ихъ между собою и не сольетъ, путемъ ассимиляціи, въ одинъ обще-земной языкъ. — А вѣдь чувствовать себя въ захо-

лустьѣ цивилизаціи очень печально! Пишешь научныя вещи и литературныя произведенія и чувствуешь, что они отдѣлены отъ широкаго вольнаго міра непроницаемой стѣной твоего собственнаго языка! Чувствуешь себя какой-то рыбой, медленно ворочающейся въ замкнутомъ бассейнѣ, вмѣсто того, чтобы сразу поплыть стрѣлой по безбрежному океану, какъ твои другіе, болѣе счастливые въ своемъ родномъ языкѣ товарищи! Конечно, переводъ помогаетъ много въ этомъ отношеніи... Но вѣдь переводится главнымъ образомъ то, что обѣщаетъ издателямъ быстрый сбытъ и значительную прибыль, и потому часто оказывается, что самыя выдающіяся спеціальныя книги бывали переведены лишь черезъ много десятилѣтій послѣ смерти ихъ автора.

У маленькихъ народовъ, какъ закавказскіе, условія національной науки и литературы, конечно, еще печальнѣе, чѣмъ у насъ. Книга, газета, журналъ по самой своей природѣ могутъ быть дешевы, т.-е. общедоступны только при условіяхъ очень большого числа печатаемыхъ экземпляровъ, когда авторскій гонораръ и издержки набора, распредѣляясь по двумъ-тремъ копейкамъ на каждую книжку, совершенно исчезаютъ для читателя, и стоимость ея опредѣляется только цѣной бумаги да обязательной процентной прибавкой въ пользу книгопродавцамъ. Только въ этомъ случаѣ литературный или ученый трудъ и можетъ обезпечить собою существованіе автора и его семьи. Тамъ, гдѣ, благодаря незначительности читающаго населенія, зависящей отъ малочисленности всего народа, распространеніе книгъ ограниченно, тамъ наука и литература могутъ непропорціонально развиваться только путемъ поднятія національнаго самолюбія, побуждающаго авторовъ писать непремѣнно на своемъ языкѣ, хотя бы ихъ произведенія и оставались доступными лишь для ограниченнаго числа соотечественниковъ.

И несомнѣнно, что абсолютизмъ нашей администраціи, ея презрѣніе къ національнымъ особенностямъ окраинъ и первобытные пріемы русифицированія сдѣлали уже очень много для поднятія этого національнаго самолюбія въ Закавказьѣ, т.-е. добились результатовъ совершенно противоположныхъ тѣмъ, какихъ желали.

— Можете себѣ представить — сказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ новыхъ знакомыхъ:—учителя въ нашихъ народныхъ школахъ должны преподавать ариѳметику, географію и всѣ остальныя науки на русскомъ языкѣ въ то время, какъ ни одинъ изъ ихъ учениковъ еще не знаетъ почти ни слова по-русски, да и самый русскій языкъ, т.-е. главный предметъ мѣстнаго преподаванія,

долженъ преподаваться по-русски!—Подобный способъ преподаванія наукъ показался мнѣ такимъ невѣроятнымъ по своей нелѣпости, что я не повѣрилъ, но другіе подтвердили мнѣ это.

— Но какъ же дѣти выучиваются хоть кое-чему?

— Только потому, что учителя, не смотря на угрозу изгнанія и лишенія заработка, если скажутъ въ школѣ хоть слово на мѣстномъ языкѣ, нарушаютъ эту инструкцію и, дѣйствительно, подвергаются за это частымъ наказаніямъ. Тѣ же, кто держится инструкціи, отпускаютъ своихъ учениковъ совершенно забитыми и не пріобрѣвшими въ школѣ даже и знанія русскаго языка. Да и народъ не хочетъ отдавать къ нимъ своихъ дѣтей.

Это меня совершенно ошеломило. Я никогда не былъ націоналистомъ, но всегда былъ федералистомъ въ смыслѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, такъ чтобы каждая національность могла ассимилироваться съ другими естественнымъ процессомъ своего развитія, фатально вызывающимъ приспособленіе малыхъ по численности народовъ къ большимъ, какъ по языку, такъ и по культурѣ, давая послѣднимъ взамѣнъ того много своихъ оригинальныхъ чертъ. Но ассимилировать такими насильственными пріемами, возбуждающими лишь взаимное раздраженіе, не значитъ ли искусственно вызывать только сепаратистическія чувства? Мнѣ живо представилось наше положеніе въ тѣ, можетъ быть, недалекія времена, когда намъ, русскимъ, и съ нами всѣмъ народностямъ восточной Европы и сѣверной Азіи, можетъ-быть, придется выдержать суровую борьбу за существованіе, благодаря тому всеразрушающему милитаризму, который изъ подражанія Европѣ мало-по-малу переносится и въ Китай. Насколько мы будемъ подготовлены къ этой борьбѣ, если наши централистическіе пріемы до того раздражатъ противъ насъ всѣ окраины, что при первой возможности онѣ бросятся на шею Турціи, Персіи и кому угодно, лишь бы избавиться отъ нашего ига?

Оглядѣвшись кругомъ на окрестности, я увидѣлъ, что спустился, благодаря всѣмъ этимъ размышленіямъ, совсѣмъ внизъ, къ подошвѣ горы, далеко отъ остальныхъ товарищей, находившихся еще на ея склонѣ. Прямо передо мной дорога шла въ большую сванскую деревню, гдѣ извилистыя улицы между безпорядочно построенными домами изъ плитъ не давали мнѣ возможности угадать дальнѣйшій путь. Я подождалъ остальныхъ, и мы всѣ гурьбою отправились черезъ деревню. Тутъ я въ первый

разъ увидѣлъ у одного изъ нашихъ юныхъ спутниковъ берданку за спиной, а сзади замѣтилъ еще слугу, вооруженнаго такимъ же образомъ.

— Что̀ это значитъ?—спросилъ я.

— Тутъ бываютъ князья, убившіе моего двоюроднаго брата, когда онъ явился къ ихъ крестьянамъ въ качествѣ соціалъ-демократа!—отвѣтилъ онъ.

Пройдя черезъ деревню, мы вышли къ небольшому садику, гдѣ насъ привѣтствовала молодая женщина, оказавшаяся женой мѣстнаго священника, котораго не было дома. Она насъ усадила за оригинальнымъ столомъ, вмѣсто ножекъ котораго были двѣ большія плиты чернаго аспиднаго сланца, воткнутыя однимъ концомъ въ землю. На нихъ плотно лежала третья огромная плита изъ того же самаго матеріала; она-то и служила столомъ. Оказалось, что цѣлыя горы состоятъ здѣсь изъ этого сланца, и ихъ плитами, какъ черепицей, покрыты дома всѣхъ окрестныхъ деревень.

Молодая женщина угостила насъ молокомъ съ мѣстнымъ хлѣбомъ-пу́ри и сырами и очень сожалѣла, что ея мужа нѣтъ въ эту минуту дома. Она принесла намъ на полосѣ бѣлаго картона его стихотвореніе, посвященное убитому поэту Чавчевадзе, и отецъ Александръ прочелъ намъ его сначала по-грузински, а потомъ сдѣлалъ и русскій прозаическій переводъ.

Пробывъ здѣсь лишь самое незначительное время, мы перебрались, по довольно первобытному бревенчатому мосту, черезъ Цхенисъ-Цхали и стали съ трудомъ подниматься вверхъ къ тѣсному ущелью со старинной церковью, куда мы держали свой путь.

Подойдя первыми къ этому маленькому каменному зданію старинной кладки безъ цемента, мы съ отцомъ Александромъ вошли въ его отворенную дверь и тамъ, въ крошечномъ внутреннемъ помѣщеньѣ (значительно менѣе обычной жилой комнаты) увидѣли въ полутьмѣ священника и дьякона въ бѣдныхъ ризахъ, совершающихъ службу передъ тремя пожилыми сванами изъ крестьянъ. Посреди каменнаго пола стоялъ аналой и огромный, почти до самаго потолка, крестъ. Иконостасъ передъ алтаремъ былъ уставленъ иконами; стѣны покрыты первобытной живописью, которую трудно было разобрать въ полумракѣ, такъ какъ свѣтъ проникалъ сюда главнымъ образомъ лишь черезъ отворенную боковую дверь.

Когда служба кончилась, мы съ помощью восковыхъ свѣчей, прилѣпленныхъ къ палкѣ, разсмотрѣли живопись болѣе внима-

тельно. Наверху свода былъ изображенъ Богъ-Саваоѳъ, летящій надъ алтаремъ въ видѣ могучаго старика, съ огромной сѣдою бородой и въ развѣвающейся одеждѣ, съ распростертыми, какъ бы для благословенія, руками. На задней стѣнѣ, напротивъ, былъ изображенъ адъ, съ воюющими надъ нимъ ангелами и чертями, а у дверей, направо отъ алтаря, была повѣшена старинная желѣзная конская уздечка.

— Уздечка знаменитой царицы Тамары, вѣкъ которой считается золотымъ вѣкомъ Грузіи и которой Руставелли посвятилъ свою поэму „Барсова кожа". Она подарила эту уздечку на память церкви во время своего посѣщенья.

— Это та самая царица Тамара, которую воспѣлъ Лермонтовъ въ своемъ стихотвореніи: „Въ глубокомъ ущельи Дарьяла" и о которой выразился: „Прекрасна какъ ангелъ небесный, какъ демонъ коварна и зла"?

— Та самая — сказала одна изъ молодыхъ барышень, — но только онъ невѣрно ее представилъ. Она была очень благочестива, насадила въ Грузіи христіанство и причислена церковью къ лику святыхъ!

— Нѣтъ! — возразилъ отецъ Александръ. — Эта Тамара жила въ XII-мъ вѣкѣ, а та называлась Тамара-Коварная и жила много позднѣе.

Тутъ только я замѣтилъ, что двѣ гимназистки — дочери отца Александра, пришедшія тоже съ нами, все время не входили внутрь церкви.

— Лица женскаго пола — сказалъ священникъ на мой вопросъ — въ Сванетіи не имѣютъ права входа въ церковь и должны все время оставаться снаружи.

— А какъ же вошла царица Тамара, подарившая эту уздечку?

Мѣстный священникъ задумался.

— Она, вѣроятно, стояла тоже снаружи у дверей и передала уздечку съ кѣмъ-либо изъ слугъ.

Мы вышли изъ церкви и, осмотрѣвъ эту старинную постройку, медленно направились внизъ ущелья, домой.

— Какъ повліяло революціонное движеніе послѣднихъ лѣтъ на религіозность населенія? — спросилъ я по пути мѣстнаго священника.

— Губительно — отвѣчалъ онъ. — Съ тѣхъ поръ въ церковь ходятъ очень немногіе.

Этого я и ожидалъ. Священникамъ и здѣсь были даны инструкціи успокаивать населеніе, и результаты не замедлили сказаться.

Когда мы вернулись внизъ, отецъ Арсеній, жена котораго такъ гостепріимно приняла насъ передъ этимъ, уже ожидалъ у воротъ своего дома и пригласилъ насъ подкрѣпить свои силы. Это былъ еще молодой и очень симпатичный человѣкъ. Угостивъ насъ чаемъ съ сырами и разными закусками, онъ вызвалъ сваповъ изъ деревни показать намъ свой національный танецъ, и они, взявшись руками другъ за друга и образовавъ кругъ, начали дѣлать, всѣ разомъ, размѣренныя монотонныя движенія, напѣвая одно и то же слово: „ори-оридила!“ Это, объяснили мнѣ, былъ ихъ военный припѣвъ. Приглядѣвшись немного, я и самъ вступилъ въ ихъ кругъ и началъ повторять всѣ ихъ движенія, съ тѣмъ же припѣвомъ. Это былъ ихъ традиціонный военный танецъ, и въ немъ участвовали только мужчины.

VII.

Латпарскій перевалъ.

На слѣдующій день мы должны были всей компаніей ѣхать верхами высоко, на Латпарскій перевалъ, чтобы полюбоваться съ него, передъ обратнымъ отъѣздомъ, на чудный видъ главнаго хребта Кавказа и на ущелья мало доступной Верхней Сванетіи.

Было раннее утро. Десятка полтора лошадей уже стояли осѣдланными у сквозныхъ дверей нашего жилища. Князь Ермолай и отецъ Александръ со своимъ племянникомъ уже давно ходили около животныхъ, осматривая прочность сѣделъ и хорошо ли упакована вода и съѣстные припасы и поглядывая озабоченно на небесный сводъ. Но на немъ не было ничего зловѣщаго. Солнце, только-что поднявшееся надъ высокими восточными вершинами, весело играло на голубомъ небѣ, озаряя своими смѣющимися лучами противолежащія горы, на которыхъ въ эту ночь уже выпалъ снѣгъ, и бросая въ нашу долину длинныя-предлинныя тѣни. Ни одного облачка не плыло по лазури неба, ни одного зловѣщаго признака кругомъ! Но внезапныя перемѣны погоды во время осенняго равноденствія здѣсь такъ обычны, что опытные люди не могли не безпокоиться, отправляясь вмѣстѣ съ дамами въ этотъ путь, въ которомъ вплоть до вечера уже нельзя было найти себѣ никакого убѣжища.

Длинной кавалькадой выѣхали мы раннимъ утромъ изъ своего временнаго жилища и, переѣхавъ снова Цхенисъ-Цхали по бре-

венчатому мосту, направились, одинъ вслѣдъ за другимъ, въ противолежащее ущелье. Я не буду здѣсь описывать его дикой красоты, его дѣвственныхъ буковыхъ и грабовыхъ лѣсовъ, между которыми извивалась по склону горы наша тропинка, съ одной стороны которой склонъ, какъ острая крыша, поднимался у нашего праваго плеча, а съ другой такъ же круто падалъ въ бездну ущелья, у самыхъ ногъ нашихъ лошадей. По временамъ одна изъ нихъ сбивала копытомъ камень, и онъ, прыгая, падалъ внизъ, натыкаясь на скалы обрыва или корни растущихъ на немъ вѣковыхъ деревьевъ, и я уже не могъ видѣть внизу то мѣсто, гдѣ онъ останавливался. Но мы всѣ давно привыкли къ этому положенію на высотѣ, свѣсившись съ своего сѣдла одной ногой надъ бездной, и даже Ксана рѣже отворачивалась въ слишкомъ эффектныхъ мѣстахъ лицомъ къ горѣ, въ другую сторону. Все выше и выше поднимались мы зигзагами по почти отвѣснымъ склонамъ огромнаго ущелья, гдѣ далеко внизу метались и пѣнились волны Цхенисъ-Цхали. Мало-по-малу мы выѣхали, наконецъ, изъ крупнаго лѣса, проѣхали и область мелкаго кустарника и, наконецъ, очутились въ луговой полосѣ, гдѣ края сланцевъ были такъ скользки, а трава такъ непрочна въ своемъ каменномъ грунтѣ, что тотъ, кто свалился бы съ нашей тропинки, летѣлъ бы, по словамъ одного изъ спутниковъ, все далѣе и далѣе, какъ по ледяному скату, пока не разбился бы гдѣ-нибудь о выступъ скалы или не свалился бы въ мечущуюся внизу горную рѣчку. Всѣ эти крутые луговые склоны были совершенно нетронуты никакимъ животнымъ. Мы выѣхали, наконецъ, по извилистой тропинкѣ изъ этой области въ поясъ, гдѣ не было почти никакой растительности, и вдругъ увидѣли передъ собою чудную картину!

Это былъ Латпарскій перевалъ. Прямо передъ ногами нашихъ лошадей сланцевая почва, кое-гдѣ покрытая отцвѣтшими примулами (primula auricula) и рѣдкой травой, вдругъ крутымъ обрывомъ опускалась внизъ, въ огромную котловину, противоположный подъемъ которой составляетъ главный Кавказскій хребетъ, перевитый ледниками, какъ темносѣрый мраморъ бѣлыми прожилками! Это былъ тотъ же хребетъ Кавказа, который мы видѣли уже съ Джварскаго перевала, но здѣсь онъ былъ еще эффектнѣе, потому что находился значительно ближе. Налѣво, вдали, виднѣлась его главная вершина, сѣдловидная Ужба, какъ чалмою опоясанная могучимъ ледникомъ. Тамъ, говорили мнѣ мои спутники, находится главный владѣтель этой области, князь Дадишкиліани, еще съ феодальными правами, оказывающій широкое гостепріимство заходящимъ къ нему лѣтомъ путникамъ.

Внизу, въ долинѣ, раздѣляющей наши вторичныя высоты, сползшія складками съ параллельнаго имъ главнаго Кавказскаго хребта, виднѣлись по холмамъ кое-гдѣ обработанныя поля, свидѣтельствуя о неустанной человѣческой дѣятельности и въ этихъ мѣстахъ, отрѣзанныхъ отъ всего остального міра. Вблизи, на сѣверномъ склонѣ, лежалъ пластъ снѣга. Видъ былъ по истинѣ дивный, и кто имъ любовался хоть разъ въ жизни, тотъ никогда его не забудетъ... И я не забуду тебя, Латпарскій перевалъ! На твоей сѣдловидной вершинѣ я вспомнилъ свои юные годы, вспомнилъ далекія путешествія по швейцарскимъ горамъ, и чувство умиленія охватило мою душу! Мы всѣ разбрелись въ одиночку по разнымъ мѣстамъ, и это лучше всего свидѣтельствовало о томъ сильномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на насъ отсюда видъ главнаго хребта Кавказа, повитаго, какъ кружевами, вѣчными снѣгами ледниковъ, посеребренными въ эту самую ночь еще свѣжимъ слоемъ выпавшаго на нихъ и не успѣвшаго растаять снѣга.

Долго мы ходили и сидѣли въ одиночку и по-двое на этой горной сѣдловинѣ, перекидываясь лишь рѣдкими замѣчаніями о томъ или иномъ мѣстѣ. Но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ. Слуга, разложившій на буркѣ, покрытой скатертью, шашлыки, сыры и хлѣбы, вмѣстѣ съ бурдюкомъ вина, уже давно звалъ насъ подкрѣпить свои силы и собираться въ обратный путь.

И мы поѣхали, наконецъ, обратно по тѣмъ же обрывистымъ горнымъ тропинкамъ, бросая прощальные взгляды на мѣста, которыя мы, вѣроятно, никогда уже въ жизни болѣе не увидимъ.

День давно уже склонялся къ вечеру, когда мы съѣхали въ глубину ущелья. Наступила темная звѣздная ночь, когда мы снова благополучно переѣзжали Цхенисъ-Цхали, по ея первобытному, ничѣмъ не укрѣпленному мосту, бревна котораго вертѣлись подъ копытами нашихъ лошадей, и ихъ ноги каждую минуту грозили завязнуть въ его щеляхъ.

Темной громадой вырисовалась передъ нами гора, гдѣ стояло за кустарниками наше временное жилище. Ярко блестѣли звѣзды, и ярче всѣхъ, почти прямо надъ нашими головами, сіяла Вега, недалеко отъ длинной янтарной полосы нашего великаго звѣзднаго скопленія... Но еще много ярче ея горѣлъ на восточной части горизонта огромный свѣтло-оранжевый Марсъ, за которымъ медленно шелъ на западъ Блѣдный конь Апокалипсиса— Сатурнъ.

Н. Морозовъ.

НА ИМАТРѢ ЗИМОЙ

Оледенѣлыя поля
И берегъ, стынущій тоскливо,
А рядомъ, яростно бурля,
Живыя горы хрусталя
Дробятся въ пѣнѣ говорливой.

Гудитъ безсонный водопадъ,
Вздыхаютъ тяжко гребни вала,
Ихъ вольный бѣгъ туманитъ взглядъ.
Тоской безсилія объятъ,
Ищу конца, ищу начала.

Сверкаютъ брызги бѣлизной,
Но сердце мощи водъ не радо.
Слѣжу за пылью водяной
И—камни, мертвый прахъ земной,
Бросаю пасти водопада!

Л. М. Василевскій.

ГОДЪ ТЮРЬМЫ

(Окончаніе).

VI *).

Ѳедя Камневъ, Дерновъ и Пашинъ числились анархистами. Попали они въ тюрьму лѣтомъ 1906-го года, совсѣмъ молодыми ребятами, лѣтъ 16—17. Назначивъ имъ крѣпость, судъ долженъ былъ скинуть каждому изъ нихъ по одной трети срока. Взяты были они по одному дѣлу, одновременно судились, одновременно прибыли къ намъ; я жилъ съ ними почти годъ—и никогда не видѣлъ столь непохожихъ другъ на друга людей, объединяемыхъ, тѣмъ не менѣе, въ одномъ теченіи: анархизмѣ. Самый ровный, выдержанный, естественный изъ нихъ — Ѳедя Камневъ. Осень 1905-го года застала его въ послѣднемъ классѣ техническаго училища. Начались кружковыя собранія, участіе въ демонстраціяхъ, чтеніе литературы и вліяніе старшаго брата—убѣжденнаго анархиста. Ѳедя совершенно равнодушенъ къ парламентамъ, конституціямъ, правовымъ порядкамъ; когда попадается ему на глаза гражданское, уголовное право, философія права—онъ брезгливо отодвигаетъ книгу въ сторону.

— Не понимаю! — пожимаетъ онъ плечами:—не понимаю, какъ можно интересоваться вопросами насилія надъ человѣческой свободой...

Онъ штудировалъ свою механику, прекрасно зналъ математику, съ гордостью говорилъ о техникѣ.

---

*) См. апрѣль, стр. 219.

— Это вотъ дѣло!

Изъ постороннихъ книгъ рядомъ съ его техникой лежала философія.

— Этимъ вотъ тоже нужно заняться.

И онъ штудировалъ учебники Челпанова по логикѣ, психологіи и введенію въ философію. Анархистъ-коммунистъ, онъ призывалъ всю камеру жить коммунально.

— Ну да, все общее: и обѣдъ, и чай, и одежда. Развѣ же можно такъ, что одинъ имѣетъ двѣ простыни, а другой—ни одной?

Когда онъ затруднялся въ физикѣ, въ задачѣ, въ какомъ-нибудь вопросѣ, онъ запросто, но удивительно корректно, подходилъ къ знающему:

— Какъ, слушайте, съ этой задачей?

Но и отъ него никто не получалъ отказа: около него собирались всѣ съ русской грамматикой, ариѳметикой, алгеброй, и по цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ съ товарищемъ и своимъ размѣреннымъ, спокойнымъ голосомъ наставлялъ въ залогахъ глагола, перенесеніи членовъ уравненія, проведеніи касательной... Все будущее отравляла ему перспектива военной службы. Для сидящихъ въ камерѣ политическихъ это—вообще тяжелый вопросъ: отношеніе офицеровъ къ бывшему политическому, ужасъ мысли попасть на усмиреніе учащихся, крестьянъ, рабочихъ.

— Нѣтъ, не могу, не могу и представить себѣ этого!

Весной передъ нимъ раскрывалась тюрьма, а тамъ—бѣжать за границу.

Дерновъ—худощавый, въ пенснэ, такой съёжившійся, смотритъ на всѣхъ съ тонкой улыбкой, прищуривъ глаза. При выборахъ въ первую Думу распространялъ листки партіи к.-д.

— Какъ же!—съ тонкой улыбкой вспоминаетъ онъ.—Кричалъ по всѣмъ перекресткамъ: Граждане! голосуйте за партію народной свободы!..

Ходилъ знакомиться къ с.-д.

— Скучно!—вспоминаетъ онъ и морщитъ носъ.

— Какъ въ тюрьму попалъ?.. Знакомство имѣлъ небольшое... съ партійной лабораторіей. Пошелъ туда вечеркомъ: чайку, думаю, попью... Посматриваю этакъ: подозрительныхъ знаковъ нѣтъ; звоню, отворяютъ.

— Пожалуйте!

Смотрю: городовые. Провели меня въ отдѣльную комнату, сижу; сидитъ и полицейскій при мнѣ. Лицо у него добродушное, сидѣть ему—скука. Показываю я ему пять рублей.

— Опасно, баринъ!

Сидимъ мы, показываю я ему десять рублей.

— Никакъ, баринъ, нельзя.

Пришлось остаться. Обыскали меня, нашли револьверъ, адресъ... Такъ что чайку-то я попилъ только на другой день утромъ, въ тюрьмѣ...

Онъ не любитъ с.-д. Боже, какъ не любитъ онъ ихъ! Всей ненавистью своего худого, съёжившагося тѣла.

Исторія съ Азефомъ сначала убила его: дня два онъ ходилъ самъ не свой, не разговаривалъ съ с.-р., а на третій день съ тонкой улыбкой посматривалъ на с.-р.

— Такъ какъ Азефъ-то?.. Товарищи! говоритъ: за землю и волю!..

Самымъ яркимъ изъ этихъ троихъ юношей былъ, несомнѣнно, Пашинъ—анархистъ-индивидуалистъ. Красивый, хорошо сложенный, онъ не курилъ, былъ не только умѣренъ въ неприхотливой и безъ того пищѣ, но и удивительно выдержанный: жидкій чай и немного хлѣба сплошь и рядомъ составляли его единственную ѣду по цѣлой недѣлѣ. За то онъ холилъ свою физическую силу: гимнастика, холодныя обтиранія, прогулка во всякую погоду, настаиванье на открытіи оконъ и форточекъ — все это продѣлывалось имъ каждый день. Онъ былъ бодръ физически, и морально онъ создавалъ вокругъ себя бодрую атмосферу. Общія мѣста, ярлыки на личность и взгляды передергивали его.

— Какое мнѣ дѣло: буржуй онъ или нѣтъ, ресторанный человѣкъ или аскетъ, пьетъ шампанское или воду?.. Какое мнѣ дѣло? Онъ хорошо пишетъ—вотъ и все!—говорилъ онъ, когда публика начинала подводить подъ ранжиръ извѣстнаго беллетриста.

Онъ былъ очень юнъ, конечно.

— Ненормально? чудовищно?—восклицалъ онъ, когда публика критиковала до поношенія дамочку, пригласившую къ себѣ въ спальню любовника, въ то время какъ холодный трупъ ея старика-мужа лежалъ на столѣ въ сосѣдней комнатѣ.

— Ненормально? А что такое нормальное?.. Вѣдь это только субъективное мнѣніе!

— Мораль? Что такое мораль? Мораль — для оправданія всякаго зла...

Онъ былъ во второмъ классѣ учительской семинаріи, когда надвинулась осень 1905-го года. Онъ бѣжалъ изъ общежитія, вошелъ къ с.-д., ѣздилъ по фабрикамъ, бросилъ с.-д., попалъ въ тотъ своеобразный кружокъ молодежи, гдѣ человѣку не ставятъ

никакихъ обязательствъ: люби, пока есть въ груди любовь; бери браунингъ и иди въ дѣло, если ты смѣлъ; падай подъ пулей, если ты трусъ и предатель... Онъ бросилъ и это.

— Много тамъ, всетаки, напускного...

Онъ тревожно разбирается насчетъ Азефа, десятки разъ подходитъ и бесѣдуетъ:

— Нѣтъ, всетаки это не просто наемный провокаторъ... Наемный человѣкъ не можетъ такъ дѣйствовать... Такъ можетъ дѣйствовать только сильный человѣкъ: захватываетъ его борьба, и онъ совершаетъ революціонное дѣло; онъ среди охранниковъ, его захватываетъ таинственность дѣйствій и жгучесть ощущеній азартной игры на двѣ руки.

Онъ молодъ, и за его внѣшностью, подчасъ рѣзкой, подчасъ рисующейся, стоитъ хрупкая юность; его душа проситъ участія, ласки, теплаго слова, жаждетъ любви. И если кто-нибудь, человѣкъ совершенно противоположный ему, даетъ ему это участіе, какой привязанностью онъ отвѣчаетъ! Но это только на мигъ, въ суровой обстановкѣ тюрьмы—и онъ опять одинокъ, и только молча и жадно прислушивается, когда уцѣлѣвшій максималистъ тихо и вдохновенно разсказываетъ о погибшихъ товарищахъ.

— Введенская—минималистка. Скромная, тихая, молчаливая работница, блондинка съ голубыми глазами; когда ей поручали дѣло и давали наставленія, она смотрѣла прямо, и ея чистые глаза говорили: будетъ сдѣлано!.. Хрупкая, слабая, она завяла въ одиночкѣ; она боролась съ тюремнымъ попираніемъ личности, послѣ каждыхъ двухъ недѣль третью проводила въ сыромъ, темномъ карцерѣ, въ отравленномъ воздухѣ, безъ пищи, подъ окриками, бранью, побоями... Она сжималась, куталась въ теплую сѣрую шаль, таяла съ каждымъ днемъ. Она знала—она умретъ: она должна умереть въ больницѣ, въ общей камерѣ, гдѣ на койкахъ умираютъ люди, которыхъ толкаютъ и осыпаютъ бранью въ минуты ихъ предсмертныхъ вздоховъ... Она надѣла чистое платье, приняла ціанистаго кали и легла на койку, чтобы умереть одной въ своей одиночкѣ...

— Клавдія—это иная натура: это—рожденный боевикъ; боевую тактику она не только понимала, она чувствовала ее всѣмъ своимъ существомъ. Какъ-то разъ разстрѣляли мы шпика: всадили пуль семь, бросили его и ушли; оказывается, онъ очухался, положили его въ больницу, слышимъ—вылѣчивается. Думаемъ: скверно, надо его убрать. На своей лошади, со своимъ кучеромъ отправилась Клавдія въ больницу; въ больницу ее пропустили, но добраться до шпика ей не удалось: видитъ Клавдія—

окружаютъ ее.—„Прочь!“ кричитъ. Выхватываетъ револьверъ, стрѣляетъ кверху, сбѣгаетъ по лѣстницѣ, на лошадь—и безслѣдно исчезаетъ... Въ безсрочной каторгѣ она теперь. Въ пріемной генерала она промахнулась, попала въ купца, бросила браунингъ и отдалась. На судѣ ее спрашиваютъ: сожалѣетъ ли она о томъ, что убила совершенно посторонняго человѣка?

„— О купцѣ?—нѣтъ. Вотъ еслибы убила крестьянина, рабочаго—уложила бы на мѣстѣ и себя“...

— Про мужчинъ и говорить нечего... Эти Яковы, Ильи—беззавѣтно преданные люди. Это—простые рабочіе, но какія чистыя, кристальныя души! Онъ не знаетъ вина, женщинъ: всѣ его помыслы—въ иномъ. Въ карманѣ онъ носитъ тысячи рублей, приходитъ къ другимъ, раздаетъ на дѣло деньги и тутъ же, вмѣстѣ съ ними, ѣстъ черный хлѣбъ и выпиваетъ стаканъ чаю. Онъ тратитъ на дѣло сотни, занимаетъ шикарный номеръ, одѣтъ съ иголочки,—а послѣ него въ номерѣ находятъ черный хлѣбъ и нѣсколько кусковъ копченой колбасы...

Молча прислушивается камера. Смотритъ большими глазами, весь превратившись въ слухъ, одинокій девятнадцатилѣтній юноша...

VII.

Гриша Калугинъ—невысокаго роста, рыжеватый, въ длинной, длинной ситцевой рубашкѣ съ кожанымъ поясомъ; короткія ноги, широкіе брюки. Онъ больше сидитъ, и когда говоритъ размѣренно, медленно, или слушаетъ, онъ смотритъ прямо, не спуская своихъ большихъ сѣрыхъ глазъ. Голова у него гладко выстрижена, и длинный бѣлый шрамъ идетъ по правому виску къ уху.

— Это мнѣ отъ рабочихъ досталось—добродушно улыбается онъ, махая рукой. — Отъ своего же брата-рабочаго!.. Здорово, черти, избили тогда... за забастовку... пришелъ я ихъ съ работы снимать... А вѣдь какіе славные ребята оказались потомъ! Удивительно! Одни въ тюрьмахъ теперь, другіе на каторгѣ—и всѣ по политическимъ дѣламъ...

Гриша машетъ рукой, слегка кашляетъ, и лицо его сіяетъ.

— Кончилъ я только сельскую школу. Было у отца кожевенное дѣло; отецъ пилъ, игралъ въ карты, а я до пятнадцати лѣтъ болтался безъ дѣла. Послѣ отца остались мы: я, мать, сестра и братъ. Поступилъ я на спичечную фабрику въ упаковочное отдѣленіе за 25 коп. въ день; потомъ перешелъ въ лам-

повщики — это 28 коп.; научился я обращаться съ ткацкимъ станкомъ, перешелъ на него—35 коп. въ день. Поломка въ котлѣ, не работаемъ—ничего не получаемъ; остановилась фабрика изъ-за недостатка матеріала—опять безъ работы и безъ денегъ. Обращались къ хозяину—прогналъ; вызвали фабричнаго инспектора; пріѣхалъ, пробылъ день у хозяина, вышелъ къ намъ: „Окончательно увольняются тридцать-два человѣка"... Перебрался я на большую фабрику. Жили мы въ общежитіи: постоянный шумъ, драки, ругань, гармоника; за квартиру вычитаютъ одинъ рубль въ мѣсяцъ, а въ среднемъ зарабатываешь рублей одиннадцать—пятнадцать. Началъ я посѣщать воскресную школу. Никогда вотъ не позабуду такого случая. Передъ Рождествомъ учительница ариѳметики сообщаетъ намъ, что съ новаго года вмѣсто нея другая будетъ заниматься съ нами. Пожалѣли мы: хорошая была учительница—да дѣлать было нечего. Приходимъ въ январѣ въ школу; ждемъ. Входитъ—что̀ такое? Молоденькая—словно гимназистка. Смотритъ она на насъ, и тоже удивляется: сидятъ взрослые, много бородачей, нѣкоторые съ сѣдыми бородами. Кажется, смутилась она. Ну, кто побойчѣе изъ насъ—объяснилъ ей: вотъ занимались съ нами такъ и такъ, дошли до періодическихъ дробей. Выслушала, начала заниматься—и черезъ полчаса не узнаемъ ее: какъ будто полгода занималась съ нами она! Приходитъ слѣдующее воскресенье. А я взялъ съ собой каталогъ, чтобы выбрать книгъ; сижу, смотрю въ каталогъ; она смотритъ черезъ плечо:

— Что̀, развѣ интересуетесь чтеніемъ?—спрашиваетъ.

— Да, вотъ читаю кое-какія книжки.

— Вы придите ко мнѣ,—говоритъ.

Адресъ дала. Зашелъ къ ней, поговорили немного, набралъ книгъ... Встрѣчался я и потомъ съ ней и съ ея сестрой. Былъ безъ работы, денегъ нѣтъ, ѣсть нечего, пойдешь къ нимъ. Отдаютъ послѣдній полтинникъ, а сами, смотришь, вмѣсто обѣда готовятъ самоваръ и пьютъ чай съ черными сухарями. Прямо неловко становится: знаешь, что потребность у нихъ въ лучшемъ питаньѣ больше, чѣмъ у насъ.

— Зачѣмъ вы отдаете послѣднія деньги? Мы-то можемъ ѣсть и всякую требушину, а вамъ нельзя такъ.

Улыбаются:

— Ничего, и намъ надо привыкать!..

— Такъ, вотъ, жилъ я въ фабричномъ общежитіи. Какъ бы ни былъ человѣкъ неразвитъ, всегда есть у него кое-какія духовныя потребности. Рабочій и неразвитъ, и пьетъ, а вотъ остается у него религіозность. Или съ дѣтства она къ нему привита, при-

вычка ли это, или вбили ее ему—но она есть въ немъ. Можетъ онъ утѣшенія ищетъ въ ней, или забывается въ ней отъ своихъ будничныхъ заботъ—трудно сказать. Ходитъ попъ—плати ему за молебенъ, и за все, за все. Нечѣмъ заплатить—онъ записываетъ, и вѣдь свое возьметъ: самъ не отдашь—фабрика съ тебя вычтетъ. А въ церковь придешь, тамъ тебѣ проповѣдуютъ: люби ближняго своего... отдай ему и послѣднюю рубашку... Для интеллигента, скажемъ, это только противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, а рабочаго это отталкиваетъ, возмущаетъ. И вотъ среди рабочихъ успѣшно дѣйствуетъ штунда: тамъ евангеліе понимается ближе къ жизни, и нѣтъ тамъ этихъ противорѣчій между словомъ и дѣломъ... Много на фабрикѣ и раскольниковъ; есть у нихъ и буквоѣдство, и разныя нелѣпости, а есть и другая сторона. Держатся они плотно, всегда въ оппозиціи власти, которая и гнетъ, и обираетъ ихъ; есть среди нихъ и начетчики, есть сравнительно развитые; гдѣ можно, они дѣйствуютъ на рабочихъ—и дѣйствуютъ хорошо.

— Сильно читалась на фабрикѣ книжка Ежа: „На разсвѣтѣ". Это—изъ исторіи болгарскаго освобожденія. Много читался Толстой. Какъ ни занятъ рабочій, какъ ни перебивается онъ изо дня въ день нуждой, ссорами, выпивкой, а есть въ немъ потребность обдумать свою жизнь. Толстой тѣмъ и привлекаетъ, что онъ ставитъ вопросы, какъ жить, какой смыслъ жизни; о духовной сторонѣ, которая живетъ въ каждомъ человѣкѣ, говоритъ онъ. И это такъ просто, понятно... Потомъ Золя, особенно его „Углекопы"... Затѣмъ вообще читалась беллетристика: хотѣлось больше узнать о жизни, и научиться, какъ лучше жить, и какъ устроить, чтобы лучше было жить...

— Да, беллетристика будила духъ, но выхода она не давала. Еще вотъ что чувствовалось: по беллетристикѣ выходитъ, что только благодаря себѣ человѣкъ выходитъ лучше или хуже; а начнешь самъ дѣлать—сталкиваешься съ массой условій, которыя отъ тебя не зависятъ, и которыя тебѣ препятствуютъ. И недоумѣваешь: да въ чемъ же тутъ дѣло?

— Въ большомъ городѣ, гдѣ я жилъ, можно было научиться глубже думать. Интеллигенція зашла тогда въ школы, устраивая вечерніе курсы; никакого политическаго міровоззрѣнія она не давала; можетъ-быть, она и сама его не имѣла: просто это была прогрессивная публика. Она стремилась только сообщить рабочимъ знанія, а ужъ мы сами выростали духовно.

— Позже другихъ пришла работа политическихъ партій. Въ первое время среди самихъ рабочихъ еще не было партійныхъ

работниковъ; самое большее, что дѣлали рабочіе, состояло въ томъ, что ихъ снабжали летучками, а они распространяли ихъ между товарищами...

— Такъ вотъ, уже къ половинѣ 1904-го года дѣло обстояло приблизительно такъ: рабочая масса была неорганизована, но въ этой огромной, неорганизованной массѣ были уже отдѣльныя лица или маленькія группы лицъ, занимавшіяся самообразованіемъ, чтеніемъ, начинавшія разбираться и морально, и политически въ окружающей жизни. Такихъ людей бывало немного: пять-шесть на пятьсотъ. Но, должно быть, потому, что они до прогрессивности дошли своимъ трудомъ — все это были воодушевленные люди, и если потомъ имъ удалось дѣйствовать на массу, такъ исключительно благодаря ихъ искренности, ихъ воодушевленію: трудно было не идти за ними...

Григорій вдумчиво смотритъ своими большими глазами.

— Мнѣ удалось поучиться, немного поразвиться. Я вполнѣ опредѣленно смотрю на дѣло: я — рабочій; хозяинъ эксплуатируетъ меня; мы должны бороться противъ нашихъ эксплуататоровъ и всѣхъ ихъ пособниковъ. Въ этомъ я твердъ... Если и стонешь иной разъ, и чувствуешь душевную боль, такъ потому, что сознаешь, какъ трудно бороться, какъ медленно развертывается наша борьба...

VIII.

Аверьянычъ вернулся сегодня со свиданья довольный, сіяющій.

— Отецъ былъ!..

О, для Аверьяныча это—большой кладъ. Отецъ—богатый крестьянинъ, кулакъ, сынъ—пошелъ въ революцію.

— Совсѣмъ стали жить въ рознь... Куда тутъ! Послѣ возстанія у насъ онъ клялся жандармамъ: „Выдамъ вамъ его — меня то-есть — выдамъ вамъ его своими руками; встрѣчу гдѣ, приведу самъ“... Боялся я встрѣтиться съ нимъ; на всякій случай носилъ съ собой браунингъ... не дался бы ему въ руки — хоть и отецъ онъ мнѣ...

— Такъ въ рознь и жили. Какъ вмѣстѣ жить? Ругаться начнетъ—тошно слушать; разговоръ заведетъ—читаетъ нравоученія; найдетъ въ карманѣ бумажку какую или книжку какую—кричитъ: „Жандармамъ снесу, подлецъ!.. Жги, а то сейчасъ позову жандарма“!..

— Сѣлъ я въ тюрьму, жена съ ребенкомъ у своихъ жила. На

фабрикѣ зарабатывала рублей девять; за себя платила шесть рублей, да на ребенка нужно; ко мнѣ пріѣдетъ иной разъ... Калоши новыя вотъ недавно прислала... Какая это жизнь, Боже, Боже!..

Два года отецъ не былъ у него ни разу; за послѣднее время письма сталъ присылать, съ знакомыми поклонъ присылалъ, теперь пріѣхалъ самъ.

„— Ты—говоритъ—Андрей, не безпокойся... Своя кровь... Не бось, теперь понимаемъ и сами мы... Крѣпись, Андрей... Груняшка у меня теперь будетъ жить“...

Аверьянычъ сіяетъ, сталъ бодрѣе: сѣлъ онъ въ 1906-мъ году, а выходить ему—въ 1912-мъ...

Мы ходимъ и говоримъ; разсказываетъ онъ медленно, почти спокойно. Слушая его, кажется, что плывешь въ открытомъ морѣ, и тебя бросаетъ вверхъ, внизъ, и ты привыкъ къ этому бросанью, обрекъ себя и ждешь просто—когда придетъ послѣдній толчокъ, опрокинетъ твою ладью и похоронитъ тебя подъ водой...

— Нелегально жить—это, однимъ словомъ, какъ волкъ; я себѣ такъ и говорилъ: по положенію волка... Нѣтъ тебѣ ни угла постояннаго, ни спокоя нѣтъ у тебя; гдѣ придется уснуть—спишь, а самъ все тревожишься. Измучился—страсть, особенно въ декабрѣ: кашлять сталъ, кровь пошла горломъ. Порѣшилъ у тетки быть; такъ, ничего, тихо, а все живешь и боишься: и самъ попадешь, и тетку выдашь. Домой? А какъ придешь домой? Жена сердечная столько потеряла жизни за это время... Слава Богу—еще характеръ у нея такой твердый: выстаиваетъ... Въ своей округѣ ищутъ меня; облавъ въ лѣсу сколько устраивали — не удалось... Нагрянутъ въ домъ казаки, ночью: стучатъ, вышибаютъ двери, ломаютъ замки — страсть прямо... Разъ нагрянули также ночью; во всемъ домѣ—жена съ ребенкомъ, да племянница, дѣвочка лѣтъ тринадцати. Вломились. Жена вскочила въ чемъ была, схватила ребенка, прижала къ себѣ, сидитъ не шелохнется... А племянница спитъ въ чуланѣ; молода, извѣстно—сонъ крѣпкій, не слышитъ ничего, спитъ. Проснулась когда, а тутъ стоятъ около нея пьяные и насчетъ ея то да сё: дѣвка, молода и все прочее... А она отъ страха и слова вымолвить не можетъ. Къ женѣ пристали: „говори, гдѣ мужъ“?.. На счастье, офицеръ хорошій былъ—увелъ казаковъ...

— Придешь это иной разъ, бывало, домой, посмотришь, послушаешь — вотъ такъ злость всего тебя и трясетъ: самъ не помнишь, что готовъ сдѣлать... Вотъ пришелъ разъ, принесъ

два маузера: придутъ, говорю, сегодня ночью, перестрѣляю; самъ пропаду—пропадай и они, окаянные...

— Тестя было боязно... страшный онъ. Подойдетъ, бывало, къ тебѣ:

„— Андрей!“—говоритъ.

— Что̀, тятя?

„— Слушай, Андрей... Силъ нѣтъ больше у меня... не выдержу... придутъ если—вотъ тебѣ Богъ, этимъ топоромъ изрублю всѣхъ окаянныхъ...“

Въ рубашкѣ, босой, здоровый, держитъ въ рукахъ топоръ, самъ дрожитъ.

„— Изрублю ихъ, Андрей, всѣхъ!..“

— Въ уѣздной тюрьмѣ сидѣлъ я мѣсяцъ и десять дней. Немного, а измучился... бѣда, что такое!.. Надзиратели распущены совсѣмъ, съ бабами что̀ только дѣлаютъ... Женское отдѣленіе тамъ было. Ну, такъ вотъ: сажаютъ бабу въ карцеръ—мало ли за что посадить можно. Сажаютъ въ карцеръ—ну, и пускаетъ туда надзиратель всѣхъ, кто дастъ ему... до безчувствія доводятъ бабъ... Смотрѣть жалко, когда вытащатъ ее изъ карцера... Между уголовными главари есть — „голо̀вки“ такъ и называются: все въ ихъ рукахъ. Съ надзирателями они вмѣстѣ. Подаянія въ тюрьму было много, шло постоянно, а всѣ сидятъ голодные: ну, а „головки“ съ надзирателями наживаются. А чего скажешь имъ? Расправа короткая... Сталъ я толковать съ уголовными, устроили мы голодовку, чтобы исправникъ, прокуроръ навели порядокъ. Дружно голодали — дней пять: лучше немного стало... „Головки“ грозятъ мнѣ: „покажись только — ножъ въ бокъ“...

— Отправили оттуда меня въ губернскую тюрьму этапомъ. Ночь была—чудная такая! Въ жизнь не забуду. Пѣшкомъ шли до поѣзда; расположились около станціи, дожидаемся поѣзда. Такъ всю ночь и не спалъ: зелень, трава, ароматъ такой; много было публики: конвой попалъ такой славный; подходятъ барышни, чиновники; солдаты тутъ были—такъ въ разговорахъ-то вся ночь и прошла...

— Сидѣлъ я въ участкѣ сначала... Правду говорятъ: „Кто въ участкѣ побывалъ, часть своей жизни потерялъ“... Толкаютъ въ эту комнату всѣхъ: мужчинъ, бабъ... И вотъ бьютъ какъ!.. Ахъ, ты, Господи!.. Знаете: вотъ много всетаки я видѣлъ, а тутъ насмотришься этого битья, криковъ этихъ наслушаешься, — забьешься въ уголъ и какъ ребенокъ плачешь... Захворалъ я тутъ, отправили меня въ пріемный покой при полицейскомъ участкѣ... Вотъ повидалъ тоже... Привозятъ туда такихъ, что въ чувство

привести ихъ надо. Такъ вотъ фельдшеръ: кладетъ на койку, велитъ раздѣть и начинаетъ пороть ремнемъ... Я и такъ больной, а это разстраиваетъ совсѣмъ: держать трудно себя, дрожу весь. Приходитъ докторъ, а потомъ помощникъ пристава; докторъ осмотрѣлъ меня и говоритъ:

„— Да... вы слабы. Отдохните здѣсь нѣсколько дней, придите въ себя“.

А помощникъ смотритъ, рожа противная, грубая.

„— Дайте-ка — говоритъ: — я приведу его въ себя однимъ мигомъ“...

Да ко мнѣ... Нагнулся я, схватилъ песочницу.

— Убью!—кричу.

Онъ шашку выхватываетъ... Спасибо, докторъ хорошій былъ — вступился за меня...

IX.

Александръ Ивановичъ несомнѣнно темперамента очень горячаго. Сидѣть ему съ 1907-го до октября 1912-го года. Студентъ 2-го курса университета; осужденъ за принадлежность къ партіи. Въ тюрьмѣ онъ живетъ, какъ на волѣ, среди товарищей. Когда онъ обращается къ камерѣ по будничному или по острому вопросу, онъ становится у стола.

— Товарищи! — восклицаетъ онъ, и голосъ его, звучный и сильный, дрожитъ внутреннимъ чувствомъ.

Когда онъ сидѣлъ въ одиночкѣ, его высшимъ желаніемъ и стремленіемъ было—быть выбраннымъ въ районные старосты: при всякихъ выборахъ въ старосты онъ выставлялъ свою кандидатуру. Его не разъ проваливали на выборахъ, но это не охлаждало его желанія. Съ традиціями политически-товарищескаго общежитія перешелъ онъ и въ общую камеру. Въ устройствѣ общежитія онъ былъ самымъ опытнымъ человѣкомъ, и, конечно, его выбрали камернымъ старостой. Это былъ аккуратнѣйшій староста: самымъ тщательнымъ образомъ онъ велъ всю переписку съ совѣтомъ старостъ-одиночекъ и отмѣчалъ всѣ наши расходы—потребительные, общекамерные и конспиративные. Съ тонкоразвитымъ чувствомъ товарищества, онъ могъ вести дѣло только при условіи солидарности съ большинствомъ камеры. Онъ предлагалъ полную и только потребительную коммуну; большинство стояло за смѣшанную форму коммуны — индивидуалистовъ и потребителей. Онъ сложилъ съ себя обязанности старосты,

но черезъ недѣлю обмякъ и согласился быть коммунальнымъ старостой. Когда въ камеру приходилъ новичокъ, Александръ Ивановичъ уводилъ его въ коридоръ и таинственно прогуливался съ нимъ.

— Пропагандируетъ!—улыбались мы.

Когда возвращались они въ камеру, по его лицу было видно—имѣлъ онъ успѣхъ или нѣтъ: сіяетъ — значитъ пріобрѣлъ человѣка въ коммуну; молчаливъ—значитъ новый товарищъ чистый индивидуалистъ.

Мы сидѣли въ тюрьмѣ; къ намъ въ сердце закрадывалось уныніе, малодушіе... А онъ горячо вѣрилъ: разные по своимъ взглядамъ, мы всѣ объединены однимъ — политической работой, борьбой, вѣрой въ наше торжество; мы всѣ едины — и сидящіе здѣсь, и въ одиночкахъ, и ушедшіе въ ссылку и каторгу.

— Товарищи! — призывалъ онъ. — Товарищъ центральный староста увѣдомляетъ...

И онъ читалъ письмо центральнаго старосты изъ одиночекъ.

Онъ болѣлъ за одиночку: тамъ было еще болѣе голодно, чѣмъ у насъ; тамъ люди были еще болѣе безпомощны, чѣмъ мы. И Александръ Ивановичъ передъ каждымъ свиданіемъ напоминалъ:

— Товарищи! Кто имѣетъ возможность достать съ воли одежды, провизіи, не забудьте сдѣлать это. Наши товарищи въ одиночкахъ голодаютъ, ходятъ безъ теплой обуви...

Онъ переписывается съ Якуткой, съ Туруханомъ, съ этапами ссыльныхъ.

— Товарищи! Слушайте изъ ссылки письмо...

Выходитъ на волю товарищъ: къ нему сердечная просьба—писать намъ. Онъ ждетъ писемъ, читаетъ ихъ камерѣ, и страшно разстраивается, если вышедшій на волю подолгу не пишетъ ни слова... Когда въ камерѣ происходитъ острое столкновеніе, онъ старается уладить его всѣми мѣрами, и если не удается, онъ совсѣмъ разстраивается: здоровый, крѣпкій, онъ вдругъ какъ-то опадаетъ, весь съёживается, ложится на койку, закутывается въ одѣяло и молча долго-долго лежитъ...

Сегодня — особенный день: съ большими трудностями, за большія деньги намъ удалось получить въ камеру заграничное изданіе: „Памяти Гершуни“. На книгу набросились всѣ, вырываютъ другъ у друга, каждый старается напередъ прочитать. Насилу удалось установить рѣшеніе: книгу будемъ читать вечеромъ вслухъ. Всѣ успокоились, занялись обычными работами. Подходитъ Александръ Ивановичъ, отводитъ въ сторону.

— А кто будетъ читать?

— Вѣроятно, Максимъ: онъ вѣдь всегда читаетъ вслухъ.— Александръ Ивановичъ блѣднѣетъ.

— Да что—Максимъ... Читаетъ онъ—оретъ на всю камеру, неудобно...

— Такъ кто же будетъ читать?

— Неудобно, если Максимъ будетъ читать: оретъ онъ, да и не партійный онъ совсѣмъ человѣкъ.

Я понимаю его убитый видъ и спрашиваю:

— Такъ, можетъ быть, вы будете читать?

— Конечно, буду...

Я даю ему обѣщаніе, что о Гершуни читать будетъ онъ, и только онъ. Онъ уходитъ, ложится на койку, закрывается одѣяломъ и ждетъ вечера...

X.

Рыбаковъ отходитъ отъ всѣхъ все больше и больше. Когда послѣ 12-ти дня наступаетъ „конституція", и камера затихаетъ, онъ выходитъ въ коридоръ и, заложивъ за спину руки, быстрыми, широкими шагами ходитъ взадъ и впередъ полчаса, часъ, что-то думая про себя. Вечеромъ, когда поуспокоиваются всѣ и чѣмъ-нибудь занимаются, онъ опять ходитъ взадъ и впередъ своими быстрыми, широкими шагами. У него крѣпнетъ своя философія—цѣльная, стройная, страшная. Стекольщикъ, въ казенныхъ котахъ, нервный. Пьетъ чай. Два крестьянина, рабочій и онъ бесѣдуютъ.

— Всѣ эксплуататоры!—волнуется крестьянинъ Брюховъ:— и газетчики, и писатели—всѣ! Получаютъ кучу денегъ, ну, значитъ, и живутъ: театры, рестораны, женщины!.. Тьфу! Нѣтъ, ужъ лучше пускай меня эксплуатируютъ — не такъ совѣстно...

Рыбаковъ улыбается глазами, покручиваетъ бородку и нервно бросаетъ:

— Деньги—все... Деньги—свобода...

Скромный Лунинъ конфузится и съ разстановкой, заикаясь, доказываетъ:

— Да нѣтъ... Какъ же... Развѣ въ деньгахъ дѣло? Милый человѣкъ, посуди самъ: вотъ люди—скажемъ, рабочіе, крестьяне—организуются, чтобы иначе устроить жизнь... Такъ вотъ, видишь ли, устроить, чтобы можно было людямъ жить вмѣстѣ, и чтобы хорошо можно было жить какъ можно большему числу людей. И борются за это... достигнуть хотятъ этого...

— Достигнуть!.. А когда достигнутъ они этого?

— Не скоро, конечно... а нужно вмѣстѣ достигать этого...

— Хорошо! Пусть достигнутъ этого хоть черезъ сто лѣтъ— только черезъ сто лѣтъ: понимаешь! Пока будутъ достигать соціализма, ты будешь сидѣть въ тюрьмѣ, голодать и мерзнуть гдѣ-нибудь въ Туруханѣ... даже видѣть ничего не будешь!.. А когда черезъ сто лѣтъ достигнутъ соціализма—тебя не только не будетъ, а отъ тебя никакихъ и требуховъ не останется.

— Значитъ, что же? Какъ же жить?

— Какъ? Пока ты живъ, живи такъ, чтобы тебѣ было лучше... А что̀ будетъ послѣ тебя—не заботься объ этомъ...

— Чудно что-то... А какъ же еще недавно, въ 1905-мъ и 1906-мъ году, думали, чтобы всему рабочему народу было хорошо... И ты вѣдь боролся...

— Да, боролся! Тогда боролись! Потому что тогда у всѣхъ было настроеніе; кто понималъ, кто не понималъ, всѣ были охвачены и всѣ шли-шли... А теперь?.. Ну-ка: кто теперь будетъ собой жертвовать?

— Теперь что̀... значитъ, слабы люди... это ты вѣрно, конечно, говоришь, но всетаки...

— То-то вотъ! И понимаешь: еслибы всѣ хотѣли того, что говоришь ты, — всѣ рабочіе, все трудовое крестьянство — такъ развѣ они не достигли бы этого теперь же? Вѣдь милліоны ихъ, а противъ нихъ — маленькая кучка... Понимаешь? А просто — каждый думаетъ о себѣ, какъ лучше ему устроиться: а какъ лучше—это все равно!..

— Конечно, это такъ, что человѣкъ ищетъ, гдѣ лучше... Только вѣдь человѣку и ненужно много, чтобы жить лучше. И бѣдный живетъ спокойно, и съ деньгами бываетъ одно только несчастье: душа у человѣка есть, другъ милый! А ты все: деньги-деньги!.. Много развѣ человѣку денегъ надо?

— Это ужъ твое дѣло, сколько тебѣ нужно денегъ... Только будутъ у тебя деньги, будутъ у тебя и праздники, и свобода...

— Ну, вотъ, постой... Человѣкъ ты теперь бѣдный, простой рабочій; знаешь, какъ мучается рабочій людъ... Хорошо. И вотъ вдругъ у тебя будетъ много денегъ, будешь богато жить. Такъ что же: забыть ты, значитъ, бѣдность можешь?

— Сейчасъ я не знаю, забуду я или буду помнить... Пожалуй, что и забуду.

— Не такъ легко! И хотѣлъ бы, да не сможешь. Идешь, скажемъ, по улицѣ, а къ тебѣ подбѣгаютъ: „подайте, баринъ"!.. Зайдешь, скажемъ, пить, ѣсть въ ресторанъ, сядешь за столъ;

вотъ передъ тобой, значитъ, большая рыба, вино всякое, телятина—поѣдаешь за обѣ щеки... А тутъ прохаживается, значитъ, блѣдный, худой бѣдняга и смотритъ на тебя. Какъ кусокъ тебѣ полѣзетъ?

Рыбаковъ дѣлаетъ презрительное лицо.

— Это пустяки! Да съ деньгами я и не увижу этого. Что̀ я съ деньгами-то пѣшкомъ пойду или на конкѣ поѣду?

— Небось на автомобилѣ покатишь?

— Конечно, на автомобилѣ! Пыль столбомъ, и видѣть некогда будетъ, и не подбѣжитъ никто... А съ деньгами ходятъ, чудакъ человѣкъ, въ такой ресторанъ, куда бѣдняки не приходятъ. Придешь въ такой ресторанъ, закажешь рыбы, мяса, вина всякаго, а кругомъ будутъ сидѣть все такіе же: во фракахъ, сюртукахъ, съ красными лицами, и побольше меня будутъ поѣдать и выпивать. А какъ туда бѣднякъ придетъ? Да его въ шею съ порога погонятъ! Видалъ рестораны? Одно парадное чего стоитъ! А въ парадномъ швейцаръ, кафтанъ галуномъ шитъ, морда красная, кулаки здоровые—ну-ка, сунься, бѣднякъ, сюда!..

— Заживешь, значитъ?

— Такъ и заживу!

— Такъ, значитъ... сердце, значитъ, такое...

— Не сердце, милый человѣкъ, а одно изъ двухъ: или эксплуатируй ты, или тебя будутъ эксплуатировать... Вотъ и выбирай: выбирай, что̀ хочешь! Я не хочу, я не позволю, чтобы унижали и грабили меня, не хочу, чтобы хоть часъ моего труда шелъ на пользу другому... Я хочу жить иначе. А что̀ значитъ—иначе жить? Не хочешь, чтобы эксплуатировали тебя, эксплуатируй другихъ... Вотъ и выбирай!

XI.

Страшное дѣло — нужда. Къ землѣ пригнула она Козлова, ткача-рабочаго, окрасила особымъ цвѣтомъ всѣ его воззрѣнія.

— Всѣ съ правами, всюду лицепріятіе... Мы бѣдны, а потому и безъ правъ—говорилъ онъ даже про камеру.

— Сидишь въ тюрьмѣ теперь,—а на волѣ жена, четверо ребятъ; пятый, слава Богу, померъ... Тоже живутъ! Помочь нечѣмъ, пять человѣкъ ихъ живутъ у тестя, на восьми рубляхъ. Одежонка вся изодралась; дѣвочка въ школѣ училась—хорошо шла по всѣмъ предметамъ, все съ книжками переходила изъ класса въ классъ, а теперь пришлось бросить: обуви нѣтъ, слегла ревматизмомъ... Не намъ, вѣрно, учиться!

— Хозяева?.. Одно слово—хозяева!.. Всю кровь выпьютъ изъ тебя, а потомъ бросятъ. Сорокъ лѣтъ работалъ у нихъ на фабрикѣ отецъ, все здоровье потерялъ за семнадцать рублей въ мѣсяцъ. Старость пришла—хоть выбрасывай человѣка... А вѣдь человѣкъ былъ: шестерыхъ вскормилъ насъ... да... Бывало какъ: днемъ на фабрикѣ, а на ночь заберетъ обувь чинить, вотъ и сидятъ съ матерью... Да... Старъ сталъ, не годится для работы—ну, дали бы легкое дѣло... Нѣтъ! Благодѣтели вѣдь! Какъ же! Богадѣльня у нихъ — и все такое... Филантропы, отцы! А кто въ богадѣльнѣ, тѣ сами носятъ себѣ и дрова, и воду, и моютъ. А вѣдь тамъ всякіе старики... Ну, и что же? Такъ отецъ прожилъ бы еще годовъ пять, а тутъ... да... въ полгода скрутило, и померъ... Да...

— Вотъ и мнѣ приходится также. Измучаешься за день, придешь въ общежитіе. Всѣ вмѣстѣ — холостые и женатые. Деревянные козлы, доски положены на нихъ—вотъ тебѣ и постель... А клопы, тараканы, шумъ, грязь...

— Рабочихъ больше тысячи, а народъ все темный... такое невѣжество. Вотъ куда товарищи ихъ тянутъ, туда и прутъ... Да... Ну, въ октябрѣ-ноябрѣ настроеніе было, просвѣтлѣли немного. Свой интересъ—что и говорить! Отвоевали мы у хозяина чайную подъ собранія: впереди каѳедра для оратора, потомъ лавки для всѣхъ, а по стѣнамъ красные флаги: *Земля и воля! Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое! Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!..* Хорошо было... Да...

— Выбрали насъ въ депутаты, чтобы были они между хозяевами и рабочими для улаженія недоразумѣній. И какъ славно было! Мастеръ ли обидитъ рабочаго, рабочій ли нагрубитъ — сейчасъ идутъ къ намъ, разбираемъ. Сразу и дракъ, и пьянства, и ругани стало куда меньше!.. До 20-го января держались...

— Слабъ народъ—что и говорить. Твердости духа нѣтъ... Какъ выбросили, значитъ, насъ, такъ всѣ и попрятались. Человѣка два хорошихъ осталось—да и тѣ напуганы: письмо сюда написать боятся, не то чтобы ужъ что сдѣлать...

— Каждый живетъ для себя... Да... Кто помогать будетъ? Ты будешь помогать?... Вотъ то-то я и говорю: каждый для себя живетъ...

— Ѣсть нужно... Да... И будешь ходить, какъ собака, и кланяться будешь: примите, молъ... Да... Знаешь, что кровопійцы, а пойдешь и поклонишься.—

Нужда, нужда! Она пришибаетъ его къ землѣ, но отхлынетъ она, и готовъ выпрямиться онъ. Камера сдвинула столы,

накрыла праздничный ужинъ, провожая товарища или встрѣчая Рождество, новый годъ: дружно бесѣдуютъ, говорятъ рѣчи, говорятъ о родинѣ—безправіи и мукахъ ея; говорятъ о грядущей, далекой свободѣ—и наклоняются къ столу головы, и изъ глазъ катятся слезы...

XII.

Акимычъ таялъ на нашихъ глазахъ. Еще въ октябрѣ онъ былъ бодръ, и не смотря на то, что съ каждымъ днемъ становилось все холоднѣе и холоднѣе, онъ выходилъ на прогулку всегда въ своемъ неизмѣнномъ костюмѣ: въ сапогахъ, бумазейной рубашкѣ, подпоясанной кожанымъ поясомъ, въ черной фуражкѣ съ бархатнымъ околышемъ. Отецъ у него—богатый крестьянинъ; правда, Акимычъ уже давно совершенно разошелся съ отцомъ, но тяга къ землѣ не покидаетъ его. Какъ безпокоитъ его законъ 9-го ноября!

— Неужели народъ приметъ этотъ законъ, и хрестьяне будутъ выходить изъ общества?

— Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выходятъ, Акимычъ.

— Какъ же это можно? Народъ тогда совсѣмъ озвѣрѣетъ. Будутъ вѣдь выходить кто? Кулаки! Ну, пусть выйдутъ: развѣ не начнутъ съ ними расправляться?...

Онъ часто возвращается къ этому вопросу и съ тревогой спрашиваетъ:

— Что̀ пишутъ газеты? Много выдѣляется?—

— Ничего что-то теперь не пишутъ — утѣшаемъ мы его.

— Да не о чемъ и писать-то: народъ можетъ же понимать свою пользу!—торжествуетъ онъ.

Вѣроятно, въ значительной степени по крестьянскимъ воспоминаніямъ своего дѣтства онъ сталъ соціалистомъ-революціонеромъ: преданнымъ, фанатичнымъ.

И когда онъ разсказываетъ о митингахъ, съ его устъ такъ и сыплются: „знаменитый с.-р.“, „важный с.-р.“...

Онъ—рабочій, слесарь. Попалъ съ нѣсколькими пудами литературы и кучей книжекъ съ членскими взносами.

Высшій праздникъ для него—1-е мая.

— Какъ въ нынѣшнемъ году прошло 1-е мая?—началъ распрашивать онъ сейчасъ же послѣ перваго знакомства.

Выпадаетъ снѣгъ; въ февралѣ ему выходить, а мнѣ въ іюлѣ.

— Вотъ, встрѣчу на волѣ 1-е мая—сіяетъ онъ:—приду къ вамъ и разскажу, какъ сорганизовали мы его...

— Другіе праздники что̀! А 1-е мая — праздникъ всѣхъ рабочихъ... Это—свой праздникъ, нашъ, кровный, родной праздникъ!..

Бѣдный Акимычъ замѣтно худѣетъ, кашляетъ; и прежде лѣвое плечо у него выдавалось надъ правымъ, а теперь весь онъ какъ-то перегнулся на правую сторону: ударъ городового прикладомъ ружья не положилъ Акимыча сразу на мѣстѣ, но подтачивалъ его сначала медленно, а потомъ какъ-то вдругъ все быстрѣе и быстрѣе. Уже въ концѣ ноября тюремный докторъ заявилъ намъ, что Акимычъ—не жилецъ. Онъ оставался съ нами, потому что сидѣть ему полагалось до февраля; онъ оставался съ нами въ общей камерѣ, думая, что просто похварываетъ, и со всѣмъ азартомъ молодыхъ силъ боролся съ незримой болѣзнью: ѣлъ, хотя у него не было аппетита; выходилъ на прогулку, хотя его лихорадило и онъ едва стоялъ на ногахъ; упорно занимался ариѳметикой и грамматикой, этой своей давнишней мечтой.

— Брось, Акимычъ, отдохни!—

— Немножко, немножко... допишу только предложеніе... Страсть это на волѣ нужно.

И онъ боролся съ болѣзнью, напрягалъ всѣ силы и хотѣлъ повалить ее на землю, чтобы перешагнуть черезъ нее, выйти на волю, увидѣть на волѣ солнце, зелень, встрѣтить свое 1-е мая... А смерть валила на койку его... Онъ помиралъ, помиралъ... Его вынесли на холщевыхъ носилкахъ; онъ приподнялся, силился что-то сказать.

Мы стояли молча, понуря голову.

— Прощай, товарищъ!..

Сергѣевъ.

ЗЛАТОЦВѢТЪ

Выйди ночью въ часъ урочный,
По тропинкѣ въ лѣсъ войди —
Мрачный филинъ, стражъ полночный,
Захохочетъ впереди.
Тамъ лишь феи въ тихой пляскѣ
Изъ травы плетутъ вѣнки,
И сверкаютъ тайной сказки
Золотые свѣтляки.
Феи въ блещущихъ коронахъ
Будутъ звать—впередъ иди,
Въ часъ полночный въ травахъ сонныхъ
Златоцвѣтъ-траву найди.
Сторожитъ толпа чудовищъ
Златоцвѣтъ отъ смѣлыхъ душъ,
Онъ дороже всѣхъ сокровищъ —
Власть ихъ дерзко ты разрушь.
Не пугайся безобразныхъ,
Златоцвѣтъ скорѣй сорви,
Онъ яснѣе звѣздъ алмазныхъ —
Свѣточъ знанья, ключъ любви.
Съ нимъ узнаешь тайны ночи,
Тайны зелени лѣсной,
И невидящія очи
Будутъ видѣть въ часъ ночной.
Всѣ неясные намеки,
Правду свѣтлую и ложь —
Ты, безумно-одинокій,
Все узнаешь, все поймешь.

Н. Карповъ.

ДАРВИНИЗМЪ

и

ХРИСТІАНСКАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ

Существующее въ клерикальномъ мірѣ враждебное отношеніе къ естественнымъ наукамъ вообще, а къ дарвинизму въ особенности, имѣетъ свое основаніе въ исторіи. Въ средніе вѣка наука ютилась въ церкви; клирики, съ библіей въ рукахъ, давали тонъ и естественнымъ наукамъ, и философіи. Вслѣдствіе этого, къ вѣрѣ въ ученіе Христа присоединилась вѣра въ разныя библейскія преданія, какъ, напр., шестидневное сотвореніе міра, остановленное Іисусомъ Навиномъ солнце, говорящая ослица и проч. Немало нападокъ приходилось испытывать и Кеплеру, и Галилею, и Копернику, а нынѣ и Дарвину, отъ церкви, забывшей, что она создана Христомъ вовсе не для того, чтобы рѣшать астрономическіе и біологическіе вопросы, а только для того, чтобы имѣть дѣло съ духомъ человѣка и его облагораживать. Инквизиція, средневѣковые процессы вѣдьмъ, сжиганіе людей на кострахъ—всѣ эти ужасы, совершавшіеся ad majorem Dei gloriam, не могли задержать естественное теченіе свободной мысли, неутомимо старавшейся очищать ученіе Христа отъ лишнихъ, постороннихъ наслоеній, не имѣвшихъ съ нимъ ничего общаго. Современная общепринятая религіозная проповѣдь хотя и смѣлѣе, сравнительно съ средневѣковой, но всетаки какъ будто боится прямо сказать: „сперва думали такъ, а теперь думаютъ иначе“. Эта боязнь лежитъ въ основаніи конфликта религіи съ естественными науками. При всемъ стараніи проповѣди держать

себя въ сторонѣ отъ естественныхъ наукъ, ея изолированность не можетъ быть долговѣчной; рано или поздно разобщенность религіи съ естественными науками должна нарушиться, ибо науку нельзя заставить заниматься только видимымъ міромъ — химіей, физикой, астрономіей и т. д.: она не можетъ не задѣвать тоже и міръ духа, и тѣмъ поневолѣ приходить въ соприкосновеніе съ областью религіи. Внося свой критицизмъ въ библейскія преданія, въ библейское міровоззрѣніе на космическое строеніе вселенной, наука тѣмъ нисколько не задѣваетъ духовную сторону религіи, а только вноситъ поправки въ это міровоззрѣніе, тѣмъ освобождая его отъ лишняго балласта.

Имя Дарвина связано съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ первостепенной важности. Объ ученіи его были высказаны, высказываются и понынѣ, самыя разнообразныя мнѣнія. Одни превозносятъ теорію Дарвина чуть ли не до небесъ, другіе относятся къ ней съ недовѣріемъ, а иногда даже и съ ненавистью. Для людей широкаго кругозора ученіе Дарвина служитъ руководствомъ въ ихъ выводахъ, для людей ограниченныхъ — только случаемъ посмѣяться надъ происхожденіемъ человѣка отъ обезьяны. Для людей, погрязшихъ въ узкомъ консерватизмѣ и вовсе непонявшихъ широкой, философско-эволюціонной идеи Дарвина, его теорія служитъ пугаломъ. Такіе полуобразованные люди — а имя имъ легіонъ — считаютъ чисто научный вопросъ о происхожденіи человѣка вопросомъ, задѣвающимъ область религіи, понятіе о которой у нихъ, въ то же время, весьма смутно. Недоучекъ теорія Дарвина приводитъ къ сомнѣнію относительно древнерелигіозныхъ преданій о сотвореніи человѣка, преданій, которымъ они не умѣютъ отвести должное мѣсто въ исторіи развитія религіозной идеи; хватаясь за плохо понятый ими дарвинизмъ и недолго думая, они, какъ говорится, вмѣстѣ съ шелухой выкидываютъ и самое ядро, т. е. выкидываютъ цѣнный для исторіи библейскій разсказъ о томъ, какъ и во что вѣрили люди въ тѣ далекія времена. Спрашивается: при чемъ тутъ дарвинизмъ, будто бы способствующій подобному нигилизму? Не винить ли скорѣе тѣхъ, кому надлежало выяснить этимъ недоучкамъ цѣнность ядра и малоцѣнность шелухи?

Такое сильное движеніе въ умахъ могла произвести только геніальная идея. Въ области наукъ, эволюціонная идея Дарвина произвела такой переворотъ, подобный которому врядъ-ли подъищется въ исторіи. Все наше міропониманіе измѣнилось. Въ зоологіи, ботаникѣ дарвинизмъ сшибъ съ пьедестала теорію неизмѣняемости формъ, которой еще въ началѣ XIX столѣтія

держался Кювье. Антропологію дарвинизмъ отнесъ къ области зоологіи, соединивъ ее однимъ концомъ съ животнымъ міромъ, другимъ — съ областью высшихъ идеаловъ. Въ философскую мысль онъ внесъ просвѣтленіе; многое, казавшееся загадочнымъ, онъ объяснилъ борьбою за существованіе, развивавшеюся за многія, многія тысячелѣтія. Психологіи дарвинизмъ помогъ высвободиться изъ традиціонныхъ оковъ; психическая жизнь животнаго міра, включая сюда и человѣка, сдѣлалась намъ яснѣе; мы увидѣли, что человѣкъ есть тоже продуктъ эволюціи. Совершивъ такой колоссальный переворотъ въ общемъ міровоззрѣніи человѣка, теорія Дарвина не могла не повліять и на практическую его жизнь. Она помогла ему оріентироваться въ теченіи событій, дала ему возможность многое предвидѣть, созидать лучшія формы общественныхъ отношеній или условій жизни.

Какъ встрѣтилъ клерикальный міръ появившійся пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ трудъ Дарвина: „Происхожденіе видовъ", въ которомъ онъ впервые задѣваетъ вопросъ о происхожденіи человѣка?

Живо припоминаются намъ шестидесятые года прошлаго столѣтія, когда въ богословскихъ сферахъ люди, повидимому вовсе незнакомые съ біологіей и вовсе неспособные къ философскимъ выводамъ, забили тревогу и заговорили о томъ, что Дарвинъ со своей теоріей борьбы за существованіе, выдвигавшей впередъ силу, ловкость, смѣлость и проч., посягаетъ на цѣлость нравственнаго строя и религіи. Заговорили о томъ, что рядомъ съ его теоріей, ставившей на первый планъ эгоистическое чувство самосохраненія, немыслимы никакіе политическіе и соціальные порядки. Всѣ эти нападки были лишены смысла; въ нихъ проглядывало только полное непониманіе лежащей въ основаніи дарвинизма философской идеи. Борьбу за существованіе Дарвинъ понималъ не въ томъ смыслѣ, что люди вооружатся ножами и пойдутъ другъ на друга въ полномъ забвеніи нравственныхъ основъ жизни, а въ томъ смыслѣ, что всякій человѣкъ, естественно стремясь возможно болѣе облегчить свою жизнь, напрягаетъ для того данныя ему природой способности, и тѣмъ невольно, безъ всякой злобы, болѣе сильные подчиняютъ себѣ болѣе слабыхъ. Борьба вездѣ и всегда была, есть и будетъ; безъ нея нѣтъ движенія, нѣтъ жизни. Въ литературѣ, въ искусствѣ, въ наукахъ, въ промышленности, вездѣ, хотя и не всегда замѣтно, но неизбѣжно идетъ соревнованіе, идетъ борьба, выдвигающая впередъ все то, что наиболѣе цѣлесообразно, наиболѣе полезно. Клерикальный міръ этого не понялъ, а можетъ-

быть и не хотѣлъ понять, и объявилъ дарвинизму открытую войну, продолжающуюся и понынѣ.

Клерикалы говорятъ, что дарвинизмъ отрицаетъ существованіе Создателя міра, дѣлаетъ человѣка неотвѣтственнымъ за его поступки и, наконецъ, идетъ въ разрѣзъ съ идеей безсмертія.

Постараемся показать, что всѣ эти обвиненія неосновательны.

Теорія Дарвина вполнѣ мирится съ религіозной идеей космическаго бога; она не исключаетъ понятіе о немъ, какъ о создателѣ и руководителѣ вселенной, эволюціонирующей не въ силу произвола (какъ древнееврейскій Іегова), а въ силу закономѣрности, самимъ же создателемъ установленной и составляющей сущность его величія. Если дарвинизмъ и расходится съ космическимъ догматизмомъ христіанства по формѣ, въ которой онъ излагаетъ созиданіе космоса, то для философскаго взгляда важно сходство представленій о могучемъ, постепенномъ, стройномъ созиданіи міра. Для догматизма цѣлесообразность строенія руководится сознательной волей Творца; для дарвинизма цѣлесообразность въ природѣ обусловливается самой природой.

Принявъ идею закономѣрности въ строительствѣ космоса, дарвинизмъ нисколько не поколебалъ значеніе Создателя міра; наоборотъ, его значеніе только возросло вслѣдствіе того, что дарвинизмъ отнялъ отъ него древнееврейскій характеръ произвола и придалъ ему характеръ закономѣрности. Только исходя изъ идеи закономѣрности эволюціи и удалось философской мысли, вложенной въ теорію Дарвина, придти къ заключенію, что все на свѣтѣ эволюціонируетъ по стройному плану. Только исходя изъ начала закономѣрности, философская мысль можетъ дойти до величайшей, охватывающей весь міръ идеи, которая въ нашемъ индивидуальномъ воззрѣніи пріобрѣтаетъ непоколебимую raison d'être—до идеи о Богѣ. Дарвинъ сдѣлалъ лишь попытку изслѣдовать въ природѣ эту закономѣрность. Вопросъ о началѣ, о сотвореніи міра онъ считаетъ неразрѣшимымъ, ибо если предположить, что существовалъ такой моментъ начала, то сейчасъ же возникаетъ другой вопросъ, точно также неразрѣшимый, а именно: что же было до этого момента? Вѣдь не могутъ же, говоритъ наука, матерія и движеніе быть созданными чудомъ изъ ничего? Дарвинъ не считалъ своей задачей рѣшать неразрѣшимые вопросы о возникновеніи силъ духа и жизни, а говорилъ только, что, по всей вѣроятности, жизнь на землѣ когда-либо возникла изъ первичныхъ формъ, не случайно, а закономѣрно. И не смотря на это, всетаки нашлось немало клерикаловъ, объ-

явившихъ дарвинизмъ ученіемъ антихристіанскимъ, отрицающимъ создателя вселенной.

По мнѣнію клерикаловъ, Дарвинъ видитъ всюду стихійную причинность явленій, и тѣмъ, будто бы, подрываетъ значеніе свободной воли человѣка, освобождаетъ человѣка отъ отвѣтственности за свои поступки. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Никакая наука, никакія изслѣдованія законовъ міра не были бы мыслимы, еслибы не была признана причинность явленій. Идеѣ о свободно поставленной цѣли нѣтъ мѣста въ наукѣ. Клерикализмъ пугается подобнаго смѣлаго вывода и вопрошаетъ: если наука не допускаетъ въ природѣ, а слѣдовательно и въ человѣкѣ, свободной воли, то, значитъ, человѣкъ и не долженъ отвѣчать за свои поступки? На это можно отвѣтить: дѣйствія человѣка обусловлены причинами, отъ него независящими; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ, какъ принято говорить, проявляетъ свою свободную волю, напр., когда онъ жертвуетъ собой ради ближняго, онъ не можетъ, по своей альтруистической натурѣ, поступить иначе; онъ чувствуетъ, что если не пожертвуетъ собой, то онъ себѣ этого никогда не проститъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что терминъ: свободная воля подлежитъ исключенію изъ нравственнаго лексикона? Нѣтъ: этотъ терминъ столь же характеренъ, сколько и правдивъ. Вѣдь если человѣку удается побороть въ себѣ звѣря и проявить въ себѣ Бога, пожертвовавъ собой, то это его психическое обновленіе нельзя назвать иначе, какъ освобожденіемъ—освобожденіемъ отъ всего того, что мѣшаетъ развитію духовной жизни и убиваетъ въ человѣкѣ Божью искру. И такой человѣкъ, можно сказать, проявилъ свободную волю. Выраженіе: свободная воля въ этомъ случаѣ очень образно; оно символически рисуетъ намъ психическое состояніе человѣка, съумѣвшаго справиться съ сидящимъ въ немъ звѣремъ. По словамъ апостола Павла: „гдѣ духъ Господа, тамъ свобода". Человѣкъ, который выгналъ изъ себя звѣря и вселилъ въ себя Бога, свободенъ духомъ; никакая опасность не можетъ повліять на него, онъ твердъ и непоколебимъ. Итакъ, детерминизмъ прекрасно уживается съ высоконравственными идеями. Нужно взять человѣка какимъ онъ есть отъ природы, научить его справляться съ животными инстинктами, другими словами—освободить его отъ грѣха; но не слѣдуетъ забывать, что не будь человѣкъ по своей природѣ звѣрь, то незачѣмъ было бы и заботиться объ его обновленіи. Очевидно, что обвиненіе дарвинизма и здѣсь оказывается для философскаго взгляда неосновательнымъ; дарвинизмъ нисколько не мѣшаетъ религіи вырабатывать въ человѣкѣ

такъ называемую свободную волю, и тѣмъ дѣлать его отвѣтственнымъ за свои поступки. А если свободная воля развита въ людяхъ слабо, то въ этомъ повиненъ уже не дарвинизмъ; скорѣе виноваты тѣ, кто взялъ на себя обязанность заботиться о метаморфозѣ ихъ духа.

Что касается до идеи безсмертія, то она не только въ христіанской, но и во всякой другой религіи есть логическій продуктъ взаимодѣйствія человѣческаго съ божественнымъ, апоѳеозъ всѣхъ неудовлетворенныхъ во время жизни желаній и стремленій человѣка—апоѳеозъ, основанный на самыхъ житейскихъ, реальныхъ мысляхъ о добрѣ, о злѣ, о мученіяхъ, о блаженствѣ, но только облеченныхъ въ эстетическую, желаемую, но трудно или даже вовсе недостигаемую идеальную оболочку. Мы не будемъ здѣсь разбирать психологію этого credo; скажемъ только, что это credo не только тѣсно связано съ жизнью народа, но прямо изъ нея вытекаетъ и рисуетъ въ символической формѣ, всякому народу по своему, его собственный рай, въ который онъ вкладываетъ всѣ свои лучшія мысли и желанія, такъ трудно осуществляемыя въ жизни. Представленіе о раѣ для простого человѣка, котораго еще не коснулась философія, есть такая же область эстетики, какъ искусство—для человѣка культурнаго; человѣкъ временно отрывается отъ земли и уносится мыслью въ высшія сферы, что̀ не можетъ не имѣть для него нѣкотораго воспитательнаго значенія.

Добрая жизнь на этомъ свѣтѣ разсматривается христіанской религіей какъ непремѣнный этапъ на пути достиженія блаженства послѣ смерти. Очевидно, что центръ тяжести этого вѣрованія лежитъ не въ небесахъ, а на землѣ, въ реальной жизни человѣка. Идеи дарвинизма, войдя въ соприкосновеніе съ обычными, ходячими житейскими нравственными идеями (напр. не убій, не укради), могутъ переработать ихъ въ нравственность высшаго достоинства, способную на жертву, даже на самопожертвованіе. Нападки клерикализма имѣли бы смыслъ, еслибы Дарвинъ проповѣдывалъ безнравственность. Но вѣдь этого нѣтъ. Нельзя считать его ученіе безнравственнымъ только потому, что оно тѣ же самыя возвышенныя мысли, которыя проповѣдуетъ религія, облекло въ иную форму.

Что̀ долженъ былъ думать Дарвинъ о тѣхъ ученыхъ богословахъ, которые утверждали, что его научная теорія и взгляды антирелигіозны? Ему ничего другого не оставалось, какъ предположить, что его обвинители или кривятъ душой, или же очень смутно понимаютъ значеніе истинной религіи, истиннаго религіознаго чувства. Они упускаютъ изъ виду, что только элементъ

звѣря, присущій человѣку, даетъ религіи возможность проявить свое облагораживающее на него воздѣйствіе. Вѣдь проповѣдь Христа потеряла бы всю свою силу, еслибы всѣ люди были ангелами. Можно напрягать всѣ свои естественныя способности (иначе говоря, участвовать въ борьбѣ за существованіе)— и одновременно стремиться къ обузданію въ себѣ животнаго (иначе говоря, проявлять религіозно-нравственное чувство); одно другому нисколько не противорѣчитъ. Скажемъ даже болѣе: одно безъ другого немыслимо, когда человѣкъ живетъ полною жизнью, взлетая духомъ въ высшія сферы и въ то же время, на подобіе ballon captif, не порывая своей органической связи съ землей. Цѣльность нравственнаго строя можетъ только выиграть въ силѣ и правдѣ отъ борьбы за существованіе между идеями болѣе полезными для общественнаго сожительства людей и идеями менѣе для него полезными.

Всего полнѣе сжилась съ дарвинизмомъ протестантская религіозная мысль, съумѣвшая примирить эволюціонизмъ съ догматизмомъ. Первый олицетворяетъ собою движеніе, вѣчный рядъ метаморфозъ, второй—консерватизмъ, неподвижность. Идея религіозной эволюціи могла зародиться только въ протестантскомъ мірѣ, подобно тому какъ только въ мірѣ католическомъ могъ появиться перлъ папизма — провозглашеніе въ 1870 г. догмата непогрѣшимости папы. Только протестантизмъ, враждебный стѣсненіямъ мысли и все время вырабатывавшій въ своей философіи нравственно-религіозныя идеи, только протестантизмъ могъ потрясти застывшее религіозное зданіе католицизма. Для протестантской философской мысли область истинной христіанской религіи есть область высшей, прогрессирующей этики; область христіанскаго догматизма вмѣщаетъ въ себѣ, въ сжатой религіозно-символической и эстетической формѣ, оберегаемыя имъ отъ искаженія основанія свѣтлаго ученія Христа. Вотъ почему протестантскія страны (Германія, Англія, Сѣверная Америка) восприняли такъ легко, а затѣмъ такъ богато и всесторонне развили въ дальнѣйшемъ міровую идею Дарвина, прослѣдивъ ее философски не только въ самой жизни, но и въ такихъ областяхъ, о которыхъ, можетъ быть, и не помышлялъ самъ Дарвинъ. Иначе отнеслись къ дарвинизму страны католическія, привыкшія въ продолженіе многихъ столѣтій, подъ вліяніемъ папизма, не „мудрствовать лукаво", а строго придерживаться установленныхъ формъ, не допуская и мысли о возможности ихъ роста. Очевидно, эволюціонная идея Дарвина пришлась клерикальному міру латинскихъ расъ не по нутру. Трудно допустить,

чтобы представители клерикализма, люди по большей части образованные, не поняли философской идеи Дарвина; но боязнь потерять свое вліяніе на массу, пріученную не разсуждать, а подчиняться, была такъ велика, что они предпочли отнестись къ дарвинизму безучастно, какъ къ теоріи, не имѣющей, будто бы, особеннаго значенія. Духъ упорнаго консерватизма, боязнь обнажить истину, боязнь свѣта, боязнь всякой эволюціи мысли—все это, въ культуркампфѣ англо-саксонскихъ и латинскихъ расъ, является условіемъ, неблагопріятнымъ для послѣднихъ.

Объ отношеніяхъ православнаго духовенства къ дарвинизму мы не будемъ говорить; напомнимъ только, что въ пастырско-миссіонерскомъ календарѣ на 1908-ой годъ дарвинизмъ отнесенъ къ ученіямъ антихристіанскимъ.

Въ своихъ ярыхъ нападкахъ на дарвинизмъ, клерикалы, принадлежащіе къ разнымъ исповѣданіямъ, всѣ одинаково упускаютъ изъ виду, что дарвинизмъ можетъ оказать ученому богословію даже большую помощь при разборѣ сложныхъ и трудно разрѣшимыхъ вопросовъ объ альтруизмѣ, о долгѣ, о совѣсти. Всѣ эти вопросы разработаны теологіей весьма односторонне. Она долго не задумывается и рѣшаетъ ихъ живо. Она ставитъ нравственные поступки въ зависимость не отъ человѣка, котораго она считаетъ слабымъ и обрѣтающимся во грѣхѣ, а отъ посланнаго человѣку свыше откровенія. Если человѣкъ — говоритъ теологія—иногда и поступаетъ хорошо, то это исходитъ не изъ него самого, ибо въ немъ, вслѣдствіе первороднаго грѣха, не осталось ничего возвышеннаго: ему указываютъ добрые шаги небеса, давшія религію, изъ которой онъ и долженъ заимствовать указанія для нравственной жизни. Все это понятно съ точки зрѣнія практическаго богословія, призваннаго не философствовать, не добираться до самой сути вещей, а только заниматься проведеніемъ этическихъ идей изъ области религіи въ обычную жизнь человѣка, всегда полную всякихъ недочетовъ. Но это не можетъ удовлетворить философа-психолога, желающаго знать, какимъ именно путемъ могло зародиться и развиться въ сознаніи человѣка чувство альтруизма, чувство долга, чувство совѣсти — эти поразительные феномены, идущіе въ разрѣзъ съ основнымъ, природнымъ инстинктомъ самосохраненія. Вѣдь не могли же всѣ эти чувства свалиться на землю съ небесъ на неподготовленную почву и пустить въ ней корни: это было бы скачкомъ, невозможнымъ въ природѣ. Если же почва уже была для того подготовлена, то сейчасъ же возникаетъ дальнѣйшій вопросъ, какъ она подготовлялась, что побудило человѣка сдѣ-

латься альтруистомъ, т.-е. какія причины побудили его измѣнить въ корнѣ свою основную животную натуру, возвысить ее надъ прирожденнымъ ей эгоизмомъ.

Разрѣшеніе вопроса о происхожденіи и эволюціи религіозно-нравственнаго чувства всецѣло принадлежитъ области нравственной философіи. Оно весьма затруднительно; мы наталкиваемся на такія противорѣчія, которыя, даже при тонкомъ психологическомъ анализѣ, трудно, а часто и вовсе неразрѣшимы. Человѣкъ начинаетъ находить удовлетвореніе въ лишеніяхъ, при чемъ эгоизмъ не пропадаетъ, а только принимаетъ другую форму: его центръ тяжести передвигается изъ міра матеріальнаго въ міръ духовный, т.-е. эгоистическое шкурное *ощущеніе* своей собственной пользы переходитъ въ эгоистическое же *желаніе* лишить себя этой пользы и доставить ее другимъ. Мы говоримъ: *эгоистическое* желаніе, ибо еслибы это такъ называемое лишеніе не было созвучно съ преобразованной въ альтруистическомъ духѣ натурой человѣка, то врядъ-ли онъ рѣшился бы подвергать себя ничѣмъ невознаграждаемому страданію. Здѣсь не мѣсто подробно излагать философскій взглядъ Дарвина на генезисъ нравственнаго чувства, которое онъ всецѣло основываетъ на общественныхъ инстинктахъ человѣка, съ родительскимъ инстинктомъ во главѣ, заставляющихъ человѣка особенно дорожить общественнымъ сожительствомъ, а подчасъ даже и налагать на себя лишенія ради упроченія этого сожительства. Не мѣсто также подробно излагать ходъ эволюціи нравственнаго чувства въ зависимости отъ сознанія дефектовъ и неустройствъ обычной жизни, иначе говоря — отъ неминуемой борьбы идей, болѣе полезныхъ для общественности, съ идеями, менѣе для нея полезными [1]).

Всѣ эти философскіе вопросы не всегда недоступны пониманію *практическаго* богословія, дѣятельность котораго заключается исключительно въ заимствованіи изъ области религіи, какъ изъ цѣннаго ларца, лучшихъ формъ общественнаго сожительства и въ стараніи внести ихъ въ обычную жизнь, всегда переполненную разнообразными проявленіями животныхъ инстинктовъ. Для практическаго богословія религія есть тотъ источникъ, изъ котораго оно черпаетъ готовый уже матеріалъ. Совсѣмъ другія требованія слѣдуетъ предъявлять къ *ученымъ* богословамъ. Уже Лукрецій высказалъ въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. истину, не потерявшую

[1]) Эти вопросы разработаны авторомъ въ трудѣ, озаглавленномъ: „Нравственность, какъ неминуемый продуктъ общественныхъ инстинктовъ“ (1908), гдѣ идетъ рѣчь какъ о дарвинизмѣ въ этикѣ, такъ и о вліяніи религіи на эволюцію этики.

и до сихъ поръ своего значенія; онъ сказалъ: „понять явленіе— значитъ понять, откуда оно произошло“. Спрашивается: могутъ ли понять *ученые* богословы вполнѣ, что̀ такое истинное религіозное чувство, что̀ такое истинное нравственное чувство, когда они не знаютъ, откуда взялись эти чувства? Мы не отрицаемъ возможности быть великимъ христіаниномъ и въ то же время совершеннымъ профаномъ въ философіи; но вѣдь у насъ рѣчь идетъ объ *ученыхъ* богословахъ, которые должны же быть знакомы съ философіей религіи. Если они поняли философскую идею Дарвина—т.-е. идею постепенной выработки нравственнаго чувства въ борьбѣ этическихъ идей за свое существованіе, но не хотятъ это высказать, то имъ подобаетъ обречь себя на молчаніе и терпѣливо проглотить нисколько не колеблющую божественное зданіе Христа горькую пилюлю Дарвина, какъ они въ свое время проглотили пилюли Коперника и Ньютона, а въ прошломъ вѣкѣ—и пилюлю Ляйэлля, ученіе котораго о постепенномъ образованіи земной коры послѣдовательно приводитъ мысль къ постепенному, а не чудесному появленію жизни на этой корѣ. Но когда мы видимъ, что ученые клерикалы, вовсе не нападая на Ляйэлля, въ то же время рѣшаются во всеуслышаніе нападать на такого богатыря мысли, какъ Дарвинъ, приписывая его ученію антихристіанскій характеръ, то намъ приходится обвинить ихъ въ непослѣдовательности мышленія или признать, что они ровно ничего не понимаютъ въ философской идеѣ Дарвина. Они не понимаютъ, что дарвинизмъ своимъ научнымъ подходомъ къ возникновенію нравственнаго чувства только закрѣпилъ могучее религіозное зданіе. Религіозное зданіе, построенное ученымъ богословіемъ не на научномъ, а на шаткомъ, зыбкомъ фундаментѣ, легко расшатывается полуобразованіемъ, въ особенности тамъ, гдѣ наука не смѣетъ являться на помощь далеко ушедшей впередъ мысли. Очевидно, что въ конфликтѣ научнаго богословія съ дарвинизмомъ послѣдній стоитъ на болѣе прочной, болѣе широкой почвѣ.

Прошло уже девятнадцать вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ зажглась лучезарная звѣзда, могущая привлечь къ себѣ не только трехъ волхвовъ, но и весь міръ — а все еще не исчезли сомнѣнія въ томъ, что причисленіе себя къ категоріи животныхъ есть уже первый шагъ религіознаго характера. Чтобы понять высшее, божественное, обязательно надо исходить изъ низшаго. Дарвинъ сдѣлалъ попытку подойти со стороны естественно-исторической къ разъясненію происхожденія какъ самого человѣка, такъ и его нравственнаго міра, къ разъясненію того, насколько человѣкъ съумѣлъ

частью облагородить, но большею частью только замаскировать свои природные животные инстинкты. Вся проповѣдь Христа была антитезой животной жизни человѣка. Божественность ученія Христа мы можемъ вполнѣ понять только тогда, когда одновременно представимъ себѣ душу загрязненную, животнообразную. Чѣмъ темнѣе оттѣняетъ дарвинизмъ въ человѣкѣ звѣря, тѣмъ ярче свѣтится религіозный идеалъ.

Отведя человѣку должное мѣсто въ общемъ мірозданіи, дарвинизмъ если поколебалъ что-нибудь, такъ только самомнѣніе человѣка, считавшаго себя, себя одного, перломъ созданія; онъ указалъ ему, въ то же время, что свое первенство ему слѣдуетъ видѣть не въ привилегированномъ положеніи владыки міра, а въ отличающей его отъ животнаго способности владѣть своими мыслями и поступками, въ способности переработать свою эгоистическую волю въ волю альтруистическую, въ способности сознавать сидящаго въ человѣкѣ звѣря, въ способности бороться съ нимъ. Дарвинизмъ безспорно оказалъ смягчающее вліяніе на сердце человѣка; онъ показалъ намъ, что животный міръ — это наши меньшіе братья, имѣющіе такіе же, какъ и мы, нервы и органы чувствъ и точно такъ же, какъ и мы, испытывающіе и горе, и радость. И вотъ за это-то доброе на человѣка воздѣйствіе Дарвинъ былъ закиданъ грязью, которая къ нему, конечно, не пристала.

А. Берсъ.

ВЪ ПОѢЗДѢ

I.

Въ Харьковѣ, еще днемъ, я такъ крѣпко заснулъ на своей верхней полочкѣ, что когда, наконецъ, сильный, неожиданный толчокъ рѣзко остановившагося поѣзда разбудилъ меня, то было уже темно. Въ вагонѣ, порождая лѣнивую смѣсь тьмы и свѣта, мерцали надъ дверями свѣчи. На платформѣ, залитой, съ невидной мнѣ высоты, электричествомъ, происходила обычная суматоха узловой станціи.

Мимо оконъ поѣзда, словно въ погонѣ за счастьемъ, неслись люди, съ узлами въ рукахъ; неуклюже, какъ ступа, вертѣлась женщина въ старомодномъ, крылатомъ бурнусѣ, какіе въ провинціальныхъ магазинахъ готоваго платья именуются такъ: „фасонъ мефистофель". Пробѣгали носильщики, нагруженные какъ дачные мужья на юмористическихъ картинкахъ.

Женщина въ бурнусѣ горячо призывала какого-то Митрофана Ивановича и, не обращаясь ни къ кому, гнѣвно говорила, что Митрофану Ивановичу кислымъ бы молокомъ торговать, а не искать мѣста въ вагонахъ.

Свѣсившись внизъ, я замѣтилъ въ своемъ отдѣленіи перемѣны: одного спутника, подсѣвшаго къ намъ изъ Таганрога и всю дорогу напѣвавшаго греческія пѣсенки, уже не было. Другой, окутавшись одѣяломъ и высунувъ наружу ноги въ смявшихся чулкахъ, безмятежно почивалъ.

Этотъ человѣкъ, какъ говорятъ хохлы, залилъ-таки мнѣ сала за шкуру. Битыхъ десять часовъ онъ посвящалъ меня въ тайны германской политики; разсказывалъ про монаха, которому бы

не акаѳисты читать, а передъ коронованными особами оперы исполнять; подробно, съ рисунками, сообщалъ мнѣ, какъ за одинъ гривенникъ можно устроить чудеснѣйшій волшебный фонарь; увѣрялъ, что одинъ извѣстный архитекторъ любилъ иногда ни съ того, ни съ сего кричать: „караулъ"; маленькими глотками пилъ вино и, какъ подеста въ „Гаспаронѣ", каждый разъ говорилъ, что это—необходимо для его здоровья.

Теперь онъ спалъ и, видимо, крѣпко.

Суматоха, межъ тѣмъ, на платформѣ не уменьшалась и у самаго моего окна вдругъ послышалась оживленная дискуссія:

— Да вѣдь тебѣ же, идіоту, говорили русскимъ языкомъ! Ну, какой же лѣшій, скажи пожалуйста, кладетъ масло на сахаръ? Что ты теперь прикажешь съ этимъ сахаромъ дѣлать? Ну?

Кто-то, и чуть ли не Митрофанъ Ивановичъ, началъ нерѣшительно доказывать, что еслибы масло было хорошее, то оно не могло бы пройти въ сахаръ, а разъ масло прошло въ сахаръ, значитъ оно было нехорошее, значитъ и жалѣть его нечего—но вдругъ черезъ всѣ его разсужденія громомъ прогремѣло:

— Эхъ вы-ы! Сахаръ Сахаровичъ! Фалдочка вы и больше ничего!

Въ эту минуту на платформѣ произошло что-то неожиданное. Митрофанъ Ивановичъ озвѣрѣлъ и словно съ цѣпи сорвался:

— Я т-тебѣ покажу фалдочку!—гнѣвнымъ голоскомъ залепеталъ онъ:—я не посмотрю, что ты одиннадцать пудовъ вѣсишь! Я къ с-самому начальнику станціи пойду! Я т-тебя въ жандармскую комнату притащу! Докажи мнѣ: какая я фалдочка? С-сама ты фалдочка!

Къ великому моему изумленію, поднимается мой доселѣ мирно спавшій сосѣдъ, вылѣзаетъ головой въ окно и, посмотрѣвъ на всѣ стороны, соннымъ голосомъ говоритъ:

— Слушай, фалдочка! Чего ты, братецъ, орешь? По какой уважительной причинѣ ты такой тарарамъ поднимаешь? Пойми ты, что въ поѣздѣ можетъ дѣйствительный статскій совѣтникъ ѣхать. Вѣдь за такое нарушеніе общаго равноденствія ты дней десять клоповъ покормить можешь. Ахъ ты, фалдочка этакая, неразумная!

Гдѣ-то бьютъ звонки, и послѣ протяжныхъ свистковъ поѣздъ, наконецъ, трогается.

II.

Грязный, заплеванный вагонъ—старый: перевезшій на своемъ вѣку милліоны людей. Кажется, что болятъ его колеса, какъ ноги

у старика. И шатается онъ, и покачивается, и кряхтитъ, и визжитъ — но бѣжать впередъ нужно, нужно скользить по этимъ спокойнымъ, мертвымъ, до отвращенія знакомымъ рельсамъ.

Тусклое мѣсиво огня и темноты. Куски мрака въ углахъ. Мнѣ видны освѣщенная надпись: „для некурящихъ", картонныя объявленія, разбитый термометръ, кружечки для пожертвованій.

На фонѣ своеобразнаго вагоннаго шума до меня изъ сосѣдняго отдѣленія доносятся тихіе, какъ-то странно, сквозь массу постороннихъ звуковъ слышные голоса. Тамъ ѣдутъ шахтеры, которымъ въ четыре часа утра нужно слѣзать.

Въ противоположное мнѣ окно глядитъ черная, досыта мракомъ напитавшаяся ночь, и только далеко, далеко—очевидно, на крутомъ изломѣ пути—маячитъ сигнальный огонь. И кажется, около него раскинулось что-то громадное и широкое: можетъ-быть облака, можетъ-быть лѣсъ.

Зябко и пріятно протягиваетъ легонькимъ сквознячкомъ.

— И вотъ этотъ самый Софронъ Ивановичъ — слышу я — обведетъ вокругъ себя мѣломъ кругъ и ѣдетъ на этомъ кругу, какъ на шарабанѣ. Да еще усмѣхнется. Скажетъ: „Ѣдемъ, Егоръ, къ женѣ дыню ѣсть".

— Ды-ню?—спрашиваетъ кто-то, ударяя на первомъ слогѣ.

— Дыню. Моя жена-то верстъ семь отсюда живетъ.

— Скажи на милость!

„Трахъ!" словно испугавшись и крикнувъ, пролетѣлъ поѣздъ по мостку и заглушилъ на мгновенье разговоръ.

— А въ другой разъ—продолжаетъ тенорокъ:—ѣду я съ нимъ ночью, на лошади. И говорю: „Софронъ Иванычъ! Ты меня, говорю, прости, но удивляюсь я тебѣ. Силу ты имѣешь такую необыкновенную,—ну, какого лѣшаго тебѣ въ шахтѣ землю ковырять? Вѣдь дворецъ ты могъ бы сдѣлать?"—„Могъ бы", говоритъ.—„И жить въ немъ могъ бы?"—„Могъ бы", говоритъ.—„Ну? спрашиваю: чего же ты? какого лѣшаго?"—Молчитъ, усмѣхается, на мѣсяцъ смотритъ. Вижу: поперекъ рѣчка течетъ. Что за шутъ? думаю. Никогда на этомъ мѣстѣ рѣчки не бывало. Теперь—рѣчка. И такъ это мѣсяцъ въ водѣ играетъ, словно вотъ кто золотыя деньги по ней разбрасываетъ. Гляжу: плыветъ что-то. Что̀—понять не могу: словно большая рыба. Вглядываюсь: гробъ. Черный-пречерный. А на крышкѣ — бѣлый крестъ нарисованъ.

Эффектъ отъ разсказа получился, видимо, сильный: сразу все стихло.

Разсказчикъ самъ, вѣроятно, не ожидалъ такихъ яркихъ ре-

зультатовъ, потому что смущеннымъ, неувѣреннымъ тономъ еще разъ повторилъ свою послѣднюю фразу:

— А на крышкѣ—бѣлый крестъ нарисованъ!

Это погубило разсказчика: оказывается, кромѣ меня, къ разговору прислушивался и мой сосѣдъ—человѣкъ, какъ впослѣдствіи выяснилось, великолѣпно разбирающійся въ разнаго рода волшебныхъ казусахъ.

Сбросивъ съ себя одѣяло, онъ какъ былъ, въ рубашкѣ и носкахъ, заглянулъ въ сосѣднее купэ и, крестообразно схватившись руками за верхнія полки, остановился въ проходѣ.

Шахтеры обратили, видимо, на него вниманіе.

— Это кто про гробъ и бѣлый крестъ разсказывалъ? Ты?—среди молчанія, спокойно, какъ на экзаменѣ, предложилъ онъ свой первый вопросъ.

— Я! — довольно нерѣшительно отозвался невидный мнѣ теноровъ.

— Ты. Такъ-съ. А скажи пожалуйста, милый человѣкъ,—тѣмъ же тономъ вопросителя продолжалъ мой сосѣдъ: — какая тебѣ корысть этакую брехню—можно сказать, пятьдесятъ шестой пробы—разводить?

— Какъ такъ брехню?—запротестовалъ неожиданно уязвленный теноровъ:—когда я самъ, своими собственными...

— Самъ! Своими собственными! — насмѣшливо, въ носъ, очень задорно, передразнилъ его сосѣдъ:—своими собственными! Поглядите на него, добрые люди! Ну, что ты понимать можешь самъ-то, своими собственными? Растолкуй мнѣ Вышняго ради. Слушалъ, слушалъ я, какъ ты ер-рунду на постномъ маслѣ здѣсь разводишь, и не выдержалъ. А паренекъ вонъ уши развѣсилъ, слушаетъ, какъ дяденька азовскія басни разсказываетъ. А въ дѣлѣ ты, я вижу, смыслишь, какъ извѣстное животное въ извѣстномъ фруктѣ. Черный гробъ! Бѣлый крестъ! Это, братъ, контрамарка, а не разсказъ. Что гробъ плылъ по рѣкѣ—тутъ хитраго ничего нѣтъ. Но чтобъ на немъ, на гробѣ—сосѣдъ высоко поднялъ палецъ и отдѣлялъ имъ каждое свое слово—былъ животворящій честный крестъ нарисованъ,—это ужъ ты, сознайся, фукà пустилъ. Я, братъ, до женитьбы семь лѣтъ состоялъ пономаремъ при высокопреосвященнѣйшемъ митрополитѣ кіевскомъ и галицкомъ, съ монахами и другими народами тонкое знакомство велъ, книги запрещенныя читалъ! Эти дѣла, скажу я тебѣ, намъ виднѣе... И тебѣ, и Софронъ Иванычу твоему, и пареньку вотъ этому заявляю я торжественно: туда, гдѣ есть крестъ, только неразумный бѣсъ, который изъ молодыхъ,

сунуться можетъ и сейчасъ же, конечно, посрамленіе приметъ. А понимающій, матерый бѣсъ никогда себѣ этой глупости не позволитъ. А ты мелешь мелево: черный гробъ! Бѣлый крестъ! Своими собственными!

Пономарь съ негодующими, нервными движеніями легъ на свою лавочку, но задоръ, видимо, вселился и обуялъ его: онъ сейчасъ же опять вскочилъ, опять бросился въ отдѣленіе къ шахтерамъ, сѣлъ съ ними и вступилъ въ жаркое словопреніе. Страстный, вибрирующій тенорокъ то и дѣло схватывался съ раздраженнымъ басомъ пономаря. На перебой сыпались разсказы о колдунахъ, чернокнижникахъ, о томъ, что если прочесть всю Библію, то можно съ ума сойти.

Пономарь говорилъ, что ему на своемъ вѣку приходилось встрѣчаться съ такими ядовитыми монахами, которыхъ самые отчаянные бѣсы боялись, какъ собака—палки.

Говорили о лунатикахъ, о кликушахъ...

И я впервые, особенно наглядно, ощутилъ ту бѣду человѣчества, что всегда, во всѣ времена и вѣка, была, есть и будетъ, вѣроятно, такая стѣна, въ которую оно, человѣчество, бьется головой—бьется до огромной боли, до потери сознанія. Среди любой культуры есть эта стѣна и стоитъ всегда гордая, непреоборимая. Станетъ мысль человѣка тоньше, просверлитъ эту толщь, вырвется на волю, но глядишь: какъ голова у сказочной змѣи, растетъ новая стѣна, рожденная уже утончившейся мыслью, окрашенная другой краской, спаянная другимъ цементомъ—и снова твердыня на многія сотни лѣтъ...

...Разговоръ моихъ спутниковъ все болѣе и болѣе оживлялся, привлекалъ другихъ пассажировъ; даже кондукторъ, явившійся посмотрѣть, не сѣлъ ли со станціи новый пассажиръ,—увлекся и разсказалъ довольно длинную исторію о волшебномъ котѣ, который у нихъ, въ селѣ Рябовѣ, продѣлывалъ необыкновенныя штуки—напримѣръ: въ двѣнадцать часовъ ночи начиналъ горѣть разноцвѣтными огнями.

Въ окно было видно, какъ, блеснувъ убогими огоньками, промелькнула деревенька. Захотѣлось представить себѣ обстановку, противоположную этой, вагонной: хорошо бы теперь спуститься къ рѣкѣ, быть въ ночномъ, сидѣть гдѣ-нибудь на пригоркѣ и ждать поѣзда, который издалека, версты за три, сверкнулъ бы своими холодными, неморгающими глазами. Чуть слышно пѣли бы пѣсню, догоралъ бы, прощаясь съ жизнью, костеръ, чуть замѣтно дышала бы теплая, нѣжная ночь...

...Почему-то сразу замолчали. Должно быть, опять сразу родилось впечатлѣніе.

Я сталъ жалѣть, что пропустилъ разсказъ.

Пономарь стоялъ въ проходѣ, и мнѣ было видно, какъ онъ задумчиво гладилъ бороду, поворачивая голову то направо, то налѣво, и, наконецъ, глубокомысленно замѣтилъ:

— Этому я повѣрить могу. Могу! Только грѣхъ это, великій грѣхъ! Въ Іорданѣ нужно другой разъ креститься. Грѣхъ! Вел-ликій!

Снова заговорилъ тенорокъ.

Я живо представлялъ себѣ его голубые, вѣроятно, глаза— наивные и большіе; рыжую бородку; нервныя, порывистыя движенія; лицо строгое, ищущее. Это былъ человѣкъ, знавшій, видимо, что на землѣ есть такія путы, которыми можно прибрать къ своимъ рукамъ нечистую силу и затѣмъ, съ ея помощью, жить, какъ душѣ хочется: ѣздить, напримѣръ, на кругу, какъ на шарабанѣ, и ѣсть съ женою, живущею за семь верстъ, дыню. Когда онъ заговаривалъ о Софронѣ Ивановичѣ, то по тону его мнѣ казалось, что когда-нибудь эта рыжая бородка и придетъ къ нему и горячо, со слезами въ своихъ безпокойныхъ синихъ глазахъ, попроситъ: дать ему прочесть тѣ черныя книги, въ которыхъ разоблачены всѣ тайны жизни, научить его всѣмъ заклинаньямъ и сдѣлать его наслѣдникомъ своихъ знаній и могущества.

Тогда онъ броситъ тяжелое, рвущее силы шахтерство, тогда у него польется золото, начнется привольная жизнь, загремитъ слава и за нимъ придутъ, чтобы исцѣлить отъ болѣзни царскую дочь.

III.

Мнѣ надоѣло лежать, и я пошелъ на площадку. Когда я проходилъ мимо сосѣдей, то увидѣлъ такую картину: верхнія полки не были подняты, а внизу, во всю длину одной, лежалъ паренекъ, съ густой копной бѣлокурыхъ, рѣзко отброшенныхъ волосъ и съ пухомъ въ качествѣ начинающейся бороды. Заломивъ руки за голову, онъ мечтательно смотрѣлъ передъ собою.

На противоположной скамьѣ, посерединѣ, низко склонившись къ пареньку, сидѣлъ, очевидно, теноръ. Онъ не оправдалъ моихъ предположеній. Это былъ огромный человѣкъ, съ длинной красивой бородой, похожій на старообрядца изъ Черниговской гу-

берніи, съ мощными, чисто шахтерскими руками. Неуклюжій, онъ производилъ впечатлѣніе суровое, дикое, но когда вскидывалъ на васъ большіе дѣтскіе глаза, то становилось понятно, почему этотъ человѣкъ выглядитъ басомъ, а говоритъ теноромъ. И было уже неудивительно, что ему очень хочется поѣздить на кругу.

На площадкѣ было вѣтрено, и я, чтобы закурить, принужденъ былъ прятать огонь въ выдвинутую коробочку.

Поѣздъ летѣлъ, разсѣкая черную, нахмурившуюся ночь. А съ ночью, черной и нахмурившейся, дѣлалось что-то неладное. Гдѣ-то далеко, какъ внезапной мыслью, сверкнула ломаной линіей молнія: сначала нерѣшительно, потомъ молодымъ, изящнымъ смѣшкомъ прокатился по небу громъ, и, можетъ-быть ободренная имъ, молнія второй разъ сверкнула ярче и ближе, на мгновеніе освѣтивъ густыя, плывущія облака и огромное выкошенное поле, съ разбросанными тамъ и сямъ скирдами.

На площадку еще кто-то вышелъ. Я не оглянулся, но скоро услышалъ знакомый голосъ:

— Эхъ, дождикъ будетъ важный! — восторженно говорилъ теноръ:—эхъ, да и обрадуется же земля! Мѣсяца полтора въ этой сторонкѣ капли не было. Земля-то, какъ чай, сухая стала...

Я полуобернулся къ нему.

Бородачъ завертывалъ себѣ папиросу, а паренекъ держалъ наготовѣ спички.

— Д-да,—разсѣянно, думая о другомъ, отвѣтилъ паренекъ и, когда тотъ закурилъ, долго защищалъ ладонями отъ вѣтра еще не погаснувшую спичку. Спичка вспыхнула въ послѣдній разъ, осѣнивъ странными, рѣзко подчеркнутыми тѣнями его лицо и какъ-то особенно выдвинувъ въ немъ свѣтлые, большіе глаза.

Стало темно, и только красный фонарикъ на площадкѣ, убѣгая съ поѣздомъ впередъ, маячилъ кому-то въ степи.

— Д-да!—медленно и задумчиво повторилъ паренекъ: — ты говоришь вотъ, что колдуномъ хорошо быть. А по мнѣ, братъ, святымъ быть лучше. Колдунъ что? Все это—нечистая, бѣсовская сила. За это въ котлѣ кипѣть будешь.

— Ерунда! — увѣренно и дѣловито отвѣтилъ бородачъ:— ерунда! Никакого котла не будетъ! Почувствовалъ, что каюкъ приходитъ—зови попа да кайся: и готово дѣло. И грѣхъ твой Митькой звали. А за то жизнь-то, жизнь! — вдругъ оживился бородачъ, снова нащупывая любимую мечту: — вѣдь это, братъ, ты еще молодъ, — вотъ и поешь соловьемъ. А ты разсуди. Я работаю, какъ проклятый, а денегъ получаю рупь десять. Это

тебѣ и на харчъ, это тебѣ и на квартеру, это тебѣ и на одежу, и на обужу. Развѣ это житье? Всталъ да и за вытье!— Раздраженныя, давно нажитыя ноты зазвучали въ голосѣ шахтера—и стукъ колесъ, одинаковый и упорный, подтверждалъ, казалось, его слова.

— Что-жъ жизнь? — отвѣтилъ паренекъ, и я жалѣлъ, что мнѣ было плохо видно его лицо: — Здѣсь-то, пожалуй, деньгу наживешь... А вѣдь хорошо, если покаяться успѣешь? А ну молоньей убьетъ? А ну Богъ сразу смертью накажетъ? Не пожелаетъ твоего покаянья принять? А вѣдь тамъ-то, братъ, годамъ конца краю нѣтъ! Конца краю!

Ясно было, что сталкивались два міросозерцанія, выросшія на одной и той же почвѣ: жалкаго, мозолистаго существованія съ одной стороны, и запросовъ души, ищущей смысла и правды жизни—съ другой.

— Д-да, — послѣ паузы протянулъ шахтеръ, и непонятно было, что онъ хотѣлъ подтвердить. Слова парня будто навели его на какія-то соображенія, которыя онъ упускалъ раньше...

— А я, братъ, тебѣ вотъ что скажу,—продолжалъ спокойно паренекъ, и голосъ его зазвучалъ глубоко, задушевно, словно онъ тронулъ въ сердцѣ самую нѣжную, самую любимую свою струну:— жилъ однажды святой. Пустынь его была тихая и далекая. Никто къ нему не ходилъ и никого онъ не зналъ. Человѣкъ былъ онъ простой, читать не умѣлъ. Ни псалтыри, ни святцевъ. И молитвъ никакихъ не зналъ. „Отче нашъ“, „Богородицу“ даже не зналъ. Зналъ только, что есть гдѣ-то Богъ — вотъ и все. И только молитвы у него было, что твердитъ, бывало, какъ день, какъ ночь: „Господи! Я — твой, Ты — мой“. И ничего больше. Ниче-го! „Я — твой, Ты — мой“. И вотъ, братецъ ты мой, когда умеръ онъ, на могилѣ у него выросло деревцо...

Голосъ паренька дрогнулъ отъ захватившаго его волненія.

— Выросло деревцо... Вѣтвистое такое... Всю могилу закрыло... И на каждомъ листкѣ было написано: „Я—твой, Ты— мой“. На каждомъ листкѣ!

Сверкнувшая снова зарница освѣтила его лицо, блеснувъ въ крупной, жемчужной слезѣ, и совсѣмъ не въ тонъ проворчавшему вдали грому была снисходительная, себѣ на умѣ, улыбка бородача.

Протяжно и хрипло засвистѣлъ паровозъ, дрогнули внизу, умѣряя ходъ, вагоны: вдали, на заворотѣ, блеснула огоньками станція.

IV.

— Что случилось?

— Что случилось! Бабу раздавили — вотъ что случилось. Ахъ ты елки-палки! Опять опоздаемъ въ Тулу.

...— Разъ съ тобой желаетъ говорить пассажиръ перваго класса, ты долженъ почтительно удовлетворить его любопытству.

— Бабу раздавило-съ, ваше превосходительство!

— Чѣмъ раздавило-то?

— Нашимъ поѣздомъ-съ... Переѣхали-съ...

— Ну-съ, и что же, переѣхали?

— Докладываю же вамъ: бабу-съ... Неизвѣстную-съ... Званіе вонъ пошли ея выяснять... Такъ что кончина ей, значитъ, такая отъ Господа Бога положена.

— Sancta simplicitas! Развѣ отъ Господа Бога такая кончина полагается? Отъ Господа Бога — кончина мирная, безмятежная и на страшномъ судилищѣ Христовѣ отвѣта просимъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство!

— То-то вотъ и оно! А ты: „отъ Господа Бога"... Ну, ступай!

...— И надолго задержимся?

— В-вѣроятно...

— А гдѣ же она?

— А вонъ за водокачкой...

— Вотъ тебѣ и фунтъ изюму!

— Да, вотъ вамъ и фунтъ изюму...

Маленькая, захудалая станція. Около двери, подъ навѣсомъ, колоколъ. Тутъ же фонарь съ разбросанными по стѣнѣ лучами тѣней. Гулко звучащій асфальтъ платформы. Какъ осенніе листья подъ вѣтромъ—встревоженныя лица. Не спокойное, не желающее уснуть небо. Чья-то квартира съ тюлевыми занавѣсями на окнахъ, слабо освѣщенная внутри.

...— Жена начальника станціи, оказывается.

— Какой? Этой станціи?

— Этой. Слышите крикъ? Это самъ начальникъ кричитъ. Бросилъ на землю свою красную фуражку и кричитъ.

— Закричишь. Простите, что вмѣшиваюсь въ разговоръ. Восемь лѣтъ служу на этой дорогѣ, всегда сопровождаемъ вотъ этотъ поѣздъ: номеръ осьмой-съ. Знаю ее прекрасно-съ. Красавица. Восьмой номеръ въ этихъ мѣстахъ всегда вечеромъ идетъ,—ну, вотъ она и выйдетъ на платформу... Да-съ... Закутается платочкомъ и смотритъ.

— Брюнетка или блондинка?

...— А самъ онъ красивый?

— Краси-ивый! Усы, какъ у императора Вильгельма.

— Теперь, небойсь, растрепались?

— Ну, конечно, растрепались... Растреплешься.

...— Все это такъ, я понимаю. А меня вотъ морозъ по кожѣ подираетъ. Всетаки и я проѣхалъ по ея тѣлу... И я душилъ ее... И я былъ ея палачемъ...

— Философія, Володя, ей Богу философія! Вѣчно ты лакъ наводишь... Ну, при чемъ здѣсь я, ты, третій, десятый? Плюнь! Брось мысли! Пойдемъ нарзану выпьемъ!

— Здѣсь, господинъ, нарзану не будетъ-съ... Станція безъ буфета-съ.

...— Не нравится мнѣ эта степь, чортъ ее дери! Не для людей она. Вы посмотрите-ка на эту даль, на эти тополя, которые исчезли тамъ гдѣ-то, въ темнотѣ...

— Все равно! Не умерла сегодня, черезъ двадцать лѣтъ умерла бы... Vita brevis. Ars longa.

...— Ну однако, сеньоре кондуктòре, скоро въ путь соблаговолимъ?

— Не могу знать-съ. Не отъ насъ зависитъ-съ... Еще переносъ тѣла будетъ.

— То-есть, какъ это такъ: переносъ тѣла?

— Очень просто: надо перенести тѣло.

— Куда перенести-то?

— Въ квартеру-съ... Вотъ ихняя квартера-съ. При вокзалѣ-съ.

— А такъ нельзя? Немножко тѣло отъ рельсъ подвинуть, а поѣздъ пустить...

— Не могу знать. Можетъ-быть и возможно. Вы пошли бы дали совѣтъ...

— Нда-а... Совѣтъ... Получается Ляпкинъ-Тяпкинъ.

...— Н-ну, братъ! Теперь, братъ! Знай нашихъ, поминай голландскихъ! Цѣлый вѣкъ случая ждалъ! Теперь ни въ какую игру проигрыша нѣтъ. Конецъ! Забрался это я въ кучку—въ народъ, значитъ. И нагнулся прямо къ ней, къ покойницѣ. Бытто платокъ поправить хочу, а самъ это рукою шарь, шарь: гдѣ кровь ищу. И вымазалъ пальцы. Видишь: во-о! Кровь, братъ. Настоящее. Теперь ни въ какую игру промазать не могу. Потому руки въ кровь самоубійцы помазалъ. Отъ хоро-ошаго старика слышалъ примѣту! Хоро-ошій старикъ былъ. Не хуже Софрона. Еще, пожалуй, почище. Пра-аво... Слышь, Сень? Не теряй, бра-

тень, случая. Слышь? Не теряй, говорю тебѣ я, случая! Добра желаючи, говорю...

...Маленькая, захудалая станція. Около двери, подъ навѣсомъ, колоколъ. Тутъ же фонарь, разбрасывающій, какъ паутину, длинныя тѣни. Гулко звучащій асфальтъ. Уже проясняющіяся лица.

Только небо, по прежнему, неспокойно: какъ глаза, вспыхиваютъ зарницы.

Квартира съ тюлевыми занавѣсями на окнахъ слабо освѣщена изнутри: съ платформы, всетаки, виденъ фикусъ, туалетное зеркало, картина и прочее.

И. Сургучевъ.

Былъ чудный, гордый храмъ,
Роскошный, величавый.
На удивленье мчавшимся вѣкамъ
Онъ высился вершиной златоглавой
Надъ городомъ. И тьма людскихъ сердецъ
Несла свои дары: кто — чистыя молитвы,
Кто — золото, а кто — лавровый свой вѣнецъ,
Добытый мужествомъ на полѣ грозной битвы.

Былъ чудный, гордый храмъ —
И рухнулъ. И теперь
Однѣ развалины стоятъ угрюмо тамъ,
И рыщетъ дикій звѣрь,
И къ небесамъ воззванья
Смѣнились ужасомъ могильнаго молчанья.

Въ моей душѣ былъ храмъ —
И рухнулъ. И теперь,
Во слѣдъ растраченнымъ промчавшимся годамъ,
Воспоминаніе — неукротимый звѣрь —
Рычитъ въ развалинахъ, но звукъ его рычанья
Не можетъ пробудить могильнаго молчанья

А. Хирьяковъ.

РЫЦАРЬ КАПИТАЛА

„A Captain of Industry“, by Upton Sinclair.

I.

Въ предлагаемой читателю хроникѣ я собираюсь разсказать исторію одного цивилизованнаго человѣка, отбросивъ при этомъ въ сторону всѣ грезы и воздушныя созданія воображенія и всецѣло обратившись къ той скромной дѣйствительности, которая расположилась уже у самыхъ ступеней за нашей дверью.

Каждая поговорка, каждое красное или крылатое словцо, каждое обиходное выраженіе можно назвать окаменѣлымъ вдохновеніемъ. Давно когда-то это было чѣмъ-то живымъ, какъ молнія, блеснувшая въ душѣ человѣка; теперь же многія выраженія сходятъ у насъ съ языка, а мы вовсе не думаемъ о ихъ значеніи. Такъ, когда произошло событіе, съ котораго начинается мой разсказъ, всѣ газеты въ одинъ голосъ заявили, что Робертъ ванъ-Ренселэръ родился „съ серебряной ложкой во рту“.

Намъ нечего вдаваться въ подробности этого происшествія, и мы можемъ ограничиться указаніемъ на то, что появленіе на свѣтъ нашего героя причинило значительное и непріятное безпокойство его матери, которая до тѣхъ поръ никогда не испытывала никакихъ неудобствъ. Отецъ его, мистеръ Чаунсэй ванъ-Ренселэръ, былъ весьма уважаемымъ членомъ высшаго нью-іоркскаго общества, отвѣчая болѣе или менѣе серьезнымъ требованіямъ богатства и хорошаго воспитанія и занимая на 5-ой авеню дворецъ во вкусѣ девятнадцатаго столѣтія, подъ номеромъ 41144. Въ ту пору, когда начинается нашъ разсказъ, ванъ-Ренселэръ-

отецъ бѣжалъ со сцены безпокойства и короталъ время за игрой на бильярдѣ съ нѣсколькими симпатичными ему друзьями; когда же прозвенѣлъ колокольчикъ телефона, то они откупорили бутылку шампанскаго и выпили за здоровье ванъ-Ренселэра-сына. Немного позже, когда отецъ стоялъ въ полутемной комнатѣ и глядѣлъ на красновато-фіолетовое живое существо, сердце его наполнилось гордостью, и онъ далъ себѣ слово сдѣлать изъ Роберта ванъ-Ренселэра джентльмена, по образцу отца.

Я долженъ замѣтить, что уже въ самомъ началѣ жизни моего героя печать и заботливая публика удѣлили ему чрезвычайно много вниманія. Мистеръ Чаунсэй ванъ-Ренселэръ былъ богатъ, по понятіямъ Нью-Іорка и 5-ой авеню, и бэби ванъ-Ренселэръ получилъ приданаго и костюмовъ приблизительно на сумму 17.000 долларовъ. У меня сохранилось множество газетныхъ вырѣзокъ, и я охотно привелъ бы здѣсь подробнѣйшія описанія, чтобы сохранить ихъ для потомства; но пока я сталъ бы заниматься этимъ, молодой Робертъ ванъ-Ренселэръ успѣлъ бы вырости. Перехожу къ тому времени, когда онъ былъ мальчикомъ-подросткомъ, съ двумя гувернантками и нѣсколькими воспитателями, со своимъ собственнымъ грумомъ и со своими спеціальными слугами.

Такой избытокъ вниманія испортилъ бы многихъ мальчиковъ, и потому намъ слѣдуетъ сказать съ самаго начала, что Робби никогда не былъ испорченъ, что до конца своихъ дней онъ слылъ „добрымъ малымъ", и что гнѣвъ загорался въ его глазахъ только тогда, когда онъ не могъ получить того, чего ему хотѣлось.

Еще черезъ пару лѣтъ его отдали въ большую богатую школу, куда онъ отправился, сопровождаемый молитвами своей семьи, камердинеромъ и грумомъ. Въ школѣ онъ занималъ нѣсколько комнатъ и держалъ двухъ лошадей и пару собакъ, генеалогія которыхъ была длиннѣе его собственной; въ школѣ же онъ научился курить папиросы особенно тонкаго качества, научился играть въ покеръ и интересоваться надлежащимъ образомъ скачками, гонками и бѣгами. Въ той же школѣ, какъ разъ передъ выпускомъ, когда онъ готовился взять приступомъ какой-нибудь большой университетъ, съ Робби произошло крайне взволновавшее его приключеніе. Я пишу реалистическое произведеніе, а въ реалистическихъ произведеніяхъ во всѣхъ деталяхъ изображаются именно такого рода происшествія, и потому я долженъ объяснить, что Робби безумно влюбился въ хорошенькую дѣвушку, которая жила въ деревнѣ недалеко отъ

училища. Робби былъ и молодъ, и хорошъ собою, и богатъ, и остроуменъ и ни въ какомъ случаѣ не отказывался отъ исполненія своихъ желаній. Когда ему пришлось покинуть школу, дѣвушка покинула родной домъ и послѣдовала за нимъ. Прошло нѣсколько блаженныхъ мѣсяцевъ, прожитыхъ въ городѣ, но потомъ появились нѣкоторыя осложненія. Робби уже готовъ былъ жениться, но любопытство его отца было возбуждено требованіемъ весьма крупной суммы со стороны сына, и мистеръ Чаунсэй ванъ-Ренселэръ и мистеръ Робертъ ванъ-Ренселэръ имѣли въ кабинетѣ перваго конфиденціальный разговоръ.

— Скажи мнѣ, Робби,—спросилъ отецъ—сколько же времени это продолжается?

— Около года, сэръ,—сказалъ Робби, опустивъ глаза.

— Около года? Гм! А почему ты не сказалъ мнѣ объ этомъ, когда въ первый разъ очутился въ затруднительномъ положеніи?

— Мнѣ... мнѣ не хотѣлось говорить — промолвилъ Робби.

— Конечно,—сказалъ отецъ—мальчишкамъ не слѣдовало бы заводить такихъ глупыхъ исторій; но если ужъ ты заварилъ кашу, то долженъ былъ сказать мнѣ объ этомъ. Итакъ, ты хочешь жениться?

— Я... я люблю ее — сказалъ сынъ, мѣняясь въ лицѣ и покрываясь всѣми оттѣнками румянца, такъ какъ онъ чувствовалъ, что слова его звучатъ здѣсь какъ-то глупо.

— Но, Робби, — протестовалъ ванъ-Ренселэръ-отецъ — вѣдь нельзя же жениться на всѣхъ женщинахъ, которыхъ любишь.

Затѣмъ, послѣ небольшой паузы, отецъ продолжалъ серьезнымъ тономъ: — Теперь, мой мальчикъ, скажи мнѣ, гдѣ она, и я устрою тебѣ это дѣло.

Робби содрогнулся. — Вы не будете нелюбезны съ нею? — спросилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Разумѣется, нѣтъ! — сказалъ отецъ. — Я никогда ни съ кѣмъ не бываю нелюбезенъ. Все устроится къ общему благополучію—это я тебѣ обѣщаю.

День или два спустя было объявлено, что Робби уѣзжаетъ на годъ за границу; когда же онъ хотѣлъ повидаться съ Дэзи, чтобы проститься съ нею, ему было сказано, что Дэзи уѣхала на западъ — и это обстоятельство въ теченіе нѣсколькихъ дней тревожило Робби.

Мой герой отправился за границу съ нѣсколько болѣе старшимъ пріятелемъ, человѣкомъ его круга. Оба они пробыли въ отсутствіи гораздо дольше, чѣмъ предполагалось сначала, и великолѣпно провели время. Денегъ у нихъ было вдоволь, и Робби

было сказано, что онъ можетъ дѣлать все, что угодно, но только не жениться. Пріятели побывали въ разныхъ городахъ Европы и видѣли всевозможные остатки старины и всевозможныя веселыя вещи настоящаго времени. Они останавливались въ лучшихъ гостинницахъ; куда бы они ни пріѣзжали, вездѣ люди низко кланялись имъ и со всѣхъ ногъ бѣжали исполнять ихъ приказанія. Они видѣли много красивыхъ женщинъ, которыя наперерывъ старались о томъ, чтобы Робби чувствовалъ себя счастливымъ. Робби всегда былъ любимцемъ дамъ полусвѣта, такъ какъ онъ былъ щедрый и великодушный юноша; онъ всегда платилъ за все, что получалъ, и притомъ по самой высокой рыночной цѣнѣ. Онъ нанялъ небольшую хорошенькую яхту и пригласилъ своего пріятеля и нѣсколькихъ дамъ своего круга прокатиться по Средиземному морю. Прогулка вышла чудная—небо было голубое, воздухъ теплый, и Робби, растянувшись на палубѣ, грѣлся на солнцѣ и вдыхалъ тонкій ароматъ сигаръ и духовъ; сердце его было открыто для всѣхъ, и онъ былъ счастливъ, какъ никогда въ жизни.

Послѣ этого оба путешественника вернулись домой. Робби собирался-было поучиться въ университетѣ. Онъ даже нанялъ себѣ квартиру и завелъ довольно дорогую обстановку. Но въ университетѣ онъ пробылъ не болѣе года: онъ уже слишкомъ хорошо зналъ жизнь для того, чтобы снова обратиться въ университетскую хризалиду, и когда стало ясно, что онъ не выдержитъ экзаменовъ, онъ бросилъ науку и вернулся въ Нью-Іоркъ.

И вотъ, онъ серьезно посвящаетъ себя задачѣ, поставленной ему судьбою — сдѣлаться такимъ же джентльменомъ, какъ его отецъ. Никакихъ внушеній ему не дѣлалось: всего онъ достигалъ по-своему. Онъ нанялъ себѣ квартиру и обставилъ ее такъ, что видѣть ее было радостью для всѣхъ ея немногихъ посѣтителей; въ журналахъ высшаго общества его обстановка восхвалялась, какъ имѣющая художественно-воспитательное значеніе. Онъ сдѣлался также членомъ нѣкоторыхъ клубовъ, взялъ ложу въ оперѣ и дѣлалъ вообще все, что считалось нужнымъ для молодого человѣка въ его положеніи. Само собою разумѣется, что Робби принадлежалъ къ высшему обществу, и что его приглашали на балы и обѣды, куда допускались только самые избранные. Онъ пользовался репутаціей хорошаго игрока въ гольфъ и въ поло, а также былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ ньюпортскаго яхтъ-клуба; но репутація его окончательно утвердилась послѣ его побѣды на автомобильной гонкѣ.

Каждый день можно было видѣть, какъ онъ мчался по улицамъ Нью-Іорка на своемъ любимомъ автомобилѣ „Зеленый призракъ". Отъ времени до времени онъ посылалъ своего камердинера въ судъ уплачивать наложенные на него штрафы. Однажды, когда онъ имѣлъ несчастіе убить маленькаго мальчика, родители ребенка на всю жизнь были осчастливлены царскою щедростью Робби.

Робби составилъ себѣ репутацію выдающагося члена клубовъ и „bon vivant". Въ эту пору онъ зналъ многое о жизни въ свѣтѣ; по правдѣ сказать, онъ даже зналъ все, что только можно было о ней знать; онъ умѣлъ наблюдать людей и отлично понималъ ихъ во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Я не хочу, чтобы его представляли себѣ циникомъ — вѣдь я только-что сказалъ, что это былъ добродушнѣйшій человѣкъ въ мірѣ; но у него была своеобразная и неподражаемая манера сухо держать себя. Когда онъ разсказывалъ анекдотъ, всѣ останавливались, чтобы его послушать. Разсказы Робби касались всевозможныхъ темъ; но даже въ самой реалистической біографіи, гдѣ говорится вся правда о человѣкѣ, не приходится приводить всѣхъ его разсказовъ.

Я не желалъ бы, чтобы кто-нибудь считалъ моего героя дурнымъ; напротивъ, онъ принадлежалъ къ церкви, ортодоксальность и респектабельность которой были выше всякихъ нападокъ. Каждое воскресное утро онъ провожалъ въ церковь какую-нибудь молодую даму своего круга, одѣтую съ утонченнымъ изяществомъ, и прослушивалъ краснорѣчивую проповѣдь ректора, достопочтеннаго доктора Леттюса Спрея. Если же церковь устраивала базаръ въ пользу жителей острововъ Фиджи, то Робби покупалъ всѣ непроданные лотерейные билетики и позволялъ молодымъ дамамъ прикалывать бутоньерки къ отвороту его фрака. Въ добавокъ ко всему этому, онъ цѣлыхъ шесть недѣль преподавалъ въ воскресной школѣ; это было въ то время, когда онъ былъ безъ памяти влюбленъ въ молодую дѣвицу, которая занималась въ той же школѣ. Храбро перенося насмѣшки своихъ пріятелей, Робби отложилъ въ сторону сочиненія Теофиля Готье, каждую субботу готовился къ урокамъ и обучалъ маленькихъ мальчиковъ тому, какъ Господь сохранилъ сухимъ мѣхъ Гедеона, какъ воины упали на землю и пили воду изъ ручья, и другимъ необыкновеннымъ вещамъ, которыя большею частью производятъ на мальчиковъ сильное впечатлѣніе. Но изъ этой воскресно-школьной исторіи ничего не вышло, такъ какъ ванъ-Ренселэръ-отецъ былъ того мнѣнія, что молодая особа вовсе не

была такой партіей, какую слѣдовало сдѣлать Робби. Тогда симпатіи молодого человѣка вернулись къ изящно обставленной квартирѣ въ западной части города, къ припасенному въ этой квартирѣ шампанскому, къ хорошимъ сигарамъ и къ двумъ посѣщавшимъ его молодымъ дамамъ. Раза три или четыре въ недѣлю можно было видѣть по вечерамъ его автомобиль, стоявшій у крыльца занимаемаго имъ дома вмѣстѣ съ автомобилями его друзей, и можно было услышать доказательства тому, что Робби былъ настолько счастливъ, насколько этого заслуживалъ столь добросердечный молодой человѣкъ.

О молодости мистера Роберта ванъ-Ренселэра сказано достаточно, чтобы мы могли себѣ представить, какъ онъ провелъ эти пріятные дни своей жизни. Общіе расходы нашего героя, включая сюда квартиру, содержаніе, клубы, автомобили, яхту и конюшню, достигали трехсотъ тысячъ долларовъ въ годъ. Еслибы онъ былъ великимъ поэтомъ или вдохновеннымъ музыкантомъ, или пророкомъ, несущимъ людямъ новое ученіе, то общество дало бы ему около тысячной доли этой суммы, чтобы онъ не умеръ съ голода; а потому понятно, что это же общество смотрѣло на Робби, какъ на эквивалентъ тысячи подобныхъ гипотетическихъ личностей.

Такое идиллическое существованіе продолжалось, въ общей сложности, около трехъ лѣтъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный зимній день, Робби былъ приглашенъ зайти въ контору отца, гдѣ оба джентльмена имѣли длинный и серьезный разговоръ.

— Видишь ли, Робби,—сказалъ ванъ-Ренселэръ старшій—до сихъ поръ я не препятствовалъ твоимъ дикимъ выходкамъ. Всякій молодой человѣкъ имѣетъ на это право, и ты не перешелъ границъ. Я всегда стремился, чтобы у моего сына было все, что долженъ имѣть джентльменъ, но полагаю, что теперь настало время, когда я сдѣлалъ для тебя достаточно—не такъ ли?

— Гм...—сказалъ Робби.—Я не думалъ объ этомъ.

— Знаешь,—продолжалъ ванъ-Ренселэръ-отецъ—жизнь мужчины не только игра. Мы имѣемъ и серьезныя обязанности... обязанности по отношенію къ обществу.

— Возможно—сказалъ Робби;—но это вѣдь адская скука.

— Можетъ быть, это только такъ кажется — возразилъ отецъ;—въ концѣ концовъ можно этимъ заинтересоваться.

— Пожалуй!—замѣтилъ Робби съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— Я хочу сказать,—продолжалъ отецъ—что пришло время и тебѣ занять свое мѣсто въ жизни. Ты испыталъ уже многое и понимаешь, что я хочу сказать. Не можешь же ты всегда

быть только сыномъ своего отца: ты долженъ сдѣлаться самимъ собою. Я могу въ одинъ прекрасный день умереть, и тогда кому-нибудь придется взять на себя мои дѣла. Потомъ ты, можетъ-быть, захочешь жениться; ты уже два раза собирался это сдѣлать, какъ тебѣ извѣстно (Робби покраснѣлъ), и если у тебя будетъ семья, то ты увидишь, что она будетъ ожидать отъ тебя приблизительно того же, чего вы ожидали отъ меня. Жизнь мужчины — это битва, мой мальчикъ; и приходитъ день, когда каждому изъ насъ надо принять въ ней участіе.

Робби не зналъ за своимъ отцомъ способности философствовать, и ему было любопытно слушать его разсужденія. Бесѣда ихъ затянулась почти до вечера, и Робби заявилъ о своей готовности сдѣлать надъ собой усиліе и исполнить нѣкоторыя свои обязанности по отношенію къ обществу.

II.

Отецъ Робби былъ предсѣдателемъ и главнымъ акціонеромъ одного обширнаго промышленнаго предпріятія; онъ былъ также однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ во всей странѣ капиталистовъ, рука котораго нерѣдко чувствовалась на международномъ денежномъ рынкѣ. Робби имѣлъ обо всемъ этомъ неопредѣленныя представленія, и ему любопытно было узнать побольше. Онъ началъ вставать въ десять часовъ утра и направлялся въ своемъ автомобилѣ прямо въ городъ; въ клубахъ онъ сталъ появляться все рѣже и рѣже, а веселаго смѣха его уже больше нигдѣ не было слышно.

Съ Робби произошла странная перемѣна. Я не могу лучше объяснить этого явленія, чѣмъ употребивъ слова его отца: онъ учился тому, что жизнь есть битва. Прежде онъ зналъ только веселую сторону жизни. Играя въ гольфъ, человѣкъ вкладываетъ въ игру всю свою ловкость, весь свой умъ, и въ награду за свои труды получаетъ только серебряный кубокъ, или же ему посвящается нѣсколько строкъ въ газетѣ; но играя на биржѣ, онъ получаетъ настоящіе призы въ видѣ звонкаго золота или цѣнныхъ бумагъ.

Мистеру Роберту ванъ-Ренселэру пришлось-таки поработать, чтобы постигнуть правила этой новой игры; а такъ какъ онъ былъ способный малый и къ тому же располагалъ крупнымъ капиталомъ, то онъ скоро достигъ того, что съ именемъ его стали считаться. Онъ сдѣлалъ нѣсколько такихъ ловкихъ хо-

довъ, что поразилъ даже своего отца, обожавшаго его — и скоро уже отцу не надо было подписывать банковыхъ чековъ для своего сына. Не прошло и пяти лѣтъ, какъ „молодой ванъ-Ренселэръ" занялъ свое мѣсто при директорскомъ столѣ нѣсколькихъ крупныхъ корпорацій, и слова его всегда выслушивались тамъ со вниманіемъ; если же онъ находилъ, что имъ удѣлялось слишкомъ мало вниманія, то онъ обращался къ другимъ обществамъ, и тогда дѣло всегда кончалось тѣмъ, что кто-нибудь сильно сожалѣлъ объ этомъ.

Все это неизбѣжно должно было вызвать перемѣну и въ немъ самомъ. Понятно, для своихъ друзей онъ остался тѣмъ же „Робби" и продолжалъ быть самымъ добродушнымъ въ мірѣ человѣкомъ; разумѣется, онъ продолжалъ также держать яхту и автомобиль. Но раньше у него не было враговъ, теперь же ихъ были тысячи. Каждый день онъ велъ отчаянный рукопашный бой, не менѣе ожесточенный, чѣмъ борьба дикихъ звѣрей въ джунгляхъ. А потому губы его сжались, на лбу появилась складка; и такъ какъ уже не все абсолютно согласовалось съ его желаніями, то и характеръ его утратилъ прежнюю мягкость.

Намъ важно указать на это потому, что имя нашего друга нерѣдко упоминалось въ газетахъ того времени и онъ обратилъ на себя общее вниманіе однимъ несчастнымъ проявленіемъ своего раздраженія. Это случилось въ ту пору, когда онъ уже болѣе десяти лѣтъ былъ новымъ человѣкомъ и замѣнилъ своего отца въ качествѣ предсѣдателя обширнаго и важнаго промышленнаго предпріятія. Читатель, можетъ быть, догадался, что рѣчь идетъ о сталелитейныхъ гунгервильскихъ заводахъ и о гунгервильской стачкѣ, которая нѣкогда потрясла всю страну.

Акціонерная компанія гунгервильскихъ заводовъ была созданіемъ финансоваго генія ванъ-Ренселэра старшаго. Заводы существовали и раньше, но они принадлежали нѣсколькимъ соперничавшимъ между собою компаніямъ, постоянно враждовавшимъ другъ съ другомъ, вслѣдствіе чего акціи ихъ пользовались плохой славой. Но вдругъ однажды по ньюіоркской Уолльстритъ [1]) пронесся слухъ, что акціи этихъ компаній начинаютъ гигантскими шагами подниматься въ цѣнѣ. Поднявшись, онѣ удержались на высотѣ и красовались передъ всѣмъ міромъ, словно фигура счастія на пьедесталѣ. Мистеръ Чаунсэй ванъ-Ренселэръ спокойно заинтересовался ими и взялъ на себя руко-

---

[1]) Мѣсто нахожденіе биржи.

водство этимъ дѣломъ. Нѣсколько недѣль спустя компаніи соединились и образовалось общество гунгервильскихъ заводовъ.

Разумѣется, на первыхъ порахъ шла борьба за цѣны, которая въ конецъ разорила цѣлыя дюжины мелкихъ предпріятій. Общество само чуть не погибло и еще ближе было къ тому, чтобы погубить своихъ служащихъ. Въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ заводы работали въ убытокъ и существовали на средства, которыя давалъ имъ дальновидный президентъ общества; но, наконецъ, наступило время, когда соперники съ трескомъ провалились, послѣ чего цѣны начали быстро расти, и будущность общества гунгервильскихъ заводовъ была обезпечена.

Заводскіе служащіе помогли компаніи перенести эти испытанія и по окончаніи кризиса потребовали себѣ награды въ видѣ 20% прибавки къ жалованью. Имъ дали 5%, и все, повидимому, уладилось къ общему удовольствію. Но очень скоро цѣнность стальныхъ балванокъ, отъ которой зависѣли размѣры жалованья, начала падать съ такой же быстротой, съ какой другіе стальные предметы стали повышаться въ цѣнѣ. Всѣ обратили вниманіе на то, что налогъ на стальныя балванки по новому тарифу былъ очень низокъ, и удивлялись, что компанія какъ бы ничего объ этомъ не знала.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ всѣхъ этихъ событій наступила жестокая зима: на улицахъ лежалъ слой снѣга въ два фута толщиною и цѣна угля увеличилась въ одинъ мѣсяцъ на 5%. Разные рабочіе союзы то и дѣло отряжали своихъ делегатовъ къ новому президенту гунгервильской компаніи, которому это было крайне непріятно, какъ нѣчто для него совершенно новое. Никто, конечно, не долженъ предполагать, что онъ былъ сколько-нибудь жестокъ въ данномъ случаѣ. Для иллюстраціи его мягкости я могъ бы разсказать объ одномъ добромъ священникѣ, отстаивавшемъ интересы одного рабочаго союза, и которому президентъ разсказалъ нѣсколько забавныхъ исторій, а потомъ извинился, говоря, что на сегодняшній вечеръ приглашенъ на партію покера, и со смѣхомъ обѣщая священнику отдать ему весь свой выигрышъ для его бѣдныхъ. Что̀ могъ возразить ему на это бѣдный священникъ, особенно если принять во вниманіе, что мистеръ ванъ-Ренселэръ только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ пожертвовалъ въ его церковь великолѣпное окно, съ изображеніемъ насыщенія пяти тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами и двумя рыбами?

Холодная зима прошла безъ всякихъ перемѣнъ и безъ обѣщаннаго повышенія цѣны стальныхъ балванокъ. Гунгервильская

сберегательная касса принуждена была на время закрыться, такъ какъ взносы въ нее сдѣлались рѣдкостью; и гунгервильскимъ полицейскимъ было много дѣла для предотвращенія зажигательныхъ рѣчей къ возбужденной толпѣ, наполнявшей всѣ мѣста общественныхъ собраній въ Гунгервилѣ. Президентъ общества больше не могъ принимать делегацій отъ рабочихъ союзовъ по той простой причинѣ, что великолѣпное одномачтовое судно „Аврора", построенное спеціально для Роберта ванъ-Ренселэра и стоившее двѣсти пятьдесятъ тысячъ долларовъ, приводило въ волненіе всю страну своими сказочными подвигами на гонкахъ въ Ньюпортѣ.

А потомъ наступили холодные осенніе дни, и близилась новая жестокая зима, перспектива которой казалась тѣмъ болѣе ужасной, что цѣна стальныхъ балванокъ упала еще на 3%. Мистеръ Робертъ ванъ-Ренселэръ былъ вызванъ въ Гунгервиль срочной телеграммой, говорившей о предстоящемъ кризисѣ, какъ разъ въ то время, когда его по-царски обставленная паровая яхта „Комета" готовилась совершить поѣздку къ берегамъ Флориды.

И въ самомъ дѣлѣ, въ Гунгервилѣ настроеніе было зловѣщее: даже президентъ могъ это видѣть. По улицамъ Гунгервиля ходили блѣдныя, болѣзненныя дѣти, истощенныя, сгорбленныя женщины, мужчины, глядѣвшіе исподлобья. Президентъ замѣтилъ нѣсколько полуразвалившихся домовъ и голодающихъ людей, которыхъ оттуда изгоняли. Онъ видѣлъ ожесточенныя толпы, къ которымъ на польскомъ и другихъ иностранныхъ языкахъ обращались дикаго вида люди.

Все это президентъ могъ видѣть, пока его экипажъ несся по улицамъ города; но это его не испугало. Послѣ продолжительнаго и гнѣвнаго совѣщанія делегаты союзовъ вернулись и сообщили, что компанія не соглашается ни на какія уступки. На другое утро во всѣхъ газетахъ было напечатано, что рабочіе союзы потребовали окончательнаго совѣщанія и что если они не добьются уступокъ, то будетъ стачка и борьба на жизнь и смерть.

Ренселэръ явился на это совѣщаніе очень раздраженнымъ. Отплытіе „Кометы" пришлось отложить еще на сутки, и кромѣ того, за пять минутъ до совѣщанія, въ президента брошенъ былъ камень.

И вотъ, въ октябрьскій день за длиннымъ столомъ сидѣло восемь человѣкъ, изъ которыхъ семеро были блѣдны, возбужденно мяли въ рукахъ свои шляпы и нервно озирались кругомъ; на лицахъ ихъ было написано долгое страданіе, и выраженіе ихъ глазъ напоминало выраженіе травленнаго звѣря, которое такъ хорошо знакомо спортсменамъ.

А мистеръ Робертъ ванъ-Ренселэръ? Мы уже давно на него не смотрѣли. Это былъ теперь почти сорокалѣтній джентльменъ, съ небольшимъ брюшкомъ и съ нѣсколько красноватымъ лицомъ. Онъ всегда отличался изящными манерами; его можно было бы принять за дипломата или, по крайней мѣрѣ, за генерала въ статскомъ платьѣ.

Губы его въ этотъ день были нѣсколько блѣдны, и онъ открылъ совѣщаніе рѣчью, спокойный тонъ которой всякому показался бы искусственнымъ. Онъ прежде всего изложилъ, какіе убытки потерпѣли заводы, и какъ въ настоящую минуту они едва могутъ держаться; упомянулъ о новыхъ машинахъ и о связанныхъ съ ними расходахъ. Онъ выложилъ передъ собраніемъ цѣлую кипу бумагъ и объяснилъ, что новыя машины увеличили производство и тѣмъ самымъ косвенно способствовали повышенію заработной платы. Онъ говорилъ, далѣе, о цѣнѣ стальныхъ балванокъ, говорилъ о состояніи рынка, приводя тщательно подобранныя цифры, и предсказывалъ, какова будетъ цѣна ихъ въ скоромъ будущемъ. Рѣчь эта, продолжавшаяся около двухъ часовъ, была выслушана съ напряженнымъ вниманіемъ.

Затѣмъ о томъ же вопросѣ началъ говорить одинъ изъ делегатовъ, маленькій, нервный венгерецъ съ черной бородой. Онъ тотчасъ же отклонился отъ темы, началъ говорить о цѣнѣ съѣстныхъ припасовъ и объ условіяхъ жизни рабочихъ, что̀ было крайне непріятно президенту. Послѣдній старался вернуть говорившаго къ исходному пункту, опять раскрылъ свои бумаги, и они долгое время спорили, ни на шагъ не подвигаясь впередъ. Нѣсколько разъ съ языка мистера ванъ-Ренселэра готово было сорваться гнѣвное слово.

— Вы мнѣ говорите объ условіяхъ жизни рабочихъ!—воскликнулъ онъ, ударяя карандашомъ по столу.—Но какъ могу я измѣнить эти условія? Вы говорите, что заработная плата должна измѣниться—но развѣ отъ насъ зависитъ рѣшеніе этого вопроса? На что̀ можетъ жить одинъ человѣкъ, на то не проживетъ другой. Что, еслибы рабочіе тратили значительную часть своего заработка на пьянство, а потомъ стали бы говорить, что имъ не на что жить? Что, еслибы... — президентъ остановился и, поморщившись съ неудовольствіемъ, продолжалъ уже въ другомъ тонѣ: — Но нечего говорить о подобныхъ вопросахъ. Я старался показать вамъ, каково состояніе рынка, и объяснилъ что̀ можетъ сдѣлать компанія. Больше я ничего не могу сдѣлать. Вы должны помнить, что и намъ нелегко бываетъ, что компаніи тоже могутъ разоряться. Экономическіе законы относятся

не только къ отдѣльнымъ людямъ, но и къ цѣлымъ обществамъ; компаніи также имѣютъ свой заработокъ, который даетъ имъ возможность существовать...

Президентъ остановился; тотчасъ же краснорѣчивый делегатъ замѣтилъ:—Мы не видимъ никакихъ признаковъ того, что компанія обѣднѣла.—

Президентъ пристально посмотрѣлъ на него:—Что вы хотите сказать?—спросилъ онъ рѣзко.

— Я хочу сказать—возразилъ рабочій, повышая голосъ,—что всякій, проходя по нашему городу, можетъ видѣть, въ какомъ положеніи находятся рабочіе. Я знаю, что вчера одинъ ребенокъ умеръ съ голода, но нигдѣ не читалъ, чтобы кто-нибудь изъ членовъ акціонерной компаніи терпѣлъ нужду.

Краска бросилась въ лицо президента.—Вы, кажется, начинаете говорить дерзости!—закричалъ онъ.

— Я вовсе не хочу говорить дерзостей!—сказалъ рабочій при общемъ гробовомъ молчаніи.—Но вы не задумались, когда говорили о невоздержности рабочихъ...

Мистеръ Робертъ ванъ-Ренселэръ схватился руками за столъ.—Дѣло зашло уже слишкомъ далеко!—воскликнулъ онъ—и этому надо положить конецъ! Вы хорошо сдѣлаете, если бросите ваши глупости и поймете одно: что гунгервильскіе заводы принадлежатъ Роберту ванъ-Ренселэру, а не рабочему союзу или кому-нибудь другому; что они будутъ управляться такъ, какъ этого пожелаетъ Робертъ ванъ-Ренселэръ; что они будутъ работать такъ, чтобы давать ему доходъ, и онъ будетъ платить своимъ рабочимъ столько, сколько считаетъ нужнымъ. Кому это не нравится, тотъ можетъ отправляться куда ему угодно! А вы можете убираться и передать пославшимъ васъ мои слова и, чортъ возьми, не смѣйте больше показываться въ моей конторѣ и оскорблять меня!—

Онъ остановился, весь побагровѣвъ отъ ярости. Около полуминуты члены рабочаго союза безмолвно глядѣли другъ на друга и на президента. Наконецъ, они встали и вышли изъ комнаты, предоставивъ президенту глядѣть на захлопнувшуюся за ними дверь.

Когда ванъ-Ренселэръ пересталъ шагать по комнатѣ, онъ подошелъ къ столу и написалъ распоряженіе закрыть заводы. Потомъ онъ отправилъ двѣ телеграммы: одну—губернатору, другую—начальнику полиціи, увѣдомляя ихъ, что въ Гунгервилѣ можно ожидать безпорядковъ, требуя, чтобы они силой поддержали за-

конъ, и заявляя, что всѣ убытки падутъ на страну. Послѣ этого онъ позвонилъ и послалъ за своимъ управляющимъ.

— Мистеръ Грайндеръ,—сказалъ онъ—я закрылъ заводы и намѣренъ оставить ихъ на вашемъ попеченіи. Вы получите триста неоффиціальныхъ сыщиковъ,—можете взять ихъ три тысячи, если это будетъ нужно для охраненія собственности,—и вы возьмете на себя трудъ набрать новыхъ рабочихъ. Черезъ недѣлю заводы снова будутъ пущены въ ходъ. Я не желаю никакихъ полумѣръ; я намѣренъ положить конецъ этимъ нелѣпостямъ разъ навсегда. Заводы должны приступить къ работѣ и притомъ немедленно, хотя бы для этого потребовались войска всего государства. Это все, что̀ я имѣю сказать. Члены рабочаго союза ни подъ какимъ видомъ не должны быть приняты обратно—развѣ только какъ отдѣльныя личности. Желаю вамъ добраго вечера.

Онъ надѣлъ пальто и вышелъ, чтобы сѣсть въ экипажъ. Моросилъ дождикъ; онъ застегнулъ воротникъ и сидѣлъ, неподвижно глядя передъ собою, пока экипажъ несся по улицамъ. Но вдругъ экипажъ остановился. Робертъ ванъ-Ренселэръ очнулся отъ своей задумчивости и увидѣлъ, что дорога заграждена толпою.

Экипажъ остановился противъ полуразрушеннаго дома, вся жалкая обстановка котораго была свалена на тротуаръ; двое полуживыхъ отъ голода, дрожащихъ дѣтей ухватились руками за старую кровать, которую мужчины вытаскивали изъ двери. Передъ дверью сидѣла женщина, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, и ея истерическія рыданія были слышны, не смотря на глухой ропотъ толпы.

И вдругъ стоявшіе кругомъ увидѣли, кто сидитъ въ каретѣ. Раздался дикій вопль: „Это ванъ-Ренселэръ! ванъ-Ренселэръ!“ Словно волна, толпа нахлынула на него. Крики и свистки наполнили воздухъ. Мужчины потрясали кулаками, женщины выкрикивали проклятія, кто-то швырнулъ камень. Президентъ нагнулся къ своему кучеру:

— Гоните лошадей!—закричалъ онъ.—Гоните!

Кучеръ колебался, глядя на толпу.

— Гоните же!—яростно крикнулъ ванъ-Ренселэръ.

Кучеръ стегнулъ лошадей, и онѣ рванулись впередъ, какъ бѣшеныя. Нѣсколько человѣкъ изъ толпы было сбито съ ногъ; остальные въ ужасѣ разсѣялись, и карета понеслась внизъ по улицѣ, сопровождаемая градомъ камней и бурей проклятій.

Мистеръ Робертъ ванъ-Ренселэръ примчался на станцію, сѣлъ въ свой собственый вагонъ и приказалъ принести себѣ

чего-нибудь выпить, а потомъ, во время переѣзда въ Нью-Іоркъ, курилъ, погруженный въ размышленія. На вокзалѣ онъ уже услышалъ крики: „Экстренный листокъ!“ Купивъ листокъ, онъ сѣлъ въ свой автомобиль и, сказавъ лишь одно слово: „Домой!“, откинулся, чтобы прочесть новое извѣстіе. Въ листкѣ была изложена вся сцена совѣщанія, съ обычными прикрасами; сказано было, что рѣшено начать стачку, и что начались безпорядки. Было также нѣсколько грубыхъ выходокъ противъ президента. Это было приложеніе къ „желтой“ газетѣ. Мистеръ Робертъ ванъ-Ренселэръ прочелъ эти нападки и улыбнулся.

Онъ пріѣхалъ къ себѣ. Это уже не было наемное помѣщеніе; это было цѣлое зданіе, похожее на дворецъ, по сосѣдству съ родительскимъ домомъ. Робертъ все еще размышлялъ о стачкѣ, какъ вдругъ размышленія эти были прерваны лакеемъ, открывшимъ ему дверь:

— Извините, сэръ. Въ гостиной сидитъ дама, которая желаетъ васъ видѣть.

Мистеръ ванъ-Ренселэръ вопросительно взглянулъ на лакея.

— Дама?—спросилъ онъ.

— Да, дама, мнѣ кажется, сэръ,—сказалъ лакей.

— Кто такая?

— Она не сказала своего имени. Она заявила только, что ей необходимо васъ видѣть, и не принимала никакихъ отговорокъ.

— Гм...—сказалъ ванъ-Ренселэръ.—Я поговорю съ ней.

И онъ отправился въ гостиную и взглянулъ на женщину, лицо которой было покрыто густою вуалью. Она встала и откинула вуаль, подъ которымъ оказалось бѣлое безъ кровинки лицо, такъ сильно напоминавшее мертвую голову, что Робертъ отступилъ назадъ.

— Вы не узнаете меня?—спросила она.

— Н-нѣтъ,—сказалъ мистеръ ванъ-Ренселэръ.

— Ты вправду не узнаешь меня, Робби?

Тогда онъ вдругъ воскликнулъ хриплымъ голосомъ:

— Дэзи!

— Да,—сказала женщина—я Дэзи.

Они сидѣли цѣлую минуту, глядя другъ на друга; она видѣла передъ собою упитанное лицо и брюшко подъ жилетомъ; онъ же смотрѣлъ на дрожащій скелетъ.

— Все это хорошо,—сказалъ онъ вдругъ—но что же вамъ угодно?

— Мнѣ немного надо,—возразила она.—Я умираю, Робби.

— Что же съ вами?

— У меня чахотка.

— Гм... давненько мы не видались. Что же вы дѣлали?

— Я жила на сѣверѣ, въ Альбани. Покинувъ Нью-Іоркъ, я приняла другое имя... У меня осталось дитя, Робби.

— О!—воскликнулъ онъ—разумѣется! Мальчикъ?

— Нѣтъ, дѣвочка.

— Гм... постой... дай вспомнить... Ей теперь должно быть лѣтъ двѣнадцать.

— Тринадцать, Робби. Я пріѣхала къ тебѣ изъ-за нея.

— Этого можно было ожидать. Она здѣсь, въ Нью-Іоркѣ?

— Нѣтъ, она въ Альбани, у добрыхъ людей. Я не рѣшилась взять ее съ собою, но я... я...

Женщина остановилась и посмотрѣла ему прямо въ глаза. Потомъ она быстро стала говорить, протянувъ къ нему свои исхудалыя руки.

— Сдѣлай что-нибудь для нея, Робби! Умоляю тебя объ этомъ. Я проживу недолго и ничего не могу для нея сдѣлать; ты же можешь о ней позаботиться. Я вела тяжелую жизнь; но она не имѣетъ объ этомъ понятія. Я ей оставила медальонъ, который ты подарилъ мнѣ, но я все сохранила отъ нея въ тайнѣ, и она не знаетъ даже имени своего отца. Я никогда не надоѣдала тебѣ, Робби; но сдѣлай для нея то, что̀ ты могъ бы сдѣлать для меня.

— Я думаю, что старый джентльменъ хорошо позаботился о тебѣ, неправда ли?—спросилъ ванъ-Ренселэръ тономъ, не допускавшимъ возраженій.

— Я не жалуюсь—сказала она.—Только обѣщай мнѣ, что ты разыщешь ее и сдѣлаешь что-нибудь для нея. Это тебя не затруднитъ, но обѣщай мнѣ, умоляю тебя!

Голосъ женщины дрожалъ, и она нагнулась впередъ, опираясь руками о кресло, чтобы удержаться. Ванъ-Ренселэръ, который всегда отличался добродушіемъ, былъ тронутъ.

— Я это сдѣлаю, Дэзи,—сказалъ онъ:—я позабочусь о ней.

— Ты обѣщаешь мнѣ?—задыхаясь, промолвила женщина.

— Да, обѣщаю.—

— Тогда все въ порядкѣ—сказала она, вставая.—Больше мнѣ ничего не нужно. Ее не трудно будетъ найти. Имя ея, ея...

Но вдругъ она пошатнулась. Она уже не держалась на ногахъ, схватилась за кресло, вся побѣлѣла, и страшный звукъ вырвался изъ ея груди. Ванъ-Ренселэръ подскочилъ къ ней и подхватилъ ее. Она лежала безъ движенія у него на рукахъ.

Онъ сталъ звать на помощь, и когда вошелъ лакей, Робертъ велѣлъ ему бѣгомъ бѣжать за извозчикомъ.

— Отвезите ее въ ближайшую больницу!—распорядился онъ.

Они вмѣстѣ вынесли хрипящую женщину, послѣ чего ванъ-Ренселэръ въ задумчивости поднялся наверхъ.

„Дьявольски непріятно!—думалъ онъ.—Какъ же мнѣ теперь найти дѣвочку?“

Когда лакей вернулся, онъ сталъ тревожно его расспрашивать.

— Она умерла прежде чѣмъ мы доѣхали до больницы, сэръ,—сказалъ лакей.

III.

Чѣмъ болѣе Робертъ ванъ-Ренселэръ думалъ о смерти Дэзи, тѣмъ болѣе непріятной казалась ему вся эта исторія. Онъ былъ человѣкъ щедрый, и ему нетрудно было бы послать дѣвочкѣ нѣсколько тысячъ долларовъ; но теперь всякая попытка разыскать ее могла повлечь за собою большія непріятности. При умершей не нашлось ничего, что̀ могло бы установить ея личность; а еслибы онъ обратился къ содѣйствію полиціи для отысканія ребенка, то долго ли было до скандала? Большинство всегда готово вѣрить всякимъ сплетнямъ о богатомъ человѣкѣ; кромѣ того, сотни людей знали о связи его съ Дэзи. Конечно, за давностью времени, они забыли объ этомъ и думать; но много ли времени нужно было, чтобы другіе могли вывести извѣстныя заключенія, а потомъ дать возможность всему городу хихикать и подмигивать? Если же поручить это дѣло неоффиціальнымъ сыщикамъ, то это значило бы отдать себя во власть подозрѣніямъ. Никогда нельзя быть увѣреннымъ въ такихъ людяхъ, разсуждалъ онъ: они легко могутъ добраться до сути дѣла, а тогда все возможно.

Во всякомъ случаѣ крайне непріятно было думать, что собственная плоть и кровь терпитъ нужду. Но потомъ ванъ-Ренселэръ подумалъ, что, вѣроятно, найдутся люди, которые позаботятся о дѣвочкѣ; она навѣрное не привыкла къ богатству и не почувствуетъ, что терпитъ лишенія. А если онъ пошлетъ ей денегъ, то это можетъ только научить ее роскоши и введетъ ее во искушеніе. Ему казалось, что долгъ его состоитъ именно въ томъ, чтобы все это дѣло предать забвенію.

Все это онъ обдумывалъ, облекаясь съ помощью камерди-

нера во фракъ; потомъ онъ сошелъ внизъ, сѣлъ въ свой автомобиль и полчаса спустя уже былъ на пристани. Дѣло было подъ вечеръ; дождя больше не было, рѣка блестѣла какъ золото. Ванъ-Ренселэръ, выйдя изъ автомобиля, вдыхалъ свѣжій морской вѣтерокъ и направился къ своей „Кометѣ". Трубы яхты уже дымили, и капитанъ стоялъ на сходняхъ.

— Все готово, сэръ,—сказалъ онъ.

— Всѣ ли въ сборѣ?—спросилъ хозяинъ яхты.

— Уже полчаса ждутъ васъ, сэръ.—

— Хорошо. Трогайте.—

Пока вокругъ него раздавались приказанія, мистеръ Робертъ ванъ-Ренселэръ прошелъ на корму, гдѣ уже сидѣли, въ теплыхъ плащахъ и шаляхъ, человѣкъ двѣнадцать дамъ и джентльменовъ, наслаждаясь красивымъ видомъ. Они привѣтствовали ванъ-Ренселэра смѣхомъ и веселыми восклицаніями: они имѣли къ тому основаніе, такъ какъ во всей Америкѣ не было болѣе гостепріимнаго хозяина, чѣмъ Робертъ ванъ-Ренселэръ.

Гости были вполнѣ достойны хозяина. Въ числѣ ихъ была несравненная миссисъ Даймандестъ, баловень общества, съ состояніемъ въ 72 милліона долларовъ; была здѣсь и миссисъ Майнеръ-Гольдъ, личное состояніе которой равнялось $57^1/_2$ милліонамъ: былъ Викторъ де-Вере, задававшій тонъ въ высшемъ обществѣ и считавшійся самымъ остроумнымъ человѣкомъ въ Нью-Іоркѣ. Въ числѣ гостей были и Пиджинъ, членъ великаго стального трёста, и Мергемъ, которому принадлежали 42 желѣзнодорожныя линіи. Тутъ была и миссъ Пэрагонъ, только-что начавшая выѣзжать, по которой весь свѣтъ сходилъ съ ума; тутъ же былъ и его свѣтлость герцогъ Петитбурсъ, знатный французъ, который выкрикивалъ, что миссъ Пэрагонъ—„ravissante: un miracle!" Нужна немалая смѣлость, чтобы выводить въ своей повѣсти подобное общество.

— Да, кстати,—спросила миссисъ Даймандестъ:—какъ же вы уладили это дѣло со стачкой?

— Со стачкой?—повторилъ мистеръ Робертъ ванъ-Ренселэръ (онъ совершенно забылъ о стачкѣ):—На „Кометѣ" нѣтъ никакихъ стачекъ.

Въ девять часовъ вечера, отъѣхавъ миль двадцать отъ Песчанаго мыса, гости, собравшіеся на яхтѣ, сѣли обѣдать въ салонѣ. Банкеты мистера ванъ-Ренселэра не скоро забывались; но и о салонѣ-столовой на яхтѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

На „Кометѣ" было два парадныхъ помѣщенія; изъ нихъ то, о которомъ идетъ рѣчь, было освѣщено свѣтомъ электрическихъ

лампочекъ, искусно расположенныхъ среди блестящаго хрусталя и серебра. Одна изъ стѣнъ была занята большимъ буфетомъ, также ярко освѣщеннымъ, а двѣ другія — картинами въ натуральную величину, написанными тѣми богатыми красками, какія осмѣливаются употреблять только великіе артисты. Содержаніе этихъ картинъ было взято изъ Декамерона: изображены были роскошные сады, съ нарядными дамами и мужчинами, разодѣтыми со всею пышностью того времени, а надъ ними рѣяли олицетворенія ихъ грёзъ и другія воздушныя созданія фантазіи поэта.

А столъ! Мистеръ Робертъ ванъ-Ренселэръ былъ не только американскимъ милліонеромъ: онъ былъ также человѣкомъ съ утонченнымъ вкусомъ, много путешествовавшимъ и понимавшимъ толкъ въ вещахъ. Каждая „pièce de service“ на его столѣ была произведеніемъ искусства; многія были работой знаменитаго Жермена. „Surtout de table“ было великолѣпнымъ созданіемъ изъ блестящаго серебра и золота „d'après Meissonier, XVIII-e siècle“. На каждомъ концѣ стола красовались золотыя корзинки съ индійскими орхидеями несравненной красоты. Около каждаго прибора положено было нарисованное кистью меню, предвѣщавшее тонкій и единственный въ своемъ родѣ обѣдъ.

Вина мистера Роберта ванъ-Ренселэра составляли загадку для нью-іоркскаго общества. Онъ получалъ ихъ изъ-за границы, изъ какого-то неизвѣстнаго, принадлежавшаго ему имѣнія, если только они не доставались ему благодаря договору съ дьяволомъ. Достаточно сказать, что въ Нью-Іоркѣ всякая дама и всякій кавалеръ отказались бы отъ любого приглашенія ради удовольствія отвѣдать отъ винъ президента компаніи гунгервильскихъ заводовъ. На вопросъ, откуда онъ беретъ свое вино, мистеръ ванъ-Ренселэръ обворожительно улыбался и говорилъ:

— On ne parle pas de cela!

Послѣ супа была подана бутылка превосходной мадеры, а затѣмъ, въ видѣ прелюдіи, предложенъ былъ глотокъ сухого сицилійскаго вина, за секретъ котораго, какъ было извѣстно, президентъ одного банка предлагалъ большія деньги. Въ качествѣ „premier service“ подали бургундское: „type côte de Nuits“ — великолѣпное вино, похожее на бордо, богатое, полное огня, немножко „enveloppé“, но чрезвычайно мягкое.

Второе вино, поданное вмѣстѣ съ жаркимъ, было шампанское, но не изъ тѣхъ сортовъ, которые покупаются за деньги, а изъ тѣхъ, которые могутъ лишь грезиться во снѣ. За „entremets“ подавалось бордо „Saint-Estèphe“. Потомъ появилось

другое шампанское, а за десертомъ — портвейнъ, новый портвейнъ, великолѣпнаго темнопурпуроваго цвѣта. Его свѣтлость герцогъ де-Петитбурсъ поднялъ рюмку и долго разсматривалъ вино, а общество съ интересомъ ожидало, что̀ онъ скажетъ, такъ какъ его свѣтлость былъ извѣстнымъ гастрономомъ.

— Magnifique! — сказалъ онъ задумчиво. — C'est d'un goût savoureux — d'une grande rondeur! Corsé, mon Dieu!

Таковы были вина. Остается только упомянуть о небольшомъ, прилегавшемъ къ салону, помѣщеніи, откуда доносились чудные звуки невидимыхъ инструментовъ. Что же касается общества, то за изображеніе его я не берусь — не берусь описать въ одной главѣ даже обѣденнаго туалета миссисъ Даймандестъ. Разговоры же... соберите цвѣтъ общества со всего земного шара, согрѣйте его душу небеснымъ виномъ, и пусть кто-нибудь опишетъ ихъ разговоры, я же отказываюсь.

Въ полночь гости поднялись на палубу. Было прохладно, но ночь была божественная: звѣзды сверкали, какъ алмазы, и море медленно катило свои волны; яхта быстро неслась впередъ, разсѣкая воду съ тихимъ, убаюкивающимъ плескомъ, въ родѣ плеска фонтана. Принесли теплые плащи, и гости нѣкоторое время сидѣли, болтая и устремивъ глаза на водную поверхность; потомъ иные встали и попарно начали ходить взадъ и впередъ по палубѣ. Мистеръ Робертъ ванъ-Ренселэръ ходилъ съ миссъ Пэрагонъ-„la ravissante“; но довольно скоро миссъ Пэрагонъ почувствовала, что ей холодно, и потому они оба спустились въ гостиную.

Это было удивительное помѣщеніе; но для насъ интересенъ только восточный уголокъ его, съ его диванами, драгоцѣнными драпировками и лампой, разливавшей матовый, мягкій свѣтъ. Миссъ Пэрагонъ, смуглая, томная брюнетка, съ длинными черными рѣсницами и обольстительнымъ взглядомъ, опустилась на диванъ и вздохнула. Она была въ ярко-красномъ нарядѣ изъ замѣчательно красивой мягкой, полупрозрачной ткани; и вся она, со своими обнаженными руками и безупречными по формѣ плечами и шеей, являла собою картину, на которую нельзя было глядѣть равнодушно. И мистеръ Робертъ ванъ-Ренселэръ, нагнувшись къ ней, что-то нѣжно говорилъ ей, пожирая ее глазами. Мистеръ Робертъ ванъ-Ренселэръ выпилъ немало своего собственнаго драгоцѣннаго вина.

Многіе люди и слышать ничего не хотѣли объ идиллической сторонѣ этихъ отношеній; они не считали миссъ Пэрагонъ нѣжною дѣвушкою съ мягкимъ сердцемъ и думали, что она

отлично знаетъ, что дѣлаетъ. Конечно, и Робби не дѣйствовалъ опрометчиво, а предварительно переговорилъ объ этомъ дѣлѣ съ отцомъ. Въ финансовомъ отношеніи миссъ Пэрагонъ врядъ-ли могла быть поставлена на одну доску съ Робби; но послѣдній считалъ себя уже достаточно богатымъ, чтобы и красоту цѣнить во что-нибудь.

И потому голосъ его становился все тише и тише, а слова все нѣжнѣе и нѣжнѣе; и миссъ Пэрагонъ томно смотрѣла на него, пока наконецъ онъ не рѣшился взять ея руку. Она не сопротивлялась. Отъ этого прикосновенія сердце его забилось сильнѣе и онъ сдѣлался краснорѣчивымъ. Онъ говорилъ ей о томъ, какъ давно онъ обратилъ на нее вниманіе, какъ восхищался ею; обнявъ ее рукою за талію и склонившись на одно колѣно, онъ открылъ ей то, чего уже не въ силахъ былъ больше скрывать—что онъ любитъ ее всей душой. И когда изумительная, несравненная миссъ Пэрагонъ, во всей обольстительности своей красоты, прошептала свой отвѣтъ, то онъ въ восторгѣ прижалъ ее къ своему сердцу и поцѣловалъ ее въ щеки и въ губы.

Когда веселая компанія спустилась внизъ, ванъ-Ренселэръ наливалъ себѣ вина изъ графина, стоявшаго на столѣ. Нѣсколько минутъ спустя, когда всѣ собрались, хозяинъ отвелъ въ сторону мистера де-Вера, знаменитаго остряка, и что-то сказалъ ему, послѣ чего тотъ широко раскрылъ глаза и, ударивъ себя по ляжкѣ, произнесъ рѣчь, которая произвела на всѣхъ неотразимое впечатлѣніе. Хозяинъ стоялъ, краснѣя какъ школьникъ, смущенный общими привѣтствіями. Принесли еще шампанскаго, и все общество до глубокой ночи пило за здоровье будущей миссисъ ванъ-Ренселэръ. Уже занималась заря, когда разошлись гости; небо блѣднѣло надъ берегами Мерилэнда, мимо которыхъ „Комета“ держала путь свой по направленію къ югу.

IV.

Путешествіе на „Кометѣ“ обратилось въ нѣчто похожее на предварительный медовый мѣсяцъ. Врядъ-ли можно себѣ представить болѣе веселую, счастливую компанію, плавающую по морскимъ волнамъ, и врядъ-ли существовалъ когда-либо болѣе счастливый женихъ, чѣмъ Робби. Въ теченіе цѣлаго дня онъ любовался своей невѣстой, какъ чуднымъ видѣніемъ, и шепталъ самому себѣ, что она принадлежитъ ему. Они прошли вдоль берега Флориды, прибыли въ Пальмовую бухту и высадились на

берегъ. Здѣсь для Робби лежала телеграмма, подписанная управляющимъ гунгервильскими заводами.

„Безпорядки прекратились и стачка сломлена. Все разрушенное возстановлено и заводы работаютъ какъ обыкновенно. Удержалъ преимущественно лицъ, не принадлежащихъ къ союзу. Газеты злобствуютъ. — *Грайндеръ*".

Мистеръ ванъ-Ренселэръ сложилъ телеграмму, сунулъ ее въ карманъ и улыбнулся.—Проклятыя газеты!—сказалъ онъ задумчиво и послалъ своего камердинера купить нѣсколько газетъ. Когда ихъ принесли, онъ сѣлъ на палубу читать ихъ. Прохладный морской вѣтерокъ обвѣвалъ его лобъ.

Въ Гунгервилѣ, повидимому, произошло нѣчто ужасное. Забастовщики устраивали митинги; весь городъ былъ въ сильномъ волненіи. Какъ это ни странно, но значительная часть прессы встала на сторону рабочихъ. Насильственныхъ мѣръ, однако, не принимали до тѣхъ поръ, пока въ городѣ не появились новыя, пріѣзжія лица, и пока не было сожжено нѣсколько старыхъ ненужныхъ телѣгъ, сваленныхъ за заводами. Тогда въ зданія завода впущено было пятьсотъ полицейскихъ, и заводы были огорожены высокою дощатою стѣною, съ дырками для подсматриванья. На третій день компанія прислала цѣлый вагонъ, нагруженный людьми, не принадлежащими къ союзу и цѣлый годъ сидѣвшими безъ работы — съ тѣхъ поръ, какъ закрылись мелкія сталелитейныя фабрики. Городъ немедленно былъ охваченъ возстаніемъ; не смотря на всѣ мѣры предосторожности, пріѣзжихъ „оборванцевъ" забросали камнями и поколотили. Полицейскіе стрѣляли въ толпу, убили трехъ мужчинъ, одну женщину и двоихъ дѣтей, съ дюжину человѣкъ ранили; и въ ту же ночь, по распоряженію начальника полиціи, губернаторъ прислалъ въ городъ первые отряды милиціи.

Въ слѣдующіе затѣмъ три дня возбужденіе дошло до страшныхъ размѣровъ; нѣсколько разъ дѣло почти доходило до сраженія. Солдаты два раза стрѣляли въ толпу, убили нѣсколько человѣкъ; одинъ солдатъ милиціи былъ заколотъ въ темнотѣ. Компанія настаивала на томъ, чтобы заводы возобновили работу; и такъ какъ стачечники не имѣли денегъ, и многіе изъ нихъ были еле живы отъ голоду, то они цѣлыми группами соглашались идти на работу. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, рабочій союзъ уже готовъ былъ прекратить стачку, чтобы его члены могли получить послѣднія, еще незанятыя мѣста.

Мистеръ Робертъ ванъ-Ренселэръ еще разъ перечелъ телеграмму и опять улыбнулся.

— Скажи мнѣ, дорогой мой,—спросила миссъ Пэрагонъ,— какія ты получилъ пріятныя извѣстія?—

— А такія,—отвѣчалъ онъ ей—что ты скоро будешь моею.

Свадьба была отпразднована мѣсяца черезъ четыре, когда благополучно прибыло изъ Парижа приданое миссъ Пэрагонъ. Описать такую свадьбу въ немногихъ словахъ—задача нелегкая, такъ какъ приготовленія къ ней описывались въ газетахъ цѣлыми недѣлями раньше знаменательнаго событія; разбиралась генеалогія жениха и невѣсты, перечислялись ихъ дарованія и приводились цифры ихъ состояній. Газета „Associated Press" дала два описанія подвѣнечнаго платья—одно техническое, сдѣланное экспертомъ, другое поэтическое, написанное вдохновеннымъ поэтомъ. Въ день свадьбы, церковь 5-ой авеню—та самая церковь, въ воскресной школѣ которой преподавалъ Робби и гдѣ онъ въ теченіе тридцати лѣтъ слушалъ проповѣди о высокихъ матеріяхъ достопочтеннаго доктора Леттюса Спрея,—эта церковь, убранная со сказочною красотою цвѣтами, была описана на разные лады. Послѣ великаго событія всѣ нью-іоркскія газеты посвятили свои первыя страницы изображенію всего, что такъ интересовало любопытную публику, при чемъ дали волю и своей фантазіи. Къ этому времени радикальная печать забыла, конечно, всѣ свои выходки по поводу гунгервильскихъ исторій, и мистеръ Робертъ ванъ-Ренселэръ сдѣлался опять извѣстнымъ финансистомъ, душою общества, выдающимся гражданиномъ и неподражаемымъ разсказчикомъ. Уже послѣ того какъ молодая чета была обвѣнчана и, проведя долгій медовый мѣсяцъ на „Кометѣ", осушила до дна полную чашу своего блаженства, мнѣ случилось прочесть въ нью-іоркскихъ газетахъ рѣчь, произнесенную Робби въ союзѣ юношей и прославлявшую промышленное братство и общность интересовъ капитала и труда.

А теперь пусть читатель вообразитъ себѣ, что прошло еще четыре или пять лѣтъ. Миссисъ Робертъ ванъ-Ренселэръ, мать двоихъ дѣтей, обратилась въ гордую и величественную королеву общества—„grande dame"—и умѣетъ съ ясностью и спокойствіемъ духа носить вѣнецъ своего высокаго положенія. Мистеръ Робертъ ванъ-Ренселэръ болѣе чѣмъ когда-либо—сила въ финансовыхъ сферахъ своей страны, человѣкъ, который однимъ росчеркомъ пера создаетъ губернаторовъ и сенаторовъ. Его дѣла все болѣе и болѣе процвѣтали; цѣлыя состоянія выростали изъ-подъ земли по его желанію, словно по мановенію жезла индѣйскаго волшебника. Во избѣжаніе разрушительнаго соревнованія, онъ организовалъ большую корпорацію изъ соперниковъ своей

компаніи и совершилъ еще многое другое, заставившее Уолль-стритъ остолбенѣть отъ изумленія.

Я не безъ колебанія рѣшаюсь коснуться этой части исторіи моего героя, сомнѣваясь въ своей способности благополучно провести его сквозь лабиринтъ Уолль-стрита. Къ счастью, исторія эта была уже разсказана экспертами, авторитетность которыхъ внѣ всякихъ сомнѣній, и я пользуюсь возможностью привести выдержки изъ ихъ повѣствованія. Языкъ этихъ выдержекъ, правда, нѣсколько спеціаленъ; но каждая отрасль человѣческаго знанія должна имѣть свой техническій языкъ, которымъ долженъ овладѣть всякій, желающій получить извѣстныя знанія. Вся жизнь ванъ-Ренселэра сосредоточилась въ это время на Уолль-стритѣ, и слѣдуетъ составить себѣ нѣкоторое представленіе объ этой жизни.

Въ сочиненіи Джаббергграба: „Герои финансоваго міра" („Heroes of Finance", by Jabbergrab), на стр. 1492, читаемъ слѣдующее:

„До сихъ поръ еще помнятъ въ нашемъ городѣ, какъ однажды Робертъ ванъ-Ренселэръ отстаивалъ свои акціи. Онъ только-что высадился на сушу со своей яхты „Аврора", послѣ одной изъ самыхъ славныхъ своихъ гонокъ, когда ему вручена была телеграмма, сообщавшая, что спекулянты, игравшіе на пониженіе, очевидно—не разсчитывая на подобную быстроту его яхты, сдѣлали новое отчаянное нападеніе на акціи общества: „Воздушный Корабль Каламацоо". Ясно, что составленъ былъ заговоръ, и акціи начали уже падать. Ванъ-Ренселэръ тотчасъ же телеграфировалъ своимъ маклерамъ, чтобы они скупили всѣ оставшіяся акціи и устроили такъ, чтобы этихъ акцій нельзя было получить на рынкѣ за наличныя. Когда экстренный поѣздъ ванъ-Ренселэра прибылъ въ Нью-Іоркъ, онъ оказался собственникомъ всѣхъ акцій „Воздушный Корабль Каламацоо", если не считать немногихъ, относительно которыхъ онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что онѣ на рынокъ не появятся.

„Ванъ-Ренселэръ былъ золъ, такъ какъ акціи „Воздушный Корабль Каламацоо" были однимъ изъ его любимыхъ дѣтищъ. Онъ обдумывалъ это дѣло по пути въ городъ, и когда онъ пріѣхалъ въ Нью-Іоркъ, спекулянты на пониженіе получили приказаніе пошатнуть акціи, скупить ихъ отъ игроковъ на повышеніе за наличныя деньги и снова перепродать ихъ съ тѣмъ условіемъ, что въ теченіе мѣсяца будетъ за нихъ уплачено по ихъ рыночной цѣнѣ. Цѣлью этой игры было ввести въ заблужденіе спекулянтовъ на пониженіе, которые знали, что акціи находятся

подъ защитою ванъ-Ренселэра, и такимъ образомъ легко могли сдѣлать выводъ, что у него нѣтъ наличныхъ денегъ, разъ онъ продаетъ акціи и потомъ снова покупаетъ въ разсрочку, чтобы отстоять такимъ образомъ дѣло игроковъ на повышеніе. Эта продѣлка удалась какъ нельзя лучше; акціи, продаваемыя за наличныя деньги, были куплены собственными маклерами ванъ-Ренселэра, и спекулянты съ новой надеждой набросились на акціи, такъ что ванъ-Ренселэръ могъ продавать ихъ цѣлыми партіями въ пять и въ десять тысячъ, пока спекулянты на пониженіе не прекратили своихъ усилій, прямо отъ истощенія.

„Разумѣется, деньги у ванъ-Ренселэра были, и онъ усмѣхался себѣ въ бороду, когда затягивалъ петлю. Когда наступилъ срокъ уплаты по условію, акціи „Воздушный Корабль Каламацоо“ вдругъ пропали съ рынка. Это была такая игра на повышеніе, о какой только можно было мечтать. Цѣна акцій стала повышаться скачками; при открытіи биржи онѣ стоили 110, а до закрытія давали за нихъ уже 190, но напрасно. Ванъ-Ренселэру слѣдовало получить 60.000 акцій, недавно продававшихся за 110, а теперь стоившихъ болѣе 190!

„И вотъ, къ нему пришли просить пощады; ванъ-Ренселэръ великодушно заявилъ, что не отдастъ акцій за 190, но что можно заключить компромиссъ, чтобы выиграть время. Онъ предложилъ платить 5% въ день съ цѣны, написанной на акціи. Такъ какъ никто еще не понималъ его игры, и всѣ думали, что она кончится крахомъ, то предложеніе ванъ-Ренселэра было принято. Но акціи въ цѣнѣ не падали; наконецъ пришлось заплатить за акціи по 260 долларовъ, и ванъ-Ренселэръ нажилъ по 200 долларовъ на каждую изъ своихъ 60.000 акцій. Послѣ этого спекулянты на пониженіе не скоро рѣшились посягнуть на какія-нибудь любимыя акціи Роберта ванъ-Ренселэра!“

Перев. съ англійскаго М. Чепинская.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

* * *

Полутѣни... Полузвуки...
Мракъ безвыходныхъ ночей...
Опустились слабо руки,
Смолкъ неясный гулъ рѣчей...

Какъ во снѣ, бредемъ уныло...
Яркихъ красокъ въ жизни нѣтъ...
Все минуло, все постыло,
Скрылось солнце,—сгинулъ свѣтъ...

Мы устали жить безъ жизни,
Безъ надеждъ и красоты,
Слезы лить на горькой тризнѣ
Надъ могилою мечты.

Не уйти намъ отъ сомнѣній:
Насъ, безсильныхъ, въ царствѣ сна
Отравили полутѣни,
Поглотила тишина.

Елена Карѣева.

ИЗРАИЛЬ и ВАВИЛОНЪ

I.

Едва ли во всей всемірной литературѣ можно найти книгу, которая имѣла бы для европейскаго человѣка столь же таинственно-привлекательный характеръ, какъ „книга закона, пророковъ и писаній"—этотъ небольшой остатокъ когда-то громадной литературы, созданной геніемъ древняго Израиля. Съ наивными легендами этой книги связаны наши первыя дѣтскія впечатлѣнія; на первые робкіе вопросы ребенка о томъ, откуда явился міръ и человѣкъ, еще многія и многія матери въ отвѣтъ разсказываютъ первую и вторую главы книги Бытія; на школьной скамьѣ впечатлительный ребенокъ съ жутью въ сердцѣ слушаетъ и запоминаетъ разсказы о грозномъ еврейскомъ Богѣ, о томъ, какъ онъ наказывалъ свой строптивый народъ, уничтожалъ ради него другіе народы и царства и всетаки, въ концѣ концовъ, былъ принужденъ отвергнуть упрямыхъ и упорныхъ въ грѣхѣ дѣтей Авраама. Но рядомъ съ этими жуткими впечатлѣніями школьники получаютъ и другія. Не одна впечатлительная и тонко чувствующая натура восторгалась и восторгается безхитростными разсказами о жизни и нравахъ патріарховъ—разсказами, которые сами собой укладываются въ памяти, живутъ въ ней и вплоть до склона дней сохраняютъ все свое обаяніе, всю свою благоуханную восточную прелесть. Школьная скамья давно покинута; воспоминаніе о мрачномъ сѣромъ домѣ казенной школы, гдѣ большая часть нашего юношества проводитъ свои ученическіе годы, возбуждаетъ зачастую только глухую злобу и чувство возмущенія; новыя знанія и новыя заботы пре-

образили человѣка до неузнаваемости—но по прежнему слова „ветхій завѣтъ“ сохраняютъ свое магическое обаяніе, будятъ цѣлую гамму разнообразныхъ воспоминаній и ощущеній. Мы знаемъ теперь, что все написанное въ этой книгѣ написано такими же людьми, какъ и мы; мы знаемъ, что большая часть этой книги наполнена легендами и миѳами, которымъ нельзя давать никакой вѣры; мы знаемъ, что то немногое, что̀ въ этой книгѣ является достовѣрной исторіей, составляетъ едва пятую ея долю—и всетаки къ ветхозавѣтнымъ миѳамъ и легендамъ мы не можемъ относиться такъ же, какъ ко всякимъ другимъ, не можемъ отнестись къ нимъ съ голымъ отрицаніемъ: намъ все кажется, что въ нихъ сокрытъ какой-то неизвѣстный еще намъ таинственный смыслъ, который мы не можемъ разгадать. Таково впечатлѣніе, оставляемое этою книгой въ умѣ и сердцѣ даже современнаго человѣка. Происходитъ ли это отъ вліянія религіозной традиціи, крайне живучей и обнаруживающей свое вліяніе даже среди, казалось бы, наиболѣе раціоналистическихъ слоевъ общества, или въ силу яркости и прелести дѣтскихъ впечатлѣній—все равно, ветхій завѣтъ одинаково влечетъ къ себѣ и рядового, и ученаго человѣка. Ученый міръ Европы до сихъ поръ отдаетъ дань этому мистическому чувству передъ ветхимъ завѣтомъ. Наука, казалось бы, должна разгадывать неразгаданное, срывать покровъ тайны съ таинственнаго, освѣщать темное яркимъ свѣтомъ; но по отношенію къ ветхому завѣту наука какъ будто дѣлаетъ обратное. Она начала съ того, что провозгласила ветхій завѣтъ человѣческимъ произведеніемъ и примѣнила къ его изученію общенаучные методы, но послѣднее ея слово превращаетъ ветхій завѣтъ въ астрологическую загадку, для разгадки которой нужны чуть ли не каббалистическія толкованія. Неразгаданная загадка послѣ попытки рѣшенія только еще болѣе запуталась и затуманилась.

Нашей публикѣ не такъ хорошо, какъ заграничной, извѣстны результаты критическаго изученія ветхаго завѣта и новые, неожиданные вопросы, ставшіе передъ ветхозавѣтной наукой въ теченіе послѣднихъ 10—15 лѣтъ. Настоящая статья имѣетъ цѣлью придти на помощь русской читающей публикѣ въ этомъ вопросѣ. Мы не хотимъ писать исторію ветхозавѣтной науки; для этого было бы недостаточно силъ одного изслѣдователя, да такихъ попытокъ нѣтъ еще и на Западѣ. Мы хотимъ лишь вкратцѣ намѣтить основные вопросы: 1) къ чему пришла ветхозавѣтная наука въ концѣ XIX вѣка; 2) какія неожиданныя проблемы поставили предъ нею вавилонисты; 3) каковы, въ концѣ концовъ,

наши достовѣрныя познанія о библіи и о той культурѣ, которая въ ней отражена. Не пытаясь разрушить то чувство свѣжести и восточнаго благоуханія, какимъ наполняетъ насъ наивная ветхозавѣтная легенда, мы хотимъ только снять съ нея, по возможности, покровъ тайны, и если читатель, закрывъ послѣднюю страницу, скажетъ: „я знаю и понимаю теперь то, что раньше мнѣ было неясно",—то наша задача будетъ исполнена.

На школьной скамьѣ насъ учатъ, что Израиль былъ избраннымъ народомъ божіимъ, которому Богъ далъ свое откровеніе черезъ Авраама, Моисея и пророковъ; это откровеніе, записанное въ боговдохновенныхъ книгахъ ветхаго завѣта, подготовляло людей къ принятію спасителя міра Іисуса Христа и его евангелія, представляющаго наиболѣе полное и совершенное откровеніе. Судьба Израиля, носителя откровенія и затѣмъ отвергнутаго за отверженіе Іисуса—только деталь въ исполненіи предустановленнаго плана развитія міра, плана, концепція котораго была впервые намѣчена въ богословской системѣ апостола Павла [1]) и развита въ подробностяхъ трудами отцовъ церкви. Въ началѣ существованія міра стоитъ опредѣляющій судьбу человѣчества и міра фактъ, именно, грѣхопаденіе первыхъ людей, *первородный грѣхъ*, который, какъ зараза, передается по наслѣдству, превращается въ наслѣдственную болѣзнь человѣчества; это—первый актъ божественной драмы. Дѣятельная работа божества, направленная въ началѣ на твореніе міра, теперь направляется на спасеніе міра и человѣка. Первородный грѣхъ извратилъ природу людей, созданныхъ по образу и подобію Божества, т.-е. безгрѣшными и безсмертными; спасеніе должно заключаться въ томъ, чтобы посредствомъ искупленія первороднаго грѣха возвратить людямъ ихъ первоначальный образъ и состояніе. Это искупленіе исполняется жертвой Іисуса Христа на Голгоѳѣ—второй актъ божественной драмы. Третій актъ наступаетъ на Страшномъ Судѣ, гдѣ всѣ люди, пріобщившіеся къ искупительной жертвѣ, т.-е. принявшіе евангеліе, становятся участниками вѣчнаго божественнаго блаженства. Эта концепція, создававшаяся въ эпоху соціальнаго кризиса первыхъ вѣковъ римской имперіи подъ разнородными философскими и теософскими вліяніями, среди перекрещивавшихся теченій неоплатонизма, маздеизма, іудейскаго мес-

---

[1]) На русск. яз. см. Вреде, „Павелъ" (кн. I серіи: „Религія и церковь въ свѣтѣ научной мысли и свободной критики", Москва, 1907).

сіанизма и гностицизма, вложила въ содержаніе ветхаго завѣта совершенно новый смыслъ, котораго, вѣроятно, никогда не предчувствовали его авторы, и отвела совершенно особую роль еврейскому народу. Отдѣльныя цитаты изъ ветхаго завѣта вырывались изъ контекста и толковались совершенно независимо отъ содержанія того цѣлаго, къ которому онѣ относились, исключительно съ точки зрѣнія указанной теософской концепціи. Пользуясь почти исключительно греческимъ переводомъ ветхаго завѣта, отцы церкви не обращали вниманія на многія ошибки этого перевода.

Въ разсказѣ о грѣхопаденіи Адама и Евы, которыхъ соблазнила змѣя, нетрудно распознать позднѣйшую переработку первоначальнаго, чисто анимистическаго миѳа, создававшагося еще въ ту эпоху, когда человѣкъ ставилъ звѣрей на одну доску съ собою, надѣлялъ не только ихъ, но и камни, и растенія человѣческими свойствами и способностями; однимъ словомъ, міросозерцаніе этого разсказа въ его первоначальномъ видѣ совершенно аналогично міросозерцанію нашихъ сказокъ о животныхъ и человѣкѣ. Позднѣйшій редакторъ, обработавшій этотъ анимистическій миѳъ, связалъ его съ твореніемъ и вложилъ въ него извѣстную этическую ноту, приспособивъ его къ своему связному разсказу о первоначальныхъ временахъ человѣчества; но первоначальная цѣль разсказа—объяснить происхожденіе вражды между людьми и змѣями—осталась еще совершенно ясной. Богословское толкованіе отцовъ церкви превратило змѣю въ діавола, вселившагося въ это животное, чтобы соблазнить Еву, а слова Ягве: „и вражду положу между тобою (змѣею) и сѣменемъ жены (человѣкомъ); ты будешь стремиться ужалить его въ пяту, а онъ будетъ попирать тебя ногою“, превратились въ пророчество о побѣдѣ Іисуса Христа (сѣмени жены) надъ діаволомъ (змѣею). Египетскій и вавилонскій плѣнъ, Даніилъ во рву львиномъ и Іона во чревѣ китовомъ, судьба Іосифа и Моисея, мѣдный змѣй въ пустынѣ и многое другое—все пріобрѣло сокровенный смыслъ; весь ветхій завѣтъ и даже дѣйствительная исторія превратились въ гигантское иносказаніе. Ветхій завѣтъ померкъ въ лучахъ новаго.

Для современныхъ людей искусственный характеръ указанной концепціи ясенъ самъ собою и не нуждается въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ. Богословская схема есть не что иное, какъ сѣтка, наброшенная сверху на ветхій завѣтъ; ее легко снять, она не можетъ долго господствовать надъ нашимъ умомъ. Но если по выходѣ изъ школы мы скоро отрѣшаемся отъ этой схемы, то

далеко не такъ скоро отрѣшаемся мы отъ традиціонныхъ представленій о фактическомъ ходѣ еврейской исторіи и объ авторахъ и времени происхожденія ветхозавѣтныхъ книгъ. Это и неудивительно: до самаго послѣдняго времени единственнымъ источникомъ нашихъ познаній по общей и литературной исторіи евреевъ было все то же ортодоксальное богословіе. Мы не вѣримъ болѣе въ предустановленный планъ мірового развитія и въ мессіаническую роль еврейскаго народа; мы считаемъ легендами всѣ разсказы о жизни первыхъ людей и патріарховъ. Но мы привыкаемъ начинать еврейскую исторію съ Моисея, съ исхода изъ Египта и съ законодательства, даннаго Моисеемъ въ синайской пустынѣ. Мы до сихъ поръ склонны думать, что Моисей установилъ въ пустынѣ теократію, далъ священную конституцію, со скиніей собранія въ центрѣ и съ первосвященникомъ во главѣ. Вся послѣдующая исторія Израиля, со времени завоеванія земли Ханаанской и поселенія тамъ, представляется намъ въ видѣ постоянной борьбы двухъ началъ: теократическаго, опиравшагося на моисеевъ законъ и находившаго защиту въ средѣ пророковъ—и свѣтскаго, начала военнаго государства, основаннаго Сауломъ и Давидомъ, опиравшагося на невѣжественный и суевѣрный народъ и изъ политическихъ соображеній покровительствовавшаго чужеземнымъ культамъ. Борьба закончилась побѣдой теократіи: пророчество нашло судей надъ упорнымъ народомъ, не хотѣвшимъ соблюдать моисеевъ законъ, въ лицѣ ассирійскихъ и вавилонскихъ царей, которые разгромили оба еврейскія царства и увели въ плѣнъ непокорныхъ евреевъ. По возвращеніи изъ плѣна, въ которомъ сыны Израиля раскаялись и обратились къ національной религіи и ея закону, былъ возстановленъ Іерусалимъ, вновь построенъ храмъ и утверждена въ полной силѣ Моисеева конституція. Соотвѣтственно съ этой схемой развитія еврейской исторіи создаются представленія о времени происхожденія и авторахъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Древнѣйшей частью библіи намъ представляется пятикнижіе Моисеево; мы допускаемъ возможность, что хотя частью оно написано самимъ Моисеемъ. Въ срединѣ идутъ историческія и пророческія книги, псалмы, составленные псалмопѣвцемъ Давидомъ, Пѣснь Пѣсней, Притчи, Екклесіастъ, составленные мудрецомъ Соломономъ; въ концѣ стоятъ книги пророковъ эпохи послѣ плѣна и апокрифы. Другими словами, мы въ общемъ почти не отступаемъ отъ того хронологическаго порядка событій и отъ той ихъ оцѣнки, какіе даны въ библіи, а по отношенію къ книгамъ ветхаго завѣта порядокъ ихъ располо-

женія въ канонѣ отождествляемъ съ порядкомъ ихъ появленія на свѣтъ божій. Традиція имѣетъ надъ нами—и, какъ мы увидимъ, не только надъ нами, но и надъ умами западныхъ богослововъ критической школы,—огромную силу; слѣпо повинуясь ей, мы не сразу можемъ замѣтить, что традиціонная концепція общей и литературной исторіи евреевъ не менѣе загадочна и даже не менѣе чудесна, чѣмъ указанная богословская схема развитія міра и человѣчества.

Если мы вглядимся попристальнѣе въ традиціонную концепцію еврейской исторіи, то прежде всего она поразитъ насъ своею необыкновенной симметричностью. Въ началѣ—плѣнъ, и въ концѣ—плѣнъ; въ началѣ—договоръ, и въ концѣ—договоръ. Эта видимая симметрія дополняется любопытнымъ внутреннимъ характеромъ исторіи. Главный дѣйствующій факторъ — законъ Ягве, данный въ пустынѣ черезъ Моисея; вся судьба народа и царства вертится вокругъ этого закона. Но странно не это, а то, что въ сущности за закономъ стоитъ и дѣйствуетъ само божество; подставляя вмѣсто бога законъ, данный самимъ богомъ, мы этимъ не уничтожаемъ, а только замаскировываемъ чудесный характеръ еврейской исторіи. Даже если мы скажемъ, что законъ Ягве есть созданіе Моисея, такого же человѣка, какъ и мы, и лишь считавшаго себя пророкомъ, получившимъ уполномочіе отъ божества, мы не поправимъ этимъ дѣла. Въ ходѣ еврейской исторіи все равно законъ Моисеевъ останется чѣмъ-то абсолютнымъ и трансцендентнымъ, существовавшимъ не ради народа, а ради самого себя; напротивъ, народъ скорѣе существовалъ для этого закона. Народная жизнь въ теченіе девятисотъ слишкомъ лѣтъ—почти цѣлаго тысячелѣтія, протекшаго со времени предполагаемаго момента исхода евреевъ изъ Египта до устройства общины второго храма Езрою—должна была катиться по одной и той же предуказанной колеѣ, нормироваться единымъ, неизмѣннымъ и требовательнымъ, ревнивымъ къ своимъ правамъ закономъ. Какія бы перемѣны ни испытывала народная жизнь—кочевалъ ли народъ въ пустынѣ, обрабатывалъ ли свои виноградники въ Ханаанѣ, пускался ли въ торговыя операціи въ Александріи, повиновался ли онъ герцогамъ-судьямъ, или царямъ—все равно, надъ нимъ тяготѣла желѣзная длань одного и того же суроваго, педантичнаго и ревниваго кодекса, называемаго закономъ Моисеевымъ. Когда законъ и жизнь вступали въ противорѣчіе, должна была уступать жизнь, а не законъ, дѣйствовало правило: fiat justitia, pereat mundus. Народъ былъ рабомъ закона, законъ — его богомъ, и когда народъ не захо-

тѣлъ подчиняться закону, законъ погубилъ его. Изъ плѣна вавилонскаго вернулась не нація, а религіозная секта.

Такая концепція не можетъ не быть искусственной: она противорѣчитъ обычному порядку вещей, превращаетъ Израиля въ своего рода историческій unicum, не имѣющій равныхъ себѣ среди другихъ народовъ. И ея искусственный характеръ засвидѣтельствованъ въ самой библіи. Въ XVII-й главѣ книги Царей, написанной, какъ свидѣтельствуетъ ея послѣдняя глава, въ эпоху плѣна, гибель Израиля и Іуды объясняется тѣмъ, что евреи не вѣрили въ Ягве, своего бога, презирали его повелѣнія, и его завѣтъ, заключенный съ ихъ отцами, и его предупрежденія, которыя онъ имъ дѣлалъ черезъ пророковъ; за это Ягве отвергъ весь родъ Израилевъ, унизилъ его и предалъ его въ руки разбойниковъ до тѣхъ поръ, пока будетъ держать вдали отъ нихъ лицо свое. Очевидно, что такова точка зрѣнія составителя книги Царей, благочестиваго книжника, старавшагося объяснить себѣ причины гибели своего народа. Для богослововъ ортодоксальной школы она, конечно, вполнѣ пріемлема и допустима, ибо ихъ основной взглядъ и сводится къ тому, что міромъ правитъ трансцендентная сила. Но эта же точка зрѣнія, только съ подстановкой на мѣсто божества—закона, господствовала долгое время и въ протестантской критической школѣ. Она держалась благодаря дѣйствію двухъ причинъ. Во-первыхъ, до послѣдней четверти XIX-го вѣка вообще въ исторической наукѣ господствовало идеалистическое направленіе. Роль идей, какъ руководящаго фактора историческаго процесса, не подвергалась никакимъ сомнѣніямъ; исторію понимали, главнымъ образомъ, какъ исторію культуры, а древность казалась царствомъ духа par excellence. Первые шаги экономическаго пониманія хода событій были встрѣчены какъ вредная ересь и безпочвенное направленіе въ исторической наукѣ; и если еще могли примириться съ примѣненіемъ экономическаго метода къ политической исторіи, то никакъ не хотѣли допустить его вторженія въ область культурной исторіи, а тѣмъ болѣе—религіозной. Съ идеалистической точки зрѣнія, поэтому, руководящая роль религіознаго закона въ жизни Израиля не только не казалась странной, но исторія Израиля, наряду съ исторіей античной древности, считалась лучшимъ доказательствомъ непоколебимости идеалистической позиціи. Тутъ мы подходимъ къ другой причинѣ стойкости традиціонной концепціи исторіи Израиля. Спеціальная миссія Израиля, которую онъ долженъ былъ выполнить въ общей экономіи всемірной культуры, заключалась, по мнѣнію историковъ идеалистической школы, въ

созданіи міровой религіи: изъ нѣдръ іудейства вышло христіанство. Разработка исторіи Израиля считалась, поэтому, монополіей богослововъ. Тѣ богословы, которые первыми приступили къ критическому изслѣдованію Ветхаго Завѣта, не сомнѣвались еще въ его боговдохновенности, ограничивая лишь ее тѣми или иными оговорками. Первые шаги критики были, поэтому, направлены не на существо дѣла. Одни, идя по слѣдамъ Эразма, хотѣли установить неиспорченный текстъ книгъ ветхаго завѣта, другіе — время происхожденія и первоначальный составъ библейскихъ книгъ. Эти послѣдніе начали свои опыты съ чисто внѣшнихъ различій и признаковъ; достаточнымъ критеріемъ для различенія составныхъ частей пятикнижія долго считалось различіе именъ божества, употребляемыхъ въ отдѣльныхъ разсказахъ. Выдѣляя составныя части на основаніи такихъ внѣшнихъ признаковъ, Астрюкъ, а за нимъ и другіе литературные критики, еще мало обращали вниманія на содержаніе выдѣляемыхъ частей; идея интуиціи настолько еще властвовала надъ умами, что критика содержанія по существу долгое время не могла пробить себѣ дорогу. Даже тогда, когда литературная критика открыла, что самый законъ не есть что-либо единое, но состоитъ изъ разныхъ частей, разновременно появлявшихся на свѣтъ, традиціонная концепція не поколебалась. Пришлось сдѣлать уступку, отдѣливъ Второзаконіе отъ остального закона; но зато тѣмъ настойчивѣе стояли за глубочайшую древность основного законодательнаго ядра, законодательства книгъ Исходъ, Левитъ и Числъ.

Только съ конца 60-хъ годовъ начался и въ протестантской критической школѣ знаменательный поворотъ, выразившійся въ работахъ Графа, Кюэнена и въ особенности Велльгаузена, ставшаго эпонимомъ современной ветхозавѣтной протестантской науки [1]). Къ этому повороту влекли многія затрудненія, иногда совершенно безвыходныя. Критика къ указанному моменту сдѣлала уже многое: опредѣлила время происхожденія большей части историческихъ и пророческихъ книгъ и многихъ другихъ, относящихся къ третьей части еврейскаго канона, установила, что всѣ почти книги ветхаго завѣта носятъ составной характеръ, выдѣлила ихъ составныя части и попыталась опредѣлить сравнительную древность составныхъ частей каждой

---

[1]) Его основное изслѣдованіе: „Prolegomena zur Geschichte Israel“ недавно появилось на русскомъ языкѣ, въ переводѣ автора этой статьи („Введеніе въ исторію“, Спб., 1909).

книги. Но въ то время, какъ по отношенію къ историческимъ и пророческимъ книгамъ время происхожденія цѣлыхъ книгъ и ихъ частей удавалось опредѣлить сравнительно легко и точно, по отношенію къ пятикнижію въ этомъ вопросѣ оказывались непреодолимыя затрудненія. Составныя части отдѣльныхъ книгъ пятикнижія были опредѣлены; было установлено, что все оно и книга Іисуса Навина составлены по однимъ и тѣмъ же источникамъ, обработаны одною и тою же послѣднею редакторскою рукою; ясно выдѣлились три цѣльныхъ литературныхъ произведенія, которыя послужили матеріаломъ для составленія пятикнижія. Но хронологическій порядокъ и время происхожденія составныхъ частей пятикнижія было очень трудно опредѣлить. Реальная точка опоры нашлась только для опредѣленія даты Второзаконія; идея этого закона, вооружающагося противъ старинныхъ ханаанскихъ культовъ и проповѣдующаго монолатрію Ягве въ іерусалимскомъ храмѣ, совершенно соотвѣтствуетъ содержанію религіозной реформаціи царя Іосіи, произведенной въ 621 г. Время происхожденія остальныхъ слоевъ пятикнижія приходилось опредѣлять, исходя изъ традиціи, ставившей во главѣ ряда Моисеево законодательство пустыни.

Ближайшее разсмотрѣніе древнѣйшихъ—историческихъ и пророческихъ—книгъ показало, однако, что эта традиція совершенно ненадежна. Единственный законъ, на который ссылаются пророки—это нравственный законъ Ягве, не писанный, но естественный; единственная цитата изъ писаннаго закона, встрѣчающаяся до плѣна—это цитата изъ Второзаконія. Такимъ образомъ, повѣрка традиціи историческими и пророческими книгами привела къ крушенію традиціи. Что же оставалось поставить на ея мѣсто? Отказаться ли совершенно отъ разрѣшенія основной проблемы еврейской исторіи или попытаться рѣшить ее, идя какимъ-либо новымъ путемъ? Протестантская критическая школа нашла въ себѣ достаточно мужества и силы, чтобы взглянуть прямо въ лицо вопросу и поставить его ребромъ. Ея лучшіе представители сознали, что представленіе объ изданіи закона въ пустынѣ и безжизненномъ его существованіи до эпохи послѣ плѣна — чистая утопія, противорѣчащая всѣмъ законамъ историческаго развитія. Законъ, регулировавшій жизнь іудейской послѣплѣнной общины, долженъ былъ быть также и созданъ этой общиной. Единственный путь къ правильному разрѣшенію вопроса о пятикнижіи — это установить *исторію развитія еврейской религіи по историческимъ и пророческимъ книгамъ и расположить слои законодательства въ томъ порядкѣ, какой*

будетъ соотвѣтствовать стадіямъ религіознаго развитія. Тогда оказалось, что исторію Израиля приходится „поставить на голову", вверхъ ногами. Моисеево обрядовое законодательство, данное въ пустынѣ и устанавливающее теократію, пришлось отнести къ концу развитія, которое завершилось образованіемъ послѣплѣнной религіозной общины, ибо только со времени введенія въ этой общинѣ Моисеева закона, въ качествѣ Magna Charta, Езрою (въ 440 г.) обрядовое законодательство стало дѣйствовать и регулировать жизнь. Въ серединѣ ряда стало Второзаконіе, централизовавшее культъ и проводившее монолатрію Ягве; въ началѣ ряда — десять заповѣдей и „книга завѣта" (Исх. 20—24), кодексъ обычнаго права полуземледѣльческаго-полукочевого быта, со множественностью жертвенныхъ мѣстъ и мѣстныхъ культовъ. Послѣ этого открытія обнаружилась и огромная переработка, которой подверглись книги закона и пророковъ. Первоначально существовала только такъ называемая историческая книга іеговиста, содержавшая разсказы о сотвореніи міра, о жизни первобытнаго человѣчества, о потопѣ, о патріархахъ, о египетскомъ плѣнѣ и исходѣ оттуда, о Моисеѣ, о дарованіи чрезъ него десяти заповѣдей и „книги завѣта", о завоеваніи Палестины и поселеніи тамъ евреевъ. Существовали также разсказы о судьяхъ, исторія Самуила и Саула, двѣ группы разсказовъ о Давидѣ, разсказы о Соломонѣ, наконецъ лѣтописи израильскихъ и іудейскихъ царей. Этотъ огромный литературный матеріалъ, несомнѣнно во много разъ превосходившій, по своимъ размѣрамъ, тѣ скудные его остатки, которыми мы теперь располагаемъ, былъ подвергнутъ неоднократной переработкѣ. Первая рука, переработавшая весь этотъ матеріалъ, принадлежала горячему стороннику идей Второзаконія (*девтерономисту*). Онъ хотѣлъ надѣлить излюбленный имъ законъ святостью и авторитетомъ старины, и для этого составилъ къ законодательной части Второзаконія историческое введеніе, которое изображаетъ израильскія племена на порогѣ земли Ханаанской; Моисей, въ рѣчи, обращенной къ народу, вспоминаетъ минувшія событія и дѣла Ягве, пересказывая разсказъ іеговиста и исторію со скрижалями, на которыхъ были записаны десять заповѣдей, и затѣмъ излагаетъ тѣ постановленія и законы, которые должны соблюдаться израильтянами послѣ вступленія въ землю Ханаанскую. Рука того же редактора замѣтна и въ другихъ частяхъ пятикнижія, въ особенности въ разсказѣ объ установленіи праздника Пасхи по случаю выхода изъ Египта. Но болѣе всего пламенныхъ приверженцевъ Второзаконія интересовала не легендарная, не доисторическая эпоха, а эпоха историческая, эпоха

жизни Израиля въ землѣ Ханаанъ. Они переработали разсказы о судьяхъ, первыхъ царяхъ и царскіе анналы и составили книги Судей, Самуила и Царей въ ихъ современномъ видѣ. Руководящая идея, своего рода философія исторіи, съ точки зрѣнія которой была произведена эта литературная работа, очень проста: со времени вступленія въ землю Ханаанъ дѣйствуютъ два основныхъ правила—служить *только* Ягве и только въ *одномъ* мѣстѣ. Всѣ несчастія постигали Израиля за несоблюденіе этихъ основныхъ правилъ. Какъ только Израиль отступалъ отъ Ягве, его постигали бѣдствія: Ягве каралъ его черезъ посредство сосѣднихъ народовъ. Какъ только народъ обращался къ Ягве, сейчасъ же являлся спаситель въ лицѣ судьи, царя или пророка. Но эти смѣны отступничества и обращенія привели къ недоброму концу: за упорное нежеланіе повиноваться Ягве сначала отвергъ и уничтожилъ царство Ефрема, а потомъ и царство Іуды.

Вторая рука, переработавшая снова всю традицію, принадлежитъ редактору изъ жреческой среды, стороннику обрядоваго закона Моисеева, выработаннаго въ плѣну и введеннаго въ жизнь послѣ плѣна, такъ называемаго *жреческаго кодекса*. Жреческій редакторъ не хотѣлъ отставать отъ своего предшественника-девтерономиста и также вложилъ свое законодательство въ уста Моисея; но онъ уже не могъ начать законъ предписаніемъ соблюдать его только послѣ плѣна. Напротивъ, чтобы сообщить ему санкцію и авторитетъ, равный съ авторитетомъ Второзаконія, нужно было показать, что онъ былъ единственнымъ дѣйствующимъ закономъ во все время исторіи Израиля. А для этого приходилось заново переработать всю традицію. И вотъ, рядомъ съ историческими разсказами іеговиста появились параллельные историческіе разсказы жреческаго кодекса. Они изображаютъ исторію Израиля уже совершенно какъ исторію теократіи, правильно существовавшей. Дѣйствующее лицо — глава теократіи, Ягве. Сначала онъ заключаетъ лично три завѣта съ предками народа израильскаго: съ Адамомъ (завѣтъ о субботѣ), съ Ноемъ (завѣтъ о сохраненіи рода человѣческаго послѣ потопа), съ Авраамомъ (объ обрѣзаніи). Эти три завѣта подготовляютъ четвертый, заключаемый въ пустынѣ уже со всѣмъ народомъ; такой завѣтъ не можетъ, конечно, быть заключенъ однимъ лицомъ и заключается черезъ Моисея. Моисей сообщаетъ священную конституцію народу и проводитъ ее въ жизнь; она должна служить вѣчной и незыблемой нормой народной жизни. Перейдя къ исторической эпохѣ, жреческій редакторъ также долженъ былъ

противопоставить девтерономистической свою собственную исторію. Для этой цѣли были написаны книги Хроникъ, составитель которыхъ самъ проговорился о своей эпохѣ: онъ жилъ послѣ Езры и Неемія, т.-е. послѣ 440 г., когда было введено такъ называемое моисеево законодательство. Въ книгѣ Хроникъ все въ порядкѣ и на мѣстѣ: и скинія собранія, и первосвященники, и священники, и левиты, все, чего и въ поминѣ нѣтъ въ книгахъ Судей, Самуила и Царей; цари іудейскіе превращены въ покорныхъ слугъ клира, а цари израильскіе и ихъ царство пройдены молчаніемъ: вѣдь они сами отсѣкли себя отъ избраннаго народа, отдѣлившись отъ Ровоама послѣ смерти Соломона.

Эти открытія составляютъ огромную и неоцѣнимую заслугу Велльгаузена и его предшественниковъ, Кюэнена и Графа. Они расчистили почву, на которой можно было возводить заново зданія исторіи Израиля. Но когда Велльгаузенъ приступилъ къ созидательной работѣ, оказалось, что взгляды старой школы превзойдены имъ только въ области литературно-критическаго анализа; въ области же историческихъ построеній онъ все еще не въ силахъ сказать такое же новое и оригинальное слово. Онъ создалъ новую схему развитія религіи Израиля; за нимъ послушно потянулась вся тогдашняя богословская молодежь (теперь уже ветераны „школы Графа-Велльгаузена“ или „религіозно-исторической школы“). Въ результатѣ, флёръ таинственности по прежнему остался на исторіи Израиля и только перекрасился въ новый цвѣтъ.

Новая школа уже не могла защищать старой теократической схемы, по которой теократія была всегдашней нормой жизни Израиля, *какъ учрежденіе*. Поэтому она выставила новую схему: до плѣна теократія живетъ *какъ идея*, послѣ плѣна— *какъ учрежденіе*. Въ пустынѣ Моисей соединилъ отдѣльныя еврейскія племена въ одинъ народъ — Израиль — посредствомъ проведенія единаго культа Ягве, бога одного изъ племенъ. Съ этого момента Ягве сталъ національнымъ богомъ Израиля, его царемъ и домовладыкой. Его царство во Израилѣ не осуществлялось посредствомъ какихъ-либо учрежденій; его законъ не былъ постоянной, писанной нормой. Именемъ Ягве дѣйствовали самые разнообразные дѣятели и учрежденія: и судьи, и прозорливцы, и цари, и пророки сознавали себя уполномоченнымъ Ягве, были, такъ сказать, его магистритами; тора Ягве — это текучая тора жрецовъ, ихъ оракулы и рѣшенія, устная тора судей — ихъ приговоры, устная проповѣдь—ихъ проповѣдь нравственнаго

порядка и этическаго монотеизма. Теократія Ягве живетъ, какъ идея, въ народномъ умѣ и въ народномъ сердцѣ, и народъ повинуется своимъ властямъ именно въ силу того, что въ его представленіи онѣ уполномочены Ягве. Развитіе религіи и теократіи заключается въ томъ, что та и другая постепенно, путемъ долгой борьбы, пріобрѣтаютъ форму писаннаго закона и священной конституціи. Первый шагъ въ этомъ направленіи—Второзаконіе и реформа Іосіи. Разрушеніе народа и царства только благопріятствовало планамъ сторонниковъ теократической конституціи; въ плѣну уже начинается законодательное творчество для будущаго, сначала въ видѣ теократической утопіи Іезекіиля, затѣмъ въ видѣ составленія жреческаго кодекса, послужившаго хартіей для общины второго храма. Израиль былъ и остался приверженцемъ монотеизма; только сначала это былъ монотеизмъ національный, признававшій реальность боговъ другихъ народовъ, но служившій только своему богу; пророки преобразовали понятіе о божествѣ, превративъ Ягве въ универсальнаго бога правды и милости, сдѣлавшаго Израиля избраннымъ народомъ, народомъ Мессіи, долженствующимъ хранить истинную религію и просвѣтить ею другіе народы. Пророческое и жреческо-теократическое движенія тѣсно связаны между собою: пророчество не могло надѣяться на торжество своихъ идей, пока существовалъ матеріалистическій культъ Ягве, связанный съ мѣстными святилищами. Но когда, общими усиліями жрецовъ и пророковъ, мѣстныя святилища пали передъ іерусалимскимъ храмомъ, жречество и пророчество разошлись, и понятіе универсальнаго монотеизма получило въ концѣ концовъ не ту оправу, о какой мечтали пророки: оно было заключено въ „твердый панцырь іерократической общины". Эта община была чисто обрядовымъ, сакральнымъ, нетерпимымъ учрежденіемъ, но именно ея грубость и непроницаемость сохранили идею супранатуралистическаго монотеизма въ неприкосновенности, пока не пришелъ сѣятель сѣмянъ евангелія, основавшій новую, евангельскую теократію, послѣ которой роль старой теократіи была сыграна. Въ новой проповѣди „законъ и пророки" были синтетически преобразованы и наполнены новымъ содержаніемъ.

Религіозно-историческая школа, такимъ образомъ, сохраняетъ въ неприкосновенности основную идею прежней концепціи. И въ новой картинѣ израильской исторіи Израиль является народомъ совершенно особеннымъ, чуждымъ тѣмъ явленіямъ, какія обычно наблюдаются вообще въ исторіи. Онъ создается отдѣльной личностью — Моисеемъ; если нѣкоторые сторонники школы

Велльгаузена и не признаютъ Моисея за историческое лицо (напр. Штазе), то это единицы, и самый послѣдній трудъ по исторіи Израиля, вышедшій изъ школы Велльгаузена (трудъ Гуте), не въ силахъ разстаться съ Моисеемъ и его ролью. Не въ примѣръ другимъ народамъ, Израиль спаявается въ одно цѣлое особымъ цементомъ — религіей; религія остается во все продолженіе его исторіи основнымъ руководящимъ факторомъ. Даже и религія у Израиля особенная: въ то время, какъ всѣ его сосѣди преданы грубому многобожію, Израиль—монотеистическій народъ, и случаи идолослуженія — только прискорбныя, ненормальныя исключенія изъ общаго правила. Наконецъ, въ то время какъ другіе народы приходятъ и уходятъ, не оставляя по себѣ никакого замѣтнаго слѣда, не играя никакой особенной роли, Израиль былъ носителемъ провиденціальной миссіи: онъ взростилъ и сохранилъ въ грубой оправѣ іерократической конституціи идею универсальнаго этическаго монархизма, безъ которой было бы немыслимо появленіе христіанства. Другими словами, опять передъ нами загадочный, таинственный образъ. Казалось, острый, всепроникающій критическій анализъ Велльгаузена долженъ былъ покончить со всѣми загадками—но онѣ остались, получивъ лишь новый видъ, ставъ менѣе фантастическими, но сохранивъ прежнюю таинственность. Даже болѣе того: религіозно-историческая школа вскорѣ восторжествовала по всей линіи; вчерашніе защитники прежней схемы переходили одинъ за другимъ въ ея ряды, а молодежь воспитывалась на классической книгѣ Велльгаузена. Ея схема стояла непоколебимо, и такъ какъ она опиралась на послѣднее и окончательное слово литературной критики, то и ея существованіе казалось вѣчнымъ и незыблемымъ. Схема исторіи Израиля, предложенная школой Велльгаузена, догматизировалась; авторитетъ геніальнаго критика ее санціонировалъ и обезпечилъ ей вѣру богословскихъ круговъ Германіи.

Но если богословы считали вопросъ рѣшеннымъ и конченнымъ, то не такъ думали ихъ соперники—оріенталисты. Въ 1902-мъ году въ Германіи произошелъ своего рода ученый скандалъ, который показалъ, что оріенталисты считаютъ вопросъ о содержаніи ветхаго завѣта и исторіи Израиля не только не рѣшеннымъ, но даже еще и не поставленнымъ надлежащимъ образомъ. Начался знаменитый споръ о Вавилонѣ и Библіи. Онъ продолжаетъ еще до сихъ поръ волновать богословскій ученый міръ, никакъ не желающій успокоиться послѣ вторженія неожиданнаго врага въ заповѣдную область.

II.

Почти вплоть до 70-хъ годовъ прошлаго вѣка исторія Израиля была едва-ли не единственной исторіей древняго Востока, которую можно было изучать по ея собственнымъ памятникамъ. Клинообразные документы, свидѣтели многовѣковой и высококультурной исторіи Вавилона и Ассиріи, лежали подъ грудами мусора въ степяхъ Месопотаміи, и до 40-хъ годовъ XIX вѣка мало кому приходила въ голову мысль о томъ, какія неоцѣненныя сокровища могутъ скрываться въ безмолвныхъ курганахъ страны Тигра и Евфрата. Исторію великой месопотамской державы изучали по отрывочнымъ даннымъ все той же библіи, да по анекдотическимъ разсказамъ Геродота. Вавилонская культура представлялась въ довольно туманныхъ очертаніяхъ; ея самыми опредѣленными признаками считались грубый политеизмъ и кровавая жестокость, соединенная съ крайней развращенностью центра—„великой блудницы" Вавилона. Эту репутацію создавала все та же библія: гнѣвныя рѣчи пророковъ, жалостливыя причитанія автора книги Царей и шовинистическіе анекдоты книги Даніила. Библія, поэтому, имѣла значеніе не только какъ источникъ для исторіи Израиля; она считалась также источникомъ для исторіи Вавилона и Ассиріи, источникомъ болѣе цѣннымъ, чѣмъ Геродотъ, такъ какъ ея извѣстія шли отъ современниковъ великой державы, въ то время какъ Геродотъ собиралъ свои матеріалы уже тогда, когда судьба „великой блудницы" была сосчитана, измѣрена и взвѣшена. Въ силу всего этого, не могло быть и рѣчи о самостоятельномъ значеніи вавилонской культуры, даже о сравненіи ея съ культурой, отраженной въ библіи. Съ одной стороны былъ, правда, колоссъ, но подобный дикому чудовищу; съ другой стороны — пигмей, но въ образѣ сына человѣческаго. Это противопоставленіе книги Даніила какъ нельзя лучше характеризуетъ точку зрѣнія на сравнительное достоинство той и другой культуры, господствовавшую до послѣдней четверти XIX вѣка среди богослововъ.

Открытія, сдѣланныя въ месопотамскихъ курганахъ Ричемъ, Боттою, Лейардомъ, де-Сарзеномъ и другими самоотверженными тружениками науки, не сразу обнаружили все свое вліяніе; ихъ огромное значеніе чувствовалось сначала лишь въ общей формѣ, какъ открытіе новаго, невѣдомаго міра, но что таилъ въ себѣ этотъ неожиданно воскресшій міръ—было еще неясно. Прошло

около двадцати лѣтъ со времени раскопокъ Ботты въ Куюнджикѣ и Хорсабадѣ (1842 г.), прежде чѣмъ усиліями ассиріологовъ была достигнута возможность болѣе или менѣе свободно разобраться въ найденныхъ текстахъ, дешифрировать ихъ и приступить къ ихъ изданію. Клинообразные тексты, однако, не привлекли къ себѣ сколько-нибудь широкаго вниманія за предѣлами круга спеціалистовъ. Ихъ чтеніе и толкованіе представляло чрезвычайныя и совершенно своеобразныя трудности, казалось для непосвященнаго чѣмъ то въ родѣ китайской азбуки. Это отношеніе не измѣнилось и тогда, когда стали появляться переводы клинообразныхъ текстовъ, сдѣлавшіе ассиро-вавилонскіе памятники доступными для ознакомленія и въ кругу не-спеціалистовъ. Богословы пребывали въ счастливомъ невѣдѣніи и не обращали вниманія на доходившіе до нихъ иногда слухи о содержаніи открытыхъ памятниковъ.

Это содержаніе оказалось крайне любопытнымъ. Тамъ, гдѣ предполагалась почти дикая некультурность, на самомъ дѣлѣ была высоко развитая культура, съ огромной литературой, жалкіе обрывки которой, найденные въ курганахъ Месопотаміи, все-таки во много разъ превышали своими размѣрами всю каноническую и неканоническую литературу, взятую вмѣстѣ. Но еще важнѣе было содержаніе найденныхъ памятниковъ. Среди нихъ оказалось немало произведеній, аналогичныхъ библейскимъ, на тѣ же темы и часто совершенно одинаково съ библіей разрабатывающихъ эти темы. Библія начинается разсказомъ о сотвореніи міра; этотъ разсказъ въ библіи имѣется въ двухъ версіяхъ, I-й главы и II-й главы. Въ клинообразныхъ памятникахъ можно насчитать *семь* текстовъ, разсказывающихъ о сотвореніи міра, и два изъ нихъ—такъ называемая поэма „Enuma elisch“ и легенда о твореніи, служащая введеніемъ къ одному заклинанію,—аналогичны разсказамъ о твореніи книги Бытія. Параллельно съ разсказами книги Бытія о раѣ, грѣхопаденіи и десяти допотопныхъ патріархахъ мы находимъ вавилонскіе миѳы о потерѣ людьми безсмертія, рисунокъ, изображающій искушеніе первыхъ людей змѣемъ, сказанія о десяти древнѣйшихъ вавилонскихъ царяхъ-герояхъ. Наконецъ, библейскіе разсказы о потопѣ и построеніи вавилонской башни сходятся съ вавилонскими версіями даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Своеобразной особенностью библейской литературы всегда считались псалмы; такіе же псалмы найдены и въ Вавилоніи. Наконецъ, въ 1902-мъ году было сдѣлано еще одно открытіе, нанесшее новый, непоправимый ударъ сторонникамъ израильской своеобразности и самобытности. Ока-

залось, что вавилоняне имѣли своего законодателя, не уступающаго Моисею ни по древности, ни по значенію: былъ найденъ обелискъ съ кодексомъ царя Хаммураби (около 2.200 л. до Р. Х.). Бо́льшая часть указанныхъ памятниковъ была найдена въ такъ называемой библіотекѣ Ашурбанипала—царя, управлявшаго ассирійской державой въ серединѣ VII в. до Р. Х.; это обстоятельство какъ будто не говорило о древности открытой литературы. Но послѣдующія открытія, въ особенности открытіе глинянаго архива Телль-эль-Амарны, восходящаго за 1.800 лѣтъ до Р. Х., показало, что вавилонская письменность и литература существовали уже въ ту эпоху, когда Израиля, быть можетъ, еще не было и въ поминѣ. Въ частности, въ этомъ архивѣ какъ разъ была найдена легенда о потерѣ людьми безсмертія и варіантъ легенды о потопѣ. Наконецъ, кромѣ этихъ крупныхъ параллелей, между литературами библейской и вавилонской оказалось очень много мелкихъ соприкосновеній въ понятіяхъ, способахъ выраженія и даже въ вѣрованіяхъ. Властно сталъ вопросъ о взаимоотношеніи между библіей и Вавилономъ. Вопросъ ребромъ былъ поставленъ впервые Деличемъ, въ его знаменитомъ докладѣ: „Babel und Bibel“, вокругъ котораго загорѣлся немедленно жестокій бой.

Чтобы понять сущность спора, надо съ самаго начала оговориться, что это не былъ просто вопросъ о литературной зависимости. Съ литературной точки зрѣнія нельзя было говорить о рабскомъ подражаніи той или другой стороны другъ другу, или, говоря прямо, о копированіи библіей вавилонскихъ оригиналовъ. Легко убѣдиться въ этомъ, взявъ для примѣра разсказы библіи о первобытныхъ временахъ человѣчества и соотвѣтствующіе имъ вавилонскіе. Библія даетъ связную исторію первобытнаго человѣчества, начиная съ сотворенія міра и кончая вавилонскимъ столпотвореніемъ. Правда, эта исторія соткана изъ довольно разношерстнаго матеріала, но составитель заранѣе ставилъ себѣ опредѣленную литературную цѣль. Всѣ составныя части библейской первобытной исторіи находятся и въ Вавилонѣ, но тамъ онѣ разрознены, разбросаны по разнымъ произведеніямъ. Поэма „Enuma elisch“, соотвѣтствующая I-й главѣ книги Бытія—самостоятельное произведеніе, написанное съ опредѣленной политической тенденціей оправдать притязанія Вавилона на всемірное господство; другая поэма о твореніи, соотвѣтствующая II-й главѣ книги Бытія, составляетъ часть заклинанія; сказаніе объ Адамѣ, аналогичное сказанію о грѣхопаденіи, найдено въ архивѣ Телль-эль-Амарны; сказаніе о десяти царяхъ извѣстно изъ сочиненій вавилонскаго

жреца Бероза, въ передачѣ Евсевія; миѳъ о потопѣ входитъ въ составъ огромнаго эпоса о Гильгамешѣ; сказаніе о вавилонской башнѣ извѣстно также изъ Бероза. Слѣдовательно, если составитель библейской первобытной исторіи заимствовалъ матеріалъ для нея изъ вавилонскихъ источниковъ, то онъ долженъ былъ произвести огромную подготовительную работу. Дѣло станетъ еще яснѣе, если мы сравнимъ самое содержаніе нѣкоторыхъ параллельныхъ разсказовъ; тогда мы увидимъ, что главнѣйшія части первобытной исторіи, именно разсказы о твореніи и о грѣхопаденіи, совершенно переработаны библейскимъ авторомъ. Поэма „Enuma elisch" говоритъ, что первоначально міръ представлялъ изъ себя водяную хаотическую массу, происшедшую изъ смѣшенія водъ трехъ первобытныхъ чудовищъ-божествъ: Тіаматъ и Мумму и Апсу, ею рожденныхъ. Изъ этого смѣшенія выходятъ сначала одно за другимъ три поколѣнія боговъ; послѣднее поколѣніе — Ану, Бэлъ и Эа, древнѣйшая вавилонская троица. Древніе боги, Тіаматъ, Мумму и Апсу, чувствуютъ, что отъ этой послѣдней тріады имъ придетъ гибель, и рѣшаютъ уничтожить ее. Тіаматъ выступаетъ въ бой, окруженная одиннадцатью сказочными чудовищами: гигантскими змѣями, драконами, скорпіонами, водяными и др.; ея ратью начальствуетъ чудовище Кингу. Эа созываетъ боговъ на совѣтъ; молодой богъ Мардукъ (спеціальный богъ Вавилона, подставленный въ поэмѣ вмѣсто Бэла, фигурировавшаго въ древнѣйшей версіи, приводимой Берозомъ) предлагаетъ сразиться съ Тіаматъ, но за побѣду требуетъ, чтобы ему было предоставлено право установить своимъ словомъ міровой порядокъ, который долженъ оставаться незыблемымъ и неизмѣннымъ. Боги признаютъ Мардука своимъ властелиномъ, провозглашаютъ его царемъ, вручаютъ ему скипетръ, тронъ и оружіе для борьбы съ Тіаматъ. Начинается поединокъ; Мардукъ ловитъ Тіаматъ въ сѣть и убиваетъ ее копьемъ, затѣмъ сковываетъ ея помощниковъ и Кингу. Послѣ этого онъ приступаетъ къ творенію: разсѣкаетъ тѣло Тіаматъ пополамъ, половину поднимаетъ вверхъ и дѣлаетъ ее кровлей небесной и ставитъ стражей, чтобы не пускали оттуда воду; затѣмъ дѣлаетъ небесный океанъ и небесную твердь, зодіакъ, на которой будутъ жить и дѣйствовать боги. Дальше онъ назначаетъ звѣзды въ качествѣ мѣстопребыванія боговъ, устанавливаетъ времясчисленіе и создаетъ свѣтила, чтобы управлять днемъ, ночью, мѣсяцами и годомъ (луну и солнце), и указываетъ путь планетамъ. Дальнѣйшее изложеніе неясно вслѣдствіе потери текста; судя по фрагментамъ и по версіи Бероза, по образу неба была сотворена изъ другой

половины Тіаматъ земля, съ растеніями и животными. Послѣдній актъ творенія — человѣкъ, котораго Мардукъ задумалъ сотворить изъ смѣшенія своей плоти и крови, чтобы онъ населилъ землю и служилъ богамъ. Поэма кончается гимномъ Мардуку, въ которомъ богу присвоивается пятьдесятъ именъ, какъ божества-промыслителя и царя всего міра. Библейскій разсказъ перерабатываетъ тотъ же сюжетъ въ совершенно иномъ стилѣ. Вавилонская космогонія проникнута гилозоизмомъ; сущность міра съ ея точки зрѣнія матеріальна, основное начало — одушевленная матерія, являющаяся въ то же время божествомъ; это гилозоистическій пантеизмъ. Авторъ I-й главы книги Бытія старательно затушевываетъ эту точку зрѣнія; водный хаосъ съ его точки зрѣнія есть уже твореніе, созданная матерія, изъ которой образуются всѣ прочія вещи. Онъ устраняетъ также идею борьбы мрака съ свѣтомъ, въ результатѣ которой явился міръ, и всѣ политеистическіе драматическіе аксессуары. Сохраняя порядокъ творенія, принятый вавилонскимъ миѳомъ, авторъ исходитъ не изъ параллельности двухъ міровъ, небеснаго и земного, составляющихъ копію другъ друга, но изъ законнической идеи; имъ руководитъ идея санкціонировать субботній отдыхъ, какъ его вавилонскимъ предшественникомъ руководитъ идея оправдать міровое господство Вавилона. Поэтому онъ раздѣляетъ твореніе не на два акта, а на шесть актовъ, на шесть дней, послѣ которыхъ седьмой день — суббота: въ этотъ день богъ отдыхалъ, должны отдыхать и люди. Передъ нами двѣ обработки одного и того же миѳологическаго матеріала, сдѣланныя съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія.

Еще болѣе различій мы найдемъ въ разсказѣ о раѣ и грѣхопаденіи. Этотъ разсказъ въ библіи связанъ со вторымъ разсказомъ о твореніи (Быт. II), гдѣ порядокъ обратный: послѣ сотворенія неба и земли создается сначала человѣкъ, а затѣмъ уже растенія, животныя и Тигръ и Евфратъ. Этотъ порядокъ совпадаетъ совершенно съ порядкомъ другого вавилонскаго разсказа о твореніи; сходство между обоими разсказами простирается вплоть до сходства въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ. Но есть и различіе, заключающееся въ опредѣленіи сущности первоначальнаго вида вселенной: въ то время, какъ вавилонскій разсказъ стоитъ на точкѣ зрѣнія „Enuma elisch“ и говоритъ, что всѣ земли были моремъ, а почва острововъ была водяными потоками, авторъ разсказа Быт. II изображаетъ первоначальное состояніе міра въ видѣ сухой, безводной пустыни, которую Ягве еще не орошалъ дождемъ, отчего на ней не росло ни единой травинки, ни еди-

наго кустика, ни единаго деревца. Это различіе придаетъ библейскому разсказу опять-таки печать индивидуальности: матеріалъ и общій планъ разсказа заимствованы изъ вавилонскаго, но концепція первоначальной матеріи—другая, навѣянная сосѣдствомъ съ огромной пустыней, дѣтищами которой были израильтяне. Если мы перейдемъ теперь къ общеизвѣстному разсказу о раѣ и грѣхопаденіи, то мы найдемъ уже больше различій, чѣмъ сходства. Прежде всего, до сихъ поръ мы не знаемъ, существовалъ ли у вавилонянъ разсказъ о раѣ и грѣхопаденіи, который совпадалъ бы по содержанію съ библейскимъ; возможно допустить существованіе такого разсказа лишь на основаніи наличности уже упомянутаго рисунка на глиняномъ цилиндрѣ. Тотъ вавилонскій миѳъ, который у насъ имѣется—миѳъ, также трактующій о лишеніи людей безсмертія,—имѣетъ совершенно иной сюжетъ, но содержитъ въ деталяхъ цѣлый рядъ точекъ соприкосновенія съ библейскимъ разсказомъ. Вавилонскій миѳъ разсказываетъ, что въ числѣ первыхъ людей было любимое созданіе бога Эа, Адана, надѣленный необыкновенной мудростью и добродѣтелями (открыты ему были тайны неба и земли), но не вѣчной жизнью. Онъ служилъ жрецомъ бога Эа въ его храмѣ въ Эриду. Однажды онъ, въ силу своей обязанности, ловилъ рыбу на морѣ для надобностей святилища; на него вдругъ налетѣлъ южный вѣтеръ и разбилъ его лодку. Тогда Адана однимъ своимъ словомъ сломалъ крылья обидчику; тотъ обратился съ жалобой къ своему повелителю, богу воздушной сферы, Ану. Разгнѣванный Ану потребовалъ Адану къ себѣ на судъ. Эа научилъ своего любимца, что̀ ему надо дѣлать: „дадутъ тебѣ пищи смерти — не ѣшь, дадутъ воды смерти—не пей". Но на судѣ у Ану за Адану вступился богъ Таммузъ; Ану смилостивился и даже хотѣлъ чѣмъ-нибудь осчастливить Адану. Онъ велѣлъ дать Аданѣ пищу жизни и воду жизни; но Адана, къ изумленію Ану, отказался, не сообразивъ въ чемъ дѣло. Тогда Ану приказалъ сбросить Адану назадъ на землю, и такимъ образомъ Адана, а вслѣдъ за нимъ и люди, лишились безсмертія, которое сравняло бы ихъ съ богами. Очевидно, что конечная цѣль того и другого разсказа—одна и та же: показать, что человѣкъ, по мѣрѣ развитія культуры, становится мудрымъ, познаетъ, что̀ такое добро и зло, и уподобляется богамъ; но въ распоряженіи боговъ находятся пища и вода жизни (евр. древо жизни), которое даетъ имъ безсмертіе, и въ этомъ благѣ боги отказываютъ людямъ, но по винѣ самихъ же людей: Адаму и Евѣ—за нарушеніе божественной заповѣди, Аданѣ—за его недогадливость. Адамъ послѣ вкушенія отъ древа познанія сталъ какъ бы богомъ;

Адана былъ такимъ, благодаря наставленіямъ своего отца Эа. Ягве изгоняетъ Адама изъ рая, гдѣ онъ могъ пользоваться плодами дерева жизни и жить вѣчно; Ану низвергаетъ Адану на землю съ неба, гдѣ онъ ранѣе могъ пользоваться пищей и водою жизни и жить вѣчно. Но эти детали не могутъ заслонить собою и огромнаго различія обоихъ разсказовъ. Въ еврейской версіи на первомъ правѣ — боязнь божества, что человѣкъ проникнетъ въ тайны природы, доступныя только божеству, потеряетъ страхъ передъ богами и прекратитъ ихъ царство; въ вавилонской версіи, напротивъ, на первомъ планѣ неизмѣримое различіе между богами и ихъ твореніями, хотя бы уже одаренными божественнымъ знаніемъ. Вавилонскіе боги не боятся довѣрить человѣку знаніе, въ убѣжденіи, что ихъ твореніе, всетаки, никогда не превзойдетъ своихъ создателей—и оказываются правыми: въ рѣшительную минуту Адана является недогадливымъ рабомъ приказаній Эа и лишается величайшаго блага—вѣчной жизни. Отсюда ясно, что опять-таки мы имѣемъ дѣло не съ простымъ подражаніемъ вавилонскому разсказу, но съ самостоятельнымъ творчествомъ, оперирующимъ, правда, съ заимствованнымъ матеріаломъ. Прочіе разсказы библіи, относящіеся къ первоначальной исторіи человѣчества, очень близки къ соотвѣтствующимъ вавилонскимъ; это объясняется, на нашъ взглядъ, тѣмъ, что ихъ сюжеты не давали почвы для самостоятельнаго творчества. Миѳы о потопѣ и о построеніи Вавилона разрабатываютъ специфически вавилонскіе сюжеты: наводненія и происхожденіе столицы вавилонскаго царства; миѳъ о десяти працаряхъ также не представлялъ ничего такого, что̀ могло бы толкнуть на новую самостоятельную переработку его матеріала. Но эти разсказы вставлены въ общую схему первоначальной исторіи и органически связаны съ библейскими разсказами, оригинальность которыхъ не рѣшаются отрицать даже панвавилонисты. Мы имѣемъ въ виду разсказы о Каинѣ и Авелѣ—символическій миѳъ, изображающій схему развитія народнаго хозяйства израильскихъ племенъ,—и разсказъ объ изобрѣтеніи Ноемъ винодѣлія, которое также было специфической отраслью израильской сельскохозяйственной промышленности.

Н. Никольскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ
ВЪ КОНЦѢ 70-хъ и НАЧАЛѢ 80-хъ ГОДОВЪ
ПРОШЛАГО ВѢКА

(Личныя воспоминанія.)

I.

Писать своихъ мемуаровъ я никогда не собирался. Какъ историкъ, я знаю слабую цѣну этого источника. Если въ наше время приходится переработывать прежнія повѣствованія о цѣлыхъ періодахъ въ жизни новыхъ народовъ, то главнымъ образомъ потому, что эти повѣствованія, какъ основанныя по преимуществу на мемуарахъ, оказывались нерѣдко далекими отъ истины и во всякомъ случаѣ дающими нѣсколько иную оцѣнку событій, чѣмъ та, какая получается изслѣдователемъ на основаніи данныхъ, восходящихъ къ самой эпохѣ совершенія этихъ событій. Это не значитъ, чтобы авторы мемуаровъ движимы были сознательнымъ желаніемъ представить въ невѣрномъ свѣтѣ все или часть ими изображаемаго. Это объясняется иной причиной, а именно тѣмъ, что мемуары пишутся на значительномъ разстояніи отъ того времени, котораго они касаются, и что авторы ихъ невольно подчиняются вліянію окружающей ихъ обстановки и создаваемаго ею настроенія—а оно, очевидно, не всегда сходно съ тѣмъ, какое было пережито ими въ то время, когда развертывались самыя событія. Однажды на мой вопросъ Алексѣю Ѳеофилактовичу Писемскому, почему онъ не

пишетъ своихъ воспоминаній, я получилъ слѣдующій отвѣтъ: „пробовалъ не разъ, но со второй страницы уже чувствовалъ, что говорю не то, что̀ было; чувствую, а удержаться не могу". Въ этихъ словахъ конкретно передается въ сущности та же мысль. Авторъ желалъ бы вернуться къ тому настроенію, какое онъ пережилъ въ моментъ, имъ изображенный, желалъ бы — и не можетъ; почему и получается въ концѣ концовъ неправильное освѣщеніе.

Сомнѣваясь въ значеніи мемуаровъ, какъ историческаго источника, и далекій отъ мысли обогащать изящную словесность чѣмъ-либо подобнымъ „Дѣтству и Отрочеству" Толстого, я ставлю себѣ иную задачу: мнѣ хочется въ 1910-мъ году представить читателю, какъ рисуется въ моемъ воображеніи умственная жизнь Москвы и ея университета въ то десятилѣтіе съ 1877 по 1887-й годъ, когда мнѣ самому приходилось стоять довольно близко и къ преподаванію, и къ различнымъ литературнымъ кружкамъ Первопрестольной.

Знакомство мое съ Москвой началось съ экзамена на званіе магистра. Послѣ четырехгодичнаго ученичества въ Берлинѣ, Лондонѣ и Парижѣ и отпечатанія первыхъ научныхъ работъ, я счелъ возможнымъ посвятить себя профессорской дѣятельности. Пришлось начать, какъ и всѣмъ, съ подготовки къ экзамену. Требованія, поставленныя мнѣ факультетомъ, были далеко не чрезмѣрны. Четырехъ недѣль хватило, чтобы воскресить въ памяти ранѣе читанное. Въ эти четыре недѣли, живя въ скромномъ номерѣ гостинницы, я постепенно завязывалъ сношенія съ людьми, съ которыми впослѣдствіи открылась возможность дѣйствовать заодно и въ университетѣ, и внѣ его стѣнъ. Кружокъ молодыхъ профессоровъ часто собирался въ это время у Янжула, Чупрова, Муромцева и Стороженко. Двухъ изъ названныхъ лицъ я зналъ еще за границей. Мои занятія англійскими учрежденіями и ихъ исторіей сблизили меня съ ними. И Янжулъ, и Стороженко приняли меня, какъ стараго пріятеля. Чрезъ нихъ я познакомился и съ Чупровымъ, дружба съ которымъ продолжалась до его кончины, и съ Муромцевымъ; добрыя отношенія съ нимъ длятся и по настоящій день. Что̀ пріятно поразило меня при встрѣчѣ и болѣе тѣсномъ знакомствѣ со всѣми названными лицами — это ихъ готовность послужить своимъ знаніемъ и своей энергіей не отвлеченной наукѣ, а запросамъ жизни. Они стояли въ самомъ центрѣ того умственнаго и общественнаго движенія, которое ставило себѣ задачей сближеніе съ народомъ, тѣсное знакомство съ его бытомъ, посильное удовлетвореніе его нуждъ и,

одновременно воспитаніе, руководящихъ круговъ въ сознаніи ихъ долга передъ крестьянской и рабочей средой. Чтобы не быть голословнымъ, напомню, что Чупровымъ въ значительной степени создана въ Россіи земская статистика, что Янжулъ былъ однимъ изъ первыхъ писателей, обратившихъ вниманіе на необходимость отмѣны нѣкоторыхъ косвенныхъ налоговъ, въ томъ числѣ налога на соль, что имъ начато серьезное изученіе фабричнаго законодательства на Западѣ и подготовка первыхъ нашихъ законовъ, клонящихся къ защитѣ женскаго и дѣтскаго труда, что фабричная инспекція, введенная въ министерство Бунге, въ значительной степени была вызвана къ жизни его литературной агитаціей и что наиболѣе яркія страницы изъ его собственной біографіи связаны съ образцовымъ выполненіемъ имъ обязанностей московскаго фабричнаго инспектора. Муромцевъ, по самому характеру своей спеціальности — римскому праву, — стоялъ, повидимому, нѣсколько дальше отъ вопросовъ русской дѣйствительности; но, принадлежа къ послѣдователямъ исторической школы правовѣдѣнія, являясь, въ частности, ученикомъ автора „Духа римскаго права", Іеринга, онъ рано проникся той мыслью, что ученый юристъ призванъ содѣйствовать развитію правосознанія въ обществѣ, что это правосознаніе должно вырости на почвѣ научнаго изученія какъ дѣйствующаго законодательства, такъ и народнаго обычая, что юридическія общества могутъ немало сдѣлать въ этихъ обоихъ направленіяхъ, особенно если при нихъ существуетъ постоянный органъ, научно освѣщающій текущіе вопросы юридическаго творчества въ его тѣсномъ общеніи съ жизнью. Муромцеву Москва обязана оживленіемъ упавшаго интереса и къ „Юридическому Вѣстнику", и къ тому обществу, котораго онъ былъ отраженіемъ. Общественныя науки, экономика и статистика, впервые введены были въ число тѣхъ, которыми стали интересоваться и которыя начали разрабатывать собранія ученыхъ теоретиковъ и судебныхъ практиковъ, происходившія обыкновенно разъ въ недѣлю въ университетѣ для чтенія сообщеній и совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, возбуждаемыхъ докладчиками. Занятіе экономическими науками въ скоромъ времени настолько разрослось, что, по иниціативѣ Чупрова, открыто было въ юридическомъ обществѣ особое отдѣленіе, посвященное изученію вопросовъ обществовѣдѣнія; наиболѣе выдающіеся доклады печатались затѣмъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" и немало содѣйствовали научной постановкѣ у насъ статистической работы. Что касается до Стороженко, то это былъ не только историкъ литературы,

но и историкъ культуры. Онъ понималъ то значеніе, какое имѣетъ при толкованіи памятниковъ письменности и художественнаго творчества освѣщеніе ихъ разностороннимъ изученіемъ той среды, въ которой они появились. Охватывая въ своихъ курсахъ цѣлые періоды міровой литературы, Стороженко вводилъ слушателей и въ эпоху итальянскаго ренессанса, и въ Елизаветинскую Англію, и въ вѣкъ короля-Солнца, съ характеризующей его псевдоклассической трагедіей и реалистическимъ изображеніемъ въ комедіяхъ Мольера жизни разнообразнѣйшихъ классовъ французскаго общества. Вѣкъ Мильтона и вѣкъ Вольтера одинаково хорошо были извѣстны человѣку, съумѣвшему въ то же время настолько спеціализироваться на изученіи прямыхъ предшественниковъ Шекспира, что когда англичанамъ понадобилось снабдить научнымъ комментаріемъ новое полное собраніе сочиненій драматурга Грина, они остановились на мысли о переводѣ диссертаціи русскаго профессора.

Поименованныя мною лица принадлежали къ числу самыхъ близкихъ моихъ пріятелей въ теченіе десятилѣтія, проведеннаго мною въ Москвѣ. Но списокъ ихъ надо восполнить еще однимъ ученымъ, спеціальность котораго, какъ можно было думать, удалитъ его отъ жизни, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она только позволяла ему изучать эту жизнь подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Я имѣю въ виду санскритолога Всеволода Ѳедоровича Миллера. Занятіе сравнительнымъ языкознаніемъ открыло для него возможность изученія и русскаго фольклора, и языковъ тѣхъ народностей нашего Кавказа, которыя, какъ напр. осетины, принадлежатъ къ одной съ иранцами и индусами семьѣ арійскихъ племенъ. Понимая весьма широко задачи ученаго филолога и тѣсную связь этихъ задачъ съ тѣми, какія ставитъ себѣ историкъ культуры, историкъ вѣрованій, нравственности и права, В. Ѳ. Миллеръ остановился на мысли о пользѣ изданія особаго органа научной критики, посвящающаго себя разбору столько же сочиненій по обществовѣдѣнію, сколько по исторіи или филологіи. Осуществленіемъ этой мысли явилось „Критическое Обозрѣніе“, полтора года выходившее подъ нашей общей редакціей и при сотрудничествѣ по преимуществу профессоровъ московскаго университета какъ по юридическому, такъ и по историко-филологическому факультету. Участіе въ немъ такихъ людей, какъ Буслаевъ, С. М. Соловьевъ, Троицкій, Коршъ, Карѣевъ, Лучицкій— причина тому, что „Критическое Обозрѣніе“ и по настоящій день не потеряло своей цѣны. Кто, напримѣръ, изъ лицъ, интересующихся исторіей русскаго искусства, не прочтетъ съ удоволь-

ствіемъ статьи Буслаева, посвященной научной критикѣ книги Віоле-Ледюкъ о русскомъ искусствѣ? В. Ѳ. Миллеру я обязанъ не только многими указаніями, позволившими мнѣ расширить кругъ моихъ чтеній по вопросамъ первобытной культуры и первобытнаго права, но и первымъ моимъ знакомствомъ съ бытомъ кавказскихъ горцевъ. Въ его обществѣ предприняты были мною поѣздки къ осетинамъ, кабардинцамъ и горскимъ татарамъ. Онѣ дали мнѣ возможность собрать тотъ этнографическій матеріалъ, на основаніи котораго написана моя книга „Современный обычай и древній законъ". Переведенная на французскій языкъ, она сочувственно была встрѣчена не только сравнительными историками права, но и эллинистами, посвящающими себя изученію семейныхъ и общественныхъ порядковъ Гомерической Греціи и ранняго быта Спарты и Аѳинъ; настолько сходны во многомъ эти два быта—древне-греческій и осетинскій.

Въ профессорахъ московскаго юридическаго факультета я встрѣтилъ полную готовность привлечь меня къ преподавательской дѣятельности. Предложеніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано было мнѣ проф. Мильгаузеномъ немедленно вслѣдъ за моимъ экзаменомъ. Въ 1877-мъ году я приступилъ къ чтенію курса по сравнительной исторіи права и посвятилъ его изученію съ моими слушателями исторіи развитія семьи и собственности. Одновременно я сдѣлался однимъ изъ трехъ редакторовъ „Юридическаго Вѣстника", сперва въ сообществѣ съ Лешковымъ, а затѣмъ съ С. А. Муромцевымъ. Къ послѣднему вскорѣ перешло дѣйствительное руководительство этимъ изданіемъ, что̀ и дало мнѣ возможность выйти изъ редакціи и посвятить себя всецѣло „Критическому Обозрѣнію".

Первые мѣсяцы, проведенные мною въ Москвѣ, совпали съ оживленною дѣятельностью славянофильскихъ кружковъ, вызванной поддержкою сербскихъ добровольцевъ, а затѣмъ войною съ Турціей, изъ-за освобожденія Болгаріи. Въ домѣ А. И. Кошелева мнѣ пришлось встрѣтиться и съ генераломъ Черняевымъ, и съ И. С. Аксаковымъ, и съ нѣкоторыми членами семьи Самарина. Юрія Ѳедоровича, къ сожалѣнію, уже не было въ живыхъ. Черкасскій уѣхалъ въ Болгарію и вскорѣ умеръ. Общественное настроеніе было приподнятымъ. Интересъ къ южнымъ славянамъ значительно возросъ послѣ того, какъ пришло извѣстіе о гибели одного изъ первыхъ добровольцевъ—Кирѣева, брата извѣстной О. А. Новиковой, съ которой познакомилъ меня еще въ Лондонѣ молодой русскій философъ В. С. Соловьевъ. Весьма популярная уже въ это время среди лондонскаго высшаго общества, считавшая

въ числѣ своихъ друзей и частыхъ посѣтителей и историка крымской кампаніи—Кинглека, и многихъ членовъ англійскаго духовенства, сочувственно относившихся къ сближенію съ православіемъ, Ольга Алексѣевна направила свою дальнѣйшую дѣятельность на ознакомленіе англичанъ съ дѣйствительнымъ характеромъ русскаго славянофильства. Она въ значительной мѣрѣ разсѣяла предубѣжденіе, будто подъ славянофильствомъ скрывается желаніе Россіи объединить подъ своей державой всѣ родственные ей по крови и языку народы. Такіе выдающіеся дѣятели, какъ Гладстонъ, перестали видѣть въ славянофильствѣ нѣчто тождественное съ панславизмомъ, а въ нашемъ вмѣшательствѣ въ распрю болгаръ съ Турціей — одно желаніе овладѣть Константинополемъ. Гладстонъ открыто выступилъ сторонникомъ поддержки англійской дипломатіей заступничества Россіи за угнетенныхъ братьевъ-славянъ. Онъ осудилъ въ печати жестокости, содѣянныя турками въ Болгаріи, и впервые для англичанина указалъ ошибочность той политики, которая добровольно закрывала глаза на фанатизмъ и насилія Высокой Порты. Съ цѣлью завоевать общественное мнѣніе въ пользу угнетенныхъ и уже поднявшихся славянъ Сербіи и Болгаріи устроенъ былъ въ Лондонѣ обширный митингъ, на которомъ мнѣ пришлось слышать и Гладстона, и историка Фримана, открыто осуждавшихъ поведеніе англійскаго кабинета и его главы, Дизраэли, за ихъ безнравственное равнодушіе къ турецкой расправѣ съ возставшими. Для участія въ этомъ митингѣ прибыли и делегаты отъ болгаръ, Цанковъ и Балабановъ. При незнакомствѣ ихъ съ англійскимъ языкомъ, они не прочь были пользоваться услугами тѣхъ изъ русскихъ, кто, подобно мнѣ, могли служить имъ переводчиками. Изъ бесѣдъ съ ними я впервые познакомился съ той обстановкой, въ какой совершились удачныя попытки балканскихъ славянъ освободить себя отъ турецкаго ига. Я въ состояніи былъ оцѣнить значительность тѣхъ услугъ, какія оказаны были этому дѣлу и дѣятельностью генерала Черняева, и агитаціей въ пользу сербовъ и болгаръ славянскаго благотворительнаго общества, одинаково въ Петербургѣ и Москвѣ. Поэтому, когда послѣдовала ссылка И. С. Аксакова въ деревню, я былъ изъ числа негодующихъ. Заставъ въ Москвѣ значительный подъемъ общественнаго настроенія, сказывавшійся и въ успѣшномъ сборѣ пожертвованій въ пользу добровольцевъ по церквамъ, и въ воинственномъ настроеніи съ трудомъ сдерживаемой цензурою печати, я впрочемъ не поддался общему теченію, хотя оно и связывало, искусственно, на мой взглядъ, съ славянскимъ освобожденіемъ на-

ступленіе конституціонной свободы и для нашего отечества. Дважды мнѣ пришлось даже вызвать недовольство славянофильскихъ круговъ: однажды—критикой, въ статьѣ, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы", изданныхъ кн. Черкаскимъ матеріаловъ для изученія Болгаріи, а другой разъ — разборомъ выработаннаго сенаторомъ Лукьяновымъ проекта болгарской конституціи. „Матеріалы для изученія Болгаріи" отразили на себѣ ложное пониманіе русскими устроителями болгарскихъ судебъ характера магометанскаго права. Составители „Матеріаловъ" воспроизводили старую небылицу о томъ, что Коранъ и Суны не допускаютъ существованія никакого вида частной собственности на землю и отдаютъ ее въ руки главы правовѣрныхъ—калифа или султана. Русскій проектъ болгарской конституціи въ свою очередь вызвалъ мое неодобреніе желаніемъ всячески ограничить и функціи представительнаго собранія, и участіе народа въ выборѣ депутатовъ; треть ихъ, согласно проекту, должна была назначаться княземъ. Я отмѣтилъ это сознательное искаженіе представительныхъ порядковъ, а болгарскіе политическіе дѣятели воспользовались моей критикой для того, чтобы при обсужденіи русскаго проекта выбросить изъ него отмѣченныя мною статьи.

Въ критикѣ работъ, изданныхъ подъ руководительствомъ князя Черкаскаго, московскіе славянофилы увидѣли походъ противъ одного изъ своихъ выдающихся вождей, чего, разумѣется, не было въ дѣйствительности; а за разборъ русскаго проекта болгарской конституціи редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей" Катковъ прочелъ мнѣ, не называя меня впрочемъ по имени, такую отповѣдь, которая сразу должна была вызвать внимательное отношеніе ко мнѣ „недреманнаго ока". Оно еще усилилось съ момента открытаго осужденія мною перваго, быть можетъ, выступленія черной сотни противъ учащейся молодежи, въ памятномъ избіеніи московскихъ студентовъ охотнорядцами. Съ этого времени я попалъ на дурной счетъ. Послѣдствія этого сказались, впрочемъ, не сразу, а нѣсколько времени спустя, когда ректоръ университета Тихонравовъ былъ вызванъ министромъ народнаго просвѣщенія, гр. Толстымъ, въ Петербургъ для дачи показаній о томъ, насколько вѣренъ полученный министерствомъ доносъ, будто преподаватель Ковалевскій на своихъ лекціяхъ заявлялъ о невозможности въ Россіи другого строя, кромѣ республиканскаго. Такъ какъ лекціи мои были посвящены сравнительной исторіи права, и притомъ въ ранніе періоды его развитія, то мнѣ не было и основаній высказывать моихъ взглядовъ по вопросу о томъ, какой государственный порядокъ всего болѣе при-

личествуетъ Россіи. Тихонравовъ поручился за меня, что ничего подобнаго мною сказано не было, и министерство оставило меня въ покоѣ.

Во все время моего пребыванія въ Москвѣ и ея университетѣ мы продолжали жить довольно тѣсной семьею. Общеніе съ профессорами разныхъ факультетовъ было несравненно болѣе дѣятельное, чѣмъ то, какое существуетъ въ Петербургѣ. Университетъ былъ центромъ всѣхъ интересовъ для каждаго изъ насъ, а для круговъ, стоящихъ внѣ его стѣнъ, тѣмъ очагомъ, изъ котораго шли руководящія теченія общественной мысли. Къ чести университета надо сказать, что эти теченія были освободительнаго характера. Большинство руководителей были проникнуты любовью къ знанію, къ свободѣ научной мысли и свободѣ общественной дѣятельности. Многіе съ бо́льшимъ или мѐньшимъ нетерпѣніемъ ожидали завершенія реформъ, начало которымъ положено было 19 февраля, и съ болѣзненнымъ чувствомъ относились ко всякому новому проявленію реакціи, постепенно охватившей правительственные круги со времени польскаго возстанія. Было и ближайшее основаніе къ недовольству. Предвидѣли, что въ скоромъ будущемъ положенъ будетъ конецъ автономному строю нашихъ университетовъ и что многимъ изъ насъ придется разстаться съ своей преподавательской дѣятельностью.

Незадолго до моего вступленія въ число лекторовъ коммиссія, получившая отъ министра народнаго просвѣщенія полномочіе разъѣзжать по университетамъ и собирать въ нихъ свѣдѣнія о постановкѣ преподаванія, съ цѣлью подготовить матеріалъ для составителей новаго университетскаго устава, посѣтила и Москву. До свѣдѣнія членовъ совѣта дошло, что одинъ изъ нашихъ профессоровъ, физикъ Любимовъ, одновременно редакторъ „Русскаго Вѣстника“ и прислужникъ Каткова, позволилъ себѣ дать университетскимъ порядкамъ не отвѣчавшую дѣйствительности и крайне рѣзкую оцѣнку. Въ недавно напечатанныхъ воспоминаніяхъ Г. Н. Вырубова, профессора Collège de France по исторіи наукъ, дана характеристика этого господина и какъ псевдо-ученаго, и какъ сомнительнаго общественнаго дѣятеля. Какъ псевдо-историка знаютъ его тѣ, въ настоящее время уже немногіе читатели, которые заглядывали въ его запоздалый памфлетъ противъ французской революціи. Помню, что я и тогда удивлялся, да и теперь не могу понять, почему доносы этого сотрудника Каткова могли вызвать въ членахъ совѣта раздраженіе, достаточно сильное, чтобы побудить значитель-

ное большинство профессоровъ къ посылкѣ ему коллективнаго письма, извѣщавшаго о рѣшеніи порвать съ нимъ всякій товарищескій обмѣнъ. Вѣдь не вызываетъ же нынѣ однохарактерное поведеніе г. Пуришкевича или г. Маркова II-го въ комъ бы то ни было изъ лицъ ими оклеветанныхъ, или единомышленниковъ этихъ лицъ, желанія вступить съ ними въ какой бы то ни было обмѣнъ мыслей, даже тотъ, какой предполагаетъ заявленіе о разрывѣ дальнѣйшихъ сношеній. Въ письмѣ, полученномъ г. Любимовымъ, значилось, что отнынѣ съ нимъ порваны всякія связи и прекращается даже простое знакомство. Г. Любимовъ пожелалъ сдѣлать видъ, что считаетъ такое заявленіе несерьезнымъ. При встрѣчѣ въ профессорской съ С. А. Муромцевымъ, бывшимъ въ то время только преподавателемъ университета, Любимовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, протянулъ ему руку, хотя Муромцевъ и былъ однимъ изъ лицъ, подписавшихъ коллективное посланіе. Незначительное положеніе, занимаемое пока въ университетской корпораціи молодымъ ученымъ, отчасти объясняетъ разсчетъ Любимова, что протянутая рука не останется въ воздухѣ. Но Муромцевъ поспѣшилъ разувѣрить его на этотъ счетъ. Послѣдствіемъ былъ новый доносъ Любимова, на этотъ разъ— уже высшему начальству, а послѣднее, въ лицѣ министра просвѣщенія графа Толстого, воспользовалось представившимся случаемъ, чтобы возложить отвѣтственность за все происшедшее на тогдашняго ректора университета, знаменитаго русскаго историка С. М. Соловьева. Сопровождаемый всеобщимъ уваженіемъ и глубокимъ сочувствіемъ всей университетской корпораціи, Соловьевъ покинулъ ректорство, а вслѣдъ затѣмъ и профессуру. Но, желая показать, что имъ сохранены самыя лучшія отношенія съ университетомъ, онъ, по просьбѣ товарищей, продолжалъ читать лекціи на правахъ преподавателя, по единогласному выбору факультета. Соловьевъ казался опаснымъ министру Толстому, какъ человѣкъ лично извѣстный Александру II-му и имѣвшій поэтому возможность въ рѣшительную минуту поддержать своимъ вѣскимъ словомъ университетскую автономію и дарованный самимъ императоромъ уставъ 1863-го года. Что касается до Любимова, то онъ понялъ преподанный ему урокъ и ни разу за все мое пребываніе въ университетѣ не попадался болѣе никому изъ насъ на глаза, ни въ профессорской, ни въ университетскомъ совѣтѣ. Стойкость, обнаруженная Муромцевымъ, привлекла къ нему симпатіи и сдѣлала его популярнымъ. Наоборотъ, рѣзкое выступленіе сына С. М. Соловьева, извѣстнаго впослѣдствіи философа, въ пользу Любимова, вызванное на дѣлѣ желаніемъ от-

стоять свободу каждаго высказывать свои убѣжденія, каковы бы они ни были, получило настолько невыгодную интерпретацію, что отповѣдь, данная ему на одномъ изъ вечеровъ у В. И. Герье самимъ же хозяиномъ, встрѣчена была сочувственно. Владиміру Сергѣевичу поставлена была на видъ неблаговидность его поведенія по отношенію не только къ товарищамъ по корпораціи, но и по отношенію къ отцу, котораго тотъ же Любимовъ гналъ со службы своими доносами. Поддержанный ранѣе на университетскихъ выборахъ тѣмъ же Герье, который теперь такъ рѣзко осуждалъ его поступокъ, Владиміръ Сергѣевичъ впервые почувствовалъ желаніе разорвать связь съ нашей коллегіей и преподаваніемъ въ ней. Крайне самолюбивый, онъ не вынесъ рѣзко измѣнившихся къ нему отношеній и профессоровъ, и студентовъ—и вышелъ изъ состава доцентовъ московскаго университета.

Недолго сохранили мы въ своей средѣ и С. М. Соловьева. Пережитыя имъ непріятности ускорили его конецъ. На похоронахъ сказалось сердечное къ нему отношеніе и его товарищей, и университетской молодежи. Гробъ его несли до могилы, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, профессора, преподаватели и студенты. Когда я вспоминаю въ настоящую минуту мое кратковременное съ нимъ знакомство, передо мною рисуется образъ человѣка съ очень опредѣленными убѣжденіями, очень стойкаго въ ихъ проведеніи въ жизнь. Сергѣй Михайлычъ нерѣдко въ рѣзкой формѣ высказывалъ свою мысль, не боясь задѣть самолюбіе и старыхъ своихъ пріятелей, въ родѣ Чичерина, и новыхъ посѣтителей своихъ пятницъ. Я помню, какъ однажды въ моемъ присутствіи онъ напалъ на своего же кандидата на оставленную имъ каѳедру—на В. О. Ключевскаго. Обсуждался отказъ Макъ-Магона отъ президентства, Ключевскій высказалъ догадку, что Макъ-Магонъ оставилъ свой постъ не по собственному желанію, а уступая требованію общественнаго мнѣнія. Сергѣй Михайлычъ призналъ такой отзывъ неуважительнымъ и напалъ на своего собесѣдника, совершенно произвольно предполагая въ немъ радикала, нетерпимо относящагося къ поведенію самыхъ честныхъ и великодушныхъ консерваторовъ. Другой разъ досталось Забѣлину, какъ дерзнувшему писать исторію русскаго народа при одинаковомъ незнаніи какъ древнихъ, такъ и новыхъ языковъ. И я однажды выслушалъ отповѣдь за то, что не прочелъ 18-ти томовъ Віель-Кастеля, историка первой реставраціи во Франціи. „Хорошо, молъ, научное безпристрастіе молодыхъ ученыхъ, которые даже не хотятъ знакомиться съ капитальнѣй-

шими сочиненіями только потому, что они написаны консерваторами". Это не помѣшало тому же Соловьеву согласиться на сотрудничество въ „Критическомъ Обозрѣніи" и дать намъ статью для перваго номера. Когда въ томъ же журналѣ возникла полемика между мною и Чичеринымъ изъ-за оцѣнки историческихъ судебъ сельской общины и извѣстный русскій ученый отнесся ко мнѣ съ олимпійскимъ величіемъ, Сергѣй Михайлычъ не одобрилъ поведенія своего бывшаго товарища и счелъ возможнымъ довести до моего свѣдѣнія, что онъ нимало не поддерживаетъ Чичеринской аргументаціи. Мнѣ не пришлось слышать Соловьева, какъ профессора. Многіе жаловались, что съ годами онъ становился все болѣе и болѣе схематичнымъ. Явилось предположеніе, что онъ не готовится къ лекціямъ. Жаловались на то, что изложеніе имъ предмета становилось все болѣе и болѣе сухимъ и скучнымъ.

Появленіе на каѳедрѣ Ключевскаго, съ его яркой и образной рѣчью, съ его мѣткими характеристиками и рѣдкимъ умѣньемъ подбирать эпитеты, встрѣчено было, поэтому, молодежью съ большимъ энтузіазмомъ. Рѣдкій профессоръ съумѣлъ сразу завоевать себѣ больше вниманія, чѣмъ мало извѣстный еще въ то время московскій исторіографъ. Все ранѣе писанное Ключевскимъ носило слишкомъ спеціальный характеръ, чтобы обратить на него вниманіе широкихъ круговъ. Его магистерская диссертація о житіяхъ святыхъ, какъ источникѣ русской исторіи, и болѣе ранній трактатъ, написанный для полученія золотой медали и озаглавленный: „Сказанія иностранцевъ о Россіи", создали ему репутацію строгаго изслѣдователя. Но лекціи въ Троицко-Сергіевской Духовной Академіи и статьи, напечатанныя имъ, часто безъ подписи, въ „Критическомъ Обозрѣніи", не замедлили установить на его счетъ представленіе, какъ о блестящемъ преподавателѣ и бойкомъ публицистѣ. Въ числѣ неподписанныхъ имъ статей одна была посвящена разбору сочиненій Юрія Самарина, настолько опредѣленному и рѣзкому, что многіе, разгадавшіе, кто дѣйствительный его авторъ, составили о Ключеcкомъ представленіе, какъ о несомнѣнномъ западникѣ и вѣроятномъ радикалѣ. Василій Осиповичъ дружилъ въ это время съ молодымъ и талантливымъ историкомъ литературы Шаховымъ. Послѣдняго шутя называли Сенъ-Жюстомъ, а многіе прибавляли къ этому, что при немъ Ключевскій играетъ роль Робеспьера. Этой репутаціи Василій Осиповичъ своей дальнѣйшей карьерой нимало не оправдалъ.

Благодаря изданію „Критическаго Обозрѣнія", столько же

разсчитаннаго на удовлетвореніе научныхъ запросовъ членовъ историко-филологическаго факультета, какъ и юристовъ, мнѣ приходилось не разъ вступать въ довольно тѣсный умственный обмѣнъ со всеобщими историками и историками литературы. Съ однимъ изъ первыхъ, В. И. Герье, возникли у меня болѣе или менѣе натянутыя отношенія въ виду моего продерзостнаго отношенія къ его совмѣстной работѣ съ Чичеринымъ. Герье несомнѣнно принадлежитъ къ числу разносторонне образованныхъ русскихъ изслѣдователей. Съ прекрасной классической подготовкой и хорошимъ знаніемъ новыхъ языковъ онъ соединяетъ обладаніе строгимъ критическимъ методомъ, пріобрѣтеннымъ имъ продолжительной работой надъ источниками, подъ руководствомъ нѣмецкихъ профессоровъ. Къ этимъ качествамъ онъ, къ сожалѣнію, не присоединяетъ ни научной терпимости, ни широты взглядовъ въ сферѣ общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Ему необходимо ходить въ шорахъ буржуазнаго либерализма, того узкаго западничества, которое заставляетъ отрицательно относиться къ русскимъ общественнымъ устоямъ, частью потому, что ихъ нѣтъ болѣе въ Германіи, частью же потому, что они не отвѣчаютъ буржуазному доктринерству. Къ Герье вполнѣ примѣнимо извѣстное возраженіе Лебрена: „libéral—c'est le diminutif de libre“ (либералъ—это уменьшительное отъ свободный). Когда князь Васильчиковъ издалъ свою извѣстную книгу „о землевладѣніи и земледѣліи“, въ которой отстаивалъ между прочимъ общинные порядки и мірскіе передѣлы, Герье обрушился на него, въ сообществѣ Чичерина въ книгѣ, совмѣстно ими написанной, одно заглавіе которой было уже обидой для критикуемаго автора: „Диллетантизмъ и общинное землевладѣніе“. Въ этой брошюрѣ съ олимпійскимъ величіемъ проводится невѣрный взглядъ, будто Западной Европѣ общинное землевладѣніе никогда не было извѣстно. Я счелъ своимъ долгомъ указать, опираясь на только-что переведенную книгу Нассе, что въ самой Англіи въ теченіе вѣковъ крестьянство пользовалось землею въ помѣстьяхъ на началахъ надѣльной системы, предполагающей равенство долей въ пахатной землѣ и совмѣстную эксплуатацію сѣнокосовъ и выгоновъ. Моя небольшая замѣтка вызвала цѣлую полемику на страницахъ мной же издаваемаго журнала. Ея было достаточно для прекращенія, если не личнаго знакомства, то всякаго болѣе тѣснаго общенія съ крайне самолюбивымъ и мнительнымъ историкомъ. Мое выступленіе на диспутѣ Карѣева по исторіи французскихъ крестьянъ, съ цѣлью поддержать диспутанта, не содѣй-

ствовало умиротворенію Герье, и рознь между нами отъ этого только усилилась.

Въ числѣ учениковъ Владиміра Ивановича, обязанныхъ ему и своей подготовкой, и самымъ началомъ своей карьеры, былъ и извѣстный нынѣ столько же на Западѣ, сколько и у насъ П. Г. Виноградовъ. Еще студентомъ онъ обратилъ на себя вниманіе хорошимъ переводомъ „Исторіи французской гражданственности" Гизо, предпринятымъ по совѣту и при ближайшемъ участіи Герье. Послѣ успѣшнаго окончанія университетскаго курса Виноградовъ оставленъ былъ при университетѣ тѣмъ же Герье и вскорѣ заявилъ о себѣ удачнымъ выступленіемъ на моемъ диспутѣ. Его отъѣздъ за границу для подготовленія диссертаціи— причина тому, что болѣе тѣсное сближеніе послѣдовало между нами не сразу, а только съ тѣхъ поръ, когда тому же Виноградову, быть можетъ—подъ вліяніемъ моей книги „Объ общественномъ строѣ Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ", пришло на умъ заняться раннимъ средневѣковьемъ въ той же Англіи и въ частности исторіей ея крѣпостного права. Эти работы вылились сперва въ форму диссертаціи; на ея защитѣ я выступилъ вторымъ оппонентомъ; мнѣ же суждено было быть первымъ по времени критикомъ этой выдающейся работы въ англійскомъ юридическомъ журналѣ, издаваемомъ извѣстнымъ Фредерикомъ Поллокомъ. Изъ моей статьи англичане впервые познакомились съ работой Виноградова и настолько заинтересовались ею, что предложили автору напечатать въ изданіяхъ „Кларендонской Прессы" въ Оксфордѣ ту часть его монографіи, которая посвящена изображенію крѣпостного строя въ Англіи въ XIII вѣкѣ. Для англійской публики Виноградовъ значительно переработалъ свою книгу на основаніи новаго рукописнаго матеріала, добытаго имъ въ центральномъ государственномъ архивѣ и въ библіотекахъ Оксфорда и Лондона. Его сочиненіе много выиграло отъ случайной находки записной книги англійскаго юриста XIII вѣка, Брактона. Рѣшеніе вопроса о томъ, кому принадлежитъ найденная въ библіотекѣ Британскаго музея рукопись, потребовало отъ молодого русскаго ученаго успѣшнаго приложенія тѣхъ пріемовъ критики историческихъ источниковъ, которымъ обучилъ его еще въ московскомъ университетѣ В. И. Герье. Результаты случайной находки, сдѣланной Виноградовымъ, были, можетъ быть, еще значительнѣе, чѣмъ тѣ, какими сопровождался выходъ его книги о крѣпостномъ правѣ. Молодой, выдающійся англійскій юристъ Метландъ, въ сообществѣ съ Поллокомъ и пользуясь тѣми матеріалами, на основаніи которыхъ написана была Брактономъ

его книга, издалъ двухтомный трактатъ по исторіи англійскаго права съ древнѣйшихъ временъ до конца XIII столѣтія. Такимъ образомъ можно сказать, что Виноградовъ до нѣкоторой степени проложилъ путь къ научной разработкѣ англійскаго common law, т.-е. общаго или земскаго права Англіи. Недаромъ же Метландъ шутя называлъ его если не отцомъ, то дѣдомъ долгое время заброшенныхъ въ Англіи „юридическихъ древностей".

Мнѣ трудно высказать общее сужденіе о научномъ уровнѣ преподавательскаго персонала въ московскомъ университетѣ въ десятилѣтіе, проведенное мною въ Первопрестольной; но достаточно назвать нѣкоторыя имена, чтобы вызвать въ памяти образъ людей, оставившихъ глубокій слѣдъ въ русской наукѣ и просвѣщеніи. На одномъ филологическомъ факультетѣ дѣйствовали въ это время такіе знатоки своего предмета, какъ Буслаевъ, Тихонравовъ, Соловьевъ, Ключевскій, Фортунатовъ, Миллеръ, Коршъ, Алексѣй Веселовскій, Цвѣтаевъ и многіе другіе, на правахъ частью профессоровъ, частью доцентовъ и преподавателей. Я, конечно, стоялъ всего ближе къ молодымъ историкамъ. Изъ нихъ я подружился съ Алексѣемъ Веселовскимъ, нашимъ несомнѣнно лучшимъ знатокомъ судебъ французскаго театра и въ частности Мольера. Веселовскій принадлежитъ къ числу отличнѣйшихъ лекторовъ, слышанныхъ мною въ Россіи. Братъ знаменитаго ученаго, онъ, можетъ быть, уступаетъ ему въ знакомствѣ съ романской и древнегерманской филологіей, а равно и въ знаніи европейскаго и русскаго фольклора, но, по своей начитанности и разнообразію затронутыхъ имъ темъ, онъ можетъ выдержать всякое сравненіе. Начавъ съ военной службы, онъ увлекался затѣмъ одно время пѣніемъ и готовился къ сценѣ. Плодомъ этого было обстоятельное знакомство съ русской и вообще славянской музыкой, позволившее ему напечатать рядъ статей, доселѣ не потерявшихъ значенія. Прекрасное знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ, при непрекращающемся интересѣ къ судьбамъ драматическаго искусства,—причина тому, что второй его работой было изученіе воздѣйствія, оказаннаго средневѣковыми нѣмецкими мистеріями на древній русскій театръ. Отъ нѣмцевъ Веселовскій перешелъ къ французамъ и написалъ двѣ образцовыя монографіи, одну — о „Тартюфѣ", другую—о „Мизантропѣ". Онъ продолжилъ свое изученіе французской комедіи, между прочимъ—интересной статьей о Бомаршэ. Параллельно этимъ работамъ шли другія: о Дидро и рядѣ французскихъ и нѣмецкихъ писателей XVIII и XIX столѣтій. Одна изъ послѣднихъ по времени монографій, написанныхъ Алексѣемъ Николаевичемъ, посвящена Байрону. Методъ

Веселовскаго приближаетъ его къ Ипполиту Тэну. Онъ изучаетъ вмѣстѣ съ писателемъ и его эпоху, ищетъ въ окружающей его средѣ многообразныя вліянія, опредѣлившія его дѣятельность, а въ твореніяхъ, оставленныхъ авторомъ,—отраженіе его времени. Но этимъ Веселовскій еще не заканчиваетъ своей работы. Онъ слѣдитъ за историческимъ развитіемъ выведенныхъ писателемъ типовъ, будутъ ли ими Тартюфъ, Донъ-Жуанъ, Фаустъ или разнообразные герои Байрона. При этомъ ему часто приходится слѣдить за воздѣйствіемъ, оказаннымъ литературами разныхъ странъ и народовъ. Удачно испробовавъ сначала на отдѣльныхъ примѣрахъ тотъ методъ изученія странствующихъ сказаній, которымъ такъ умѣло орудовалъ его братъ, Веселовскій по отношенію ко всей русской литературѣ задался затѣмъ вопросомъ о „западномъ вліяніи". Каждое новое изданіе его книги является переработкой, а не однимъ только восполненіемъ первоначальнаго текста.

По тому же пути изученія иностранныхъ воздѣйствій на нашу древнюю письменность въ такой же мѣрѣ, какъ и на народный эпосъ, пошелъ В. Ѳ. Миллеръ —и въ своей попыткѣ показать, въ какой мѣрѣ „Слово о полку Игоревѣ" написано было подъ вліяніемъ византійской повѣсти о дѣяніяхъ Александра Македонскаго, въ той переработкѣ, какую она получила въ южнославянскихъ передачахъ, и въ томъ рядѣ изслѣдованій о былинахъ и богатыряхъ, которыя, будучи ранѣе напечатаны въ общедоступныхъ журналахъ, въ томъ числѣ въ „Вѣстникѣ Европы", и въ болѣе спеціальныхъ изданіяхъ, вышли затѣмъ толстыми томами. Въ своей молодости, быть-можетъ подъ вліяніемъ Буслаева, Миллеръ ломалъ копья со Стасовымъ, отрицая восточное вліяніе на русскій народный эпосъ. Но болѣе близкое знакомство съ странствующими сказаніями и изученіе восточныхъ сюжетовъ эпической поэзіи — частью въ литературныхъ памятникахъ Индіи и Ирана, частью въ записанныхъ имъ впервые кавказскихъ былинахъ—раскрыли ему глаза на плодотворность того пріема, на который указано было Стасовымъ. Наши былины послѣ его работъ оказались столько же продуктами самостоятельнаго народнаго творчества, сколько оригинальной разработкой перешедшихъ къ намъ съ Востока сказаній и литературныхъ сюжетовъ отдаленнаго средневѣковья.

Довольно тѣсное общеніе, возникшее между мною и московскими историками всеобщей литературы—причина тому, что я чаще проводилъ время въ ихъ обществѣ, нежели въ средѣ моихъ ближайшихъ товарищей по факультету. Примѣненіе сравнитель-

наго метода во всѣхъ историческихъ дисциплинахъ особенно интересовало меня въ это время, и я немало вынесъ поучительнаго для себя въ этомъ отношеніи изъ чтенія тѣхъ сочиненій по сравнительному фольклору, сравнительной исторіи религій и исторіи странствующихъ сказаній, на которыя указывали мнѣ одинаково и Миллеръ, и Веселовскій, и Стороженко.

Догматическая юриспруденція никогда не пользовалась моими симпатіями. И то же еще въ большей степени я могу сказать о той нравственно-правовой метафизикѣ, которая, подъ именемъ философіи и энциклопедіи юридическихъ и государственныхъ знаній, или общей части государственнаго и уголовнаго права, преподавалась и преподается въ русскихъ университетахъ по образцу германскихъ. Меня несравненно болѣе привлекали къ себѣ экономика и обществовѣдѣніе, и я съ глубокимъ сочувствіемъ слѣдилъ за преподавательской дѣятельностью и за научными и публицистическими работами моихъ ближайшихъ пріятелей, Янжула и Чупрова. Когда, за смертью Лешкова, осталась свободной каѳедра такъ называемаго полицейскаго права или благоустройства, ее временно занялъ Янжулъ. Это позволило ему сосредоточить свои работы на соціальной экономіи и изученіи, въ частности, рабочаго вопроса и фабричнаго законодательства въ разныхъ странахъ Европы. Практическая дѣятельность вскорѣ пошла у него рядомъ съ теоретической и въ самой тѣсной отъ нея зависимости. Когда министромъ Бунге создана была фабричная инспекція, Ив. Ив. согласился занять постъ старшаго инспектора въ Московскомъ районѣ. Изученіе на дѣлѣ, путемъ разъѣздовъ по фабрикамъ, условій нашей промышленности и матеріальнаго положенія рабочихъ вскорѣ восполнено было исполненіемъ имъ правительственнаго порученія. Онъ согласился предпринять цѣлую анкету въ Царствѣ Польскомъ по тѣмъ же вопросамъ, какіе изучены были имъ въ Московскомъ районѣ и освѣщены въ двухъ печатныхъ отчетахъ по фабричной инспекціи. Много лѣтъ спустя, когда, уступая настояніямъ устроителей Школы Общественныхъ наукъ въ Парижѣ, я согласился въ рядѣ лекцій нарисовать французамъ картину хозяйственнаго быта Россіи, работа и доклады Янжула послужили мнѣ главнѣйшимъ матеріаломъ для короткаго очерка положенія нашей промышленности въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Строгимъ соблюденіемъ новаго закона, ограждающаго интересы рабочихъ, Янжулъ не замедлилъ снискать себѣ недовольство фабрикантовъ. Оно сказалось въ готовности снабдить капиталомъ извѣстнаго нынѣ, но тогда только что начинавшаго свою публицистическую карьеру

Шарапова. На эти деньги послѣднимъ предпринято было изданіе, посвященное якобы интересамъ нашей промышленности и торговли, но преслѣдовавшее въ то же время болѣе узкую и легче достижимую цѣль—похода противъ старшаго фабричнаго инспектора въ Москвѣ. Авторы статей, направленныхъ противъ Янжула, не отступили передъ обвиненіемъ его въ колебаніи религіозныхъ основъ народной жизни. Поводъ къ этому дало то обстоятельство, что помощникъ Янжула по фабричной инспекціи, при составленіи списка товаровъ, какіе фабриканты могли держать въ своихъ экономатахъ или лавкахъ для рабочихъ, забылъ упомянуть о тарани. Въ этомъ усмотрѣно было сознательное желаніе отучить нашъ трудящійся людъ отъ соблюденія постовъ. Подобнаго рода обвиненіями, въ связи съ тайными доносами, подготовленъ былъ фактически вынужденный, но формально добровольный выходъ Янжула изъ числа фабричныхъ инспекторовъ. Скрѣпя сердце, Бунге уступилъ вліянію руководящихъ круговъ и далъ понять моему товарищу, что дальнѣйшее пребываніе его во главѣ московской инспекціи становится затруднительнымъ.

Изданіе, во главѣ котораго стоялъ г. Шараповъ, предпринявъ походъ противъ Янжула, не обошло своимъ вниманіемъ и его ближайшихъ пріятелей—меня въ томъ числѣ. За отъѣздомъ профессора Алексѣева, мнѣ поручено было временно чтеніе лекцій по общему государственному праву и исторіи политическихъ ученій. Говоря о теоріяхъ французскаго абсолютизма, я остановился между прочимъ на тѣхъ, съ которыми связано имя современника Людовика XIII—Бальзака. Этотъ писатель доводилъ свое рвеніе до того, что объявлялъ лучшими патріотами „доносщиковъ, позволяющихъ правительству своевременно успокоить своихъ скрытыхъ противниковъ помѣщеніемъ ихъ въ тюрьмы". Въ журнальчикѣ г. Шарапова все сказанное мною о французскомъ абсолютизмѣ XVII-го вѣка отнесено было къ русскому самодержавію и самая статья озаглавлена: „Самодержавіе по ученому". Послѣдствіемъ появленія этой статьи было приглашеніе меня министромъ народнаго просвѣщенія Деляновымъ къ дачѣ объясненій по начальству и представленію текста моихъ лекцій. Такого не оказалось. Университетская инспекція добровольно пришла на помощь начальству, и главный инспекторъ вырвалъ изъ рукъ у одного изъ студентовъ—нынѣ профессора С.-Петербургскаго Политехникума, Дэна—тетрадь съ записью моихъ лекцій. Но и въ ней, къ сожалѣнію для развѣдчиковъ, ничего предосудительнаго не оказалось. Пришлось искать новыхъ мотивовъ къ

удаленію меня съ занятой мною каѳедры. Инспекторъ Брызгаловъ и на этотъ разъ выступилъ въ роли добровольнаго сыщика. Болѣе года длилась эта, по выраженію тогдашняго московскаго попечителя Капниста, „гнусная травля". Она нѣсколько разъ прерываема была предложеніемъ мнѣ временно уѣхать въ заграничную командировку—предложеніемъ, отъ котораго я отказывался въ виду того, что само начальство не считало возможнымъ категорически отвѣтить на мой вопросъ, буду ли я отставленъ во время моей командировки или нѣтъ. На предложеніе подать въ отставку послѣдовалъ съ моей стороны самый категорическій отказъ. Мѣсяцъ спустя мнѣ было сообщено, что всякіе поводы къ недовольству мною исчезли. Это было весною, а къ осени пришелъ увольняющій меня отъ службы приказъ министра, въ которомъ значилось между прочимъ, что я не лишаюсь возможности продолжать мое служеніе отечеству въ другихъ вѣдомствахъ и получить по истеченіи положеннаго закономъ срока внѣшній знакъ безпорочной службы.

Но, говоря обо всемъ этомъ, я забѣгаю впередъ и только указываю на тотъ крайній пунктъ, до котораго будетъ доведенъ мой дальнѣйшій разсказъ о годахъ, проведенныхъ мною въ Москвѣ. Моя отставка послѣдовала осенью 1887-го года. Преподавательская же моя дѣятельность потекла правильно только съ 1877-го года. Если выключить два года моей командировки за границу, 1881-й и 1882-й, и многіе мѣсяцы, проведенные мною на Кавказѣ или въ заграничныхъ отпускахъ, то я въ общемъ провелъ въ Москвѣ значительно менѣе восьми лѣтъ. Но я долгое время не прерывалъ моихъ связей съ нею и во время пребыванія за границей, гдѣ сперва въ Стокгольмѣ, а затѣмъ въ Брюсселѣ, Оксфордѣ, Парижѣ и американскихъ университетахъ, возобновляема была мною не разъ преподавательская дѣятельность. Когда открылась для меня снова возможность занять профессуру въ Россіи, московскій университетъ первый открылъ мнѣ свои двери, и если я нынѣ профессорствую въ Петербургѣ, то по личному выбору и изъ желанія соединить съ моими научными работами и преподаваніемъ дѣятельное представительство университетовъ и Академіи въ Верхней Палатѣ нашего парламента.

II.

Я коснулся пока въ моихъ воспоминаніяхъ одного только университета; но въ тѣсной связи съ нимъ стояла и стоитъ въ

Москвѣ литературная, журнальная и газетная работа, въ значительной мѣрѣ питаемая дѣятельностью тѣхъ различныхъ ученыхъ и полу-ученыхъ обществъ, которыя образовались при университетѣ и собранія которыхъ обыкновенно созываются въ его стѣнахъ. Въ ряду этихъ обществъ археологическое, этнографическое, юридическое и психологическое считали меня въ числѣ своихъ членовъ, наравнѣ съ наиболѣе старымъ изъ всѣхъ московскихъ просвѣтительныхъ обществъ—обществомъ любителей россійской словесности. Изъ журнальныхъ и газетныхъ редакцій я стоялъ всего ближе къ „Русскимъ Вѣдомостямъ", а затѣмъ къ „Русской Мысли", одно время редактируемой очень дружелюбно относившимся ко мнѣ эпигономъ стараго славянофильства, С. А. Юрьевымъ. При посѣщеніи обществъ и редакцій меня всегда поражало въ Москвѣ присутствіе однихъ и тѣхъ же лицъ. Въ понедѣльникъ они были археологами, во вторникъ или среду—этнографами или юристами, и недѣля не кончалась безъ новой встрѣчи съ ними въ психологическомъ обществѣ или обществѣ любителей россійской словесности. Объясняется это, разумѣется, прежде всего тѣмъ, что культурный классъ не представляетъ у насъ большой толщи, а во-вторыхъ тѣмъ, что спеціализаціи занятій, на которую жалуются въ Европѣ, у насъ не существуетъ. Мѣсто ея занимаетъ уравновѣшенное и, въ общемъ, хладнокровное отношеніе къ успѣхамъ знаній въ разныхъ областяхъ, начиная отъ результатовъ раскопокъ и изслѣдованій о каменномъ вѣкѣ и оканчивая новѣйшими гипотезами психологовъ, философовъ и соціологовъ.

Общество любителей русской словесности принадлежитъ несомнѣнно къ числу самыхъ лѣнивыхъ обществъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло. На похоронахъ Тургенева, на которыя я былъ командированъ этимъ обществомъ вмѣстѣ съ Веселовскимъ для возложенія вѣнка, одинъ петербургскій литераторъ не безъ ироніи замѣтилъ: „разъ есть вѣнокъ отъ общества, значитъ—оно существуетъ". Помимо годичныхъ собраній для выслушанія отчета не столько о дѣятельности общества, сколько о его летаргическомъ снѣ, изрѣдка созывались собранія для чествованія тѣхъ или другихъ выдающихся писателей земли Русской. Писемскій читалъ, при заслуженномъ равнодушіи присутствующихъ, отрывки изъ своихъ „Масоновъ" или своихъ „Мѣщанъ"; Тургеневу устраивались оваціи по случаю прибытія его на Пушкинскія празднества. Тѣ же литературныя торжества вызывали произнесеніе прекрасныхъ рѣчей Веселовскимъ, Стороженко или самимъ предсѣдателемъ общества Юрьевымъ, и

поражающихъ неожиданностью своихъ сопоставленій историческихъ сообщеній Ключевскаго „объ Ордынѣ Нащокинѣ и Евгеніи Онѣгинѣ“, „о добрыхъ людяхъ старой Руси“ и оффиціальныхъ благотворителяхъ новой. Тургеневъ однажды вѣрно охарактеризовалъ эти сообщенія, говоря, что къ ихъ автору подходитъ тотъ эпитетъ esprit spécieux, который прилагаютъ къ сотрудникамъ извѣстнаго французскаго журнала „Revue des deux Mondes“. Терминъ spécieux непереводимъ на русскій языкъ; ближе всего отвѣчаетъ ему понятіе не столько остроумнаго, сколько остроумничающаго писателя.

Большой жизненностью не отличалось только-что возникавшее въ мое время психологическое общество. Оно затѣяно было Троицкимъ, первыя работы котораго вызывали надежду, что въ московскомъ университетѣ, на смѣну старымъ метафизикамъ съ религіозной окраской, выступитъ ревнитель англійской психологіи и философіи наукъ. Первая надежда отчасти только оправдалась, и Троицкимъ выпущена была книга подъ заглавіемъ: „Наука о духѣ“. Но къ французскому позитивизму авторъ ея повернулся спиной и обнаружилъ совершенное незнакомство съ его основателемъ, назвавъ Огюста Конта французскимъ матеріалистомъ. Тѣмъ, кому, подобно мнѣ или профессору Тимирязеву, еще за границей, въ годы ученичества, пришлось заинтересоваться направленіемъ, даннымъ философской мысли Контомъ, Литтрэ, Миллемъ, Бэномъ, Спенсеромъ и Джорджемъ Льюисомъ, показалось весьма желательнымъ возникновеніе общества, готоваго посвятить себя научному изученію психологіи и сосѣднихъ съ нею философскихъ дисциплинъ. Мы выступили, поэтому, въ числѣ членовъ учредителей, но ожиданія наши далеко не оправдались. Метафизическое направленіе въ скоромъ времени получило въ основанномъ нами обществѣ рѣшительный перевѣсъ, и мы постепенно стали все рѣже и рѣже посѣщать его засѣданія. Исключеніе дѣлаемо было нами въ такихъ чрезвычайныхъ случаяхъ, какой представило, напримѣръ, чтеніе Л. Н. Толстымъ его первыхъ по времени соображеній о цѣли жизни. Среди многочисленной толпы профессоровъ и учащихся, едва нашедшей себѣ мѣсто въ обширномъ кругломъ залѣ совѣтскихъ засѣданій, Левъ Николаевичъ въ теченіе часа старался убѣдить насъ, что цѣль жизни—подготовленіе къ смерти. Съ этимъ основнымъ положеніемъ позволили себѣ не согласиться наиболѣе дерзновенные изъ нашихъ метафизиковъ, раздѣлявшихъ со служеніемъ идеологіи и болѣе практическія занятія въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ Каткова и въ московскомъ цензурномъ комитетѣ. По

мѣрѣ того, какъ одинъ изъ нихъ, съ цѣлью разбить автора реферата, выдвигалъ противъ него все новые и новые, почти исключительно нѣмецкіе авторитеты, лицо Толстого удлинялось и принимало волчій видъ. Возражать Левъ Николаевичъ отказался и попросилъ сдѣлать это за себя новаго предсѣдателя общества, профессора Грота. Хотя засѣданіе и окончилось оваціей нашему великому художнику-мудрецу, но Толстого мы болѣе не видѣли на засѣданіяхъ общества.

Этнографія и фольклоръ особенно заинтересовали меня со времени моихъ поѣздокъ на Кавказъ, и я согласился быть товарищемъ предсѣдателя этнографическаго отдѣла московскаго общества естествознанія и антропологіи. Немало людей, извѣстныхъ въ настоящее время по разнымъ причинамъ, сходилось въ 80-хъ годахъ на собраніяхъ нашего общества. Предсѣдателемъ его въ то время былъ и, кажется, остается до сихъ поръ В. Ѳ. Миллеръ; секретарями состояли въ разное время такіе люди, какъ Гондатти, нынѣ томскій губернаторъ, братья Харузины, такъ много сдѣлавшіе впослѣдствіи для русской этнографіи. Одинъ изъ нихъ—авторъ обширнаго изслѣдованія о лопаряхъ,—пробывъ нѣсколько лѣтъ губернаторомъ въ Бессарабіи, завѣдуетъ въ настоящее время департаментомъ иностранныхъ исповѣданій. Въ числѣ участниковъ общества, я могу припомнить двухъ теперешнихъ академиковъ, профессора Корша и студента Шахматова. Должность вице-предсѣдателя послѣ меня занималъ Викторъ Михайловскій, авторъ извѣстнаго изслѣдованія о шаманствѣ. Въ числѣ сообщеній, намъ сдѣланныхъ, очень многія попали впослѣдствіи на страницы „Этнографическаго Обозрѣнія". Не отказывались читать въ нашемъ обществѣ весьма интересныя сообщенія путешественники Миклуха-Маклай, Патканов, Пржевальскій и глубокій знатокъ русскаго фольклора и русской народной поэзіи—Шеинъ. Вообще этнографія понимаема была нами въ самомъ широкомъ смыслѣ. Члены общества въ равной степени интересовались и матеріальной культурой различныхъ народностей, входящихъ въ составъ Россіи, и ихъ языкомъ, литературнымъ и музыкальнымъ творчествомъ, обычаями, обрядами и повѣрьями. Кавказу и Сибири отведено было немало вниманія. Миллеру и мнѣ не разъ приходилось выступать съ докладами, содержаніе которыхъ перешло впослѣдствіи и въ „Осетинскіе Этюды" нашего дорогого предсѣдателя, и въ мое сочиненіе о „современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ".

Въ археологическомъ обществѣ, подъ руководствомъ сперва графа, а затѣмъ графини Уваровыхъ, дѣлаемо было немало инте-

ресныхъ сообщеній столько же московскими, сколько и иногородными ревнителями до-исторической старины. Исключительно счастливымъ раскопщикомъ кургановъ надо признать Самоквасова. Его удачи достигнуты были несомнѣнно цѣною истребленія десятковъ, а можетъ-быть и сотенъ, этихъ единственныхъ источниковъ ознакомленія съ матеріальнымъ бытомъ раннихъ насельниковъ необъятной восточной равнины, заселенной во времена Геродота скиѳами и сарматами, на которой перебывало столько кочевниковъ, прежде чѣмъ распространились по ней прибывшіе съ подножья Карпатъ славяне. Еще вопросъ, какъ оцѣнитъ потомство пріобрѣтеніе, цѣною безвозвратной потери многихъ памятниковъ прошлаго, драгоцѣнной коллекціи, составленной Самоквасовымъ изъ предметовъ матеріальной культуры раннихъ насельниковъ Сѣверской Земли, быть-можетъ слишкомъ поспѣшно отождествленныхъ имъ со славянами. Дальнѣйшіе выводы, сдѣланные теперешнимъ московскимъ профессоромъ на основаніи якобы курганныхъ раскопокъ и снимковъ съ уцѣлѣвшихъ городищъ, кажутся, къ счастью, не мнѣ одному совершенно фантастическими. Городища, служившія въ дѣйствительности временными убѣжищами для сосѣднихъ къ нимъ поселенцевъ отъ постоянно грозившихъ имъ набѣговъ, почему-то признаны были г. Самоквасовымъ городами, на основаніи чего и построена имъ смѣлая, но не выдерживающая критики гипотеза, что села—позднѣе городовъ и развились изъ нихъ. Всѣ послѣдующія его соображенія, основанныя на этотъ разъ на этнографическихъ данныхъ изъ быта сибирскихъ инородцевъ, въ частности—камчадаловъ, о томъ, что сословное неравенство развивается по мѣрѣ того, какъ народъ отъ осѣдлаго быта переходитъ къ кочевому, вопреки установившейся точкѣ зрѣнія на то, что кочевья предшествуютъ осѣдлости, не заслуживаетъ даже ближайшаго разсмотрѣнія. Всѣ эти гипотезы такъ же произвольны, какъ произвольно предположеніе, что расположенные въ Сѣверской Землѣ курганы сооружены были никѣмъ инымъ, какъ сѣверянами. Обѣ диссертаціи Самоквасова, одна—о происхожденіи городовъ, другая—о древнѣйшей исторіи русскаго права, какъ основанныя на догадкахъ или крайне ошибочныхъ, или сомнительныхъ, едва ли заслуживали надѣленія г. Самоквасова искомыми имъ степенями—магистра и доктора. Но матеріалъ, имъ собранный, все же обиленъ и ждетъ еще вполнѣ научныхъ изслѣдователей.

Несравненно менѣе счастивымъ въ своихъ раскопкахъ былъ не разъ пріѣзжавшій на археологическіе конгрессы кіевскій про-

фессоръ Влад. Бонифатьевичъ Антоновичъ. Но необыкновенная осторожность, обнаруженная имъ въ его работахъ, тщательное веденіе дневника производимымъ раскопкамъ, точное обозначеніе въ нихъ мѣстонахожденія найденныхъ предметовъ, позволяютъ воспроизвесть до мельчайшихъ подробностей матеріальную обстановку жизни строителей этихъ могилъ, нерѣдко же находимыя въ курганахъ монеты опредѣляютъ приблизительно время происхожденія самыхъ насыпей, и слѣдовательно дѣлаютъ правдоподобными гипотезы о сооруженіи ихъ тѣми или другими племенами. Мы не рискуемъ въ такихъ условіяхъ отождествлять скиѳовъ съ славянами, по образцу г. Самоквасова, а эпоху Геродота—со временемъ появленія на восточной равнинѣ Европы той арійской народности, отъ которой мы происходимъ.

Профессоръ Анучинъ, также принимавшій дѣятельное участіе въ трудахъ столько же археологическаго, сколько и антропологическаго обществъ, строгостью своихъ пріемовъ изслѣдованія, наравнѣ съ Антоновичемъ, оттѣнялъ ненаучность тѣхъ наскоковъ на курганы и того систематическаго ихъ истребленія, къ которому, въ концѣ концовъ, сводилась дѣятельность нынѣшняго директора архива министерства юстиціи въ Москвѣ.

Пока живъ былъ графъ Уваровъ, русская археологія продолжала оставаться въ вѣрныхъ и заботливыхъ рукахъ. Раскопки, произведенныя при его ближайшемъ участіи, или по его порученію, въ разнообразнѣйшихъ частяхъ обширной имперіи, не исключая и Кавказа, доставили главный матеріалъ и для интересныхъ коллекцій историческаго музея въ Москвѣ, и для труда самого графа о каменномъ вѣкѣ въ Россіи. Одна витрина въ историческомъ музеѣ занята результатами моихъ собственныхъ разслѣдованій въ горныхъ пещерахъ, прилегающихъ къ аулу Хасаутъ, расположенному на недалекомъ разстояніи отъ Эльборуса. Одинъ изъ консерваторовъ музея, покойный Сизовъ, говорилъ мнѣ, что содержащіеся въ этой витринѣ куски матерій, въ какіе облечены были найденные мною скелеты, принадлежатъ къ числу интереснѣйшихъ матеріаловъ для исторіи древняго орнамента, какіе содержитъ въ себѣ Историческій музей въ Москвѣ.

Я принялъ болѣе близкое участіе въ дѣятельности археологическихъ конгрессовъ только съ тѣхъ поръ, когда на нихъ устроено было особое отдѣленіе юридическихъ древностей. На одесскомъ съѣздѣ, если не ошибаюсь, 1886-го года, мнѣ пришлось исполнять обязанности предсѣдателя въ этомъ отдѣлѣ, сразу привлекшемъ въ себѣ вниманіе многочисленной публики и вызвав-

шемъ своимъ успѣхомъ даже нѣкоторое соревнованіе въ руководителяхъ другихъ, ранѣе открывшихся отдѣловъ. На ближайшихъ съѣздахъ преемница графа Уварова, ссылаясь на желаніе ея покойнаго мужа, рѣшила не возобновлять попытки, нами сдѣланной въ Одессѣ: юридическія древности перестали входить въ число задачъ, преслѣдуемыхъ отечественной археологіей, кажется, по подозрѣнію, что эти задачи не чужды и интересамъ современности. Мнѣ не пришлось болѣе бывать на съѣздахъ русскихъ ревнителей старины, но я не порвалъ съ ними связи, и на екатеринославскомъ доложенъ былъ мой мемуаръ о древнѣйшей исторіи Азова—этой венеціанской колоніи, извѣстной нѣкогда подъ именемъ Таны, въ виду ея близости къ устьямъ Дона или Танаиса. Мемуаръ этотъ составленъ былъ мною на основаніи рукописнаго матеріала, хранящагося въ государственномъ архивѣ республики св. Марка.

О дѣятельности юридическаго общества я вскользь упомянулъ еще ранѣе. Оно сказывалось еженедѣльными собраніями и ежемѣсячнымъ выходомъ особаго „Вѣстника", въ которомъ вопросы права и судебной практики разбирались рядомъ съ вопросами экономики и статистики. Когда все бо̀льшія и бо̀льшія цензурныя строгости сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшій выходъ журнала, мы рѣшились обратиться къ изданію юридическаго ежегодника, въ которомъ печатались наиболѣе интересныя сообщенія, сдѣланныя нашему обществу. Я продолжалъ мои взносы на покрытіе издержекъ нашего, конечно плохо окупавшагося предпріятія, наравнѣ съ небольшимъ кружкомъ людей, въ числѣ которыхъ были Муромцевъ, Пржевальскій и несчастный Іоллосъ. Сборникъ нашъ продолжалъ выходить до момента закрытія самаго общества, по почину его почетнаго члена Боголѣпова, пошедшаго навстрѣчу желаніямъ высшей московской администраціи. Она, какъ я слышалъ, была недовольна одной изъ рѣчей неизмѣнно выбираемаго на постъ предсѣдателя С. А. Муромцева.

Внѣшнія судьбы перваго предсѣдателя Государственной Думы настолько извѣстны, что едва-ли является необходимость упоминать о нихъ здѣсь. Въ серединѣ царствованія Александра III, вскорѣ послѣ того, какъ былъ принятъ новый уставъ университетовъ, Сергѣй Андреичъ неожиданно узналъ о своей отставкѣ. Долгое время мы ломали голову надъ ближайшими ея мотивами. Ходили какіе-то слухи о томъ, что случайно проѣзжавшая чрезъ Москву румынская депутація изъ устъ Сергѣя Андреича узнала о его сочувствіи конституціонному строю и надеждѣ увидѣть скорое наступленіе послѣдняго въ Россіи. Только много лѣтъ

спустя изъ нѣкоторыхъ бумагъ, сообщенныхъ мнѣ докторомъ Бѣлоголовымъ и полученныхъ имъ отъ графа Лорисъ-Меликова, я узналъ дѣйствительную причину отставки моего уважаемаго товарища по преподаванію. Какъ проректоръ, Муромцевъ старался предупредить внутреннюю распрю московскаго студенчества, вызванную различнымъ отношеніемъ къ горестному событію — убійству Царя-Освободителя. Онъ не принялъ доноса на тѣхъ, кто будто бы открыто высказывался противъ посылки вѣнка на гробъ убитаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился о посылкѣ такого вѣнка отъ имени столько же профессоровъ, сколько и учащихся. О его поведеніи—въ превратной, разумѣется, версіи,— доведено было до свѣдѣнія Государя, а тѣ, кто въ это время завѣдывалъ интересами просвѣщенія, поспѣшили отставить его отъ службы, лишая такимъ образомъ древнѣйшій университетъ одного изъ его лучшихъ лекторовъ и въ то время наиболѣе выдающагося у насъ знатока римскаго права, ученика и послѣдователя знаменитаго Іеринга. Тѣ изъ насъ, кто всего сильнѣе чувствовали все значеніе понесенной нами утраты, позволили себѣ сдѣлать соотвѣтственное заявленіе на собраніи университетскаго совѣта. На слѣдующій же день мы призваны были къ попечителю, графу Капнисту, для выслушанія выговора. Графъ сообщилъ мнѣ, что выполняетъ въ этомъ отношеніи только волю министра Делянова; но на мою просьбу сообщить мнѣ текстъ полученной имъ телеграммы послѣдовалъ отвѣтъ, что она слишкомъ грубо написана.

Отставка Муромцева вызвала большое недовольство въ близкихъ къ университету кругахъ. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ поспѣшилъ принять его просьбу о включеніи въ сословіе, на что Муромцеву, какъ и многимъ изъ насъ, давало право пятилѣтнее пребываніе въ числѣ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Вскорѣ Сергѣй Андреевичъ выдѣлился изъ среды своихъ товарищей по адвокатурѣ не столько внѣшнимъ даромъ слова, сколько глубокимъ знакомствомъ съ гражданскимъ правомъ. Его дѣятельность сосредоточилась все болѣе и болѣе на консультаціяхъ. Въ матеріальномъ отношеніи его трудъ сталъ вознаграждаться въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ во время пребыванія въ университетѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ при первой же возможности, которая представилась ему, какъ и мнѣ, не ранѣе, какъ двадцать лѣтъ спустя со времени вынужденной отставки, поспѣшилъ вернуться къ профессорской дѣятельности въ Москвѣ. Ожило снова и московское юридическое общество. Мнѣ остается пожалѣть только объ одномъ, что во главѣ его не стоитъ его

прежній предсѣдатель; вѣдь судьбы обоихъ сошлись весьма близко и разрубить связь между ними едва ли кому удастся.

Я обозрѣлъ, насколько это исполнимо въ короткомъ очеркѣ, каковъ настоящій, дѣятельность тѣхъ обществъ, которыя стояли подъ сѣнью московскаго университета и обезпечивали его членамъ возможность частью популяризировать науки, ими культивируемыя, частью содѣйствовать ихъ росту. Послѣднее выраженіе не кажется мнѣ слишкомъ смѣлымъ. Труды моихъ товарищей по археологіи, этнографіи, статистикѣ, юриспруденціи и политической экономіи, труды, обыкновенно облекаемые на первыхъ порахъ въ скромную форму сообщеній, сдѣланныхъ въ тѣсномъ кругу товарищей по занятіямъ, и напечатанные затѣмъ въ спеціальныхъ журналахъ и изданіяхъ, перерабатывались затѣмъ въ книги и обогащали серьезными вкладами нашу научную литературу. Пройденъ былъ уже тотъ періодъ, когда написанныя для полученія степени диссертаціи исчерпывали собою весь поступавшій на книжный рынокъ ученый товаръ. Къ диссертаціямъ прибавились менѣе корыстныя работы, занявшія почетное мѣсто рядомъ, а нерѣдко и выше ихъ. Если въ настоящее время я не затрудняюсь болѣе рекомендовать моимъ слушателямъ непосредственное ознакомленіе съ той или другой частью моего курса на основаніи русскихъ монографій и статей русскихъ періодическихъ изданій, то потому, что въ послѣднія два царствованія, какъ и въ настоящее, появилось немало переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій по государственному праву, экономикѣ, соціологіи, сравнительной юриспруденціи, исторіи культуры и многимъ другимъ предметамъ, знакомство съ которыми необходимо и обществовѣду, и юристу. Насколько подвинулась, вопреки всѣмъ нападкамъ, русская юридическая литература съ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, къ которымъ относится начало моей профессорской дѣятельности, можно судить хотя бы по слѣдующему примѣру. Когда я выступилъ преподавателемъ, по исторіи русскаго права имѣлся всего одинъ печатный курсъ—Михайлова. О его совершенной негодности едва-ли нужно распространяться. Курсъ лекцій проф. Бѣляева напечатанъ былъ уже послѣ моего вступленія въ университетъ, проф. Петровскимъ. Тѣ, кто занимался преподаваніемъ исторіи русскаго права, могли отсылать своихъ слушателей только къ немногимъ монографіямъ. Въ настоящее время мы имѣемъ болѣе полудесятка обстоятельныхъ курсовъ и рядъ такихъ капитальныхъ трудовъ, какъ „Древности русскаго права“ проф. Сергѣевича или „Боярская Дума“ Ключевскаго. Наша юридическая литература въ этомъ отношеніи можетъ по-

спорить съ французской, которая въ 70-хъ годахъ также имѣла всего-на-всего одно сочиненіе, охватывавшее далеко неполно всѣ періоды юридической жизни Франціи: я разумѣю многотомное сочиненіе Лаферьера. Въ настоящее время первый совѣтъ, получаемый иностранцемъ, желающимъ познакомиться съ судьбами французскаго права—это отложить въ сторону Лаферьера и заняться тѣми недавними трудами, которые съумѣли въ сжатомъ видѣ представить самостоятельную разработку матеріаловъ, содержащихся въ coutumiers, т.-е. въ сборникахъ мѣстныхъ обычаевъ, восходящихъ нерѣдко къ XII-му вѣку, нормы которыхъ только отчасти вошли въ составъ обнародованныхъ Наполеономъ кодексовъ. Приходится читать теперь Глассона, Бриссо, Віолэ и Флака, писателей такъ же много сдѣлавшихъ для исторіи французскаго права, какъ Метландъ и Виноградовъ—для англійскаго, Сергѣевичъ и Владимирскій-Будановъ—для русскаго.

Возьмемъ и другія науки, преподаваемыя на юридическихъ факультетахъ. Старые учителя, въ родѣ Крылова, Бабста и Мильгаузена, не печатали своихъ курсовъ. Новые грѣшили въ обратную сторону, спѣша предать тисненію все преподанное ими съ каѳедры. Изъ массы обнародованныхъ такимъ образомъ пособій нѣкоторыя уцѣлѣли, такъ какъ удѣльный вѣсъ ихъ былъ значителенъ. Назову для примѣра „Гражданское право древняго Рима“ Муромцева, „Курсъ политической экономіи“ А. И. Чупрова, „Курсъ финансоваго права“ Янжула—все курсы, читанные въ Москвѣ, а изъ не-московскихъ—курсы „Государственнаго права“ Градовскаго и Коркунова, курсъ политической экономіи Исаева, въ обработанномъ видѣ уже выдержавшій шесть изданій. Ознакомленіе съ предметами факультетскаго преподаванія стало возможнымъ нынѣ и безъ посѣщенія лекцій; этимъ въ значительной степени объясняется отливъ студенчества если не отъ университетовъ, то отъ аудиторій. То же явленіе еще рѣзче выступаетъ на Западѣ, особенно во Франціи и Англіи. На превосходныхъ даже съ внѣшней стороны конференціяхъ, читаемыхъ въ Сорбоннѣ или Collège de France, рѣдко насчитываютъ сотню слушателей, да и изъ нихъ добрая часть—иностранцы. То же можно сказать и о школѣ правовѣдѣнія въ Парижѣ. Но нигдѣ я не былъ такъ пораженъ пустотою аудиторій, какъ въ старинныхъ университетахъ Англіи. Въ Оксфордѣ на лекціяхъ Фримана или Мэна не сидѣло болѣе десятка слушателей, а когда извѣстный историкъ „земледѣлія и цѣнъ въ Англіи“, Торольдъ Роджерсъ, вздумалъ читать о колебаніяхъ цѣнъ на серебро—одномъ изъ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ экономической исторіи новаго времени и въ осо-

бенности эпохи, слѣдовавшей на нѣкоторомъ разстояніи за открытіемъ американскаго материка, эпохи такъ называемой революціи въ цѣнахъ,—аудиторія почтеннаго ученаго свелась къ пяти-шести лицамъ. Этотъ повсемѣстный упадокъ числа посѣтителей лекцій и вызывающую его причину надо принять во вниманіе, прежде чѣмъ отождествлять его, какъ это дѣлаютъ у насъ, съ упадкомъ университета и уровня университетскаго преподаванія.

III.

Я обѣщалъ поговорить и о московскихъ кружкахъ, собиравшихся какъ при редакціяхъ, такъ и у частныхъ лицъ, общественныхъ дѣятелей, профессоровъ и педагоговъ. Центральной фигурой въ редакціи „Русской Мысли" былъ долгое время Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ—владѣлецъ небольшого помѣстья, математикъ по образованію, славянофилъ, захваченный освободительнымъ и демократическимъ духомъ времени, драматическій критикъ и страстный поклонникъ Шекспира, человѣкъ отзывчивый и добрый въ самомъ прямомъ и возвышенномъ значеніи этого слова. Для всѣхъ доступный, всѣмъ интересующійся, Юрьевъ готовъ былъ по часамъ спорить о предметѣ, такъ или иначе задѣвающемъ судьбы Россіи, славянскаго міра, а то и всего человѣчества. У него были любимыя темы, напр. „о хоровомъ началѣ", будто бы присущемъ православію въ такой же мѣрѣ, какъ славянству вообще и русскому народу въ частности. Прежде чѣмъ сдѣлаться редакторомъ „Русской Мысли", онъ нѣкоторое время издавалъ журналъ съ славянофильскимъ направленіемъ, при денежной поддержкѣ А. И. Кошелева. Въ славянофильскомъ лагерѣ Юрьевъ представлялъ лѣвое крыло. Только „всенародное" и „всесвободное" могло разсчитывать на его симпатіи. Онъ любилъ сельскую общину, какъ продуктъ народнаго творчества. По той же причинѣ онъ возился съ артелью, кустарными промыслами, русскимъ сектантствомъ—всѣмъ тѣмъ, въ чемъ проявилась созидательная дѣятельность русскаго человѣка. Но Юрьеву не чуждо было и всечеловѣческое, опять-таки подъ условіемъ, чтобы это всечеловѣческое не было вопросомъ моды, вопросомъ подражанія, а продуктомъ созидающей мысли. Онъ любилъ повторять о Шекспирѣ, что цѣнитъ его, какъ вызвавшаго къ жизни, подобно Богу, цѣлый міръ изъ ничего. Какъ всѣ искренніе люди Юрьевъ былъ упрямъ въ отстаиваніи своихъ мыслей

и неподатливъ въ спорахъ, по крайней мѣрѣ въ случаяхъ перенесенія ихъ на бумагу. Вотъ почему мы часто расходились съ нимъ во взглядахъ, продолжая въ то же время оставаться въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Но такъ какъ оба мы были принципіальны, а потому и упрямы, то моихъ статей за его редакторство въ „Русской Мысли" появилось немного.

Что касается до другой редакціи, „Русскихъ Вѣдомостей", то она была въ рукахъ тѣснаго кружка, вложившаго въ нее болѣе умственнаго, чѣмъ иного капитала, и выручавшаго изъ собственныхъ статей и средства къ покрытію жизни, и средства къ расплатѣ съ кредиторами газеты. Въ такихъ условіяхъ редакція не нуждалась въ литературныхъ батракахъ, какъ она нуждается въ нихъ теперь. Руководившіе газетой люди были сами кустари-производители. Этимъ и объясняется небывалый еще въ Москвѣ успѣхъ газеты, не имѣвшей за собою ничего, кромѣ хорошей освѣдомленности и литературнаго таланта своей постоянной редакціи. Столбцы газеты открывались лицамъ, стоявшимъ внѣ редакціи, только тогда, когда они являлись своего рода спеціалистами и одни могли доставить желательный матеріалъ по извѣстному вопросу. Вотъ почему „Русскія Вѣдомости" охотно печатали мои „Письма изъ Америки" или разсужденія по какому-нибудь вопросу государственнаго права, но постояннымъ ихъ сотрудникомъ я никогда не былъ, по крайней мѣрѣ въ годы моего пребыванія въ Москвѣ. Да и не было бы у меня времени къ тому. Кружковая жизнь предъявляла посягательство на вечерніе и ночные часы въ гораздо большей степени, чѣмъ теперь, когда въ 11 часовъ я обыкновенно уже въ постели.

Московскіе салоны, по крайней мѣрѣ литературные, доживали въ мое время свои послѣдніе годы. Индустріальный міръ Москвы еще не задавался тогда мыслью о собесѣдованіяхъ на экономическія и соціальныя темы, какъ онъ дѣлаетъ это теперь. Чужда ему была и мысль о поддержкѣ какихъ-нибудь изданій, если эти изданія не служили прямо затрогивающимъ его задачамъ. У нѣкоторыхъ красавицъ изъ этого круга собирались для танцевъ, даже больше, чѣмъ для карточной игры, и вечеръ заканчивался веселымъ и обильнымъ ужиномъ.

Собирали у себя для бесѣдъ о политикѣ только нѣкоторые уцѣлѣвшіе эпигоны стараго западничества и стараго славянофильства. Мнѣ всего чаще приходилось бывать у А. И. Кошелева. Здѣсь я находилъ И. Аксакова, Д. Самарина, генерала Черняева, Хомяковыхъ, Хвостовыхъ, а изъ молодыхъ моихъ товарищей, въ числѣ другихъ, Вл. Соловьева. Изъ дамъ мнѣ по-

мнится всего болѣе О. А. Новикова. Отъ нея получались извѣстія, свѣже-пришедшія изъ Англіи, письма отъ Гладстона и ближайшей къ нему среды. За ужиномъ много говорили о Бисмаркѣ и сомнѣвались въ его честномъ маклерствѣ въ славянскихъ и русскихъ дѣлахъ; доставалось кн. Горчакову и гр. Шувалову за ихъ дѣйствительное или мнимое неумѣнье отстоять наши интересы отъ корыстолюбивой Англіи и ея новаго Пальмерстона—Дизраэли. Критиковали также Валуева и вообще министровъ, уже въ то время мудрившихъ надъ крестьянствомъ или собиравшихся мудрить надъ нимъ, затѣвавшихъ, напримѣръ, походъ противъ сельской общины, этой славянофильской святыни. Защиту отъ бюрократіи находили въ салонѣ Кошелева и университетскій уставъ 1863-го года, и земскія учрежденія, и новые еще въ то время суды. Направленіе разговоровъ въ общемъ было либеральное, а отношеніе хозяина — въ высшей степени терпимое. Онъ отдавалъ визиты самымъ даже молодымъ изъ насъ и провелъ за недѣлю передъ смертью цѣлыхъ три часа съ глазу на глазъ со мною, съ жаромъ говоря противъ рѣзко выступавшаго уже похода Каткова на реформы, ознаменовавшія собою первую половину царствованія Александра II. Когда этотъ почтенный человѣкъ умеръ, мы собрались проводить его тѣло на кладбище съ вѣнками въ рукахъ; но полиція запретила столь торжественное шествіе. Это чуть ли не первый случай, когда на вѣнки объявлено было гоненіе. На похоронахъ Тургенева насъ заставили идти только окольными улицами къ кладбищу, да полицеймейстеръ Грессеръ вырвалъ изъ рукъ какихъ-то двухъ дамъ небольшой вѣнокъ съ надписью: „отъ заживо погребенныхъ“.

Послѣ смерти Кошелева я все чаще и чаще сталъ бывать въ другомъ домѣ—въ домѣ графа А. М. Олсуфьева и его чарующей своимъ тактомъ, умѣньемъ принимать и вести бесѣду, жены Анны Михайловны, рожденной Обольяниновой. Въ домѣ Олсуфьевыхъ часто можно было встрѣтить и Л. Н. Толстого, со всей его семьей. Молодые Толстые учились въ тѣхъ же гимназіяхъ и университетѣ, что и молодые Олсуфьевы. Посѣщалъ вечера у Олсуфьевыхъ и художникъ Ге, и профессоръ Усовъ, и мой другъ Стороженко со своей молодою женою. Левъ Николаевичъ только-что пережилъ въ это время тотъ душевный кризисъ, который изъ художника русскаго слова и творца литературныхъ образовъ и типовъ сдѣлалъ изъ него русскаго и всесвѣтнаго мудреца. Онъ очень искренно и горячо относился къ своей новой миссіи, открыто проповѣдовалъ ученіе о непротивленіи злу силой, не допускалъ ни въ комъ критическаго отношенія къ своей новой

доктринѣ, громилъ науку и положительную философію и вышучивалъ ея ревнителей, нерѣдко доводя свой голосъ до высокаго діапазона. Мнѣ раза два пришлось ужинать у него. Въ то время онъ еще ѣлъ мясо и получалъ индѣекъ и другую живность изъ тульской деревни. Особенно памятна осталась мнѣ эта индѣйка. Я едва могъ справиться съ кускомъ, попавшимъ мнѣ на тарелку, такъ какъ гостепріимный хозяинъ распиналъ меня за пристрастіе къ Спенсеру, увѣряя, что не знаетъ ничего подлѣе спенсеровскаго альтруизма. Вызвана же была вся эта буря тѣмъ, что я позволилъ себѣ назвать религію графа просто нравственнымъ ученіемъ, не представляя себѣ религіи безъ догматовъ. Не только вышедшая вскорѣ „Исповѣдь", но и все, что было написано впослѣдствіи Львомъ Николаевичемъ по вопросамъ религіи, какъ мнѣ кажется, вполнѣ оправдало мое утвержденіе. Левъ Николаевичъ не взлюбилъ меня. Графиня Олсуфьева впослѣдствіи сообщала мнѣ съ глазу на глазъ, что Толстому не нравится моя нижняя губа; она придаетъ моему лицу насмѣшливое выраженіе. Я имѣлъ случай видѣть не разъ, что мои попытки вставить слово въ общій разговоръ, его касавшійся, ему были непріятны. При повтореніи въ его присутствіи—кажется, Ге,—доктрины о непротивленіи злу силой я какъ-то замѣтилъ, что Милль сомнѣвается въ способности французовъ стать свободными между прочимъ потому, что они сами не раздѣлываются съ нарушителями мира, предпочитая предоставить расправу съ ними полицейскимъ коммиссарамъ. Толстой демонстративно вышелъ изъ гостиной. Горячіе споры велъ Толстой и съ Усовымъ, который не уступалъ ему ни шагу, и не столько спорилъ, сколько вышучивалъ, доводя до абсурда обновленную Толстымъ доктрину пассивнаго противодѣйствія „мольбами и слезами". Такъ какъ я не былъ въ числѣ любимцевъ автора „Войны и Мира", то не попалъ и на то достопамятное собесѣдованіе, на которомъ созванные имъ экономисты высказали сомнѣніе насчетъ нѣкоторыхъ взглядовъ Льва Николаевича на природу денегъ. Это собраніе, какъ, вѣроятно, разсказано въ чьихъ-нибудь мемуарахъ, кончилось нѣкоторой непріятностью. Толстой прекратилъ знакомство съ тѣми, кто находилъ оправданіе его ошибкамъ въ недостаточномъ изученіи имъ политической экономіи, и сохранилъ пріятельскія отношенія только съ Янжуломъ, ограничившимъ свой протестъ одной зѣвотой. Держа себя болѣе или менѣе забіякой съ нашимъ братомъ—профессорами, Левъ Николаевичъ былъ трогательно мягокъ въ оцѣнкѣ литературныхъ трудовъ и начинающихъ писателей, и тѣхъ, которые, не пропѣвъ за всю

свою жизнь ни разу соловьемъ, складывали прощальную лебединую пѣсню. Какъ-то мы были позваны къ Стороженко — выслушать не то переводъ стихами какой-то романтической польской поэмы, не то продукты собственнаго творчества стараго уже и мало извѣстнаго поэта. Толстой не только все время выслушивалъ благодушно невозможно-скверное чтеніе убѣленнаго сѣдинами стихотворца, но и отмѣчалъ иногда красоту той или другой риѳмы, того или другого выраженія. Только попавши въ кабинетѣ для куренія на затѣянный мною разговоръ о Мопассанѣ, онъ остроумно замѣтилъ, что переходъ къ его твореніямъ отъ только-что прослушанной романтики не лишенъ нѣкоторой пріятности. Редакція „Русскихъ Вѣдомостей" не разъ жаловалась на то, что Толстой рекомендуетъ ей молодыхъ писателей безъ всякаго таланта. Одинъ изъ редакторовъ придумалъ даже практическое средство заставить Толстого взять обратно принесенную имъ чужую рукопись: онъ просилъ Льва Николаевича немедленно прочесть ее вслухъ. Чтеніе не всегда доходило до конца: художникъ бралъ верхъ въ Толстомъ надъ добрымъ человѣкомъ и снисходительнымъ критикомъ. Левъ Николаевичъ соглашался, что доставленный имъ разсказъ нуждается въ исправленіяхъ, уносилъ рукопись съ собою, и новому произведенію такъ и не суждено бывало появиться на свѣтъ. Къ Толстому уже въ то время стали пріѣзжать издалека для философскихъ бесѣдъ, но не такъ, какъ теперь, съ цѣлью выслушать его проповѣдь, а для того, чтобы сдѣлать попытку обратить его самого въ свою вѣру. Прибылъ къ нему однажды и русскій контистъ Фрей, прямо изъ Лондона. Я знавалъ англійскихъ послѣдователей Огюста Конта, а потому Фрей выразилъ Льву Николаевичу желаніе встрѣтиться у него со мной. Толстой позвалъ меня и мы провели вечеръ втроемъ. Отъ этого вечера сохранилось въ моей памяти нѣсколько анекдотическихъ воспоминаній. Когда Фрей сталъ хвалить Конта за нѣкоторые изъ его нравственныхъ афоризмовъ, между прочимъ за слѣдующій: „живите какъ въ стеклянномъ домѣ", т.-е. такъ, чтобы всѣ могли видѣть ваше поведеніе", Левъ Николаевичъ согласился, что мысль прекрасна, но поспѣшилъ прибавить: „она не нова, а взята на прокатъ у такого-то китайскаго мыслителя". Фрей не повѣрилъ. Пошли искать у китайца, разумѣется, въ англійскомъ переводѣ; долго искали чего-нибудь подходящаго, но не нашли. Толстой продолжалъ, однако, утверждать, что изреченіе, подобное Контову, несомнѣнно имѣется у китайца и только не попадается ему на глаза. Я припомнилъ этотъ анекдотъ съ цѣлью показать, что

уже въ то время Левъ Николаевичъ интересовался религіозными мыслителями всѣхъ временъ и народовъ и могъ бы приступить къ изданію той „Книги для чтенія", въ которой, рядомъ съ собственными, онъ приводитъ выдержки изъ писателей всѣхъ литературъ, разъ въ нихъ имѣются положенія, близкія ему по духу. Въ это же время Толстой былъ занятъ критикой Евангелій. Несогласіе во взглядахъ, кажется, на антихриста, было причиной, что онъ разошелся съ Вл. Соловьевымъ. Въ одномъ изъ его позднѣйшихъ сочиненій я нашелъ фразу, начинавшуюся словами: „истинно злые люди, какъ В. Соловьевъ и Аксаковъ, говорятъ то-то и то-то". Толстой не могъ простить Соловьеву, между прочимъ, защиты послѣднимъ войны, защиты въ духѣ Гегеля, и за это, больше чѣмъ за иныя разногласія, отнесъ его къ истинно злымъ людямъ. Соловьевъ же, какъ мнѣ пришлось слышать, не прощалъ Толстому его пріемовъ обращенія съ текстами и всей его экзегетической критики. Врагомъ войны Толстой выступалъ рѣшительно уже въ годы моего знакомства съ нимъ. Когда я спросилъ его о впечатлѣніи, произведенномъ на него Деруледомъ, посѣтившимъ его въ Ясной Полянѣ, я въ отвѣтъ услышалъ слова: „дикій галлъ!" Сколько Толстой ни подавлялъ въ себѣ порывовъ къ литературной работѣ,—увѣряя, напримѣръ, меня, что всякое упоминаніе о его романахъ производитъ на него то же впечатлѣніе, какое на собаку ея блевота,—художникъ все же не могъ въ концѣ концовъ не поддаться своему природному влеченію, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи облечь свою новую проповѣдь въ художественную форму. А какъ переживалъ онъ лично все имъ написанное,—объ этомъ можно судить по слѣдующему факту. Какъ-то, вернувшись изъ Парижа, я пришелъ къ Толстому дать отчетъ въ исполненіи его порученія. Толстой былъ одинъ и встрѣтилъ меня привѣтливо: „Ахъ, я такъ радъ вамъ сегодня,—замѣтилъ онъ и со своей обычной искренностью тутъ же прибавилъ:—я былъ бы радъ и всякому другому, всякому, кто далъ бы мнѣ возможность отдѣлаться отъ мысли объ этой ужасной смерти". Нѣсколько дней спустя я узналъ, что наканунѣ нашего свиданія Левъ Николаевичъ закончилъ „Смерть Ивана Ильича".

Семья Олсуфьевыхъ была изъ немногихъ помѣщичьихъ семей, озабоченныхъ мыслью о заведеніи школы и больницы для крестьянъ. Докторъ Дубраво, завѣдывавшій этой больницей до смерти, былъ изъ числа тѣхъ прямыхъ, честныхъ и нѣсколько грубыхъ натуръ, которыя рѣжутъ людямъ правду въ глаза, напоминая имъ ежечасно объ ихъ обязанностяхъ. Во время турецкой кам-

паніи онъ далъ пощечину одному военному, заявлявшему, быть-можетъ шутя, что не вернется съ войны безъ набитаго кармана. Такъ же опредѣленно и смѣло онъ говорилъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ членамъ семьи Олсуфьевыхъ объ ихъ долгѣ передъ русскимъ народомъ. Теперь, когда мнѣ приходится съ удовольствіемъ слѣдить за тѣмъ, какъ графъ Димитрій Адамовичъ отстаиваетъ право русскихъ крестьянъ опредѣлять самимъ свои экономическія судьбы, высказываясь и за свободу мірскихъ передѣловъ, пока отъ нея не откажутся сами заинтересованные въ нихъ, и за нераздѣльное владѣніе всей крестьянской семьею ея надѣла, мнѣ приходитъ на умъ вліяніе, оказанное на него въ возмужалости—Л. Н. Толстымъ, а въ дѣтствѣ—докторомъ Дубраво. Это послѣднее вліяніе было замѣтно и на сестрѣ графа, Елизаветѣ Адамовнѣ, выдающейся русской дѣвушкѣ, получившей солидное математическое образованіе дома, безъ посѣщенія какой-либо гимназіи. Пренебрегая свѣтскими удовольствіями, она всѣмъ сердцемъ посвятила себя заботамъ о крестьянахъ ихъ подмосковнаго имѣнія „Никольское". Я посѣтилъ его однажды зимою по приглашенію гостепріимныхъ хозяевъ и провелъ здѣсь нѣсколько дней въ обществѣ Л. Н. Толстого. Я нашелъ въ имѣньѣ не только прекрасную школу съ двумя учителями, содержимую на средства графской семьи, но и больницу, въ которую принимались даромъ нуждающіеся во врачебной помощи крестьяне всей округи. Этой больницей завѣдывалъ до своей смерти докторъ Дубраво, а впослѣдствіи врачи московскаго университета, посланные предварительно на годъ для ознакомленія съ устройствомъ больницъ за границей. Докторъ Дубраво, какъ жилъ, такъ и умеръ строгимъ слугою своего долга. Позванный однажды въ крестьянскую семью, онъ нашелъ въ ней ребенка въ дифтеритѣ. Положеніе было опасное. По разсѣянности докторъ забылъ захватить съ собою нужную ему при операціи трубочку. Долго не думая, онъ замѣнилъ ее собственными губами. Послѣдствіемъ получилась зараза и смерть. Передъ кончиной онъ собралъ всю семью Олсуфьевыхъ и, сколько позволяли ему силы, напомнилъ имъ объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ народу. Это поученіе не было забыто Елизаветой Адамовной. Больница осталась предметомъ ея постоянной заботливости. Ея преждевременная кончина также вызвана была посѣщеніемъ ею всѣхъ нуждающихся въ помощи. Ухаживая за тифозной больной, она сдѣлалась сама жертвою злого недуга и умерла молодой, къ отчаянію отца и матери, вскорѣ послѣдовавшихъ за нею въ могилу.

Я сохранилъ обо всей семьѣ Олсуфьевыхъ память, какъ объ истинно добрыхъ людяхъ, проникнутыхъ сознаніемъ своихъ обязанностей. Кто прожилъ, подобно мнѣ, шесть десятковъ лѣтъ, тотъ въ правѣ сказать, что такіе люди попадаются не часто.

Посѣщеніе салоновъ было для насъ сравнительной роскошью. Мы чаще сходились другъ у друга—у Янжула по воскресеньямъ, у меня, если не ошибаюсь—по четвергамъ. Былъ свой день и у Усовыхъ. Вѣрнѣе сказать, все это были не дни, а вечера, начинавшіеся поздно и продолжавшіеся долго за полночь. Вечеръ не заканчивался, а только прерывался ужиномъ. Многіе пріѣзжали прямо къ нему, а начинавшаяся за нимъ бесѣда длилась иногда до трехъ часовъ утра. Для хозяина особенно страшны были гости, выспавшіеся до ужина. Извѣстный Головачевъ, не замѣчая ухода другихъ посѣтителей, продолжалъ бесѣдовать со мною о земствѣ и желѣзныхъ дорогахъ нерѣдко до четырехъ часовъ утра. Ни неопредѣленность отвѣтовъ, ни моя зѣвота, не мѣшали ему развивать свои мысли по этимъ двумъ облюбованнымъ имъ темамъ. Сходились разъ или два раза въ недѣлю люди между собою близкіе, у Янжула и Усова—со своими женами и дочерьми, у меня—безъ этого придатка. Послѣдствіемъ было то, что разговоръ невольно переходилъ на моихъ вечерахъ отъ частныхъ темъ къ общимъ. Политика далеко не составляла единственнаго предмета обсужденія. Спорили и о вопросахъ теоретическихъ, научныхъ и литературныхъ. Петербуржцы и, въ меньшей степени, иностранцы также не разъ показывались на этихъ собраніяхъ. Я имѣлъ счастье чествовать И. С. Тургенева, и отъ этого банкета, устроеннаго въ скромномъ помѣщеніи, сохранилась у меня память благодаря полученной отъ Тургенева на слѣдующій же день записки: „А вчерашній вечеръ надолго останется въ моей памяти, какъ нѣчто еще небывалое въ моей жизни“. Небывалою Тургеневу показалась сердечность, съ какой молодые преподаватели старѣйшаго университета чествовали въ немъ, авторѣ „Нови“, искренняго и любящаго наставника. Развитіе этой мысли и составило предметъ моего тоста. За него я получилъ отповѣдь и отъ нѣкоторой части болѣе радикально настроеннаго студенчества, и отъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Встрѣтившись со мною впервые въ Парижѣ, Салтыковъ сказалъ мнѣ: „Такъ вы—тотъ молодой человѣкъ, который благодарилъ Тургенева за то, что онъ ваше поколѣніе выставляетъ дураками“ (очевидно, намекъ на Нежданова Тургеневской „Нови“).

Кого только не перебывало на моихъ четвергахъ! Я могу

припомнить теперь въ числѣ посѣтителей, помимо большинства профессоровъ университета, и Кавелина, и Кистяковскаго, и Златовратскаго, и Шелгунова, и Эртеля, и всего чаще П. Д. Боборыкина. Мнѣ не приходилось встрѣчать между русскими беллетристами, за исключеніемъ развѣ Тургенева, человѣка, такъ страстно относящагося къ вопросамъ, повидимому далеко стоящимъ отъ художественнаго творчества. Благодаря своей разнообразной научной подготовкѣ (Боборыкинъ обучался въ Дерптѣ естественнымъ наукамъ, перевелъ одно изъ классическихъ руководствъ по химіи, занимался психологіей и выдержалъ экзаменъ на юридическомъ факультетѣ), благодаря, повторяю, своему энциклопедическому образованію, полученному еще въ ранней молодости, продолжительному пребыванію за границей, откуда онъ посылалъ письма (изъ Франціи и Испаніи) въ „Петербургскія Вѣдомости" Корша, наконецъ благодаря рѣдкой отзывчивости и легкой возбуждаемости, Боборыкинъ всего болѣе призванъ къ публицистической дѣятельности. Въ другой странѣ, при иныхъ условіяхъ цензуры и иныхъ государственныхъ порядкахъ, его слѣдовало бы поставить во главѣ бойкой газеты съ широко-либеральной программой или послать представителемъ въ Государственную Думу. Потеряли бы отъ этого, быть-можетъ, только будущіе историки, для которыхъ романы Боборыкина, какъ взятые изъ жизни и даже нерѣдко сфотографированные съ нея (таково, по крайней мѣрѣ, обычное обвиненіе), послужатъ весьма цѣннымъ матеріаломъ.

Не столько у меня, сколько у моего пріятеля Иванюкова, въ то время профессора въ Петровской земледѣльческой академіи, я встрѣчался и съ Н. К. Михайловскимъ, и съ Г. И. Успенскимъ. Мнѣ пришлось однажды провесть цѣлый мѣсяцъ въ ихъ обществѣ на Кавказѣ, въ Кисловодскѣ. Михайловскій не былъ изъ числа людей, охотно дѣлившихся своими мыслями. Онъ припрятывалъ ихъ для статей въ „Отечественныхъ Запискахъ", а позднѣе въ „Русскомъ Богатствѣ". Успенскій, наоборотъ, въ разговорѣ сѣялъ остротами и образами, не боясь того, чтобы собесѣдникъ воспользовался ими ему въ ущербъ. Михайловскій избалованъ былъ успѣхомъ и ждалъ при встрѣчѣ почтительнаго, а можетъ-быть и заискивающаго къ себѣ отношенія. Успенскій же былъ необыкновенно простъ и возмущался всякимъ желаніемъ къ нему приладиться, завоевать его расположеніе, ну хотя бы подчеркиваніемъ его особенно мѣткихъ характеристикъ и словечекъ или усиленнымъ смѣхомъ, когда онъ разсказывалъ что-нибудь забавное. Михай-

ловскій не любилъ возраженій. Успенскій искалъ ихъ. Въ Михайловскомъ можно было отмѣтить человѣка, много читавшаго и для котораго немало вопросовъ казались рѣшенными разъ навсегда. Успенскій, наоборотъ, производилъ впечатлѣніе постоянно думающаго самостоятельно и ищущаго въ бесѣдѣ отвѣта на многіе вопросы, не разъясненные ему книгами. Въ отношеніи Михайловскаго къ людямъ, посвящавшимъ себя педагогической дѣятельности, замѣтна была нѣкоторая предвзятость. Они, молъ, читаютъ лекціи повиннымъ слушать ихъ студентамъ, а мы пишемъ для добровольныхъ читателей. Успенскій, наоборотъ, не установлялъ никакого различія между людьми по ихъ профессіямъ, интересовался ими самими и ихъ особенностями. Михайловскому, впрочемъ, было не до бесѣдъ. Немногіе свободные часы онъ любилъ проводить въ дамскомъ обществѣ и, какъ я однажды выразился, вертѣть буркулами, т.-е. производить впечатлѣніе не однимъ мягкимъ голосомъ, но и прекрасными, выразительными глазами. Успенскому, которымъ идеальныя дѣвушки необыкновенно увлекались, вплоть до желанія поступить къ нему въ служанки, не было другой заботы, какъ отдѣлаться отъ нихъ вѣжливо, такъ сказать „съ пріятностью", доставляя имъ въ то же время возможность удовлетворенія съ другими ихъ умственныхъ и душевныхъ запросовъ. Много трогательнаго было въ отношеніяхъ этихъ двухъ людей другъ къ другу. Михайловскій ходилъ за Успенскимъ какъ нянька, а Успенскій держался по отношенію къ нему какъ капризный ребенокъ. При всемъ расхожденіи моемъ во взглядахъ съ Михайловскимъ, не столько въ вопросахъ житейскихъ, сколько въ вопросахъ научнаго метода и общественной доктрины, я сохранилъ о немъ добрую память, какъ о человѣкѣ весьма опредѣленныхъ воззрѣній, добросовѣстномъ, строго относящемся къ своимъ задачамъ писателѣ и критикѣ. Михайловскаго нельзя сравнивать по таланту съ Писаревымъ, но какая бездна отдѣляетъ его подготовленность отъ поверхностнаго отношенія Писарева къ поднимаемымъ имъ вопросамъ. Человѣка, который бы такъ широко понималъ задачи литературной критики, какъ Михайловскій, со временъ Чернышевскаго и Добролюбова не было у насъ, да и не оказалось и съ его смертью. Ни Овсянико-Куликовскій, ни Н. Котляревскій, не затрогиваютъ въ своихъ статьяхъ и трети вопросовъ, получавшихъ посильный отвѣтъ отъ Михайловскаго. Ихъ знанія въ области языковѣдѣнія и сравнительной литературы, можетъ-быть, больше; психологическій анализъ Куликовскаго несомнѣнно глубже, но ни о немъ, ни о Котляревскомъ, нельзя въ строгомъ

смыслѣ слова говорить, какъ о людяхъ энциклопедически образованныхъ, а эта черта несомнѣнно была присуща Михайловскому.

Чѣмъ дольше я жилъ въ Москвѣ, тѣмъ болѣе и болѣе расширялся кругъ моихъ личныхъ друзей и пріятелей. Изъ адвокатовъ я близко сошелся съ Вл. Ив. Танѣевымъ, одно время старшиною присяжныхъ повѣренныхъ. Это человѣкъ широкой начитанности, интересовавшійся въ то время соціальнымъ вопросомъ, какъ нынѣ—неминуемымъ торжествомъ желтой расы. Онъ прекрасно владѣлъ слогомъ, жестоко критиковалъ тотъ, какимъ мы пишемъ, печаталъ въ газетахъ только изрѣдка статьи, съ посвященіемъ себѣ самому, и доселѣ не закончилъ своего общаго разсужденія о будущихъ судьбахъ человѣчества. При значительной начитанности, при умѣньи собирать у себя людей, которымъ пріятно быть вмѣстѣ, при большомъ выборѣ въ знакомствахъ и откровенной рѣзкости въ сужденіяхъ о людяхъ и событіяхъ, Танѣевъ несомнѣнно въ другой обстановкѣ сдѣлался бы центромъ вліятельной политической партіи, которая бы оставила слѣдъ въ судьбахъ нашей родины. Въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ намъ приходилось жить въ то время, изъ него выработался неудовлетворенный средою, иногда негодующій, обыкновенно же скучающій философъ.

Довольно поздно, уже послѣ моего возвращенія изъ двухлѣтнихъ странствій по Европѣ, я сошелся съ двумя людьми, остающимися моими пріятелями и по настоящій день. Одинъ изъ нихъ—Иванюковъ, одно время министръ финансовъ въ освобожденной нами Болгаріи. Ему обязаны жители теперешняго царства отмѣной подушной подати. Проѣздомъ черезъ Варшаву онъ женился на своей отдаленной родственницѣ. Оба молодые супруга своей обходительностью, своей горячей отзывчивостью къ людямъ и событіямъ, вскорѣ сдѣлались центромъ кружка, посѣщаемаго особенно охотно весною и лѣтомъ, благодаря близости ихъ казенной квартиры къ Петровско-Разумовскому парку. Л. Н. Толстой одно время пріѣзжалъ къ нимъ верхомъ. Проѣздомъ черезъ Москву Михайловскій, Шелгуновъ, Успенскій и, разумѣется, Боборыкинъ, приняты были у нихъ какъ свои люди. За столомъ можно было встрѣтить красавицъ, за которыми, не ссорясь между собою, ухаживала вся эта литературная компанія. Другой мой пріятель былъ угрюмъ и одинокъ. Угрюмость заставляла его сторониться отъ свѣта, а одиночество—много работать для собственнаго развитія. Я разумѣю профессора Гамбарова. Это — одинъ изъ нашихъ образованнѣйшихъ юристовъ, очень строгій къ себѣ и другимъ, и потому все еще

поправляющій корректуры своего трактата о гражданскомъ правѣ, трактата, который потребуетъ по крайней мѣрѣ, трехъ томовъ — такъ много въ немъ накоплено сравнительнаго матеріала и такъ глубоко понимаетъ этотъ цивилистъ трактуемые имъ вопросы, связывая ихъ съ эволюціей гражданственности.

Быть-можетъ, самой отрадной стороною моей московской жизни было отсутствіе всякой серьезной розни и съ моими товарищами по преподаванію или литературной дѣятельности, и съ моими слушателями. Мимолетныя тренія вызывались, разумѣется, университетскими диспутами, факультетскими и совѣтскими засѣданіями, но они не оставляли слѣда и не портили отношеній. Когда рѣчь шла объ охранѣ интересовъ университета, мои товарищи постоянно поддерживали меня, но, разумѣется, ни одному изъ нихъ не приходило въ голову проводить меня на факультетскія или совѣтскія должности. Всѣ знали и мою матеріальную обезпеченность, и отсутствіе во мнѣ какого-либо честолюбія, и мое желаніе имѣть побольше свободнаго времени какъ для занятій, такъ и для удовольствій. Административныя способности мы, точно сговорившись, признавали за людьми, или никогда не занимавшимися наукой, или переставшими заниматься ею. Только этимъ и объясняется неизмѣнное присутствіе во главѣ юридическаго факультета врача Легонина, который за все время своего деканства изъ уваженія къ наукѣ только разъ проявилъ себя актовой рѣчью объ афазіи. Этотъ въ общемъ добрый и разумный человѣкъ велъ весьма умѣло наши засѣданія, охотно поддерживалъ передъ начальствомъ оставляемыхъ нами при каѳедрѣ молодыхъ людей, отстаивалъ интересы факультета предъ совѣтомъ и никогда не запускалъ дѣлъ, въ то же время не требуя отъ насъ особаго напряженія и созывая факультетъ не чаще, чѣмъ слѣдовало. Тѣми же соображеніями мы руководствовались и при выборѣ въ секретари факультета Н. П. Боголѣпова. Онъ не поражалъ никого ни умомъ, ни талантами. Его диссертаціи не выходили изъ числа заурядныхъ, а внѣ ихъ онъ ничего не писалъ, кромѣ учебниковъ. Читая на первомъ курсѣ, онъ, разумѣется, имѣлъ большую аудиторію. Отношеніе его къ товарищамъ и студентамъ было корректное. Мысли онъ высказывалъ всегда благоразумныя и либеральныя. Знали, что онъ нуждается въ средствахъ и для этого состоитъ инспекторомъ въ какомъ-то женскомъ институтѣ. Чтобы увеличить его доходъ, молодые профессора въ факультетѣ сговорились между собою и провели его весьма единодушно въ секретари. Такъ какъ за все время его секретарства онъ никого не обидѣлъ, то при выборѣ новаго ректора

на немъ сошлись, какъ на кандидатѣ факультета. Рѣшено было одновременно поддерживать кандидатовъ и отъ другихъ факультетовъ, между прочимъ Склифасовскаго, предложеннаго медиками, подъ условіемъ, разумѣется, взаимности. Но среди нихъ оказалось меньше единодушія и Склифасовскій получилъ, поэтому, недостаточное число голосовъ. Боголѣповъ одно время не хотѣлъ даже занять должности ректора, ссылаясь на то, что избравшіе его невполнѣ согласны съ его убѣжденіями. Мы вмѣстѣ возвращались съ выборовъ, и мнѣ пришлось доказывать ему, что о расхожденіи съ нами во взглядахъ мы слышимъ впервые. Въ первые годы его ректорства Боголѣповъ оставался прежнимъ добрымъ товарищемъ, не выступалъ съ протестами противъ нашей якобы либеральной агитаціи и только хлопоталъ объ одномъ, чтобы наши заявленія не попадали въ протоколъ. При случаѣ онъ умѣлъ даже выгораживать кое-кого изъ товарищей. Когда министру Делянову не понравились лекціи Ключевскаго и онъ задумалъ предложить переходъ ему въ Казань, Боголѣповъ сразу остановилъ эти намѣренія министра, убѣдивъ его, что Троицко-Сергіевская академія не отпуститъ Ключевскаго, такъ какъ имъ очень дорожатъ въ духовныхъ сферахъ. Ни на кого другого, какъ на меня, было возложено передать заинтересованному лицу содержаніе этого разговора, при чемъ мнѣ сказали, разумѣется, что это надо сдѣлать келейно и частнымъ образомъ. Боголѣповъ развернулся уже послѣ моего ухода изъ университета. Во все же время переговоровъ о моей отставкѣ онъ держался нейтральнаго положенія. Отношенія съ нимъ были настолько товарищескія, что я шутя звалъ его на лекціи слѣдить за тѣмъ, достаточно ли онѣ благонамѣренны. Онъ, разумѣется, отшучивался. Когда меня удалили, я получилъ отъ многихъ товарищей коллективное посланіе съ выраженіемъ ихъ соболѣзнованія. На немъ не было подписи ректора, но два дня спустя пришло письмо съ выраженіемъ полнаго сочувствія и съ прибавкой, что къ коллективнымъ заявленіямъ Боголѣповъ не считалъ возможнымъ присоединиться. Я на это отвѣтилъ ему отповѣдью. Послѣ этого мы съ нимъ не встрѣчались.

Разъ я заговорилъ о начальствѣ, упомяну вскользь и о тѣхъ отношеніяхъ, какія въ то время существовали между профессорами университета и попечителемъ. Я попалъ въ число преподавателей еще при дѣйствіи устава 1863-го года. Попечителя кн. Мещерскаго, я, поэтому, не видѣлъ до тѣхъ поръ, пока онъ не выразилъ желанія присутствовать на одной изъ моихъ лекцій. Въ этотъ годъ предметомъ моихъ чтеній была сравнительная исторія семейнаго

права. Онъ съ удивленіемъ отмѣтилъ присутствіе въ аудиторіи очень большого числа слушателей и болѣе ко мнѣ не приходилъ. Съ введеніемъ новаго устава мы получили и новаго попечителя, графа Капниста. О немъ писано за послѣднее время немало въ разныхъ мемуарахъ изъ того времени, и, кажется, не все писанное клонится къ его чести. Мнѣ пришлось имѣть дѣло съ графомъ по случаю моей отставки, и я долженъ сказать, что переговоры, какіе мнѣ выпало въ удѣлъ вести съ нимъ, возлагаютъ на меня обязанность сказать, что это былъ вѣжливый сановникъ и къ тому же проникнутый чувствомъ законности. Когда затребовали изъ Петербурга мои лекціи, я не увидѣлъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы передать въ руки попечителя тотъ конспектъ, какимъ я пользовался при чтеніи ихъ, настаивая, разумѣется, на скорѣйшемъ его возвращеніи. Конспектъ препровожденъ былъ въ столицу и мѣсяца черезъ два вернулся ко мнѣ. По требованію министра, я нѣсколько разъ вызывался попечителемъ для выслушанія замѣчаній и предостереженій. Каждый разъ графъ держался какъ человѣкъ, вполнѣ оцѣнившій совѣтъ Талейрана: не обнаруживать чрезмѣрнаго рвенія. Онъ выслушивалъ объясненія и обѣщалъ передать ихъ высшему начальству. Однажды онъ поразилъ меня заявленіемъ, въ которое вкрались слова: „я предвижу скорый конецъ гнусной травлѣ, на васъ направленной". Мнѣ оставалось только отвѣтить, что такой исходъ, вѣроятно, въ значительной степени будетъ вызванъ его поведеніемъ. Много лѣтъ спустя, когда я устроился уже на долгіе годы во Франціи, мнѣ переданъ былъ его поклонъ. Я поспѣшилъ увѣдомить его, не помню уже, письменно или чрезъ посредника, что храню о немъ добрую память. Какъ я слышалъ впослѣдствіи, графъ Капнистъ выразилъ по этому случаю удовольствіе, говоря, что его дѣйствительныя намѣренія были поняты мною правильно. И теперь, обсуждая все его поведеніе, я могу только высказать увѣренность, что онъ скорѣе желалъ выгородить меня отъ ложныхъ обвиненій, чѣмъ обнаружить на мой счетъ всегда выгодное въ глазахъ высшаго начальства чиновное рвеніе.

Я сказалъ уже, что отношенія мои со студентами всегда были отличными. Они охотно посѣщали мои лекціи, писали работы, принимали участіе въ ихъ обсужденіи на семинаріяхъ и очень охотно оставались при моей каѳедрѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Но смерть безжалостно косила многихъ изъ оставленныхъ мною. Не стало Калачова, брата теперешняго члена Государственнаго Совѣта; не стало Харузина, кандидатская диссертація котораго объ обычномъ правѣ донскихъ каза-

ковъ была напечатана толстымъ томомъ и служитъ теперь настольной книгой для всякаго, кто желаетъ познакомиться съ особенностями быта этой обширной области нашего отечества. Послѣ моей отставки измѣнены были требованія, предъявленныя ранѣе къ лицамъ, желавшимъ подвергнуться магистерскому экзамену. Это заставило двухъ изъ нихъ посвятить себя иной карьерѣ: одинъ нынѣ засѣдаетъ въ Государственной Думѣ, другой служитъ судьею въ Москвѣ. Не всѣ изъ оставленныхъ мною по каѳедрѣ не довели до конца своихъ намѣреній. Они посвятили себя только другимъ родственнымъ спеціальностямъ. Профессоръ Дерюжинскій, на каѳедрѣ административнаго права въ петербургскомъ университетѣ, заявляетъ о своемъ прежнемъ занятіи правомъ государственнымъ работами, затрогивающими основные вопросы конституціонной жизни Англіи. Нечаевъ, занимая постъ юрисконсульта при министерствѣ юстиціи, читаетъ въ то же время лекціи по сравнительной исторіи права... Егіазаровъ преподаетъ государственное право въ Кіевѣ.

При всемъ вниманіи, какое студенты московскаго университета оказывали моимъ лекціямъ, я не всегда выносилъ съ экзамена убѣжденіе, что трудъ, мною затрачиваемый, не пропадаетъ даромъ, по крайней мѣрѣ, для большинства. Исторія политическихъ учрежденій, которая все чаще и чаще служила предметомъ моихъ чтеній, не можетъ быть хорошо усваиваема людьми, не имѣющими достаточной исторической подготовки, а эта подготовка съ каждымъ годомъ становилась все болѣе и болѣе скудною. Мы повели однажды открыто рѣчь объ этомъ въ совѣтѣ. Одни жаловались на то, что студентамъ съизнова приходится читать всѣ естественныя науки, другіе—что подготовка ихъ по физикѣ и химіи совершенно недостаточна. Къ нашимъ сѣтованіямъ присоединился и Герье; онъ заявилъ, что поступающимъ въ университеты не хватаетъ знакомства съ латынью. Что же, спрашивается, даетъ средняя школа? Я не могу сказать, чтобы на этотъ вопросъ мнѣ легко было дать опредѣленный отвѣтъ и теперь, когда на разстояніи восемнадцати лѣтъ я снова возобновилъ мою преподавательскую дѣятельность. Сравнивая тогдашнее отношеніе студенчества къ профессорамъ съ теперешнимъ, я долженъ сказать, что прежде оно было довѣрчивѣе и сердечнѣе. Мысль о томъ, что профессоровъ можно причислить къ предпринимателямъ и устроить забастовку въ посѣщеніи ихъ лекцій, въ это время никому еще не приходила въ голову. Политическія условія были нѣсколько иныя. Хотя такъ называемая университетская газета—т.-е. „Московскія Вѣдомости“, издаваемыя Катковымъ,—и запи-

малась неизмѣнно обличеніемъ непріятныхъ редакціи профессоровъ, а подчасъ и походомъ противъ студенчества, но этотъ органъ, даромъ намъ разсылаемый, не былъ распространенъ въ студенческой средѣ. Провокація не производила, благодаря этому, того дѣйствія, на которое она была разсчитана. Нужны были такія безтактныя выступленія, какъ защита реакціонной печатью той кулачной расправы со студентами, какую позволили себѣ московскіе охотнорядцы, чтобы вызвать серьезное волненіе среди молодежи. И тутъ намъ, пользовавшимся ея довѣріемъ молодымъ преподавателямъ, приходилось выступать съ обычнымъ совѣтомъ сохранять чувство мѣры, какъ неоцѣненное качество, свойственное англичанамъ и немало содѣйствовавшее успѣшному отстаиванію ими своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Сказать, что эти совѣты всегда принимались съ благодарностью — было бы преувеличеніемъ; но недовольство тѣмъ, что студенты считали чрезмѣрной выносливостью, проходило скоро, и добрыя отношенія возстановлялись. Я вынесъ изъ своего продолжительнаго общенія со студентами то впечатлѣніе, что они цѣнятъ въ профессорѣ трудъ, затрачиваемый имъ при исполненіи своихъ обязанностей, что ихъ не задѣваетъ развитіе взглядовъ, идущихъ вразрѣзъ съ ихъ собственными, если только лекторъ считаетъ нужнымъ обосновывать свои утвержденія тѣми или другими фактами и соображеніями, что они цѣнятъ простоту и товарищеское отношеніе. Все, что можетъ сблизить профессора со студентами, должно было бы входить въ программу такъ называемой университетской политики. Отсюда тотъ выводъ, что приравнивать студентовъ только къ слушателямъ—значитъ не только устранять возможность всякаго воспитательнаго на нихъ вліянія профессоровъ, но и порождать въ нихъ желаніе порѣже показываться въ университетѣ; вѣдь удобнѣе лежать въ постели и читать печатные конспекты. Во время моего преподаванія въ Москвѣ, такихъ конспектовъ не было: студенты составляли лекціи и литографировали курсы. Экзаменъ производился изъ прочитаннаго, а чужія сочиненія рекомендовались только для восполненія курса. Теперь же пошли иные порядки. Студенты, при обязательномъ посѣщеніи лекцій, не могли бы найти мѣста въ аудиторіи; профессора, издавши учебники или порекомендовавъ чужія руководства, не требуютъ отъ студентовъ знанія своихъ лекцій. Студенты же посѣщаютъ ихъ, смотря по времени года, нерѣдко черезъ одну, такъ какъ въ Петербургѣ встаютъ поздно и пріятно пропустить утренніе часы. Одинъ изъ моихъ товарищей недаромъ

уподобилъ чтеніе лекцій драматическимъ представленіямъ, а такъ какъ большинство профессоровъ—плохіе актеры, то публики собирается мало.

Чувствую, что начинаю брюзжать по-стариковски, а потому спѣшу прервать мой и безъ того затянувшійся разсказъ.

Максимъ Ковалевскій.

АННА-ВЕРОНИКА

H. G. Wells. „Ann-Veronica". A modern Love-Story. London, 1909.

(Окончаніе.)

XXXI *).

Однажды, вскорѣ послѣ великаго открытія Анны-Вероники, она получила въ лабораторіи телеграмму слѣдующаго содержанія: „Скучаю, свободенъ отъ занятій. Хотите пообѣдать сегодня вмѣстѣ гдѣ-нибудь и поговорить? Буду благодаренъ. Рамаджъ".

Анна-Вероника была рада его предложенію. Она не видѣла Рамаджа десять-одиннадцать дней, и ей хотѣлось поболтать съ нимъ; она была такъ полна своей любовью, и ей смутно хотѣлось разсказать объ этомъ Рамаджу. Во всякомъ случаѣ пріятно будетъ послушать о томъ, что̀ онъ дѣлалъ это время — теперь она, можетъ быть, лучше пойметъ его, тая въ себѣ, такъ близко отъ него, такую сокрушительную тайну.

Къ сожалѣнію Рамаджъ былъ въ нѣсколько меланхоличномъ настроеніи.

— Я заработалъ болѣе семисотъ фунтовъ въ эту недѣлю — сказалъ онъ.

— Это должно быть очень пріятно—сказала Анна-Вероника.

— Ничуть—сказалъ онъ;—это только ставка въ игрѣ.

— Но на такую ставку можно много кое-чего купить.

— Ничего такого, что̀ нужно.

---

*) См. апрѣль, стр. 187.

Онъ повернулся къ лакею, который держалъ карточку винъ.

— Ничто не можетъ развеселить меня, кромѣ шампанскаго.—Онъ задумался.—Вотъ это!—сказалъ онъ, и затѣмъ прибавилъ:—Нѣтъ, можетъ-быть это слаще? Хорошо, вотъ это.

— Всѣ мои дѣла идутъ хорошо,—сказалъ онъ, скрещивая руки и глядя на Анну-Веронику широко раскрытыми глазами.—И все же я далеко не счастливъ. Очевидно, я влюбленъ.—Онъ сталъ ѣсть супъ.—Я навѣрное влюбленъ—повторилъ онъ.

— Этого не можетъ быть—мудро сказала Анна-Вероника.

— Откуда вы знаете?

— Любовь не приводитъ въ грустное настроеніе.

— Вы-то откуда знаете?

— Я это знаю теоретически—сказала Анна-Вероника съ сіяющимъ лицомъ.

— Теорія ни при чемъ. Любовь—фактъ.

— Но этотъ фактъ долженъ приносить счастье.

— Я разстроенъ, о чемъ-то тоскую—что это значитъ?—Подошелъ лакей.—Пармезана. Уберите.

Онъ взглянулъ въ лицо Анны-Вероники и ему показалось, что она дѣйствительно сіяетъ. Онъ удивился ея словамъ, что любовь приноситъ счастье, и заговорилъ о цвѣтахъ, украшавшихъ столъ. Онъ наполнилъ ея стаканъ шампанскимъ.—Вы должны выпить, чтобы мнѣ стало веселѣе.

Когда они ѣли дичь, онъ опять вернулся къ вопросу о любви.

— Почему вы думали—спросилъ онъ съ жаднымъ выраженіемъ лица,—что любовь приноситъ счастье?

— Я это знаю.

— Какъ же вы это знаете?

Она удивилась его настойчивости.—Женщины понимаютъ это инстинктомъ—отвѣтила она.

— Правда ли—сказалъ онъ,—что женщины все понимаютъ инстинктомъ? Я сомнѣваюсь относительно чуткости этого женскаго инстинкта. Говорятъ, что женщина чувствуетъ, когда мужчина въ нее влюбленъ. По вашему, это вѣрно?

Анна-Вероника взяла на вилку листокъ салата съ глубокомысленнымъ выраженіемъ лица.—Я думаю—рѣшила она.

— Вотъ какъ!—многозначительно сказалъ Рамаджъ.

Анна-Вероника взглянула на него и удивилась его взгляду, въ который онъ хотѣлъ вложить больше выраженія, чѣмъ это было возможно. Наступило короткое молчаніе, полное для Анны-Вероники быстро мелькнувшихъ подозрѣній.

— Можетъ-быть, все это неправда относительно женскаго

инстинкта—сказала она.—Это говорятъ во избѣжаніе всякихъ объясненій. Или, можетъ-быть, замужняя женщина и дѣвушка—не одно и то же. Я не знаю. Я не думаю, чтобы дѣвушка могла знать, влюбленъ ли въ нее человѣкъ или нѣтъ.—Мысли ея улетѣли къ Капсу.—Дѣвушка никакъ не можетъ этого рѣшить—продолжала она.—Впрочемъ, все зависитъ, я думаю, отъ ея душевнаго состоянія. Если чего-нибудь очень хочется, то кажется, что это имѣешь. А я думаю, что если любишь человѣка, то непремѣнно сомнѣваешься въ его взаимности. А если очень любишь, то становишься совсѣмъ слѣпой,—именно тогда, когда хочется быть зрячей.

Она вдругъ остановилась, испугавшись, что Рамаджъ догадается о ея чувствахъ къ Капсу. У него дѣйствительно было очень заинтересованное выраженіе лица.

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ.

Анна-Вероника покраснѣла.—Можетъ-быть у меня нѣсколько смутныя обо всемъ этомъ представленія—сказала она.

Рамаджъ взглянулъ на нее и затѣмъ впалъ въ глубокое раздумье. Приходъ лакея оборвалъ ихъ разговоръ.

— Были вы когда-нибудь въ оперѣ, Анна-Вероника?—спросилъ Рамаджъ.

— Всего разъ или два.

— Пойдемте теперь.

— Я бы съ удовольствіемъ послушала музыку. Что сегодня идетъ?

— „Тристанъ".

— Я никогда не слышала „Тристана и Изольду".

— Значитъ, рѣшено: мы ѣдемъ. Навѣрное найдутся мѣста.

— Какъ это съ вашей стороны мило!—сказала Анна-Вероника.

— Мило съ вашей стороны, что вы ѣдете со мной!—сказалъ Рамаджъ.

Они тотчасъ же сѣли въ коляску. Анна-Вероника откинулась на спинку сидѣнья и стала смотрѣть на огни и туманный блескъ улицъ изъ-подъ слегка опущенныхъ вѣкъ. Рамаджъ сѣлъ къ ней ближе, чѣмъ нужно было, смотрѣлъ ей въ лицо, все собирался что-то сказать и ничего не говорилъ. Когда они пріѣхали въ Ковентгарденъ, Рамаджъ взялъ маленькую ложу бель-этажа; они вошли въ нее, когда уже началась увертюра.

Анна-Вероника сняла жакетку, сѣла на стулъ въ углу, а Рамаджъ сѣлъ рядомъ съ нею противъ сцены. Музыка всецѣло овладѣла ею, когда глаза ея перешли отъ смутно виднѣвшихся

рядовъ зрителей къ маленькому оркестру съ вздрагивающими смычками скрипокъ, съ методичными движеніями темныхъ и серебряныхъ инструментовъ. Она бывала прежде въ оперѣ въ дешевыхъ мѣстахъ, среди давки, видя передъ собой спины и шляпы, заслоняющія сцену. Тѣмъ ярче она почувствовала теперь все преимущество своего мѣста въ ложѣ. Занавѣсъ поднялся при послѣднихъ звукахъ увертюры и на сценѣ появилась Изольда на носу корабля. Раздался голосъ юнаго матроса и началась драма безсмертныхъ любовниковъ. Анна-Вероника неточно знала фабулу оперы и слѣдила за дѣйствіемъ съ глубокимъ вниманіемъ. Дивные голоса пѣли о любви; судно скользило по морю подъ ритмичные взмахи веселъ. Появился король Маркъ, среди возгласовъ матросовъ.

Занавѣсъ медленно опустился; музыка прекратилась, въ зрительномъ залѣ зажегся свѣтъ. Анна-Вероника проснулась отъ смутной грезы роковой любви среди сіянія звуковъ и красокъ и вдругъ увидѣла, что Рамаджъ сидитъ рядомъ съ нею, слегка обнявъ ее за талію. Она сдѣлала быстрое движеніе, и рука Рамаджа опустилась.

— Ахъ, Вероника!—сказалъ онъ, глубоко вздохнувъ:—какъ эта музыка волнуетъ душу!

Она молча посмотрѣла на него.

— Я хотѣлъ бы, чтобы мы съ вами выпили этотъ любовный напитокъ—сказалъ онъ.

Она не нашлась, что̀ ему отвѣтить, и онъ продолжалъ:

— Эта музыка—пища для любви. Она возбуждаетъ безграничную любовь къ жизни. Жизнь! Жизнь! Любовь! Мнѣ хочется быть молодымъ, сильнымъ, отдать мою жизнь любимому существу—и дивно умереть.

— Эта музыка красива — сказала Анна-Вероника тихимъ голосомъ.

Они больше ничего не говорили. Но каждый теперь остро чувствовалъ присутствіе другого. Анна-Вероника была глубоко поражена и почувствовала вдругъ странность въ своихъ отношеніяхъ съ Рамаджемъ. Она никогда не видѣла ихъ въ этомъ свѣтѣ. Она не была возмущена, а только безконечно удивлена и заинтересована. Но это не должно было продолжаться. Она боялась, что онъ скажетъ что-нибудь еще болѣе интимное — и при всемъ своемъ любопытствѣ не хотѣла этого слышать. Она почувствовала необходимость заговорить о чемъ-нибудь, не имѣющемъ личнаго характера, и заговорила о Вагнеровскихъ лейтмотивахъ. Онъ вступилъ въ разговоръ о техническихъ особен-

ностяхъ Вагнеровской музыки. Но Анна-Вероника ясно чувствовала и въ теченіе этого разговора, и во время всего второго акта, что онъ собирается сказать ей что-то новое, хочетъ коснуться ея. Она старалась подготовиться къ отвѣту. Въ ея мысляхъ царилъ Капсъ, но какимъ-то непонятнымъ образомъ Рамаджъ слился въ ея мысляхъ съ Капсомъ; ей казалось, точно это онъ сидитъ около нея, весь преисполненный любви. Она какъ-то не сознавала, что это ея другъ, которому она довѣрилась, и что онъ говоритъ ей о недозволенной любви. Музыка опьяняла ее, голова кружилась и она ничего не сознавала.

Вдругъ онъ схватилъ ее за руку. — Я люблю васъ, Вероника!—сказалъ онъ—люблю всей душою.

Она почувствовала его близость, сказала:—Оставьте!—стала выдергивать руку изъ его руки.

— Боже мой, Вероника!—сказалъ онъ, стараясь не выпускать ея руки.—Скажите мнѣ—скажите мнѣ, что вы меня любите!

Лицо его приняло жадное выраженіе. Она шопотомъ отвѣтила ему, указывая на сосѣднюю ложу: — Оставьте, здѣсь не мѣсто.

Онъ выпустилъ ея руку и заговорилъ въ полголоса съ отчаяніемъ:

— Анна-Вероника,—сказалъ онъ—это любовь. Я старался быть вамъ только другомъ, но это ни къ чему. Я васъ безконечно люблю и готовъ все отдать за то, чтобы вы были моею.

Анна-Вероника чувствовала, что ей слѣдуетъ подняться съ мѣста, оскорбиться и скорѣе уѣхать домой. Но почему-то ей не хотѣлось это сдѣлать. Рамаджъ былъ ей милъ, и ее глубоко занимало то, что онъ любитъ ее. Онъ продолжалъ говорить шопотомъ.

— Я васъ любилъ съ первой нашей встрѣчи — говорилъ онъ.—Что бы насъ ни раздѣляло, я все же люблю васъ больше всего на свѣтѣ...

Голосъ его слабо звучалъ среди пѣнія Тристана и короля Марка.

Она взглянула на его умоляющее лицо и опять обратила взоры на сцену, гдѣ Тристанъ былъ раненъ и надъ нимъ наклонился король Маркъ. Музыка кончилась и зрительный залъ снова освѣтился. Рамаджъ оборвалъ свой шопотъ и откинулся на спинку кресла.

Анна-Вероника пришла въ себя.

Она снова взглянула на него, изумляясь перемѣнѣ въ своемъ

спокойномъ другѣ, который вдругъ превратился въ пламенно любящаго. Онъ глядѣлъ на нее страстнымъ, умоляющимъ взглядомъ.

— Говорите! — умолялъ онъ.—Говорите, скажите мнѣ что-нибудь!

Ей было жаль его, но она понимала, что положеніе безвыходное. Она была странно взволнована и почему-то вспомнила, что фактически живетъ на его деньги.

— М-ръ Рамаджъ,—сказала она, слегка наклонившись къ нему.—Пожалуйста, не говорите мнѣ всего этого; я не хочу слушать. Еслибы я это предвидѣла, я бы не пришла сюда.

— Но я долженъ съ вами говорить—сказалъ онъ.—Я долженъ сказать вамъ все, что у меня на душѣ.

— Но не здѣсь, не здѣсь. Я васъ прошу; а не то я уйду.

Онъ глядѣлъ на нее, стараясь проникнуть въ ея мысли.

— Вы хотите уйти?—спросилъ онъ.

— Я должна уйти.

— Мнѣ необходимо съ вами говорить. Я долженъ вамъ сказать, что люблю васъ безгранично.

— Въ такомъ случаѣ не говорите со мной теперь. Здѣсь не мѣсто.

Они глядѣли другъ на друга, ничего не понимая.

— Простите меня! — сказалъ онъ и положилъ руку на ея колѣно.—Я безумецъ. Было безконечно глупо вдругъ все сказать. Но вы простите меня, если я больше не буду говорить?

Она смотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Представьте себѣ—сказалъ онъ,—что я всего этого не сказалъ. Представьте себѣ, что у меня былъ истерическій припадокъ и что онъ прошелъ.

— Хорошо!—сказала она, и вдругъ онъ ей сталъ необыкновенно милъ. Она почувствовала, что это—единственный исходъ изъ создавшагося положенія. Онъ продолжалъ смотрѣть на нее.

— Хотите, поговоримъ обо всемъ этомъ въ другой разъ, когда мы сможемъ говорить безъ помѣхи? Хотите?

Она задумалась, и ему казалось, что никогда еще она не была такъ прекрасна.

— Да—сказала она.—Такъ мы и сдѣлаемъ.

Ему хотѣлось крикнуть отъ радости.

— Хорошо—сказалъ онъ, крѣпко схвативъ ее за руку.—А сегодня мы друзья?

— Мы друзья—сказала Анна-Вероника и быстро отдернула руку.

— Между нами сегодня ничего не измѣнилось. Только му-

зыка погрузила насъ въ безконечное блаженство. Я вамъ мѣшалъ слушать. Хорошо, что вы еще слышали первый актъ. Ну, а третій актъ — музыка любовныхъ мукъ. Тристанъ умираетъ; Изольда приходитъ вѣнчать его смерть. Вагнеръ былъ влюбленъ, когда писалъ это. И я всегда буду помнить сегодняшній вечеръ, слушая эту музыку.

Погасли огни. Началась прелюдія къ третьему акту; въ музыкѣ слышалась тоска разлученныхъ любовниковъ. Занавѣсъ взвился; Тристанъ лежалъ раненый на своемъ ложѣ.

XXXII.

Разговоръ ихъ возобновился на слѣдующій вечеръ, но онъ вышелъ совсѣмъ другимъ, чѣмъ ожидала Анна-Вероника. Рамаджъ заѣхалъ за нею и она была съ нимъ необыкновенно мягка, точно раскаявалась въ томъ, что опечалила его. На немъ былъ новый цилиндръ и онъ имѣлъ странно торжествующій видъ; видно было, что онъ старается скрыть сильное возбужденіе. Онъ предложилъ ей поѣхать обѣдать въ знакомый ему ресторанъ, гдѣ они смогутъ потолковать въ отдѣльной комнатѣ, и вскорѣ они очутились въ маленькомъ кабинетѣ ресторана „Рококо“ на Джермэнъ-Стритѣ. Въ комнатѣ стоялъ большой шелковый диванъ и парадно накрытый къ обѣду столъ былъ убранъ оранжерейными цвѣтами.

— Тутъ можно говорить не стѣсняясь, — сказалъ Рамаджъ и помогъ Аннѣ-Вероникѣ снять жакетку.

Обѣдъ былъ, видимо, заказанъ раньше; лакей, не дожидаясь приказаній, сталъ подавать къ столу.

— Я буду говорить на безразличныя темы — сказалъ Рамаджъ, — пока будетъ приходить лакей съ блюдами. А потомъ мы останемся вдвоемъ... Какъ вамъ понравился „Тристанъ“?

Когда обѣдъ кончился, лакей получилъ по счету и вышелъ изъ комнаты; Рамаджъ, къ удивленію Анны-Вероники, подошелъ къ двери и заперъ ее на ключъ.

— Теперь — сказалъ онъ — никто не можетъ намъ помѣшать; мы предоставлены самимъ себѣ.

Анна-Вероника старалась не выказать своего удивленія, но почувствовала себя неловко.

— Сядьте, пожалуйста—сказала она Рамаджу, который неподвижно стоялъ около нея, глядя ей въ глаза. Ей сдѣлалось почему-то страшно, хотя она старалась это скрыть.

— Анна-Вероника!—сказалъ онъ, и прежде чѣмъ она могла что-либо отвѣтить ему, онъ очутился около нея и, обнявъ ее за талію поцѣловалъ ее.

У Анны-Вероники было такое чувство, точно все вокругъ нея закружилось и упало. Въ эту минуту она готова была убить Рамаджа.

— Мистеръ Рамаджъ!—крикнула она, стараясь встать; но онъ не отпускалъ ее, продолжая цѣловать и называть ее ласковыми именами.

Стиснувъ губы, она съ силой откинула голову и стала бороться съ нимъ, чтобы высвободиться изъ его объятій.

— Какъ вы смѣете, какъ вы смѣете!—говорила она сквозь зубы. Къ удивленію Рамаджа, она оказалась сильнѣе, чѣмъ онъ думалъ, такъ какъ усердно занималась спортомъ и прошла курсъ „джу-джитсу". Ей удалось оттолкнуть его и она стояла передъ нимъ раскраснѣвшаяся, съ гнѣвно сверкающими глазами.

— Почему вы такъ вспылили?—проговорилъ м-ръ Рамаджъ.— Вы вѣдь знали, что мнѣ нравитесь, и что я добиваюсь вашей любви.

Теперь только Анна-Вероника поняла свое положеніе, поняла, почему ее завлекли въ комнату съ такой странной обстановкой.

— Вы знали, что я васъ люблю,—продолжалъ Рамаджъ.— А теперь вы меня чуть не задушили. Я увѣренъ, что у меня внутреннее поврежденіе. Мнѣ очень больно.

— Очень жаль — сказала Анна-Вероника,—но что же мнѣ было дѣлать?

Она нѣсколько минутъ глядѣла на него, думая при этомъ объ очень многомъ. До чего ея чувства были бы непонятны ея бабушкѣ—говорила она себѣ.—Ей полагалось кричать и падать въ обморокъ, выражать на своемъ лицѣ оскорбленную гордость, а между тѣмъ, при всемъ своемъ возмущеніи и нѣкоторомъ испугѣ, она какъ-то чувствовала на днѣ всѣхъ другихъ переживаній, что вся эта исторія, въ концѣ концовъ,—довольно смѣшная. Она нисколько не боялась Рамаджа и онъ даже ей нравился; самый фактъ поцѣлуя — перваго въ жизни—не казался ей такимъ возмутительнымъ... Только нѣсколько часовъ спустя всѣ эти наносныя чувства исчезли и она почувствовала уродливость и позоръ борьбы съ Рамаджемъ.

Онъ былъ очень огорченъ своимъ пораженіемъ.

— Я васъ не отпущу,—сказалъ онъ, когда она объявила, что сейчасъ же уѣдетъ.—Вы мнѣ еще больше нравитесь съ тѣхъ поръ какъ я узналъ, какой вы чертенокъ... Вы—самая очарова-

тельная дѣвушка, какую я видѣлъ. И я радъ, что поцѣловалъ васъ хотя бы такою цѣной. Но и сердитая же вы! Точно римлянка, прячущая кинжалъ въ волосахъ... Не останавливайте меня. Теперь уже поздно притворяться чопорной барышней; вы не можете сказать, что ничего не знаете. Нужно же когда-нибудь перейти отъ сновъ къ дѣйствительности. Никто васъ не будетъ такъ любить, какъ я, и вы должны уступить мнѣ. Я мечталъ о васъ столько времени! Я представлялъ себѣ...

— М-ръ Рамаджъ, я никогда бы не подумала, что вы осмѣлитесь...

— Глупости! Ваше несчастье въ томъ, что вы слишкомъ разсудочны. Вы боитесь поцѣлуевъ, боитесь своей собственной горячей крови. Вы просто еще не знаете эту сторону жизни.

Онъ сдѣлалъ шагъ къ ней.

— М-ръ Рамаджъ, — рѣзко сказала она:—вы, кажется, не понимаете меня. Я не люблю васъ. Я люблю другого человѣка, и мнѣ противно прикосновеніе вашей руки.

Онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Вы любите другого?

— Да, я люблю другого. И никогда не полюблю васъ.

Онъ раскрылъ ей свое пониманіе отношеній между мужчинами и женщинами слѣдующимъ неожиданнымъ вопросомъ.

— Почему же, чортъ возьми, — спросилъ онъ,—почему вы принимали мои приглашенія въ оперу и на обѣды и почему вы согласились обѣдать со мною въ отдѣльномъ кабинетѣ?

Онъ весь побагровѣлъ отъ гнѣва.

— Такъ вы говорите мнѣ—сказалъ онъ,—что у васъ есть возлюбленный? Зачѣмъ же я давалъ вамъ деньги? Да, зачѣмъ?

Она вся окаменѣла отъ его словъ. Ей хотѣлось уйти, но она не могла двинуться съ мѣста. И при этомъ она не подумала, какое значеніе онъ придаетъ слову „возлюбленный".

— М-ръ Рамаджъ,—сказала она, думая только объ одномъ,— Я хочу уйти отсюда. Я, конечно, глупо поступила. Будьте добры, отворите дверь.

— Нѣтъ! — сказалъ онъ.—Мнѣ нѣтъ дѣла до вашего возлюбленнаго. Я ему васъ не уступлю. Я давалъ вамъ деньги и хочу за это что-нибудь имѣть. Я завоюю васъ доброй волей или силкомъ. Я поцѣлую васъ. Вы не сможете мнѣ помѣшать.

Онъ сдѣлалъ шагъ къ ней, но она быстро отступила и, схвативъ со стола рюмку, бросила ее объ полъ.

— Я разобью все стекло со стола, если вы подойдете ко мнѣ!

— Тогда васъ посадятъ въ тюрьму!—сказалъ онъ.

На минуту Анна-Вероника смутилась, увидавъ въ своемъ воображеніи полицію, судъ, позоръ, плачущую тетку, блѣднаго отца.

— Не подходите!—сказала она.

У дверей раздался легкій стукъ, и Анна-Вероника поняла, что она спасена.

Онъ подошелъ къ двери.

— Хорошо!—сказалъ онъ, отвѣчая кому-то за дверью.

Анна-Вероника подошла къ зеркалу въ то время, какъ Рамаджъ давалъ кому-то объясненія:—...Non. Pas du tout. Non... Niente... Bitte!.. Oui, dans la note... Сейчасъ! Сейчасъ.—

Разговоръ, кончился, и онъ снова подошелъ къ ней.

— Я ухожу — мрачно сказала она и, взявъ свою шляпу, стала ее надѣвать. Онъ грозно посмотрѣлъ на нее.

— Послушайте, Анна-Вероника!—сказалъ онъ.—Я долженъ съ вами поговорить. Неужели вы не поняли, почему я васъ привелъ сюда?

— Нѣтъ!—твердо сказала Анна-Вероника.

— Вы не ожидали, что я васъ поцѣлую?

— Какъ я могла представить себѣ нѣчто подобное, разъ вы знаете, что я васъ не люблю!

— Этого я не могъ знать — сказалъ онъ. — Какое у васъ представленіе о жизни? На какомъ основаніи, по вашему, я оказывалъ вамъ всяческія любезности? Просто изъ доброты? Какъ вы могли думать, что дѣвушка можетъ все принимать отъ мужчины, ничего не давая взамѣнъ?

— Я васъ считала своимъ другомъ—сказала она.

— Какая можетъ быть дружба между мужчиной и женщиной? И даже при дружбѣ должна быть какая-нибудь взаимность. А *онъ*—знаетъ, что я даю вамъ деньги? Удивительный вы народъ—женщины! Настоящіе паразиты, живущіе на чужой счетъ. Вы умѣете быть очаровательными, когда нуждаетесь въ помощи. А потомъ обманываете. Этотъ вашъ возлюбленный...

— Онъ ничего не знаетъ!—крикнула Анна-Вероника.

— Но вѣдь вы-то знаете!

Анна-Вероника готова была расплакаться.

— Вы знаете, что я у васъ только взяла въ займы эти деньги. Вы сами говорили, что даете ихъ въ долгъ.

— Это только такъ говорится. Вы отлично понимаете, что вы мнѣ этихъ денегъ не отдадите. Обычная женская манера. Женщины никогда не платятъ за то, что получаютъ. Онѣ отка-

зываются отъ платежа подъ предлогомъ чистоты и нѣжности чувствъ.

— М-ръ Рамаджъ,—сказала Анна-Вероника—теперь, однако, я уйду.

Но онъ не отпустилъ ее сразу. Его гнѣвъ быстро прошелъ, и онъ сталъ извиняться, объясняя свое поведеніе оскорбленной любовью, говоря о томъ, какъ искренно онъ страдаетъ страстью къ ней. Она молча слушала его, смутно понимая его слова и чувствуя только, что всѣ ея мечты о свободной жизни и свободной, безкорыстной дружбѣ съ мужчинами разбиты. Онъ разсѣялъ ея иллюзіи, объяснивъ ей, что женщина должна платить за любовь къ ней мужчины. Онъ былъ возмущенъ, что далъ сорокъ фунтовъ дѣвушкѣ, которая предпочитала другого. Онъ это считалъ обманомъ, при всей своей любви къ ней, и сталъ, даже грозить подписаннымъ ею чекомъ. Онъ оскорблялъ ее намеками на ея возлюбленнаго, и Анна-Вероника не могла даже объяснить ему, что тотъ, кого она любитъ, не знаетъ объ ея любви.

Когда, наконецъ, Рамаджъ отворилъ дверь, она вышла съ блѣднымъ лицомъ и широко раскрытыми глазами на лѣстницу, освѣщенную краснымъ фонаремъ, прошла мимо трехъ лакеевъ, зорко глядѣвшихъ на нее, спустилась по тяжелому ковру и вышла, наконецъ, изъ отеля „Рококо“, мимо высокаго швейцара въ красной съ синимъ ливреѣ.

XXXIII.

Вернувшись къ себѣ, Анна-Вероника вся дрожала отъ стыда и отвращенія къ самой себѣ. Сбросивъ шляпу и пальто, она сѣла къ огню.

— Что я надѣлала, что я надѣлала! Какъ мнѣ изъ всего этого выпутаться, какъ мнѣ отдать сорокъ фунтовъ, когда у меня всего двадцать?

Она встала, топнула ногой объ полъ, потомъ вспомнивъ, что внизу живетъ хозяинъ, сѣла и сняла ботинки.

— Вотъ къ чему привела меня свобода! — говорила она себѣ. — Тетѣ было лучше жить, чѣмъ мнѣ. Она спокойно покорялась женской участи и не знала, каковы мужчины, когда они не притворяются.

Ей казалось въ эту минуту, что жизнь полная стѣсненій, когда дѣвушку не пускаютъ никуда безъ провожатаго—какой-то потерянный рай.

— Можетъ быть, я не хорошо воспитана, — говорила она себѣ. — Можетъ быть, еслибы я вела себя съ бо̀льшимъ достоинствомъ, онъ бы не посмѣлъ...

Она вспомнила о томъ, какъ раздѣлалась съ Рамаджемъ, и ей стало совѣстно за свою рѣзкость.

— И главное, какъ вернуть деньги? — спрашивала она себя.

Она провела безсонную ночь, отъ времени до времени вставая и разгуливая по комнатѣ, и все думала о положеніи женщины, о томъ, что для достиженія свободы ей всетаки пришлось обратиться за помощью къ мужчинѣ. Отказавшись отъ помощи отца, она не сдѣлалась самостоятельной, а обратилась къ другому человѣку.

— Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? — восклицала она, успокаиваясь только тѣмъ, что упрекала себя за все случившееся. — Неужели придется вернуться домой? Ей казалось невозможнымъ вернуться въ Морнинсайдъ-Паркъ и признать свое пораженіе. — Я лучше поступлю куда-нибудь въ хоръ — сказала она себѣ.

Она не давала себѣ яснаго отчета въ томъ, что̀ значитъ быть хористкой, но ей смутно казалось, что угроза стать хористкой могла бы заставить ея отца пойти на капитуляцію. Во всякомъ случаѣ она чувствовала, что никогда не сможетъ признаться отцу въ этомъ долгѣ. А между тѣмъ, если она вернется домой, эти деньги необходимо будетъ возвратить.

На слѣдующее утро она послала телеграмму въ сберегательную кассу о выдачѣ ей всѣхъ ея денегъ; ихъ было двадцать два фунта. Она написала на конвертѣ адресъ Рамаджа и вложила въ конвертъ листикъ бумаги со словами: „остальное скоро пришлю“. Деньги изъ кассы ей должны были выдать въ теченіе дня, и она рѣшила послать Рамаджу четыре пятифунтовыхъ билета. Остальное она оставитъ себѣ на жизнь, сказала она себѣ. Успокоенная этимъ рѣшеніемъ, она направилась въ лабораторію, чтобы забыть, если возможно, всю сложность обстоятельствъ ея жизни въ обществѣ Капса.

Лабораторная работа оказала на нее исцѣляющее дѣйствіе. Она забыла о своихъ печаляхъ, и только послѣ того, какъ Капсъ осмотрѣлъ ея работу и пошелъ дальше, она вспомнила, что вскорѣ ей придется прекратить занятія и что она никогда больше не увидитъ Капса. Нервное возбужденіе снова охватило ее Она сдѣлалась невнимательна къ работѣ, почувствовала сонливость и раздраженіе. Она позавтракала въ молочной на Портландъ-Стритѣ и потомъ сѣла на скамейку въ Риджентсъ-Паркѣ, глубоко задумавшись надъ своей судьбой.

Дѣвочка лѣтъ пятнадцати-шестнадцати протянула ей листокъ съ заголовкомъ: „Избирательныя права женщинъ!“

Она стала думать объ общихъ вопросахъ, чувствуя теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, что положеніе дѣвушки въ обществѣ — очень печальное.

Капсъ пришелъ пить чай со студентами. Онъ былъ въ очень веселомъ настроеніи и не замѣтилъ озабоченнаго вида Анны-Вероники. Миссъ Клегъ подняла вопросъ о женскихъ избирательныхъ правахъ; онъ вызвалъ дуэль на словахъ между нею и миссъ Гарвисъ и все время втягивалъ въ разговоръ Анну-Веронику. Но она отвѣчала вяло. Потомъ, чтобы пересилить себя, она стала возражать и незамѣтно втянулась въ споръ съ Капсомъ, который сталъ на сторону противниковъ женщинъ, доказывая, что мужчины—терпѣливые мученики, а женщины—баловни природы. Разговоръ имѣлъ скорѣе шутливый характеръ, но для Анны-Вероники онъ пріобрѣлъ трагическое значеніе. Она чувствовала невозможность объяснить свои чувства человѣку, котораго она полюбила, и ей было тяжело, что онъ не понимаетъ роковую трагичность условій, въ которыхъ живутъ женщины. Миссъ Клегъ и миссъ Гарвисъ говорили о томъ, слѣдуетъ ли женщинѣ заниматься мужскими интересами, или же она должна сосредоточиться на семейной жизни. Анна-Вероника съ горечью сказала, что семья для женщины—настоящая тюрьма.

— Ни одинъ мужчина не можетъ понять, — горячо воскликнула она, обращаясь къ Капсу и точно говоря только съ нимъ,— какъ складывается жизнь женщины. Намъ внушаютъ, что мы свободны, что мы королевы—а потомъ оказывается, что мужчины никогда не относятся къ женщинѣ честно, такъ честно, какъ они относятся другъ къ другу. Мужчина или нуждается въ женщинѣ, или нѣтъ—и если нѣтъ, онъ становится союзникомъ другой женщины... Подумайте, какъ мы обмануты! Вѣдь у насъ тѣ же желанія, тѣ же мысли, какъ у мужчинъ, а мы на каждомъ шагу стѣснены. Считается, что у насъ есть какая-то свобода... Пробовали вы ходить въ юбкахъ, мистеръ Капсъ? Представьте же, каково жить въ нихъ душою и тѣломъ. Хорошо вамъ шутить надъ нашимъ положеніемъ!..

— Я не шутилъ!—поспѣшно отвѣтилъ Капсъ.

Его твердый отвѣтъ остановилъ Анну-Веронику. Она была совершенно разбита охватившимъ ее возбужденіемъ. Ей казалось нестерпимымъ, что онъ стоитъ такъ близко отъ нея и не подозрѣваетъ своего значенія для нея. Все въ жизни ей было противно, кромѣ него. Всѣ ея скрытыя чувства рвались наружу.

При звукѣ его голоса она потеряла нить разговора и тогда только замѣтила, что обращаетъ на себя общее вниманіе, что слезы набѣгаютъ на ея глаза. Она замѣтила, съ какимъ изумленіемъ смотритъ на нее молодой студентъ-шотландецъ, и ей захотѣлось скорѣе выйти изъ комниты и дать волю слезамъ. Капсъ точно понялъ ея настроеніе и быстро раскрылъ передъ нею двери въ коридоръ.

Сбѣжавъ съ лѣстницы, она рѣшила больше не возвращаться въ лабораторію. Взявъ деньги, она отправила ихъ Рамаджу. Возвращаться домой ей не хотѣлось, и она пошла черезъ паркъ къ Зоологическому саду, думая пройти еще дальше, въ Гамстэдъ-Гисъ. Ей хотѣлось побродить въ темнотѣ и обдумать все, что ее мучило.

Но вдругъ она услышала за собой торопливые мелкіе шаги, и передъ нею очутилась нагонявшая ее миссъ Клегъ. Она присоединилась къ Аннѣ-Вероникѣ и стала говорить о м-рѣ Капсѣ, очень осуждая его за рѣзкость его мнѣній. Она упоминула, что послѣ ухода Анны-Вероники онъ быстро ушелъ въ препаровочную, спасаясь этимъ отъ тѣхъ вѣскихъ возраженій, которыя собиралась ему сдѣлать она. Миссъ Клегъ признавала, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдающійся умъ Капса, который состоитъ уже членомъ Королевскаго Общества, хотя ему навѣрное не болѣе тридцати лѣтъ.

— Онъ женился, вѣроятно, очень молодымъ—прибавила она.

— Женился?—спросила Анна-Вероника.

— Развѣ вы не знали, что онъ женатъ?—спросила миссъ Клегъ, удивленно взглянувъ на свою спутницу.—Я думала, что всѣ знаютъ.

— Я не знала,—отвѣтила Анна-Вероника, овладѣвъ собою.

— Какъ же! Онъ женатъ, но, кажется, живетъ отдѣльно отъ жены. Былъ какой-то процессъ о разводѣ нѣсколько лѣтъ назадъ. Я не помню подробностей, но было что-то непріятное. Странно, что вы не слышали. Можетъ быть, я напрасно выдала его тайну.

— Я думаю, что у всѣхъ мужчинъ бываютъ разныя исторіи—сказала Анна-Вероника съ напускнымъ равнодушіемъ.—Впрочемъ, какое намъ до этого дѣло? Прощайте!—сказала она, сворачивая съ дороги, по которой они шли.—Я иду домой.

— А я думала, что вы собирались идти гулять дальше.

— Нѣтъ—отвѣтила Анна-Вероника.—Меня ждетъ работа. Я хотѣла только подышать воздухомъ. Къ тому же уже поздно и скоро запрутъ ворота.

Около десяти часовъ вечера, когда она сидѣла у огня, ей подали запечатанный заказной пакетъ. Она открыла его и вынула письмо. Въ немъ оказались сложенные банковые билеты, которые она отослала Рамаджу. Письмо начиналось такъ: „Дорогая моя дѣвочка, я не могу допустить, чтобы вы сдѣлали такую глупость“.

Она скомкала въ рукѣ письмо и билеты и съ негодованіемъ бросила ихъ вмѣстѣ въ огонь. Послѣ того, она сейчасъ же схватила кочергу, чтобы скорѣе выхватить все изъ огня. Но ей удалось спасти только кончикъ письма. Двадцать фунтовъ сгорѣли.

Она нѣсколько минутъ стояла на колѣняхъ передъ каминомъ.

— Теперь все кончено!—сказала она, наконецъ, поднявшись.

XXXIV.

— Мнѣ осталось только одно—сказала Анна-Вероника, сидя на кровати и кусая ногти.—Вся жизнь—дѣло удачи. Въ особенности—женская жизнь. Нужно найти подходящаго мужчину и отъ его воли зависитъ наша жизнь... Можетъ быть, впрочемъ, актриса болѣе свободна...

Она стала мечтать о такомъ устройствѣ общества, когда бы женщина могла дѣйствительно быть равной мужчинѣ. На минуту она остановилась на соціалистическомъ идеалѣ, на мысли о „материнскомъ фондѣ“, который бы освобождалъ женщину отъ теперешней подчиненности мужчинѣ.

— Это вѣдь правда—говорила она, точно отвѣчая какому-то противнику.—Чтобы женщины освободились, нужны поколѣнія мученицъ. Можетъ-быть мы и принадлежимъ къ этому поколѣнію.—Она вспомнила о бѣдной миссъ Миниверъ, дѣло которой казалось Аннѣ-Вероникѣ правымъ, хотя оно и было окружено такимъ количествомъ нелѣпостей. Анна-Вероника вспомнила о томъ, что по этому поводу говорилъ Капсъ—и мысли ея обратились на него и на тотъ преобразованный міръ, о которомъ мечтали фабіанцы и другіе проповѣдники новыхъ идей. „Еслибы какимъ-нибудь сложнымъ, но вполнѣ понятнымъ для разума образомъ женщины получили общественную независимость, все бы измѣнилось. Я могла бы пойти къ нему и сказать, что я его люблю. Въ этомъ не было бы ничего оскорбительнаго ни для кого. Я ничего отъ него не требую. Я хочу только немного любви“. Ей хотѣлось въ эту минуту цѣловать его ноги, но потомъ она стряхнула съ себя это рабское настроеніе и твердо рѣшила побѣдить свои чувства. Мысли ея приняли новое направленіе.

— Все равно, что защитницы женскихъ правъ нелѣпы, — сказала она себѣ.—Онѣ чего-то хотятъ, онѣ возстаютъ противъ покорности. Право голоса—только начало, но начало необходимое. Если мы не начнемъ...

Она приняла рѣшеніе. Быстро поднявшись съ постели, она разгладила простыню, взбила подушки, опять легла и тотчасъ же заснула.

Слѣдующее утро было такое темное и туманное, точно на дворѣ былъ ноябрь, а не начало марта. Анна-Вероника проснулась позже обыкновеннаго и лежала нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ вспомнила, что приняла ночью рѣшеніе.

Она не пошла въ лабораторію и до десяти часовъ писала письма Рамаджу, но такія неудачныя, что она ихъ рвала, не закончивъ. Наконецъ, она бросила писаніе, надѣла жакетку, вышла на темныя, освѣщенныя газомъ улицы и направилась по Оксфордъ-Стриту и Гоборну въ Чансэри-Лэнъ. Тамъ, наконецъ, она нашла № 107-а, въ однообразномъ рядѣ домовъ по восточной сторонѣ улицы. Среди вывѣсокъ различныхъ фирмъ она увидѣла вывѣску „Союза Женской Свободы". Она поднялась въ первый этажъ и остановилась въ недоумѣніи между четырьмя стеклянными дверями, на каждой изъ которыхъ была надпись: „Союзъ Женской Свободы" аккуратными черными буквами. Отворивъ одну изъ дверей, она очутилась въ большой неприбранной комнатѣ, гдѣ по срединѣ стояли стулья, точно послѣ засѣданія. На стѣнѣ, на доскахъ для объявленій висѣло множество газетныхъ вырѣзокъ, а также объявленія о большихъ митингахъ, на одномъ изъ которыхъ Анна-Вероника была съ миссъ Миниверъ. Вывѣшены были также объявленія, написанныя красными копировальными чернилами. Въ одномъ углу были свалены флаги. Въ комнатѣ никого не было, но изъ полуоткрытой двери въ сосѣднюю комнату видны были двѣ молодыя дѣвушки, которыя что-то спѣшно писали, сидя у заваленнаго бумагами стола. Анна-Вероника поняла, что она очутилась въ газетномъ отдѣленіи Союза.

— Мнѣ нужна справка—сказала Анна-Вероника.

— Слѣдующая дверь—сказала молодая дѣвица лѣтъ восемнадцати, въ очкахъ, дѣлая нетерпѣливый жестъ рукой.

Въ слѣдующей комнатѣ Анна-Вероника застала женщину среднихъ лѣтъ, съ усталымъ лицомъ, въ смятой шляпѣ. Она сидѣла у стола и распечатывала письма, въ то время какъ дѣвушка лѣтъ двадцати восьми, неряшливо одѣтая, стучала на пишущей машинѣ. Усталая женщина взглянула на Анну-Веронику.

— Я хочу узнать подробнѣе о движеніи — сказала Анна-Вероника.

— Вы за насъ?—спросила усталая женщина.

— Не знаю — сказала Анна-Вероника;—думаю, что да. Я хотѣла бы сдѣлать что-нибудь для женщинъ. Но я собственно не знаю, что дѣлаете вы.

Усталая женщина задумалась на минуту.

— Надѣюсь, что вы не пришли сюда спорить и возражать,—сказала она.

— Нѣтъ — отвѣтила Анна-Вероника. — Но я хотѣла бы знать.

Усталая женщина на минуту крѣпко закрыла глаза и потомъ посмотрѣла на Анну-Веронику.

— Что вы умѣете дѣлать?—спросила она?

— Дѣлать?

— Согласны ли вы работать для насъ? Раздавать листки? писать письма? разстраивать митинги? агитировать на выборахъ? переносить опасности?

— Если меня удовлетворитъ...

— То-есть если мы удовлетворимъ васъ?

— Тогда, если возможно, я хотѣла бы сидѣть въ тюрьмѣ.

— Это не особенно пріятно.

— Мнѣ бы это подошло.

— Непріятно то, что предшествуетъ заключенію.

— Это уже вопросъ о подробностяхъ — сказала Анна-Вероника.

Усталая женщина спокойно посмотрѣла на нее.

— А что же вы имѣете противъ насъ?—спросила она.

— Ничего. Но я хотѣла бы знать, что вы дѣлаете, и почему вы думаете, что ваше дѣло служитъ на пользу женщинамъ.

— Мы добиваемся равноправія мужчинъ и женщинъ,—сказала усталая женщина. — Считалось, что женщины ниже мужчинъ. Мы доказываемъ, что они равны.

— Съ этимъ я вполнѣ согласна—сказала Анна-Вероника.— Но мнѣ кажется, что вопросъ гораздо сложнѣе.

— Хотите поговорить съ миссъ Кити Бретъ сегодня днемъ? Я васъ запишу.

Миссъ Кити Бретъ была виднымъ вожакомъ движенія, и Анна-Вероника рада была съ ней повидаться. Время до свиданія она провела въ ассирійскомъ отдѣленіи Британскаго Музея, читая брошюрку, которую ее заставила купить усталая женщина. Она выпила чашку какао съ булкой и затѣмъ прошла

наверхъ мимо полинезійскихъ идоловъ и несложныхъ предметовъ жизненнаго обихода Полинезіи. Она сѣла около мумій и задумалась о томъ, каковы были начатки общественной жизни въ то время, когда эти муміи были живыми существами.

Первое впечатлѣніе Анны-Вероники отъ Кити Бретъ было скорѣе непріятное. Но потомъ она почувствовала въ ней изумительную силу, способность вліять на людей. Ей было года двадцать три; она была одѣта въ кокетливо сшитую простую блузу, съ открытой, очень бѣлой шеей. Полная рука виднѣлась изъ-подъ короткаго рукава. У нея были темно-сѣрые глаза подъ тонкими бровями. Темно-каштановые волосы просто и красиво обрамляли ея широкій и красивый низкій лобъ. Она умѣла логично разсуждать и была подготовлена къ исполненію возложенной на нее миссіи своей матерью, беззавѣтно преданной дѣлу.

Она говорила очень гладко и восторженно, быстро парировала возраженія Анны-Вероники и затѣмъ продолжала объяснять цѣли агитаціи и смыслъ женскаго бунта, который занималъ въ настоящую минуту весь политическій міръ.

— Что намъ нужно? Въ чемъ наша цѣль? — спрашивала Анна-Вероника.

— Свобода, права гражданства. Единственный путь къ этому—право голоса.

Анна-Вероника сказала что-то о томъ, что нужно измѣнить взгляды на женщинъ.

— А какъ же ихъ измѣнить, не имѣя власти? — спросила Кити Бретъ.

— Нужно не обращать все движеніе въ антагонизимъ между мужчинами и женщинами.

— Когда женщины добьются признанія своихъ правъ, тогда никакого антагонизма не будетъ. Но до тѣхъ поръ мы не перестанемъ думать объ одномъ.

— Мнѣ кажется, что тутъ вопросъ прежде всего экономическій.

— Онъ будетъ улаженъ—сказала Кити Бретъ. —Все уладится. Нужна только вѣра. Когда мы получимъ право голоса и будемъ признаны гражданами, мы сладимъ со всѣмъ остальнымъ.

Не смотря на увѣренный тонъ миссъ Бретъ, Аннѣ-Вероникѣ казалось, что она повторяетъ слова миссъ Миниверъ. Но въ томъ, что она говорила, была несомнѣнная истина. Что-то дѣйствительно принижало и давило женщину, мѣшало ей, стѣсняло ее. И если причина этого стѣсненія не только въ создан-

номъ мужчинами законѣ, то всетаки законъ—часть этого стѣсненія. Что-то скрывало отъ женщинъ широту жизни.

— Право голоса—символъ всѣхъ перемѣнъ,—сказала миссъ Бретъ. — И не спрашивайте меня, что̀ способны дѣлать женщины, чѣмъ онѣ способны быть. Важна новая жизнь, свободная отъ старой зависимости. Нужно только сплотиться, дѣйствовать дружными усиліями. Наше движеніе собираетъ для общей цѣли женщинъ различныхъ классовъ. Еслибы вы знали, до чего эта цѣль соединяетъ женщинъ, которыя прежде были полны мелкихъ тщеславныхъ интересовъ!

— Дайте мнѣ какое-нибудь дѣло!—сказала Анна-Вероника, прерывая ее. — Вы были очень милы, что согласились принять меня, но я не хочу отнимать у васъ даромъ время въ разговорахъ. Я хочу что-нибудь дѣлать; я хочу возстать противъ всего, что̀ давитъ женщинъ, и я не отойду, пока не сдѣлаю чего-нибудь, и возможно скорѣе.

XXXV.

Анна-Вероника не была виновата въ томъ, что порученное ей дѣло приняло форму фарса. Она дѣйствовала совершенно искренно. Ей казалось, что предстоитъ послѣднее сраженіе съ міромъ, который не давалъ ей жить, какъ она хочетъ, который подавлялъ ее своею властью. Противъ этого міра она возстала, когда поссорилась съ отцомъ въ Морнинсайдъ-Паркѣ.

Ее завербовали для набѣга: ей объяснили, что готовится набѣгъ на Нижнюю Палату, но не сообщили всѣхъ подробностей. Ей сказали, чтобы она пошла одна въ № 14, Декстеръ-Стритъ, Вестминстеръ, и не спрашивала дорогу у полицейскихъ. 14, Декстеръ Стритъ—оказался не домомъ, а большимъ дворомъ въ темной улицѣ съ большими воротами и съ вывѣской: „Карло, перевозчикъ мебели“. Ее это очень изумило; она стояла нѣсколько минутъ неподвижно на пустой улицѣ, пока, наконецъ, подъ фонаремъ на углу показалась другая женщина, тоже осматривавшаяся кругомъ себя. Это успокоило Анну-Веронику. Она увидѣла калитку въ большихъ воротахъ и постучалась въ нее. Калитку открылъ человѣкъ со свѣтлыми рѣсницами, видимо сдерживавшій волненіе.

— Войдите!—сказалъ онъ свистящимъ голосомъ истаго заговорщика, мягко затворилъ дверь и показалъ:—Пройдите вотъ туда.

При блѣдномъ свѣтѣ газоваго рожка она увидѣла дворъ съ четырьмя большими фургонами для перевозки мебели. Лошади были запряжены и фонари зажжены. Стройный молодой человѣкъ въ очкахъ вышелъ изъ ближайшаго фургона.

— Вы А, Б, Ц или Д?—спросилъ онъ.

— Мнѣ сказали, что Д—отвѣтила Анна-Вероника.

— Тогда сюда!—сказалъ онъ, указывая на одинъ изъ фургоновъ брошюркой, которую держалъ въ рукахъ.

Анна-Вероника очутилась въ маленькой группѣ возбужденныхъ женщинъ, которыя хихикали и говорили въ полголоса. Освѣщеніе было слабое, такъ что ихъ сіяющія лица были видны очень смутно. Никто съ нею не заговорилъ. Она стояла среди нихъ, чувствуя себя чужой. Рыжій свѣтъ бросалъ странныя тѣни на ихъ платья.

— Это Кити выдумала—сказала одна изъ нихъ,—чтобы мы поѣхали въ фургонахъ.

— Кити удивительная!—сказала другая.

— Я давно мечтала о тюрьмѣ!—раздался восторженный голосъ.—Съ самаго начала я этого хотѣла, но только теперь мое желаніе осуществится.

Маленькая блондинка, стоявшая рядомъ съ Анной-Вероникой, вдругъ истерически захохотала; смѣхъ потомъ перешелъ въ плачъ.

— Прежде чѣмъ я примкнула къ суффражисткамъ—раздался твердый голосъ,—я не могла подняться на лѣстницу безъ сердцебіенія.

Кто-то, скрытый отъ взоровъ Анны-Вероники, былъ руководителемъ кампаніи.

— Кажется, пора садиться?—сказала милая маленькая старая дама Аннѣ-Вероникѣ слегка дрожавшимъ голосомъ.—Милая, вы видите въ темнотѣ? Я бы уже хотѣла сѣсть. Который Ц?

Анна-Вероника почему-то упала духомъ. Двери фургоновъ были раскрыты и большія надписи указывали, кому куда сѣсть. Она направила маленькую старушку въ ея фургонъ, а сама подошла къ фургону Д. Молодая женщина, съ бѣлой перевязью на головѣ, считала входящихъ.

— Когда вы услышите стукъ по крышѣ — сказала она властнымъ тономъ,—выходите. Вы тогда очутитесь противъ большого входа въ зданіе палаты. Постарайтесь проникнуть черезъ него въ коридоръ, и затѣмъ въ залу засѣданія, съ криками: „избирательныя права женщинѣ!“

Она говорила тономъ учительницы, которая даетъ наставленія школьнымъ дѣтямъ.

— Готово?—спросилъ молодой человѣкъ со свѣтлыми рѣсницами, вдругъ появляясь въ дверяхъ.

Онъ подождалъ съ минуту, улыбаясь въ полутьмѣ, затѣмъ захлопнулъ дверцы фургона, оставляя женщинъ въ темнотѣ. Фургоны заколыхались и двинулись.

— Совсѣмъ какъ въ Троѣ?—произнесъ чей-то восторженный голосъ.

Такимъ образомъ Анна-Вероника, очень предпріимчивая, но слегка колеблющаяся по обыкновенію, устремилась въ потокъ исторической жизни и записала свое имя въ полицейскія книги своей родины. Изъ деликатности по отношенію къ отцу она написала другую фамилію.

Когда-нибудь походъ женщинъ найдетъ своего Карлейля и всѣ подробности подвиговъ, при помощи которыхъ миссъ Бретъ и ея подруги возбудили на всемъ Западѣ вопросъ о положеніи женщины, сдѣлаются матеріаломъ для интереснѣйшихъ описаній. Пока еще этотъ историкъ не народился, и единственнымъ матеріаломъ являются газетныя сообщенія. Историкъ отдастъ справедливость женскому мятежу. Онъ опишетъ съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ то, что происходило въ тотъ вечеръ вокругъ зданія парламента, какъ усиленный, но совершенно спокойный и ничего не подозрѣвающій нарядъ полиціи ограждалъ входы въ зданіе. Все вниманіе полиціи было направлено въ западномъ направленіи, гдѣ женщины, собравшіяся въ Какстонъ-Холлѣ въ Вестминстерѣ, жужжали какъ разсерженный улей. А въ это время мимо полиціи, громыхая, никѣмъ незамѣченные фургоны въѣхали въ самое центральное мѣсто крѣпости врага и остановились аршинахъ въ тридцати отъ желанной двери.

Будь я живописцемъ, я бы употребилъ все свое умѣнье для передачи невыразимой величественности сѣраго зданія, и затѣмъ изобразилъ бы черными маленькими чертами дерзкіе фургоны у подножья высокихъ стѣнъ, изобразилъ бы вылившійся оттуда потокъ маленькихъ черныхъ существъ, маленькихъ отважныхъ женщинъ, возставшихъ противъ міра. Анна-Вероника была впереди всѣхъ.

Въ одну минуту выжидательная тишина Вестминстера смѣнилась волненіемъ. Самъ спикеръ поблѣднѣлъ, услышавъ полицейскій свистокъ. Многіе члены палаты покинули свои мѣста и направились въ коридоръ. Другіе надвинули шляпы на лобъ, не трогаясь съ мѣста и дѣлая видъ, что все обстоитъ благопо-

лучно. Во дворѣ началась бѣготня. Всѣ бѣжали смотрѣть или же спѣшили укрыться. Даже два министра убѣжали, съ совершенно неискреннимъ смѣхомъ.

Выскочивъ на свѣжій воздухъ, Анна-Вероника пришла въ бурно-восторженное состояніе. Въ ней опять проснулся воинственный духъ, побѣдивъ естественное во всякой дѣвушкѣ чувство стыда и страха. Передъ нею были гигантскія двери въ готическомъ стилѣ, въ которыя она должна была войти. Мимо нея промчалась маленькая старая дама; она имѣла почтенный видъ, хотя и бѣжала, произнося странные гортанные звуки и хлопая руками въ черныхъ перчаткахъ. Полицейскіе окружили ихъ, не пропуская впередъ. Маленькая старая дама стукнулась, какъ ядро изъ пушки, о звонкую грудь одного изъ полицейскихъ и проникла вглубь, а вслѣдъ за ней и Анна-Вероника.

Онѣ стали подниматься по лѣстницѣ, какъ вдругъ Анну-Веронику схватили сзади какія-то руки и подняли съ пола. Къ ея возбужденію примѣшался новый элементъ: ужасъ и отвращеніе. Она никогда не испытывала еще столь непріятнаго ощущенія, какъ въ ту минуту, когда ноги ея не касались земли. Она невольно вскрикнула и стала биться и бороться, какъ испуганное животное, противъ державшихъ ее людей.

Начался какой-то отвратительный кошмаръ. Волосы ея разметались, шляпа сдвинулась на одинъ глазъ, и она не могла поднять руку, чтобы поправить ее. Она задыхалась, пока наконецъ не почувствовала, къ великому своему облегченію, что ноги ея стоятъ на землѣ. Ее толкали впередъ два полицейскихъ, очень ловко держа ее за руки. Она никакъ не могла вырвать свои руки и только кричала:—Оставьте! Это отвратительно!—видимо возмущая стараго полицейскаго съ отеческимъ видомъ, который сопровождалъ ее справа. Наконецъ, они отпустили ея руки, стараясь оттолкнуть ее назадъ.

— Уходите, барышня!—говорилъ ласковый полицейскій.— Здѣсь вамъ не мѣсто.

Онъ ее оттолкнулъ на грязный тротуаръ, и она увидѣла передъ собой бѣжавшихъ людей; но она не хотѣла уйти.

— Я не пойду домой!—сказала она и опять попробовала направиться къ большой двери.

— Назадъ!—крикнулъ полицейскій.

Новый инцидентъ создала отчаянно отбивавшаяся маленькая дама. Она, казалось, одарена была сверхъ-человѣческой силой. Трое полицейскихъ боролись съ нею.

— Я хочу, чтобы меня арестовали, я не пойду домой!—

кричала она, наскакивая на полицейскихъ. У одного изъ нихъ она сбила съ головы каску.

— Придется взять ее!—крикнулъ конный полицейскій.

И она повторила за нимъ:

— Вамъ придется взять меня!

Они ее схватили.

Анна-Вероника, возмущенная этимъ зрѣлищемъ, бросилась къ нимъ.

— Трусы!—крикнула она.—Оставьте ее!

Она стала бить кулаками полицейскаго, который держалъ старую даму. Тогда Анну-Веронику тоже арестовали.

Она пережила довольно непріятныя минуты, когда ее потащили по улицамъ въ полицейскій участокъ. Какъ она ни представляла это себѣ заранѣе, дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія. Ей пришлось идти среди шумной толпы, безжалостно, со смѣхомъ глядѣвшей на нее. Раздавались оскорбительные крики, и только молодой человѣкъ въ очкахъ шелъ за нею, крича:—Смѣлѣе, смѣлѣе!—Кто-то даже кинулъ въ нее грязью. Она чувствовала безграничное отвращеніе ко всему, при чемъ не могла даже закрыть лица. Ужасный видъ представляла маленькая старая дама, еще недавно имѣвшая такой почтенный видъ. Ее также вели въ полицію, и она слабо отбивалась. Она была вся забрызгана грязью, прядь сѣдыхъ волосъ свисала у нея на шею, лицо у нея было блѣдное, расцарапанное, но торжествующее. Шляпа упала въ грязь.

Полицейскій участокъ показался Аннѣ-Вероникѣ убѣжищемъ послѣ всего пережитаго. Когда отъ нея потребовали, чтобы она назвала себя, она сказала, что ея имя—Анна-Вероника Смитъ. Всю ночь послѣ того она была внѣ себя отъ того, что съ нею могутъ такъ обращаться. Арестованныя женщины скучены были въ коридорѣ передъ камерой, до того грязной, что туда нельзя было войти. Большинство провело всю ночь на ногахъ.

Утромъ кто-то изъ сочувствующихъ прислалъ горячій кофе съ булками, а то ей пришлось бы голодать весь день. Покорность неизбѣжному поддерживала ее во всемъ, что она пережила, когда она явилась передъ судьей. Онъ показался ей чрезвычайно грубымъ и несправедливымъ, такъ какъ все время бранился, называя арестованныхъ „глупымъ бабьемъ“ и стыдя ихъ. Мѣста для публики были переполнены, большею частью друзьями и сторонниками обвиняемыхъ, при чемъ особенно выдавалась фигура молодого человѣка со свѣтлыми рѣсницами.

Появленіе Анны-Вероники передъ судомъ было очень короткое и прошло незамѣченнымъ.

— Ну, что, Анна-Вероника Смитъ,—сказалъ судья, переходя къ разсмотрѣнію ея дѣла.—Вы приличная дѣвушка, и неужели не можете лучше примѣнить свои силы? Не понимаю, какъ ваши родители допустили это. Я увѣренъ, что вы, какъ и многія, не знали, на что идете. Вы даже не сможете объяснить мнѣ, откуда взялось право выбора. Но, конечно, пошла такая мода—и вы всѣ за-одно.

У стола прессы репортеры подняли глаза, слегка улыбаясь, и посмотрѣли на нее. Одинъ изъ нихъ, имѣвшій видъ лысаго маленькаго гнома, мучительно зѣвнулъ. Они всѣ уже въ четырнадцатый разъ слышали тѣ же слова.

Она вскорѣ услышала приговоръ, гласившій, что она должна или заплатить сорокъ фунтовъ, или подвергнуться заключенію на мѣсяцъ. Она предпочла послѣднее.

Наконецъ, послѣ долгаго пути въ душной кареткѣ безъ оконъ, она пріѣхала въ тюрьму Канонгэтъ. Тюрьма въ Голоуэ была уже полна.

Она попала въ очень скверную тюрьму, мрачную, узкую, пропитанную удушающимъ запахомъ. Ей пришлось прождать два часа въ непріятномъ обществѣ двухъ грязныхъ женщинъ воровокъ, прежде чѣмъ ей смогли отвести камеру. Она была поражена ужасомъ этой камеры, также какъ и грязью помѣщенія полиціи. Она представляла себѣ тюрьмы домами, устроенными по всѣмъ правиламъ гигіены. Оказалось, что гигіена была тамъ не лучше, чѣмъ въ какихъ-нибудь домахъ для бродягъ. Ее выкупали въ мутной водѣ, въ которой купались другія. При этомъ ей не позволили мыться самой, а ее вымыла другая заключенная. Затѣмъ ее одѣли въ грязное грубое платье съ пелериной и отняли ея собственную одежду. Платье перешло къ ней, видимо, немытое послѣ прежней носительницы его. Даже бѣлье было нечистое... Страшныя мысли о низшихъ формахъ жизни, изученныхъ ею подъ микроскопомъ, мучили ее, и она вся дрожала отъ воображаемаго раздраженія кожи. Она глубоко задумалась обо всемъ, что случилось съ той минуты, какъ вихрь женскаго освободительнаго движенія заглушилъ ея мысли о личныхъ дѣлахъ. Прошло много часовъ — и постепенно мысли ея снова обратились на ея личныя горести. Оказалось, что онѣ вовсе не исчезли окончательно изъ ея сознанія.

XXXVI.

Время въ тюрьмѣ проходило для нея довольно тяжело, какъ потому, что ей приходилось испытывать много физическихъ лишеній, такъ и потому, что ее осаждали сомнѣнія въ дѣлѣ, за которое она страдала; кромѣ того ее мучили мысли о Капсѣ и раскаяніе относительно всего происшедшаго съ Рамаджемъ. Бывали дни, когда она думала объ отцѣ, о томъ, что напрасно она причинила такъ много горя близкимъ людямъ. Она рѣшилась загладить свою вину передъ отцомъ и перемѣнить свою жизнь по выходѣ изъ тюрьмы. Послѣ долгаго размышленія, она послала отцу письмо слѣдующаго содержанія:

„Дорогой отецъ, я о многомъ думала, очутившись въ тюрьмѣ. Все, что я перенесла, научило меня понимать дѣйствительность. Я понимаю, что въ жизни нужны компромиссы и что въ настоящее время дочь должна жить въ мирѣ съ отцомъ. Мнѣ очень грустно теперь, папа, что я такъ огорчала васъ. Позволите вы мнѣ вернуться домой и быть лучшей дочерью, чѣмъ прежде?— Анна-Вероника“.

По выходѣ изъ тюрьмы за нею явилась тетя, которая неожиданно для себя очутилась потомъ въ тріумфальной процессіи въ вегетеріанскій ресторанъ, гдѣ устроенъ былъ обѣдъ освобожденнымъ. Тетю тоже привѣтствовали и онѣ только черезъ много часовъ очутились, наконецъ, дома, съ головной болью, и все еще какъ бы продолжая слышать громовый голосъ миссъ Кити Бретъ, произносившей рѣчи.

— Ужасныя женщины!—сказала миссъ Стэнли Аннѣ-Вероникѣ.—Нѣкоторыя изъ нихъ хорошенькія, хорошо одѣтыя. Зачѣмъ же онѣ этимъ занимаются? Мы лучше не скажемъ отцу, что были съ ними на банкетѣ.

Когда Анна-Вероника очутилась въ кабинетѣ отца, ей показалось, что всѣ ея переживанія за послѣдніе полгода были сномъ. Сѣрый Лондонъ, ярко освѣщенныя лавки казались безконечно далекими. Лабораторія, поѣздки въ кэбѣ съ Рамаджемъ, были точно эпизоды изъ прочитанной до конца книги. Въ кабинетѣ ничего не измѣнилось. Та же лампа, та же газовая печка, та же, казалось, пачка бумагъ, перевязанныхъ розовымъ шнуркомъ. Тотъ же самый отецъ. Онъ сидѣлъ въ той же позѣ и она стояла въ томъ же положеніи, какъ тогда, когда онъ запретилъ ей поѣхать на фадіанскій вечеръ. Лицо отца было нѣ-

сколько суровое, но чувствовалось, что онъ готовъ пойти на уступки.

— Хорошо, что ты одумалась — началъ отецъ, глядя на нее поверхъ очковъ.—Но жаль, что ты не одумалась раньше, прежде чѣмъ начались непріятности.

— Нужно жить, чтобы пріобрѣсти опытъ—отвѣтила Анна-Вероника, помня, что рѣшила не раздражаться.

— Если это тебя чему-нибудь научило, тогда хорошо—сказалъ отецъ.

Разговоръ пріостановился.

— Ты вѣдь ничего не имѣешь, отецъ, противъ того, чтобы я продолжала занятія въ лабораторіи?—спросила Анна-Вероника.

— Продолжай, это тебя займетъ—сказалъ отецъ, съ нѣсколько иронической улыбкой.—Работай, пока это не будетъ вносить разладъ въ нашу домашнюю жизнь.

Это разрѣшеніе было очень пріятно, хотя всетаки чувствовалось, что возвращеніе дочери не было встрѣчено очень горячо.

— Папа,—сказала Анна-Вероника:—ты знаешь, что жизнь внѣ дома дорого стоитъ.

— Я зналъ, что ты это теперь узнаешь.

— Дѣло въ томъ, что я задолжала кое-кому... квартира и жизнь... и я уплатила за ученье.

— Откуда же ты достала деньги? Кто оказывалъ тебѣ кредитъ?..

— Довольно много пришлось платить за ученье и комната оставалась за мною, пока я была въ тюрьмѣ.—Она быстро проговорила все это.

— Ты при Молли расплатилась за комнату. Она говоритъ, что у тебя были деньги.

— Я ихъ взяла въ долгъ—сказала Анна-Вероника съ напускнымъ спокойствіемъ, но съ отчаяніемъ въ сердцѣ.—Я заложила мое жемчужное ожерелье. За него я получила три фунта и еще три за часы.

— Значитъ шесть? а квитанціи есть? Но ты говоришь, что ты еще заняла? у кого?

Она встрѣтилась на секунду глазами съ отцомъ и почувствовала, что правды сказать нельзя.

— У Виджеттовъ—сказала она, съ трудомъ отваживаясь на ложь.

— Непріятно, что ты впутала ихъ въ наши дѣла. Сколько же ты имъ должна?

Она знала, что сорокъ фунтовъ — невозможная сумма для ихъ сосѣдей, но понимала, что надо отвѣтить рѣшительно.

— Восемь фунтовъ,—сказала она, и прибавила:—пятнадцати фунтовъ мнѣ довольно на все.

— Хорошо—сказалъ отецъ, подумавъ.—Я все это заплачу, но надѣюсь, что теперь — конецъ твоимъ приключеніямъ. Надѣюсь, теперь ты понимаешь, какъ нужно жить. Понимаешь, что нельзя жить, какъ хочется, что нужно ограничивать себя.

— Знаю — сказала Анна-Вероника (Пятнадцать фунтовъ!) Теперь я буду жить, какъ могу. (Пятнадцать изъ сорока — двадцать пять!) Теперь начнется новая жизнь.

Отецъ и дочь взглянули другъ на друга, какъ бы не очень увѣренные другъ въ другѣ. Онъ сдѣлалъ движеніе къ ней, и она подошла къ нему, поцѣловала его въ щеку. Онъ неуклюже поцѣловалъ ее.

— Ну и отлично, Ви! — сказалъ онъ. — Теперь мы будемъ благоразумны.

Она высвободилась изъ его объятій и ушла изъ комнаты съ озабоченнымъ видомъ.—Пятнадцать фунтовъ! А ей нужно было сорокъ.

Она провела плохую ночь, главнымъ образомъ потому, что ее мучилъ долгъ Рамаджу. Она вѣдь ему не объяснила, почему не отослала ему обратно возвращенныхъ имъ двадцати фунтовъ. Если же она пошлетъ ему теперь пятнадцать, значитъ она тратила его деньги. Нѣтъ, нужно непремѣнно подождать, пока у нея будетъ хоть двадцать фунтовъ; и тогда отослать. Даже мысль о Капсѣ не утѣшила ее. Ей почему-то казалось, что онъ теперь не будетъ обращать на нее никакого вниманія. Она знала, что любитъ его, и ей тѣмъ болѣе казалось, что онъ будетъ къ ней равнодушенъ.

На слѣдующій день она пошла въ лабораторію, не утромъ, а днемъ, когда по ея разсчетамъ никого тамъ не будетъ. На своемъ мѣстѣ она застала все въ порядкѣ. Бутылки съ реактивами были полны. Очевидно, о ней думали. Когда она сѣла за работу, дверь въ препаровочную раскрылась и она услышала приближающіеся шаги Капса. Она съ усиліемъ повернулась.

— Я ждалъ васъ сегодня утромъ, зная, что васъ освободили вчера, и ужъ боялся, что вы совсѣмъ не придете.

— Боялись?

— Да. Я радъ, что вы вернулись.—Онъ говорилъ нѣсколько нервнымъ тономъ.—Я вѣдь не зналъ, что вы такъ серьезно за-

интересованы женскимъ движеніемъ, и, кажется, обидѣлъ васъ. Меня это мучило.

— Вы были вполнѣ вѣжливы, — сказала она. — Только я была тогда слишкомъ нервная, и потому нашъ споръ сдѣлался рѣзкимъ.

— Мнѣ слѣдовало понять это и не раздражать васъ. Теперь, надѣюсь, мы опять помиримся. Но зачѣмъ вы пошли въ тюрьму за суффражистокъ? Вѣдь вы вовсе не такая ихъ сторонница?

Анна-Вероника задумалась.—Я должна была пройти черезъ этотъ фазисъ!—сказала она.

Онъ улыбнулся.—Да, это новый фазисъ современной жизни, и всѣ черезъ него проходятъ. Вы даже меня убѣдили своимъ поведеніемъ, и я теперь не такъ легко отношусь...

— Значитъ, я не напрасно была въ тюрьмѣ?

— Нѣтъ, дѣло не въ тюрьмѣ, а въ томъ, что вы тогда говорили здѣсь. Я вдругъ понялъ, что мужчины иногда отвратительно относятся къ женщинамъ.

Ихъ разговоръ былъ прерванъ шумнымъ появленіемъ миссъ Клегъ, которая бросилась къ Аннѣ-Вероникѣ и стала бурно ее цѣловать. — Ну что, было очень ужасно? — спросила она. — Я тоже собираюсь идти въ тюрьму въ концѣ сессіи. Еслибы вся полиція обратилась въ конную, даже дикія лошади не удержали бы меня.

Анна-Вероника почувствовала себя очень уютно въ лабораторіи. Капсъ держался очаровательно, и она смутно чувствовала, что его веселость вызвана ея возвращеніемъ. Она поѣхала домой въ розовомъ настроеніи, но когда вышла изъ поѣзда—вздрогнула отъ ужаса, увидавъ издали Рамаджа. Ей удалось уйти незамѣченной имъ, и въ то время какъ онъ шелъ по бульвару, она свернула на боковую дорожку. Вдругъ передъ нею очутилось сіяющее лицо Маннинга. Она улыбнулась, почему-то обрадовавшись ему, и отъ этого онъ еще больше просіялъ.

— Я пропустилъ часъ вашего освобожденія—сказалъ онъ,— но я былъ въ ресторанѣ. Вы меня не видѣли. Я былъ среди публики внизу, но все время смотрѣлъ на васъ.

— Вы, конечно, обращены въ нашу вѣру?—спросила она.

— Въ то, что всѣ чудныя женщины должны имѣть право голоса? Конечно.

— Нѣтъ, въ то, что *всѣ* должны имѣть право голоса, хотя бы даже противъ своего желанія.

Онъ отрицательно покачалъ головой и улыбнулся. Между ними начался споръ, который былъ пріятенъ Аннѣ-Вероникѣ.

Ей въ эту минуту очень нравился Маннингъ. Свѣтъ, исходившій отъ Капса, озарялъ даже его соперника.

XXXVII.

Анна-Вероника сама не могла дать себѣ отчета, почему она вдругъ сдѣлалась невѣстой Маннинга. Она знала, что любитъ Капса, но рѣшила, что Капсъ никогда объ этомъ не узнаетъ. А Маннингъ казался какимъ-то убѣжищемъ въ жизни. Она исчезла на недѣлю изъ лабораторіи, и когда вернулась туда, то на рукѣ ея сверкалъ темно-синій сапфиръ, когда-то принадлежавшій бабушкѣ Маннинга. Когда Капсъ подошелъ къ ней, она всячески старалась показать ему свое кольцо; видя что онъ, по мужской привычкѣ, всетаки не обращаетъ вниманія на кольцо, она спросила его, хорошій ли это камень, и тутъ же сообщила, что кольцо это получила отъ своего жениха.

Она взглянула на него, сообщая ему о своей помолвкѣ; онъ удивленно замолчалъ.

— Я, кажется, долженъ поздравить васъ—сказалъ онъ наконецъ.—Но я очень удивленъ. Почему-то не считалъ это возможнымъ. Казалось, что лучше безъ этого.

Она пристально посмотрѣла на него, но онъ быстро опустилъ глаза на ея работу и началъ научный разговоръ.

На нѣкоторое время кольцо съ сапфиромъ внесло успокоеніе въ жизнь Анны-Вероники. Оно какъ бы усилило дружбу между нею и Капсомъ. Они отправлялись вдвоемъ въ Зоологическій садъ, говорили постоянно о дружбѣ; когда однажды они встрѣтили миссъ Клегъ, гуляя въ паркѣ, она взглянула на нихъ съ такимъ удивленіемъ, что Анна-Вероника рѣшила непремѣнно пригласить въ лабораторію Маннинга.

Онъ явился однажды, когда она кончала работу, и произвелъ впечатлѣніе красиваго, безукоризненно одѣтаго джентльмена.

— Я пріѣхалъ—сказалъ онъ, протягивая руку Аннѣ-Вероникѣ,—повести васъ пить чай.

Анна-Вероника стала приводить въ порядокъ свои вещи, а онъ стоялъ, улыбаясь, съ видомъ собственника, и смотрѣлъ, какъ Анна-Вероника вытерла скальпель, разобрала микроскопъ и закрыла свои препараты.

— Жаль, что я такъ мало понимаю въ біологіи!—сказалъ Маннингъ.

— Я готова — сказала Анна-Вероника и направилась къ

двери; Маннингъ поднялъ надъ нею руку, чтобы открыть дверь. Когда Капсъ на нихъ взглянулъ, Маннингъ точно обнималъ ее, а она не протестовала.

Кончивъ осмотръ студенческихъ работъ, Капсъ вернулся въ препаровочную, сѣлъ на подоконникъ у открытаго окна, скрестилъ руки на груди и сталъ смотрѣть вдаль, поверхъ домовыхъ крышъ, на кусочекъ голубого неба. Онъ не любилъ монологовъ и только произнесъ пару словъ, которыя выражали, видимо, большое несочувствіе міру.

— Чортъ возьми!—сказалъ онъ.

Онъ нѣсколько разъ повторилъ эти слова, точно они могли его успокоить.

— Какой я дуракъ! — воскликнулъ онъ и, сжавъ кулаки, выглянулъ въ окно. Потомъ онъ вдругъ схватилъ банку съ новымъ препаратомъ, стоившимъ ему недѣлю работы, и изо всѣхъ силъ бросилъ ее объ полъ. Затѣмъ онъ взялъ съ полки цѣлый рядъ реактивовъ и тоже бросилъ на полъ.

— Гмъ!—сказалъ онъ, уже болѣе спокойно глядя на разореніе вокругъ себя.—Какъ было знать?

Онъ сунулъ руки въ карманы, сложивъ губы, чтобы свиснуть, потомъ подошелъ къ двери. На лицѣ его было полное спокойствіе.

— Джелетъ! — крикнулъ онъ. — Придите, пожалуйста, вымести; я тутъ кое-что разбилъ.

XXXVIII.

Успокоенію Анны-Вероники мѣшала мысль о Рамаджѣ и о неуплаченномъ ему долгѣ. Она никакъ не могла собрать двадцать фунтовъ и горько раскаявалась, что такъ безразсудно сожгла деньги. Она къ тому же нѣсколько разъ встрѣчалась съ Рамаджемъ, который раскланялся съ нею съ чрезвычайно многозначительнымъ видомъ. Она чувствовала, что слѣдуетъ разсказать обо всей этой исторіи Маннингу, но почему-то не могла этого сдѣлать. Онъ такъ преувеличенно говорилъ всегда о своихъ чувствахъ къ ней, о блаженствѣ ихъ будущей жизни, о томъ, какъ онъ будетъ воспѣвать ее въ стихахъ, что она никакъ не могла навести разговоръ на темную страницу своего прошлаго; она только старалась умѣрить его идеализацію, говоря, что она—слабое человѣческое существо, съ недостатками. Она пробовала говорить, что хочетъ исповѣдаться передъ нимъ, но онъ заранѣе

давалъ ей отпущеніе, говоря, что впереди еще много тысячъ дней, когда она сможетъ говорить о чемъ ей будетъ угодно. По этому случаю онъ читалъ ей стихи въ ея честь и передавалъ свои мечты о жизни, которая будетъ протекать какъ въ храмѣ.

Они сидѣли однажды за чаемъ у маленькаго столика въ павильонѣ Риджентсъ-Парка. Она все еще не могла открыть свою тайну. Маннингъ наклонился надъ столомъ, говоря о радостяхъ ихъ будущей семейной жизни. Анна-Вероника откинулась на стулѣ съ разсѣяннымъ видомъ и погрузилась въ мысли. Она старалась припомнить обстоятельства, при которыхъ сдѣлалась невѣстой Маннинга, и силилась уяснить себѣ ихъ отношенія. Она вспомнила ихъ рѣшительный разговоръ въ промежутки игры въ теннисъ: онъ объяснился ей въ своихъ чувствахъ, а она сказала ему, что никакой любви къ нему не чувствуетъ, такъ какъ у нея, вѣроятно, холодное сердце. Онъ тогда понравился ей своею готовностью отдать ей всю жизнь, не требуя ничего взамѣнъ. Онъ выразилъ готовность ждать, сколько она пожелаетъ, и просилъ только оставить ему надежду когда-нибудь завоевать ея сердце. Онъ былъ такъ счастливъ тѣмъ, что она отнеслась къ нему дружелюбно, что громко запѣлъ ликующую пѣсню и въ порывѣ чувствъ обнялъ и поцѣловалъ ее, не стѣсняясь тѣмъ, что они стояли на лужайкѣ передъ окнами, изъ которыхъ могли ихъ видѣть. Она не противилась, чувствуя къ нему искреннюю симпатію, но попросила его держать ихъ соглашеніе въ секретѣ, даже отъ отца и тети. Онъ обѣщалъ, но кольцо съ сапфиромъ, ликующій видъ тети и мягкое обращеніе отца, который сталъ выхваливать Маннинга — все это придало оффиціальный характеръ ихъ помолвкѣ.

Въ началѣ отношенія съ Маннингомъ скорѣе нравились Аннѣ-Вероникѣ. Она его жалѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ была ему благодарна за его любовь. Она знала, что никогда не будетъ его любить такъ, какъ любитъ Капса. Но ей казалось, что все же ихъ отношенія могутъ сложиться очень красиво. Ей предстояла только еще одна непріятность. Нужно выяснить исторію съ Рамаджемъ и заплатить ему сорокъ фунтовъ...

Но пока она собиралась открыть Маннингу правду, наступила какая-то странная, хотя и очень легкая, едва замѣтная, перемѣна въ ихъ отношеніяхъ. Она какъ будто перестала быть королевой въ его глазахъ, а превратилась въ манекенъ для его поэтической фантазіи, сдѣлалась актрисой, которой онъ предназначалъ пассивную роль.

Это было для нея разочарованіемъ. „Но вѣдь многія жен-

щины довольствуются такой ролью!“ говорила она себѣ въ утѣшеніе.

Когда они сидѣли вдвоемъ за чаемъ, въ павильонѣ Риджентсъ-Парка, она окончательно рѣшила заговорить съ Маннингомъ о Рамаджѣ; но она почему-то сразу почувствовала невозможность сказать всю правду... Она подумала-было придать исторіи съ Рамаджемъ романтическій характеръ, изобразить его гнуснымъ негодяемъ, а себя—чистой дѣвой; но она боялась, что Маннингъ не станетъ слушать ее. Лучше совсѣмъ не говорить.

Ея мысли пошли дальше. Она стала думать, что всегда, во всемъ, что-то будетъ стоять между нею и Маннингомъ, и вмѣсто искреннихъ отношеній установятся вѣчное притворство и взаимное непониманіе. Она чувствовала, что было бы совсѣмъ по иному, еслибы на мѣстѣ Маннинга очутился Капсъ. Ей стало казаться, что въ послѣднее время Капсъ какъ бы выказывалъ нѣкоторый интересъ къ ней въ лабораторіи; во время ихъ прогулокъ онъ тоже не казался совершенно равнодушнымъ. Вдругъ ее охватило такое чувство любви къ Капсу, что ей показалось невозможнымъ стать женой кого-либо другого. „Нужно покончить комедію съ Маннингомъ. Нужно быть честной!“—говорила она себѣ.

Это рѣшеніе сразу точно преобразило ее. Все стало казаться возможнымъ.

Она взглянула на Маннинга. Онъ улыбался подъ тяжелыми усами и слегка склонилъ голову на бокъ, глядя на нее.

— Какое такое страшное признаніе собираетесь вы сдѣлать?—спросилъ онъ съ доброй улыбкой.

Анна-Вероника отодвинула чашку съ чаемъ и облокотилась обѣими руками на столъ.

— М-ръ Маннингъ!—сказала она.—Я дѣйствительно должна сдѣлать вамъ признаніе.

Что-то въ ея голосѣ и манерѣ испугало Маннинга. Улыбка сошла съ его лица.

— Мы, кажется, не можемъ дольше оставаться женихомъ и невѣстой—сказала она, едва переводя духъ, точно бросаясь въ холодную воду.

— Что это значитъ?—растерянно спросилъ онъ.

— Я размышляла, пока вы говорили. Видите ли, я раньше не понимала...—Она стала внимательно разглядывать свои ногти.—Не знаю, какъ вамъ объяснить, но я не хочу обманывать васъ. Я думала, что смогу стать вашей женой. Мнѣ нравилось ваше благородство. Я чувствовала къ вамъ благодарность. Но... какъ бы

вамъ объяснить... Я не понимала, что должна вамъ сказать... Я люблю другого.

Они нѣсколько секундъ смотрѣли другъ другу въ глаза; затѣмъ Маннингъ откинулся въ креслѣ и голова у него опустилась, точно его подстрѣлили.

— Боже мой!—простоналъ онъ.—Боже мой!

Сдѣлавъ роковое признаніе, Анна-Вероника успокоилась. Ей было даже странно, что она такъ равнодушно отнеслась къ его восклицанію. Она какъ-то почувствовала въ его крикѣ нѣкоторую дѣланность. Онъ трагическимъ жестомъ опустилъ голову на руки.

— Почему — спросилъ онъ, точно подавляя страданіе и глядя на нее съ мукой во взглядѣ,—почему вы мнѣ не сказали этого раньше?

— Я надѣялась, что смогу побороть себя...

— А я такъ мечталъ... Теперь громъ грянулъ съ яснаго неба. Весь міръ рушился для меня!

Она старалась пожалѣть его, но слишкомъ ясно чувствовала его безграничный эгоизмъ.

— Зачѣмъ вы принимали мою любовь?—продолжалъ онъ.—Зачѣмъ вы открыли мнѣ ворота въ рай?..

Онъ снова тяжело опустился на стулъ съ выраженіемъ безпредѣльнаго горя.—Боже мой!—снова воскликнулъ онъ.

Къ нимъ подошла кельнерша со счетомъ. Маннингъ расплатился, трагически сунувъ ей вдвое больше денегъ, чѣмъ слѣдовало, и попросилъ Анну-Веронику походить съ нимъ по парку. Она согласилась. Начался нелѣпый, позорный разговоръ. Анна-Вероника должна была выражать сожалѣніе, но въ глубинѣ души была счастлива, что наконецъ освободилась. Она предоставляла Маннингу объяснять ихъ разрывъ такъ, какъ ему было пріятнѣе. Всю вину она сваливала на невѣдомаго соперника, при чемъ онъ выражалъ острое любопытство на этотъ счетъ.

— Я вамъ не открою, кто онъ—сказала Анна-Вероника въ отвѣтъ на его распросы.—Могу только сказать, что онъ женатъ; я не знаю, нравлюсь ли ему. Но мнѣ милъ только онъ и никто другой. Съ этимъ ничего не подѣлаешь.

— Боже мой!—все повторялъ Маннингъ.—Я такъ окаменѣлъ отъ горя, что даже спокоенъ!—прибавилъ онъ, точно извиняясь.

Онъ сталъ снова распрашивать о соперникѣ, и это начинало раздражать Анну-Веронику. Она стала просить его, чтобы

онъ не такъ идеализировалъ ее и не сваливалъ всю вину на человѣка, котораго онъ не знаетъ.

— Нѣтъ!—протестовалъ Маннингъ.—Все это пустяки, и вы для меня по прежнему самое прекрасное, самое безстрашное существо въ мірѣ. Говорю вамъ откровенно, я не признаю нашего разрыва. Я по прежнему вашъ. На васъ нашло какое-то навожденіе. Оно пройдетъ. Я человѣкъ настойчивый, и для меня наша любовь не кончилась. Я все еще вѣрю въ васъ. Развѣ вы собирались сказать мнѣ все, что̀ сказали, приходя сюда?

— Нѣтъ!—отвѣтила Анна-Вероника.

— Вотъ видите. Значитъ, я не могу считать ваше рѣшеніе окончательнымъ. Теперь вы любите *его*, но я постараюсь изгладить его изъ вашей памяти.

Онъ проводилъ Анну-Веронику на вокзалъ, усадилъ ее въ поѣздъ и стоялъ съ приподнятой шляпой, пока поѣздъ не скрылся изъ виду. Анна-Вероника почувствовала огромное облегченіе. Она покончила съ нимъ, съ его рыцарскими чувствами. Она не должна больше никого обманывать. Но, вспомнивъ о домашнихъ, она съ грустью думала, что ея жизнь страшно осложнитъ его романтическая настойчивость въ своихъ чувствахъ.

XXXIX.

Весна въ этомъ году не устанавливалась до мая, но за то потомъ сразу наступило лѣто. Два дня спустя послѣ разговора между Анной-Вероникой и Маннингомъ, Капсъ вошелъ въ лабораторію въ часъ завтрака и засталъ Анну-Веронику одну. Она стояла у открытаго окна, и даже не притворялась, что работаетъ. Онъ вошелъ нѣсколько подавленный, но просіялъ, увидѣвъ Анну-Веронику.

— Что вы дѣлаете?—спросилъ онъ.

— Ничего—сказала Анна-Вероника, глядя въ окно.

— Я тоже не могу работать. Это потому что пришла весна, начало новой жизни въ природѣ. Работать скучно. Хочется уѣхать куда-нибудь далеко. Я никогда такъ не жаждалъ уѣхать, какъ теперь.

— А вы куда поѣдете?

— Поѣду въ горы, въ Швейцарію. Я не могу здѣсь больше выдержать... Глупо, не правда ли? Все это потому, что весна...

— Да!—отвѣтила она и стала смотрѣть въ окно на далекія деревья. Она вдругъ приняла дикое рѣшеніе, и чтобы не коле-

баться, сразу приступила къ осуществленію его.—Я отказала своему жениху — сказала она съ напускнымъ равнодушіемъ, чувствуя, какъ бьется ея сердце.

Онъ сдѣлалъ легкое движеніе, и она продолжала, едва дыша:

— Видите ли...—Голосъ ея звучалъ очень слабо:—Я полюбила...

Онъ не пришелъ ей на помощь ни единымъ звукомъ.

— Моего жениха я не любила—сказала она.

Она встрѣтилась съ нимъ на секунду глазами, и ей показалось, что взоръ его—совершенно безучастный. Она не могла произнести ни одного слова.

Наконецъ прозвучалъ его голосъ.

— Я это какъ-то предчувствовалъ—сказалъ онъ. — Какъ хорошо, что вы довѣрились мнѣ!—Затѣмъ, съ какой-то точно нарочитой наивностью, онъ спросилъ:—Кто же тотъ, кого вы полюбили?

Она почувствовала страшный стыдъ. Она какъ-то неловко сѣла на ближайшій стулъ и закрыла лицо руками.

— Развѣ вы не видите?—прошептала она.

Капсъ не успѣлъ ничего отвѣтить, такъ какъ въ эту минуту въ лабораторію вошла миссъ Клегъ. Анна-Вероника сразу оправилась и продолжала говорить въ обычномъ разговорномъ тонѣ, но Капсу труднѣе было совладать съ собой. Онъ съ трудомъ сообразилъ, что̀ дѣлать, и только черезъ нѣсколько минутъ взялъ стулъ и сѣлъ около Анны-Вероники. Дѣлая видъ, что онъ разсматриваетъ ея работу, онъ сказалъ, неслышно для миссъ Клегъ.

— Провались она сквозь землю!.. Вотъ некстати явилась! Я долженъ съ вами поговорить. Могу я васъ проводить на вокзалъ?

— Хорошо—сказала Анна-Вероника, не глядя на него.— Вы проводите меня на вокзалъ.

Онъ всталъ и ушелъ въ препаровочную.

Выйдя изъ лабораторіи, они сначала шли молча; лицо Капса было крайне взволнованное.

— Прежде всего, я долженъ вамъ сказать, миссъ Стэнли,— сказалъ онъ,—что я страшно пораженъ неожиданностью всего этого.

— Это началось, какъ только я стала заниматься въ лабораторіи.

Сознаніе, что они находятся среди толпы, сдерживало ихъ.

— Вы, я думаю, знаете, что вы мнѣ нравитесь?—сказалъ онъ.

— Вы мнѣ это говорили въ Зоологическомъ саду.

— Я — онъ съ трудомъ выговаривалъ слова — я люблю васъ. Въ этомъ вы не должны сомнѣваться... Но что вы знаете обо мнѣ?

— Кое-что. Немного.

— Я женатъ. Моя жена оставила меня, имѣя на это вѣскія причины... Еслибы не это, я давно бы сказалъ вамъ о своей любви. Но теперь... Зачѣмъ вы открыли мнѣ свои чувства? Теперь мы уже не сможемъ оставаться друзьями.

— Все равно. Я рада, что сказала. Вся моя жизнь—въ васъ, и я хотѣла, чтобы вы знали. Теперь всѣ преграды между нами сломаны. Вѣдь вы не можете сказать, что равнодушны ко мнѣ?

— Я вѣдь вамъ уже сказалъ... Но вы понимаете, что мы не можемъ любить другъ друга такой любовью... Мы должны быть только друзьями, очень близкими друзьями.

— Мы друзья.

— То, что я сказалъ тогда въ Зоологическомъ саду—правда. Будемъ близкими друзьями,

Анна-Вероника посмотрѣла на него съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Зачѣмъ притворяться?—сказала она.—Любовь совсѣмъ не то, что дружба... Хотя я моложе васъ... но я понимаю, о чемъ говорю. Неужели, по вашему, я не понимаю, что такое любовь?

Капсъ не сразу отвѣтилъ.—Я чувствую себя виноватымъ—сказалъ онъ. — Я долженъ былъ предотвратить это... Скажите, вы знаете о моемъ прошломъ?

— Очень немного. Но какое это можетъ имѣть значеніе?

— Большое. Оно лишаетъ насъ возможности вступить въ бракъ.

— Но любить оно намъ не можетъ помѣшать?

— Боюсь, что не можетъ. Но любовь должна будетъ превратиться въ нѣчто отвлеченное.

— Вы разошлись съ вашей женой?

— Да. Но она не дастъ мнѣ развода. Вѣдь вы не знаете, почему мы разошлись — и я даже не могъ вамъ сказать этого. Я собирался—но ваше кольцо съ сапфиромъ...

— Бѣдное кольцо!.. Разскажите мнѣ все про себя.

— Прежде всего вотъ что: я былъ замѣшанъ въ процессъ о разводѣ—но не въ моемъ. Я былъ—сообщникомъ чужой жены. Вы понимаете, что это значитъ?

Анна-Вероника слабо улыбнулась.—Я читаю романы и историческія книги. Я все понимаю.

— Если хотите, я вамъ все разскажу. Я женился рано и до сихъ поръ думаю, что моя жена—одна изъ самыхъ прекрасныхъ женщинъ въ мірѣ. У нея гордая натура, она очень благородный человѣкъ. Я увѣренъ, что еслибы вы встрѣтились съ ней, вы бы ее полюбили. Мы встрѣтились съ нею очень молодыми. Я страстно полюбилъ ее, и думаю, что она не такъ сильно любила меня, какъ я ее.

Онъ остановился на минуту. Анна-Вероника ничего не сказала.

— Мы были счастливы въ первое время — продолжалъ Капсъ. — Она была очень нѣжной женой. Я боготворилъ ее и подчинялся ей... Но потомъ—не знаю, понимаете ли вы меня—потомъ въ крови моей забушевало безуміе. Черезъ годъ послѣ нашей свадьбы я подружился съ женой одного моего пріятеля. Она была на восемь лѣтъ старше меня... То, что случилось, было некрасиво, мелко, гнусно... Мы точно были ворами. Ея мужу я былъ многимъ обязанъ... Въ концѣ концовъ мой другъ узналъ—и былъ безпощаденъ. Онъ развелся съ нею. Какъ вамъ нравится эта исторія?

— Продолжайте!—сказала Анна-Вероника нѣсколько хриплымъ голосомъ.—Скажите мнѣ все до конца.

— Моя жена была безумно оскорблена. Вся ея гордость возстала противъ меня. Позоромъ для меня было то, что, кромѣ меня, былъ еще второй виновникъ, о которомъ я понятія не имѣлъ до суда... Моя жена совершенно отреклась отъ меня, не желала говорить со мной и требовала, чтобы мы разошлись. У нея есть самостоятельныя средства, такъ что и въ этомъ отношеніи она не зависитъ отъ меня. Она занимается общественными дѣлами... Вотъ и все, кажется. Вы видите теперь, какъ я изуродовалъ свою жизнь. А вы передо мной чисты какъ ангелъ!

— Какъ странно!—сказала Анна-Вероника.—Какъ странно, что вы пережили такого рода страданія. Это дѣлаетъ васъ такимъ человѣчнымъ, такимъ близкимъ. Я вижу — о чемъ и мечтать не смѣла раньше, — что могу быть нужной вамъ, помочь вамъ въ жизни.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но видимо не могъ произнести ни слова отъ волненія. Онъ молча довелъ ее до вокзала.

— Поѣзжайте домой — сказалъ онъ—и обдумайте все это. Теперь ничего не говорите. Знайте, что я люблю васъ всей душой. Еслибы я былъ свободнымъ, чистымъ человѣкомъ... Объ этомъ мы еще поговоримъ. Хорошо, что теперь мы уже можемъ свободно говорить обо всемъ. Всякія стѣсненія исчезли.

Онъ взялъ ее за руку и посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Будемъ любящими друзьями!—сказалъ онъ.—Это лучше всего на свѣтѣ...

На слѣдующее утро она ждала его въ лабораторіи въ часъ завтрака. Онъ пришелъ туда вслѣдъ за нею.

— Ну что же? Вы обдумали все? — спросилъ онъ, садясь рядомъ съ нею.

— Я думала всю ночь—отвѣтила Анна-Вероника—и вижу, что мнѣ ни до чего нѣтъ дѣла.

— Да—сказалъ онъ, помолчавъ:—мы любимъ другъ друга и принадлежимъ другъ другу. Я чувствую, что всегда васъ любилъ.

Онъ всталъ и подошелъ къ окну. Она подошла къ нему и протянула къ нему руки.—Поцѣлуйте меня!—сказала она.—Я ваша и ничто не можетъ раздѣлить насъ.

Капсъ видимо боролся съ собой.—Я долженъ защитить васъ отъ самой себя—сказалъ онъ.—Вы не понимаете, что̀ насъ ожидаетъ. Вы живете дома. Мы должны будемъ видаться тайкомъ.

— Мнѣ все равно—сказала она.—Я думаю только о васъ. Вы не такой, какъ всѣ. Только васъ я чувствую и понимаю. Въ васъ—мое спасеніе. — Они оба замолчали. — Кажется, мы исчерпали уже всѣ слова!—сказала Анна-Вероника.

— Кажется!—отвѣтилъ Капсъ и нѣжно поцѣловалъ ее.

Слѣдующее воскресенье они провели въ Ричмондъ-Паркѣ, счастливые своей любовью и точно не думая о будущемъ... Но уже черезъ недѣлю Капсъ явился въ лабораторію съ очень рѣшительнымъ видомъ и, оставшись съ нею наединѣ въ часъ завтрака, заявилъ ей, что нужно положить конецъ тайнѣ ихъ любви, что нужно составить открытый свободный союзъ.

Онъ спросилъ ее, достаточно ли она смѣла, чтобы пойти противъ условностей и стерпѣть дурное отношеніе къ себѣ со стороны многихъ людей.

— Я согласна на все, на что согласенъ ты!—сказала Анна-Вероника. — Ты для меня не такой человѣкъ, какъ всѣ. Все нравственно, что̀ приноситъ наша любовь... Я не боюсь никакихъ жизненныхъ обстоятельствъ. Мнѣ все равно, если даже намъ никогда не удастся повѣнчаться.

— Но знаешь ли ты—сказалъ Капсъ, что мы будемъ очень стѣснены въ средствахъ?

— Все равно.

— Какъ прекрасна жизнь! — воскликнулъ Капсъ, обнимая Анну-Веронику.

— Знаешь—сказалъ онъ:—я рѣшилъ бросить занятія біологіей... Въ послѣднее время я увлекся творческой работой въ другой области. Я занялся литературой... Можетъ-быть еще жизнь улыбнется намъ.

XL.

Они рѣшили уѣхать въ Швейцарію въ концѣ сезона — и уѣхали. Анна-Вероника оставила домъ отца почти безъ всякихъ сожалѣній. Они провели лѣто въ горахъ, счастливые своей любовью. Жизнь имъ улыбнулась. Вмѣстѣ съ торжествомъ любви пришло и торжество славы. Капсъ сдѣлался драматургомъ, пьесы котораго имѣли шумный успѣхъ.

Полтора года спустя они поселились въ очаровательномъ, уютно обставленномъ домикѣ въ Лондонѣ — и, какъ бы въ завершеніе жизненнаго торжества, отецъ и тетя Анны-Вероники, примирившись съ нею послѣ того, какъ Капсу удалось добиться развода и обвѣнчаться съ Анной-Вероникой, приняли ихъ приглашеніе къ обѣду.

Для Анны-Вероники было большой радостью свиданіе съ отцомъ и тетей. Но при этомъ свиданіи она поняла, что весь ея прежній міръ, связанный съ атмосферой отцовскаго дома, сталъ ей чуждъ. Она была поглощена той новой, свободной жизнью, которая началась для нея съ любовью къ избраннику ея освобожденной души.

Съ англійскаго З. В.

ПО ПОВОДУ БЮДЖЕТА

НА 1910-ЫЙ ГОДЪ.

I.

1-го октября 1909-го года внесенъ былъ въ Государственную Думу проектъ росписи доходовъ и расходовъ на 1910-ый годъ. По этому проекту обыкновенные государственные расходы исчислены въ 2.510 мил. р., чрезвычайные — въ 120 мил. р., итого 2.630 мил. р. Обыкновенные доходы предположены къ поступленію въ размѣрѣ 2.536 мил. р., чрезвычайные—въ 10 мил. р.; сумма равна 2.546 мил. р. Дефицитъ, достигавшій, какъ видно изъ этихъ цифръ, 84 мил. р., имѣлось въ виду покрыть, по обычаю послѣднихъ лѣтъ, съ помощью займа.

Бюджетная коммиссія Государственной Думы совершенно измѣнила планъ сведенія росписи, предложенный министромъ финансовъ. Установивъ обыкновенные расходы въ 2.457 мил. р., а чрезвычайные— въ 118 мил. р., коммиссія обыкновенные доходы опредѣлила въ 2.567 мил., чрезвычайные — въ 12 мил. р. Общая сумма расходовъ исчислена въ 2.575 мил. р., доходовъ—въ 2.579 мил. р. Въ результатѣ, по разсчету коммиссіи, не только нѣтъ необходимости дѣлать новый заемъ, но есть возможность избытокъ доходовъ въ 4 мил. р. (точнѣе — 3.752 тыс. р.) обратить на погашеніе государственнаго долга.

Когда объ этомъ было заявлено докладчикомъ бюджетной коммиссіи въ засѣданіи Думы 12-го февраля текущаго года, то, по отмѣткѣ стенографическаго отчета, раздались „рукоплесканія въ центрѣ и справа и на нѣкоторыхъ скамьяхъ слѣва“. Затѣмъ, послѣ обсужде-

нія въ Думѣ общаго доклада коммиссіи о росписи и отдѣльныхъ смѣтъ, когда выяснились окончательные итоги и когда предсѣдатель бюджетной коммиссіи заявилъ, что роспись сведена съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами въ размѣрѣ 4.497 тыс. р., депутаты различныхъ думскихъ фракцій устроили г. Алексѣенко овацію.

Съ большимъ удовольствіемъ была принята Думой и справка, свидѣтельствовавшая о томъ, что разсмотрѣніе росписи идетъ все болѣе и болѣе быстрымъ темпомъ: такъ, въ первую сессію третьей Думы обсужденіе бюджета было закончено въ Думѣ 1-го іюня, во вторую—19-го мая, а въ третью—23-го марта.

Если судить по приведеннымъ фактамъ, то надо предположить, что въ этомъ году достигнуты значительные результаты по упорядоченію нашихъ финансовъ и бюджетной процедуры. Чтобы рѣшить, такъ ли это, надо выяснить, во-первыхъ, почему произведенъ указанный переворотъ въ разсчетахъ министра финансовъ, и насколько онъ обоснованъ; во-вторыхъ — какое значеніе имѣетъ возстановленіе равновѣсія въ бюджетѣ съ точки зрѣнія правильной постановки нашего государственнаго хозяйства.

Дефицитъ превращенъ бюджетной коммиссіей въ избытокъ слѣдующимъ образомъ: расходы сокращены на 51,1 мил. р., доходы увеличены на 33,1 мил. р. Наибольшія сокращенія достигнуты по смѣтамъ министерства финансовъ (10,7 мил.), министерства путей сообщенія (14,5 мил. р.), морского (16,2 мил. р.) и военнаго (6 мил. р.).

Расходы министерства финансовъ уменьшены, по соглашенію съ вѣдомствомъ: 1) по казенной продажѣ питей—на 6,5 мил. р., вслѣдствіе установленія болѣе низкой средней цѣны на разверсточный спиртъ, нежели предположено первоначально (урожай далъ возможность понизить среднюю цѣну съ 82,65 к. до 72,4 к.), 2) по приплатамъ, которыя приходится дѣлать частнымъ желѣзнымъ дорогамъ—на 2,3 мил. р. (результатъ усиленнаго движенія, вызваннаго урожаемъ).

Изъ расходовъ министерства путей сообщенія сокращены особенно значительно издержки по усиленію и улучшенію казенныхъ дорогъ и по заказу подвижного состава—8,2 мил. р. и расходы по эксплоатаціи—5,5 мил. р. Вѣдомство соглашалось на сокращеніе въ 5 мил. р.

По морской смѣтѣ опять вычеркнутъ кредитъ въ 13,7 мил. р. на постройку новыхъ судовъ и на ремонтъ, согласно постановленію Думы въ прошломъ году; кромѣ того, сокращенія коснулись расходовъ по устройству и содержанію портовъ—на 1,4 мил. р. и по плаванію судовъ—на 0,2 мил. р.

Военное министерство потерпѣло сокращенія по интендантской смѣтѣ, вслѣдствіе пониженія цѣнъ на нѣкоторые предметы обмунди-

рованія и вслѣдствіе болѣе точнаго исчисленія кредитовъ на заготовленіе и провіантъ (2,4 мил. р.); сокращенъ также кредитъ на перевозку войскъ (2,5 мил. р.).

Увеличеніе доходовъ объясняется слѣдующими обстоятельствами. Во-первыхъ, по иниціативѣ коммиссіи, министерствомъ финансовъ закрытъ запасный фондъ иностраннаго отдѣленія кредитной канцеляріи, и вслѣдствіе этого 1,6 мил. р. перечислено въ чрезвычайные рессурсы росписи на 1910-й годъ. Затѣмъ, увеличеніе перевозокъ на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ дало возможность министерству финансовъ повысить исчисленіе платежей, которые причитаются казнѣ отъ этихъ дорогъ. Обѣ указанныя статьи даютъ вмѣстѣ 2 мил. р. Гораздо болѣе крупная сумма получается отъ увеличенія сахарнаго дохода, вслѣдствіе того, что осенью 1909-го года были значительные дополнительные выпуски сахара, доходъ отъ которыхъ, въ размѣрѣ 8,7 мил. р., поступитъ въ 1910-мъ году. Далѣе, бюджетная коммиссія рѣшила измѣнить способъ зачисленія въ доходы казны прибылей отъ государственнаго банка. До сихъ поръ зачислялись прибыли того года, который на два года предшествуетъ данному бюджетному періоду; теперь постановлено зачислять прибыли непосредственно предшествующаго года. Поэтому въ роспись на 1910-ый годъ вносится не только прибыль 1908-го года, но и 1909-го, что̀ даетъ превышеніе противъ проекта министра на 16 мил. р. Остальныя повышенія на сумму въ 5 мил. р. не имѣютъ серьезнаго значенія.

Со стороны министра финансовъ превращеніе росписи изъ дефицитной въ сведенную съ остаткомъ, какъ нетрудно было предвидѣть, вызвало весьма доброжелательное отношеніе. Относительно правильности занесенія прибылей государственнаго банка по системѣ, предложенной бюджетной коммиссіею, у министра были сомнѣнія. Но онъ не отрицалъ, что „если Государственная Дума и Государственный Совѣтъ признаютъ болѣе правильнымъ отступить отъ прежняго порядка исчисленія доходовъ отъ прибылей государственнаго банка и зачислить въ доходъ казны въ данномъ году прибыль за два года, то никакихъ фактическихъ препятствій къ поступленію этого дохода не будетъ“. Изъ остальныхъ 15 мил., на которые коммиссія увеличила доходы, „10 мил. были предложены министерствомъ финансовъ“, а о правильности или неправильности занесенія 5 мил. при бюджетѣ въ 2.500 мил., „само собою разумѣется, не можетъ быть споровъ по существу“. Противъ сокращеній въ расходахъ, предположенныхъ бюджетной коммиссіей, министръ финансовъ возраженій не представилъ. На случай же, еслибы разсчеты коммиссіи въ той или иной мѣрѣ оказались измѣненными и дефицитъ вновь появился бы грознымъ призракомъ, министръ финансовъ указалъ, что имѣется источникъ,

который можетъ дать средства для устраненія займа. Такъ какъ въ 1909-мъ году, благодаря урожаю, доходы на большую сумму превысили предположенныя поступленія, то 1910-му году въ наслѣдство достанется свободная наличность въ размѣрѣ около 60 мил. р. Благодаря этому обстоятельству, „еслибы окончательное сведеніе государственной росписи, по разсмотрѣніи законодательными учрежденіями, указало необходимость уменьшенія доходовъ или увеличенія расходовъ, тѣмъ не менѣе свободная наличность можетъ послужить источникомъ для окончательнаго сведенія росписи, и операціи займа во всякомъ случаѣ не потребуется".

Въ этомъ указаніи содержится и отвѣтъ на вопросъ о томъ, изъ какихъ источниковъ можно было бы покрыть дефицитъ, еслибы онъ образовался вслѣдствіе внесенія Государственнымъ Совѣтомъ въ роспись кредита на постройку броненосцевъ. Но въ настоящее время найденъ другой источникъ. Дѣло въ томъ, что исчисленіе доходовъ на 1910-ый годъ было сдѣлано въ Думѣ чрезвычайно осторожно, и что послѣ составленія баланса въ февралѣ и мартѣ текущаго года было выпущено дополнительно 6 мил. п. сахара на внутренній рынокъ. Оплата акцизомъ этого сахара даетъ казнѣ $10^1/_2$ мил. р. Поэтому, когда Государственный Совѣтъ свелъ роспись съ дефицитомъ въ 12.5 мил. р., внеся расходы на броненосцы и повысивъ нѣкоторые другіе кредиты,—Дума, по предложенію министерства финансовъ, дополнительно увеличила итогъ обыкновенныхъ доходовъ на 12,5 мил. р. (10,5 мил. р. отъ акциза на сахаръ и 2 мил. р. отъ юго-западныхъ дорогъ въ уплату долговъ по гарантіи).

Такимъ образомъ, слѣдуетъ считать несомнѣннымъ, что роспись на 1910-ый годъ сведена будетъ безъ дефицита, и что въ распоряженіи государственнаго казначейства вновь появится свободная наличность, растаявшая безъ остатка въ послѣднее время. Какой контрастъ по сравненію съ предыдущими годами, даже съ тѣми, которые слѣдовали послѣ войны! Въ 1906-мъ году пришлось съ помощью займа добыть на покрытіе дефицита 481 мил. р., въ 1907 г.—186 мил., въ 1908 г.—почти столько же, въ 1909 г.—136 мил. р. А въ 1910-мъ году почти всѣ расходы государства покрываются одними текущими или обыкновенными доходами, такъ какъ чрезвычайныхъ доходовъ предполагается получить всего около 11 мил. р.

Говорить о томъ, что извѣстный запасъ свободной наличности представляется весьма полезнымъ на случай различныхъ несчастій—внѣшнихъ или внутреннихъ — врядъ ли нужно. Нѣтъ, также, необходимости доказывать, что устраненіе дефицита изъ росписи и возможность обойтись безъ кредитной операціи слѣдуетъ привѣтствовать. Но очень важно выяснить, представляетъ ли нынѣшній годъ начало новой эры

въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ, вступили ли мы наконецъ въ періодъ финансоваго благополучія, или же 1910-ый годъ надо считать исключительнымъ, годомъ передышки, краткаго и мимолетнаго благоденствія, вызваннаго прекраснымъ урожаемъ—увы! — случайнымъ и очень рѣдко повторяющимся у насъ явленіемъ природы. Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этого вопроса, приходится коснуться одной темы, которая играла довольно видную роль въ дебатахъ и, выдвинутая министромъ финансовъ, привлекла къ себѣ вниманіе различныхъ ораторовъ. Рѣчь идетъ о томъ, правильно ли покрывать чрезвычайные расходы обыкновенными доходами и не лучше ли было бы дефицитъ по чрезвычайному бюджету покрыть займомъ? Можно ли оправдать такой способъ сведенія росписи который предложенъ бюджетной коммиссіей съ точки зрѣнія теоріи и практики?

II.

Въ объяснительной запискѣ къ росписи на 1910-ый годъ министръ финансовъ подошелъ къ данной проблемѣ, имѣя въ виду покрытіе части чрезвычайныхъ расходовъ избытками по обыкновенному бюджету. „Вопросъ о томъ, правильно ли чрезвычайные расходы покрывать обыкновенными доходами, или удовлетвореніе ихъ слѣдуетъ относить на чрезвычайные же источники, преимущественно на займы, разрѣшается въ экономической наукѣ не одинаково“ — читаемъ мы въ „Запискѣ“. „Съ практической же точки зрѣнія, увеличеніе задолженности государства обыкновенно обременяетъ платежныя силы населенія—продолжаетъ цитированный документъ,—при чемъ возрастаніе расходовъ по заемнымъ обязательствамъ совершается или на счетъ повышенія обложенія, или же на счетъ сокращенія затратъ на производительныя и прочія потребности государства“. По этимъ соображеніямъ, министръ финансовъ счелъ допустимымъ обратить избытокъ обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ.

Въ рѣчи своей, произнесенной въ засѣданіи Думы 12-го февраля 1910 г., министръ финансовъ снова возбуждаетъ вопросъ о томъ, правильно ли покрывать обыкновенными доходами всѣ расходы государства,—и обыкновенные, и чрезвычайные. „Можно—говоритъ министръ—привести много соображеній, подтверждающихъ неправильность такого пріема, но съ точки зрѣнія моей, какъ министра финансовъ, этотъ пріемъ является пріемомъ въ высшей степени отраднымъ и крайне желательнымъ. Онъ является желательнымъ потому, что, благодаря этому соотношенію доходовъ и расходовъ, мы получаемъ возможность

не прибѣгать въ текущемъ году къ кредитнымъ операціямъ. Россіи пора отдохнуть отъ займовъ. Война и ея послѣдствія перенапрягли государственный кредитъ. Съ 1904 по 1909 г. мы увеличили нашу задолженность на 3 милліарда рублей. Мы должны отдохнуть отъ займовъ, мы должны дать нашему кредиту устояться, мы должны дать ему помощь подняться на такую высоту, на которой онъ имѣетъ право стоять. Поэтому, каково бы ни было отношеніе съ теоретической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ это составленіе бюджета является въ глубокой степени мудрымъ, желательнымъ и достойнымъ вашего одобренія".

Въ дебатахъ по этому вопросу въ которыхъ принимали участіе многіе депутаты цитировалось, между прочимъ, мнѣніе, высказанное на страницахъ „Вѣстника Европы" авторомъ этихъ строкъ [1]). И во избѣжаніе недоразумѣній полезно, быть можетъ, еще разъ въ нѣсколькихъ словахъ намѣтить точку зрѣнія, которая кажется намъ правильной. Сложный и запутанный вопросъ о чрезвычайномъ и обыкновенномъ *бюджетахъ*, о чрезвычайныхъ и обыкновенныхъ *расходахъ*, о покрытіи тѣхъ или иныхъ расходовъ обыкновенными *доходами* (налогами) или чрезвычайными (займами), теоретически до сихъ поръ невыясненный сколько-нибудь исчерпывающимъ образомъ разбирать въ не-спеціальномъ изданіи было бы неумѣстно. Но въ той формѣ, которая дана ему министромъ финансовъ и въ росписи, и въ думской рѣчи, и въ той постановкѣ, которую предложилъ г. Алексѣенко, — онъ достаточно простъ и безспоренъ. Если рѣчь идетъ лишь о томъ, допустимо ли обыкновенными расходами покрывать такіе „чрезвычайные" расходы, каковы расходы по росписи 1910 г.,—отвѣтъ съ точки зрѣнія и теоріи, и практики не можетъ не быть утвердительнымъ. Теорія и практика не только двадцатаго вѣка, но и девятнадцатаго, и восемнадцатаго, даже семнадцатаго, свидѣтельствуютъ въ пользу покрытія расходовъ по веденію войнъ (чрезвычайныхъ непроизводительныхъ расходовъ), по возможности въ большей части, изъ обыкновенныхъ рессурсовъ. У насъ, въ Россіи, избытки по обыкновенному бюджету шли въ теченіе долгаго времени на чрезвычайные расходы, и даже на производительные, какъ напр. постройка желѣзныхъ дорогъ. Сомнѣнія, которыя вдругъ обуяли министра финансовъ, были отчасти реторическаго характера, отчасти же оставляли открытымъ выходъ на случай исчезновенія избытковъ по обыкновенному бюджету въ размѣрѣ, достаточномъ для покрытія дефицита по чрезвычайному бюджету. Вѣдь дефициты самыхъ послѣднихъ лѣтъ, имѣвшіе мѣсто въ чрезвычайномъ бюджетѣ, оправдывались теоріей, гласящей, что чрез-

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы" 1909 г., № 12, стр. 742—3.

вычайные расходы надо покрывать и чрезвычайными доходами, то-есть займами, и что, стало быть, дефицитъ въ чрезвычайномъ бюджетѣ не есть, въ сущности, дефицитъ, и ничего опаснаго не представляетъ. Желаніе не осудить эту теорію, созданную несомнѣнно ad hoc, поставило министра финансовъ въ странную позицію: онъ предлагаетъ покрытіе всѣхъ расходовъ обыкновенными доходами — и въ то же время полемизируетъ съ тѣми, кто его особенно энергично благословляетъ на принятіе этой мѣры, полемизируетъ... по теоретическимъ соображеніямъ. Хотя самъ министръ финансовъ считаетъ планъ бюджетной коммиссіи „мудрымъ", тѣмъ не менѣе онъ споритъ съ тѣми, кто оправдываетъ этотъ мудрый планъ и съ точки зрѣнія теоріи. Министръ финансовъ цитируетъ противниковъ своего собственнаго практическаго взгляда и своего собственнаго предложенія, не щадя въ ссылкахъ ни праваго, ни виноватаго, зачисляя въ ряды инако мыслящихъ и тѣхъ, кто несомнѣнно одного съ нимъ мнѣнія въ данномъ практическомъ вопросѣ. Что это такое? Быть можетъ, доктринерство? Романтическое отношеніе къ наукѣ, къ догмѣ ея и, притомъ, къ догмѣ устарѣвшей? Конечно, нѣтъ. Министръ финансовъ понимаетъ, что если онъ не оставитъ себѣ пути къ „теоретическому" отступленію, ему придется осудить не только прошлое, но и самое ближайшее будущее...

Если поставить интересующій насъ вопросъ такъ: существуютъ ли расходы, которые слѣдуетъ покрывать займами, а не налогами, или иначе—бываютъ ли обстоятельства, когда извѣстные расходы правильнѣе покрывать займами, а не налогами,—то съ теоретической точки зрѣнія, какъ было указано г. Алексѣенко, отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Но этого неопредѣленнаго отвѣта недостаточно для рѣшенія конкретныхъ случаевъ, какъ недостаточно и общаго положенія о томъ, что желательно покрывать обыкновенными доходами, по возможности, всѣ расходы. Условія мѣста и времени, вся совокупность обстоятельствъ—финансовыхъ, политическихъ и иныхъ—вотъ что рѣшаетъ, какой способъ покрытія цѣлесообразнѣе, какой возможенъ и какой желателенъ. Но такъ какъ и министръ финансовъ, и бюджетная коммиссія, и депутаты, возражавшіе г. Коковцову, и, наконецъ, авторъ этихъ строкъ, невольный виновникъ оживленныхъ дебатовъ на данную тему,—всѣ согласны относительно того, что вполнѣ возможно и желательно обратить избытокъ обыкновенныхъ доходовъ по росписи 1910-го года на покрытіе „чрезвычайныхъ" расходовъ, то, въ сущности, пока спорить не о чемъ.

III.

Но только пока! Ибо, къ сожалѣнію, нельзя надѣяться на прочное возстановленіе равновѣсія въ нашемъ бюджетѣ. „Благопріятные

результаты сведенія росписи 1910 г. могутъ и не повториться, а лично я думаю—они и не повторятся", говоритъ министръ финансовъ. „1910-ый годъ—продолжаетъ онъ—есть годъ, слѣдующій за прекраснымъ урожаемъ 1909 г.; слѣдовательно, если мы встрѣтимся съ нѣсколько менѣе благопріятными условіями на 1911 г., если чрезвычайный бюджетъ 1911 г. потребуетъ расходовъ для своего удовлетворенія, и мы не найдемъ ихъ въ обыкновенномъ бюджетѣ, то будетъ большимъ благомъ, чтобы всѣ или часть этихъ чрезвычайныхъ расходовъ могли быть покрыты остатками наличности, и чтобы мы и въ 1911 г., если будетъ возможность, не обращались къ операціи займа, а еслибы возникла въ этомъ необходимость, обратились къ ней въ предѣлахъ самой крайней необходимости". Итакъ, не далѣе какъ въ 1911-мъ году, болѣе чѣмъ вѣроятно появленіе вновь дефицита и совершеніе для покрытія этого дефицита очередного займа. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ у насъ въ Россіи и въ народномъ, и — естественно — въ государственномъ хозяйствѣ почти неограниченно властвуютъ стихійныя силы, командуетъ „господинъ Урожай". „Успѣшное поступленіе доходовъ, какъ показалъ опытъ 1909 г. и предшествующихъ лѣтъ, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ результатовъ произрастанія хлѣбовъ и ихъ сбыта", справедливо указываетъ бюджетная коммиссія. И тотъ фактъ, что въ 1909-мъ году итогъ обыкновенныхъ доходовъ выразился въ суммѣ, превышающей предположенія на 60 мил. р. слишкомъ, объясняется „главнымъ образомъ хорошимъ урожаемъ 1909 г. и выгодной его реализаціей". Поэтому, признавая, что „въ финансовомъ отношеніи 1909 г. представляется для государственнаго казначейства весьма благопріятнымъ", коммиссія полагаетъ однако, что „было бы неосторожно разсчитывать въ будущемъ на постоянный столь же обильный притокъ средствъ въ кассы государственнаго казначейства".

Въ самомъ дѣлѣ, вывозъ пшеницы изъ Россіи составлялъ по цѣнности въ 1908 г. 113 мил., а въ 1909-мъ—384 мил. р.; ячменя было вывезено въ 1908 г. на 132,6 мил. р., а въ 1909 г.—на 165,9 мил. р.; всего хлѣбовъ вывезено въ 1908 г. на 375,6 мил. р., а въ 1909 г.—на 748,3 мил. р. И по количеству, и по цѣнности вывозъ хлѣбовъ въ 1909 г. былъ рекорднымъ въ исторіи русской торговли: по сравненію съ 1908 г. онъ увеличился на 90,4% по количеству и на 99,2% по цѣнности [1]). Удивительно ли, при такихъ обстоятельствахъ, что къ намъ притекло золото, что запасы его въ государственномъ банкѣ колоссальны, что—при полномъ застоѣ въ русской промышленности и громадныхъ запасахъ свободныхъ капиталовъ на Западѣ — курсы

[1]) „Вѣстникъ Финансовъ" 1910. № 9.

государственныхъ процентныхъ бумагъ поднялись значительно, и что счетъ государственнаго казначейства въ государственномъ банкѣ дошелъ до очень солидной суммы?

Но вѣдь, съ другой стороны, на 1910-ый годъ — справедливо или нѣтъ, — а сулятъ значительный неурожай. 1-го января 1911-го года (по новому стилю) могутъ потребовать выкупа облигацій по номинальной цѣнѣ владѣльцы германскаго $4^1/_2$% займа 1905 г., выпущеннаго на сумму $231^1/_2$ мил. р., и уплата должна быть произведена черезъ 6 мѣсяцевъ. Правда, курсъ этихъ облигацій въ настоящее время превышаетъ немного номинальную цѣну, и если онъ сохранитъ столь высокій уровень, владѣльцы на уплатѣ настаивать не будутъ ни въ 1911, ни въ 1914-мъ году. Но вѣдь никто не можетъ поручиться за то, что курсы останутся въ такомъ благопріятномъ состояніи. Далѣе, по разсчетамъ бюджетной коммиссіи „въ ближайшемъ будущемъ" предстоитъ осуществленіе ряда мѣръ (всеобщее начальное обученіе, улучшеніе и усиленіе провозоспособности желѣзныхъ дорогъ, Амурская дорога, вторая Сибирская, водные пути, военныя и морскія реформы), которыя потребуютъ „по даннымъ, сообщеннымъ министерствомъ финансовъ, около двухъ милліардовъ рублей". Мало того: въ самое недавнее время стало извѣстно, что разработанъ и внесенъ въ Думу проектъ усиленія военной мощи Россіи и что на эту задачу предположено истратить около $1^1/_2$ милліардовъ руб., покрыть которые предполагается въ теченіе десяти лѣтъ поступленіями отъ новыхъ налоговъ (главнымъ образомъ—отъ подоходнаго и реформированнаго съ наслѣдствъ).

Но насчетъ установленія налоговъ съ имущихъ группъ населенія не слѣдуетъ обольщаться. Депутатъ Кутлеръ, членъ финансовой коммиссіи, говорилъ въ Думѣ, что „судьба проекта подоходнаго налога въ пленарномъ засѣданіи финансовой коммиссіи, а тѣмъ болѣе въ Государственной Думѣ представляется весьма сомнительною". Сомнительнымъ, по мнѣнію того же оратора, „представляется также и благополучное прохожденіе черезъ Государственную Думу другого крупнаго законопроекта финансоваго вѣдомства—о реформѣ наслѣдственнаго налога; во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы этотъ проектъ прошелъ черезъ Думу, въ особенности чрезъ Верхнюю Палату, безъ крупнаго увѣчья. Надежды на новые источники государственныхъ доходовъ представляются, такимъ образомъ, довольно слабыми".

А если такъ, то, очевидно, неизбѣжны дефициты и неизмѣнные спутники ихъ—займы; значитъ, бюджетное равновѣсіе наше крайне эфемерное, мимолетное, болѣе чѣмъ неустойчивое. Относительно этого пункта очень опредѣленно выразился даже докладчикъ бюджетной коммиссіи, котораго само положеніе обязываетъ къ крайней

осторожности: „все наше финансовое благополучіе, основанное на хозяйственномъ благополучіи, — говорилъ г. Алексѣенко — „вызвано одною центральною, крупною причиною: урожаемъ, въ связи съ очень благопріятными конъюнктурами, т.-е. высокой цѣной и очень удачными условіями, когда этотъ урожай и вымолачивался, и реализовался. Вотъ это обстоятельство и надо намъ учитывать: надо имѣть въ виду, что причина, которая дѣйствуетъ временно, производитъ и временный эффектъ". Въ заключительной своей рѣчи г. Алексѣенко вновь подчеркнулъ, что „центральнымъ явленіемъ народнаго хозяйства, которое было рѣшающимъ по отношенію къ бюджетнымъ цифрамъ доходной росписи и отчасти расходной, былъ урожай — явленіе, разумѣется, временное, явленіе, которое, какъ временное, можетъ производить временный эффектъ; и вотъ въ предѣлахъ этой временности и можно говорить о томъ благопріятномъ положеніи, въ какомъ мы въ настоящее время находимся".

Депутатъ Кутлеръ рѣшительно заявляетъ: „бюджетъ на 1910 г. можетъ быть успѣшно сведенъ исключительно благодаря крупному, выдающемуся урожаю". По его мнѣнію, это результатъ „случайнаго благопріятнаго стеченія обстоятельствъ".

На взглядъ депутата Шингарева „то финансовое благополучіе, тотъ якобы переломъ, происшедшій въ нашемъ состояніи доходовъ и расходовъ, на самомъ дѣлѣ не имѣется пока, или имѣется въ настолько незначительной степени, что учесть его невозможно".

Не только слѣва, но и справа указывали на то, что „великолѣпное" положеніе финансовъ объясняется урожаемъ, что „урожай, къ сожалѣнію, является исключительнымъ гостемъ—въ особенности такой урожай", и прибавляли, что „теперь, когда мы находимся въ такихъ исключительно благопріятныхъ обстоятельствахъ", надо подумать о систематическомъ подъемѣ народнаго хозяйства, о „выработкѣ планомѣрныхъ мѣропріятій для борьбы съ могущими послѣдовать неурожаями", о подъемѣ сельскаго хозяйства и созданіи рынка для фабрично-заводской промышленности въ лицѣ сельскаго населенія (рѣчь депутата Половцева).

Не будемъ умножать цитатъ. Вспомнимъ лишь приведенныя выше слова министра финансовъ и отмѣтимъ, что даже во второй своей рѣчи—ярко полемическаго характера—г. Коковцовъ укорялъ ораторовъ оппозиціи за то, что они якобы старались „отнять у насъ то утѣшеніе, которое, кажется, позволительно намъ имѣть послѣ многихъ лѣтъ невзгодъ, послѣ тяжелыхъ пережитыхъ нами дней, утѣшеніе въ томъ, что мы, наконецъ, дожили хоть до одного хорошаго бюджета". Министръ призывалъ пользоваться настоящимъ, не отравляя сладкаго мгновенія заботой о будущемъ. „Нѣтъ надобности,—

убѣждалъ онъ,—изъ-за добраго, хорошаго „сегодня“ уничтожать его и говорить: не вѣрьте этому сегодня, потому что завтра будетъ и въ этомъ отношеніи хуже. Подождемъ этого „завтра“, посмотримъ, что̀ будетъ, и примемъ тѣ мѣры, которыя это завтра намъ укажетъ“. Министръ финансовъ опредѣленно и категорически заявилъ, далѣе, что онъ—убѣжденный сторонникъ теоріи: „день да ночь, сутки прочь“.

Послѣ всего, сказаннаго, врядъ-ли необходимо настаивать на томъ, что равновѣсіе въ бюджетѣ явилось у насъ неожиданно, вызванное стихійными причинами, ни отъ какой планомѣрной дѣятельности ни правительства, ни населенія не зависящими [1]). „Аллахъ далъ сегодня, Аллахъ отниметъ завтра,—на все его святая воля!“ Этотъ фатализмъ, эта психологія первобытнаго человѣка, не властнаго надъ силами природы, ведетъ къ пассивности, къ бездѣйствію, къ равнодушію, къ вѣрѣ въ мистическую всеисцѣляющую силу „жизни“, „обстоятельствъ“, „времени“. И когда такое настроеніе становится господствующимъ и въ правительственныхъ сферахъ, и среди населенія—это признакъ глубоко печальный, знаменіе разложенія...

IV.

А между тѣмъ урожай въ цивилизованныхъ странахъ, если далеко еще не покоренъ волѣ человѣка, то во всякомъ случаѣ до извѣстной степени дисциплинированъ. Такихъ „недородовъ“, какъ у насъ, такихъ колебаній въ сборѣ хлѣбовъ, какъ въ Россіи—на Западѣ не бываетъ. Вѣдь неурожай сталъ у насъ обычнымъ, сдѣлался правиломъ. А „развѣ неурожай могъ бы быть нормальнымъ явленіемъ въ Россійской Имперіи, еслибы сельское хозяйство стояло на извѣстной высотѣ сельско-хозяйственной техники?“—справедливо недоумѣвалъ депутатъ Шейдеманъ. „Я понимаю — продолжалъ онъ,—что въ силу тѣхъ или иныхъ стихійныхъ условій можетъ быть неурожай; но можетъ быть неурожай мѣстный, а такихъ сплошныхъ неурожаевъ, какъ въ Россіи, при которыхъ надо затрачивать десятки, а можетъ быть сотни милліоновъ рублей для прокормленія, такіе неурожаи недопустимы. Скажите, пожалуйста, много ли дѣлается въ Россійской Имперіи затратъ для поднятія сельско-хозяйственной техники?“ Отвѣтъ на этотъ реторическій вопросъ извѣстенъ.

И г. Половцевъ, еще болѣе правый, чѣмъ г. Шейдеманъ, въ

---

[1]) Стоитъ отмѣтить, что послѣдній разъ государственная роспись Россіи была сведена и выполнена безъ дефицита въ 1888 году, и что по далеко не случайному совпаденію и 1887-ой, и 1888-ой годы ознаменовались хорошими урожаями. О росписи на 1888-ой годъ сказано ниже нѣсколько подробнѣе.

цитированной рѣчи, какъ и въ предложенной имъ резолюціи, настаиваетъ на необходимости бороться съ неурожаями.

Совершенно очевидно,—и нынѣшній годъ еще разъ подчеркнулъ это,—что въ сельско-хозяйственной по преимуществу Россіи состояніе и народнаго хозяйства, и государственнаго, опредѣляется количествомъ собраннаго съ полей хлѣба и цѣнами на этотъ хлѣбъ. Стало быть, прочное улучшеніе финансовъ предполагаетъ, въ качествѣ необходимой предпосылки, устойчивость урожая, но устойчивость не на уровнѣ недорода и недобора, а на высокомъ уровнѣ, соотвѣтствующемъ правильной организаціи сельскаго хозяйства. Отсюда вытекаетъ съ непреложной ясностью, что главнѣйшее средство поднять наши финансы заключается въ мѣропріятіяхъ по улучшенію сельскаго хозяйства, и что въ эту область должны быть направлены всѣ усилія какъ законодательства, такъ и правительства, и общества.

О томъ, въ какой мѣрѣ это осуществляется или, вѣрнѣе, не осуществляется, мы говорили достаточно въ статьѣ: „Финансовая гомеопатія“ [1]).

Развитіе производительныхъ силъ страны—вотъ что̀ должно быть альфой и омегой экономической и финансовой политики Россіи. Нельзя сказать, что по этой части ничего не дѣлается: кое-что, кое-гдѣ и кое-какъ совершенствуется. Но вѣдь все это производится такъ безсистемно, такъ случайно и такими гомеопатическими дозами, что пропадаетъ почти безслѣдно. Съ точки зрѣнія министра финансовъ эта политика „мудрая“, опредѣленная, програмная. Основной пунктъ программы: опредѣленіе расходовъ по доходамъ („по одежкѣ протягивай ножки“) въ области культурныхъ и хозяйственно-производительныхъ затратъ и полная готовность на затраты по части „укрѣпленія нашей внѣшней мощи“, — сколько бы ихъ ни потребовалось. Это дѣйствительно программа, но совершенно неправильная, нецѣлесообразная и вредная, даже съ точки зрѣнія укрѣпленія внѣшней мощи. Помимо того, что у насъ большія траты въ морскомъ и военномъ вѣдомствѣ отнюдь не ведутъ за собой удовлетворительной организаціи военной боевой готовности, не мѣшаетъ имѣть въ виду и финансовую боевую готовность. Было время, когда эту сторону дѣла хорошо понимали въ финансовомъ вѣдомствѣ. На 1888-ой годъ бюджетъ Россіи былъ сведенъ какъ и нынѣ безъ дефицита (съ тѣхъ поръ такого благополучія не было). Произошло это, согласно докладу министра финансовъ отъ 20 октября 1887-го года, „при несомнѣнныхъ признакахъ оживленія промышленности и торговли и при обильномъ урожаѣ“, при установленіи ряда новыхъ налоговъ и повышеніи старыхъ (на

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, декабрь 1909-го года.

сумму въ 30 мил. р.). Исполненіе росписи 1888-го года превзошло всѣ ожиданія, ибо хорошій урожай повторился и въ 1888-мъ году. Но когда военный министръ заявилъ о необходимости увеличенія военнаго бюджета, Вышнеградскій горячо возсталъ противъ этого и во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ, представленномъ въ апрѣлѣ 1888-го года, писалъ: „Считаю долгомъ вѣрноподданнаго выразить передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ твердое, ясное и глубокое убѣжденіе въ томъ, что благосостояніе народа, даже при нѣкоторомъ несовершенствѣ военнаго устройства, принесетъ въ періодъ вооруженнаго столкновенія болѣе пользы, нежели самая полная боевая готовность арміи при пошатнувшемся экономическомъ положеніи народа, который въ семъ случаѣ, при всей готовности жертвовать и жизнью, и достояніемъ, можетъ принести на алтарь отечества только одну жизнь и не будетъ въ силахъ доставить необходимыя государству денежныя средства“ [1]).

Прошло свыше двадцати лѣтъ, мы пережили печальный опытъ русско-японской войны, пережили „смуту“—и забыли то, что̀ было ясно нашимъ отцамъ.

Нѣкоторые депутаты оппозиціи указывали, что, примѣняя гомеопатическое леченіе застарѣлыхъ экономическихъ и финансовыхъ недуговъ, мы обрекаемъ Россію на долгіе, долгіе годы полукультурнаго существованія и на невозможность хоть сколько-нибудь сравняться съ цивилизованными странами, съ которыми намъ приходится бороться и на хозяйственной аренѣ мірового рынка, и на поприщѣ дипломатическихъ отношеній (а можетъ создаться необходимость вступить и въ военное состязаніе!). Въ отвѣтъ на эти грустныя опасенія за родную страну, лишенную возможности проявить себя въ полную мѣру силъ и способностей, министръ финансовъ доказывалъ, что торопиться некуда, что лучше медленно, но вѣрно идти, нежели мчаться, подобно Ахиллесу, невѣдомо куда. „Тише ѣдешь, дальше будешь“—старая пословица. Но вѣдь и въ обывательской жизни ее нельзя толковать въ смыслѣ: „чѣмъ тише ѣдешь, тѣмъ дальше будешь“. А въ области поднятія народнаго благосостоянія мы, кажется, ѣхали и ѣдемъ столь тихо, что даже не вполнѣ ясно, продвинулись ли мы впередъ или отодвинулись назадъ.

Сознаніе, что наше государственное хозяйство попало въ тупикъ и что внѣ осуществленія широкихъ мѣръ къ поднятію народнаго благосостоянія нѣтъ выхода — все болѣе и болѣе распространяется. Но на пути къ тому, чтобы лозунгъ поднятія производительныхъ силъ населенія сталъ всеобщимъ, сдѣлался голосомъ народа, стоятъ серьезныя препятствія. Недаромъ нѣкоторые депутаты (напр. г. Кутлеръ),

---

[1]) „Министерство финансовъ“. Юбилейное изданіе, II, стр. 304—308.

считая принципіально, теоретически правильнымъ требованіе крупныхъ основныхъ затратъ на хозяйственныя цѣли, боятся, что на практикѣ расходы пойдутъ не туда, куда желательно ихъ направить, что деньги будутъ не затрачены, а растрачены и истрачены. При нынѣшней системѣ управленія, при современномъ курсѣ внутренней и внѣшней политики безопаснѣе стоять за систему экономіи, систему наименьшихъ расходовъ. Съ этой точки зрѣнія, наше время—не время экономическихъ и финансовыхъ реформъ. Не до улучшеній, не до долговременныхъ и сложныхъ мѣропріятій: лишь бы прожить, просуществовать до болѣе свѣтлаго времени, до лучшаго будущаго,—какъ бы говорятъ эти пессимисты. И, къ сожалѣнію, къ несчастью, въ этомъ безотрадномъ взглядѣ есть доля правды...

М. Фридманъ.

ШКОЛЬНЫЙ ГИПНОЗЪ

(Изъ записокъ педагога.)

„Воспитаніе—великое дѣло: имъ рѣшается участь человѣка. Молодыя поколѣнія суть гости настоящаго времени и хозяева будущаго, которое есть ихъ настоящее, получаемое ими, какъ наслѣдство отъ старѣйшихъ поколѣній". Такъ когда-то писалъ Бѣлинскій, не разъ затрогивавшій вопросы воспитанія и обученія дѣтей и юношества. Кстати сказать, большинство нашихъ извѣстныхъ публицистовъ и писателей-художниковъ немало мѣста отводили рѣшенію того же вопроса. И это было всегда, даже въ самыя тяжелыя минуты реакціи, въ годы царствованія Николая I. Лучшая часть общества всецѣло раздѣляла приведенный нами взглядъ Бѣлинскаго на воспитаніе, живо интересовалась школой, слѣдила за ея развитіемъ и чутко отзывалась на тѣ или иныя проявленія школьной жизни. Много прошло времени. Безусловно повысилась общественная культура. И думается, что интересъ къ воспитанію подростающаго поколѣнія, интересъ къ положенію школы въ странѣ долженъ былъ бы также развиться и найти свое отраженіе во всѣхъ проявленіяхъ общественно-культурной жизни. Дѣйствительно, такъ и было до 1907 г. Кульминаціоннымъ пунктомъ, конечно, былъ 1905-ый годъ, а затѣмъ постепенно пошло охлажденіе, и въ настоящее время въ обществѣ наблюдается почти полный индифферентизмъ. Школьный вопросъ какъ будто, всѣмъ на-

дѣлъ до крайности. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ общей прессѣ, какъ выразительницѣ соціальнаго настроенія, въ журналахъ и газетахъ, помѣщались статьи, посвященныя положенію школьнаго дѣла въ Россіи. „Образованіе", при своемъ возникновеніи введя обширный педагогическій отдѣлъ, отвѣчавшій, очевидно, требованіямъ времени, постепенно сокращало его до размѣровъ газетнаго фельетона, и, вѣроятно, уничтожило бы его совершенно, еслибы, послѣ продолжительной агоніи, не окончило свое существованіе. Журналы, кромѣ профессіональныхъ, отводятъ очень мало мѣста педагогическимъ вопросамъ. То же самое можно сказать и о газетахъ. Мы, конечно, не имѣемъ въ виду хронику, болѣе чѣмъ когда-либо наполненную краткими, безстрастными сообщеніями объ эксцессахъ и аномаліяхъ школьной дѣйствительности.

Даже такая газета, какъ „Рѣчь", не сочла нужнымъ въ новогоднемъ номерѣ, наряду съ обширными обзорами другихъ сторонъ общественно-государственной жизни Россіи, дать обзоръ школьнаго дѣла за истекшій 1909-ый годъ. Между тѣмъ 1909-ый годъ въ этой области былъ достаточно чреватъ различными событіями, имѣющими глубокое общественное значеніе.

Чѣмъ же объяснить подобное равнодушіе общества и прессы? Неужели странныя выходки на засѣданіяхъ Государственной Думы депутата Пуришкевича или безсмысленная дуэль гг. Гучкова и Уварова имѣютъ для страны большее значеніе, чѣмъ школьное дѣло? А вѣдь сколько мѣста на страницахъ журналовъ и газетъ отводилось и отводится подобнымъ инцидентамъ! Сколько разговоровъ было объ этихъ и другихъ аналогичныхъ фактахъ въ различныхъ кружкахъ и собраніяхъ! Или мы извѣрились въ силу и значеніе печатнаго слова, что такъ упорно молчимъ о явленіяхъ крайне вредныхъ и ненормальныхъ въ той области, которая имѣетъ для всякаго государства почти рѣшающее значеніе въ смыслѣ культурнаго его существованія? Вспомнимъ еще разъ Бѣлинскаго. Онъ писалъ: „Какъ зародышъ будущаго, каждое (поколѣніе) есть новая идея, готовая смѣнить старую идею. Это и есть условіе хода и процесса человѣчества".

Стараясь уяснить себѣ, откуда взялось это равнодушіе—хотя, быть можетъ, только кажущееся,—общества и прессы къ безусловно важному вопросу воспитанія и обученія нынѣшняго подростающаго поколѣнія, мы склонны думать, что въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ обычный гипнозъ обычнаго зла, заставляющій однихъ не замѣчать отрицательныхъ явленій и не понимать ихъ вреднаго значенія, другихъ—мириться съ ними и принимать за нѣчто нормальное и обычное и, наконецъ, третьихъ—даже ихъ поддерживать. Роль внушенія въ той или другой аномаліи достаточно разработана въ психіатріи. Мы

постараемся въ своей статьѣ указать на новый родъ общественнаго внушенія, а именно на школьный гипнозъ, объясняющій непонятное на первый взглядъ равнодушіе общества и прессы къ такому важному и существенному въ культурной жизни народа дѣлу, какъ школьное.

I.

Равнодушно слушая проклятья
Въ битвѣ съ жизнью гибнущихъ людей,—
Изъ-за нихъ вы слышите ли, братья,
Тихій плачъ и жалобы дѣтей?

Вотъ рядъ случайныхъ газетныхъ замѣтокъ за послѣдніе пять-шесть мѣсяцевъ. Вчитайтесь въ нихъ, и ваше сердце обольется кровью.

Въ Глазовѣ отравилась гимназистка 3-го класса Женя Агафонова. Мать Жени, вернувшись домой, застала свою дѣвочку въ ужасномъ состояніи. Несчастная, въ страшныхъ мученіяхъ, съ розовой пѣной у рта, каталась на кровати и безпомощно била по ней рученками съ раздирающимъ душу крикомъ: „Русскій, русскій!"—„Что ты сдѣлала, родная?"—„Мамочка, мнѣ не выдержать его! Мама, у меня и Законъ еще... Она мнѣ сказала, что и историкъ мнѣ только изъ жалости три вывелъ... Какъ она мнѣ сказала это, мнѣ такъ стало тяжело, мамочка, такъ больно!.."

Въ Одессѣ отравилась карболовой кислотой гимназистка Меланья Слипченко. Несчастная дѣвушка наканунѣ самоубійства исповѣдывалась и причащалась. Въ гимназіи Слипченко имѣла столкновеніе съ учителями во время уроковъ русскаго языка и исторіи.

3-го ноября въ Саратовѣ отравился мышьякомъ ученикъ городского училища Борисъ Крапивинъ, *получившій дурной баллъ.*

23-го октября ученица 5-го класса 2-ой оренбургской женской гимназіи В. покушалась на самоубійство; выстрѣломъ изъ револьвера она тяжко ранила себя въ грудь. Причина — *неудовлетворительныя отмѣтки за первую четверть.*

Повѣсился сынъ акушерки Карльштейнъ, 14 лѣтъ, учившійся въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Москвы. Вчера его мать получила отъ начальства письмо, въ которомъ ее увѣдомляли, что сынъ ея плохо себя ведетъ.

Въ Елисаветградѣ, по словамъ „Гол. Москвы", отравилась ученица 2-го класса гимназіи, одиннадцатилѣтняя дѣвочка Лидія Буздижанъ. Кто-то изъ домашнихъ подъ подушкой покойной нашелъ клочокъ бумаги, на которомъ рукой покойной было написано обращеніе

къ отцу: „Дорогой папочка! Прости за то, что я тебѣ причиняю. *Надоѣло бороться съ жизнью.* Цѣлую всѣхъ. Кланяюсь знакомымъ. Цѣлую Колю (брата) 1000 разъ". Какъ выяснилось, покойная отравилась, принявъ нѣсколько облатокъ морфія, который прописали ея отцу врачи. Удивительно, что во время мучительной боли, когда врачи желали ей облегчить страданія, затрудняясь опредѣлить происхожденіе болѣзни, покойная ни словомъ не обмолвилась о самоотравленіи. Говорятъ, что у дѣвочки были какія-то непріятности въ гимназіи.

Благонамѣренные люди, школьная администрація и сами педагоги склонны объяснять многочисленныя самоубійства учащихся близостью ихъ къ политической жизни страны, вліяніемъ злонамѣренныхъ агитаторовъ на неуравновѣшенныя юношескія натуры и, главнымъ образомъ, пресловутымъ 1905-мъ годомъ, когда воспитанники казенныхъ школъ принимали участіе въ уличныхъ демонстраціяхъ и, протестуя противъ школьной рутины, произвели во всѣхъ городахъ имперіи школьныя забастовки. Однако факты говорятъ противъ этого толкованія. Изъ приведенныхъ газетныхъ свѣдѣній о самоубійствахъ учащихся можно видѣть, что множество самоубійствъ относится къ періоду переходнаго возраста, между 12 и 16 годами, а во-вторыхъ, значительный процентъ падаетъ и на совершенно маленькихъ дѣтей. Пять лѣтъ прошло уже со времени дней свободы. Участники школьныхъ безпорядковъ разстались съ своей школой—а юные самоубійцы, зарегистрированные нами, не могли принимать никакого участія въ политическомъ движеніи 1905-го года, и причиной ихъ ранней смерти являются совершенно иныя обстоятельства.

Уже въ продолженіе многихъ лѣтъ учащіеся разнаго пола и возраста всѣми средствами, какими располагаютъ ихъ юныя силы, стараются раскрыть тягостное положеніе ихъ въ школѣ. До какого отчаянія нужно дойти и насколько извѣриться въ людскую справедливость и взаимопомощь, чтобы избрать самоубійство средствомъ для привлеченія вниманія общества къ оставшимся въ живыхъ, какъ сдѣлалъ это въ Кіевѣ гимназистъ Бабіенко. Самоубійства за послѣднее время такъ часты, такъ настойчиво повторяются они въ однихъ и тѣхъ же городахъ и даже въ однихъ и тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ, что, пожалуй, можно опасаться, какъ бы они не приняли коллективную форму, тѣмъ болѣе, что самоубійства весьма часто играютъ роль общественнаго внушенія. И нѣтъ ничего опаснѣе гипноза самоубійствъ. Русская тюрьма знаетъ подобные случаи; а вѣдь наша школа, если серьезно взглянуть на нее, не далеко ушла отъ тюрьмы. Въ самомъ дѣлѣ, не карательными ли учрежденіями являются наши школы, гдѣ знаніе внѣдряется въ учащихся при помощи единицъ и періодической

очистки, гдѣ воспитаніе дѣтей исключительно основывается на репрессіяхъ, гдѣ воспитатели, въ трогательномъ единеніи съ полицейскими чиновниками, „слѣдятъ“ за учащимися и „доносятъ“ о ихъ поведеніи высшему начальству? Оффиціальная педагогика настолько несостоятельна, настолько безсильна, ея агенты такъ бездарны, такъ безцвѣтны, что единственное для нея средство воздѣйствія на дѣтей — исключеніе и двойка.

II.

Ближайшей причиной дѣтскихъ самоубійствъ является неудовлетворительная отмѣтка: двойка за незнаніе. По мнѣнію педагоговъ, незнаніе исключительно зависитъ отъ ученической лѣности, а лѣность есть мать всѣхъ пороковъ, и потому надо карать и карать маленькихъ преступниковъ. Экспериментальная педагогика думаетъ совершенно иначе. Дѣти, по ея мнѣнію, всегда и вездѣ дѣти, ни хуже, ни лучше. Лѣнивыхъ дѣтей нѣтъ, но есть дѣти больныя или съ органическими дефектами, отходящія отъ нормальнаго типа ребенка. Психологія, хотя бы устами нашего писателя Гоголя, заявляетъ слѣдующее: „лѣность и непонятливость воспитанника обращаются въ вину педагога и суть только вывѣски его собственнаго нерадѣнія: онъ не умѣлъ, онъ не хотѣлъ овладѣть вниманіемъ своихъ юныхъ слушателей, онъ заставилъ ихъ съ отвращеніемъ принимать горькія свои пилюли. Совершенной неспособности невозможно предполагать въ дѣтяхъ. Мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ, какъ ребенокъ, признанный за неспособнаго ни къ чему, обиженный природой, слушалъ съ неразвлекаемымъ вниманіемъ страшную сказку, и на лицѣ его, почти бездушномъ, не оживляемомъ до того никакимъ чувствомъ участія, попеременно прорывались черты безпокойства и боязни. Неужели нельзя задобрить такого вниманія въ пользу науки?!“

Мы нарочно цитируемъ Гоголя: вѣдь такъ часто ученикамъ преподаватели отечественной литературы ставятъ двойки за незнаніе какого-либо изъ его произведеній. А помнятъ ли они сами, господа педагоги, вышеприведенное мѣсто изъ нашего классика, сочиненія котораго они, по мнѣнію писателя Куприна, такъ обезцвѣтили, такъ опошлили своей бездарностью, что вмѣсто любви къ автору „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ вызываютъ въ дѣтяхъ и юношахъ неинтересъ и равнодушіе! И если помнятъ, то почему въ своей творческой работѣ не руководствуются взглядомъ Гоголя, вполнѣ здравымъ и справедливымъ и съ точки зрѣнія экспериментальной педагогики? Нѣтъ, тутъ ученическая лѣность ни при чемъ. Вѣдь вотъ на что былъ реак-

ціонеръ покойный Побѣдоносцевъ, а и тотъ думалъ и объяснялъ по другому: „Учитель-ремесленникъ, учитель-чиновникъ не годится для живого дѣла. Учитель долженъ быть полагающій душу свою въ дѣло обученія и воспитанія"... и далѣе: „Учитель, учитель! подумай—нѣтъ науки, которой нельзя было бы обратить въ орудіе мученій для „малыхъ сихъ", состоящихъ подъ твоей ферулой. Твое дѣло помогать имъ расти, а сколько педагоговъ, считающихъ долгомъ надѣвать на нихъ цѣпи и корсеты, какъ будто для того, чтобы задерживать ростъ или искажать его!" [1])

Ну, какова должна быть наука, если дѣти отъ нея стрѣляются и отравляются! Очень далеки наши чиновники министерства народнаго просвѣщенія, иначе говоря—педагоги, отъ тѣхъ требованій, какія предъявлялъ имъ Побѣдоносцевъ. Это прекрасно понимаетъ нынѣшній министръ. Недаромъ же онъ заявилъ на одномъ изъ своихъ выступленій въ Думѣ, что педагогика—весьма трудное *ремесло*. Основная же задача педагогики, по мнѣнію этого превосходительнаго ремесленника—„обуздывать дикіе инстинкты природы человѣка". Если глава министерства держится такихъ взглядовъ, то чего же можно требовать съ его подчиненныхъ? Они за страхъ и за совѣсть углубляютъ и расширяютъ въ своей „просвѣтительной" дѣятельности педагогическія убѣжденія своего начальства.

Такимъ образомъ, казенная школа всецѣло обратилась въ карательное учрежденіе. Двойки за незнаніе сыплются какъ изъ рога изобилія. Экзаменаціонный періодъ и послѣдніе дни четвертей передъ выводомъ отмѣтокъ—самые ужасные, самые кошмарные дни школы. Кривая самоубійствъ рѣзко повышается къ этому времени. Нервное настроеніе изъ школы проникаетъ въ семью. Маленькія дѣти напрягаютъ послѣднія силенки. Какъ загнанная лошадь, скользя ногами, старается втащить на гору тяжелый возъ и падаетъ въ изнеможеніи подъ ударами кнута, такъ и юные страдальцы часто изнемогаютъ въ непосильной борьбѣ за удовлетворительную отмѣтку и, какъ Женя Агафонова, катаясь въ страшныхъ мученіяхъ, съ розовой пѣной у рта, кричатъ, протягивая рученки: „Русскій, русскій!.. Мамочка, мнѣ не выдержать его! Мама, у меня и Законъ еще!" Гимназистъ Бабіенко, застрѣлившійся въ Кіевѣ, въ предсмертномъ письмѣ энергично спѣшитъ завѣрить, что онъ „застрѣлился не изъ-за отчаянія, не изъ страха передъ жизнью, такъ какъ отчаиваться ему нечего—*еще только первая четверть*...."

Еще только первая четверть! То-есть, есть еще время приналечь на занятія, исправить полученныя за первую четверть двойки... Бѣд-

---

[1]) Побѣдоносцевъ, „Ученіе и учитель".

ный юноша! Вся разнообразная міровая жизнь заключается для него только въ каменныхъ стѣнахъ школы. Школа воплощаетъ въ себѣ жизнь. Жизненное зло—школьный режимъ. Жизненная цѣль—благополучное окончаніе гимназіи...

Ученица 2-го класса елисаветградской гимназіи, одиннадцатилѣтняя Лидія Буздижанъ передъ самоубійствомъ пишетъ своему отцу: „Дорогой папочка! Прости за то, что я тебѣ причиняю. *Надоѣло бороться съ жизнью*"... Въ концѣ замѣтки корреспондента глухо говорится, что у дѣвочки были какія-то непріятности въ гимназіи. Всякій знаетъ, что непріятности въ гимназіи обычно кристаллизуются въ двойку по предметамъ и поведенію. „Надоѣло бороться съ жизнью"—пишетъ маленькая Лидія. Какая же можетъ быть борьба, кромѣ усилій получить удовлетворительную отмѣтку и не вызвать нареканій со стороны родителей за плохое ученье?

Тяжелое, смутное время переживаетъ наша родина. Великая растерянность владѣетъ обществомъ, политикой, литературой. Въ этомъ страшномъ хаосѣ русской дѣйствительности кровавый Молохъ реакціи размѣренно и равнодушно не устаетъ пожирать жертву за жертвой. Вечернія жертвы—эти юноши и дѣвушки, эти маленькія дѣти. Хорошо, если они будутъ искупительными жертвами, искупятъ ошибки отцовъ, мирящихся съ ужасами школы. Хорошо, если они разбудятъ ихъ отъ мертвой спячки, отъ позорнаго гипноза, подъ вліяніемъ котораго находится русское общество.

III.

Установляя главной задачей воспитанія обузданіе дикихъ инстинктовъ человѣка, министерство народнаго просвѣщенія, безъ всякаго сомнѣнія, находится въ нѣкоего рода трансѣ, вызванномъ освободительнымъ движеніемъ 1905 г., бурно отразившимся въ жизни казенной школы. Оффиціальная педагогика, уступая требованію времени, отпустила нѣсколько вожжи и ослабила карательный режимъ въ періодъ „сердечнаго попеченія" и общественнаго „довѣрія". Результаты, съ точки зрѣнія власти и руководящихъ принциповъ, получились крайне отрицательные. Произошла даже дѣтская революція. Ея необходимо избѣжать въ будущемъ. И вотъ, предпринимаются всевозможныя мѣры, чтобы заглушить въ подростающемъ поколѣніи отголоски пережитого, задавить всякое стремленіе къ свободѣ, къ истинному знанію. Для достиженія этой цѣли педагоги-идеалисты, творящіе новыхъ, свободныхъ людей, конечно, не нужны. Полезны могутъ быть только педагоги-ремесленники, исполнительные чиновники. Въ руки имъ дано

давно испытанное средство педагогическаго воздѣйствія—балльная и экзаменаціонная системы, когда-то сведенныя почти на нѣтъ добродушнымъ генераломъ Ванновскимъ.

Съ достовѣрностью мы не можемъ сказать, кому принадлежитъ заслуга измышленія балльной системы. Но сколько нужно было имѣть холодной жестокости, іезуитизма и коварства, ненависти ко всему живому, свободному, яркому, чтобы ввести въ великое и живое дѣло воспитанія дѣтей мертвую цифру! За этой цифрой совершенно не видно ни личности педагога, ни личности ученика: она владѣетъ тѣми и другими, обезличиваетъ ихъ, гипнотизируетъ. Многіе до сихъ поръ еще думаютъ, что отмѣтки, баллы имѣютъ очень мало значенія въ школьномъ обиходѣ; даже передовые педагоги и родители считаютъ балльную систему небольшимъ зломъ. „Дѣло не въ отмѣткахъ", говорятъ они, „а въ общей системѣ"... Даже учащіеся, только-что покончившіе со школой, не представляютъ себѣ ясно пагубнаго значенія выставленія педагогами отмѣтокъ.

Когда-то Н. К. Михайловскій сказалъ: „Есть писатели, которые владѣютъ перомъ, и есть другіе писатели, которыми владѣетъ перо". Почти то же можно сказать о педагогахъ и отмѣткахъ. Отмѣтка педагога, какъ и перо писателя, есть средство воздѣйствія; но большинство педагоговъ-ремесленниковъ сами подпадаютъ подъ вліяніе отмѣтки, и она совершенно овладѣваетъ ими. Педагоги ею загипнотизированы. И если мы присмотримся къ жизни этихъ жалкихъ рабовъ цифры, то увидимъ, что даже въ домашнемъ быту они привыкли оцѣнивать явленія и предметы при помощи балльной системы.

Задача казенной школы—обуздавъ „дикіе инстинкты" ребенка и юноши, выпустить изъ своихъ каменныхъ стѣнъ обезличенныхъ недоучекъ, дать аттестатъ зрѣлости своимъ достойнымъ воспитанникамъ. Нѣкоторые педагоги ясно понимаютъ эту задачу и идутъ къ ея рѣшенію твердыми шагами. Другіе безсознательно исполняютъ ее. Но какъ тѣ, такъ и другіе, вслѣдствіе условій ихъ существованія и работы, такъ или иначе подчинены руководящей идеѣ и, являясь покорными ея исполнителями, словомъ и дѣломъ распространяютъ этотъ гипнозъ среди учащихся и въ обществѣ.

Мы уже видѣли, какъ кошмарна школьная дѣйствительность—и въ ней, какъ страшный символъ, царитъ отмѣтка и мертвитъ все живое, свободное. Неправы тѣ, которые полагаютъ, что балльная система — небольшое зло. Пусть ссылаются они на заграничныя школы, пытаясь доказать ея право на существованіе. Они забываютъ, что школа имѣетъ дѣло съ живыми организмами, дѣтьми и юношами, имѣющими собственное „я", свою личность и индивидуальность. Нельзя, невозможно живую природу, крайне разнообразную въ своихъ прояв-

леніяхъ, природу вѣчно прогрессирующую и измѣняющуюся, опредѣлить въ тотъ или иной моментъ бытія мертвой цифрой. Оцѣнка, при помощи балльной системы, познаній учащихся, ихъ отношенія къ наукѣ и жизни, даже въ лучшихъ, нормально поставленныхъ школахъ, всегда будетъ имѣть случайный характеръ, недостаточно объективный и справедливый. А случайность и несправедливость—безусловно такое зло, которое отнюдь не допустимо въ школѣ. При существованіи балльной системы нѣтъ мѣста равному и любовному изученію наукъ, ради самаго знанія. Если балльная система даже въ рукахъ относительно нормальной школы и гуманныхъ педагоговъ даетъ отрицательные результаты, то, конечно, являясь орудіемъ воздѣйствія на учащихся въ рукахъ неразвитыхъ, безпринципныхъ, часто жестокихъ педагоговъ-чиновниковъ, педагоговъ-ремесленниковъ—каковыхъ большинство въ господствующей у насъ школѣ,—она ведетъ къ тѣмъ ужасамъ и кошмарамъ, которые были выше указаны. Получается такое впечатлѣніе, что педагогамъ нѣтъ ровно никакого дѣла до того, какое дѣйствіе оказываетъ на учащихся ихъ карательная система. Пусть погибаютъ дѣти и юноши, да здравствуетъ двойка!

Экзаменаціонная система, проводимая въ жизнь школы при ультраторжественной обстановкѣ чиновничьяго азарта, не менѣе, если не болѣе двоекъ, споспѣшествуетъ основной задачѣ казенной школы. Производятся экзамены, по мнѣнію экспериментальной педагогики, въ самое трудное для умственной работы дѣтей время — именно въ весенніе мѣсяцы, когда всѣ живые организмы живутъ повышенной чувственной жизнью, а не психической. Усиленное умственное напряженіе въ этотъ періодъ ведетъ къ ослабленію мозговой дѣятельности, а нерѣдко и къ весьма тяжкимъ психическимъ заболѣваніямъ. Падаетъ жизнедѣятельность организма, воля слабѣетъ, физическія силы подорваны, умственныя способности притуплены. Повторныя переживанія такого состоянія въ конецъ ослабляютъ человѣка, и онъ дѣлается совершенно неспособнымъ къ нормальной свободной жизни.

Вліяніе внушенія, производимаго баллами и экзаменами, лучше всего сказывается во время производства послѣднихъ. Стоитъ только посмотрѣть на этихъ мундирныхъ психопатовъ, производящихъ испытанія съ торжественными физіономіями за покрытыми зеленымъ сукномъ столами, на этихъ маленькихъ дрожащихъ, запуганныхъ дѣтей съ безсмысленными, растерявшимися глазами, на отцовъ и матерей, волнующихся не менѣе своихъ дочекъ и сынковъ. Происходитъ священнодѣйствіе — по мнѣнію педагоговъ и большинства родителей, а по нашему—сплошное кощунство.

Невольно вспомнился намъ одинъ эпизодъ изъ жизни Л. Н. Тол-

стого. Какая-то мать совѣтовалась съ великимъ писателемъ, отдать ли ей сына въ казенную гимназію или нѣтъ.

— Не отдавайте,—сказалъ Левъ Николаевичъ.

— Да какъ же его не учить,—возразила мать: — онъ такъ дуракомъ останется.

— Лучше пусть останется просто дуракомъ, чѣмъ дуракомъ, да еще набитымъ.

Да, казенная школа и забиваетъ, и набиваетъ, и даже убиваетъ своихъ питомцевъ.

Посмотримъ теперь, какъ реагируютъ на вредныя явленія школы лучшіе изъ современныхъ педагоговъ.

IV.

Обычно педагоги въ повседневной жизни молчатъ. Молчатъ при взяточничествѣ своихъ сослуживцевъ, при ихъ пьянствѣ, безобразномъ поведеніи, при развращеніи учащихся, молчатъ и при наносимыхъ имъ оскорбленіяхъ. Если же начинаютъ разговаривать наиболѣе либеральные изъ нихъ особенно на какомъ-нибудь общественномъ собраніи, то въ высшей степени становится ясенъ и понятенъ тотъ роковой гипнозъ, подъ вліяніемъ котораго, по нашему мнѣнію, находятся и школа, и общество—педагоги, родители и дѣти.

Лѣтомъ 1909 г. въ Петербургѣ былъ съѣздъ по педагогической психологіи. 4-го іюня школьнымъ врачемъ И. былъ сдѣланъ докладъ о вліяніи экзаменовъ на умственную работу учащихся. Не желая, по видимому, огорчать министерство иолнѣйшимъ отрицаніемъ экзаменаціонной системы, докладчикъ, главнымъ образомъ, указалъ только на вредъ обстановки, при которой происходятъ испытанія учащихся, и призналъ безполезными одни лишь переходные экзамены въ стѣнахъ одного и того же учебнаго заведенія....

Энергичнѣе всѣхъ высказался на этомъ съѣздѣ г. З. Въ заключеніе горячей рѣчи, полной протеста, онъ гордо и смѣло заявилъ, что „пока школа остается при старой прогнившей системѣ, педагоги снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность за ея дефекты“. Сказалъ и... пошелъ въ казенную гимназію экзаменовать учениковъ и выставлять отмѣтки. Такова сила гипноза.

Одновременно былъ съѣздъ законоучителей. О немъ говорить много не приходится. Его члены, подчиняющіеся гипнозу легче, чѣмъ кто-либо иной, единогласно высказались и за необходимость балльной системы, и за экзамены, и за сугубое религіозно-нравственное воздѣй-

ствіе на учащихся, съ примѣненіемъ свойственныхъ казенной школѣ пріемовъ.

Всѣ бывшіе съѣзды не вызвали къ себѣ рѣшительно никакого интереса ни со стороны прессы, ни со стороны общества, и никакихъ положительныхъ результатовъ они не дали. Просто съѣхались люди съ разрѣшенія начальства, поговорили и разъѣхались... А съ осени учащіеся стали стрѣляться, отравляться, педагоги—ставить двойки и экзаменовать, министерство—разсылать циркуляры. Школьная жизнь вошла въ обычную колею. При министерствѣ засѣдаетъ нѣсколько коммиссій, какъ и всегда озабоченныхъ реформой школы, но, какъ и всегда, ничего полезнаго не проводящихъ въ жизнь. Слѣдуетъ отмѣтить, впрочемъ, одну весьма важную реформу: министерство, какъ бы въ награду своимъ исполнительнымъ подчиненнымъ, рѣшило значительно повысить имъ жалованье и тѣмъ самымъ увеличить ихъ чиновничью преданность и усердіе.

Какъ ни странно, но и общество, и родители относятся вполнѣ равнодушно къ тому, что воспитаніе подростающаго поколѣнія всецѣло ввѣряется въ руки педагоговъ, по правдѣ-то говоря—совершенно недостойныхъ этого званія и неумѣстныхъ у этого дѣла.

Но и общество, и родители находятся подъ тѣмъ же гипнозомъ, что и педагоги. Имъ важно только одно: чтобы ихъ дѣти получили дипломы, а тамъ кто ихъ будетъ обучать и чему ихъ будутъ обучать—это ихъ мало интересуетъ. Они не менѣе благоговѣютъ передъ экзаменами и отмѣтками, чѣмъ педагоги, не менѣе запуганы символизмомъ двойки, одурманены ею, чѣмъ школьники.

Ближе всѣхъ положеніе учебно-воспитательнаго дѣла должно касаться, конечно, родителей тѣхъ дѣтей, которыя обучаются въ казенной школѣ. Они непосредственно и ежедневно сталкиваются съ недостатками школы, на собственныхъ своихъ дѣтяхъ могутъ видѣть отрицательные результаты ея вліянія. Родители естественно любятъ своихъ дѣтей и, въ силу хотя бы зоологическаго чувства, должны ихъ беречь и лелѣять. Между тѣмъ, въ обиходной жизни это простое правило, обычный для всѣхъ животныхъ законъ природы, часто попирается не только грубыми, неразвитыми людьми, но и сравнительно культурными. Мы понимаемъ, конечно, что трудовая жизнь въ Россіи нелегка; экономическія условія и тяжесть борьбы за существованіе заставляютъ волей-неволей добиваться средняго и высшаго образованія, оффиціально засвидѣтельствованнаго дипломомъ. И всетаки намъ рѣшительно непонятно равнодушіе родителей, ихъ молчаніе передъ школьнымъ зломъ и малодушіе передъ педагогами. Если мы зададимъ любому отцу или матери вопросъ, что̀ предпочтутъ они—добровольную ли смерть ихъ ребенка, въ лучшемъ случаѣ притупленіе его

умственныхъ и нравственныхъ способностей, съ ослабленіемъ нервной системы и физической организаціи, или неполученіе аттестата зрѣлости, то безусловно они отвѣтятъ: пусть лучше ребенокъ не получитъ оффиціальнаго образованія, но зато останется живъ и здоровъ. Но это, къ несчастью, только въ теоріи. Вѣдь родители ясно видятъ, какимъ опасностямъ подвергаются ихъ дѣти, какъ ихъ калѣчатъ и мучаютъ въ школѣ — и тѣмъ не менѣе отцы и матери молчатъ, не умѣютъ или не смѣютъ защитить маленькихъ мучениковъ. И дѣти страдаютъ за малодушіе и ошибки своихъ отцовъ.

За пять-шесть послѣднихъ мѣсяцевъ было около двадцати самоубійствъ учащихся, попавшихъ въ газетную хронику [1]). Навѣрное еще большее число не зарегистрировано прессой, такъ какъ изъ опыта извѣстно, что школьная администрація, часто при содѣйствіи мѣстныхъ властей, всѣми силами скрываетъ и затушевываетъ подобные случаи.

Карательная система изъ стѣнъ учебнаго заведенія проникаетъ и въ семью. Загипнотизированные необходимостью добиться сыну или дочери оффиціальнаго образованія, отцы и матери часто дѣлаютъ еще болѣе тяжелымъ гнетущее состояніе ихъ дѣтей. Средства для этого бываютъ различны: и нудное ворчаніе со стороны матери, и попреки, любовный деспотизмъ, нравственныя пытки и даже физическое наказаніе. Намъ не разъ приходилось встрѣчать родителей, которые оплачиваютъ деньгами хорошія отмѣтки дѣтей и оставляютъ безъ сладкаго, если ребенокъ получитъ плохую отмѣтку.

Абсурдность родительскаго поведенія въ такихъ случаяхъ доходитъ прямо до геркулесовыхъ столбовъ. Намъ пришлось однажды видѣть слѣдующую безсмысленную картину: двое рабочихъ, по приказанію своего хозяина, человѣка интеллигентнаго, добраго и неглупаго, держали на полу его сына гимназиста, а третій рабочій билъ его ремнемъ. Ребенокъ страшно кричалъ: „папочка, папочка, прости!“ Но отецъ молчалъ, хотя самъ еле-еле сдерживалъ слезы. Оказалось, что мальчикъ шалилъ въ гимназіи, и инспекторъ посовѣтовалъ отцу высѣчь его...

На дняхъ два мальчика перваго класса реальнаго училища въ г. Дмитріевѣ, Курской губ., увлеченные подвигами Шерлока Хольмса и Ната Пинкертона, задумали сами сдѣлаться сыщиками и отправились для выполненія своего намѣренія почему-то въ Тифлисъ. Добрались до Орла, здѣсь заскучали по дому, по мамѣ, расплакались, чѣмъ обратили на себя вниманіе станціоннаго жандарма, который и отправилъ ихъ назадъ къ родителямъ. Конечно, училищное начальство

[1]) Статья была написана въ январѣ. Въ настоящее время число самоубійствъ удвоилось.—*Авторъ*.

исключило изъ училища первоклассниковъ-пинкертоновъ. А мѣстная полиція, какъ сообщаетъ корреспондентъ, усмотрѣла въ дѣтскомъ инцидентѣ нарушеніе чуть ли не всѣхъ пунктовъ положенія объ усиленной охранѣ и потянуло бѣдныхъ дѣтей къ отвѣту, такъ какъ у дѣтей не было паспортовъ, но за то имѣлись монтекристо и кинжалы. Родители мальчиковъ, одурманенные дѣйствіями школьной и полицейской администраціи, жестоко избили маленькихъ преступниковъ. Одинъ изъ нихъ не выдержалъ всѣхъ этихъ мученій и отравился карболкой.

Мы упоминали о дѣвочкѣ, написавшей отцу передъ добровольной смертью: „Дорогой папочка, прости за то, что я тебѣ причиняю. Надоѣло бороться съ жизнью". Невольно возникаетъ вопросъ, почему отецъ не замѣчалъ удрученнаго состоянія своей одиннадцатилѣтней дочери, отчего онъ не помогъ ей „бороться съ жизнью"?

Крайне тяжело производить анализъ причинъ дѣтскихъ самоубійствъ, когда виною ихъ является не только школьная администрація. Да и комментаріи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не легки... Съ своей стороны, мы только хотимъ установить, насколько силенъ школьный гипнозъ, заставляющій родителей не только молчать и мириться съ школьными безобразіями, но и вливать послѣднюю каплю въ чашу страданій ихъ дѣтей. Вмѣсто ободряющей ласки они отнимаютъ у дѣтей послѣднюю поддержку и тѣмъ вѣрнѣе толкаютъ ихъ на гибель.

За послѣдніе пять-шесть мѣсяцевъ, школьной хроникой которыхъ мы пользовались, былъ единственный случай, когда мать выступила съ открытымъ протестомъ въ печати въ защиту своихъ дѣтей. Въ елисаветградской газетѣ „Нов. Край" напечатано открытое письмо Е. Ф. Есиповой на имя учителя классической гимназіи Гослепа. Сынъ ея, ученикъ 5-го класса, два раза былъ наказанъ за поступки, которыхъ, какъ послѣ выяснилось, онъ не совершалъ И вотъ что пишетъ между, прочимъ, г-жа Есипова: „Притѣсненіе дѣтей моихъ началось не первый годъ. Мой сынъ Ѳедоръ прилежный мальчикъ и такими оскорбительными и неосновательными подозрѣніями доведенъ до того, что не можетъ заниматься, такъ какъ, беря книжку въ руки, у него неотступная и неотвязная мысль, что все равно поставятъ 2, отнимаетъ возможность работы. Меня глубоко тронулъ предсмертный плачъ гимназиста 4-го класса кіевской гимназіи, и скажу вамъ, что чуть и у меня въ домѣ этотъ случай не повторился, а потому я ни передъ чѣмъ не остановлюсь, чтобы защитить своихъ дѣтей; я найду и министра, и если нужно, то и Государя, а дѣтей своихъ не дамъ на поруганіе... Я рѣшила принести жалобу въ Государственную Думу.—Землевладѣлица, вдова дворянина Елисавета Федоровна Есипова".

Протестантка принадлежитъ къ дворянскому, привилегированному сословію. Судя по тону письма, это, быть можетъ, и придало ей смѣлость выступить съ открытымъ протестомъ. Но она слишкомъ наивна, полагая, что ея жалоба въ Государственную Думу можетъ дать какіе-нибудь положительные результаты. Если Государственная Дума до сихъ поръ не сочла необходимымъ обратиться съ запросомъ въ министерство народнаго просвѣщенія и потребовать у него объясненій, почему за послѣднее время среди даже совсѣмъ маленькихъ учащихся, на которыхъ не могутъ вліять ни политическія, ни какія-либо иныя внѣшкольныя обстоятельства, происходитъ такъ много самоубійствъ, то обратитъ ли нашъ парламентъ вниманіе на то, что мальчика, хотя бы и сына дворянки и землевладѣлицы, дважды въ гимназіи наказали безвинно и выругали „халявой" и „мерзавцемъ". Да еслибы „народные избранники", положимъ, и сдѣлали запросъ, то врядъ ли министерство г. Шварца пошло бы имъ навстрѣчу. На основаніи хотя и короткаго, но весьма краснорѣчиваго парламентскаго опыта, мы знаемъ, что вообще министерства не любятъ, когда кто-либо вмѣшивается въ ихъ служебныя, „семейныя" дѣла, и вмѣсто содѣйствія въ такихъ случаяхъ оказывается одно противодѣйствіе. А между тѣмъ, сколько въ школѣ происходитъ вопіющихъ фактовъ, въ конецъ извращающихъ наше представленіе о мало-мальски нормальной постановкѣ школьнаго дѣла.

Вотъ что недавно произошло въ Азовѣ. „Въ мужской гимназіи во время урока закона Божія преподаватель, священникъ В., вызвалъ ученика и спрашивалъ его въ теченіе двадцати минутъ. По окончаніи отвѣта вызванный спросилъ, какой баллъ ему поставятъ.—Двойку,—отвѣтилъ законоучитель. Внезапно съ партъ поднялись ученики Ѳ. и П. и направили на священника револьверы. Выстрѣломъ П. о. В. былъ раненъ въ грудь. Револьверъ Ѳ. далъ осѣчку. Раненаго священника отправили въ городскую больницу. Пуля пока не извлечена. Положеніе раненаго серьезное. Занятія въ гимназіи прекращены. Ученики распущены. Виновники задержаны. П. объяснилъ свой поступокъ несправедливостью законоучителя, который его преслѣдовалъ въ теченіе пяти лѣтъ за принадлежность къ сектантской семьѣ".

„Голосъ Москвы" къ этому безусловно возмутительному факту въ свою очередь добавляетъ слѣдующія подробности: у св. В. была депутація отъ родителей г. Азова и, указывая на возможность повторенія печальнаго событія, предложила этому учителю божескаго закона оставить занятія въ гимназіи. Явленіе крайне рѣдкое: въ эту исторію вмѣшались родители. Но пока намъ еще неизвѣстно, что побудило ихъ къ этому: желаніе оградить учащихся отъ педагога, который ихъ доводитъ до преступленія, или боязнь за жизнь В., или, наконецъ,

то и другое вмѣстѣ. Весьма характерно для современныхъ педагоговъ: В. не счелъ нужнымъ внять просьбѣ родителей и остался законоучителемъ въ гимназіи... Въ томъ же Азовѣ, нѣсколько времени тому назадъ, отравилась одна гимназистка, получившая двойку на переэкзаменовкѣ по закону Божьему.

Крайне исключительны случаи вмѣшательства родителей въ школьную жизнь, и если оно происходитъ, то все равно, какъ мы сейчасъ видѣли, никакихъ благопріятныхъ результатовъ не даетъ. Ни педагоги, ни министерство совершенно не считаются съ общественнымъ мнѣніемъ и съ родителями. Намъ вспоминается печальный фактъ самоубійства, но на этотъ разъ не гимназиста или гимназистки, а цѣлой женской гимназіи, правда—частной, но съ правительственными правами для учащихъ и учащихся. Это гражданское самоубійство просвѣтительнаго учрежденія произошло въ городѣ Екатеринославѣ, въ прошломъ году. Тамъ существовала гимназія С. И. Степановой, начало которой положилъ извѣстный педагогъ Н. В. Чеховъ. Организованная по типу новыхъ свободныхъ школъ, руководимая идейными, гуманными педагогами, эта гимназія могла считаться одною изъ лучшихъ въ провинціи. Конечно, у казенныхъ педагоговъ и учебнаго округа она была бѣльмомъ на глазу. Послѣ тысячи различныхъ придирокъ, учебный округъ назначилъ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта одного педагога казенной школы, типичнаго „человѣка въ футлярѣ". Напрасно педагогическій совѣтъ гимназіи просилъ его отказаться отъ предсѣдательства, напрасно родительскій комитетъ ходатайствовалъ передъ высшимъ начальствомъ объ его устраненіи—ничего не помогало: педагогъ со стоическимъ равнодушіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, оставался на своемъ посту. А высшее начальство поставило дилемму: или этотъ педагогъ останется предсѣдателемъ, или оно закроетъ гимназію. О нормальныхъ занятіяхъ при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи—и родители обучающихся въ этой гимназіи дѣтей, вмѣстѣ съ ея учредителями и педагогами, рѣшили сами закрыть школу и распустить ученицъ. Произошелъ фактъ самоубійства, истинныхъ виновниковъ котораго разыскать нетрудно.

Описывая вышеприведенные случаи, мы вовсе не хотимъ сказать, что родительское вмѣшательство въ школьныя дѣла безполезно. Пусть оно не достигаетъ цѣли, разбиваясь о каменную стѣну насилія и произвола: оно необходимо, какъ средство поднятія общественнаго самосознанія, освобождающее не только отъ школьнаго гипноза, но и отъ всякаго другого, мѣшающаго свободно жить, свободно дышать и мыслить.

Страшенъ школьный гипнозъ, страшно его вліяніе на русскую жизнь. Но есть избранники, которые не подчиняются этому гипнозу. Они всегда бодрствуютъ и, живые или мертвые, стоятъ на стражѣ общественной совѣсти. Имена этихъ рѣдкихъ людей, ихъ жизнь и дѣятельность пылающимъ факеломъ озаряютъ сумерки безвременья.

Умеръ Петръ Францевичъ Лесгафтъ. Но какъ ни тяжела его утрата для его друзей, для науки и педагогики, у насъ есть великое утѣшеніе: онъ жилъ и работалъ. Не совсѣмъ еще такъ худо въ Россіи, если могутъ жить среди насъ такіе чистые люди, какъ покойный. Не всѣхъ, значитъ, можетъ заворожить и одурманить школьный гипнозъ. Есть еще истинные сотрудники жизни, и когда они умираютъ физической смертью, то послѣ нихъ расцвѣтаютъ дивные цвѣты человѣческой мысли и творчества. Пусть не радуются смерти Лесгафта насильники свободы, гасители мысли. Съ нѣкоторыми мертвецами труднѣе бороться, чѣмъ съ живыми. Это прекрасно чувствуютъ теперь испанскіе клерикалы и реакціонеры, убившіе Феррера. Мертвые вожди вѣрнѣе ведутъ свою армію къ свѣтлой цѣли человѣческаго счастья. И смерть одного свободнаго даетъ жизнь тысячѣ свободныхъ. Такъ было, такъ будетъ.

Аркадій Велскій.

ЛЮБОПЫТНОЕ СОВПАДЕНІЕ

(Письмо изъ Лондона.)

I.

Мнѣ хочется отмѣтить одно любопытное явленіе въ современной англійской литературѣ, которое, если только оно не случайно, представляетъ собою новый аргументъ въ пользу того, что всякое литературное произведеніе должно разсматривать только въ зависимости отъ *общественныхъ* настроеній, созданныхъ комплексомъ политическихъ и соціальныхъ условій. Явленіе это я могъ бы формулировать такъ. Въ исторіи англійской литературы (впрочемъ, и не одной англійской) нетрудно замѣтить странную періодичность: развитіе театра, процвѣтавшаго въ эпоху пониженія общественной жизни, обратно пропорціонально развитію романа, всегда процвѣтавшаго въ эпоху общественнаго подъема. Въ золотой вѣкъ театра англійскаго—романа

не существовало. Этотъ золотой вѣкъ былъ также періодомъ, когда общественная, коллективная жизнь, какъ она понимается теперь, почти не существовала. Когда, вмѣстѣ съ развитіемъ общественной жизни въ Англіи, стала развиваться новая литературная форма—романъ, тогда сталъ падать театръ. Когда общественная жизнь на нѣсколько десятилѣтій замирала подъ вліяніемъ реакціи, падалъ романъ и развивался театръ. Въ золотой вѣкъ англійскаго романа, совпавшій съ періодомъ наибольшаго подъема общественной жизни, театръ превратился въ нѣчто нелѣпое, на рѣдкость бездарное и безцвѣтное. И, наконецъ, въ настоящій моментъ пробужденіе англійскаго театра совпадаетъ съ упадкомъ романа и съ пониженіемъ тонуса общественной жизни среднихъ классовъ (т.-е. тѣхъ, которые до сихъ поръ выдвигали какъ писателей, такъ и читателей). И если только мы не имѣемъ дѣло съ случайнымъ совпаденіемъ (хотя такое же явленіе съ удивительной правильностью можно прослѣдить въ другой странѣ, давшей замѣчательный театръ и замѣчательный романъ: я говорю объ Италіи), то мы должны заключить, что не только содержаніе и настроеніе литературнаго произведенія зависятъ отъ общественныхъ настроеній даннаго момента, но также и *форма* (романъ, драма) находится въ какой-то странной зависимости отъ внѣшнихъ условій даннаго момента. Въ моемъ письмѣ я постараюсь привести нѣсколько иллюстрацій къ только что намѣченному тезису. Но предварительно надо сдѣлать одно замѣчаніе. Героиня современнаго, довольно посредственнаго французскаго романа: „Le Parfum des Iles Borromées“, имѣвшаго большой успѣхъ, разсказываетъ анекдотъ про то, какъ она, вмѣстѣ съ англійской чопорной пасторшей, mrs Ловли, посѣтила какую-то старую деревенскую церковь близъ Палланцы. На стѣнѣ тамъ висѣла старинная, вырисованная съ наивными подробностями картина, изображавшая Адама и Еву въ раю. Чопорная пасторша, взглянувъ на картину, съ негодованіемъ поджала губы. Француженка подумала, что пасторша шокирована „подробностями“. Оказалось другое. — Что за неточность! — воскликнула наконецъ пасторша:—Adam et Ève n'avaient pas de nombril!

Не смотря на комичность восклицанія, въ немъ сказывается глубоко національная англійская черта: любовь къ реализму и къ точности. Эта склонность выпукло выступаетъ во всей англійской литературѣ, начиная съ *Кэнтерберійскихъ сказокъ*. Англійская литература реальна даже тогда, когда она намъ даетъ совершенно фантастическія произведенія. И тогда, когда та или другая форма (романъ, драма) совершенно падаетъ и выдыхается, внѣшній реализмъ все же остается. Произведенія Шекспира, хотя въ нихъ фигурируютъ и греки, и римляне, и итальянцы, и богемцы, даютъ намъ, прежде всего, точное

представленіе о міровоззрѣніи и стилѣ англійскаго дворянства конца XVI-го и самаго начала XVII-го в.в. Мильтонъ такъ подробно измѣряетъ адъ, какъ будто дѣло идетъ объ обложеніи Люцифера квартирнымъ налогомъ. Во многихъ курсахъ литературы до сихъ поръ говорится, что описаніе лондонской чумы (History of the Great Plague in London) — дневникъ, веденный Дефо во время эпидеміи: до такой степени реальны детали. А между тѣмъ это только беллетристика, такъ какъ Дефо родился въ 1661 г., и слѣдовательно во время чумы ему было только четыре года. Дневника тогда онъ, конечно, не могъ вести. Описывая совершенно фантастическія страны, Свифтъ никогда не забываетъ отмѣтить долготу и широту. Изъ XVIII-го вѣка сдѣлаемъ скачокъ въ XX-й. Возьмемъ, напримѣръ, недавно вышедшій сборникъ разсказовъ Киплинга: „Actions and Reactions". Тамъ фантазіи дается самый широкій просторъ. Но даже въ моментъ самаго „высокаго" паренія Киплингъ остается англичаниномъ, любителемъ реализма и точности. Эта точность, какъ мы видѣли, заставила пасторшу обратить вниманіе на деталь, которой не могло быть у Адама и Евы. Лучшей вещью въ сборникѣ Киплинга является разсказъ: „With the Night Mail". Киплингъ заглядываетъ въ XXI-й вѣкъ. Ночной почтовый воздушный корабль отправляется изъ Лондона въ Квебекъ. Перелетъ черезъ океанъ долженъ совершиться въ двѣнадцать часовъ, и не скоро удастся сократить время въ пути на два часа. Мощный полетъ фантазіи захватываетъ читателя. Киплингъ желаетъ передать вамъ то ощущеніе отъ стремительнаго перелета, которое будетъ испытывать пассажиръ XXI-го вѣка. Но англійская точность заставляетъ автора входить въ самое детальное описаніе двигателей. Онъ говоритъ о неизвѣстныхъ научныхъ принципахъ, какъ будто они знакомы намъ еще изъ учебниковъ. Онъ цитируетъ авторитеты, которые еще должны родиться черезъ десятки лѣтъ. Мы узнаемъ, что въ воздушномъ поѣздѣ примѣненъ на практикѣ и парадоксъ Флери о „бэлькхэдовской пустотѣ". Вѣроятно, наши правнуки узнаютъ, въ чемъ состояла и „бэлькхэдовская пустота", и въ чемъ— „парадоксъ Флери" по ея поводу. Покуда мы повѣримъ на слово Киплингу. На воздушномъ кораблѣ были „три турбины Флери, высокаго давленія". Онѣ приводились въ движеніе „лучами Флери", „зеленовато-фіолетовое пламя которыхъ сверкало въ безвоздушномъ пространствѣ" и т. д.

А теперь обратимся къ иллюстраціямъ къ тезису, выставленному въ началѣ письма. „Какіе зрители были у Шекспира, Бьюмонта и Флетчера!—восклицаетъ Тэнъ.—Какимъ юношескимъ энтузіазмомъ преисполнены были они! Фантазія захватывала ихъ, не смотря на помѣщеніе, въ которомъ приходилось курить можжевельникомъ, чтобы

заглушить вонь; не смотря на жалко освѣщенную сцену, съ декораціями, достойными кабака; не смотря на то, что женскія роли исполнялись мужчинами. Подробности мало заботили публику. Она въ одно мгновеніе переносилась черезъ лѣса и моря въ далекія страны и черезъ промежутки времени въ двадцать лѣтъ. Она принимала, какъ должное, что великія сраженія совершились въ нѣсколько секундъ. Публика отнюдь не требовала, чтобы ее постоянно смѣшили. Она являлась въ театры не столько для забавы, сколько для размышленія. Въ здоровомъ, нетронутомъ организмѣ подъ грубой формой таились глубокія и сильныя страсти. Зритель ждалъ, чтобы поэтъ облекъ эти стремленія въ конкретную форму. Публика приходила въ театръ, чтобы пережить настроенія, внушенныя мореплавателямъ бушующимъ океаномъ и косматыми валами, освѣщенными молніей. Зрители желали видѣть уголокъ Арденнскаго лѣса, внезапную улыбку и заалѣвшіяся щеки молодой дѣвушки, полюбившей впервые, величественную гармонію страстей... Воображеніе зрителей расправляло свои крылья, безъ всякой помощи со стороны обстановки. Публика сразу переносилась въ міръ идей. Она желала видѣть проявленія крайней гордости, высшаго честолюбія, всепоглощающей любви. Публика нисколько не бывала удивлена, когда передъ нею раскрывалось царство фей" („Histoire de la littérature anglaise", кн III, гл. I). Сопоставляя съ зрителями Шекспира и Флетчера публику временъ реставраціи, требовавшую декорацій и машинъ,—Тэнъ приходитъ къ заключенію, крайне невыгодному для послѣдней. Мнѣ кажется, такого заключенія дѣлать нельзя. И въ настоящее время мы видимъ театръ, руководители котораго исходятъ изъ такого положенія: фантазія потухла, ее слѣдуетъ будить фантастическимъ сюжетомъ и чудесной обстановкой, которые превратятъ на нѣсколько часовъ взрослаго дѣлового человѣка въ большого ребенка, трепещущаго отъ сладкаго ужаса передъ неизвѣстнымъ и непонятнымъ. Но чѣмъ болѣе усердствуютъ декораторы, театральные плотники и машинисты, тѣмъ больше результаты получаются скорѣе обратные. И „паденіе литературныхъ вкусовъ" тутъ рѣшительно ни при чемъ. Каждый раціоналистъ, привыкшій къ точному мышленію, тѣмъ не менѣе знаетъ моменты трепетнаго восторга. Они переживаются *только* при сліяніи съ космосомъ. Въ душную лѣтнюю ночь, при видѣ вспыхивающихъ зарницъ, раціоналистъ, знающій объясненіе явленія, вспоминаетъ удивительные стихи Тютчева: „Словно тяжкія рѣсницы разверзалися порою, и сквозь бѣглыя зарницы чьи-то грозныя зѣницы загорались надъ землею". Покончившій навсегда съ мистицизмомъ и съ суевѣріемъ человѣкъ, имѣющій представленіе объ астрономіи, шепчетъ, глядя въ бездну неба, на которой

звѣзды горятъ, какъ цвѣты, колеблемые дуновеніемъ вѣчности, слова Мюссэ:

„Malgré moi l'infini me tourmente.
Je n'y saurais songer sans crainte et sans espoir;
Et, quoi qu'on en ait dit, ma raison s'épouvante
De ne pas le comprendre et pourtant de le voir“ [1]).

(Невольно безконечность меня мучитъ; я не могу думать о ней безъ страха и безъ надежды. Что бы мнѣ ни говорили, мой разумъ страшится не понимать ея—и тѣмъ не менѣе ее видѣть).

Итакъ, эти мучительныя и сладкія переживанія возможны у нормальнаго человѣка *только* при сліяніи съ природой. Самая „мистическая“ пьеса, въ которой даже гуляютъ по сценѣ вѣчныя силы (на меньшемъ мы теперь не миримся), а смерти „акомпанируетъ“ волшебная театральная обстановка, можетъ дѣйствовать на современнаго здороваго человѣка, способнаго къ сильнымъ эмоціямъ, глубоко „чувствующаго“ природу, только расхолаживающимъ образомъ. Въ природѣ безконечность будитъ фантазію и окрыляетъ ее. При созерцаніи волшебной пьесы крылья фантазіи увядаютъ и безсильно падаютъ. Взрослый человѣкъ не можетъ не видѣть картонныхъ деревьевъ, какъ бы искусно они ни были освѣщены; не можетъ видѣть въ „Рокѣ“ актера Поспѣлова, отъ котораго, вѣроятно, пахнетъ пивомъ и крѣпкимъ табакомъ, и въ „Паркѣ“—дѣвицу Поплевину. Чѣмъ „волшебнѣе“ обстановка, тѣмъ бо̀льшимъ покушеніемъ на фантазію зрителя является она.

Разойдясь, такимъ образомъ, съ Тэномъ въ *объясненіи* явленія, мы должны признать, что оно констатировано точно. Театръ временъ Карла II былъ несравненно ниже театра временъ Елизаветы. Покуда продолжалась реакція и общественная жизнь замерла, англійскій театръ далъ нѣсколько талантливыхъ драматурговъ (Отвэй, Уичерли, Конгривъ и др.). Но вотъ періодъ „оглушенія“ кончается. Нарождается новая общественная жизнь. И наряду съ этимъ окончательно падаетъ театръ, но на смѣну является новая форма литературнаго произведенія, болѣе гибкая и болѣе, чѣмъ драма, приспособленная для изображенія коллективной жизни и коллективной психологіи: романъ.

II.

Англійская литература въ XVII-мъ вѣкѣ ступила на новый путь въ лицѣ Афры Бенъ (1640—89). Передъ нами любопытная, очень талантливая, но очень мало симпатичная женщина, которая брала

[1]) Изъ поэмы „L'espoir en Dieu“.

деньги отъ публики—какъ писательница, отъ двора—какъ шпіонъ и отъ мужчинъ—какъ куртизанка. Ея комедіи („The Forced Marriage", „Abdelazer")—послѣднее слово порнографіи въ грубомъ и порнографическомъ вѣкѣ. Прочитывая комедіи ея теперь, трудно повѣрить, что ихъ писала женщина. Трудно даже представить себѣ ту публику, которой могла нравиться эта грязь. Передъ нами не кипучая юношеская страсть, не откровенность старинныхъ итальянскихъ новеллистовъ, какъ Франческо ди Барберино, Франко Саккети, Джовани Фіорентино, Аньоло Фиренцуола (не говорю уже о Боккачіо), прикрывавшихъ порнографіей поразительно смѣлыя мысли. Порнографія Афры Бенъ—старческая, грубая, свинская. Но вотъ писательница обращается къ другой литературной формѣ: къ роману—и характеръ произведеній поразительно измѣняется. Авторъ, какъ будто, находитъ себя. Эротизмъ остается (собственно говоря, это относится ко второму по времени ея роману: „Монахиня, или прекрасная нарушительница обѣтовъ"); но онъ вообще составляетъ отличительный признакъ всякой литературы эпохи реакціи. Первый романъ Афры Бенъ—„Орулоко"—читается съ интересомъ еще и теперь. Сюжетъ романа — исторія богато одареннаго молодого африканскаго вождя, взятаго обманомъ на невольничій корабль и проданнаго, вмѣстѣ со своею невѣстою, плантатору въ Гвіанѣ. Молодой вождь подбиваетъ невольниковъ къ возстанію и гибнетъ. Романъ „Орулоко" отражаетъ уже то общественное пробужденіе, которое закончилось изгнаніемъ Стюартовъ. Въ то же время онъ представляетъ собою *первый* по времени протестъ противъ невольничества. Афра Бенъ въ этомъ отношеніи является предшественницей Бичеръ-Стоу. „Высокоталантливая куртизанка первая во всей міровой литературѣ выступала въ романѣ противъ рабства вообще"—говоритъ Свинбернъ. Какъ быстро мѣняются взгляды общества на то, что нравственно и что безнравственно! Вальтеръ Скоттъ разсказываетъ, какъ его старая, восьмидесятилѣтняя тетка, большая поклонница Афры Бенъ, которую читала въ ранней молодости, просила его прислать ей всѣ произведенія любимаго автора. Вальтеръ Скоттъ исполнилъ просьбу старухи, но скоро получилъ всѣ книги обратно, съ такою записочкой: „Получите вашу Бенъ. Если хотите послушать моего совѣта, бросьте книги въ огонь. Я не могла дочитать до конца даже первую комедію. Не странно ли, что я, старуха, которой перевалило за 80, стыжусь читать одна книгу, которую шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ читали намъ вслухъ въ самыхъ избранныхъ кругахъ Лондона" (Chambers's Cyclopaedia of English Literature, vol. II, p. 68).

Все болѣе быстро идетъ пробужденіе молодыхъ среднихъ классовъ; вырабатывается коллективная общественная психологія и, вмѣстѣ съ этимъ, съ одной стороны стремительно развивается, англійскій ро-

манъ, а съ другой—падаетъ театръ. Въ началѣ XVIII в. Дефо, испробовавшій предварительно всѣ формы литературы (и скучныя формы въ томъ числѣ), обращается окончательно къ роману. Появляется безконечный рядъ произведеній („Moll Flanders", „Captain Singleton", „Duncan Campbell", „Colonel Jack" и др.), изъ которыхъ отъ тлѣна убѣжалъ только „Робинзонъ Крузо". Нѣсколько позднѣе выступаютъ Свифтъ, потомъ Стернъ, „Тристрэмъ Шэнди" котораго появляется въ шестидесятыхъ годахъ XVIII вѣка. Въ лицѣ Смоллета и Фильдинга англійскій романъ достигъ въ XVIII вѣкѣ своего кульминаціоннаго пункта. Любопытно, что Фильдингъ толкнулся-было сперва въ театръ, но нашелъ формы драматическаго произведенія для себя тѣсными и окончательно обратился къ роману. При Георгѣ III монархія дѣлаетъ послѣднюю попытку возвратиться къ абсолютизму. Общественная жизнь подавлена. Въ послѣдній разъ за сто лѣтъ вспыхиваетъ пламя искусства въ англійскомъ театрѣ. Выступаетъ Шериданъ, первая пьеса котораго („The Rivals") появилась въ 1775-мъ году. Подъ вліяніемъ событій во Франціи въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.в. надвигается въ Англіи черный, непроглядный туманъ реакціи. Общественная жизнь временно замираетъ совершенно. Англійскому роману, реалистическому по преимуществу, какъ будто дѣлать нечего. Романисты, какъ перелетныя птицы, куда-то отлетаютъ (т.-е. таланты отвлекаются въ другую сторону). Единственной „зимующей ласточкой" остается молодая писательница Дженъ Остэнъ, лучшій романъ которой („Sense and Sensibility") появился въ самое глухое время, въ 1811-мъ году. Въ послѣднее время сдѣлана была попытка перепечатать совершенно забытые романы Остэнъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности первый, можно читать не безъ интереса.

Кончаются наполеоновскія войны; исчезаетъ, мало-по-малу, черный туманъ реакціи. Общественная жизнь начинаетъ бить ключомъ. Средніе классы Англіи даютъ генеральный бой помѣстному дворянству и выигрываютъ блистательную побѣду въ 1832-мъ году. Побѣдители занимаютъ укрѣпленія, оставленныя побѣжденными. Начинается тотъ необыкновенный подъемъ въ политической жизни, въ промышленности, въ наукѣ и литературѣ, который называется „Викторіевской эпохой". Начинается золотой вѣкъ англійскаго романа. Почти одновременно выступаютъ Диккенсъ, Тэккерей, Маріана Ивэнсъ (Джорджъ Элліотъ). Въ сороковыхъ годахъ раздается клекотъ скованной орлицы—Шарлоты Бронте. Выступаетъ Дизраэли съ своей замѣчательной трилогіей (романы „Конингсби", „Сивилла" и „Танкредъ"). Передъ нами одинъ изъ очень немногихъ примѣровъ поразительно точнаго прогноза въ области политики. Не смотря на то, что англійскія массы были тогда разбиты послѣ неудавшагося чартистскаго движенія, Дизраэли предсказалъ возрожденіе

массъ и выступленіе ихъ, какъ большой политической силы. „Sybil“ Дизраэли—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ соціальныхъ романовъ въ англійской литературѣ. Романистъ Дизраэли обладалъ тою орлиною прозорливостью, которая отсутствовала у государственнаго дѣятеля Биконсфильда.

Наряду съ мощнымъ развитіемъ романа жалкое состояніе театра „эпохи Викторіи“ особенно замѣтно. Онъ существуетъ, конечно, но скорѣе по традиціи. Это — умершій институтъ, поддерживаемый потому, что принято говорить объ облагораживающемъ вліяніи театра. Диккенсъ у насъ въ Россіи хорошо извѣстенъ; поэтому, быть можетъ, читатели вспомнятъ встрѣчу Николая Никлеби съ директоромъ странствующей труппы мистеромъ Винсентомъ Крёммлесомъ, который предлагаетъ молодому человѣку написать пьесу и непремѣнно ввести въ нее „настоящій насосъ и два корыта“. Директоръ прибавляетъ, что недавно выгодно пріобрѣлъ эти вещи, такъ что надо ихъ использовать. Англійскія драмы эпохи наибольшаго расцвѣта романа всѣ написаны по тому рецепту, который предлагаетъ мистеръ Винсентъ Крёммлесъ. Классическіе образцы такой драмы можно видѣть до сихъ поръ въ самомъ почетномъ изъ всѣхъ лондонскихъ театровъ, въ Дрюрилэнѣ. Выработался особый типъ драматурговъ (напр. Тэйли), поставляющихъ ежегодно для Дрюрилэна подходящую пьесу. Составляется она такъ. Прежде всего надо найти „насосъ и два корыта“: театральный механикъ придумываетъ „эффектъ“, который долженъ явиться центральнымъ пунктомъ драмы. „Эффекты“ эти мѣняются съ каждымъ годомъ, становясь болѣе поразительными по мѣрѣ усовершенствованія театральной техники. Англичане любятъ лошадей. И вотъ, на сценѣ, на вращающихся платформахъ, устраиваются скачки или бѣгъ на колесницахъ. Такъ какъ при этомъ вращаются еще и декораціи, то иллюзія получается полная. Англичане любятъ также море. И вотъ, „эффектъ“ состоитъ въ изображеніи кораблекрушенія, подводнаго царства и спуска туда водолазовъ. А то газеты сообщали о паденіи автомобиля въ пропасть. И тотчасъ же изобрѣтательность театральнаго механика направлена въ сторону инсценированія паденія „настоящаго“ автомобиля съ обрыва. Барабанный бой, стрѣльба, шотландскіе солдаты съ волынками въ счетъ не идутъ: ихъ надо ввести въ каждую пьесу. Когда „эффектъ“ придуманъ, директоръ театра призываетъ драматурга и поручаетъ ему написать пьесу, въ которой фигурировали бы „насосъ и два корыта“. Дѣйствующія лица фиксированы заранѣе: герой и героиня (оба непремѣнно русые) и злодѣйка, кудри которой черны, какъ ея душа. Затѣмъ слѣдуютъ добродѣтельный пасторъ, „old fashioned“, англійская дама, грубоватая по манерамъ и рѣжущая всѣмъ правду-матку, благородный отецъ, „комики“ и пр. Таковы были *всѣ*

драмы въ самое цвѣтущее время англійскаго романа. Такая драма, кромѣ Дрюрилэна, прочно держится до сихъ поръ въ провинціи и на окраинахъ Лондона. Читатель, которому теперь 40—45 лѣтъ, если онъ родомъ изъ провинціи, видѣлъ, вѣроятно, въ дѣтствѣ мелодраму „Ограбленная почта". Такъ вотъ эта самая пьеса („Лїонская почта") идетъ теперь изо дня въ день въ одномъ изъ лучшихъ лондонскихъ театровъ. Рядомъ съ драмой существовала и комедія, представлявшая собою фарсъ, комизмъ котораго заключался въ необыкновенной суетѣ по сценѣ, въ переодѣваньѣ старыхъ мужчинъ женщинами, въ классическихъ затрещинахъ и въ каламбурахъ. Нѣкоторые изъ этихъ фарсовъ, какъ, напр., „Тетушка Чарли", обошли сцены всего міра.

Съ конца шестидесятыхъ годовъ, упавшая-было на время общественная жизнь, снова вспыхнула яркимъ пламенемъ. Второй билль о реформахъ призвалъ къ общественной жизни новые классы, стоявшіе прежде въ сторонѣ. Романъ все еще стоялъ высоко. Полнаго развитія достигъ мощный талантъ Мередита; выступилъ первоклассный талантъ Томаса Гарди, кажется, совершенно неизвѣстнаго у насъ, хотя мы такъ усердно переводимъ. А театръ все пребывалъ въ прежнемъ состояніи. Наконецъ являются попытки реформы англійской сцены. Выступаетъ болѣе опытный, чѣмъ талантливый Артуръ Пинеро, авторъ ряда пьесъ, имѣвшихъ и имѣющихъ колоссальный успѣхъ („Амазонки", „Sweet Lavender", „Вторая г-жа Тэнкерей" и др.). О послѣдней пьесѣ извѣстный англійскій критикъ Вильямъ Арчеръ пишетъ въ XXVII томѣ „Британской Энциклопедіи": „Вторая г-жа Тэнкерей" поставлена въ первый разъ 27-го мая 1893 г. Будутъ ли ее ставить черезъ пятьдесятъ лѣтъ—вопросъ, разрѣшеніе котораго лучше предоставить нашимъ потомкамъ. Насъ интересуетъ здѣсь лишь историческій фактъ: съ появленіемъ этой пьесы, современная англійская драма перестала быть простымъ отечественнымъ продуктомъ, а заняла опредѣленное мѣсто среди европейской литературы. По литературному значенію „Second Mrs Tanqueray" занимаетъ такое же положеніе, какъ „Магда" или „Гибель Содома". Пьеса послужила такимъ же толчкомъ для серьезной англійской драмы общественныхъ нравовъ 90-хъ годовъ, какъ „Hernani" или „La Dame aux Camélias". Постановка пьесы Пинеро—историческое событіе". Самъ Пинеро въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ возвратился къ типичному англійскому фарсу, а въ своемъ послѣднемъ произведеніи — къ „стилизованной" комедіи. И когда литература принимается за „стилизацію", надъ ней можно поставить крестъ. Во время общественной реакціи въ разныхъ странахъ дѣлались попытки „стилизаціи". Что осталось отъ этихъ попытокъ ученыхъ попугаевъ?

Англійскій театръ не обновили не только Пинеро, но даже такой ко-

лоссальный талантъ, какъ Оскаръ Уайльдъ. Причину раскрываетъ намъ Джонъ Хэнкинъ въ своей статьѣ: „The Collected Plays of Oscar Wilde“ („Fortnightly Review“, 1908, V). „Въ дѣйствительности, Оскаръ Уайльдъ презиралъ театръ—говоритъ Хэнкинъ.—Онъ былъ прирожденный драматургъ въ томъ смыслѣ, что обладалъ нѣкоторыми цѣнными талантами, необходимыми автору, пишущему для сцены. Но Уайльдъ сталъ драматургомъ не по убѣжденію, какъ Ибсенъ или Бернардъ Шоу. Ибсенъ писалъ театральныя пьесы не потому, что этотъ родъ литературы оплачивался въ Норвегіи очень хорошо. Напротивъ, пьесы оплачивались плохо. Ибсенъ писалъ драмы потому, что эта форма непреодолимо влекла его. Бернардъ Шоу пишетъ пьесы потому, что считаетъ сцену лучшей каѳедрой. Отношенія Уайльда къ сценѣ—совсѣмъ иныя. Онъ откровенно признавался, что пишетъ „для рынка“. Безъ сомнѣнія, Уайльдъ вкладывалъ въ свои произведенія частицу своего *я*. Истинный талантъ иначе не можетъ. Но никогда еще художникъ съ талантомъ такого калибра, какъ у Оскара Уайльда, не вкладывалъ въ свои произведенія такъ мало своего *я*... Уайльдъ присмотрѣлся къ тому, за какой товаръ платятъ деньги другимъ драматургамъ, съ презрѣніемъ, хотя внимательно, изучилъ этотъ товаръ, понялъ секретъ его фабрикаціи и изготовилъ по образцу. Единственная пьеса, написанная имъ по убѣжденію—„Саломея“; но ее именно Оскаръ Уайльдъ написалъ не для сцены. Когда онъ работалъ надъ пьесой, то не зналъ, будетъ ли она когда-либо поставлена... Да—заканчиваетъ Хэнкинъ,—Уайльдъ презиралъ драму вообще, и она отомстила за себя. При его талантѣ писать діалоги, при его умѣньѣ очерчивать характеры и удивительномъ пониманіи сцены, Оскаръ Уайльдъ *могъ* бы стать замѣчательнымъ драматургомъ... Въ вѣкъ Ибсена, Гауптмана, Стриндберга и Бріе—Уайльдъ довольствовался тѣмъ, что писалъ комедіи, какъ Сарду, и думалъ, какъ Дюма-сынъ“. Хэнкинъ, впрочемъ, самъ спѣшитъ прибавить, что въ потерѣ таланта Уайльда для англійской сцены повиненъ не столько самъ писатель, сколько общія условія театра вообще.

Оскаръ Уайльдъ оставилъ англійской комедіи сверкающій діалогъ и живость. И только это мы находимъ въ безчисленнымъ комедіяхъ Джонеса, пользовавшагося и пользующагося громаднымъ успѣхомъ въ Англіи и въ колоніяхъ.

III.

На континентѣ театръ былъ выдвинутъ, если можно такъ выразиться, какъ лабораторія экспериментальной психологіи. Другіе считали тамъ театръ наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для разрѣшенія соціальныхъ проблемъ. Англичане отнеслись совершенно отрицательно

къ такой постановкѣ вопроса. И поступили они такъ не потому, что англійская публика, въ общемъ, менѣе культурна, чѣмъ, скажемъ, германская или русская. „Мы не боимся серьезныхъ психологическихъ и соціальныхъ вопросовъ—говорятъ англичане.—Напротивъ, смѣлый человѣкъ долженъ всегда „face the music", т.-е. взглянуть опасности прямо въ глаза. Мы только думаемъ, что серьезные вопросы надо рѣшать серьезно. Выводы мы можемъ дѣлать только изъ абсолютно доказанныхъ предпосылокъ. Въ театрѣ же намъ даютъ готовый выводъ изъ предпосылокъ, которыя авторъ и не думаетъ доказывать. Вслѣдствіе особой атмосферы, созданной театромъ, и вслѣдствіе игры актеровъ, совершенно невѣрные выводы кажутся абсолютными истинами для людей, не умѣющихъ мыслить критически (напр., неврастеникамъ). Вотъ почему мы противъ того, чтобы театръ брался за разрѣшеніе сложныхъ психологическихъ и соціологическихъ вопросовъ. Послѣдніе *должны* обсуждаться всесторонне, но для этого у насъ есть платформа, печать и парламентъ".

Менѣе культурные слои прямо говорятъ, что въ театръ они идутъ „для отдыха". „We do not want a shocker"! (Мы не хотимъ театра, дѣйствующаго, какъ электрическая батарея). Это нѣсколько вульгарное заявленіе мнѣ пришлось слышать не разъ. Надо прибавить ко всему еще, что въ Англіи существуетъ театральная цензура, литературные вкусы которой нѣсколько своеобразны. И въ результатѣ—слѣдующее. Англійскій театръ не знаетъ ни Зудермана, ни Гауптмана, ни... Ибсена. Свободный театръ (Stage Society), возникшій лѣтъ десять тому назадъ, поставилъ *одну* только пьесу Ибсена. Она выдержала два представленія. „Гедду Габлеръ" англійская публика увидала лишь въ этомъ году... по-русски (въ прекрасномъ исполненіи Л. Б. Яворской). Въ девяностыхъ годахъ выступилъ яркій и оригинальный писатель—Бернардъ Шоу. Это—очень большой талантъ, но Шоу нельзя назвать обновителемъ англійскаго театра. Обновитель является носителемъ конструктивныхъ идей. Пьесы Бернарда Шоу, главнымъ образомъ, носятъ деструктивный характеръ. Талантливый авторъ старается, главнымъ образомъ, наговорить mrs Grundy (коллективной посредственности) возможно больше непріятныхъ вещей. Онъ говоритъ ей, что всѣ традиціи, которыми она такъ дорожитъ—только дымъ, освященная временемъ ложь. Всѣ идеалы, которые такъ дороги ей—миражи. Подобно поэту въ поэмѣ Гейне, Бернардъ Шоу говоритъ:

„In der Jungfrau Schamerröten
Seh'ich geheime Lust begehrlich zittern;
Auf dem begeistert stolzen Jünglingshaupt
Seh'ich die lachend bunte Schellenkappe;
Und Fratzenbilder nur und sieche Schatten
Seh'ich".

Любопытнѣе всего, что mrs Grundy, которая сперва очень сердилась за все это на Бернарда Шоу, теперь не только помирилась съ нимъ, но считаетъ его „классикомъ“.

Въ началѣ XX вѣка мы наблюдаемъ въ Англіи не то что замираніе общественной жизни, но равнодушіе сытыхъ классовъ ко многимъ вопросамъ, которые глубоко волновали англичанъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Явленіе это констатируетъ проф. Дайси въ предисловіи къ новому изданію „Британской Энциклопедіи“. „Наше время—эпоха консервативной реакціи“, говоритъ онъ. И параллельно съ этимъ мы наблюдаемъ паденіе англійскаго романа. Выступаютъ второстепенные и третьестепенные таланты. Массы, недавно еще пріобщившіяся къ общественной жизни, покуда еще не выдвинули своихъ беллетристовъ. Къ тому же надо прибавить вліяніе любопытнаго явленія: наиболѣе энергичные элементы среди массы передвигаются отъ центра имперіи къ периферіямъ, т.-е., идя въ сторону наименьшаго перенаселенія, эмигрируютъ изъ метрополіи въ колоніи. За послѣднее десятилѣтіе появилось въ Англіи очень много интересныхъ романовъ, но ни одинъ изъ нихъ „не сдѣлалъ эпохи“. За то въ англійскомъ театрѣ за послѣдніе два года мы замѣчаемъ нѣкоторое возрожденіе. Выступилъ Грэнвиль Баркеръ съ замѣчательной драмой: „Waste“. Годъ тому назадъ обратила на себя общее вниманіе драма молодой писательницы Елизаветы Баркеръ: „Chains“ (Цѣпи). Ей удалось произвести потрясающее впечатлѣніе на публику, не смотря на то, что въ драмѣ фигурируютъ совершенно сѣрые люди. Символическое значеніе драмы выясняется, не смотря на реализмъ ея. Передъ нами—сѣрая жизнь клэрковъ. Вотъ молодой Чарли Уильсонъ. Онъ приходитъ въ отчаяніе отъ ужасной монотонности своей работы. Впереди—ничего, кромѣ безконечнаго хожденія на службу, сѣраго прозябанія и вѣчнаго страха, что хозяинъ можетъ или уменьшить жалованье, или прогнать. Какой ужасъ—сознавать себя въ полной зависимости отъ человѣка, котораго презираешь, и выполнять неинтересную работу, въ которую нельзя вложить свою индивидуальность! Вѣдь жизнь получаетъ смыслъ только тогда, когда мы имѣемъ трудъ, въ которомъ можемъ выразить свое *я*. Тяготится также своей жизнью другой молодой клэркъ, Фрэдъ Теннэнтъ, другъ и квартирантъ Уильсона. Наконецъ, Теннэнтъ заявляетъ, что такъ жить нельзя. Онъ рѣшаетъ эмигрировать въ Австралію. Лучше вести тамъ свободную жизнь пастуха на ранчѣ, на окраинѣ пустыни, чѣмъ ходить каждый день въ контору. Уильсонъ безусловно согласенъ со своимъ другомъ, но положеніе его иное: Теннэнтъ совершенно одинокій человѣкъ, тогда какъ Уильсонъ женатъ. Жена его Лили—очень хорошая женщина: любящая, трудолюбивая, преданная, жизнерадостная. Она возится въ домѣ

съ утра до вечера, никогда не надоѣдаетъ мужу жалобами, гордится имъ и, какъ о высшемъ идеалѣ, мечтаетъ о томъ времени, когда Уилли станетъ получать по два фунта въ недѣлю. Тогда можно будетъ взять дешевую служанку и—высшее счастье—отправлять бѣлье къ прачкѣ, вмѣсто того, чтобы стирать его дома. Но Лили—*только* трудолюбивый, проворный муравей. Лили не понимаетъ даже, какимъ образомъ можно „любить“ или „ненавидѣть“ свою службу. Разъ за нее платятъ жалованье, службу слѣдуетъ выполнять. Вотъ и все. Когда мужъ говоритъ Лили о томъ, что желалъ бы перемѣны въ жизни, жена понимаетъ это какъ стремленіе покинуть ее. Лили плачетъ, бросается мужу на шею, умоляетъ его. „Теннэнтъ бросаетъ вѣрный кусокъ хлѣба и ѣдетъ на край свѣта—говоритъ Лили.—Онъ — дуракъ. Только безумецъ можетъ сдѣлать это. Но Уилли не долженъ поступать такъ“. Въ третьемъ актѣ передъ нами tea-party въ домѣ родителей Лили. Передъ нами—цѣлая коллекція типовъ. Какую тоску, какой ужасъ нагоняютъ всѣ эти самодовольные, тупые разговоры, затѣмъ музыкальныя произведенія, разыгрываемыя для развлеченія гостей на фортепіано. Молодая писательница желала внушить мысль, что чѣмъ вести такое сѣрое, скучное, самодовольное прозябаніе, лучше разбѣжаться по лѣсамъ. Въ домѣ Масси (родителей Лили) приходятъ въ негодованіе отъ плановъ, лелѣемыхъ Уилли. „Бросать хорошую службу! Ѣхать на край свѣта, чтобы стать кровельщикомъ“! Такъ формулируетъ свое негодованіе отецъ Лили. Уилли находитъ только одну защитницу, въ лицѣ сестры Лили, Мэгги. Въ ней тоже теплится искра протеста противъ сѣрой, однообразной службы (она—продавщица). Все общество осмѣиваетъ Уилли и доказываетъ, что жажда перемѣны явилась только какъ результатъ глупости и желанія бросить жену. Но огонь недовольства не потушенъ насмѣшками. Мэгги сказала Уилли: „Робкими дѣлаютъ мужчинъ женщины“. Она обѣщала заботиться о Лили и поддерживать ее, если Уилли уѣдетъ. И молодой клэркъ рѣшаетъ уѣхать со своимъ другомъ въ Австралію. Надо бороться. Надо испытать свободную, красивую жизнь. Деньги на дорогу у него имѣются. И вотъ, когда Уилли собирается уйти изъ дому, чтобы больше не возвращаться, является Лили. Краснѣя и пылая отъ счастья, она шепчетъ мужу на ухо великій и интимный секретъ. Теперь цѣпи крѣпко-на-крѣпко заклепаны. „Теперь онъ вашъ навсегда!“—съ мрачной ироніей говоритъ Мэгги. И занавѣсъ падаетъ, когда смирившійся Уилли прощается съ женою, чтобы отправиться... въ контору на службу.

Не менѣе сильное впечатлѣніе произвели двѣ драмы Гэлсворти—„Strife“ и „Justice“, появившіяся въ самое послѣднее время. Передъ нами драмы, поднимающія крайне важные соціальные вопросы.

Не смотря на рядъ талантливыхъ вещей, появившихся въ самое послѣднее время на англійской сценѣ, врядъ-ли она возродится; мнѣ кажется, что будущее принадлежитъ только тому своеобразному роду коллективнаго творчества, который покуда проявился въ Англіи въ нѣсколько примитивной формѣ „Pageants". Дѣло идетъ о пьесахъ (исключительно историческихъ), составляемыхъ и выполняемыхъ подъ открытымъ небомъ жителями провинціальныхъ городковъ или даже цѣлыхъ графствъ [1]). Но цѣлью моего письма былъ не прогнозъ въ области театра. Я хотѣлъ только указать на одинъ любопытный фактъ, являющійся новымъ доказательствомъ въ пользу того, что литературныя произведенія подчиняются такому же „закону мимикаціи" (въ зависимости отъ политическихъ и соціальныхъ условій момента), какъ какая-нибудь catacala electa или моль изъ рода Amesia.

Діонео.

ПО ПОВОДУ ДѢЛА ТАРНОВСКОЙ

(Письмо изъ Венеціи.)

Сенсаціонный процессъ русскихъ въ Венеціи не является самъ по себѣ итальянской темой. Съ тѣмъ же успѣхомъ онъ могъ бы происходить въ Вѣнѣ, гдѣ собственно и начался, въ Россіи, гдѣ родина его героевъ, и во всякой другой странѣ. Но разъ сдѣлавшись принадлежностью Италіи, онъ не можетъ не породить нѣсколько мыслей объ итальянскомъ правосудіи, судебной процедурѣ, психологіи итальянской толпы, образѣ дѣйствій итальянской прессы и такъ далѣе. И говорить о немъ теперь, когда пора сенсаціи уже прошла, не значитъ выйти за рамки вѣдѣнія итальянскаго обозрѣвателя.

Къ моменту напечатаніи этого письма процессъ уже окончится; сейчасъ онъ еще лишь на серединѣ пути. Я не думаю, чтобы и это было помѣхой для нѣкоторыхъ сужденій и даже предсказаній. Вѣдь съ развитіемъ процесса мѣняется, собственно, лишь отношеніе къ личностямъ его героевъ, да колеблются чаши вѣсовъ правосудія; само же лицо итальянской Ѳемиды остается съ начала до конца неизмѣннымъ, отчасти — строго морализующимъ, отчасти — добродушно

[1]) См. мою книгу: „Рефлексы Дѣйствительности".

скучающимъ. Вердиктъ присяжныхъ, каковъ бы онъ ни былъ, также мало новаго прибавитъ къ тѣмъ наблюденіямъ, которыя являются въ результатѣ ежедневнаго пребыванія въ атмосферѣ венеціанскаго суда присяжныхъ. И вотъ эти мои небольшіе выводы.

Прежде всего хочется провести параллель между судомъ нашимъ и судомъ итальянскимъ. Принципъ суда совѣсти остается, конечно, тѣмъ же. Но сама итальянская жизнь накладываетъ своеобразный отпечатокъ на отправленіе правосудія. Свободная страна успѣла уже перешагнуть за грань формализма и канцелярщины, царящихъ въ русскихъ судахъ. Вся канцелярія венеціанскаго суда заключается въ одной-двухъ комнаткахъ, не считая архива. Вершителями канцелярскихъ судебъ являются два чиновника, одинъ изъ которыхъ пишетъ протоколъ въ присутствіи, другой принимаетъ посѣтителей, свидѣтелей, разсылаетъ повѣстки, заготовляетъ бумаги. Активная роль выпадаетъ на долю предсѣдателя, который и по долгу службы, и по интересу къ дѣлу вникаетъ во всѣ его детали и руководитъ имъ съ начала до конца. Я не претендую на знаніе итальянской магистратуры, но не могу не остановиться на личности г. Фузинато, на долю котораго выпало руководство сенсаціоннымъ процессомъ русскихъ. Мнѣ онъ представляется человѣкомъ не знающимъ отдыха. Задача его заключается въ томъ, чтобы вопреки стараніямъ сторонъ и отлыниванію присяжныхъ вести процессъ темпомъ возможной скорости. А это чрезвычайно трудно. Гражданскія обязанности пользуются въ Италіи почетомъ и уваженіемъ, но перспектива отправленія ихъ въ теченіе мѣсяцевъ испугаетъ хоть кого. Въ газетахъ шутили, что передъ началомъ процесса Тарновской среди лицъ, попавшихъ въ списки присяжныхъ, начались повальныя болѣзни, нѣсколько человѣкъ рѣшило покинуть родину и переселиться навсегда въ Америку, кто-то изъ будущихъ судей заблагоразсудилъ покончить съ собой, и такъ далѣе. Нужно, впрочемъ, сказать, что обязанности присяжнаго засѣдателя въ Италіи, въ общемъ, гораздо легче. Здѣсь нѣтъ закона, запрещающаго присяжнымъ до окончанія начатаго слушаніемъ дѣла входить въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ. Здѣсь въ обѣденный перерывъ, какъ и по окончаніи засѣданія, они расходятся по домамъ или ресторанамъ, гдѣ дѣлятся впечатлѣніями съ публикой, съ адвокатами, съ корреспондентами газетъ. Быть можетъ, такой порядокъ менѣе обезпечиваетъ свободу рѣшеній совѣсти, но, съ другой стороны, онъ единственный возможный въ затяжныхъ процессахъ. Да и принципъ уваженія къ судьямъ не требуетъ ли признанія ихъ свободы? Возьмемъ, напримѣръ, такой чисто психологическій процессъ, какъ нами разсматриваемый. Я убѣжденъ, что большинство судей впервые задумываются надъ сложностью и трагичностью человѣческихъ отно-

шеній, надъ странностями и извращеніями человѣческой природы. Если заставить ихъ переваривать всю эту воспринятую ими неудобоваримую пищу въ томъ суровомъ заточеніи, какое полагается для присяжныхъ въ русскихъ судахъ—вердиктъ ихъ не будетъ зрѣлымъ. На свободѣ то, до чего они не додумаются сами, они получатъ въ столкновеніи съ общественными слоями культуры болѣе высокой, и за долгій срокъ процесса подготовятся къ лучшему отвѣту, чѣмъ могли бы дать безъ этой предварительной подготовки. Общественный контроль здѣсь служитъ дополненіемъ къ голосу совѣсти—а общій, все же высокій уровень страны, въ которой и слово, и совѣсть свободны, въ которой каждый дорожитъ независимостью своихъ сужденій, страхуетъ отъ возможности грубыхъ внѣшнихъ давленій на внутреннее велѣніе совѣсти. Я хочу этимъ сказать, что, въ условіяхъ итальянской жизни и итальянскаго правосудія, свобода общенія присяжныхъ съ внѣшнимъ міромъ является не минусомъ, а скорѣе плюсомъ, ограждая ихъ будущій вердиктъ отъ грубыхъ, случайныхъ ошибокъ.

Возвращаюсь къ роли предсѣдателя и къ личности г. Фузинато. Въ итальянскомъ судѣ присяжныхъ нѣтъ тѣхъ двухъ членовъ суда, которые у насъ невольно играютъ роль торжественной и ненужной обстановки. Предсѣдатель здѣсь единолично рѣшаетъ инциденты, возбуждаемые сторонами. Ему не приходится прятаться за формулу: „судъ постановилъ", и потому его рѣшенія гораздо сдержаннѣе и, я бы сказалъ, осторожнѣе. Отказывая сторонѣ въ ея ходатайствѣ, предсѣдатель знаетъ, что за такой отказъ отвѣтственъ лишь онъ одинъ и что ни о какой „тайнѣ совѣщаній" въ судейской комнатѣ не можетъ быть и рѣчи. И потому онъ предпочитаетъ дать сторонамъ, возбуждающимъ инцидентъ, подробно и исчерпывающе высказаться, терпѣливо ихъ выслушиваетъ—и даетъ имъ тотчасъ же или послѣ перерыва авторитетный отвѣтъ, непремѣнно мотивированный. Чтобы не возбуждать излишне страсти и не вызывать преній, онъ въ перерывѣ призываетъ къ себѣ представителей сторонъ и говоритъ съ ними запросто, что отнюдь не считается нарушеніемъ судебнаго этикета. Такъ дѣйствуетъ, по крайней мѣрѣ, г. Фузинато, одинъ изъ талантливѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ руководителей итальянскаго суда.

Но роль предсѣдателя вообще сложна. Обычно именно онъ ведетъ допросъ свидѣтелей, тогда какъ стороны вмѣшиваются въ это дѣло лишь въ рѣдкихъ и важныхъ случаяхъ, довѣряясь его опыту и авторитету. Для такого непосредственнаго и ближайшаго руководства ходомъ процесса предсѣдатель долженъ до мельчайшихъ подробностей ознакомиться съ нимъ и не можетъ, какъ это дѣлается постоянно у насъ, знакомиться съ дѣломъ въ теченіе самаго засѣда-

нія. И дѣйствительно, лучшимъ знатокомъ процесса Тарновской является именно г. Фузинато, что онъ ежеминутно и доказываетъ вопросами и поправками. Возможно, конечно, отнести это къ характеру даннаго предсѣдателя; но, повторяю, инымъ предсѣдатель итальянскаго суда присяжныхъ и не можетъ быть, поскольку судебный обычай возлагаетъ на него активную роль непосредственнаго руководителя. Нашимъ судебнымъ дѣятелямъ прекрасно извѣстно, что рѣдко всѣ три представителя магистратуры, съ прибавкой и прокурора, бываютъ освѣдомлены въ дѣлѣ настолько, чтобы избѣгнуть случайностей и промаховъ, и, конечно, рѣдкій защитникъ рѣшается у насъ положиться на освѣдомленность въ дѣлѣ предсѣдателя суда, естественнаго защитника подсудимыхъ по духу закона.

Таковы хорошія стороны итальянскаго процессуальнаго обычая. Я не могу также не упомянуть о его самой хорошей сторонѣ, рѣзко отличной отъ обстановки русскихъ судовъ: это — полное отсутствіе формализма. Въ рядѣ писемъ изъ залы суда („Русск. Вѣд.", февраль, мартъ и апрѣль) мнѣ уже приходилось приводить много сценокъ, которыя въ нашемъ судѣ были бы сочтены за нарушеніе благоприличія и даже за оскорбленіе суда, между тѣмъ какъ здѣсь онѣ никого не шокируютъ. Свободный духъ итальянца признаетъ высокій авторитетъ суда, но не допускаетъ никакой излишней начальственности. Адвокаты не потерпѣли бы стѣсненія правъ защиты со стороны правительственнаго чиновника, какимъ является предсѣдатель. Они отдаютъ ему дань уваженія — и ему лично, и его высокому рангу,—но о своихъ правахъ они забыть не могутъ. И они не стѣсняются указывать прямо, что законные интересы защиты требуютъ въ томъ или иномъ случаѣ поступиться правомъ формальнымъ. Съ другой стороны, они никогда не позволяютъ себѣ дешевыхъ придирокъ къ мелкимъ нарушеніямъ формъ судопроизводства, хотя бы изъ этого впослѣдствіи можно было создать кассаціонный поводъ. Мнѣ, напримѣръ, пришлось наблюдать много случаевъ, когда предсѣдатель, при молчаливомъ согласіи сторонъ, задавалъ свидѣтелямъ вопросы, какіе возможно предлагать только экспертамъ; это было интересно для дѣла, и никто тому не препятствовалъ и не просилъ занести въ протоколъ этихъ образчиковъ незакономѣрности дѣйствій судебной власти. Были случаи, когда простой переводчикъ не только подробно истолковывалъ судьямъ слова свидѣтелей, но и пояснялъ трудно переводимыя выраженія, проводя параллель между итальянскими и русскими порядками, поскольку послѣдніе ему извѣстны. Возьмемъ также такой случай. Даетъ показанія русскій адвокатъ, ведшій бракоразводный процессъ Тарновскихъ. И стороны, и предсѣдатель обращаются къ нему съ вопросами, цѣль которыхъ—разъяснить

нѣкоторые темные пункты русскихъ бракоразводныхъ законовъ. Свидѣтель, по соображеніямъ лишь ему извѣстнымъ, отговаривается незнаніемъ, чѣмъ возбуждаетъ, конечно, общее недоумѣніе. Въ дѣло вступается обвиняемый Прилуковъ, опытный юристъ и знатокъ бракоразводнаго процесса. И судъ, только что неправильно обратившій въ эксперта простого свидѣтеля, со вниманіемъ слушаетъ теперь выступающаго въ той же роли обвиняемаго, для котораго данный вопросъ имѣетъ большое личное значеніе. И такъ какъ Прилуковъ говоритъ съ очевиднымъ знаніемъ дѣла и увѣренностью, то никому не приходитъ въ голову воспользоваться этимъ явнымъ нарушеніемъ судопроизводственныхъ законовъ, какъ кассаціоннымъ поводомъ. И ясно почему: вѣдь, въ сущности, дѣло не измѣнится отъ того, что тѣ же разъясненія дастъ присяжный экспертъ. Прилукову въ данномъ случаѣ довѣряютъ всѣ, и этого вполнѣ достаточно. И такихъ примѣровъ можно бы привести великое множество.

Отсутствіе сухого формализма сразу бросается въ глаза даже съ внѣшней стороны. Обращеніе предсѣдателя съ обвиняемыми—выше всякой похвалы. Видно, что въ его глазахъ это—люди, еще не опороченные приговоромъ, еще свободные граждане, лишь стѣсненные въ правахъ въ цѣляхъ правосудія. Двѣ недѣли длились подробныя объясненія подсудимыхъ; было много поводовъ пригласить ихъ не отвлекаться отъ сути дѣла и не уклоняться въ ненужныя подробности. Но дѣло слишкомъ важно, чтобы предсѣдатель рѣшился взять на себя сужденіе о томъ, насколько та или другая мелочь нужна въ цѣляхъ защиты—и онъ предоставилъ подсудимымъ полную свободу говорить все, что̀ они считаютъ нужнымъ и полезнымъ. И то же отношеніе встрѣчаютъ стороны и даже свидѣтели, въ особенности свидѣтели защиты. Характерна для итальянскаго суда и внѣшняя обстановка, напримѣръ обычай говорить сидя, а не на вытяжку, какъ полагается нашему свидѣтелю, не вскакивая, какъ дѣлаютъ наши адвокаты, не полу-вставая, какъ позволяетъ себѣ дѣлать русскій прокуроръ. Гражданинъ, вызванный въ судъ свидѣтелемъ ради цѣлей правосудія, встрѣчается здѣсь не какъ подначальный, а какъ почетный гость, будь онъ старый венеціанскій консулъ, русскій графъ или простоватый венеціанскій гондольеръ. На то же свидѣтельское кресло предсѣдатель усаживаетъ подсудимаго, если только онъ, какъ, напримѣръ, Прилуковъ, не пожелаетъ самъ говорить стоя, по старой ораторской привычкѣ. И лишь для длинной рѣчи и для собственнаго удобства, а также для торжественности встаетъ итальянскій адвокатъ, въ то время какъ обычно онъ говоритъ сидя у своей конторки. У насъ это было бы сочтено не только величайшей невѣжливостью, но и нарушеніемъ авторитета суда—здѣсь это считается естественнымъ слѣдствіемъ равен-

ства гражданъ демократической страны и преобладаніемъ чувства личнаго достоинства надъ правилами излишняго формализма.

Но есть въ итальянскомъ процессѣ и въ судебныхъ обычаяхъ много досадныхъ сторонъ. И прежде всего, конечно, длительность процесса, заставляющая подсудимыхъ слишкомъ долго служить мишенью для биноклей публики. Итальянская судебная процедура является подробнымъ и публичнымъ повтореніемъ процедуры слѣдственной. Ни одна бумажка не остается непрочитанной на судѣ, развѣ что противъ такого прочтенія одна изъ сторонъ выставитъ серьезныя возраженія. Такая щепетильность не только требуетъ много времени, но и разбиваетъ цѣльность впечатлѣнія, которое могли бы составить присяжные при процедурѣ болѣе систематизированной и менѣе детализированной. Вниманіе притупляется, многія важныя подробности невольно ускользаютъ изъ памяти, и голова присяжнаго засѣдателя въ концѣ концовъ представляетъ изъ себя какъ бы дурно прочитанную книгу, съ разрозненными и перепутанными листами. Въ результатѣ рѣшающими являются лишь послѣднія впечатлѣнія, главнымъ образомъ впечатлѣнія отъ рѣчей, т.-е. не суть дѣла, а форма его толкованія. Въ этомъ—слабость итальянскаго процесса, и это еще болѣе отягчаетъ роль предсѣдательствующаго, долгъ котораго—въ напутственномъ словѣ вновь изложить суть дѣла, освободивъ его отъ ненужныхъ и сомнительной цѣны подробностей и отъ мусора, нанесеннаго потоками адвокатскаго краснорѣчія.

Особо приходится сказать объ итальянской адвокатурѣ, поскольку она проявила себя въ дѣлѣ Тарновской. Въ процессѣ принимаютъ участіе двѣнадцать защитниковъ, по три на каждаго обвиняемаго, и два повѣренныхъ гражданскаго истца. Нѣтъ и рѣчи о сколько-нибудь планомѣрной и общей защитѣ всѣхъ подсудимыхъ. Наоборотъ, защита одного подсудимаго строится на обвиненіи другого, и каждый адвокатъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы сбить съ позиціи своихъ „противниковъ". Эта система, у насъ пока невозможная, проводится настолько послѣдовательно, что защитники даже преувеличиваютъ въ этомъ отношеніи, совершенно входя въ роль обвинителей и зачастую пороча соучастниковъ своего кліента безъ всякой пользы для него самого. Напримѣръ, въ тотъ моментъ, когда я пишу, дѣйствія защиты Наумова и Прилукова направлены исключительно на затягиванье петли на шеѣ Тарновской, положеніе которой безъ того безвыходно. Нѣсколько въ сторонѣ держится защита Перье, избравшая оригинальную и, конечно, въ данномъ случаѣ правильную линію замалчиванія роли и даже самаго существованія незамѣтной и маловажной соучастницы убійства Комаровскаго. Для Перье выгодно, чтобы о ней совершенно забыли,—и ея адвокаты хранятъ молчаніе, готовясь къ

послѣднимъ рѣчамъ и репликамъ. Въ противовѣсъ нападкамъ „товарищей по защитѣ“, адвокатамъ Тарновской приходится доказывать не только полную вмѣняемость Наумова, но и корыстность Прилукова, чтобы перенести на нихъ если не всю, то хотя бы значительную долю отвѣтственности въ общемъ дѣяніи. Легко понять, насколько такая тактика ослабляетъ общую защиту скамьи подсудимыхъ и усиливаетъ позицію прокурора, который имѣетъ двухъ постоянныхъ помощниковъ въ лицѣ гражданскихъ истцовъ и девять періодическихъ помощниковъ въ каждомъ отдѣльномъ вопросѣ. Я уже не говорю о моральной цѣнности такой системы защиты и о дурномъ впечатлѣніи, выносимомъ присяжными изъ этого смертнаго боя подсудимыхъ въ лицѣ ихъ адвокатовъ. Мнѣ приходилось говорить по этому поводу съ участвующими въ дѣлѣ адвокатами, и я вынесъ убѣжденіе, что имъ совершенно непонятно, почему русская адвокатура считаетъ такую линію поведенія нормально недопустимой для членовъ своей корпораціи. Въ ихъ глазахъ это—излишняя славянская сентиментальность, и только возраженіе о непрактичности такой системы останавливаетъ ихъ вниманіе. „Но—возражаютъ они—результаты выяснятся послѣ вердикта присяжныхъ, и вы увидите, практично ли мы поступаемъ. Въ такомъ имморальномъ дѣлѣ всякая щепетильность излишня. Если мы спасемъ одного—это будетъ значить, что виноваты другіе“.

Такая логика вообще свойственна итальянцамъ. Мы напрасно ждали бы отъ итальянскаго общества заранѣе жалостливаго отношенія къ подсудимымъ уже по той простой причинѣ, что они лишены свободы, что имъ грозитъ тяжкое наказаніе. У насъ въ Россіи это понятно всякому. По психологіи нашего народа преступника можно не оправдывать, можно ему не сочувствовать, но нельзя его не пожалѣть, такъ какъ онъ—„несчастненькій“. И у насъ въ нормальномъ случаѣ общество a priori на сторонѣ скамьи подсудимыхъ. Наоборотъ, въ Италіи, а можетъ быть и въ остальной Европѣ, общество въ нормальномъ случаѣ a priori противъ скамьи подсудимыхъ и на сторонѣ публичнаго обвинителя. Это чрезвычайно характерно для нашей славянской расы, и уже не разъ отмѣчалось въ печати. Опытъ объясненія этого явленія можно видѣть въ томъ, что у насъ въ каждомъ преступленіи привыкли отгадывать элементъ общественнаго протеста, тогда какъ за границей преступленіе разсматривается только какъ зловредное покушеніе на буржуазное благополучіе. Въ сущности, конечно, это одно и то же, и вся разница лишь въ томъ, въ какой степени наше и европейское общество дорожитъ невозмутимостью буржуазнаго благополучія и нерушимостью даннаго политическаго и общественнаго строя; а на это отвѣтить легко.

Какъ бы то ни было, но настроеніе итальянской толпы далеко не

располагаетъ въ ея пользу. Какую-то удивительную жестокость проявляетъ она, освистывая не только подсудимыхъ, но и гондолы, въ которыхъ ихъ отвозятъ и привозятъ въ судъ. Итальянская пресса объясняетъ это некультурностью венеціанской рыночной толпы, которая преимущественно занимаетъ набережную около суда и на мостахъ по пути слѣдованія героевъ процесса. Но это объясненіе неудовлетворительно. Взгляните на толпу русскихъ крестьянъ гдѣ-нибудь на сибирскомъ трактѣ въ Пермской губерніи, въ моментъ слѣдованія по тракту партіи арестантовъ. Въ этой толпѣ найдется грамотныхъ, быть можетъ, одинъ-два процента, читающихъ газеты — ни одного, употребляющихъ мыло—не болѣе половины; а между тѣмъ эта толпа высыпаетъ изъ деревень на встрѣчу арестантамъ съ единственной цѣлью сунуть имъ сбереженную на мылѣ копѣйку и калачъ домашняго изготовленія. Итальянская же, гораздо болѣе культурная толпа относится къ арестантамъ какъ къ личнымъ врагамъ, и какъ личныхъ враговъ трактуетъ даже подсудимыхъ и подслѣдственныхъ. При чемъ же тутъ некультурность? Это просто—разница психологій. Въ лучшемъ случаѣ это—южное легкомысліе, въ худшемъ—неспособность понять глубокую душевную драму, скрытую подъ оболочкой внѣшней сенсаціи. Это — та прямолинейность оцѣнки дѣяній и переживаній, которая такъ свойственна итальянской печати и итальянскому обществу, сверху до низу.

Я не вижу надобности останавливаться здѣсь на психологіи героевъ процесса. Но не могу не высказать, что по моему глубокому убѣжденію средній итальянецъ абсолютно не способенъ понять истиннаго значенія глубокой драмы, которая ликвидируется въ Венеціи. У насъ въ Россіи публика нѣсколько увлеклась, усматривая въ Тарновской Грушеньку изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ или Настасью Филипповну изъ „Идіота“. Но считать эту печальную героиню простой великосвѣтской кокоткой, всѣмъ доступной за деньги, значитъ слишкомъ упрощать жизнь. Не по зубамъ среднимъ итальянцамъ и душевная драма Прилукова, и они хорошо дѣлаютъ, что опасливо обходятъ эту тему. Наумовъ попроще, его они понимаютъ и, конечно, идеализируютъ. Изъ роли Перье, со свойственной имъ практичностью, они готовы даже создать вопросъ о домашней прислугѣ. Но охватить драму въ общемъ, задуматься надъ ней, испугаться ея смысла и значенія, взволноваться открываемыми ею печальными горизонтами или даже просто почувствовать человѣческую жалость къ людямъ болѣе несчастнымъ, чѣмъ дурнымъ,—это ужъ слишкомъ большое требованіе къ итальянцамъ. Это—удѣлъ нашей „сентиментальной“ расы, нашего „больного нервами“ общества. И, беря вкупѣ итальянскую толпу, общество, прессу, невольно приходишь къ убѣжденію, что Италія

сильно виновата въ томъ, что интересный психологическій процессъ выродился въ процессъ не только сенсаціонный, но и пошлый. Быть-можетъ, отчасти виновата въ этомъ и русская печать, отдавшая дань духу сенсаціи. Но все же у насъ на первомъ планѣ стояло стремленіе использовать венеціанскій процессъ, какъ матеріалъ для „исканій" и для изслѣдованій въ области патологіи, тогда какъ Италія поступила „по-европейски": изъ дѣла Тарновской было создано пряное блюдо, которое въ теченіе мѣсяцевъ и преподносилось публикѣ подъ разными пикантными соусами. Цѣлью моего маленькаго письма было показать, что и помимо содержанія самой драмы—котораго я здѣсь не касался и которое до сихъ поръ исключительно занимало прессу иностранную и нашу,—самая постановка драмы—на сценѣ венеціанскаго суда присяжныхъ—не лишена для насъ нѣкотораго интереса и поучительности. Какъ разъ въ предыдущемъ письмѣ мнѣ случилось говорить о баснословной медлительности итальянскаго правосудія. Пусть дѣло Тарновской служитъ лишней иллюстраціей этой медлительности,—но будемъ справедливы: итальянская судебная процедура имѣетъ и свои хорошія стороны.

Мих. Осоргинъ.

Венеція. 2 (15) апрѣля.

СОВРЕМЕННАЯ РЕФОРМА КИТАЙСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

(Вступительная рѣчь прив.-доц. В. М. Алексѣева, произнесенная въ спб. университетѣ 22-го февраля 1910-го года.)

Періодическая печать все чаще и чаще оповѣщаетъ насъ о лавинѣ реформы, мчащейся по современному Китаю; о рѣшительныхъ, быстрыхъ и глубокихъ преобразованіяхъ его государственнаго строя, приготовляемаго къ конституціоннымъ формамъ правленія; о неудержимомъ развитіи его военныхъ силъ, которое уже и теперь удивляетъ военныхъ знатоковъ—и, вообще, о шагахъ, дѣлаемыхъ гигантомъ Азіи по пути къ современнымъ формамъ европейской цивилизаціи. Въ настоящей рѣчи я буду имѣть честь указать еще на одну крупную реформу, несомнѣнно создающую почву для всѣхъ другихъ и пульсирующую въ Китаѣ въ настоящее время самымъ чувствительнымъ образомъ,—на реформу китайскаго образованія.

Всѣмъ извѣстно, что въ Поднебесной Имперіи образованіе, осо-

бенно въ утонченномъ его видѣ, на протяженіи массы вѣковъ всегда считалось самымъ достойнымъ занятіемъ и уважалось на всемъ пространствѣ преобладанія китайской культуры.

Въ проповѣди Конфуція призывъ къ ученію и постоянному совершенствованію въ немъ [1]) является едва ли не главнымъ мотивомъ, да и всѣ эпитеты, сравненія, образы, употребляемые въ китайской литературѣ всѣхъ временъ, весьма ярко свидѣтельствуютъ о глубочайшемъ уваженіи китайской націи къ умственному труду и совершенству. Поэтому, вовсе не удивительно, что вмѣстѣ съ началомъ такъ называемаго „пробужденія Китая" (awakening of China) главное вниманіе китайскаго правительства было обращено на увеличеніе числа школъ и быстрѣйшее приближеніе ихъ къ типу школъ обязательнаго образованія.

Въ данномъ случаѣ правительство лишь въ легкой формѣ реагировало на потребности населенія, въ которомъ страсть къ образованію тормозилась въ дореформенную эпоху его *недоступностью* для очень и очень многихъ. Въ настоящее время весь Китай покрывается сѣтью учебныхъ заведеній самыхъ разнообразныхъ типовъ и назначеній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при томъ огромномъ запасѣ накопленной вѣками интеллектуальной силы и интеллигентной потребности, который дѣлаетъ китайцевъ необычайно воспріимчивыми къ умственной культурѣ, всѣ эти разсадники знанія окажутъ странѣ колоссальную услугу. Однако, и на этомъ пути современныя реформы Китая встрѣчаютъ немало затрудненій. Они происходятъ, главнымъ образомъ, отъ излишней порывистости отдѣльныхъ лицъ, или же отъ недостатка въ оріентаціи среди массы вопросовъ, наплывающихъ безконечной чредой на учебное вѣдомство и требующихъ немедленнаго разрѣшенія. Среди этихъ затрудненій главнымъ, въ сознаніи наиболѣе мыслящей части китайскаго общества, является вопросъ о реформѣ изученія самаго китайскаго языка и о ея ближайшихъ послѣдствіяхъ.

Врядъ-ли въ какой-либо странѣ хорошее образованіе дается съ такимъ трудомъ, какъ давалось оно въ дореформенномъ Китаѣ. Начиная съ шестилѣтняго возраста и кончая чуть не къ тридцати годамъ, китайскій такъ называемый „потомственный ученый" посвящалъ все свое время, съ утра до ночи, изученію своего языка. Память была самымъ важнымъ факторомъ въ этой учебной процедурѣ. Ею усвоивалось буквально все, что объяснялось, а въ раннемъ возрастѣ—даже безъ объясненій. Такимъ образомъ, балластъ, накопленный къ той стадіи ученой начитанности, которая считалась удовле-

---

[1]) Классическая книга Китая, называемая „Афоризмами" (Конфуція), начинается словами: „Учиться и постоянно упражняться... Не радость ли?"

творительной, поражаетъ своею сложностью и объемомъ. Лаконическія энциклопедіи; тринадцать классическихъ книгъ (текстъ и признанныя ортодоксальными примѣчанія къ нему); сводъ историческихъ лѣтописей, съ фактами, а главное, именами и прозвищами отдѣльныхъ лицъ; многія сотни стиховъ Танской эпохи (VII—X в. по Р. Х.); массы образцовъ изящной литературы всѣхъ временъ и видовъ, включая сюда и цѣлые томы искусственныхъ схоластическихъ композицій, считающихся наилучшими (временъ династіи Минь и нынѣшней); избранныя мѣста: изъ философовъ, изъ отдѣльныхъ историческихъ сочиненій (Шицзи, Ханьшу, Гоюй, Гоцэ) и изъ энциклопедіи Ма Дуано Лин'я; наконецъ, блестящіе романы, драмы и, вообще, chef d'oeuvre'ы изящной литературы—вотъ приблизительно рецептъ былого китайскаго образованія. Прибавьте къ этому постоянныя, настойчивыя упражненія въ схоластическихъ сочиненіяхъ, прозаическихъ и стихотворныхъ—и вы увидите, что при прежней системѣ обученія совершенно не было времени для иныхъ предметовъ, кромѣ собственныхъ туземныхъ.

Такимъ образомъ, формулой для понятія „образованный (вѣрнѣе—„начитанный") китаецъ былого времени" можетъ служить слѣдующее опредѣленіе: это былъ человѣкъ, во-первыхъ, начитанный въ классическихъ и другихъ формахъ родной литературы, который твердо помнилъ и отчетливо уяснялъ себѣ ея образцы, вѣря всей душой въ цѣнность и важность ихъ для такъ называемаго, по-китайски, „самопитанія"; во-вторыхъ, человѣкъ, умѣющій, какъ выражаются китайцы, „переварить" въ себѣ все усвоенное и излагать уже свои собственныя мысли въ формахъ древней литературы, считающихся священными; въ-третьихъ, человѣкъ, умѣющій слагать искусственныя схоластическія композиціи по образцамъ, твердо установленнымъ модою эпохи двухъ послѣднихъ династій; въ-четвертыхъ, вообще человѣкъ, который при чтеніи и сочиненіи всѣми силами ищетъ удаленія отъ обыденности и реализма въ области отвлеченной мысли, отъ словъ, употребляемыхъ въ разговорѣ на банальныя темы, къ таинственнымъ словеснымъ формуламъ классиковъ и иныхъ древнихъ сочиненій; въ-пятыхъ, человѣкъ, міросозерцаніе котораго построено изъ максимъ, преподанныхъ моральной мудростью конфуціанской школы и примѣрами исторіи. Эти максимы, кромѣ своего ортодоксальнаго назначенія—„помогать правленію", служатъ еще воспитанію китайскаго ума. Наконецъ, отъ такого человѣка требуются тонкое пониманіе вещей особеннаго вкуса, въ родѣ, напр., Сисянь-цзи [1]), Ляо-Чжой-чжи [2]) и

---

[1]) Лирическая драма прибл. XII вѣка по Р. Х.

[2]) „Загадочныя исторіи", написанныя утонченнымъ до послѣдней степени литературнымъ языкомъ (XVII в.).

другихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительное осужденіе всему сверхъестественному и ортодоксальность взглядовъ, построенная на основаніяхъ, только что мною указанныхъ. Въ двухъ словахъ вышеизложенную формулу можно передать слѣдующимъ образомъ: *образованный по старому китаецъ былъ всего лишь утонченнымъ начетчикомъ.*

О томъ, какъ случилось, что подобный, вѣками освященный идеалъ образованія былъ вдругъ признанъ совершенно ненужнымъ и даже прямо вреднымъ для государственности, мнѣ говорить не приходится, въ виду общеизвѣстности обстоятельствъ, повлекшихъ за собой подобные взгляды и вызвавшихъ къ жизни новые запросы. Я буду говорить теперь о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ новыми учебниками реформированной школы въ противовѣсъ прежней системѣ, и о средствахъ къ ихъ достиженію.

Прежде всего, въ новыхъ учебникахъ китайскаго языка для китайцевъ вовсе искореняется прежняя система предварительнаго усвоенія памятью текста, совершенно непонятнаго малолѣтнему ученику. Дѣйствительно, только въ Китаѣ и можно видѣть людей, бѣгло читающихъ обыкновенный текстъ [1]), ничего изъ него не понимая. Нелѣпое явленіе это, нужно думать, вскорѣ исчезнетъ.

Затѣмъ, новые учебники начинаютъ не съ труднѣйшихъ по содержанію и формѣ классическихъ текстовъ, какъ то было при старой системѣ, а съ легкихъ, вполнѣ доступныхъ пониманію ребенка (по европейскимъ образцамъ). Этимъ надѣются достигнуть, во-первыхъ, искорененія зла, наблюдавшагося при прежней системѣ и заключавшагося въ полной безплодности для малоспособныхъ людей получаемаго ими обученія грамотѣ, а во-вторыхъ, повсемѣстнаго распространенія образованія, дѣлаемаго, такимъ образомъ, общедоступнымъ.

Слѣдующею важною цѣлью, преслѣдуемою новыми учебниками, является стремленіе замѣнить рабское подражаніе готовымъ формуламъ древнихъ произведеній литературы прогрессивнымъ курсомъ началъ грамматики. Этимъ хотятъ достигнуть бо̀льшей эластичности въ индивидуальныхъ литературныхъ пріемахъ, и, конечно, въ случаѣ удачи прогрессъ китайскаго литературнаго языка получитъ тотчасъ же исполинскій импульсъ и представитъ зрѣлище, крайне любопытное для филолога.

---

[1]) При моихъ путешествіяхъ по Китаю мнѣ сплошь и рядомъ приходилось наблюдать, какъ погонщикъ ословъ или кучеръ моей телѣги, останавливаясь вмѣстѣ со мной передъ вывѣской храма или ямыня (присутственное мѣсто), произносилъ вслухъ фонетическіе эквиваленты гіероглифовъ, буквально ничего не понимая ни въ порознь взятыхъ идеограммахъ, ни въ ихъ сложеніи, образующемъ смыслъ надписи. „Гдѣ намъ это понять? Намъ не объясняли этого!“—говорятъ они простодушно.

Далѣе, въ цѣляхъ сократить курсъ ученія, продолжавшагося при прежней системѣ болѣе двадцати лѣтъ, новые учебники совершенно игнорируютъ главный блокъ ея, выбрасывая изъ программы всѣ образцы поэзіи, трудныя классическія книги, схоластическое творчество и всѣ вообще трудные литературные образцы. Все это замѣняется легкими хрестоматійными выборками и, при этомъ, безъ усвоенія ихъ памятью. Этимъ способомъ курсъ ученія значительно сокращается и оставляется мѣсто для преподаванія предметовъ европейскаго образованія, которые совершенно игнорировались при прежнихъ порядкахъ. Сочиненія предлагаются только въ видѣ свободныхъ разсужденій и, вообще, обученіе все болѣе и болѣе приближается къ потребностямъ жизни.

Чтобы не быть голословнымъ, я позволю себѣ въ сегодняшней рѣчи сдѣлать краткое обозрѣніе этихъ новыхъ учебниковъ китайскаго языка для китайцевъ. Они называются спеціальными руководствами къ изученію родного языка—въ противоположность прежнему сплошному заучиванью образцовыхъ текстовъ.

Предисловіе къ главному, типичному, учебнику говоритъ о принципахъ, положенныхъ въ основу при его составленіи, въ слѣдующихъ интересныхъ словахъ. „При крайней сложности изученія нами родного языка, при обиліи въ немъ нелегко усвоиваемыхъ знаковъ и фразъ, начинающій встрѣчаетъ большія затрудненія, которыя часто приводятъ къ тому, что, послѣ многихъ лѣтъ обученія грамотѣ, онъ не въ состояніи написать ни письма, ни даже простого счета. Общераспространенное образованіе должно прежде всего считаться съ этой трудностью и обратить усиленное вниманіе на преподаваніе родного языка. Однако, появившееся нынѣ обиліе учебниковъ по этому предмету отнюдь не отвѣчаетъ практической надобности. То они, вообще, слишкомъ трудны; то чрезмѣрно увлекаются словарнаго характера упражненіями внѣ связнаго текста; то рабски подражаютъ европейскимъ образцамъ, не считаясь съ внутренними требованіями нашей рѣчи; то, наконецъ, придаютъ разговорному языку господствующее значеніе, локализируя, такимъ образомъ, примѣненіе ученикомъ его познаній. Чтобы бороться съ подобными недостатками, рекомендуемые нами учебники обращаютъ особое вниманіе на выборы словъ и фразъ, стремясь, при всей простотѣ ихъ конструкціи, удалить ихъ отъ банальной разговорной ферулы. Способъ изложенія въ этихъ книгахъ элегантенъ, литературенъ, но не загадоченъ и не теменъ“. Выборъ фактовъ, излагаемыхъ на страницахъ учебниковъ, приноровленъ, по отзыву м-ва народнаго просвѣщенія, къ пониманію ученика, а описанія природы — къ школьному періоду занятій. Иллюстраціи къ

названіямъ разныхъ предметовъ дополняютъ достоинства учебниковъ, стремящихся сочетать *литературность съ простотою.*

Подобные учебники разсчитаны на пятилѣтній, систематически прогрессирующій курсъ. Для тѣхъ, кто по бѣдности или великовозрастности не можетъ употребить пять лѣтъ на обученіе, выпущены одногодніе учебники, и не только по языку, но и по другимъ предметамъ, каковы, наприм., моральныя максимы, исторія, географія, ариѳметика, философія, законовѣдѣніе и т. д. Цѣль, намѣчаемая такими сокращенными учебниками—„усовершенствованіе общества путемъ повышенія его умственнаго уровня и устраненія возможности *суевѣрій* и заблужденій".

Для *женскихъ* школъ составлены отдѣльные учебники, настаивающіе на добродѣтеляхъ, признаваемыхъ обязательными для будущихъ женъ.

Таковы учебники для начальнаго преподаванія. На слѣдующей ступени стоятъ учебники болѣе серьезные, разсчитанные на подготовленныхъ учениковъ. „Эта книга—говоритъ предисловіе къ одному изъ нихъ — построена на главныхъ идеяхъ нашего воспитанія. Она учитъ преданности престолу, почитанію священной памяти Конфуція и его совершеннаго ученія, честности въ общественной жизни и уваженію къ *военнымъ и практическимъ задачамъ нашей государственности.* Авторы подробно останавливаются на будущемъ *конституціонномъ* строѣ; на выясненіи свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ нашей жизни; на *патріотическомъ* чувствѣ и поведеніи, на идеяхъ общественности, *прогресса и національной устойчивости.* Всѣ положенія этого рода направлены къ одному руководящему принципу — *подготовить народное сознаніе къ идеямъ конституціи,* такъ что эта книга предназначается не только для пользованія ею въ стѣнахъ самой школы, но и вообще для просвѣщенія массъ".

Чисто литературная программа такихъ учебниковъ сводится къ слѣдующимъ, специфически китайскимъ положеніямъ.

„Отъ династій Чжоу и Цинь до нашихъ дней, на протяженіи болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, духъ нашего народа все время измѣнялся и, измѣняясь, находилъ себѣ выраженіе въ измѣнявшихся вмѣстѣ съ нимъ литературныхъ формахъ. Великіе учители нашего народа, цвѣтъ нашей образованности, видя постоянное измѣненіе этихъ формъ къ худшему, плоскому, банальному, изо всѣхъ силъ всегда старались вернуть ихъ на древнія стези. Такимъ образомъ, въ каждой эпохѣ пережитой нами исторіи появлялись столпы учености, которыхъ на землѣ не забудутъ. Вотъ почему на страницахъ нашего учебника мы отводимъ мѣсто главнѣйшимъ эпохамъ литературной формы и ихъ представителямъ, начиная съ современныхъ намъ и восходя до клас-

сиковъ. При выборѣ матеріала мы руководствовались стремленіемъ заинтересовать изучающаго, а не прописывать ему разнообразныя правила—и въ этомъ духѣ излагаемъ исторію нашей изящной литературы, съ должными характеристиками".

Вотъ въ какую сторону измѣняется въ настоящее время былая система китайскаго начетничества. Кто изъ европейцевъ, видя это, не станетъ рѣшительно на сторону новаго вѣянія? И все же возраженія воспитанниковъ и приверженцевъ старой системы противъ этихъ нововведеній не лишены интереса. Говорятъ, напримѣръ, что исключеніе изъ новыхъ программъ опыта вѣковъ, съ усвоеніемъ ребенкомъ текста на память, безъ предварительныхъ толкованій, ведетъ къ исчезновенію безсознательнаго навыка, который столь необходимъ для быстрѣйшаго распознанія гіероглифа — и затѣмъ, внося путаницу въ чтеніе знаковъ, затрудняетъ усвоеніе необходимаго ихъ количества. Ребенка, предназначеннаго своею образованностью отличаться отъ другихъ, надо сразу же погрузить въ область сокровенной, выспренней, утонченной мысли, чтобы онъ, такъ сказать, всѣмъ своимъ внутреннимъ составомъ отличался отъ другихъ людей; между тѣмъ, новая система сообщаетъ ребенку факты невѣроятной банальности, которые онъ можетъ великолѣпно воспріять отъ своей няньки. Чтобы удержаться на высотѣ прежней образованности, надо ею прежде всего „напитаться" до полноты, и затѣмъ только, переваривъ и усвоивъ ея содержимое, подражать ей. Свое личное надо развивать только на тучной нивѣ, уготованной вѣками непрестанной преемственности утонченныхъ формъ литературы. Подходить къ этой цѣли съ упрощенными пріемами—вполнѣ безполезная трата времени. И развѣ не возникнетъ при этихъ обстоятельствахъ опасеніе потерять секретъ прежнихъ тонкихъ людей, знатоковъ и цѣнителей, создавшихъ культъ литературы, и затѣмъ погрузиться во тьму прогрессивнаго огрубѣнія?

Люди стараго закала называютъ новыя образовательныя программы разбросанными, лишенными внутренней системы и опредѣленной *физіономіи*. Онѣ объемлютъ, по ихъ мнѣнію, многое, но не всеобъемлющи. Multa, но не multum. Отнюдь не возражая противъ желательности всеобщаго обученія, старые начетчики глубоко вѣрятъ въ то, что для лицъ особенно даровитыхъ образованіе должно примѣняться въ высшемъ размѣрѣ, чѣмъ для средняго ученика, и что на долю такихъ лицъ выпадаетъ *обязанность* поддержать преемственность былой славы, не теряя унаслѣдованныхъ сокровищъ. Наконецъ, вполнѣ признавая необходимость покончить со схоластическими фокусами въ сочиненіяхъ, возражатели возстаютъ противъ огульнаго исключенія изъ образовательныхъ программъ поэзіи, имѣющей за собой столь славное прошлое и развитой до крайнихъ предѣловъ возможности. Съ

послѣднимъ пунктомъ, думается мнѣ, не согласиться прямо невозможно.

Обѣ стороны одинаково признаютъ необходимость широкаго распространенія книжнаго просвѣщенія и, между прочимъ, преподаванія въ школѣ моральныхъ максимъ. На этихъ двухъ вопросахъ позволю себѣ остановиться подробнѣе.

Съ тѣхъ поръ, какъ литографія и печатаніе подвижнымъ шрифтомъ укоренились въ Китаѣ, эти способы вытѣснили древнее, дорого стоившее и хлопотное вырѣзываніе на доскахъ и наводнили рынокъ произведеніями всѣхъ родовъ литературы, какъ оригинальной, такъ и переводной. Появились всевозможныя изданія классическихъ книгъ, вмѣстѣ и порознь, съ комментаріемъ и безъ него, иллюстрированныя, перефразированныя, изложенныя на разговорномъ языкѣ и даже переведенныя на англійскій языкъ [1]). Далѣе идутъ самыя разнообразныя изданія учебниковъ языка и литературы, грамматики по европейскому образцу, многочисленные сборники поэзіи и древней изящной литературы, переизданія историческихъ текстовъ, компендіумовъ, картъ, біографическихъ словарей, энциклопедій, разсужденій, сочиненій философовъ-софистовъ, въ совокупности и отдѣльными сборниками; словарей археологическихъ, риѳмическихъ, фонетическихъ, графическихъ и др., сборниковъ законовъ, художественныхъ альбомовъ, прописей и т. д.

Все это находитъ значительный спросъ. Достаточно взглянуть на крупныя фирмы Шанхая, центра китайскаго новоиздательства, чтобы имѣть совершенно опредѣленное понятіе объ усиленномъ распространеніи въ Китаѣ книжнаго просвѣщенія. Перечисленныя мною темы книгоиздательства интересуютъ и старыхъ, и молодыхъ, и будучи поддерживаемы великолѣпными дешевыми японскими изданіями, не смотря на конкурренцію безчисленныхъ переводныхъ европейскихъ руководствъ по всѣмъ отраслямъ знанія, наполняютъ собою книжный рынокъ.

О важности преподаванія моральныхъ максимъ, такъ называемыхъ „сю шэнъ“ [2]), всякій китаецъ имѣетъ самое устойчивое представленіе,

---

[1]) Таковы, напр., фототипическія копіи извѣстнѣйшаго колоссальнаго труда покойнаго Legge'a: „The Chinese Classics“. Копіи сняты вполнѣ точно. Къ нимъ придѣланы китайскія предисловія, имя автора не упомянуто—и все это издано на китайской бумагѣ и по китайскому образцу (т.-е. печатаніемъ только на одной сторонѣ листа).

[2]) Этотъ терминъ взятъ изъ классическаго сочиненія „Да сіе“ (Великое ученіе), приписываемаго одному изъ учениковъ Конфуція. Вотъ этотъ пассажъ цѣликомъ: „...Какъ поступали древніе люди, желавшіе просвѣтить свѣтъ свой въ Поднебесной? Они прежде всего устраивали порядокъ въ своемъ государствѣ (странѣ). Для этого они прежде всего управлялись со своей семьей (какъ ячейкой государства). Для достиженія послѣдняго они *совершенствовали самихъ себя*, но еще прежде этого

и въ настоящее время этотъ предметъ безъ всякихъ споровъ и безъ давленія со стороны правительства принятъ во всѣхъ китайскихъ школахъ.

Подобнаго рода поученія можно было бы сравнить съ преподаваніемъ въ нашихъ школахъ закона Божія, еслибы не полное и сознательное изгнаніе изъ нихъ всякихъ сверхъестественныхъ, чудесныхъ фактовъ и откровеній. Они основаны на туземномъ самосознаніи, а не пересажены изъ чужеземнаго міра. Они взяты изъ классическихъ книгъ конфуціанства, и тѣ, на кого они указываютъ какъ на образцы того или иного положительнаго нравственнаго качества, принадлежатъ китайской исторіи. Такимъ образомъ, ореолъ ихъ величія, скомбинированный изъ древности ихъ примѣра и высокаго его достоинства, импонируетъ туземной головѣ безъ всякаго насильственнаго внушенія. О томъ, насколько эти максимы проявляются въ реальной китайской жизни, можно сколько угодно спорить: одно несомнѣнно—что въ нихъ заключаются всѣ тѣ элементы, которые мы считаемъ необходимыми для улучшенія общества и его единицъ. То, что мы называемъ честью, порядочностью, джентльменствомъ, рыцарствомъ, милосердіемъ, любовью къ ближнему и т. п., существуетъ во всѣхъ оттѣнкахъ и въ этихъ моральныхъ поученіяхъ. Вопросъ о томъ, что больше импонируетъ китайцу: его ли собственная сѣдая старина, или же разноголосная пропаганда чуждыхъ ему ученій, въ родѣ буддизма или христіанства—я оставляю открытымъ, но позволю себѣ привести выдержку изъ предисловій къ главному учебнику „Моральныхъ максимъ“: „Въ нашихъ классическихъ книгахъ заключается много наставленій къ самоусовершенствованію. Но такъ какъ мысли эти глубоки и сокровенны, то пониманіе ихъ для малыхъ дѣтей затруднительно и польза проблематична. Предлагаемый курсъ разсчитанъ на пять лѣтъ. Въ немъ послѣдовательно изложены моральныя изреченія и образцовые поступки древнихъ замѣчательныхъ людей, при чемъ выбраны, главнымъ образомъ, такіе, которые, при непремѣнномъ къ тому стремленіи, можно осуществлять и намъ. Весь желаемый эффектъ разсчитанъ на то, чтобы воспитать въ ребенкѣ склонность къ доблестнымъ и, вообще, хорошимъ поступкамъ, что, надѣемся, гораздо болѣе достижимо съ помощью этой здоровой книги, чѣмъ при помощи разныхъ таинственныхъ апокрифовъ и спиритическихъ наитій, въ родѣ „Книги, пробуждающей міръ отъ зла“, „Книги о молитвѣ духу и воздаяніи за нее“ и т. д., въ которыхъ чернь ищетъ себѣ утѣшеній“.

они приводили къ прямой твердости свою душу. Этого они достигали прежде всего стараніемъ проникнуть въ сущность вещей и создать для мысли непосредственное, искреннее исканіе“.

Я нарочно остановилъ ваше вниманіе на возраженіяхъ старой школы противъ новаторствъ, вводимыхъ современною реформой, желая показать всю трудность ея проведенія. Въ самомъ дѣлѣ, отъ ея успѣха и формъ, въ которыя она выльется на своемъ неуклонномъ пути впередъ, зависитъ вся дальнѣйшая судьба китайскаго литературнаго языка. Было бы крайне смѣло предрекать таинственное будущее, но я не могу не высказать здѣсь нѣкоторыхъ соображеній, которыя могутъ, мнѣ кажется, до извѣстной степени освѣтить этотъ вопросъ.

Прежде всего передъ китайскимъ народомъ встаетъ вопросъ о преобразованіи идеографической письменности.

Въ предыдущемъ изложеніи я уже указалъ на трудность изученія китайскаго языка для самихъ китайцевъ. Запоминаніе отдѣльныхъ знаковъ во всѣхъ ихъ исторически выработанныхъ прихотливыхъ значеніяхъ; соединеніе ихъ въ формулы, освященныя специфическимъ характеромъ первоисточника и внѣдряющіяся въ чуждый уже ему современный текстъ [1]); несоотвѣтствіе этихъ древнихъ формулъ живымъ формамъ понимаемой рѣчи, дѣлающее литературный текстъ понятнымъ только для лицъ основательнѣйшей эрудиціи; чрезвычайно трудный и, вообще говоря, рѣдко удающійся переходъ отъ пониманія древняго текста къ подражанію его пріемамъ при изложеніи собственныхъ мыслей; мода пользованія рѣдкими цитатами, требующая отъ образованнаго человѣка отличной памяти, притомъ же непрестанно упражняемой—вотъ главныя трудности, съ которыми считается каждый начинающій свое образованіе китаецъ. Нетрудно видѣть, что только преобразованіе гіероглифической китайской письменности и уничтоженіе литературныхъ пріемовъ, требующихъ *удаленія* отъ формъ обыденной рѣчи, могутъ стать факторами китайскаго прогресса. Съ распространеніемъ образованія явится, какъ указываетъ опытъ Европы, потребность въ исключеніи мѣстныхъ нарѣчій (patois) изъ преподаванія и въ замѣнѣ ихъ нарѣчіемъ наиболѣе распространеннымъ. Для Китая такимъ нарѣчіемъ несомнѣнно является сѣверное, пекинское, въ его развитой формѣ (т.-е. пригодной для пользованія образованныхъ людей), какъ уже съ давнихъ поръ обязательное для служилыхъ и ученыхъ людей, въ качествѣ языка столицы, наиболѣе ясно отличающее начальные звуки и способствующее, такимъ образомъ, ясности пониманія. На этомъ нарѣчіи уже издается множество газетъ и популярныхъ книгъ, но литературнымъ языкомъ оно еще признано быть не можетъ, ибо не въ состояніи передавать тонкую игру отвлеченной мысли наи-

---

[1]) Послѣднимъ обстоятельствомъ и создается парадоксальный взглядъ, что для китайскаго языка не существуетъ грамматики.

болѣе совершеннымъ, не говоря уже о художественности, способомъ [1]). Когда эволюція китайской письменности низведетъ ея чрезмѣрную условность, выработанную ея идеографичностью, лаконичностью и утрированнымъ пользованіемъ цитатами, на степень бо̀льшей простоты и однообразія въ литературныхъ пріемахъ, когда она напитаетъ изъ великолѣпныхъ запасовъ прошлаго нарождающееся для господства такъ называемое „мандаринское" нарѣчіе, сдѣлавъ его способнымъ къ безконечному прогрессу, тогда мы въ правѣ будемъ ожидать упраздненія идеографическихъ знаковъ и передачи рѣчи письмомъ условно-фонетическимъ, какъ то практикуется въ европейскихъ языкахъ. *Слышимая, а не только зримая понятность китайской рѣчи*— вотъ, по-моему, непремѣнное условіе для доведенія эволюціи письменности до этого состоянія; а пока этого еще не случилось, всѣ толки относительно возможности „романизировать" китайскій текстъ или же неустойчивое въ первомъ фазисѣ своего развитія сѣверное „мандаринское" нарѣчіе—по меньшей мѣрѣ преждевременны. Какъ бы то ни было, мы присутствуемъ въ настоящее время при любопытномъ зрѣлищѣ, которое представляетъ эволюція оригинальнаго величайшаго языка Азіи, собирающагося, безъ прямыхъ заимствованій изъ европейскихъ языковъ, вызвать къ жизни изъ своихъ собственныхъ неисчерпаемыхъ нѣдръ новыя мысли и слова и, можетъ быть, подарить человѣчество рядомъ новыхъ откровеній, исходящихъ изъ неиспользованной свѣжей энергіи народа, съ его утонченной, накопленной вѣками культурой, съ новой вѣрой въ жизнь, съ новыми оригинальными къ ней запросами и интеллектуальною мощью для ихъ разрѣшенія.

В. Алексѣевъ.

---

[1]) Романы, въ родѣ „Сна въ красномъ теремѣ" и извѣстные сборники разсказовъ, въ родѣ" Чудесныхъ исторій древняго и современнаго міра", хотя и написаны простымъ, близкимъ къ разговорному, языкомъ, но во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ напрягается художественная интуиція, господствуетъ формула, составленная изъ знаковъ, передающихъ древнее выраженіе съ новымъ содержаніемъ. Разговорному языку принадлежитъ только внѣшняя отдѣлка фразъ, внутреннее же достоинство измѣряется исключительно выборомъ интересныхъ цитатъ и умѣлымъ введеніемъ ихъ въ контекстъ.

ДМИТРІЙ ДМИТРІЕВИЧЪ АХШАРУМОВЪ.

† 7-го января 1910 г.

Сошедшій недавно въ могилу предпослѣдній изъ петрашевцевъ (послѣдній изъ нихъ, г. Кашкинъ, живетъ въ Калугѣ), Дмитрій Дмитріевичъ Ахшарумовъ былъ типичнымъ представителемъ того молодого поколѣнія сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка, которое своего пѣвца имѣло въ лицѣ мягкаго и гуманнаго поэта и меньше всего борца, какъ Плещеевъ (также петрашевецъ). Это поколѣніе звало всю молодежь своего времени „впередъ, безъ страха и сомнѣнья, на подвигъ доблестный". Въ чемъ же видѣло оно свой подвигъ?

„Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ"...

Отпечатокъ чистаго моральнаго идеализма, возвышеннаго пониманія жизни, какъ осуществленія идеала истины и справедливости, лежалъ на всей личности Ахшарумова, какъ она раскрывается въ его мемуарахъ—эта книга одна „останется" въ русской литературѣ изъ всего имъ написаннаго — и въ воспоминаніяхъ пишущаго эти строки и другихъ лицъ.

Въ обширномъ введеніи къ книгѣ Ахшарумова („Изъ моихъ воспоминаній") В. И. Семевскій разсказалъ всѣ существенные внѣшніе факты біографіи покойнаго, особо подробно остановившись, конечно, на его симпатіяхъ къ Фурье и на его участіи въ дѣлѣ петрашевцевъ. „Русскіе соціалисты 1849-го года", какъ называетъ петрашевцевъ самъ Ахшарумовъ, не имѣли опредѣленной организаціи или плана дѣйствій, за исключеніемъ, можетъ-быть, одного Буташевича-Петрашевскаго и еще двухъ-трехъ лицъ. Но они были объединены единствомъ отвращенія къ соціально-лживому, въ частности—къ русскому крѣпостному и рабскому строю, и жили въ возвышенномъ мірѣ сладостной утопіи. Приблизить осуществленіе ея должна была прежде всего пропаганда этой утопіи, „ученія любви", какъ оно особенно вылилось у Фурье. Жаркимъ его поклонникомъ, знавшимъ его не изъ вторыхъ рукъ, а по подлинникамъ, и былъ Ахшарумовъ. Покойный Д. Д.—весь въ своей рѣчи, произнесенной на поминальномъ въ честь Фурье обѣдѣ дружескаго кружка, 7-го апрѣля 1849-го года.

„И такъ какъ порядокъ установленный противорѣчитъ главному основному назначенію человѣческой жизни — говорилъ юный фурьеристъ,—то онъ непремѣнно рано или поздно прекратится, и вмѣсто него будетъ новый, новый и новый. Когда?—вотъ это важный вопросъ, и мы можемъ только отвѣчать, что скоро... И рухнетъ, и развалится все это дряхлое, громадное вѣковое зданіе, и многихъ задавитъ оно при разрушеніи и изъ насъ, но жизнь оживетъ и люди будутъ жить богато, раздольно и весело.

„Мы живемъ въ столицѣ безобразной, громадной, въ чудовищномъ скопищѣ людей, томящихся въ однообразныхъ работахъ, испачканныхъ грязнымъ трудомъ, пораженныхъ болѣзнями, развратомъ; скопище, разрозненное все семействами, которыя вредятъ другъ другу, теряютъ время и силу и обѣдняются въ безполезныхъ трудахъ. И тамъ, за столицею, ползутъ города: единственная цѣль, высочайшее счастье для нихъ—сдѣлаться многолюднымъ, развратнымъ, больнымъ чудовищемъ, какъ столица!

„Въ эти дни, въ этомъ самомъ обществѣ мы собрались сегодня не для жалобъ и не для этихъ несчастныхъ повѣствованій, но, напротивъ, полны надеждой, торжествомъ, весельемъ... и переносясь въ будущее время и скоро ожидаемое всѣми, мы даемъ обѣдъ, залогъ лучшаго, и празднуемъ грядущее искупленіе человѣчества сегодня, именно сегодня, въ день рожденія Фурье, чтимъ его память, потому что онъ указалъ намъ путь, по которому идти, открылъ источникъ богатства, счастія.

„Сегодня—первый обѣдъ фурьеристовъ въ Россіи, и всѣ они здѣсь: десять человѣкъ, немногимъ болѣе. Все начинается съ малаго и растетъ до великаго.

„Разрушить столицы, города и всѣ матеріалы ихъ употребить для другихъ зданій, и всю эту жизнь мученій, бѣдствій, нищеты, стыда, срама превратить въ жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить въ цвѣтахъ—вотъ цѣль наша. Мы здѣсь въ нашей странѣ начнемъ преобразованіе, а кончитъ его вся земля. Скоро избавленъ будетъ родъ человѣческій отъ невыносимыхъ страданій“.

„Я былъ въ то время совершенный юноша—говоритъ самъ Ахшарумовъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—несмотря на мой двадцатилѣтній возрастъ, мечтающій, увлекающійся, исполненный горячихъ и несбыточныхъ желаній, то болѣзненно оживленный до экстаза, то такъ же быстро падающій духомъ... Я смотрѣлъ на жизнь съ своей идеальной точки зрѣнія и вовсе не зналъ, не умѣлъ различать людей, а въ размышленіяхъ моихъ стремился найти истинный путь къ всеобщему благу человѣчества“...

Такимъ, какъ въ мечтательной и пылкой своей рѣчи, такимъ юношей съ молодымъ сердцемъ Ахшарумовъ въ сущности оставался до конца. В. И. Семевскій говоритъ подробно объ общественномъ міросозерцаніи и гражданскихъ понятіяхъ, поставившихъ Ахшарумова въ рядъ борцовъ за гражданское обновленіе родины. Но настоящая, подлинная душа Ахшарумова была въ отвлеченно возвышенныхъ и вдохновенныхъ мечтахъ. Перечитывая приведенную его рѣчь, знавшіе его слышатъ его голосъ, его манеру говорить, думать и волноваться общимъ человѣчеству стремленіемъ...

Воспоминанія Ахшарумова будутъ читаться еще долго, не только потому, что это—рѣдкій и замѣчательный историческій документъ. Читая незлобивое описаніе долгаго заключенія въ Петропавловской крѣпости, съ невольнымъ чувствомъ удивленія и почтенія останавливаешься передъ силою лучшихъ сторонъ души человѣческой, которая способна строить снова и снова зданіе любви къ жизни и людямъ на развалинахъ, произведенныхъ жесточайшей несправедливостью... По теплому, искреннему, правдивому тону (авторъ не щадитъ себя, съ полною откровенностью и простотою передавая объ упадкѣ духа, заставившемъ его умолять о пощадѣ), воспоминанія Ахшарумова вызываютъ въ памяти классическое произведеніе всемірной литературы: „Мои Тюрьмы“, Сильвіо Пеллико. Заключительную сцену дѣла петрашевцевъ, произнесеніе на Семеновскомъ плацу смертнаго имъ приговора и помилованіе, изъ всѣхъ жертвъ этого издѣвательства нашелъ въ себѣ силы разсказать одинъ Ахшарумовъ (если не считать глухой, хотя потрясающей странички въ „Идіотѣ“ Достоевскаго). И это не случайность: нужную для правдиваго разсказа о такомъ событіи объективность могло дать только особенно чистое сердце.

Когда пишущему эти строки пришлось близко познакомиться съ Д. Д., переживанія 1849-го года были покрыты пепломъ сорокалѣтней слишкомъ давности. По окончаніи сроковъ ссылки и военной службы, Д. Д. сталъ врачомъ, завоевалъ уважаемое имя въ общественной медицинѣ, служилъ и вышелъ въ отставку, съ чиномъ статскаго совѣтника и небольшой пенсіей. Въ 1888-мъ году изъ Полтавы, гдѣ онъ служилъ, онъ переѣхалъ въ Ригу, чтобы быть вмѣстѣ съ сыномъ, поступившимъ въ политехникумъ. Въ эти годы мнѣ и пришлось быть съ нимъ знакомымъ.

Маленькаго роста, нѣсколько тучный, но подвижной, съ пергаментно темнымъ, морщинистымъ лицомъ, Ахшарумовъ и въ глубокой старости напоминалъ Ленскаго, его „духъ пылкій и немного странный, всегда восторженную рѣчь и кудри (только не русыя, а бѣлоснѣжныя) до плечъ“. Прежде всего и больше всего въ этомъ ста-

рикѣ привлекала его готовность откликаться на новые духовные интересы и движеніе. Онъ легко и незамѣтно сталъ въ Ригѣ центромъ небольшого кружка, въ который входили три-четыре молодыхъ врача, начинающіе мѣстные литераторы, кое-кто изъ зеленой молодежи—товарищи сына Д. Д. Это преобладаніе въ кругѣ Д. Д. молодежи или людей очень нестарыхъ бросалось въ глаза. Среди мѣстныхъ русскихъ врачей онъ пользовался, какъ человѣкъ и энциклопедически начитанный врачъ, немалымъ, уваженіемъ, былъ предсѣдателемъ Общества врачей, которое всячески старался оживить. Мнѣ не разъ приходилось присутствовать при бесѣдахъ и спорахъ Д. Д. съ молодыми врачами, которыхъ онъ если не побивалъ, то прижималъ къ стѣнѣ разносторонней эрудиціей и своеобразнымъ скептицизмомъ по отношенію къ ставшимъ традиціонными взглядамъ (о пользѣ оспопрививанія, регламентаціи проституціи) или моднымъ, не оправданнымъ пока опытомъ методамъ леченія, въ родѣ сывороточнаго. Неизмѣнное желаніе идти рука объ руку съ новыми завоеваніями науки трогательно открылось мнѣ въ его словахъ, когда на вопросъ, чего бы онъ желалъ въ данный моментъ, онъ, семидесятилѣтній старикъ, не запинаясь, увѣренно отвѣтилъ: „Я въ Берлинъ поѣхалъ бы—поусовершенствоваться!“ Мечта, не осуществленная за недостаткомъ средствъ...

Его чествованіе въ Ригѣ кружкомъ друзей и почитателей, по случаю достиженія имъ семидесятилѣтняго возраста (14 мая 1893), было настоящимъ общественнымъ событіемъ въ жизни небольшой русской молодой Риги. Д. Д. первый откликнулся также на починъ мѣстнаго Русскаго Литературнаго Кружка по устройству публичныхъ лекцій, впослѣдствіи широко развившихся, и открылъ эти лекціи чтеніемъ „о великихъ историческихъ эпидеміяхъ“. Раза два-три Д. Д. устраивалъ и у себя, въ тѣсномъ кругу близкихъ знакомыхъ, чтеніе небольшихъ рефератовъ и статей.

Объ одномъ изъ этихъ вечеровъ онъ вспомнилъ въ письмѣ ко мнѣ отъ 25 мая 1903-го года: „Вчера вечеромъ, просматривая старые номера журнала „Историческій Вѣстникъ“, наткнулся я на вашу статью о Грановскомъ, читанную вами впервые въ нашемъ кружкѣ добрыхъ пріятелей, посѣтившихъ насъ въ одинъ изъ дней, блаженной памяти, благополучно прожитыхъ нами двухъ лѣтъ въ Гагенсбергѣ [1]), гдѣ вы и Всеволодъ любили бывать и нерѣдко вмѣстѣ съ нами развлекались садомъ съ струившимся въ немъ мутнымъ ручейкомъ... Воспоминанье это и вызвало во мнѣ настоящее письмо. Жизнь наша, протекшая въ Ригѣ (8 лѣтъ), оставила въ насъ неизгладимый слѣдъ

[1]) Предмѣстье Риги въ задвинской части, гдѣ одно время жилъ Д. Д.

дорогихъ воспоминаній. Памятны намъ наши собранія въ Гагенсбергѣ и затѣмъ особенно въ Карльштрассе и наши послѣдніе понедѣльники... все это минуло, кануло въ вѣчность, но все это живетъ неувядаемо въ нашихъ сердцахъ. И чѣмъ старше становишься, тѣмъ все болѣе цѣнишь прошедшее — оно составляетъ неотъемлемую часть нашей жизни—оно всегда съ нами и то радуетъ насъ, то смущаетъ и порою (вовсе нерѣдко), мучаетъ досадой и сожалѣніемъ о совершенныхъ неисправимыхъ ошибкахъ... такъ что всѣ минувшія радости утопаютъ и заглушаются въ плачѣ и ляментаціяхъ... Вы помните, маленькій столикъ среди залы поставленъ былъ для вашего чтенія, и я сидѣлъ подлѣ васъ съ боку, довольный и интересующійся чтеніемъ, и гостей было у насъ немало"...

Очень рѣдко Д. Д. въ тѣсномъ кружкѣ читалъ свои воспоминанія. Въ Ригу онъ привезъ готовую ихъ первую часть, написанную въ Полтавѣ. Преданнѣйшій другъ и заботливѣйшая нянька Д. Д., его вторая жена Эмилія Германовна всегда очень просила друзей не слишкомъ много волновать Д. Д. этими воспоминаніями, послѣ чтенія которыхъ онъ обычно чувствовалъ себя нездоровымъ. Я никогда не могъ рѣшиться вызывать Д. Д. на болѣе детальные разговоры о пережитомъ имъ, и только раза два, въ тонѣ немногихъ вырывавшихся выраженій, могъ почувствовать глубину перенесенной имъ „обиды". Помню, какъ-то разъ, вслушавшись въ какой-то разговоръ о Николаѣ I, онъ вдругъ съ необыкновеннымъ волненіемъ произнесъ: „Это былъ ужасный человѣкъ!" и тотчасъ замолчалъ и отошелъ. Потомъ, когда умирала одна весьма высокопоставленная особа и ждали телеграммы о ея смерти, я засталъ Д. Д., зайдя къ нему, въ какомъ-то необыкновенномъ волненіи: онъ похаживалъ по кабинету, нервно потиралъ ручки и непроизвольно посмѣивался. „Что это вы, Д. Д.?"—„*Они* тоже смертны!"—было отвѣтомъ; то же сказалъ Д. Д. тогда и моему брату.

Вскорѣ я былъ высланъ въ Вятскую губернію, потомъ жилъ въ Нижнемъ и Самарѣ. Д. Д. жилъ въ это время въ Петербургѣ, въ Полтавѣ, въ Вольскѣ и снова въ Полтавѣ, и я храню его письма, съ ихъ старомоднымъ стилемъ, съ воспоминаніями о Ригѣ, съ тѣми ласковыми, искренними преувеличеніями, какія онъ расточалъ пріятнымъ ему людямъ. Позволяю себѣ привести немногія выдержки, характеризующія натуру Д. Д. и его послѣдніе годы. Живой откликъ Д. Д. на иныя событія представляетъ также нѣкоторый общій интересъ.

15 февраля 1897 г., изъ Петербуга: „...Мы часто подумывали о вашемъ пустынно-безлюдномъ положеніи. Письмо отъ васъ шло десять дней—долгонько! Оказывается, что г. Глазовъ лучше многихъ центральныхъ городовъ—да еще и желѣзная дорога оживитъ его... все же вамъ лучше, чѣмъ критянамъ на ихъ мятежномъ островѣ... И гораздо

лучше, чѣмъ въ былое время было мнѣ на различныхъ станціяхъ моей жизни.

„Я нахожусь еще подъ вліяніемъ пережитаго мною съ большимъ волненіемъ съѣзда сифилидологовъ, гдѣ я спорилъ, возвышая голосъ до крика. Произошло необыкновенное явленіе—обнаружилась явная аболиціонистская ересь. Возраженія поражали меня своею неожиданностью и многочисленностью. Регламентаристовъ мы раскалили до красна. Собраніе было около 500 членовъ. Голосованіе поднятіемъ рукъ (объ упраздненіи домовъ терпимости) дало извѣстный результатъ (былъ уже первый часъ ночи). Засѣданіе было немедленно закрыто (предсѣдательствовалъ Тарновскій). Это было 21 января, а на другой день подано письменно отдѣльное мнѣніе за подписью 120 членовъ, въ томъ числѣ 3-хъ профессоровъ. 22 января въ 3 часа съѣздъ былъ закрытъ. Засѣданія bis in die—отъ 10-ти до 3-хъ и отъ 8-ми часовъ вечера до глубокой ночи меня уходили—я теперь болѣю... сижу дома, готовлю статью къ печати... На третій день по началѣ съѣзда всѣ редакціи получили циркулярное извѣщеніе—не писать ничего о съѣздѣ помимо дозволенія директора медицинскаго департамента Рагозина—отчего въ газетахъ вы мало читали, даже ничего, о бывшемъ весьма интересномъ съѣздѣ. На одномъ изъ первыхъ засѣданій, напр., вопросъ былъ поставленъ: „Въ какомъ возрастѣ можно зарегистрировать въ число проститутокъ?“ Возраженіе вдругъ неожиданное: „Въ какомъ возрастѣ можно дозволить воровать?..“ Тогда-то и запретили печатать“...

9 мая 1897 г. „Нездоровится мнѣ сильно — я мало подвиженъ и обѣднѣлъ порядочно (insufficientia externa maxima)... Здѣшняя жизнь меня до того утомляетъ, что хотѣлось бы быть одному и никуда не выходить“.

12 октября 1897 г. „Изъ Петербурга мы бѣжали, спасаясь отъ дороговизны и неблагопріятнаго климата для моего слабаго здоровья... Послѣ многихъ разъѣздовъ по городамъ Полтавской губерніи, мы теперь остановились на той мысли, что надо намъ вернуться въ Полтаву, гдѣ всѣ жители меня знаютъ—простой народъ въ особенности помнитъ меня, какъ прежняго своего врача, который готовъ былъ помочь всякому“,

Но переѣздъ въ Полтаву, о которой мечталъ старикъ, далеко не удовлетворилъ его. 5 февраля 1899 г. онъ пишетъ: „Мы закабалили себя въ сонную, тягостную для насъ Полтаву. Скука здѣсь страшная! Общественная жизнь едва слышна. Общество врачей замерло (Д. Д. былъ его основателемъ въ первый періодъ жизни въ Полтавѣ), не собирается, со стороны никакой поддержки, все нужно доставать изъ себя... Но я всю зиму болѣю—и это меня очень отягчаетъ душевно

и тѣлесно... Мы живемъ вдвоемъ съ Эмиліей уединенно — мало кто бываетъ у насъ, и мы сами неохотно ходимъ куда-либо". Далѣе Д. Д. снова вспоминаетъ рижскій кругъ друзей: „такъ въ жизни нашей образуются по временамъ счастливые кружки нѣкоторыхъ близкихъ по чувствамъ и мыслямъ людей—какъ бы констелляціи, которыя потомъ никогда болѣе не повторятся въ прежнемъ ихъ видѣ—потому надо дорожить такими благопріятными встрѣчами—а мы теперь живемъ какъ бы въ пустомъ безлюдномъ пространствѣ. А жизнь человѣка кратковременна и къ моимъ годамъ едва ли что повторится или взойдетъ что новое, свѣтлое. Но человѣкъ не можетъ жить безъ надежды: потому и я все полонъ еще желаній, надеждъ и жизненной тревоги"... Онъ продолжаетъ въ это время работать надъ исторіей чумы, оспопрививанія и пр., но особенно волнуетъ его судьба воспоминаній, которыя, наконецъ, явилась возможность издать.

„Мои воспоминанія, обработанныя для печати В. И. Семевскимъ, должны были выйти въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы" (1901 г.), но по дурной цензурной погодѣ, налетѣвшей какъ штурмъ, Стасюлевичъ предпочелъ выждать. Что̀ будетъ—посмотримъ. Трудно живется!"—30 марта того же года онъ пишетъ: „Примите наши свѣтлохристовыя привѣтствія и поздравленія", и добавляетъ къ этому, съ улыбкою закоренѣлаго скептика: „повсюду шумъ, звонъ и ликованія! „Велика Артемида Ефесская!" — помните собраніе, кричавшее эти слова—Дѣянія св. апостоловъ, посланіе Павла къ Ефесеямъ—глава 6-я, стихи 11 и 12".

Лѣтомъ 1901 года Д. Д. пишетъ изъ Вольска, куда ѣздилъ къ сыну:

„Послѣдніе дни мои въ Полтавѣ были отмѣчены особымъ ко мнѣ вниманіемъ общества. Статья Семевскаго возбудила вниманіе къ дѣлу Петрашевскаго и вызвала желаніе весьма многихъ людей просить меня прочесть мои воспоминанія. Я сначала уклонялся, но потомъ уступилъ общему желанію. Чтеніе состоялось у меня на квартирѣ—было человѣкъ 45, большею частью статистики земства, много дамъ, много бывшихъ сосланныхъ... Короленко въ это время былъ въ Петербургѣ. Онъ самъ пришелъ ко мнѣ въ Полтавѣ и мы знакомы съ нимъ семейно".

Мнѣ явилась тогда же возможность съѣздить къ Д. Д. въ Вольскъ (изъ Самары). Д. Д. за пять лѣтъ, что я его не видѣлъ, побѣлѣлъ еще больше, былъ слабъ, но все еще по прежнему живъ духомъ; такимъ же я нашелъ его и лѣтомъ слѣдующаго года. Въ Вольскѣ и Полтавѣ онъ писалъ продолженіе своихъ мемуаровъ, позднѣе появившееся въ „Мірѣ Божіемъ".

Появленіе въ „Вѣстникѣ Европы", въ концѣ 1901-го года, мемуаровъ Д. Д. и сочувственные о нихъ отзывы въ печати очень ожи-

вили его. Онъ горячо благодарилъ меня за замѣтку въ „Самарской Газетѣ“, но былъ огорченъ нѣкоторыми цензурными и редакціонными сокращеніями въ текстѣ мемуаровъ.

Тогда же онъ началъ хлопотать объ отдѣльномъ изданіи ихъ. Сообщая объ этомъ намѣреніи, онъ сообщалъ, отъ 12 февраля 1902 г., изъ Полтавы. „Спокойно ли у васъ въ Самарѣ? У насъ здѣсь много высланныхъ и всѣ безъ работы здѣсь бѣдствуютъ. 7-го февраля въ большомъ новомъ зданіи въ честь Гоголя (для просвѣтительныхъ цѣлей) давалась въ театрѣ „Власть тьмы“, и вдругъ, передъ началомъ, какъ только стемнѣло (для поднятія ужъ занавѣса) раздались крики: „Да здравствуетъ отлученный отъ церкви Л. Н. Толстой—борецъ за свободу и правду!“ и посыпались сверху печатные листки. Театръ былъ полонъ и овація удалась... Вчера привезли изъ Кіева цѣлый вагонъ арестованныхъ—что въ Кіевѣ было, намъ пока неизвѣстно. Здѣсь не покойно, и всѣ встревожены, особенно администрація. Мѣстъ не хватаетъ для арестованныхъ, полиція усилена, выписаны казаки, войска наготовѣ. Жаль студентовъ, ихъ опять изобьютъ и сошлютъ... Намъ живется здѣсь плохо—врачебно я здѣсь одиночествую (безъ врачей), научно голодаю—книжный магазинъ только одинъ—русскихъ книгъ. Кромѣ того мы оба много хвораемъ“.

Во второе посѣщеніе мое Д. Д. въ Вольскѣ, я выпросилъ для помѣщенія въ „Самарской Газетѣ“ отрывокъ изъ второй части мемуаровъ Д. Д. Но этотъ отрывокъ, переписанный собственноручно Д. Д., такъ и остался у меня ненапечатаннымъ: не успѣлъ я сдать его въ наборъ, какъ получилъ встревоженныя письма Д. Д., сначала съ просьбою остановиться, потомъ съ просьбою ни подъ какимъ видомъ не печатать, такъ какъ отдѣльное изданіе первой части мемуаровъ запрещено. „Для васъ и для меня лучше, чтобы не дразнить собакъ... Боюсь даже, чтобы не послѣдовало распоряженіе отобрать у меня новую рукопись моихъ воспоминаній, чтобы даже и отрывки изъ нея не печатались вновь... Въ такомъ печальномъ положеніи находятся теперь испуганные авторы. Лучше и не разглашать о томъ, что у кого-либо хранится такая-то рукопись“ (14 авг. 1902 г.). Цензоръ въ Петербургѣ написалъ въ это время повѣренному Д. Д., „что записки петрашевца, хотя бы и самыя невинныя, не могутъ быть дозволены къ печати для продажи дешевымъ изданіемъ“. „Это трусость или подлость, или же желаніе взятки!“—съ негодованіемъ писалъ мнѣ Д. Д. (22 авг.). Все о томъ же волнуясь, онъ пишетъ отъ 23 февраля слѣдующаго года: „О цензурѣ въ настоящее время, какова она, я могу судить по тому, что моя первоначальная рукопись (о 1849-мъ годѣ) съ самыми безразличными прибавленіями—только для возстановленія полноты разсказа, продержана была въ цензурѣ 8 мѣсяцевъ и выдана

съ многочисленными помарками и съ разрѣшеніемъ печатать двѣсти экземпляровъ не для продажи. „Воспоминанія петрашевца, и самыя невинныя, не должны быть распространяемы въ народѣ дешевыми изданіями“. Вотъ до чего додумались въ невѣжествѣ своемъ и лицемѣрномъ угодничествѣ: фурьеристовъ, людей мирныхъ, осуждающихъ (по сущности ученія Фурье) всякія насилія и революціи, какъ не ведущія къ цѣли... фурьеристовъ считаютъ какими-то анархистами и разбойниками!..“

Старому фурьеристу суждено было пережить русскую революцію и безъ конца мучиться зрѣлищемъ моря крови и слезъ, отворачиваться отъ котораго не было возможности. „Глубоко трогательная и вмѣстѣ комическая картина была—разсказываетъ въ „Русск. Бог.“ (февр.) г. Сосновскій,—когда старецъ во время возстанія слушалъ разсказъ о томъ, что дѣлается въ Москвѣ.—Эмилія, Эмилія!—обращался онъ къ своей женѣ, въ оба глаза глядѣвшей за едва ходящимъ супругомъ,—Эмилія, слышите?—Тамъ дерутся! Собирайтесь, я ѣду, я ѣду!.. Я хочу идти на баррикады!.. И Дмитрій Дмитричъ возбужденно вставалъ, халатикъ распахивался, супруга бросалась успокаивать воинственнаго бунтовщика“...

— Какъ же вы думаете, неужели эти ужасы еще долго продлятся?—было его постояннымъ вопросомъ и тревогою въ послѣ-революціонные дни. Чествованіе его, глубоко растрогавшее его, устроенное въ Полтавѣ въ день выборовъ въ первую Государственную Думу, было однимъ изъ послѣднихъ свѣтлыхъ его дней. Настоящіе черные дни настали, когда въ 1909 г. скончалась Эмилія Германовна. Сраженный этою послѣднею жестокостью судьбы, Д. Д. писалъ мнѣ (31 авг. 1909 г., изъ Баку) въ послѣдній разъ, уже невѣрнымъ почеркомъ: „Ахъ, дорогой мой, какъ мнѣ *безъ нея* вся жизнь постыла, я одинъ *безъ нея*—совсѣмъ не знаю, какъ жить мнѣ. Я бы пожилъ еще нѣсколько лѣтъ и напечаталъ бы кое-что—но не до того теперь—86 лѣтъ прожить—для меня кажется очень довольно, и у меня нѣтъ бо̀льшаго желанія, какъ умереть сейчасъ же... Такъ какъ я боленъ и слабъ, и старъ, не могу отлучаться одинъ, то и приходится сидѣть все на заводѣ въ степи (въ 5-ти верстахъ отъ города)... Я раздавленъ тоскою“... Для другого онъ находитъ ободряющія слова, напоминаетъ, что „реакція наша не можетъ долго длиться“—и все же интересуется наукой, спрашиваетъ объ одной своей статьѣ о холерѣ...

Въ концѣ 1909-го года Д. Д. подвергся мучительной операціи, какихъ перенесъ въ послѣдніе годы жизни нѣсколько. В. Г. Короленко говорилъ, по словамъ г. Сосновскаго, объ этихъ операціяхъ, что Д. Д., „какъ корабль въ бурю, выбрасываетъ за бортъ одно за другимъ все, чѣмъ былъ нагруженъ, все, что теперь стало уже ему

ненужно, только бы добраться до гавани". Послѣдняя операція, вызванная мучительными страданіями, принесла муки еще бо́льшія, и 9-го января параличъ остановилъ сердце Д. Д.

Въ этомъ сердцѣ было всегда что-то трогательно дѣтское, наивное. Въ народѣ такого старика звали бы „божьимъ".

Ч. Вѣтринскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Иного человѣка можно самымъ коварнымъ образомъ подвести, если дружелюбно убѣдить его: „Будьте какъ дома. Не стѣсняйтесь!" Тутъ-то онъ такъ развернется, такія слова скажетъ, такіе жесты и поступки выкажетъ, что отъ него въ смятеніи побѣгутъ въ разныя стороны. Не всякому характеру можно безнаказанно для себя проявляться откровенно на глазахъ общества.

Съ „Союзомъ русскаго народа" случилась именно такая коварная исторія. „Истинно-русскихъ людей" окружили теплымъ начальственнымъ вниманіемъ, одобрительно хлопали—и хлопаютъ—по плечу, отнеслись снисходительно къ пылкости темперамента, хотя бы послѣдній выразился даже въ погромахъ и убійствахъ. Словомъ, было прямо и косвенно сказано: „Будьте въ Россіи какъ дома. Не стѣсняйтесь. Поддерживайте устои".

И они распахнулись. Они полностью усвоили заманчивую мысль, что Россія для нихъ свой домъ, гдѣ можно и должно вести себя какъ „душѣ угодно". Тутъ-то душа „истинно-русскихъ людей" и проявилась въ яркихъ, подлинныхъ краскахъ. Скандальное, длительное и неискоренимое поведеніе крайнихъ правыхъ въ Государственной Думѣ, съ Пуришкевичемъ и Марковымъ 2-мъ во главѣ—не случайность. Это—пышные цвѣты всероссійскаго черносотеннаго дерева. Солнце грѣетъ неустанно, воздухъ благопріятный, и дерево усѣяно цвѣтами и плодами сверху до низу... И, пожалуй, самые яркіе цвѣты не на верхнихъ вѣтвяхъ. Какъ ни изумительно для всей Россіи поведеніе крайнихъ правыхъ въ Государственной Думѣ, все же здѣсь чувства и мысли союза русскаго народа проявляются въ менѣе яркихъ формахъ. Проще, искреннѣе и выразительнѣе говорятъ и дѣйствуютъ „истинно-русскіе люди" въ провинціи. Петербургъ больше вдохновляетъ — провинція дѣйствуетъ. Въ столицѣ, напримѣръ, теорети-

чески разбираютъ еврейскій вопросъ, а въ Одессѣ на улицахъ свиститъ резина. Но духъ и характеръ во всѣхъ „истинно-русскихъ людяхъ“ одинъ. Нѣсколько уже лѣтъ союзъ русскаго народа проявляетъ себя во многихъ городахъ и селеніяхъ Россіи. Факты накапливаются. И подлинная сущность этого „національнаго“ явленія вырисовывается выпукло, ярко и отчетливо.

„21 марта, — сообщаетъ „Кіевская Мысль“ — толпа слободскихъ союзниковъ человѣкъ въ десять, съ Александромъ Пащенко во главѣ, ходила по Слободкѣ, затрагивая и оскорбляя встрѣчныхъ. Въ 9 часовъ вечера Пащенко вынулъ револьверъ и произвелъ пять выстрѣловъ въ проходившаго мимо Николая Толпинскаго. Къ счастью, пули пролетѣли мимо. На шоссе поднялась паника: одни бросились убѣгать, другіе же начали подступать къ буянамъ, желая ихъ обезоружить. На мѣсто явился разъѣздъ стражниковъ, и Пащенко съ компаніей былъ арестованъ и обезоруженъ. Когда публика бросилась убѣгать, то многихъ сильно помяли, а Иванъ Матвѣевъ попалъ подъ мчавшійся экипажъ. Окровавленнаго и разбитаго, въ тяжеломъ состояніи, его унесли домой. Полиціей составленъ протоколъ и препровожденъ судебнымъ властямъ для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности“.

Приведенная сценка типична и обычна для многихъ городовъ, особенно для южныхъ. Въ Одессѣ, Кіевѣ, а также въ маленькихъ юго-западныхъ мѣстечкахъ уличное буйство союзниковъ сдѣлалось привычнымъ, почти ежедневнымъ явленіемъ, о которомъ часто мѣстныя газеты сообщаютъ даже петитомъ. Разумѣется, дѣйствія союзниковъ объясняются не только ихъ пылкимъ темпераментомъ, но и благопріятной окружающей атмосферой. Хотя въ газетахъ и сообщается, что буяны разгоняются полиціей, арестовываются и привлекаются къ суду, но какъ-то потомъ оказывается, что наиболѣе видные изъ нихъ снова дебоширятъ и буйствуютъ на свободѣ. Въ приведенной, напримѣръ, замѣткѣ говорится объ арестѣ главаря союзниковъ Пащенко. А черезъ нѣсколько дней въ той же газетѣ разсказано о новыхъ подвигахъ союзниковъ, и снова среди нихъ дѣйствуетъ тотъ же Пащенко. Эта новая замѣтка бросаетъ свѣтъ и на нѣкоторыя внутреннія дѣла союзниковъ. „28 марта, — говоритъ „Кіевск. Мысль“—въ Слободкѣ происходило экстренное засѣданіе членовъ „Слободскаго союза русскаго народа“, окончившееся крупнымъ скандаломъ. Дѣло въ слѣдующемъ: въ прошломъ году „союзу“ удалось получить нѣсколько крупныхъ подрядовъ по заготовкѣ интендантскаго бѣлья. Были приглашены надсмотрщики, закройщики, много работницъ, нѣкоторыя съ залогомъ. Началась работа. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ работавшія зароптали, такъ какъ въ „союзѣ“ никому не уплачивали денегъ.

Предсѣдатель союза Ильинъ захватилъ подряды въ свои руки. Долго терпѣли союзники, но, наконецъ, возмутились и въ началѣ марта послали союзника Глыбина въ „черниговскій губернскій отдѣлъ“ съ жалобой на Ильина. Изъ Чернигова получился приказъ: забрать все имущество, книги, печати у Ильина, а его самого лишить предсѣдательства. Для обсужденія всѣхъ этихъ дѣлъ и было назначено собраніе въ церковномъ павильонѣ. Въ 3 часа дня павильонъ былъ полонъ союзниками. Изъ города также прибыло много союзниковъ, а союзникъ Пащенко привелъ цѣлый отрядъ человѣкъ пятьдесятъ, „тѣлохранителей“. Когда на собраніе внесли знамя, то Ильинъ и его сторонники, Пуленко, Крикуновъ и другіе, бросились къ знамени, сорвали и растоптали кисти и т. д. Союзники съ кулаками бросились другъ на друга, но вмѣшалась полиція и не допустила до драки. Когда Ильинъ и его сторонники вторично бросились къ союзническому знамени, то приставъ удалилъ ихъ изъ собранія. Союзникъ Крикуновъ былъ всетаки избитъ по выходѣ изъ павильона. Собраніе было бурное: рѣшено судомъ вытребовать у Ильина печати и книги, а объ исключеніи послать бумагу въ „главный совѣтъ“ и опубликовать объ этомъ въ „Русскомъ Знамени“.

Дополненіемъ къ этой бытовой картинкѣ служитъ слѣдующая телеграмма въ „Русскомъ Словѣ“ изъ Кіева: „Въ кіевской „палатѣ Михаила Архангела“ раскрыты злоупотребленія съ холстомъ, полученнымъ палатой отъ интендантства. Палата еще прошлой весной взяла подрядъ на изготовленіе бѣлья для войскъ кіевскаго округа. Не смотря на то, что срокъ сдачи заказа уже давно истекъ, работы палатой все еще не выполнены. Въ довершеніе всего, изъ склада палаты исчезло много кусковъ интендантскаго холста. Выясняется, что кто-то изъ членовъ „союза Михаила Архангела“ взялъ у сторожа Скибицкаго ключъ отъ склада и часть товара вывезъ. Скибицкій заявилъ объ этомъ. Его уволили. Тогда поднялъ тревогу видный „архангелецъ“ Картамышевъ. Дѣлу данъ ходъ. О пропажѣ сообщили судебнымъ властямъ. Провѣркой обнаружена недостача 3.500 аршинъ холста“.

Конечно, мошенники и плуты вездѣ встрѣчаются. Два-три некрасивыхъ случая не повредили бы достоинству и общественной репутаціи „союза русскаго народа“, „палаты Михаила Архангела“ и всѣхъ примыкающихъ къ нимъ національно-политическихъ организацій. Но дѣло въ томъ, что газеты приносятъ удручающее количество фактовъ о различныхъ мутныхъ дѣлахъ среди крайнихъ правыхъ.

„Въ Калугѣ приговоренъ къ четырехмѣсячному тюремному заключенію—сообщаетъ „Рѣчь“ — видный членъ союза русскаго народа и Архангела Михаила К. Я. Манжосъ, оказавшійся простымъ мошен-

никомъ. Въ Калугѣ, при благосклонномъ къ нему отношеніи бывшаго губернатора А. А. Офросимова, Манжосъ вербовалъ членовъ и въ союзъ русскаго народа, и въ союзъ Михаила Архангела, продавалъ билеты и значки союзовъ, собиралъ пожертвованія. Попутно онъ занималъ деньги. Въ иныхъ мѣстахъ онъ выдавалъ себя за „жениха" и, обобравъ довѣрчивыхъ родителей невѣсты, скрывался. Однѣми изъ первыхъ жертвъ его мошенническихъ продѣлокъ оказались наиболѣе видные столпы союзниковъ — бывшій предсѣдатель мѣстнаго отдѣла союза русскаго народа И. В. Станкевичъ и его товарищъ, купецъ М. Г. Игнатовъ, которыхъ Манжосъ „переписалъ" въ союзъ Михаила Архангела. Затѣмъ пострадали матеріально епископъ Веніаминъ, бывшій губернаторъ Офросимовъ и многія другія лица. Надо думать— иронизируетъ газета,—что г. Щегловитовъ позаботится объ облегченіи участи столь достойнаго патріота".

Изъ Бобруйска „Сѣв.-Зап. Голосу" сообщаютъ: „Видный членъ союза русскаго народа, нашъ городской судья 1-го участка Стрижевскій, уволенъ отъ должности. Онъ пользовался марками, бывшими уже въ употребленіи, снимая ихъ со старыхъ дѣлъ и наклеивая на новыя. Кромѣ того, у него оказалась недостача казенныхъ денегъ въ суммѣ около 400 рублей, по обнаруженіи имъ пополненная".

Изъ Новгорода пишутъ въ „Рѣчь": „У насъ уже писалось о приключеніяхъ настоятеля старорусскаго монастыря архимандрита Ѳеодосія, обвиняемаго братіею, въ жалобѣ архіепископу Гурію, въ несоблюденіи монашескаго образа жизни. Епархіальное начальство только послѣ второй жалобы братіи рѣшило начать слѣдствіе. Веденное архимандритомъ Иверскаго валдайскаго монастыря Іосифомъ слѣдствіе выяснило удивительныя наклонности и привычки истинно-русскаго архимандрита Ѳеодосія. Во-первыхъ, слѣдствіе обвиняетъ его въ расточительности; во-вторыхъ, въ блудѣ, при чемъ женщины ходили къ нему подъ видомъ массажистокъ; въ-третьихъ, въ кощунствѣ. Какъ оказалось, церковныя облаченія — риза и подризникъ— перешиты на женскіе костюмы: изъ подризника сдѣлана юбка, а изъ ризы—боярскій костюмъ. При этомъ выяснилось, что архимандритъ, чтобы оправдаться, отобралъ отъ келейника подписку, что женщины ходили къ нему, а не къ архимандриту. Начальство, памятуя заслуги архимандрита въ союзѣ русскаго народа, опредѣлило сему аскету — сдѣлать внушеніе, безъ внесенія въ формуляръ и предложить, въ виду непріязненнаго отношенія съ братіею, удалиться изъ монастыря".

Подобныхъ фактовъ можно бы безъ труда привести длинный рядъ. Извѣстія о подвигахъ союзниковъ текутъ безостановочно со всѣхъ концовъ Россіи. И, очевидно, временами среди союзниковъ сгущается

такая атмосфера, что даже многіе изъ лидеровъ союза издаютъ негодующіе вопли. Въ Петербургѣ недавно академикъ Соболевскій не выдержалъ и заговорилъ о „темныхъ деньгахъ", которыя подогрѣваютъ усердіе союзниковъ и въ то же время развиваютъ среди нихъ острое желаніе урвать у другихъ для себя. Въ Казани недавно вышелъ изъ союза секретарь мѣстнаго отдѣла и публично заявилъ въ газетахъ, что онъ больше не можетъ выдержать темныхъ продѣлокъ членовъ союза.

Но все это, видимо, мало смущаетъ большихъ и малыхъ дѣятелей союза. Они по прежнему кричатъ о „кристальной" чистотѣ союза, объ его честномъ патріотизмѣ и неподкупной преданности старымъ устоямъ Россіи. И не только кричатъ: тамъ, гдѣ у нихъ оказывается случайное большинство, они и практически накладываютъ тяжелую руку на общественную жизнь. Корреспонденція изъ слободы Нальчикъ, Терской области, наглядно иллюстрируетъ, какое разложеніе въ сельскую жизнь вносятъ союзники, располагающіе большинствомъ. „По распоряженію администраціи, станичными, слободскими и аульными обществами Терской области составляются приговоры о выселеніи административнымъ порядкомъ на постоянное жительство въ Сибирь порочныхъ членовъ этихъ обществъ. Принялось „вылавливать" ихъ и общество слободы Нальчикъ, и вотъ что при этомъ произошло. Собрался общественный сходъ. Міроѣды, почти всѣ члены союза русскаго народа, кричали: „Прежде всего надо выселить толстовцевъ, потому что они выдумали новую вѣру, иконъ не признаютъ, а молятся на портретъ графа Толстого. Потомъ слѣдуетъ хорошенько пощупать жидовъ: они мошенники, да и бунтовать любятъ. Затѣмъ надо среди русскихъ поискать воровъ, пьяницъ и развратниковъ". Является слободской старшина. На столъ ставятся баллотировочные ящики и начинается чтеніе заранѣе составленнаго списка порочныхъ лицъ, но при этомъ ни однимъ словомъ не объясняется, въ чемъ состоитъ порочность каждаго изъ нихъ.—„Николай Самотоповъ!—кричитъ старшина.—Господа, кладите шары: налѣво за порочность, направо за непорочность". — „Самотоповъ воръ и пьяница, его давно слѣдуетъ вышвырнуть!"—кричатъ союзники. Слобожане переминаются въ нерѣшительности:—„Да вѣрно ли, что Самотоповъ воръ? Какъ бы грѣха на душу не взять"... Однако, послѣ нѣкотораго колебанія, „вышвыриваютъ" Самотопова изъ среды общества. — „Горскій еврей Тампу Дыгиловъ!"—читаетъ старшина.—„Жида надо упечь!—кричитъ союзникъ Озерцовъ.—Онъ воръ, мошенникъ и бунтовщикъ".—Но оказывается, что многіе изъ слобожанъ лично совсѣмъ не знаютъ Дыгилова.—„За что будемъ губить человѣка: можетъ, онъ честный человѣкъ. Если бы воръ былъ, тогда другое дѣло. Мы его совсѣмъ не

знаемъ".—„За то мы знаемъ, что онъ вредный человѣкъ! — кричатъ союзники.—Надо воздухъ очистить отъ вредныхъ газовъ, чтобы вѣрнымъ сынамъ русской земли жилось легче. А тѣмъ, кто заступается за жидовъ, не поздоровится". Въ число „вышвырнутыхъ" попалъ и Дыгиловъ, а съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько горскихъ евреевъ и русскихъ. Покончивъ съ порочными, отправились въ ресторанъ „Курортъ", выпили изрядно и принялись упрекать одинъ другого „въ разной подлости": оказывается, одинъ не такъ давно укралъ у кабардинца бурку, другой — другъ и пріятель конокрадовъ, третій „сбондилъ" хомутъ и т. д. Началась ругань, и дѣло едва до драки не дошло. А къ этому времени хозяинъ ресторана обнаружилъ пропажу у себя восьми штукъ куръ. Принялся искать ихъ. Заглянулъ подъ корридоръ и видитъ— сидитъ тамъ союзникъ Озерцовъ, подъ мышкой держитъ хозяйскаго пѣтуха, а въ рукахъ—связанныхъ нога за ногу семь куръ. — „Я хотѣлъ пошутить" — оправдывался Озерцовъ. Но слободской судъ за эту „шутку" приговорилъ его къ аресту на недѣлю въ кутузкѣ. А самъ Озерцовъ другихъ за воровство „выселялъ", т.-е. губилъ на всю жизнь".

Московскія правыя газеты изобличили еще одного крупнаго дѣятеля—союзника-старца Григорія. Этотъ старецъ, по словамъ московскихъ газетъ, въ неприличныхъ дѣяніяхъ значительно превзошелъ новгородскаго архимандрита Ѳеодосія. Подробный разсказъ о его дѣяніяхъ представляетъ чистой воды порнографію. Поэтому уклонимся отъ подробностей. Но факты были приведены доказательные. Въ отвѣтъ на нихъ извѣстный іеромонахъ Иліодоръ—по словамъ „Утра Россіи" — прочелъ въ Царицынѣ, въ церкви, письмо „Московскимъ Вѣдомостямъ", начинающееся такъ: „Разсуждая о нападкахъ стервятниковъ газетчиковъ на блаженнаго старца Григорія, собраніе православныхъ христіанъ г. Царицына постановило: пригвоздить тебя, блудница-редакція, измѣнившая Грингмуту, къ позорному столбу для всей Россіи, а твоего богомерзкаго сотрудника Новоселова высѣчь погаными банными вѣниками". Стиль энергичный, но, къ сожалѣнью, къ старцу Григорію и архимандриту Ѳеодосію приходится еще прибавить курскаго лидера союзниковъ, мѣстнаго крупнаго купца, обличеннаго въ надругательствѣ надъ малолѣтними дѣвочками. Очевидно, и въ этой спеціальной области факты погрѣшеній союзниковъ не случайны и не единичны. Любопытную цѣну получаетъ при этомъ освѣщеніи извѣстная рѣчь Пуришкевича, развязно обвинившаго съ думской трибуны петербургское студенчество въ развратѣ. Студентамъ остается только пренебрежительно отмахнуться отъ этой огульной клеветы и презрительно процѣдить сквозь зубы: „Ужъ молчали бы вы со своими старцами"... Но союзниковъ смутить трудно. Саратовское

духовенство рѣшило распространить рѣчь Пуришкевича на поученіе населенію, а изъ Вятки монархисты послали Пуришкевичу послѣ его рѣчи о русскомъ студенчествѣ такую телеграмму: „Постановили выразить вамъ, глубокоуважаемый Владимиръ Митрофановичъ, искреннѣйшее русское спасибо. Съ Богомъ, продолжайте начатое дѣло". Во главѣ вятской монархической партіи находится викарный епископъ Павелъ. Какой грустью долженъ наполниться всякій искренно вѣрующій православный, когда онъ читаетъ о старцѣ Григоріи, объ архимандритѣ Ѳеодосіи, о яростныхъ рѣчахъ Иліодора, о поздравительныхъ телеграммахъ отъ высшаго духовенства прославленному члену Думы...

Газетная корреспонденція изъ Керчи раскрываетъ еще одну сторону изъ жизни союза русскаго народа. „Совѣтъ керченскаго отдѣла союза сдѣлалъ любопытное постановленіе: принявъ во вниманіе, что числящійся почетнымъ учредителемъ керченскаго союза и попечителемъ школы отдѣла почетный гражданинъ В. К. Месаксуди, благодаря тому, что, во-первыхъ въ церковь мало того что не ходитъ, но позволяетъ себѣ нечестиво отзываться не только о священно-церковныхъ служителяхъ, но и о самомъ Богѣ, во-вторыхъ—съ отдѣломъ союза, съ тѣхъ поръ какъ освобожденъ отъ арестантскихъ ротъ (по дѣлу керченскаго погрома Высочайше помилованъ), прекратилъ всякую связь, въ-третьихъ—въ числѣ своихъ друзей избралъ многихъ евреевъ, съ которыми открыто ведетъ компанію, въ-четвертыхъ—ведетъ жизнь развратную, нетрезвую, зазорную, въ-пятыхъ—въ семейной жизни является тираномъ для жены и извергомъ для малолѣтнихъ дѣтей,—на основаніи всего изложеннаго и по несомнѣнности всѣхъ этихъ данныхъ, основанныхъ не на слухахъ, а на фактахъ, единогласно постановилъ: исключить В. К. Месаксуди изъ членовъ общества союза русскаго народа, дабы населеніе знало, что керченскій отдѣлъ союза русскаго народа не нуждается и въ милліонерахъ съ такими качествами". Рѣшеніе, казалось бы, совсѣмъ неожиданное для союзниковъ, безконечно терпимыхъ къ недостаткамъ своихъ ближнихъ, если они числятся въ рядахъ союза. Однако и здѣсь—какъ объясняютъ „Южныя Вѣдомости"—дѣло оказывается простымъ и понятнымъ: „Месаксуди, привлеченный къ отвѣтственности по дѣлу о погромѣ, рѣшилъ, что ему необходимо числиться въ рядахъ союзниковъ. Месаксуди, человѣкъ очень богатый, сталъ щедро одаривать союзниковъ. Потомъ надобность въ союзѣ миновала, и Месаксуди первый отвернулся отъ него. Подарки прекратились, и отсюда явилось вышеприведенное постановленіе". О спеціальной и временной помощи, оказываемой нѣкоторымъ лицамъ со стороны союза русскаго народа, не будемъ распространяться, но, несомнѣнно, Месаксуди въ

своихъ разсчетахъ и оправдавшихся надеждахъ былъ не единиченъ. О подобныхъ случаяхъ доходили и доходятъ слухи изъ разныхъ угловъ Россіи.

Нѣкоторые отдѣлы и розвѣтвленія союза русскаго народа стали, впрочемъ, понимать, что одними восклицаніями о патріотизмѣ членовъ не очень много навербуешь. И въ Саратовѣ, напримѣръ, въ „православномъ братствѣ" (союзъ, основанный епископомъ Гермогеномъ, который отпалъ отъ союза русскаго народа, сочтя его слишкомъ „лѣвымъ" по политическимъ убѣжденіямъ) созрѣла мысль подогрѣть вниманіе населенія надеждами на прирѣзку земли. „Саратовскій Листокъ" приводитъ бесѣду по этому поводу на общемъ собраніи братства. „Совѣтъ нашъ—говоритъ священникъ Кармановъ—заботится не только о спасеніи душъ вашихъ, но и горитъ желаніемъ согрѣть тѣло ваше, почему и составлено нами прошеніе въ Государственный Совѣтъ о надѣленіи васъ землей.—Почему же не въ Государственную Думу?—спрашиваютъ нѣкоторые братчики.—„По-боку ее!—вставляетъ кто-то".—„Прямо въ Государственный Совѣтъ,—продолжаетъ о. Кармановъ.—Прошу васъ, объявите всѣмъ земледѣльцамъ и землепашцамъ, чтобы они въ день Благовѣщенія приходили сюда и подписали прошеніе. Ходатайство, Богъ дастъ, намъ удовлетворятъ, и вы будете съ землею".

Тактика заманчивая, но довольно странная. Помнится, такихъ прямыхъ обѣщаній быстраго надѣленія землей не давали крестьянамъ даже крайнія лѣвыя партіи!.. Однако, правое саратовское духовенство пошло и дальше. Оно вышло на путь прямого противодѣйствія правительственной земельной политикѣ. Духовенству вдругъ пришла въ голову трезвая, практическая мысль: „А вѣдь если крестьяне, повиноуясь правительственному воздѣйствію, переселятся на хутора, то для православной церкви можетъ выйти потрясеніе. Крестьяне и теперь уже замѣтно охладѣваютъ къ богослуженію, все рѣже и неохотнѣе посѣщаютъ храмъ и все скупѣе оплачиваютъ трудъ духовенства. Что же будетъ, когда мужики разселятся на много верстъ отъ церквей по хуторамъ?" Духовенству уже нарисовалась перспектива зловѣщей пустоты храмовъ, представилось близкое оскудѣніе доходовъ и, по естественной логикѣ, назрѣла мысль: бороться съ вредной реформой. Ближайшій результатъ мѣстныя газеты сообщаютъ въ слѣдующей краткой замѣткѣ: „ночью на 23 марта въ типографіи „Союза печатнаго дѣла" полиціей конфисковано воззваніе отъ имени Православнаго Братства къ П. А. Столыпину по вопросу о землеустройствѣ и неудовлетворительности хуторского хозяйства. Воззваніе это Братство проектировало, собравъ подъ нимъ подписи, разослать въ уѣзды крестьянамъ. Конфискація произведена во время печатанія, при чемъ аре-

стованъ и оригиналъ воззванія, писанный рукою предсѣдателя Православнаго Братства, священника Карманова. Воззваній успѣли напечатать нѣсколько сотъ экземпляровъ".

Прямо можно подумать, что крайніе правые выходятъ на революціонный путь, съ противоправительственной агитаціей, за которой слѣдуютъ аресты, конфискація тайныхъ изданій и проч. Но, разумѣется, съ почвы комической перешагнуть на почву трагическую союзникамъ не суждено. Съ одной стороны, правительству достаточно примѣнить къ нимъ легчайшую репрессію — и они откажутся отъ всякихъ мечтаній и домогательствъ. Съ другой стороны, населеніе въ главной своей массѣ продолжаетъ относиться къ союзникамъ насмѣшливо и пренебрежительно. Наивными демагогическими пріемами, въ родѣ обѣщаній безплатной нарѣзки земли, довѣрія, конечно, не укрѣпишь. Кромѣ того, высшіе духовные руководители союзниковъ, какъ напримѣръ саратовскій епископъ Гермогенъ, своимъ самовластіемъ вызываютъ большое неудовольствіе среди населенія. Маленькой, но характерной иллюстраціей можетъ служить слѣдующая корреспонденція изъ г. Балашова, Саратовской губерніи: „Недавно епископъ Гермогенъ отдалъ распоряженіе о переводѣ священника села Козловки, о. Н. Бѣляева, служившаго здѣсь 17 лѣтъ, въ другой приходъ, въ Вольскій уѣздъ. Прихожане, пораженные этимъ, избрали депутацію для ходатайства объ отмѣнѣ распоряженія, но епископъ даже не принялъ сельскихъ уполномоченныхъ. Согласно постановленію схода, уполномоченные въ дополненіе къ телеграммамъ подали митрополиту Антонію прошеніе съ приговоромъ схода о воздѣйствіи на еп. Гермогена. На мѣсто о. Бѣляева назначенъ священникъ с. Свинухи, о. П. Космодемьянскій, хорошо извѣстный въ мѣстной печати, какъ организаторъ отдѣла союза русскаго народа. Выказалъ себя о. Космодемьянскій и на новомъ мѣстѣ. Собравшемуся сходу, обсуждавшему распоряженіе еп. Гермогена, онъ поторопился черезъ псаломщика заявить: „Разойдитесь, а не то будетъ вызвана полиція". — „Не попъ это, а полицейскій" — рѣшили крестьяне. Послѣ ухода о. Бѣляева козловцы согласились съ усиливающимися въ Балашовскомъ уѣздѣ баптистами: священники должны быть выбираемы самими прихожанами".

Такіе житейскіе случаи дѣйствуютъ на чувства населенія, конечно, сильнѣе проповѣдей и воззваній. Знаменательно, что православные крестьяне „согласились съ баптистами". Слухи о быстромъ ростѣ сектантства и старообрядчества давно уже идутъ изъ многихъ угловъ Россіи. Съ другой стороны, православное духовенство жалуется на охлажденіе паствы къ православной церкви и на отпаденіе многихъ прихожанъ отъ православія. Несомнѣнно, главная тому

причина—повсемѣстное недовольство населенія православнымъ духовенствомъ и вообще казенно-полицейскимъ духомъ господствующей церкви. А тутъ какъ-разъ по близости имѣются сектантство и старообрядчество, гдѣ есть и выборное духовенство, и власть прихода въ церковныхъ дѣлахъ, и вообще болѣе свободные и разумные порядки. Политиканство православнаго духовенства, отдающаго теперь жаръ души союзу русскаго народа, видимо, сыграетъ для православной церкви печальную роль.

Не крѣпнетъ союзъ русскаго народа и въ городахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже замѣчается его вымираніе. Такъ напримѣръ, изъ Царицына, гдѣ съ пламенной энергіей работаетъ для союза монахъ Иліодоръ, „Саратовскому Листку“ пишутъ: „Мѣстный отдѣлъ союза русскаго народа прекратилъ свое существованіе и, повидимому, навсегда. Среди большинства людей, ходившихъ на собранія союзниковъ отъ нечего дѣлать, послушать и посмѣяться надъ доморощенными ораторами, сразу создалось отрицательное отношеніе къ затѣямъ заправилъ, союзниковъ-„тысячниковъ“. Въ началѣ 1909-го года союзники еще собирались въ одномъ помѣщеніи, принадлежащемъ главному владѣльцу пароходовъ т-ва „Русь“, В. Ф. Лапшину. Весной и лѣтомъ союзники ни разу не собирались, а осенью окончательно выяснилось, что мѣстнаго отдѣла с. р. н. больше нѣтъ“.

Для характеристики отношенія къ союзу городской провинціальной публики хорошей иллюстраціей также можетъ быть забавный случай съ писательницей Вербицкой. Нынѣшней зимой въ Смоленскѣ на концертѣ ее неожиданно встрѣтили дружнымъ шиканьемъ и свистомъ. Писательница вынуждена была помѣстить въ мѣстной газетѣ слѣдующее письмо: „Въ числѣ публики, посѣтившей концертъ въ пользу студентовъ, въ которомъ и я принимала участіе, находились лица, нисколько не сомнѣвавшіяся, что я именно та А. Вербицкая, имя которой съ іюня мѣсяца такъ часто фигурировало въ процессѣ Юшкевича-Красковскаго. Позвольте чрезъ посредство вашей уважаемой газеты заявить, что между Анной Георгіевной Вербицкой (бывшимъ секретаремъ оффиціозной „Россіи“ и переводчицей „Новаго Времени“) и мною, Анастасіей Александровной Вербицкой, не только нѣтъ тождества, но и самаго отдаленнаго родства“.

Несомнѣнно, отношеніе всѣхъ классовъ россійскаго населенія къ дѣятелямъ союза русскаго народа дѣлается все опредѣленнѣе. Такъ оно и должно быть, потому что и дѣйствія союзниковъ ярки и опредѣленны. Въ этомъ отношеніи, можетъ-быть, союзникамъ выпала на долю немалая историческая роль: они взялись поддержать и защитить все старое, отжившее въ народно-государственномъ строѣ—но повели свою кампанію въ такомъ повышенно-каррикатурномъ тонѣ, что вы-

звали естественное, недвусмысленное отношеніе среди здоровыхъ слоевъ населенія и къ себѣ, и къ тому, что взялись они защищать. Въ этомъ смыслѣ, чѣмъ откровеннѣе, прямолинейнѣе и рѣзче дѣйствуетъ союзъ русскаго народа, тѣмъ лучше: полнѣе прикладывается къ населенію обратно-воспитательная сила союза. Можетъ-быть, когда-нибудь историкъ русской жизни безъ всякой улыбки напишетъ въ солидномъ трудѣ: „Пуришкевичъ и Дубровинъ, съ ихъ черными дружинами, содѣйствовали общественно-политическому воспитанію страны"...

Въ литературѣ и въ интеллигентномъ обществѣ, видимо, уже значительно упалъ острый и нездоровый интересъ къ „половой проблемѣ". Рѣже и осторожнѣе беллетристы подходятъ къ этой соблазнительной и скользкой темѣ, меньше лекцій по этому вопросу, меньше разговоровъ въ обществѣ. Но любопытно, что теперь проповѣдь попранія вѣковой морали въ области отношеній между полами дошла невѣдомыми зигзагами до народныхъ низинъ. Сотрудникъ „Саратовскаго Листка" зарисовалъ (къ сожалѣнію, слишкомъ бѣглыми чертами) новый типъ проповѣдника—„санинца", явившагося съ агитаціей къ саратовскимъ сектантамъ. „По праздникамъ—разсказываетъ сотрудникъ газеты, — сектанты собираются въ чайной. Тутъ — молокане, штундисты, баптисты, чистые раціоналисты и мистики, проповѣдующіе „человѣко-божество" и „бого-человѣчество". Здѣсь они бесѣдуютъ на религіозныя темы, узнаютъ новости, и здѣсь же совершаются сдѣлки. Въ „чистомъ" залѣ было уже полно народа. Обычнаго оживленія, однако, не было: всѣ съ нетерпѣніемъ ждали „новаго учителя". Около пяти часовъ учитель явился, сопровождаемый толпой мужчинъ и женщинъ. Сѣли за большой столъ. Остальные въ нѣсколько рядовъ расположились кольцомъ. Проповѣднику на видъ лѣтъ тридцать. Черный, съ усиками, виски ровно подстрижены. Одѣтъ въ суконную тужурку. Книгу разбираетъ съ трудомъ. „Стариковъ я бы попросилъ уходить—началъ онъ. — Ученіе мое — пиво новое, и не всякій его вмѣститъ. Потому и сказано: не вливайте молодое вино въ мѣхи старые, ибо просадится дыра, и добро прольется".—„Впередъ ты объясни: самъ-то изъ какихъ будешь?"—спрашиваютъ его.—„Я гласъ въ пустынѣ. Посланъ уготовать путь и открыть истину. Впереди меня приходилъ дорогой батюшка Іоаннъ Кронштадтскій, мой предтеча. Въ мірѣ бѣ, и міръ его не позна. Теперь же всяка тварь разумѣетъ и спознаетъ: азъ есмь истина, и жизнь, и свѣтъ... Истина скрыта ради начальства. Но я властямъ открылъ чудеса, и меня не трогаютъ. За мной, я знаю, вездѣ тайная полиція,—пусть! Въ Одессѣ вокругъ меня собрались всѣ консулы и слушали. И потомъ мнѣ дана власть снять

семь печатей съ истины писанія... Я камень и на мнѣ лежитъ основаніе церкви. Вы вотъ зовете меня Семенъ Петровымъ, а я не Семенъ, а Симеонъ Богопріимецъ. Куда я восхожу, вы не можете идти, но послѣ можете. Да. Ваша вѣра отъ плоти, а мое ученіе отъ духа. Сказано: что у міра мерзко, то угодно Богу. Подумайте. Отъ своего добра отрѣшитесь, а къ божескому прилѣпитесь. По вашему, примѣрно, въ субботу аль постомъ мерзко съ женой дѣла творить, а я вотъ открываю новый законъ: отъ этихъ дней и рождаются ангелы. Старики, знаю, проклянутъ меня: старые люди—это засохшіе пеньки. У нихъ все въ стволы ушло, т.-е. въ дѣтей. А вотъ то, что ушло въ нихъ и изъ чего выродились они, это и есть кивотъ. Я не для возстанія открываю, но для спасенія дѣтей вашихъ. Пришедшіе прежде меня пророки и учители испытали мучительную смерть, но вы отъ голубицы познайте смиреніе, отъ овцы простоту и отъ змія мудрость. Знаешь — помалчивай, видишь — не спрашивай, слышалъ—не сказывай... Зачѣмъ у васъ женщина называется мерзостью, когда она истинный сосудъ и сокровищница Моисеева? Помните, сказано: „Горы, покройте насъ, и холмы—одѣньте насъ". Холмы—это мужской полъ, а горы—женскій,—уразумѣли? Я прямо и говорю. Сказано: „блудницу поставлю выше васъ, съ блудницами и мытарями сяду за трапезу". Замѣчайте: у васъ блудница мерзость, а у Вышняго—дщерь угодная и агница духовная. Выходитъ теперь, она-то и есть кивотъ избранный"... „Учитель" разошелся и сталъ проповѣдывать такой цинизмъ, что слушать было поистинѣ мерзко. Всѣ событія евангельскія, притчи, откровенія, пророчества, молитвы и догматы — все это объяснялось въ самомъ грубомъ, плотскомъ смыслѣ. Когда проповѣдникъ, не стѣсняясь выраженіями, давалъ объясненія на предложенные ему вопросы, я обратилъ вниманіе на одного старика, съ лысымъ, пожелтѣвшимъ отъ лѣтъ черепомъ. Уставивъ круглыя очки на „учителя", онъ, казалось, готовъ былъ глазами испепелить его; полураскрытый ротъ что-то шамкалъ. Нѣчто подобное, видимо, испытывали и другіе слушатели. Уходя, я уносилъ впечатлѣніе тяжелаго кошмара, не зная, чему больше удивляться — дикости ли „ученія" или же выдержкѣ и способности сектантовъ удерживаться въ границахъ даже въ тѣ минуты, когда волосы дыбомъ встаютъ"...

Какъ извѣстно, у насъ существуютъ тайныя, малочисленныя секты, въ которыхъ религіозный экстазъ соединяется съ любострастіемъ. Отмѣченный проповѣдникъ, можно думать, представляетъ новый типъ, соединяющій психику этихъ сектъ съ уловленными отъ интеллигентныхъ верховъ клочками теорій, оправдывающихъ и освящающихъ половую распущенность. Проповѣдь подобныхъ „учителей", вѣроятно, не будетъ имѣть большого успѣха среди сектантскихъ круговъ, отли-

чающихся, въ общей массѣ, строгимъ и здоровымъ аскетизмомъ. Но нѣкоторую черту по народной психикѣ проповѣдь половой сверхъ-свободы можетъ провести. И въ этомъ смыслѣ отмѣченный въ Саратовѣ „учитель", мнѣ кажется, представляетъ не совсѣмъ случайное и ничтожное явленіе. Половой вопросъ во всей его серьезной глубинѣ и многогранности остается вѣковѣчнымъ вопросомъ. Но бываютъ кошмарныя обостренія этого вопроса, когда на общество или страну налетаетъ тлетворное, мутное, палящее навожденіе. Всякая нелѣпость въ подобное время возможна, всякая сумбурная, болѣзненно-взвинченная проповѣдь можетъ найти немалое количество послѣдователей. И тогда такія явленія поневолѣ нужно наблюдать, отмѣчать и изучать.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1910.

П. А. Столыпинъ о современномъ положеніи Россіи.—Задачи правительства и способъ ихъ исполненія.—Второе чтеніе законопроекта о мѣстномъ судѣ.—Вопросъ объ условномъ осужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ.—Своеобразные политическіе взгляды.—Печальное засѣданіе.—Московское юридическое общество.

Запросъ по поводу изданія правилъ 24-го августа, обсуждавшійся въ трехъ вечернихъ засѣданіяхъ Государственной Думы, все еще не получилъ окончательнаго рѣшенія. Нельзя не назвать странной систему, въ силу которой пренія точно раздробляются на нѣсколько актовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого значительными промежутками времени. Неужели нельзя было найти свободный вечеръ—и покончить съ несомнѣнно важнымъ дѣломъ до наступленія пасхальныхъ вакацій?

Центральнымъ пунктомъ преній была рѣчь П. А. Столыпина, произнесенная въ засѣданіи 31-го марта. Ея ждали тѣмъ нетерпѣливѣе, чѣмъ рѣже предсѣдатель совѣта министровъ выступалъ, въ послѣднее время, въ Государственной Думѣ. Никого она, по видимому, не удовлетворила и ничего окончательно не выяснила. Больше всего выдается въ ней то мѣсто, которое касается не столько правилъ 24-го августа, сколько общаго положенія страны и общей политики кабинета. Правительство—сказалъ П. А. Столыпинъ—„суровымъ обра-

зомъ реагировало и реагируетъ противъ революціи: поэтому для революціонеровъ и для лицъ, сочувствующихъ или сочувствовавшихъ имъ, настоящее правительство—реакціонное. Но точно такъ же извѣстно, что правительство приняло на себя задачу установить прочный правопорядокъ, проводя одновременно тѣ реформы, которыя были предуказаны съ высоты престола". Правительство упрекаютъ въ томъ, что оно „достигаетъ внѣшняго порядка способами противозаконными, безъ всякой надобности усиливаетъ репрессіи, старается затормозить всѣ реформы и свести на нѣтъ дѣятельность Думы". Въ этихъ упрекахъ есть „частица правды, заключающаяся въ томъ, что въ области управленія могутъ быть и бываютъ ошибки, злоупотребленія и превышенія власти. Правительство это искореняетъ и, смѣю васъ увѣрить, искоренитъ. Но изъ этихъ случаевъ съ большою легкостью дѣлается выводъ, что вся наша администрація беззаконна, и беззаконіе возведено правительствомъ въ систему". Возражая противъ этого вывода, предсѣдатель совѣта министровъ указалъ, что въ 1908 г. административной ссылкѣ подверглось болѣе 10 тысячъ, а въ 1909-мъ—менѣе 2 тысячъ человѣкъ; что обязательныя постановленія тамъ, гдѣ это возможно, ослабляются; что исключительное положеніе за послѣднее трехлѣтіе смягчено или отмѣнено въ 130 различныхъ мѣстностяхъ; что общеуголовные преступники предаются военному суду лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, съ примѣненіемъ смертной казни только какъ крайняго средства, ограждающаго потрясаемые устои государственности. „Я не могу не заявить"—продолжалъ П. А. Столыпинъ,—„что тамъ, гдѣ революціонная буря еще не затихла, тамъ, гдѣ еще съ бомбами врываются въ казначейства и въ поѣзда, тамъ правительство силою удерживаетъ и удержитъ порядокъ, не обращая вниманія на крики о реакціи. Но равнодѣйствующая жизни показываетъ, что Россія уже сошла съ мертвой точки, и я надѣюсь, что, по мѣрѣ отмиранія нашей смуты, и печать, и общество, и союзы, которые въ недавніе тяжкіе дни были еще зажигательными нитями для бенгальскихъ огней нашей революціи, постепенно будутъ вдвигаться въ нормы постояннаго закона".

Не новы всѣ эти доводы—и повтореніе не увеличиваетъ ихъ убѣдительность. Основной и непоправимый дефектъ аргументаціи П. А. Столыпина заключается въ томъ, что давно прекратившееся она предполагаетъ продолжающимся, а исключеніемъ считаетъ существующее въ видѣ общаго правила. Гдѣ бушуетъ теперь та „революціонная буря", наличностью которой оправдываются чрезвычайные способы поддержанія порядка? Неужели достаточно нѣсколькихъ отдѣльныхъ преступленій, чтобы отрицать возможность возвращенія къ „нормамъ постояннаго закона"? Возьмемъ хотя бы терскую область, въ которой

совершено недавно вооруженное нападеніе на казначейство: развѣ тамъ происходитъ *революціонное* броженіе? Развѣ можно считать революціонерами членовъ шайки, профессіональное разбойничество которыхъ едва ли имѣло и имѣетъ хоть что-либо общее съ политикой? И развѣ для того, чтобы предупреждать — или, какъ это было въ Кизлярѣ, *не* предупреждать — преступныя посягательства нѣсколькихъ лицъ, необходимо держать цѣлый край подъ гнетомъ полицейскаго произвола?... Вездѣ, гдѣ имѣются законы объ исключительномъ положеніи, они пускаются въ ходъ только лишь при крайней необходимости, въ немногихъ мѣстностяхъ, на короткое время. Только въ Россіи оказывается возможнымъ перерывъ въ дѣйствіи законныхъ нормъ, распространяющійся почти на все государство, длящійся цѣлые годы или цѣлыя десятилѣтія и не отмѣняемый—подъ предлогомъ случайныхъ, ничѣмъ не отвратимыхъ правонарушеній—даже при полнѣйшемъ спокойствіи общества и народа, при отсутствіи какихъ бы то ни было массовыхъ волненій и безпорядковъ. Что̀ сказали бы жители города, въ которомъ экстренныя мѣры, принятыя по случаю холерной эпидеміи, оставлялись бы въ силѣ много лѣтъ послѣ ея прекращенія, въ виду повторяющихся отъ времени до времени подозрительныхъ, сходныхъ съ холерными заболѣваній?... Чрезвычайная охрана, тяготѣющая надъ Петербургомъ (и петербургской губерніей!) уже четвертый годъ—это все равно что карантинъ, еще не снятый черезъ три года послѣ прекращенія чумы.

Но вѣдь экстраординарныя мѣры — увѣряетъ П. А. Столыпинъ— примѣняются теперь не такъ часто, не такъ интенсивно, какъ годъ или два тому назадъ, и злоупотребленія властью подвергаются тщательному „искорененію". Вырвутъ ли какое-нибудь зло „съ корнемъ" ревизіи, съ нѣкоторыхъ поръ слѣдующія одна за другою—это покажетъ время; во всякомъ случаѣ онѣ назначаются не въ той сферѣ, о которой говорилъ предсѣдатель совѣта министровъ, и направляются не противъ того безправія, отъ котораго стонутъ цѣлые города, цѣлыя губерніи. Рѣшительно ничего не дѣлается для обузданія тѣхъ должностныхъ лицъ, разнузданность которыхъ давно сдѣлалась „притчей во языцѣхъ". Увольненіе двухъ губернаторовъ, партійное усердіе которыхъ было ужъ черезчуръ „превозмогающимъ"—увольненіе, для одного изъ нихъ сопровождавшееся, притомъ, значительнымъ повышеніемъ по службѣ,—не можетъ считаться искупительною жертвой за однородные грѣхи многочисленныхъ ихъ коллегъ. Насколько, затѣмъ, запоздало „искореняющее" вмѣшательство высшей администраціи—объ этомъ можно судить по циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ, о которомъ мы говорили въ предъидущемъ обозрѣніи. Такая масса явно, безцеремонно противозаконныхъ обязательныхъ по-

становленій могла накопиться только при многолѣтнемъ, систематическомъ попустительствѣ начальства. Авгіевы конюшни не загрязняются въ нѣсколько дней—да и усиліе, сдѣланное, наконецъ, для ихъ очистки, отнюдь не можетъ быть названо геркулесовскимъ. Въ министерскомъ циркулярѣ запрещеніе перемѣшано съ поощреніемъ и что̀, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, окажется болѣе дѣйствительнымъ—это будетъ зависѣть отъ личныхъ свойствъ мѣстнаго властелина или отъ солидности находящихся въ его распоряженіи подпорокъ...

Уменьшается—говорятъ намъ—число административно высылаемыхъ. Но развѣ этимъ оправдывается сохраненіе въ силѣ такого „инструмента власти", какъ административная ссылка—инструмента, осужденнаго, на зарѣ реформъ, самыми опытными виртуозами полицейскаго искусства и забракованнаго ихъ преемниками, составителями законопроекта объ исключительномъ положеніи? И развѣ не колоссальна цифра двухъ тысячъ высланныхъ, относящаяся къ 1909-му году—году глубокой, почти невозмутимой тишины? Развѣ матеріальныя лишенія и бѣдствія, сопряженныя съ ссылкой, развѣ нравственная обида, причиняемая лежащимъ въ ея основаніи произволомъ, уменьшаются, для каждаго подвергшагося ей, сознаніемъ, что товарищей по бѣдѣ у него *только* двѣ тысячи, а не десять тысячъ?... Еще менѣе убѣдительно сказанное П. А. Столыпинымъ о смертныхъ казняхъ. Не говоря уже о несостоятельности взгляда на смертную казнь, какъ на охрану „устоевъ государственности", замѣтимъ, что возможно большее ограниченіе ея намѣчается только для „общеуголовныхъ преступниковъ", т.-е. для тѣхъ, къ которымъ она и безъ того примѣнялась сравнительно рѣдко, какъ бы по необходимости, чтобы не было слишкомъ большой разницы въ репрессіи убійствъ, въ зависимости отъ ихъ мотивовъ. Лучшимъ отвѣтомъ на слова П. А. Столыпина служитъ статистика смертныхъ казней за первые три мѣсяца 1910-го года [1]). Въ теченіе этого короткаго промежутка времени постановлено *сто шестьдесятъ* смертныхъ приговоровъ, исполнено—*семьдесятъ три*. Семьдесятъ три повѣшенныхъ (почти ежедневно по одному!)—въ успокоенной странѣ, въ странѣ, гдѣ цѣлые десятки лѣтъ вовсе не было случаевъ примѣненія смертной казни, гдѣ число казненныхъ было сравнительно невелико даже въ эпохи сильнаго развитія „крамолы" (конецъ семидесятыхъ и начало восьмидесятыхъ годовъ)! И нельзя сказать, чтобы ужасающія цифры непрерывно клонились къ пониженію: въ мартѣ смертныхъ приговоровъ постановлено почти втрое больше, чѣмъ въ февралѣ, и почти вчетверо больше,

---

[1]) См. „Рѣчь", № 90.

чѣмъ въ январѣ (99—37—24). До какой степени ничтожно устрашающее дѣйствіе казней—видно, между прочимъ, изъ того, что особенно много смертныхъ приговоровъ по прежнему постановляется именно въ томъ городѣ, гдѣ ихъ исполнено всего больше: въ Екатеринославѣ.

„По мѣрѣ отмиранія смуты“ все, по словамъ П. А. Столыпина, „будетъ вдвигаться въ нормы постояннаго закона“. Но гдѣ же доказательства тому, что смута еще не „отмерла“? Въ экспропріаціяхъ или попыткахъ экспропріаціи, спорадически повторяющихся то здѣсь, то тамъ? Но ихъ давно уже очень мало, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что онѣ связаны съ какимъ-нибудь общимъ планомъ, съ какими-нибудь политическими замыслами. Отъ грабежей и разбоевъ не обезпечено ни одно государство, и если у насъ они встрѣчаются особенно часто, то это объясняется не „смутой“, а несовершенствомъ административнаго механизма и личнаго состава полицейскихъ чиновъ. Или, можетъ быть, проявленіемъ „смуты“ служитъ то „недовольство“, наличность котораго призналъ, въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи, предсѣдатель совѣта министровъ? Но вѣдь это недовольство, имѣющее глубокіе корни и болѣе чѣмъ достаточныя причины, не можетъ быть подавлено репрессіями; на оборотъ, оно возбуждается и поддерживается ими. Не исчезнетъ оно и тогда, когда все вдвинется, наконецъ, въ „нормы постояннаго закона“; не исчезнетъ какъ потому, что останутся цѣлыя группы „униженныхъ и оскорбленныхъ“, такъ и потому, что недовольство—неизбѣжный и существенно важный факторъ сколько-нибудь свободной политической жизни. И почему „нормы постояннаго закона“ могутъ быть возстановляемы не иначе, какъ *постепенно*? Развѣ онѣ, въ особенности у насъ, такъ широки, что ихъ неприкосновенность исключаетъ возможность „охранительной“ дѣятельности государственной власти? Развѣ законность—синонимъ анархіи и безначалія? Почему у нашихъ западныхъ сосѣдей—напримѣръ, въ Прагѣ,—оказывается возможнымъ непосредственный переходъ отъ исключительнаго положенія къ обычному порядку, а у насъ признаются необходимыми какія-то нигдѣ не предусмотрѣнныя промежуточныя ступени? И развѣ можно сомнѣваться въ томъ, что при нашихъ административныхъ нравахъ и привычкахъ эти ступени сразу стали бы поразительно схожими съ только что отмѣненной „охраной“?

Предсѣдатель совѣта министровъ предполагаетъ „извѣстнымъ“, что правительство приняло на себя задачу установить прочный правопорядокъ и провести всѣ необходимыя для того реформы. Извѣстны, безъ сомнѣнія, *заявленія* правительства въ этомъ смыслѣ; но нельзя сказать того же самаго о *дѣйствіяхъ*, клонящихся къ исполненію

поставленной задачи. Что сдѣлано, напримѣръ для осуществленія земской реформы, возвѣщенной указомъ 12-го декабря 1904-го года? Она до сихъ поръ не вышла изъ чистилища, именуемаго усиленнымъ составомъ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Сколько препятствій и задержекъ встрѣтили на своемъ пути вѣроисповѣдные законопроекты! Какъ жалки результаты, достигнутые до сихъ поръ пересмотромъ рабочаго законодательства! Довольно широкимъ размахомъ отличался законопроектъ о мѣстномъ судѣ, на сколько онъ былъ направленъ противъ дѣйствующаго, совершенно невозможнаго порядка (т.-е. противъ сословнаго крестьянскаго суда и противъ судебной власти земскихъ начальниковъ); но какъ далека не только отъ идеала, но даже отъ образца, завѣщаннаго прошлымъ, его положительная, конструктивная часть — и какъ упорно поддерживались министерствомъ худшія его стороны! Очень много характернаго, съ этой точки зрѣнія, прдставляютъ засѣданія Государственной Думы 27-го, 29-го и 30-го марта. При первомъ чтеніи законопроекта большинство Думы, согласившись, въ принципѣ, на предложенное министромъ юстиціи назначеніе предсѣдателя мирового съѣзда, допустило изъятія только для тѣхъ мѣстностей, гдѣ и теперь существуетъ выборный мировой судъ—т.-е. для нѣсколькихъ большихъ городовъ и для области войска донского. При второмъ чтеніи деп. Ломоносовъ (октябристъ) внесъ поправку, обращавшую исключеніе въ общее правило. Мотивируя свое предложеніе, онъ указалъ, между прочимъ, на полную ошибочность данныхъ, которыми министръ юстиціи пытался доказать нецѣлесообразность выбора предсѣдателей. При дѣйствіи порядка, созданнаго судебными уставами, 70% изъ числа выборныхъ предсѣдателей были, по словамъ министра, привлечены къ судебной или дисциплинарной отвѣтственности. Деп. Ломоносовъ противопоставилъ этому утвержденію слѣдующія цифры, оставшіяся неопровергнутыми. Выборныхъ предсѣдателей до 1889 г. было 362, назначенныхъ (въ неземскихъ губерніяхъ) — 79. Изъ числа первыхъ привлечено было къ отвѣтственности 66 (18%), изъ числа послѣднихъ—30 (38%). Выводъ, такимъ образомъ, получается очень яркій—и прямо противоположный тому, къ которому пришелъ министръ...

Въ ошибку иного рода впалъ, въ засѣданіи 27-го марта, товарищъ министра юстиціи. Въ послѣднее время, по его словамъ, въ области войска донского привлечено къ суду и слѣдствію 13 мировыхъ судей (т.-е. почти одна пятая всего наличнаго состава), за служебныя растраты, подлоги, бездѣйствіе власти и т. д. Что же мы видимъ изъ рѣчи деп. Захарова? Привлечены къ отвѣтственности дѣйствительно 13 судей, но изъ нихъ восемь (по первому донскому округу)—только за то, что, зная о произведенной ихъ товарищемъ растратѣ, не приняли мѣръ къ

возбужденію противъ него уголовнаго преслѣдованія. Конечно, они поступили неправильно—но вѣдь это, собственно говоря, *одинъ* случай, изъ котораго никакихъ обобщающихъ заключеній выводить нельзя; а помимо него судей, привлеченныхъ къ отвѣтственности, остается только *пять*! Тотъ же депутатъ удостовѣрилъ, что съ 1894 по 1908 г. въ области войска донского не было *ни одного* случая привлеченія предсѣдателя мирового съѣзда къ судебной отвѣтственности, а случаевъ наложенія взысканія въ дисциплинарномъ порядкѣ было только два... Беззаботность, съ которою представителями министерства собирались и предлагались Думѣ фактическія справки, не могла не подорвать вѣру и въ болѣе общія положенія, которыми они пытались обосновать свои требованія. „Избранные предсѣдатели"—читаемъ мы, напримѣръ, въ рѣчи товарища министра юстиціи—„стремятся разрѣшать дѣла по домашнему, все оставлять шитымъ и крытымъ. Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ предсѣдатели не имѣютъ даже высшаго юридическаго образованія, такъ какъ существуетъ стремленіе выбирать не лучшаго судью, а наиболѣе покладистаго человѣка". Попытка угадать побужденія, руководящія мировыми судьями при выборѣ предсѣдателя съѣзда, кажется намъ не только недопустимой, какъ всякое „чтеніе въ сердцахъ", но и неудачной по существу. Неужели мировой судья, много лѣтъ занимающій эту должность, неустанно работающій, строгій и къ себѣ, и къ другимъ, умѣло руководящій засѣданіями, пользующійся общимъ уваженіемъ и въ кругу товарищей, и въ болѣе широкихъ сферахъ, неспособенъ съ честью занять предсѣдательское мѣсто только потому, что не сидѣлъ, въ свое время, на скамьяхъ аудиторіи юридическаго факультета? Неужели позволительно предполагать, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, что выборомъ въ предсѣдатели онъ обязанъ только своей „покладистости", готовности смотрѣть сквозь пальцы на злоупотребленія или бездѣйствіе своихъ коллегъ?... Неудивительно, что результатъ преній оказался неблагопріятнымъ для министерства юстиціи: за избраніе предсѣдателей подано 154 голоса, за назначеніе—только 127. Это—значительная перемѣна къ лучшему: назначенный предсѣдатель, особенно при господствующихъ теперь теченіяхъ, слишкомъ легко могъ бы оказаться клиномъ, вбитымъ въ живое тѣло выборнаго мирового суда.

Менѣе полнымъ, но все же чувствительнымъ пораженіемъ министерства юстиціи окончились и пренія о цензѣ мировыхъ судей. При первомъ чтеніи требованіе имущественнаго ценза было совершенно исключено изъ проекта, искусственно составившимся большинствомъ: правые, по собственному ихъ заявленію, голосовали противъ ценза только для того, чтобы для Государственнаго Совѣта стало невозможнымъ принятіе ненавистнаго имъ проекта. Той же тактики они держа-

лись, судя по рѣчи деп. Замысловскаго, и на этотъ разъ. По совершенно противоположнымъ основаніямъ, оставаясь вѣрною своимъ принципамъ, голосовала противъ ценза и оппозиція. Большинствомъ 168 голосовъ противъ 124 принята, однако, средняя мѣра, предложенная деп. Скоропадскимъ (октябристомъ): цензъ пониженъ на половину, и отъ него совершенно освобождены лица, получившія высшее юридическое образованіе. И противъ того, и противъ другого усиленно возставалъ, во время преній, товарищъ министра юстиціи, допуская выборъ юристовъ, не имѣющихъ ценза, только подъ условіемъ *единогласія* избирателей—условіемъ, фактически, какъ показалъ опытъ, почти неосуществимымъ. Необходимость сравнительно высокаго ценза представитель министерства юстиціи доказывалъ тѣмъ, что кандидаты на должность мирового судьи должны быть извѣстны земству какъ принимавшіе участіе въ земской жизни—а это возможно лишь при обладаніи полнымъ земельнымъ цензомъ. Но развѣ всѣ землевладѣльцы, удовлетворяющіе этому требованію, аккуратно посѣщаютъ избирательныя собранія? И развѣ не могутъ участвовать въ этихъ собраніяхъ, по уполномочію отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, лица, не имѣющія полнаго ценза? Достаточно ли, притомъ, одной явки на выборы, чтобы ознакомить съ собою земство? Если стать на точку зрѣнія товарища министра, то придется признать, что владѣлецъ, положимъ, двухсотъ десятинъ, никогда не являвшійся на выборы, рѣдко пріѣзжавшій въ свою усадьбу, все время работавшій на другомъ концѣ Россіи, ближе извѣстенъ избирателямъ, чѣмъ владѣлецъ ста десятинъ, вся жизнь котораго прошла и проходитъ на глазахъ его родной мѣстности, въ тѣсномъ общеніи съ ея жителями?... Мы глубоко убѣждены, что земельный цензъ, какой бы онъ ни былъ, для мирового судьи вовсе не нуженъ, что никакой гарантіи ни въ какомъ отношеніи онъ не представляетъ; но ужъ если безъ него не признается возможнымъ обойтись, то, конечно, чѣмъ онъ ниже, тѣмъ менѣе онъ вреденъ. Интересно будетъ узнать, какую позицію займетъ министерство при обсужденіи даннаго вопроса въ Государственномъ Совѣтѣ и какъ отнесется къ нему сама верхняя палата? Оправдаются ли надежды, возлагаемыя на нее думскою крайней правой? Съ большою вѣроятностью можно сказать уже теперь, что провести черезъ всѣ инстанціи законъ о выборномъ мѣстномъ судѣ, даже въ томъ далеко несовершенномъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ Думы, удастся только при активной, энергичной и искренней его поддержкѣ со стороны правительства. Будетъ ли оказана ему такая поддержка—сказать, въ виду всего происходившаго въ засѣданіи 27-го марта, весьма трудно.

Не всегда, впрочемъ, Государственный Совѣтъ соглашается слѣдовать по пути, указываемому правительствомъ, если этотъ путь ве-

детъ не назадъ, а впередъ, если на очереди стоитъ хоть скромная, но прогрессивная реформа. Это показала недавно судьба законопроекта объ условномъ осужденіи. Онъ былъ составленъ и внесенъ въ законодательныя учрежденія министромъ юстиціи, поддерживавшимъ его и въ Думѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ—и всетаки отклоненъ въ послѣднемъ значительнымъ большинствомъ. Надолго, такимъ образомъ, отложено введеніе у насъ порядка, справедливость и цѣлесообразность котораго не возбуждаетъ никакихъ серьезныхъ сомнѣній. Поразительно слабы, въ самомъ дѣлѣ, аргументы, пущенные въ ходъ его противниками. „Опрашивались судебные дѣятели"—воскликнулъ, напримѣръ, одинъ изъ возражавшихъ на рѣчь министра юстиціи,—„но не опрашивались потерпѣвшіе, а они навѣрно высказались бы противъ условнаго осужденія". Не думаемъ, чтобы гдѣ-либо и когда-либо судьба законопроекта ставилась въ зависимость отъ отзыва лицъ, совершенно—за рѣдкими, случайными исключеніями—незнакомыхъ съ спорнымъ вопросомъ и разсматривающихъ его лишь подъ гнетомъ чувства личной обиды. „Говорятъ о развращающемъ вліяніи тюремъ"—замѣтилъ тотъ же ораторъ;—„но тогда слѣдуетъ эти условія измѣнить, а не освобождать преступника отъ наказанія". Итакъ, условія, создавшіяся годами и зависящія, отчасти, отъ неизбѣжныхъ особенностей тюремнаго режима, можно измѣнить къ лучшему въ каждый данный моментъ—даже въ такой ненормальный, какой переживаютъ теперь наши мѣста заключенія? Наивность можетъ быть симпатичной въ ребенкѣ, но отнюдь нежелательна въ законодателѣ... Другой членъ Госуд. Совѣта выразилъ мысль, что, въ случаѣ введенія условнаго осужденія, въ народѣ распространится крайне вредная мысль о безнаказанности преступленія, совершаемаго въ первый разъ. Кому-нибудь такая мысль, пожалуй, можетъ придти въ голову, но практика, ясно свидѣтельствующая о противномъ, очень скоро не оставитъ для нея мѣста. И развѣ возможность недоразумѣній и перетолкованій—достаточный аргументъ противъ разумной и полезной мѣры?.. Нѣсколько болѣе серьезна, но только по видимому, аргументація, основанная на несвоевременности преобразованія. „Мы не должны забывать"—сказалъ извѣстный криминалистъ, отъ котораго, судя по раньше высказаннымъ имъ взглядамъ, можно было ожидать совсѣмъ иного отношенія къ реформѣ,—„мы не должны забывать наше недавнее прошлое, догорающее пожарище. Оно дѣйствительно догораетъ и непригодно для новыхъ построекъ, которыя, притомъ, предположено сдѣлать изъ легко воспламеняющагося матеріала". Не знаемъ, почему условно осуждаемые — т.-е. лица, въ которыхъ судъ усматриваетъ правонарушителей случайныхъ или неопасныхъ,—кажутся оратору особенно легко воспламенимыми. Съ другой стороны, если почва, на

которой строится зданіе реформъ, дѣйствительно представляетъ собою пожарище, то вѣдь логично отказаться, на неопредѣленное время, не отъ одного только условнаго осужденія, а и отъ многаго другого—что едва-ли входитъ въ намѣренія оратора... Съ точки зрѣнія докладчика главнымъ препятствіемъ къ введенію условнаго осужденія является переходное время, переживаемое теперь нашими судами. Это время, однако, близится къ концу; осуществленіе новой—или, лучше сказать, возстановленіе старой—формы мѣстнаго суда зависитъ, главнымъ образомъ, отъ Государственнаго Совѣта. Ничто не мѣшало, наконецъ, внести въ законопроектъ объ условномъ осужденіи поправку, въ силу которой введеніе его въ дѣйствіе было бы отложено до открытія мировыхъ учрежденій. Кругъ дѣйствій, отводимый этимъ учрежденіямъ, такъ широкъ, полномочія, предоставляемыя имъ, такъ велики, что для насъ непонятенъ страхъ, внушаемый мыслью о дарованіи имъ права условнаго осужденія. Неужели присужденіе къ долгосрочному лишенію свободы—дѣло менѣе серьезное, чѣмъ условная отсрочка въ исполненіи наказанія? Неужели опасно довѣрить вторую изъ этихъ функцій суду, на который безъ всякихъ сомнѣній и колебаній возлагается первая?

Возвращаясь къ преніямъ Думы о мѣстномъ судѣ, напомнимъ, что они принесли съ собою еще рядъ пораженій для министра юстиціи. Не смотря на его возраженія, оставлено въ силѣ принятое при первомъ чтеніи правило, разрѣшающее сторонамъ, не умѣющимъ говорить по-русски, представлять суду объясненія на своемъ родномъ языкѣ; не смотря на его возраженія, принята новая поправка деп. Мацѣевича, предоставляющая каждому присягать на своемъ родномъ языкѣ, а при отсутствіи духовнаго лица соотвѣтствующаго вѣроисповѣданія—давать показанія безъ присяги. Не прошло, наконецъ, и предложеніе министра возстановить отвергнутое при первомъ чтеніи правило о томъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ разрѣшаетъ руководствоваться мѣстными обычаями, судъ примѣнялъ ихъ и безъ ссылки на нихъ сторонъ, принимая мѣры къ установленію обычаевъ, ему неизвѣстныхъ. Объ этой послѣдней неудачѣ министра мы искренно сожалѣемъ; онъ былъ, по нашему мнѣнію, совершенно правъ, стараясь расширить область примѣненія обычая. Требовать отъ сторонъ, въ мѣстномъ судѣ сплошь и рядомъ безграмотныхъ и плохо отстаивающихъ свои права и интересы, прямой ссылки на обычай—значитъ, во многихъ случаяхъ, закрыть доступъ къ источнику, изъ котораго можно было бы почерпнуть матеріалъ для наиболѣе справедливаго рѣшенія дѣла. Возражая министру и его единомышленникамъ, докладчикъ судебной коммиссіи, деп. Шубинскій, замѣтилъ, что „тенденціей коммиссіи была борьба съ обычаемъ, ограниченіе

обычая, ибо отъ обычая недалеко до произвола и до отрицанія закона". Эта тенденція, которую г. Шубинскій считаетъ заслугой коммиссіи, кажется намъ, на оборотъ, большой ея ошибкой. Одно изъ двухъ: или обычай долженъ быть вовсе исключенъ изъ сферы дѣйствія суда—или раскрытіе его, въ допускаемыхъ закономъ предѣлахъ, должно быть по возможности облегчено для тяжущихся. Сохранять за обычаемъ значеніе источника права, и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣренно затруднять пользованіе имъ—значитъ впадать въ явное противорѣчіе, въ которое судебная коммиссія и вовлекла большинство Государственной Думы, потерявшей, очевидно, всякую вѣру въ авторитетъ министра юстиціи.

Меньше всего пренія о правилахъ 24 августа выяснили тотъ вопросъ, которымъ они, собственно говоря, были вызваны: вопросъ о закономѣрности или незакономѣрности толкованія, даннаго, въ порядкѣ верховнаго управленія, ст. 96-ой основн. законовъ. Предсѣдатель совѣта министровъ старался не столько дать отвѣтъ на главную суть спора, сколько смягчить его остроту; онъ утверждалъ, что никакого новаго разграниченія правъ правительства и народнаго представительства установлено не было, такъ какъ и самый вопросъ о томъ возбужденъ не былъ. Фактическая неточность этого утвержденія не подлежитъ никакому сомнѣнію: вопросъ возбужденъ былъ, и въ очень рѣшительной формѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить пренія, происходившія въ Государственномъ Совѣтѣ при вторичномъ разсмотрѣніи штатовъ морского генеральнаго штаба. Правда, въ журналѣ совѣта министровъ, прочитанномъ П. А. Столыпинымъ съ думской трибуны, идетъ рѣчь о необходимости оставаться въ предѣлахъ основныхъ законовъ, о неприкосновенности установленнаго послѣдними отношенія общаго законодательства къ спеціально-военнымъ постановленіямъ; но все это—не болѣе какъ масло, пролитое на волнующееся море. Чтобы сильнѣе повліять на своихъ слушателей, предсѣдатель совѣта министровъ апеллировалъ къ патріотизму Государственной Думы: онъ приглашалъ ее „съ силой отбросить запросъ", показавъ тѣмъ самымъ, что въ дѣлѣ защиты Россіи всѣ должны „соединить, согласовать свои усилія въ поддержаніи одного историческаго права—права Россіи быть сильной". Само собою разумѣется, что никакого ущерба этому праву направленіе штатовъ военнаго вѣдомства въ общемъ законодательномъ порядкѣ причинить бы не могло; не даромъ же за него такъ долго стояло объединенное министерство. Конфликтъ произошелъ не на той почвѣ, къ которой старался пріурочить его П. А. Столыпинъ; но политикѣ успокоенія нужно было вынуть изъ него конституціонное жало—и этимъ объяс-

няется заключительная часть рѣчи перваго министра. Цѣль, къ которой онъ стремился, осталась недостигнутою: въ слѣдующемъ засѣданіи, посвященномъ запросу, конституціонный вопросъ былъ вновь выдвинутъ на авансцену—и раньше окончанія преній правительству придется, быть можетъ, дать на него отвѣтъ хоть сколько-нибудь опредѣленный.

Принципіальную защиту правилъ 24-го августа взяли на себя, въ засѣданіи 7-го апрѣля, депутаты Львовъ 2-ой (послѣ произнесенія своей рѣчи вышедшій изъ союза 17-го октября) и Вязигинъ (крайній правый). Доводы г. Львова мало чѣмъ отличаются отъ тѣхъ, съ которыми неоднократно выступалъ передъ Думой деп. Марковъ 2-ой: облеченные въ болѣе мягкую и благовидную форму, они приводятъ къ тѣмъ же окончательнымъ заключеніямъ. „Говорить о раздѣленіи законодательной власти у насъ не приходится... Единство, недѣлимость и полнота власти по нашимъ основнымъ законамъ покоятся въ одномъ источникѣ — въ монархѣ, а представительнымъ учрежденіямъ предоставлено право осуществлять законодательную власть... Самодержавіе разумѣетъ единство, недѣлимость и полноту власти... Абсолютисты говорятъ, что самодержавная власть ограничивать себя не можетъ; мы, стоя на почвѣ основныхъ законовъ, говоримъ, что власть самодержавная можетъ себя ограничивать. Но о существѣ самодержавія у насъ спора быть не можетъ: мы съ абсолютистами держимся одной основы, и эта основа есть монархическая... Право толкованія основныхъ законовъ принадлежитъ тому, кто издалъ эти законы, отъ кого всякій законъ, всякая власть получаетъ свою силу“. Таковы основныя положенія г. Львова, допускающаго, повидимому, только три образа правленія: монархическій, демократическій и парламентскій—въ зависимости отъ того, гдѣ покоится источникъ власти: въ монархѣ, въ народѣ или въ парламентѣ. А куда же дѣвался образъ правленія конституціонно-монархическій? Куда отнести, напримѣръ, образъ правленія, существующій въ германской имперіи или въ королевствѣ прусскомъ? Ни демократическимъ, ни парламентскимъ его назвать нельзя: значитъ, императоръ-король—такой же монархъ, какъ его отдаленные предшественники на прусскомъ престолѣ? Значитъ—вѣрно опредѣляетъ его власть депутатъ Ольденбургъ, признающій за нимъ право разогнать рейхстагъ черезъ посредство одного поручика и десяти рядовыхъ?... Къ чему ведетъ ученіе, проповѣдуемое г. Львовымъ — это показываетъ лучше всего констатируемая имъ самимъ близость его къ абсолютистамъ. На самомъ дѣлѣ она еще больше, чѣмъ кажется г. Львову. Суть нынѣшняго русскаго абсолютизма заключается въ признаніи за монархомъ права уничтожить, по собственному усмотрѣнію, всѣ торжественные акты, измѣнившіе, за послѣднее время, государственный

строй Россіи. Но вѣдь этого права не отрицаетъ и г. Львовъ, не только сосредоточивающій въ рукахъ монарха, одного монарха толкованіе основныхъ законовъ, но и подчеркивающій, со всей доступной для него силой, *полноту* самодержавія. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что разногласіе между г. Львовымъ и абсолютистами касается не предѣловъ власти монарха, а способа пользованія ею: абсолютисты желали бы, чтобы она немедленно была пущена въ ходъ для возврата къ излюбленной ими старинѣ, а г. Львовъ не видитъ, въ настоящую минуту, достаточныхъ къ тому фактическихъ основаній. Нетрудно понять, какъ невелика, въ сущности, разница между обоими мнѣніями, и какъ легко построить мостикъ, ведущій отъ сравнительно умѣренной позиціи къ болѣе крайней (но отнюдь не обратно). Понятно, что правая сторона Думы неоднократно привѣтствовала рѣчь г. Львова рукоплесканіями и криками: браво.

Другой ораторъ, г. Вязигинъ, старался обновить аргументацію своей партіи разсужденіемъ a contrario: если нашими основными законами, совершенно не знающими терминовъ *конституція*, *конституціонный строй*, не установлено ни одной изъ обычныхъ конституціонныхъ гарантій, то, значитъ, въ Россіи одинаково отсутствуютъ какъ имя, такъ и понятіе, и верховная власть остается въ Россіи неограниченной по своей природѣ. Въ нашихъ законахъ не говорится ни о правѣ сопротивленія и возстанія, ни о правѣ суда объявлять недѣйствительными противуконституціонные законы, ни объ отвѣтственности министерства передъ народнымъ представительствомъ, ни о спеціальномъ значеніи скрѣпы государственныхъ актовъ, ни о присягѣ монарха и должностныхъ лицъ на вѣрность конституціи; а законы, изданные верховною властью въ промежутокъ времени между манифестомъ 17-го октября и открытіемъ первой Думы, и еще больше—манифестъ 3-го іюня 1907-го года, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что учредительная власть всецѣло осталась за монархомъ. О томъ, что представляетъ собою манифестъ 3-го іюня, мы говорили много разъ и къ этой темѣ возвращаться не будемъ. На всѣ остальные доводы г. Вязигина можно отвѣтить въ двухъ словахъ: конституція—одно, конституціонныя гарантіи—другое. Недостаточностью послѣднихъ нельзя доказывать отсутствіе первой. Конституція, если не по имени, то на самомъ дѣлѣ, имѣется на лицо, какъ только юридически ограничена власть монарха: а что у насъ въ Россіи, послѣ 17-го октября, она должна считаться ограниченною—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, въ виду ст. 7, 11 и 86 основн. законовъ. Не даромъ же изъ прежней ихъ редакціи не перешелъ въ новую эпитетъ: *неограниченный*, переставшій соотвѣтствовать дѣйствительности. Замѣтимъ, въ добавокъ, что въ списокъ конституціонныхъ

гарантій, составленный г. Вязигинымъ, вошли такія, которыхъ напрасно было бы искать въ текстѣ весьма и весьма многихъ, никѣмъ не оспариваемыхъ конституціонныхъ хартій: сопротивленіе и возстаніе нигдѣ теперь не возводятся въ настоящее время на степень права, повѣрка судомъ конституціонности вновь издаваемыхъ законовъ составляетъ особенность сѣверо-американской конституціи, присяга монарха на вѣрность конституціи требуется не во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ (она не установлена, напримѣръ, конституціями испанской и португальской). Отвѣтственность министровъ передъ народнымъ представительствомъ существуетъ только тамъ, гдѣ господствуетъ парламентаризмъ. Скрѣпа, требуемая ст. 24 основн. зак., несомнѣнно возлагаетъ на министра отвѣтственность за закономѣрность скрѣпляемаго имъ акта; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сопоставить ст. 24-ую съ ст. 11-ою, на основаніи которой указы, издаваемые въ порядкѣ верховнаго управленія, должны находиться въ соотвѣтствіи съ законами... Болѣе или менѣе оригинальнымъ въ рѣчи деп. Вязигина можно назвать только слѣдующее мѣсто: „намъ предстоитъ борьба за свободу русскаго царя, которая является носителемъ и хранителемъ свободы великаго русскаго народа. Наша исторія показала намъ ясно и отчетливо, что только при свободномъ царѣ можетъ быть свободенъ и русскій народъ". Если, съ точки зрѣнія г. Вязигина, свобода царя—синонимъ его самодержавной и неограниченной власти, то свободными у насъ были всѣ цари или, по меньшей мѣрѣ, всѣ императоры; но когда же, въ теченіе трехъ или четырехъ послѣднихъ столѣтій, былъ свободенъ русскій народъ?

Къ числу печальныхъ страницъ, которыми такъ богата исторія третьей Государственной Думы, присоединилась еще одна. Въ засѣданіи 22-го марта, при обсужденіи смѣты военно-медицинскаго управленія, коммиссія государственной обороны, господствующую роль въ которой играютъ, какъ извѣстно, октябристы, предложила выразить пожеланіе, чтобы въ студенты военно-медицинской академіи вовсе не допускались лица іудейскаго исповѣданія. Деп. Марковъ 2-ой пошелъ еще дальше и предложилъ закрыть евреямъ доступъ не только въ военно-медицинскую академію, но и въ военно-фельдшерскія школы. Подъ именемъ евреевъ онъ понималъ, судя по его рѣчи, всѣхъ „іудеевъ по крови", хотя бы они не принадлежали къ іудейскому вѣроисповѣданію. И за формулу, предложенную г. Марковымъ, голосовали *сто пять* депутатовъ (противъ 140), между прочимъ — такіе столпы союза 17-го октября, какъ г. Родзянко и гр. Беннигсенъ! Что касается до формулы, предложенной коммиссіей государственной

обороны), то первоначально за нее было подано только 97 голосовъ (противъ 115), но при повѣркѣ голосованія посредствомъ выхода въ двери она оказалась принятою 144 голосами противъ 116. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какимъ образомъ могло получиться такое громадное различіе въ числѣ голосующихъ, внезапно возросшемъ съ 212 до 260, отмѣтимъ только, что сторонниками формулы, проникнутой нетерпимостью и узкимъ націонализмомъ, оказались, очевидно, очень многіе октябристы. Голосъ деп. Капустина, горячо возражавшаго противъ ничѣмъ не вызванной „обиды цѣлому племени", прозвучалъ безслѣдно, и значительная часть центра пошла, вмѣстѣ съ деп. Савичемъ (новымъ предсѣдателемъ коммиссіи государственной обороны, по стопамъ гг. Пуришкевича и Маркова 2-го. Въ печати появился слухъ о намѣреніи крайнихъ правыхъ внести законопроектъ, подчиняющій евреевъ—въ полномъ согласіи съ пожеланіями недавняго дворянскаго съѣзда — цѣлому ряду новыхъ, весьма существенныхъ правоограниченій. Быть можетъ, и онъ найдетъ благосклонную поддержку среди гг. октябристовъ?.. Для полноты картины слѣдуетъ упомянуть, что въ томъ же засѣданіи, при обсужденіи смѣты военно-суднаго управленія, Дума удѣлила вопросу о смертныхъ казняхъ минимумъ вниманія, очевидно—вынужденнаго: выслушавъ деп. Бабянскаго (к. д.), она ограничила продолжительность рѣчей десятью минутами, а послѣ рѣчи деп. Покровскаго (с. д.) постановила вовсе прекратить пренія. Возражать представителямъ оппозиціи большинство нашло, очевидно, излишнимъ; стоило ли останавливаться на мелочахъ, послѣ того какъ было употреблено столько времени на выслушаніе антисемитскихъ декламацій?...

Послѣ перерыва, продолжавшагося болѣе десяти лѣтъ, въ Москвѣ вновь открыто юридическое общество. Изглажена, такимъ образомъ, одна изъ безчисленныхъ несправедливостей, такъ легко совершавшихся при старомъ режимѣ. Въ свое время мы говорили подробно о ближайшей причинѣ закрытія общества [1]): мы указали, что адресъ, прочитанный, отъ имени общества, предсѣдателемъ его С. А. Муромцевымъ — во время московскихъ пушкинскихъ празднествъ 1899-го года—ни въ какомъ случаѣ не могъ и не долженъ былъ служить поводомъ къ экстраординарной репрессивной мѣрѣ. Теперь въ этомъ можно убѣдиться наглядно, прочитавъ текстъ адреса, напечатанный въ новой книгѣ С. А. Муромцева („Статьи и рѣчи", выпускъ 1-ый).

---

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1899 г., № 9, „Общественная хроника".

Привѣтствуемъ возродившееся общество, въ полномъ убѣжденіи, что оно будетъ продолжать, съ тѣмъ же блескомъ и тою же пользой, работу своего предшественника.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Небольшой сборникъ стихотвореній Виктора Гофмана: „Искусъ" заслуживаетъ вниманія любителей настоящей поэзіи. Форма у Гофмана не всегда стоитъ на высотѣ, къ которой мы теперь привыкли. Музыка его стиха сплошь и кряду подсказана корифеями современной литературы, чаще всего—Бальмонтомъ. Возьмите, напримѣръ, такую строфу:

Пусть теменъ берегъ, пусть онъ отвѣсенъ,
Пусть жутко-черенъ прибрежный лѣсъ,
Въ душѣ—сіянье блаженныхъ пѣсенъ,
Какъ тихій шопотъ, какъ сонъ принцессъ...

Развѣ эти строки не навѣяны пресловутымъ вызовомъ Бальмонта:

Пусть будетъ завтра и мракъ, и холодъ, —
Сегодня сердце отдамъ лучу.
Я буду счастливъ, я буду молодъ,
Я буду дерзокъ,—я такъ хочу!

Разница только въ томъ, что у Бальмонта бряцающій ритмъ находится въ соотвѣтствіи съ гасконадой самой темы, а у Гофмана тотъ же самый ритмъ оказался примѣненнымъ къ мечтательно-пассивному настроенію.

Не свободны стихотворенія Гофмана и отъ нѣкоторой растянутости. Вотъ пьеса, типичная для автора, и не только въ этомъ одномъ отношеніи:

Ужель ты думаешь, что я въ ревнивой мукѣ
Не радъ любви твоей и счастью твоему,
Когда, соединивъ ласкающія руки,
Ты съ нимъ въ толпѣ идешь, довѣрившись ему?

Ужель ты думаешь, что я тебя ревную
Въ тотъ самый свѣтлый мигъ, въ тотъ радостный твой мигъ,
Когда, почуявши кругомъ толпу чужую,
Твой станъ къ его рукѣ довѣрчиво приникъ?

О, нѣтъ, я тихо радъ, въ твои глаза взглянувши.
Останься съ нимъ всегда. Ему не прекословь.
О, какъ ты счастлива, къ нему дрожа прильнувши,
Забывшая себя, принявшая любовь.

Я вижу васъ въ толпѣ, я вижу отовсюду.
Онъ выше всѣхъ въ толпѣ, ликующій орелъ.
И всюду вмѣстѣ васъ всегда я видѣть буду, —
О, если-бъ хоть на мигъ онъ отъ тебя ушелъ!

Лишь чтобъ открыть тебѣ рыдающую муку,
Все изступленіе, что̀ я несу любя.
Но ты проходишь съ нимъ, склоненная на руку,
На руку мощную, держащую тебя.

О, этотъ тонкій станъ, къ нему дрожа прильнувшій,
О, этотъ тонкій станъ, слабѣе стебелька.
Но нѣтъ, я тихо радъ, въ твои глаза взглянувши,
И радостно душа душѣ твоей близка.

И не ревную я. Не надо мнѣ участья.
Останься съ нимъ всегда. Ему не прекословь.
Останься счастлива, извѣдавшая счастья,
Забывшая меня, принявшая любовь.

Первыя двѣ строфы по содержанію почти тождественны и съ успѣхомъ могли бы слиться въ одну. Но авторъ не довольствуется дважды констатировать въ нихъ тотъ фактъ, что его соперникъ идетъ съ его милой подъ руку. Этотъ же самый фактъ вновь повторяется въ третьей строфѣ, затѣмъ въ пятой и еще въ шестой. Конечно, можно было избѣжать всѣхъ повтореній, и тогда стихотвореніе несомнѣнно выиграло бы въ экспрессіи.

И однако, даже при такихъ очевидныхъ недостаткахъ, стихотвореніе проникнуто настоящей поэтичностью, нѣжнымъ, искреннимъ и красивымъ чувствомъ. Этотъ мягкій, красивый тонъ, столь рѣдкій по нынѣшнимъ временамъ, лежитъ на всемъ сборникѣ и придаетъ ему особую привлекательность. Лучше всего удается Гофману лирика любви. Какъ видно изъ приведенной уже пьесы, это чувство у Гофмана лишено того буйнаго, агрессивнаго характера, какой обычно придается ему въ современной литературѣ. Послѣ Брюсовскихъ радѣній, эротика Гофмана можетъ даже показаться старомодной и сентиментальной. Но это будетъ ошибочно: она просто только человѣчна и чиста. Ну, развѣ не отдыхаетъ душа, послѣ всѣхъ злоупотребленій нашей любовной лирики, на такихъ ласковыхъ, деликатно-нѣжныхъ, благоговѣйныхъ, хотя опять таки немного растянутыхъ словахъ, сказанныхъ „у зеркальной рѣки“:

О, какъ мнѣ жаль тебя и ласково, и нѣжно,
Какъ я люблю тебя, любуясь и грустя,
За все, что ждетъ тебя, за все, что неизбѣжно,
О, какъ мнѣ жаль тебя, стыдливое дитя...

Какъ мнѣ хотѣлось бы все то, что неизбѣжно,
Все то, что ждетъ тебя, заботливо отвлечь,
И въ тихой радости, и ласково, и нѣжно
Твой розовый расцвѣтъ лелѣять и беречь.

Или, напримѣръ, эта сказка о томъ, что поэтъ и его невѣста, съ лучистымъ лицомъ и маленькимъ пальчикомъ —

Два влажные цвѣтка въ сиреневомъ саду.
И тихо я шепчу: „оставь свой стебель сонный
И приходи ко мнѣ. И я къ тебѣ приду".

И страшно намъ, и страшно намъ, что вдругъ увидятъ люди,
Что мы, цвѣты, ушли съ зеленыхъ стебельковъ,
И будутъ говорить о невозможномъ чудѣ,
И будутъ тайну знать задумчивыхъ цвѣтовъ...

И вотъ эта поэтическая душа, полная жажды чистыхъ и кроткихъ радостей, чуткая къ красотѣ въ природѣ, въ жизни, въ людяхъ, неприспособленная къ грубости, безобразію и грязи, брошена въ адъ городского содома, въ клоаку меблированныхъ комнатъ.

Безконечны у насъ корридоры,
Въ корридорахъ все номера,
Въ нихъ опущены темныя шторы
И невѣрный сумракъ съ утра...

Какъ же должна искалѣчить живую душу эта липкая атмосфера, эта плоская, душная обстановка... И тутъ, конечно, можетъ мелькнуть „голубая любовь":

Въ голубомъ на лѣстницѣ часто,
Притаясь возлѣ самыхъ перилъ,
На меня глядѣла не разъ ты,
Когда мимо я проходилъ.

Вся воздушная, вся голубая,
Вся безумію грезъ отдана,
Станъ свой тонкій нѣжно сгибая,
Ты казалась мнѣ призракомъ сна....

Но къ этой голубой любви поэтъ не дерзнетъ уже протянуть руки: городъ отнялъ у него чистоту и свободу сердца. И что можетъ дать

тотъ, которому „такъ больно отъ жизни“, въ отвѣтъ на довѣрчивое чувство молодой, наивной души? У него можетъ быть только „больное счастье“ съ той, у которой за плечами такой же грузъ тяжелыхъ воспоминаній, горькихъ разочарованій, проклятаго стыда. Его удѣлъ— „непрочная радость“, которую „надо беречь“, и которая рухнетъ при первомъ вопросѣ „о томъ, что погибло, о томъ, что изжито“...

А вотъ лучшее, пожалуй, что есть въ книжкѣ Виктора Гофмана: „Баллада о позднихъ встрѣчахъ“. Встрѣтились онъ и она, которые „были близки когда-то“, потомъ разстались, а теперь опять случайно столкнулись, но уже уставшіе, смятые жизнью.

— О, какъ мы давно не видались.
Тогда было лѣто. Ты рвалъ васильки.
Скажи, почему мы разстались
И вотъ—далеки?

— Не знаю. Не знаю. Все это такъ больно.
Тогда было лѣто. Его уже нѣтъ.
Но счастья былого душѣ недовольно,
И радости прошлой мучителенъ слѣдъ.

И вотъ, имъ хочется опять быть счастливыми „тихо и тайно“. Но глухой переулокъ, угрюмая лѣстница, грязный коверъ въ корридорѣ между номерами—все это не обѣщаетъ ничего добраго, ничего радостнаго.

Ужели ты думаешь, счастье возможно?
Вѣдь больше ужъ нѣтъ васильковъ...

Да, кроткія, нѣжныя души безжалостно захвачены и искалѣчены когтями Молоха—города. Онъ безсиленъ былъ убить въ нихъ порывы къ чистому, нѣжному счастью, но отнялъ право на это счастье и возможность взять его. И томятся онѣ подъ бременемъ своей раздвоенности, одинаково неспособныя вознестись на небо и удовлетвориться пресмыканіемъ въ тинѣ повседневности...

Объ этихъ же душахъ грустныя повѣсти разсказываетъ Петръ Кожевниковъ. Добрая половина разсказовъ, вошедшихъ во второй томикъ его сочиненій, изданный недавно „Шиповникомъ“, несетъ на себѣ печать надуманности, вымученной манерности. Таковы разсказы о „Поэтѣ и куклѣ“, о „Любви восковой“, объ „Островѣ свѣтломъ“. Но рядомъ съ ними попадается такая прелесть, какъ „Ночь грѣшная“.

Морознымъ вечеромъ по панели шагаютъ рядомъ приличный баринъ и случайная женщина. Съ виду это, дѣйствительно, только приличный баринъ, но на душѣ его печаль. Шагаетъ его туловище, но его душа почти не здѣсь. Что дѣлать душѣ въ этихъ ночныхъ пу-

тяхъ тѣла? И чѣмъ упорнѣе шагаетъ тѣло, тѣмъ напряженнѣе жалуется и бьетъ крыльями душа. Привыкли быть въ разлукѣ душа и тѣло въ городѣ... Началось это давно, когда онъ, еще шестнадцатилѣтній, полюбилъ одну семейную барышню, и какъ разъ тогда же, въ эту лучшую пору молодой любви и правды, его товарищи, веселые и пьяные, невинно-молоденькіе негодяи, какъ на зло—свезли его *туда*. И вошла въ его душу странная-странная пустыня, позналъ онъ этотъ разломъ между душой и тѣломъ, эту трещину, которая разсѣкаетъ человѣка. Привыкъ однимъ отдавать тѣло безъ души, другимъ—безъ тѣла душу. Но не умираетъ жажда красоты и цѣльности, зоветъ душа неустанно Ту, въ порывѣ къ которой слились бы радостно душа и тѣло,—и нѣтъ Ея нигдѣ для приличнаго барина съ неисцѣлимымъ разломомъ. Тогда зовъ души превращается въ вѣчнодѣтское желаніе заблужденія, и оно заставляетъ видѣть въ случайной ночной подругѣ что-то довѣрчивое, чистое, почти дѣвичье. Онъ очень благодаренъ ей. И, чувствуя своими, своей милой собственностью эти тоненькія руки, и бѣлые зайчики, и маленькія ноги, онъ хочетъ ихъ беречь, ихъ охранять. Такъ тонка эта сорочка. Но онъ отведетъ свой взоръ. И мысли вожделѣнія не коснутся ея спящей. То милыя и скромныя вещи. То спятъ сокровища дорогія... Но приходитъ утро и обличаетъ ложь ночной сказки... Вѣдь это взглядъ блудницы, взглядъ блудницы... Какъ я могъ вчера повѣрить ей?.. Они разстаются. И въ этотъ мигъ возвращается къ нему душа, блуждавшая въ пространствахъ, душа искавшая. И тотчасъ спрашиваетъ душа у тѣла:

— Гдѣ оно было безъ нея и что дѣлало?

Молчитъ опустошенное, притупленное тѣло, не знаетъ, чѣмъ оправдать себя, чѣмъ похвалиться. А душа жалуется на свои безсильныя блужданія, на свою великую напрасность. Тогда, чужіе, издалека жалѣютъ другъ друга душа и тѣло. И тусклы оба...

И никогда „приличному барину“ не побѣдить своей внутренней раздробленности. Городъ безнадежно разрушилъ его душу, и его пѣсенка, въ смыслѣ личнаго счастья, спѣта. Однако этотъ пессимистическій выводъ не дѣлаетъ пессимистическимъ общее міровоззрѣніе Кожевникова. Индивидуальное существованіе не стоитъ для него изолированно, а является только моментомъ въ общемъ, стихійномъ, вѣчномъ и всемірномъ процессѣ жизни, постоянно мѣняющей свои личины, но по существу остающейся неизмѣнною. Разъ можетъ человѣкъ прозрѣть сквозь временныя личины довременную, древнюю, мудрую основу жизни, уловить связь своего существа съ нею, то для него уже весь міръ, и внѣшній, и внутренній, всѣ зримыя трагедіи озарятся особымъ, умиленнымъ и примиряющимъ свѣтомъ.

Жадно ловитъ Кожевниковъ просвѣты вѣчнаго, общаго сквозь

ткань временнаго, индивидуальнаго. Вотъ „Весна вошла въ городъ“— и угрюмая, примятая душа горожанина воскресаетъ точно такъ же, какъ воскресаетъ земля, деревья, краски на небѣ. Онъ чувствуетъ, что не отрѣзанъ отъ общей стихійной жизни, какъ думалъ еще вчера, сидя въ комнатѣ накуренной, при свѣтѣ изъ-подъ картоннаго абажура, и разсудочно и жестоко думая о смерти. Сегодня „проснулась заснувшая неумирающая давность. Въ груди забилось чье-то древнее сердце и думы древнія. Такъ полно и такъ сладостно!“ Вотъ „Садъ матерей“, въ которомъ все дышетъ старой, мудрой тайной материнства. Кормятъ матери своихъ дѣтей, кормитъ земля цвѣты и травы, „земля къ кормленію жадная, кормленіемъ счастливая“. И нѣтъ грани между землей и людьми, сливаются они въ одномъ порывѣ заботы о ростѣ и расцвѣтѣ родившагося. Вотъ лѣто тяжкими чарами своего зноя властно вызываетъ „сны древніе“ въ душахъ животныхъ и людей, одинаково царитъ надъ тѣми и другими. А вечеромъ, когда опалъ зной, „куда-то тяжкимъ шаромъ укатился кошмаръ, который былъ днемъ; душа земли освободилась и снова сдѣлалась душою нѣжной и изящной“—и душа человѣка также. Потомъ ночь зажгла „надъ землей лучистые огни. Земля отбросила въ просторы неба свою тѣнь. Изъ этой тѣни глядитъ древними глазами огромный міръ, котораго днемъ не видно“. И душа человѣческая, снова покорная властнымъ призывамъ стихійной жизни, какъ бы исполняя свое предвѣчное назначеніе, „слушаетъ, напрягается, плыветъ выше, выше. Чудятся далекіе міры, которые плывутъ, плывутъ вѣчно, входятъ въ наши просторы, несутъ намъ чужую, намъ близкую жизнь, свою музыку, свои сны, потомъ уходятъ и наплываютъ снова. Въ сладостномъ томленіи душа напрягается, тихо страдаетъ отъ радостнаго общенія съ тѣмъ, что она чуетъ“.

Вотъ эти-то прозрѣнія въ міръ древняго, вѣчнаго, вотъ это ощущеніе своей связанности съ нимъ и растворяютъ въ себѣ скорби, безысходныя въ атмосферѣ индивидуальной замкнутости. Чуетъ сердце сокровенный, мудрый смыслъ всеобъемлющей стихіи, и вѣритъ, что есть сокрытая отъ нашего разумѣнія мудрость даже во всемъ томъ, что страшитъ и отвращаетъ насъ, есть гдѣ-то оправданіе и примиреніе для самой безотрадной скорби—скорби человѣка о своемъ паденіи. „И даже русская душа, всегда мятежная и скорбная и болѣе всѣхъ прочихъ душъ способная носить въ себѣ сознаніе своей неправды, забываетъ свое умѣнье ненавидѣть цѣлый міръ за то, что не хочетъ онъ быть такимъ, какимъ она его желаетъ... за то, что сдѣлалъ онъ ее такой неправой“.

Отдавшись этому потоку настроенія, „приличный баринъ“ находитъ возможность примиренія даже съ городомъ, который его такъ

безнадежно искалѣчилъ. Вѣдь и городъ творитъ какую-то новую жизнь, исполняя предвѣчную волю все той же міровой стихіи. Онъ „грезитъ однимъ далекимъ солнцемъ, въ которое сольется все. Онъ разсѣкаетъ жизнь, какъ по живому мясу, и соединяетъ снова. Онъ *строитъ*. Дѣлаетъ пробы, отбрасываетъ и перестраиваетъ вновь. Въ каменныхъ его ходахъ и сотахъ кипятъ и скрещиваются силы. Въ нихъ зачатія, въ нихъ формы. И цѣнный медъ въ его ячейкахъ накопляется и бродитъ. Благія его цѣли, но темны пути". Это вѣдь городъ дѣлаетъ то, что наша „душа полна призывовъ, ждетъ невиданнаго, побѣдъ Духа надъ строемъ и укладомъ". И пусть на каждомъ шагу сказывается „немощь, роковая немощь Духа передъ медлительнымъ, ползучимъ бытомъ"; но вѣдь и эта ползучая медлительность есть лишь темный путь къ благой цѣли, и потому въ лучшую минуту свою поэтъ трепетно и умиленно назоветъ даже будни—„жизнью милой".

Въ сущности той же самой общей, стихійной основы бытія, освящающей жизнь и примиряющей съ нею, ищетъ и Сергѣевъ-Ценскій. Только вопросы свои онъ ставитъ глубже, общѣе, трагичнѣе, чѣмъ Кожевниковъ. И у него люди и природа сливаются въ одно неразрывное цѣлое, живутъ единою, общею жизнью. Но эта общность не даетъ такого быстраго и радостнаго разрѣшенія мучительнымъ томленіямъ,—наоборотъ, часто выдвигаетъ новые ужасы или усугубляетъ до космическихъ размѣровъ трагизмъ индивидуальныхъ страданій.

Беру, напримѣръ, лучшій изъ разсказовъ, вошедшихъ въ послѣдній, четвертый томъ собранія сочиненій Сергѣева-Ценскаго: „Печаль полей". Оговариваюсь, что отнюдь не считаю этотъ разсказъ безупречнымъ съ художественной точки зрѣнія. Его портитъ обычный недостатокъ Ценскаго—тяжеловѣсная и запутанная архитектура. Повидимому, авторъ никогда не дорабатывается до отчетливаго представленія о своемъ основномъ замыслѣ, бредетъ, такъ сказать, ощупью и потому даетъ смутныя, трудно понимаемыя формы. Очень часто загромождаетъ онъ цѣлыя страницы ненужными деталями, которыя только отводятъ вниманіе въ сторону отъ того, что хочетъ авторъ фиксировать—и въ результатѣ получается нѣчто досадное: творческіе порывы автора и добросовѣстное воспріятіе читателя, обезсиленные блужданіемъ по окольнымъ, путаннымъ тропинкамъ, застреваютъ гдѣ-то на полу-пути, далеко отъ желанной цѣли. И тѣмъ не менѣе Сергѣевъ-Ценскій имѣетъ полное право на внимательное къ нему отношеніе, потому что обладаетъ двумя самыми существенными для художника качествами: онъ несомнѣнно талантливъ, хотя и срывается часто, берясь рубить деревья не по силамъ, и его исканія искренни, хотя иногда облекаются въ неискреннюю, дѣланную форму. Въ разсказѣ,

о которомъ идетъ рѣчь, эти недостатки Сергѣева-Ценскаго сказались значительно слабѣе, чѣмъ во многихъ другихъ, хотя бы, напримѣръ, въ пресловутомъ „Береговомъ“.

Возвращаюсь къ содержанію „Печали полей“. Въ основѣ этого разсказа лежитъ исторія духовно прекрасной женщины. Она въ седьмой разъ зачинаетъ, въ седьмой разъ преждевременно рождаетъ недоношеннаго мертваго ребенка, и трагическая и непонятная недостижимость страстно желаемаго материнства сводитъ ее въ могилу. Но не только ребенка не дано родить Аннѣ, „нѣжной, тонкой, больной неутоленнымъ материнствомъ“. Есть еще жажда родить нѣчто большее: она „вѣчно рвалась отъ опостылѣвшей своей жизни куда-то въ новую, свою и не-свою“. И вотъ этой новой жизни, еще не рожденной, жаждетъ и ищетъ и Анна, и все, что ее окружаетъ—но такъ же, какъ ребенокъ у Анны, не можетъ родиться она. Опостылѣвшей, безсмысленной жизнью живетъ мужъ Анны, Ознобишинъ, заполняя свое существованіе ненужными поступками и не видя, куда податься, чтобы создать просторъ и радость. Носится по лицу земли въ безплодныхъ мукахъ и поискахъ носитель стихійной силы, дѣдъ Ознобишина. Сломленнымъ, потухшимъ полутрутомъ, ничего не обрѣтшимъ, дотягиваетъ свой вѣкъ отецъ дѣда въ дальней коморкѣ огромнаго помѣщичьяго дома. Ничего они родить не могутъ и корчатся въ тоскѣ и безысходномъ ужасѣ. И надъ всѣмъ безконечнымъ просторомъ полей русскихъ „неслышно и невидно, но плотно и тяжело повисло нерожденное. Что-то хотѣла родить земля—и не могла“.

Тщетны любовь и ласки Ознобишина къ Аннѣ: она обречена, и не дано ей родить живое. Тщетно солнце расточаетъ свое тепло надъ полями. „Обчертила ихъ какая-то темная сила,—давно, споконъ вѣка, и ушла: кто сниметъ чары? Какое страшное напряженіе, какую неслыханную силу пустила въ ходъ земля, чтобы что-нибудь большое выбросить изъ себя подъ ласку солнца,—и ничего!“ Трагедія индивидуальнаго существованія разростается, какъ видите, въ трагедію всей русской жизни. Несчастіе Анны есть лишь частичное проявленіе проклятія, тяготѣющаго надъ нашими полями, надъ нашимъ народомъ, надъ всею Россіей.

И страшнѣе всего то, что жаждущая рожденія стихія несетъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣчто безсмысленно жестокое, противящееся рожденію, убивающее побѣги новой жизни. Это непостижимое, трагическое раздвоеніе стихіи, ужасное бореніе враждебныхъ элементовъ ея сказывается во всемъ. Какъ бы вся сотканная изъ жажды материнства Анна несетъ въ своемъ организмѣ скрытаго врага, убивающаго ея дѣтей еще до ихъ рожденія. Нѣжно любящій жену, пригнетенный неизбѣжной гибелью своего рода Ознобишинъ, въ порывѣ

непонятнаго и жестокаго, буйнаго хмѣля и задора, мчитъ Анну на бѣшеныхъ коняхъ, рискуя, и не вполнѣ безсознательно, трепещущимъ подъ ея сердцемъ ребенкомъ. Оплодотворяющее землю солнце сгущаетъ надъ полями бѣлыя градовыя тучи, и онѣ, разрядившись, истребляютъ недозрѣвшій посѣвъ. Въ одинъ мигъ разгулъ убивающей силы безслѣдно губитъ зачала, созданныя долгими заботами силы любовной, рождающей. И кто защититъ лоно матери отъ минутнаго изступленія отца?..

Защититъ умиленная жалость, порожденная зрѣлищемъ смертельныхъ и незаслуженныхъ страданій кроткой, нѣжной, беззащитной и незащищающейся матери. Твердокаменное сердце дѣда Ознобишина, давно неспособное жалѣть что бы то ни было, умягчается передъ скорбнымъ ликомъ Анны:

— Вотъ кого мнѣ жалко: тебя жалко... Этимъ я еще живъ.

Проснулась уже эта благодатная сила стихіи въ сердцѣ человѣческомъ. Слаба еще она пока и не можетъ парализовать дѣтоубійственные взрывы дикой жестокости. Но каждое новое насиліе, каждая новая скорбь Анны, каждая новая печаль полей усугубляетъ жалость въ душѣ насильника, и все болѣе и болѣе парализуетъ возможность новыхъ взрывовъ. Вотъ откуда начинаетъ мерцать лучъ надежды на возможность долго-жданныхъ рожденій. Пусть пока еще въ одномъ только маломъ уголкѣ—въ сердцѣ человѣка—содрогнулась стихія отъ жалости, пусть не успѣла еще даже и въ этомъ уголкѣ выковать твердый щитъ противъ своего собственнаго буйства. Но наростаетъ уже, копится капля за каплей драгоцѣнная влага умиленія, растворяющая все нечистое. Вопитъ прирожденный насильникъ надъ омертвѣвшимъ тѣломъ и въ сокрушеніи сердечномъ взываетъ къ чуду воскресенія.

„Поля мои! Я васъ чую, какъ рану, сердцемъ во всю ширину вашу. Только слово, только одно внятное слово, — вѣдь вы живыя. Вѣдь ваши тоску-глаза я уже вижу гдѣ-то, — тамъ на краю свѣта. Только одно слово, — я слушаю... Нѣтъ! Передо мною пусто, и вы молчите, и печаль ваша — моя печаль. Поля страдальцы, мои поля, родина моя,—я припалъ къ сырой и теплой груди твоей и по-ребячески крѣпко, забывъ обо всемъ, цѣлую“.

Не безплодны эти муки жалости. Немощная, презираемая и гонимая теперь, она растетъ и крѣпнетъ съ минуты на минуту, и будущее — за нею. И чѣмъ яростнѣе попираютъ ее, чѣмъ жесточе оскорбляютъ, тѣмъ быстрѣе мужаетъ она, тѣмъ ближе часъ ея торжества. Такъ вѣритъ художникъ, чуткимъ сердцемъ заглянувшій въ таинственныя нѣдра жизни.

Закаленный въ жестокихъ бояхъ жизни, скиталецъ дядя Черный

встрѣтился случайно на своемъ суровомъ жизненномъ пути съ двухлѣтнимъ мальчикомъ Леней, который, слушая жестокую сказку, на каждый актъ грубаго насилія отвѣчаетъ негодующимъ:

— Не надо!

И когда въ циркѣ, на его глазахъ, бьютъ по щекамъ клоуна, онъ топаетъ ноженками въ дощатый полъ и кричитъ:

— Не надо!

И лицо у него возмущенное, почти гнѣвное. И странно: публика зашевелилась. Понеслись голоса:

— Довольно!

— Будетъ!

— Довольно!

— Глупо! Умнѣе не могли придумать!

И безобразная сцена прерывается.

А затѣмъ дядя Черный ѣдетъ въ вагонѣ и везетъ съ собою что-то радостное, какъ пасхальный звонъ. Это — образъ маленькаго Лени. „Онъ какъ-то вплотную вошелъ въ одинокую, всему на свѣтѣ чужую душу, и съ нимъ, какъ съ забытой молитвой, какъ съ чудотворными мощами, какъ съ иконой воскрешающей мертвыхъ, стало легко, умиленно и звучно. Христосъ, и Будда, и всѣ правдолюбцы разныхъ временъ — оказалось, что въ этой дѣтской рѣяли неслышно ихъ тѣни. Они уже жили въ Ленѣ,—сто вѣковъ человѣческой мысли,—смотрѣли сквозь его глаза съ длинными рѣсницами и вскрикивали отъ чужой боли: „Не надо“... Росъ храмъ будущаго — какъ-то незамѣтно даже для тѣхъ, кто его строилъ, самъ собою: каждый день строительства— новое чудо. Въ тихихъ комнатахъ набухала и когда-нибудь вся цѣликомъ упадетъ въ жизнь та капля любви, которой такъ не хватаетъ жизни, и когда упадетъ — станетъ тихо, радостно и тепло... Такъ молился будущему дядя Черный. Онъ смотрѣлъ въ темныя и сырыя, закутанныя въ дождь поля, и на глазахъ у него тяжелѣли слезы“...

Такимъ гимномъ жалости, такой вѣрой въ грядущее исцѣленіе „печали полей“ кончается разсказъ Сергѣева-Ценскаго: „Небо“.

Такъ, углубляясь черезъ покровъ пестраго міра явленій въ тайну вѣчной стихіи, ищетъ современная душа утоленія своимъ мучительнымъ вопросамъ—и, какъ видите, нѣчто находитъ. И не одни только Кожевниковъ и Сергѣевъ-Ценскій пошли по этому пути. Вспомнимъ всѣ разсказы Бориса Зайцева, вспомнимъ стихотворенія и лучшіе разсказы Сергѣя Городецкаго, который погружается въ міръ древнихъ Ярилъ и Барыбъ, а въ городѣ радуетъ его только „паркъ, наслѣдье вѣковое, въ древность узкое окно“. Довольно хотя бы этихъ именъ,— а ихъ можно бы припомнить и еще нѣсколько,—чтобы понять, что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ случайными устремленіями отдѣльныхъ писа-

телей, а съ цѣлымъ литературнымъ теченіемъ, еще не вполнѣ оформившимся, еще не овладѣвшимъ своими задачами, но народившимся исторически и имѣющимъ за собою будущее.

Еще вчера, можно сказать, наиболѣе типичные представители новой литературы, Сологубъ, Бальмонтъ, Брюсовъ и цѣлая плеяда имъ подобныхъ, стояли на почвѣ культа своего „я" и даннаго мгновенія. Цѣнилось въ личности то, что̀ отличаетъ, отторгаетъ ее отъ всѣхъ ей подобныхъ и отъ всего внѣшняго міра; цѣнилось въ мгновеніи то, что̀ дѣлаетъ его особымъ, неповторимымъ, непохожимъ на бывшее ранѣе и грядущее впереди. Но это теченіе, по существу вполнѣ законное и плодотворное, съ самаго начала сильно хватило черезъ край. Въ центрѣ мірозданія была поставлена личность поэта. Все прошлое человѣчества только для того и существовало, чтобы породить эту личность:

Предо мной всѣ поэты предтечи...

Вся творческая, стихійная мощь природы представлялась ничтожной передъ творящей мечтой поэта:

Создалъ я въ тайныхъ мечтахъ
Міръ идеальной природы.
Что передъ нимъ этотъ прахъ—
Степи и скалы и воды!

А вся личность поэта и человѣка вообще сводилась къ быстротекущимъ, причудливо-капризнымъ, мелькающимъ переживаніямъ, внѣ всякаго соотношенія съ предыдущими и послѣдующими моментами.

На такомъ остріѣ самоутвержденія невозможно было удержаться надолго. Оторванная отъ міра и раздробленная на отдѣльныя мгновенія, личность быстро потеряла самое себя и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще и глубже стала низвергаться съ высотъ буйнаго и радостнаго произвола въ пропасти предсмертной тоски. Вырывалось проклятіе противъ достигнутой, какъ казалось, безусловной свободы, наростала мучительная жажда отыскать свою обусловленность, которая связала бы отдѣльные моменты—въ цѣльную личность, отдѣльную личность—съ общимъ потокомъ бытія.

И вотъ, выдвинулись на очередь новыя художественныя задачи. Вниманіе сосредоточивается не на томъ, что̀ отличаетъ, отдѣляетъ явленія одно отъ другого, а на томъ, что̀ роднитъ ихъ между собою. Стремятся не дробить жизнь, а обобщать ее. Глазъ скользитъ по случайнымъ, несущественнымъ признакамъ отдѣльныхъ явленій и за причудливыми извилинами внѣшнихъ очертаній жаждетъ уловить главныя, первозданныя линіи, первичный субстратъ, — то, что одинаково

составляетъ истинную основу жизни природы и человѣка, психики индивидуальной и массовой, бывшаго нѣкогда и совершающагося сейчасъ. Мысль пытливо ищетъ тайные каналы, по которымъ единая, вѣчная, неизсякаемая влага жизни переливается изъ одного явленія въ другое, и самую смерть хочется понять не какъ невозвратную гибель чего-то, а какъ моментъ въ процессѣ безпрерывнаго творчества.

Вотъ въ какую сторону устремляется теперь вниманіе художниковъ, такъ недавно еще цѣликомъ поглощенное культомъ индивидуальнаго, культомъ мгновенія. Вихремъ вырванное изъ земли и поверженное на голый гранитъ дерево стосковалось по своей кормилицѣ и потянулось къ ней корнями, чтобы снова внѣдриться въ нее и побороть неминучую смерть живительными соками.

И вотъ, кажется, дотянулось, и начинаетъ давать ростки—правда, по большей части еще слабые, но уже сулящіе новую жизнь, новый расцвѣтъ.

Скончался на 78-мъ году отъ рожденія знаменитый норвежскій писатель и общественный дѣятель Бьернсонъ-Бьернстіерне. Необычайно плодовитый и разнообразный въ своей литературной дѣятельности, Бьернсонъ писалъ стихами и прозой, въ драматической и повѣствовательной формѣ, отдавалъ дань и такъ называемому чистому искусству, и идейной литературѣ, и настоящей публицистикѣ, выступалъ какъ театральный директоръ, какъ редакторъ газетъ, какъ могучій народный ораторъ-пропагандистъ этическихъ и политическихъ идеаловъ. Но на всѣхъ этихъ поприщахъ, во всѣхъ этихъ формахъ Бьернсонъ выражалъ, въ сущности, одно и то же содержаніе: горячую любовь къ своему народу, къ его самобытному развитію, и не менѣе горячую любовь къ человѣчности, къ побѣдѣ нравственной силы надъ пережитками варварства во всѣхъ его проявленіяхъ. Съ одинаковой страстностью боролся Бьернсонъ противъ внутреннихъ и внѣшнихъ препонъ на пути къ торжеству культуры. Съ одинаковой безпощадностью громилъ онъ и нравственную неустойчивость, и соціальный и политическій гнетъ. Судьба дала Бьернсону рѣдкое счастье увидѣть еще при своей жизни осуществленіе многаго, за что онъ ратовалъ. Моральный ростъ норвежскаго народа вызвалъ къ жизни блестящую литературу, занявшую за послѣднее время выдающееся мѣсто въ европейскомъ искусствѣ; подъемъ національныхъ силъ далъ Норвегіи силу отвоевать себѣ полную политическую независимость и быстро двинуться впередъ по пути соціальнаго прогресса. Въ этихъ великихъ историческихъ явленіяхъ Бьернсону принадлежитъ роль одного изъ первыхъ иниціаторовъ и вождей. И если, въ частности, въ области

искусства, норвежское творчество быстро переросло Бьернсона, то, во всякомъ случаѣ, за нимъ останется навсегда почетное мѣсто въ исторіи и литературы, и политической жизни его народа.

С. Адріановъ.

ЕЩЕ О „ВѢХАХЪ“

Интеллигенція въ Россіи. Сборникъ статей. Спб., 1910. Книгоизд. „Земля“.

Старый вопросъ о роли нашей „интеллигенціи“ по отношенію къ народу, возбуждавшій горячіе споры въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, выступилъ предъ нами въ новой постановкѣ послѣ крупныхъ событій послѣдняго пятилѣтія. То, что прежде имѣло отчасти теоретическій, доктринерскій характеръ и казалось еще далекимъ отъ дѣйствительной жизни, внезапно попало въ круговоротъ неодолимаго стихійнаго движенія и получило глубоко-практическое, даже рѣшающее значеніе для народа и для государства. Такъ называемая интеллигенція, вырабатывавшая свои идеалы въ тиши кабинетовъ, въ скрытой умственной и кружковой работѣ, неожиданно призвана была выйти на широкій общественный просторъ и принять активное, руководящее участіе въ дѣлахъ первостепенной важности; она впервые очутилась предъ великими реальными задачами, требовавшими отъ нея немедленныхъ рѣшеній и дѣйствій. Какъ она выдержала этотъ роковой экзаменъ? Оказалась ли она на высотѣ положенія, или же, напротивъ, потерпѣла позорную неудачу?

Чтобы правильно рѣшить этотъ вопросъ, необходимо было бы прежде всего вспомнить причины и сущность возникшаго кризиса, взбудораживщаго не только различные слои русскаго общества, но и многомилліонныя народныя массы. На глазахъ всей страны совершилась катастрофа, поразившая умы своею неожиданностью: русская государственность подверглась цѣлому ряду пораженій и неудачъ при военномъ конфликтѣ съ небольшою державою Дальняго Востока. Это была катастрофа длительная, упорно и послѣдовательно подтверждаемая въ теченіе полутора года и стоившая колоссальныхъ жертвъ кровью и деньгами. Въ ходѣ японской войны раскрылось нѣчто большее, чѣмъ несостоятельность бюрократическаго строя: утрачена или подорвана была вѣра въ организацію государственной обороны, которая

поглощала огромныя средства и служила предметомъ исключительныхъ заботъ власти. Любимыя дѣтища старой государственности, армія и флотъ, потерпѣли крушеніе и перестали считаться достаточно надежными гарантіями внѣшней безопасности Россіи, какъ великой державы. Внѣшняя политика оказалась лишенною разумнаго руководства и подвластною разнымъ случайнымъ закулиснымъ вліяніямъ; вся система государственнаго управленія обнаружила свою внутреннюю дряблость и негодность — не по формальнымъ только причинамъ, не въ силу однихъ недостатковъ и погрѣшностей оффиціальнаго режима, а гораздо болѣе еще въ силу общаго нравственно-политическаго упадка правящаго класса. Несомнѣнно, что во все продолженіе русско-японской кампаніи, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, а также въ періодъ дипломатическихъ и военныхъ приготовленій къ войнѣ, замѣчалось поразительное отсутствіе государственнаго духа и патріотизма. Можно сказать, что упадокъ чувства отвѣтственности предъ государствомъ и страною составлялъ общую характеристическую черту всѣхъ многочисленныхъ, вольныхъ и невольныхъ привилегированныхъ участниковъ дальневосточной эпопеи. Нравственное банкротство правящаго класса было засвидѣтельствовано и въ періодъ растерянности послѣ первыхъ грозныхъ проявленій народной смуты, и во время позднѣйшихъ попытокъ возмездія и успокоенія. Виновники тяжкихъ военныхъ бѣдствій, обрушившихся на Россію, не привлекались къ отвѣту и никѣмъ не призывались къ покаянію, и многіе изъ нихъ продолжали дѣйствовать въ прежнемъ духѣ, выступая энергическими защитниками того порядка вещей, подъ прикрытіемъ котораго они достигли личнаго благополучія и процвѣтанія.

Сравнительно съ откровенно-хищническою или благодушно-безпринципною дѣятельностью правящаго класса, озабоченнаго устройствомъ своихъ дѣлъ на казенный и народный счетъ, всѣ организованныя или случайныя „революціонныя“ выступленія такъ называемой интеллигенціи представляютъ гораздо менѣе благодарный матеріалъ для критики. Такъ какъ интеллигенція не имѣетъ ни идейнаго единства, ни опредѣленной внѣшней организаціи, а распадается на разнородные, отчасти враждующіе между собою элементы, то нельзя говорить объ отвѣтственности ея въ томъ же смыслѣ, какъ говорятъ объ отвѣтственности бюрократіи и солидарнаго съ нею, тѣсно сплоченнаго правящаго класса. Тѣмъ не менѣе, если сопоставить ошибки, противорѣчія и колебанія высшей администраціи съ заблужденіями и увлеченіями активной оппозиціи, то первыя окажутся несомнѣнно крупнѣе и многочисленнѣе вторыхъ. Никто не станетъ, напр., отрицать, что суровыя мѣры противъ мирной демонстраціи 9 января 1905-го года дали сильный толчокъ революціонному настроенію рабочихъ и побудили большинство

послѣднихъ подчиниться руководству соціалъ-демократіи. Отвѣчаетъ ли интеллигенція за непосредственныя или косвенныя послѣдствія этого кроваваго дня? Расправа 9-го января была сама по себѣ несчастьемъ или преступленіемъ, а съ точки зрѣнія революціи она могла считаться удачей. Оцѣнка событій по ихъ результатамъ и по отвѣтственности ихъ виновниковъ даетъ просторъ для произвольныхъ и противорѣчивыхъ сужденій. Единственнымъ политическимъ актомъ, относительно котораго передовая интеллигенція сохраняла полное единодушіе, была знаменитая всеобщая забастовка, приведшая къ манифесту 17-го октября. Остальныя революціонныя дѣйствія и рѣшенія исходили отъ отдѣльныхъ, иногда незначительныхъ группъ, несогласныхъ съ другими и не одобряемыхъ большинствомъ. Окончательный итогъ революціи выражается въ безспорномъ оффиціальномъ признаніи конституціонныхъ началъ, въ установленіи „полноправнаго“ народнаго представительства и въ провозглашеніи новыхъ „незыблемыхъ“ основъ гражданской свободы. Новыя политическія формулы и слова, разъ введенныя въ жизнь и освященныя законодательствомъ, не могутъ уже быть вычеркнуты, сколько бы ни старались объ устраненіи или затемненіи ихъ приверженцы безправной старины. Этотъ положительный результатъ—дѣло всей русской интеллигенціи, безъ различія направленій и оттѣнковъ.

Участники „Вѣхъ“ утверждаютъ, что освободительное движеніе окончилось неудачей и что за этотъ печальный исходъ революціи отвѣтственна вся наша интеллигенція. Несравненно болѣе, во всякомъ случаѣ, тяжела отвѣтственность, лежащая на первоначальныхъ виновникахъ смуты, затѣявшихъ пагубную войну и доведшихъ Россію до Мукдена и Цусимы. И удивительнѣе всего, что „Вѣхи“ призываютъ къ покаянію не живучихъ дѣятелей стараго режима, навлекшихъ на страну неисчислимыя бѣдствія, не правящій классъ, тянувшійся къ разорительнымъ отдаленнымъ предпріятіямъ, а интеллигенцію, виновную въ допущеніи какихъ-то ошибокъ и промаховъ при „дѣланіи революціи“. Плохое дѣланіе важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, безплодное истощеніе народныхъ силъ и напрасная гибель сотенъ тысячъ человѣческихъ жизней нисколько не занимаютъ и не волнуютъ участниковъ „Вѣхъ“; всѣ свои громы они направляютъ въ интеллигенцію, которой совѣтуютъ отречься отъ старыхъ оппозиціонныхъ идей и проникнуться общедоступными шаблонами религіозной обрядности, государственности и патріотизма. „Вѣхи“ обращаются съ грознымъ обвинительнымъ актомъ не къ тѣмъ, которые реально подрываютъ основы государственности, компрометируютъ религію и національность, а къ людямъ другого лагеря, сторонникамъ высшаго обще-

человѣческаго типа государственности, приверженцамъ свободнаго національнаго и религіознаго развитія.

Это одностороннее выступленіе семи авторовъ „Вѣхъ“ противъ интеллигентской оппозиціи или „интеллигентщины“, въ связи съ откровенными призывами къ возсоединенію съ оффиціальною государственностью и церковностью, возбудило справедливые протесты и нападки въ значительной части нашей печати. Сборникъ, заглавіе котораго приведено нами выше, заключаетъ въ себѣ, можно сказать, исчерпывающій логическій и историческій разборъ важныхъ принципіальныхъ вопросовъ, затронутыхъ „Вѣхами“. Кромѣ небольшой вступительной статьи И. И. Петрункевича: „Вмѣсто предисловія“, въ книгѣ помѣщено семь статей, также точно какъ и въ „Вѣхахъ“. Въ статьѣ о „переломѣ русской интеллигенціи и его дѣйствительномъ смыслѣ“ Н. А. Гредескулъ доказываетъ, между прочимъ, что освободительное движеніе вовсе не было чисто-интеллигентскимъ, а имѣло стихійный народный характеръ. Народъ — говоритъ онъ — „въ смыслѣ широкой обывательской массы, участвовалъ въ революціи, а не оставался нѣмымъ и безучастнымъ зрителемъ интеллигентскихъ стараній ее произвести, какъ это было въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ до 1905 г.“ Интеллигенція „подходила, конечно, къ движенію и съ своими готовыми программами, но, во-первыхъ, лишь постольку, поскольку онѣ у нея были, а во-вторыхъ, она вынуждена была при этомъ чутко прислушиваться къ стихійнымъ и инстинктивнымъ требованіямъ народа“. Можно даже сказать, что она „свои главныя и основныя усилія направляла не на то, чтобы навязать свои программы народу, а на то, чтобы правильно уловить и правильно формулировать въ нихъ эти инстинктивныя и стихійныя требованія народа“. Всѣмъ извѣстно, что аграрный вопросъ во всей его широтѣ былъ выдвинутъ и поставленъ на очередь народными массами, что въ виду этого наша соціалъ-демократія должна была радикально измѣнить свою аграрную программу и что даже сравнительно умѣренныя оппозиціонныя партіи приняли и поддерживали широкіе проекты принудительнаго отчужденія земель.

Въ весьма обстоятельномъ и интересномъ очеркѣ П. Н. Милюкова мы находимъ всесторонній, исторически мотивированный отвѣтъ на обвиненія, выставленныя противъ нашей интеллигенціи новѣйшими проповѣдниками интеллигентскаго раскаянія и самобичеванія. Произнесенный этими обличителями приговоръ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, есть приговоръ не судьи, а участвующей въ дѣлѣ стороны; этотъ приговоръ страстенъ и неистовъ именно потому, что авторы его постановляютъ рѣшеніе въ собственномъ дѣлѣ. „Они осуждаютъ одно интеллигентское теченіе мысли во имя другого, тоже

интиллигентскаго, притомъ типично-интеллигентскаго именно въ старомъ, отрицаемомъ ими вкусѣ“. Этотъ протестъ и это осужденіе „были заявлены гораздо раньше революціи и первоначально вовсе не имѣли въ виду именно ее. Проповѣдь индивидуализма и идеализма уже возымѣла значительный успѣхъ къ тому времени, когда революція началась“. Авторы „Вѣхъ“ стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что внутреннее совершенствованіе личности должно предшествовать лучшему устройству общественныхъ и политическихъ порядковъ и учрежденій; они защищаютъ въ сущности старый реакціонный лозунгъ: „люди, а не учрежденія“, или въ новой формулировкѣ: „сначала успокоеніе, а потомъ реформы“. Эти интеллигенты новаго поколѣнія, поднявшіе бунтъ противъ старыхъ вождей русской интеллигенціи, „не могутъ простить своему поколѣнію, что оно недостаточно воспринято ихъ уроки, въ глубинѣ души оставшись вѣрно прежнимъ привычкамъ мысли. „Пораженіемъ революціи“ и созданнымъ имъ настроеніемъ общественной депрессіи они только пользуются, чтобы лишній разъ прочесть мораль на свою любимую тему“. Говоря объ отрицательномъ отношеніи къ политическимъ реформамъ, П. Н. Милюковъ приводитъ краснорѣчивую цитату изъ книги проф. Новгородцева: „Измѣненіе внѣшнихъ формъ—это означаетъ въ Россіи свободу развиваться и расти, думать и говорить, вѣровать и молиться, свободу жить и дышать; это значитъ—освобожденіе отъ тѣхъ угнетающихъ условій, которыя насильственно задерживали ростъ народной жизни и довели ее до неслыханныхъ ужасовъ всеобщаго нестроенія“. Возражая противъ огульной характеристики нашей интеллигенціи, какъ „безгосударственной“, П. Н. Милюковъ высказываетъ противоположное мнѣніе, что „интеллигенція — въ широкомъ смыслѣ слова, конечно,—только одна и была государственна въ Россіи. Она была государственна противъ стараго вотчиннаго режима, противъ полнаго почти отсутствія сознанія права въ народной массѣ, противъ нарушеній закона бюрократіей и злоупотребленій закономъ привилегированныхъ классовъ, противъ „темныхъ стихій“ народнаго инстинкта и противъ извѣстной части революціонныхъ доктринъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нашей оппозиціонной интелигенціи всегда были свойственны нѣкоторыя отрицательныя черты: „излишняя отвлеченность доктрины, непримиримый радикализмъ тактики, сектантская нетерпимость къ противникамъ и аскетическая цензура собственныхъ нравовъ“,—черты, вполнѣ объясняемыя ея исторіею, ея вынужденнымъ „отщепенствомъ“, ея „устраненіемъ отъ участія и отвѣтственности въ ходѣ общественныхъ дѣлъ родной страны“. У интеллигенціи сложился какъ будто „свой собственный патріотизмъ—государства въ государствѣ, особаго лагеря, окруженнаго врагами“. Многочисленныя историческія указа-

нія и параллели придаютъ вообще большой интересъ статьѣ П. Н. Милюкова, независимо отъ значенія ея для правильной оцѣнки своеобразнаго религіозно-мистическаго доктринерства „Вѣхъ“.

Нѣкоторыя любопытныя соображенія читатель найдетъ и въ заключительной статьѣ сборника — объ „интеллигенціи и соціализмѣ“, М. И. Туганъ-Барановскаго. Между прочимъ, авторъ протестуетъ противъ утвержденія П. Б. Струве, что западно-европейскій соціализмъ находится теперь въ періодѣ разложенія. „Несомнѣнно, — говоритъ г. Туганъ-Барановскій, — марксизмъ переживаетъ кризисъ, но марксизмъ не можетъ быть отождествляемъ съ соціализмомъ; соціализмъ существовалъ до Маркса и останется послѣ того какъ марксизмъ будетъ изжитъ и превзойденъ. Кризисъ марксизма въ моихъ глазахъ является показателемъ не упадка, а дальнѣйшаго роста соціализма“. Этотъ ростъ соціализма относится, впрочемъ, не къ дальнѣйшему теоретическому развитію и обоснованію соціалистическихъ доктринъ, а къ непрерывному расширенію круга дѣйствія реформаторской соціальной политики, какъ законодательной, такъ и профессіонально-общественной. Задачи интеллигенціи становятся все болѣе сложными и важными, и потому „хоронить ее не приходится“. Новыя условія жизни—заключаетъ авторъ — должны внести и новыя черты въ ея духовный обликъ. Но утверждать, что эти новыя черты должны выразиться въ усвоеніи буржуазнаго духа, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Переживаемый нами теперь упадокъ духа и всеобщій распадъ имѣютъ вполнѣ временный и преходящій характеръ, и усматривать въ нихъ какое-либо коренное измѣненіе духовнаго облика нашего интеллигента такъ же неосновательно, какъ было неосновательно въ восьмидесятые годы заключать о невозможности новаго общественнаго подъема“.

Этотъ бодрый, успокоительный тонъ вполнѣ соотвѣтствуетъ всему публицистическому содержанію сборника. Философскія темы въ немъ не затрогиваются, хотя онѣ занимаютъ въ „Вѣхахъ“ видное и даже первенствующее мѣсто. Разработкѣ этихъ темъ посвященъ очень интересный объемистый сборникъ, изданный недавно въ Москвѣ, но не получившій, кажется, доступа къ читающей публикѣ, въ силу самобытныхъ условій формально существующей у насъ свободы печати.

Л. Слонимскій.

„ГОРЕ ОТЪ УМА“

въ Московскомъ Художественномъ Театрѣ.

I.

На одной репетиціи „Горя отъ ума“ въ Художественномъ Театрѣ присутствовалъ случайно нѣкто М., извѣстный любитель театра и искусствъ, человѣкъ выдающагося таланта и вкуса, пожилой. Репетировали первую сцену Чацкаго и Софьи. Режиссеръ и исполнитель одушевленно искали для Чацкаго „тона“ задорной молодости, искрящейся радости перваго свиданія, сверкающей смѣны шутокъ... Репетиція была изъ первыхъ, когда еще вполнѣ позволительно спотыкаться въ текстѣ, не стѣсняться мизансценой, не сковывать прорывающуюся искренность соображеніями эпохи, характерности, свѣтскости. Режиссеръ подзадаривалъ исполнителя Чацкаго отдаться веселому настроенію, не боясь даже крайностей, рѣзвой шалости, которыя можно устранить на дальнѣйшихъ репетиціяхъ.

Чацкій „спѣшилъ, голову сломя“... „не заѣзжалъ домой“... „свиданьемъ оживленъ и говорливъ“... „сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря, верстъ больше семисотъ пронесся!.. вѣтеръ, буря... и растерялся весь и падалъ сколько разъ“...

Въ порывѣ своего неудержнаго темперамента, влюбленный, онъ радуется встрѣчѣ и нахлынувшимъ воспоминаніямъ, остритъ, шутитъ, ревниво вглядывается въ глаза Софьи, восхищается ею, отдается лирическимъ отступленіямъ...

Нелегко уловить намѣренія актера или режиссера, сидя въ темной залѣ на простой репетиціи, когда исполнители въ своихъ будничныхъ платьяхъ и не загримированы, когда вмѣсто декораціи стоятъ кулисы изъ разныхъ пьесъ, только правильно очерчивающія размѣры и углы будущей комнаты, надъ которой художникъ еще работаетъ въ мастерской, и когда режиссеръ попутно дѣлаетъ актеру какія-то замѣчанія, понятныя одному этому актеру, потому что они относятся къ его индивидуальнымъ достоинствамъ или недостаткамъ, обнаруженнымъ предыдущими ролями...

Но М. былъ опытный театральный человѣкъ. Онъ понялъ намѣренія Театра и во время перерыва спрашиваетъ режиссера:

— Объясните, пожалуйста... я вотъ все слушалъ... сколько, по вашему, Чацкому лѣтъ?

— Двадцать-два, двадцать-три.

— Да что вы!—М. былъ очень изумленъ.

— А вы какъ думаете?

— Ну, тридцать. Ужъ никакъ не меньше.

Разубѣдить М-ва было нетрудно.

„Да, съ Чацкимъ, правда, мы воспитаны, росли. Привычка вмѣстѣ быть день каждый неразлучно связала дѣтскою насъ дружбой“...

„Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный, когда, бывало, въ вечеръ длинный мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ, играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ“...

И всетаки образъ Чацкаго не укладывался такимъ юнымъ въ представленіи М-ва, сохранившаго въ памяти какія-то традиціи. Откуда же у Чацкаго такой жизненный опытъ, такія мѣткія характеристики? Какимъ же образомъ онъ на „ты“ съ Горичемъ, которому, навѣрное, не 23 года... „Когда бы службу продолжалъ, конечно, былъ бы онъ московскимъ комендантомъ“! И подходитъ ли Чацкому, который черезъ нѣсколько часовъ будетъ произносить знаменитый монологъ: „а судьи кто?“, быть около Софьи такимъ весельчакомъ? И можетъ ли молодой, 23-хъ-лѣтній, человѣкъ быть такъ блестяще краснорѣчивъ? и т. д.

Пришлось посвятить М-ва въ нравы эпохи, когда молодые дворяне начинали жить рано. Въ 16 лѣтъ ихъ записывали въ полкъ; въ полку офицеры разныхъ возрастовъ скоро переходятъ на „ты“, ведутъ жизнь бурную. Способности молодыхъ людей могли развиваться быстро, благодаря блестящимъ условіямъ, въ какія укладывалась ихъ жизнь. Они были избавлены отъ матеріальныхъ заботъ и могли распоряжаться своимъ временемъ сообразно наклонностямъ. Самъ Грибоѣдовъ: родился въ 1795 г., въ 1812 г. *переводится* въ Иркутскій полкъ. Впослѣдствіи онъ пишетъ: „я въ этой дружинѣ всего пробылъ четыре мѣсяца, а теперь четвертый годъ не могу попасть на путь истинный“... Въ 1816-мъ году онъ выходитъ въ отставку,—стало-быть, 21 года. Въ 1818 г.—онъ уже литераторъ и примыкаетъ къ прогрессивному движенію серьезныхъ людей Петербурга. И въ это время о немъ уже говорятъ, что его краснорѣчіе „всегда пламенное и убѣдительное“.

Мудрено ли, что такой талантливый человѣкъ, какъ Чацкій, быстро обострилъ свой умъ и языкъ и безпрепятственно отдался свободнымъ воззрѣніямъ, охватившимъ его, когда онъ посравнилъ рабскую жизнь Россіи съ свободной жизнью Запада...

На генеральной репетиціи присутствовалъ профессоръ, извѣстный знатокъ русской и иностранной литературы. Чацкій, при первой встрѣчѣ съ Софьей, „съ жаромъ поцѣловалъ ей руку“ и потянулся поцѣловаться съ нею, а она подставила только щеку. Профессоръ наклонился къ пишущему эти строки и съ удивленіемъ спросилъ:

— Мнѣ показалось, онъ поцѣловалъ ее?

— Ну, да.

— Нѣтъ, это не надо. И не подходитъ, и не хорошо.

Почему?

„Ну, поцѣлуйте же!“

И еслибы въ отношеніи Софьи къ Чацкому не произошло за эти три года такой рѣзкой перемѣны, еслибы за это время она не полюбила Молчалина, а главное — еслибы громадная сила косности той среды, въ которой она живетъ, не направила ея воспитаніе въ сторону общепринятыхъ формъ, еслибы она уберегла отъ условностей своей лицемѣрной гостиной ту свѣжесть искренности и душевной чистоты, которая плѣнила въ ней Чацкаго, то она кинулась бы къ нему на встрѣчу съ радостью подруги дѣтства, бросилась бы на шею, какъ сестра. Именно такой встрѣчи и ожидалъ Чацкій, объ этомъ и мечталъ, когда „спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ; вотъ счастье, думалъ, близко“...

Но мнѣ не удалось убѣдить профессора.

Еще рѣшительнѣе былъ его протестъ во второмъ дѣйствіи, когда Чацкій смѣялся во время монолога: „И точно началъ свѣтъ глупѣть“. Профессоръ настаивалъ на томъ, чтобъ монологъ былъ произнесенъ съ той значительностью, какая подобаетъ его обличительному смыслу. Смѣхъ, по мнѣнію профессора, отнимаетъ у монолога значительность его общественнаго содержанія...

По замыслу Театра, во время знаменитаго разсказа Фамусова о Максимѣ Петровичѣ, по лицу Чацкаго все время скользитъ улыбка и острый, добродушно-насмѣшливый, почти веселый взглядъ, очень похожій на тотъ, какой мы видимъ на извѣстныхъ портретахъ Грибоѣдова. Чацкій съѣздилъ домой, переодѣлся, пріѣхалъ сюда, какъ къ роднымъ, относится къ Фамусову съ искреннимъ добродушіемъ, ждетъ Софью, никакихъ разочарованій еще не предвидитъ. Только съ слѣдующими сценами къ нему подкрадутся и ревность, и раздраженіе. Пока онъ еще отдается одному чувству: „Когда жъ постранствуешь, воротишься домой, и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“. Нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы считать его озлобленнымъ и при каждомъ мелкомъ случаѣ проливающимъ „всю желчь и всю досаду“. Онъ и не выскочка, который спѣшитъ заявлять о своихъ убѣжденіяхъ кстати и некстати. Для него, по замыслу

Театра, разсказъ о Максимѣ Петровичѣ—забавный, хотя и очень типичный анекдотъ. Но, разумѣется, въ этомъ анекдотѣ есть и такія черты, которыя возмущаютъ свободолюбивый умъ. И потому весь монологъ состоитъ изъ яркихъ переливовъ непринужденнаго смѣха и острыхъ, язвительныхъ колкостей.

Профессоръ не принялъ такого объясненія. Для него этотъ монологъ—одна изъ тѣхъ страницъ комедіи, которыя укрѣпляютъ за нею общественно-обличительное значеніе—и оно должно быть подчеркнуто инсценировкой пьесы, хотя бы въ ущербъ психологической послѣдовательности драмы.

Когда спектакль уже прошелъ, большинство критиковъ обвинило Театръ въ томъ же, т.-е. въ томъ, что въ его интерпретаціи „Горе отъ ума" утратило свое общественное значеніе, что Театръ увлекся бытомъ, эпохой и что за бытовыми фигурами Чацкаго, Фамусова и другихъ исчезло „идейное" обобщеніе литературныхъ типовъ.

Для Театра это не было неожиданностью. И не смотря на самое почтительное вниманіе къ словамъ профессора и къ отзывамъ критики, Театръ остался при убѣжденіи, что отъ его интерпретаціи комедія не могла пострадать въ своемъ общественномъ значеніи. Но Театръ подошелъ къ ней иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ на другихъ сценахъ.

II.

Реставрировать „Горе отъ ума" было волнующей мечтой Художественнаго Театра съ первыхъ лѣтъ его существованія. Семьдесятъ-пять лѣтъ не сходила эта чудесная комедія съ репертуара русскихъ театровъ, немало прекраснѣйшихъ исполнителей перевидала въ ней публика—и все же въ ея инсценировкѣ оставалось много непонятаго, недоигранного или просто искаженнаго.

Вкратцѣ ея сценическая исторія въ Москвѣ такова.

Глубоко реальная, блещущая красотами быта чуть не въ каждомъ стихѣ, комедія попала на сцену впервые въ то время, когда театръ питался французской мелодрамой и выспреннимъ паѳосомъ — quasi-классическимъ или quasi-патріотическимъ. Реальное казалось вульгарнымъ и низменнымъ. Самый лучшій актеръ искалъ въ роли минутъ прежде всего патетическихъ. „Благородство" тона имѣло свое особенное толкованіе. Чацкаго игралъ, конечно, героическій актеръ, трагикъ съ крупной фигурой и мощнымъ басомъ. Софью — актриса съ обаятельнымъ голосомъ и славившаяся только умѣньемъ декламировать на распѣвъ. Тонъ, какой они могли внести, остался традиціон-

нымъ на много лѣтъ, не смотря на то, что въ пьесу вступилъ знаменитый реальный актеръ Щепкинъ. Съ другой стороны, для изображенія галлереи Грибоѣдовскихъ типовъ актеры пользовались тѣми портретами, которые, по слухамъ, послужили моделями для Грибоѣдова. Это тоже создало традицію.

Прошелъ „Ревизоръ“, прошелъ и Островскій; художественный реализмъ властно овладѣлъ лучшей русской сценой, но не находилось ни одного крупнаго и свободнаго художника въ лицѣ режиссера или директора, который бы попытался поставить съ тѣмъ же художественнымъ реализмомъ „Горе отъ ума“. Изъ года въ годъ повторяли пьесу ради того или другого прекраснаго исполнителя, со всѣми ошибками и изувѣрствами первыхъ постановокъ. Можно удивляться силѣ талантовъ Щепкина или Самарина, которымъ приходилось такъ привлекать все вниманіе зрителей, чтобъ ихъ чудесная игра покрывала недостатки общаго исполненія.

Сказать теперь молодымъ людямъ, такъ они не повѣрятъ, что еще сравнительно недавно, до 1882-го года, въ третьемъ дѣйствіи капельмейстеръ взмахивалъ палочкой и г. Д. съ Софьей, подъ звуки оркестра, расположеннаго передъ сценой, танцовали мазурку. И публика хлопала, и г. Д. съ Софьей биссировали танецъ, и артистъ Никифоровъ считался замѣчательнымъ исполнителемъ г. Д., потому что съ тонкимъ комизмомъ танцовалъ мазурку. А потомъ, подъ звуки того же оркестра, всѣ гости Фамусова проходили въ торжественномъ полонезѣ.

„Съѣдутся домашніе, друзья—потанцовать подъ фортепьяно“...

Не говоря уже объ оркестрѣ съ капельмейстеромъ, принимающимъ участіе въ реальной комедіи.

Можно себѣ представить, что дѣлалось въ провинціи. Въ моей памяти рѣзко сохранилось первое посѣщеніе театра. Восьмилѣтнимъ ребенкомъ повезли меня посмотрѣть безсмертную комедію. Въ городѣ Т. былъ казенный театръ съ дирекціей и правами Императорскихъ театровъ. Большинство актеровъ были командированные изъ Москвы и Петербурга. И я, какъ сейчасъ, вижу передъ собой Чацкаго съ длинными баками безъ усовъ, съ лицомъ министерскаго швейцара. Онъ былъ артистъ Императорскихъ театровъ и потомъ возвратился на петербургскую сцену.

Только въ 1885-мъ или въ 1886-мъ году комедія „Горе отъ ума“ впервые была поставлена въ костюмахъ эпохи на частной московской сценѣ. Это была единственная попытка хотя бы внѣшне реставрировать пьесу.

Принялись за это, наконецъ, и на Императорской сценѣ. Но занялся реставраціей режиссеръ недаровитый и малограмотный, и его дѣло ограничилось безвкуснымъ подборомъ костюмовъ да новыми де-

кораціями, нисколько не уловившими ни быта, ни стиля. Въ комедію были введены многіе великолѣпные актеры. Они прекрасно читали стихи и съ сочностью своихъ выразительныхъ средствъ повторяли установившіяся традиціи. Не только Гоголь и Островскій, но всѣ пьесы современныхъ драматурговъ ставились въ эту пору, сравнительно съ „Горемъ отъ ума", съ бо̀льшимъ блескомъ художественнаго реализма, съ бо̀льшей углубленностью въ характеры, съ болѣе талантливыми жизненными деталями. Выходило такъ, какъ будто считалось посягательствомъ на стиль Грибоѣдовской комедіи примѣнять къ ней новые сценическіе пріемы, какъ будто „жить образами", къ чему стремились прекрасные артисты въ другимъ пьесахъ, считалось низменнымъ и вульгарнымъ для „Горя отъ ума". А можетъ быть просто никому не приходило въ голову или никого изъ сильныхъ дѣятелей театра не увлекала мечта подойти къ „Горю отъ ума" съ новымъ, свободнымъ отъ рутины, замысломъ. Или, можетъ быть, за это, по естественному развитію искусства, долженъ былъ взяться другой театръ, новый, корни котораго находились бы въ искусствѣ того же „дома Щепкина", но который былъ бы избавленъ отъ наслоеній рутины и традиціоннаго шаблона.

Художественный Театръ очень далекъ отъ самообольщенія, что ему вполнѣ удалось осуществить постановку „Горя отъ ума" такъ, какъ онъ мечталъ, приступая къ ней. Труда и вниманія всѣхъ силъ Театра было потрачено очень много; но кромѣ того, что у Театра могло оказаться недостаточно талантовъ для блестящаго выполненія задачи, препятствія возникали тамъ, гдѣ ихъ меньше всего можно было ожидать. Эти препятствія, поскольку они рисуютъ искусство театра вообще, представляютъ не меньше интереса, чѣмъ изложеніе, въ общемъ и въ подробностяхъ, того, въ чемъ Художественный Театръ видѣлъ реставрацію „Горя отъ ума".

Читатель не потребуетъ отъ меня, надѣюсь, особенныхъ завѣреній въ томъ, что я буду разсказывать вполнѣ искренно, нисколько не думая ни объ упрекахъ въ восхваленіи Художественнаго Театра, ни о злорадствахъ надъ его ошибками.

III.

Отрицательная сторона традиціоннаго исполненія заключается въ томъ, что фантазія актеровъ вдохновляется не проникновеніемъ въ эпоху, въ характеры, не переживаніями созданныхъ Грибоѣдовымъ лицъ, а тѣмъ, какъ ихъ играли актеры предшествующихъ поколѣній. Актерская фантазія въ этомъ случаѣ питается чужой индивидуальностью.

Актерское наслѣдство—явленіе вообще опасное. Школа прекрасна до тѣхъ поръ, пока она устанавливаетъ сущность опредѣленныхъ теченій. Если же она учитъ образцамъ, она гибельна для индивидуальности и нужна только посредственностямъ для скорѣйшаго достиженія недурныхъ копій.

Первая заповѣдь русскаго реализма на сценѣ, представителемъ котораго считается Щепкинъ, призываетъ актера *идти отъ жизни.*

„Отъ жизни“—значитъ не отъ сценическаго трафарета, не отъ штампованныхъ пріемовъ. „Отъ жизни“—значитъ отъ личныхъ наблюденій и опыта, отъ переживанія и перевоплощенія, отъ фантазіи, питающейся явленіями жизни, а не сцены.

Актеръ, пріучающій себя изображать опредѣленными сценическими пріемами ужасъ, радость, гнѣвъ, слезы, смѣхъ, ненависть, любовь, грусть, страхъ и т. д., мало-по-малу не только утрачиваетъ способность къ созданіямъ образовъ, но даже перестаетъ понимать разницу между тѣмъ, что̀ жизненно и что̀ „театрально“. Ему всегда кажется, что онъ не „театраленъ“ и вы все равно ничѣмъ его не убѣдите. И его артистическій ростъ сводится къ изощренности сценическихъ пріемовъ.

Между „созданіемъ“ образа и самой виртуозной „игрой“ роли—такая же разница, какъ между солнечнымъ и искусственнымъ освѣщеніемъ.

Виртуозность доставляетъ немалую радость для любителя искусства, но въ ней никогда не можетъ быть той убѣдительности, какая присуща созданію. Актеръ искреннихъ переживаній съ меньшими выразительными средствами будетъ всегда ближе душѣ зрителя, чѣмъ актеръ утонченныхъ пріемовъ. Для актера, цѣль котораго захватить зрителя искренностью переживаній, вскрытіемъ психическихъ движеній даннаго образа, его выразительныя данныя—лицо, дикція, темпераментъ—только средства. Для актера же, „играющаго роль“, въ этихъ данныхъ и виртуозности ихъ—самодовлѣющая цѣль.

Но „жить“ актеръ можетъ только чувствомъ, а не словомъ. И всякая драма сохраняетъ свѣжесть своихъ воздѣйствій на зрителя до тѣхъ поръ, пока свѣжи переживанія тѣхъ чувствъ и ихъ столкновеній, которыя и составляютъ данную драму, скажемъ—ея фабулу.

Для „Горя отъ ума“—одно изъ двухъ. Или фабула, драматическія и комическія положенія настолько устарѣли, что уже не могутъ захватывать зрителей переживаніями—и тогда правы тѣ театры и тѣ актеры, которые свели исполненіе „Горя отъ ума“ до виртуознаго чтенія блестящихъ по красотѣ стиховъ. Или же въ этой пьесѣ, кромѣ ея геніальной формы, сама фабула обладаетъ элементами нетлѣнности, способными до сихъ поръ волновать зрителей—и тогда

актеры, только прекрасно читающіе эту комедію, исполняютъ лишь вторую, меньшую половину своей задачи, хотя бы и доводя эту половину до совершенства.

Лѣтъ двадцать назадъ въ современной критикѣ довольно упорно держалось мнѣніе, что „Горе отъ ума"—пьеса вообще мало сценичная и устарѣлая, благодаря примитивности фабулы, и что интересъ къ ней поддерживается только ея чудесными стихами. И не только актеры заботились прежде всего о томъ, какъ они будутъ произносить тѣ или другіе знаменитые стихи и монологи, но и театралы, приходившіе смотрѣть новыхъ исполнителей, оцѣнивали ихъ съ той же точки зрѣнія, вспоминая, какъ эти стихи произносились славными предшественниками новыхъ актеровъ. Интересъ къ положеніямъ поблекъ, какъ поблекли и краски эпохи, и характерности. Напрасно актеры гримировались и одѣвались въ костюмы и напрасно ставились декораціи. Было бы послѣдовательнѣе читать комедію въ сюртукахъ на фонѣ какого-нибудь гобелена.

Художественный Театръ подошелъ къ постановкѣ „Горя отъ ума" прежде всего со стороны фабулы пьесы.

Какъ это ни странно, но разсказать фабулу пьесы далеко не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. А еще болѣе странно, что еще труднѣе разсказать полное содержаніе пьесы, ставшей уже знаменитою, вошедшей въ хрестоматію.

У насъ въ гимназіяхъ—и въ мужскихъ, и въ женскихъ—„Горе отъ ума" входитъ въ программу русской словесности. Не знаю, какъ это дѣло обстоитъ сейчасъ. Но у меня на драматическихъ курсахъ, лѣтъ восемь-десять назадъ, былъ такой случай. Назначилъ я съ учениками готовить отрывокъ изъ „Горя отъ ума" и, какъ всегда, началъ съ бесѣды о пьесѣ. Въ классѣ было около тридцати молодыхъ мужчинъ и женщинъ. Среди нихъ и медальеры. И ни одинъ, ни одинъ не могъ сказать, къ какой эпохѣ относится „Горе отъ ума"! И не таково ли наше грамотное общество на $^{9}/_{10}$? Чацкаго, Фамусова, Софью, Лизу, Молчалина и всѣхъ другихъ знаютъ, знаютъ по именамъ и по сценическимъ трафаретамъ, а не изъ комедіи Грибоѣдова непосредственно, не изъ тѣхъ впечатлѣній, какія она производитъ на живую душу, свободную отъ архивныхъ сценическихъ штамповъ. И множество популярныхъ стиховъ изъ комедіи знаютъ, а кто изъ дѣйствующихъ лицъ произноситъ ихъ и съ какими переживаніями—нѣтъ, мало знаютъ. Я уже не говорю о томъ, что, произнося эти стихи, немногіе скажутъ, что такое ямбъ и александрійскій стихъ.

Такова судьба всякой пьесы съ громкой славой. Ея образы входятъ въ нашъ будничный, житейскій обиходъ и, пущенные въ обращеніе, стираются, какъ монета, до того, что нельзя отличить отпе-

чатаннаго на ней лика. Что Отелло былъ ревнивецъ—это знаетъ всякая лавочница. „Офелія, о, нимфа, помяни меня въ своихъ святыхъ молитвахъ“—это первый стихъ, который произноситъ приказчикъ, мечтающій быть актеромъ. Попросите кого-нибудь разсказать вамъ содержаніе „Гамлета“—и вы легко убѣдитесь, какъ мало знаютъ эту величайшую изъ драмъ, въ какихъ жалкихъ отрепьяхъ, въ какихъ мертвыхъ контурахъ сохраняются дивные образы въ воображеніи нашего полуобразованнаго общества. Или—въ сухихъ, покрытыхъ густымъ слоемъ комментаторскихъ мудрствованій.

Поручите гимназисту, оканчивающему курсъ и имѣющему 5 по русской словесности, изложить содержаніе „Горя отъ ума“. Можно поручиться, что не напишетъ больше чѣмъ на тройку. Да зачѣмъ—гимназисту! Поручите это актеру—разумѣется, не изъ выдающихся по интеллигентности, но много лѣтъ играющему разныя роли въ „Горѣ отъ ума“,—и онъ не съумѣетъ сдѣлать это толково, просто, съ яснымъ пониманіемъ того, что̀ возбуждаетъ сочувствіе, а что̀—смѣхъ. А сыграть—и довольно сносно, такъ, какъ принято играть ту или другую роль,—сыграетъ чуть ли не безъ репетицій.

Для всякой нетлѣнной пьесы наступаетъ время, когда театръ долженъ возобновить ее. Возобновить—не значитъ написать новыя декораціи и перетасовать исполнителей, а напречь всѣ силы театра, его фантазію и усовершенствованную сценическую технику для того, чтобы сыграть эту пьесу, какъ бы она была совершенно новая, никогда неигранная.

Съ такимъ „свободнымъ“ взглядомъ на пьесу и попытался подойти Художественный Театръ къ „Горю отъ ума“.

IV.

Въ утвержденіи текста пьесы Театру помогли П. Д. Боборыкинъ, Алексѣй Н. Веселовскій и В. В. Каллашъ.

Лучшимъ изъ всѣхъ существующихъ изданій мы признали изданіе Озаровскаго. Огромную услугу въ изученіи текста оказала такъ называемая „Музейная“ рукопись, въ изданіи Якушкина. Озаровскій хорошо изучилъ и ее. Поправки въ нашемъ текстѣ противъ изданія Озаровскаго не многочисленны. Попутно нѣкоторыя изъ нихъ я буду приводить.

При составленіи *афиши* мы старались сохранить внѣшній стиль, въ которомъ, при всей наивности, для нашего времени многое очень выразительно.

Афиша такова:

ГОРЕ ОТЪ УМА

Комедія въ 4 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. А. С. Грибоѣдова.

Дѣйствующіе:

Павелъ Афонасьевичъ Фамусовъ, богатый и чиновный московскій дворянинъ, управляющій казеннымъ мѣстомъ.
Софья Павловна, дочь его, влюбленная въ Молчалина.
Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ.
Лиза, горничная Софьи Павловны.
Александръ Андреевичъ Чацкій, молодой человѣкъ, возвратившійся изъ чужихъ краевъ, воспитанный въ домѣ Фамусова вмѣстѣ съ Софьей Павловной.
Сергѣй Сергѣевичъ Скалозубъ, армейскій полковникъ.
Платонъ Михайловичъ Горичъ.
Наталья Дмитріевна, жена его, молоденькая дама.
Князь Петръ Ильичъ Тугоуховскій.
Княгиня жена его съ шестью дочерьми.
Хлёстова Анфиса Ниловна, старуха, свояченица Фамусова.
Графиня Хрюмина-бабушка.
Графиня Хрюмина-внучка.
Загорѣцкій Антонъ Антоновичъ.
Г. N.
Г. D.
Репетиловъ.
Петрушка.
Слуга Фамусова.
Лакеи Чацкаго, Горича, Скалозуба, Репетилова, Хрюминыхъ.
Оффиціанты Фамусова.
Швейцаръ.
Множество гостей всякаго разбора и ихъ лакеевъ при разъѣздѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Фамусова.

(Спустя десять лѣтъ послѣ войны 1812 года, т.-е. въ 1822 году.)

Есть какая-то особенная прелесть въ этихъ ремаркахъ — „влюбленная въ Молчанина“, „возвратившійся изъ чужихъ краевъ“, „княгиня жена его съ шестью дочерьми“ и т. д.

Репетиловъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ поставленъ выше, раньше всѣхъ гостей, но въ большинствѣ стоитъ послѣднимъ. Лиза—вездѣ въ первыхъ мѣстахъ. Чувствуется, что Грибоѣдовъ жилъ гораздо больше intérieur'омъ Фамусовскаго дома, интимной драмой, чѣмъ широтою бытовой картины.

Разумѣется, для декораціоннаго изображенія Фамусовскаго дома мы не пользовались фотографіями тѣхъ московскихъ домовъ, съ которыми преданія связываютъ зарожденіе „Горя отъ ума“. Художе-

ственный Театръ воспользовался ими по стольку же, по скольку и другими сохранившимися домами той эпохи, вплоть до дворцовой обстановки имѣнія Архангельскаго (подъ Москвою). Помимо характернѣйшихъ чертъ Empire'а Москвы 20-хъ годовъ, надо было установить, къ какому именно барству принадлежалъ Фамусовъ.

Здѣсь комментаторы едва ли не больше напутали, чѣмъ помогли разобраться. Мы встрѣчаемся съ оттѣнками, которымъ придается большое значеніе, и въ то же время не имѣемъ ничего установленнаго. „Московскій тузъ“ и „столбовой дворянинъ“, „баринъ“ и „чиновникъ“. Большинство видитъ въ Фамусовѣ московскаго туза. Опираются на скромный отвѣтъ Щепкина, когда его хвалили въ роли Фамусова: „нѣтъ, какой же я баринъ!“ Стало-быть, Щепкинъ зналъ, что ему надо играть знатнаго барина. Но вспомнимъ, кто такой былъ Щепкинъ: актеръ, вышедшій изъ крѣпостныхъ. И каковы должны были быть представленія о барствѣ у актеровъ Императорскихъ театровъ того времени, которымъ директоръ говорилъ „ты“. Щепкинъ легко могъ очень преувеличивать барство Фамусова.

Для рѣшенія вопроса всегда лучше всего обращаться къ самой пьесѣ.

„Богатый и чиновный московскій дворянинъ, управляющій казеннымъ мѣстомъ“... „По должности, по службѣ хлопотня“... Онъ управляетъ архивомъ. Живетъ не въ казенной квартирѣ, а въ своемъ домѣ. Имѣетъ нѣсколько помѣстій—въ Тверской и Саратовской губерніяхъ. Столбовой дворянинъ, занимающій крупный чиновный постъ. Но онъ не принадлежитъ къ такой знати, какимъ былъ Максимъ Петровичъ, хотя это и его дядя. Посмотрите на гостей Фамусова. Только Хлестова—особа. И та держитъ себя такъ, точно сдѣлала особую милость, что пріѣхала къ Софьѣ на вечеръ. Здѣсь нѣтъ ни губернатора, ни предводителя. Самые знатные—Тугоуховскіе и Хрюмины; и тѣ, очевидно, изъ захудалыхъ титулованныхъ. Нѣтъ ни Татьяны Юрьевны, ни Пульхеріи Андреевны, ни княгини Марьи Алексѣевны.

Правда, Фамусовъ не даетъ *бала*. Грибоѣдовъ, по художественнымъ причинамъ, упорно избѣгаетъ настоящаго большого московскаго бала. Онъ три раза мѣняетъ мотивъ, почему у Фамусова только домашній вечеръ. Въ одной редакціи Софья говоритъ: „Великій Постъ, такъ балу дать нельзя“, въ другой—„домъ не великъ“, въ третьей—„мы въ траурѣ“. На сколько можно проникнуть въ замыселъ Грибоѣдова, балъ, какой могъ бы дать Фамусовъ, какой онъ, можетъ быть, давалъ разъ въ годъ, стараясь подражать знаменитымъ баламъ той эпохи,—очень отвлекъ бы поэта отъ интимной драмы, которая волновала его преимущественно, и ему пришлось бы выйти изъ художественныхъ граней замысла...

Во всякомъ случаѣ, знать Москвы не была интимно близка Фамусову. И еслибы Фамусовъ былъ московскій тузъ—чего бы ему такъ ужъ ухаживать за армейскимъ полковникомъ. Женихъ хорошій, но знатный баринъ могъ бы для единственной дочери мечтать о лучшемъ.

Все сводится къ тому, что Фамусовъ хотя и крупный московскій баринъ, но не стоитъ на верхнихъ ступеняхъ ни барства, ни служебной іерархіи. Домъ его не ослѣпителенъ, безъ дворцовой обстановки. Хорошій барскій домъ, одинъ изъ очень многихъ. Да и самый тонъ Фамусова лишенъ той величавости, какая характеризовала бы независимость и силу. Онъ выслужился. И врядъ ли даже Максимъ Петровичъ не смотрѣлъ на своего племянника какъ на тупицу.

Художественный Театръ упрекали въ томъ, что онъ нарушилъ внѣшній замыселъ Грибоѣдова дать первыя три дѣйствія въ одной комнатѣ.

Хотя у Грибоѣдова прямыхъ указаній на это нѣтъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что три дѣйствія происходятъ въ одной комнатѣ, съ дверью въ спальню Софьи и съ дверями въ залъ, которыя раскрываются во второй части 3-го дѣйствія.

Прежде всего Художественный Театръ считаетъ вообще правомъ театра не подчиняться безусловно указаніямъ автора во внѣшней инсценировкѣ пьесы. Старая формула: драматургу принадлежитъ рисунокъ, а театру—иллюминація. Театръ обязанъ съ большимъ вниманіемъ вникнуть во всѣ ремарки автора для того, чтобы овладѣть его внутреннимъ замысломъ. А затѣмъ театръ воленъ добиваться впечатлѣнія отъ этого замысла тѣми средствами, какія онъ считаетъ наиболѣе художественными для своихъ силъ, для своего времени и для своей публики.

Но было бы слишкомъ мелко для Художественнаго Театра, еслибы онъ воспользовался этимъ правомъ только для того, чтобы щегольнуть своимъ декораціоннымъ искусствомъ, или потому, что одной декораціей онъ не съумѣлъ бы дать внѣшнія краски эпохи съ такой полнотой, какъ тремя.

Въ самой пьесѣ встрѣчаются недоумѣнія по поводу одной комнаты для перваго и для второго дѣйствій. Съ одной стороны здѣсь происходитъ интимный діалогъ Софьи съ Лизой рано утромъ, когда „все въ домѣ поднялось“, „стукъ, ходьба, метутъ и убираютъ“. Фамусовъ ошеломленъ, что застаетъ здѣсь Молчалина, шумитъ и доводитъ Софью до слезъ; Чацкій входитъ сюда по докладу слуги („Къ вамъ Александръ Андреичъ Чацкій“). А съ другой стороны—въ этой же комнатѣ Фамусовъ отдаетъ распоряженія Петрушкѣ — „разныя дѣла на память въ книгу вносимъ“, да и календарь находится здѣсь же („Достань-ка календарь“) и, наконецъ, здѣсь же онъ принимаетъ Ска-

лозуба, тутъ же, около спальни Софьи [1]). Наконецъ, если въ 3-мъ дѣйствіи, только „всѣ двери настежъ“ и открывается перспектива освѣщенныхъ комнатъ, а все дѣйствіе происходитъ здѣсь же,—то легко придти къ заключенію, что авторъ допускалъ даже нѣкоторыя натяжки для того, чтобы сохранить единство мѣста. Если же мы вспомнимъ, что вся пьеса происходитъ въ одинъ день и что во внѣшней структурѣ комедіи Грибоѣдовъ находился подъ вліяніемъ Мольера, то легко можемъ довѣриться предположенію, что Грибоѣдовъ въ первоначальномъ замыслѣ стремился сохранить знаменитыя три единства—дѣйствія, времени и мѣста. Можетъ быть, здѣсь кроется отчасти и разгадка того, что Грибоѣдовъ написалъ 4-е дѣйствіе гораздо позже первыхъ трехъ. Во всякомъ случаѣ четвертымъ дѣйствіемъ единство мѣста нарушилось: дѣйствіе происходитъ въ томъ же домѣ, но въ другомъ помѣщеніи. Это предположеніе, которое мы считаемъ въ высшей степени вѣроятнымъ, освободило Художественный Театръ отъ обязательства держаться одной комнаты ради единства мѣста. Намъ даже кажутся гармоничнѣе четыре разныхъ декораціи, чѣмъ три дѣйствія въ одной и только четвертое дѣйствіе—въ другой. А внутреннія линіи архитектоники пьесы много выигрываютъ отъ перемѣны комнатъ. Нельзя отдѣлаться, при чтеніи пьесы, отъ впечатлѣнія, что первое дѣйствіе происходитъ въ интимной комнатѣ женской половины дома. Это какая-то маленькая, уютная гостиная рядомъ съ спальней Софьи, можетъ-быть будуаръ ея матери, съ портретомъ покойной, гдѣ впослѣдствіи, въ длинные зимніе вечера, Фамусовъ игралъ съ Madame Розьé въ пикетъ, а Чацкій съ Софьей въ темномъ уголкѣ отдавались первымъ, смутнымъ движеніямъ сердца. Второе же дѣйствіе такъ и просится на мужскую половину, гдѣ рядомъ съ холоднымъ кабинетомъ имѣются портретная, курительная съ большой печью... И третье дѣйствіе—гостиная около танцовальной залы.

Русская сцена не обладаетъ богатствомъ и разнообразіемъ декоративныхъ пріемовъ. Когда ставилось „Горе отъ ума“, Художественный Театръ только что началъ свои исканія въ сторону утонченнаго упрощенія художественно-реальной комнаты или въ сторону такъ называемой стилизаціи. Да на такой пьесѣ, какъ „Горе отъ ума“, гдѣ бытъ играетъ такую громадную роль, было бы легкомысліемъ дѣлать пробы. Между тѣмъ, кто не испыталъ тончайшихъ ощущеній актера, тотъ не пойметъ, что художественно-подлинная обстановка нужна не только зрителю, чтобы легче перенести его фантазію въ эпоху, но и актеру, и даже важнѣе—актеру, черезъ котораго обаяніе стиля передается

[1]) То, что говоритъ объ обстановкѣ 2-го дѣйствія Гарусовъ,—при всемъ уваженіи къ его труду,—представляетъ сплошную натяжку.

зрителю. Есть такія тайны сцены, такія внушенія, которыя не поддаются не только систематическому изученію, но даже простому анализу.

Позвольте для ясности привести такой примѣръ.

Стараясь внушить артисткѣ извѣстный образъ, режиссеръ, среди различныхъ опредѣленій и сравненій, сказалъ слѣдующее:

— Словомъ, сыграйте такъ, чтобы зрителю захотѣлось сравнить образъ этой дѣвушки съ чайной розой.

Режиссеръ разсказывалъ мнѣ потомъ, что онъ испыталъ минуту высшаго счастья за себя, за артистку, за тайны искусства, когда послѣ представленія одинъ изъ зрителей сказалъ ему:

— Была какая-то неуловимая прелесть въ исполненіи этого женскаго образа. Я точно ощущалъ ароматъ желтой розы.

Еще недавно одинъ зритель, говоря со мной объ обстановкѣ недавно поставленной пьесы, дѣлалъ такія сравненія, которыя съ поразительной точностью повторяли образы, какими питалась моя режиссерская фантазія при постановкѣ этой пьесы и какими я рѣшительно ни съ кѣмъ не дѣлился.

Вотъ почему Художественный Театръ дорожитъ подробностями, способными поддержать въ актерахъ настроеніе стиля.

Комната перваго дѣйствія должна дышать дѣвической простотой, сентиментальностью и кружевной легкостью. Карельская береза съ инкрустаціей, маленькіе портреты, бабушкино кресло, трельяжъ, дорожка на крашеномъ полу, масляная лампа, сальная свѣча и щипцы... Всѣ подлинныя подробности дороги. Конечно, до той поры, пока роли еще складываются. Даже видъ книгъ способствуетъ возбужденію фантазіи. Ричардсонъ съ Ловеласомъ и Клариссой, M-me Жанлисъ, M-me Севинье...

Во 2-мъ дѣйствіи, помимо архитектуры, — портреты, портреты, имѣющіе такую неотразимую силу на воображеніе художника, мебель краснаго дерева, словно прокоптѣлаго отъ табаку, своеобразный барометръ — огромное сооруженіе, въ которомъ только и недостаетъ настоящей лягушки, экранъ изъ синяго стекла, чубуки, кисеты, высокія масляныя лампы...

И т. д., и т. д. Можетъ быть, не далеко то время, когда театръ будетъ умѣть давать эпоху и стиль не подробностями обстановки, а болѣе яркими и сгущенными пріемами. Можно дать комнату съ одной стѣной, двумя креслами и однимъ столомъ, и эти стѣна, кресла и столъ будутъ выразительнѣе цѣлой обставленной квартиры; но къ этому русскій, да и западный театръ дѣлаетъ еще только свои первые шаги.

Въ сложномъ „техническомъ аппаратѣ", какъ называютъ нѣмцы

всѣ части сцены, большую роль играетъ освѣщеніе. Но оно стоитъ сравнительно на очень низкой ступени. Въ Художественномъ Театрѣ оно, можетъ быть, и немного лучше, чѣмъ въ другихъ, но и тамъ не найдено, какъ избавиться отъ фальшиваго свѣта рампы, — свѣта спереди и снизу, когда окна сбоку или сзади. А отказаться отъ рампы нельзя безъ ущерба для мимики актера...

V.

Время дѣйствія—Великій Постъ. Въ Художественномъ Театрѣ возстановили стихи: Софьи—„Великій постъ, такъ балу дать нельзя“—и Фамусова—„*Великій Постъ и вдругъ обѣдъ*“: ѣшь три часа, а въ три дни не сварится! *Грибки да кисельки, щи, кашки въ ста горшкахъ*... Отмѣть-ка: въ тотъ же день... нѣтъ, нѣтъ... въ четвергъ я званъ на погребеніе, *а выносъ у Николы въ Сапожкахъ*...“ [1])

Морозное, солнечное утро въ домѣ Фамусова.

Лиза...

О томъ, чтобы избавиться отъ навязчиваго образа Мольеровской субретки, мечталъ еще лѣтъ двадцать назадъ извѣстный московскій критикъ Флеровъ (С. Васильевъ) и рисовалъ ея внѣшность здоровой, упитанной дѣвушкой изъ крѣпостныхъ. Однако, оговаривался, что воспиталась она, можетъ-быть, въ какой-нибудь „Модной лавкѣ“ (Крылова) и потому не только не наивна, но даже опытна въ тѣхъ „амурныхъ“ дѣлахъ, какими такъ смѣло пользовались барышни двадцатыхъ годовъ.

Во всякомъ случаѣ, это—крестьянская дѣвушка лѣтъ двадцати, герой которой не идетъ дальше буфетчика Петруши, смѣтливая, понимающая и опасность „барской любви“, и сентиментальность Софьинаго романа, веселая и суевѣрная, классическій типъ русской крѣпостной дѣвушки, приставленной къ барышнѣ и пользующейся ея довѣріемъ.

Мольеровская субретка—это завѣдомый сценическій штампъ, бѣлыя руки, короткое платье, бантикъ на головѣ, кармашки на передникѣ—и нѣтъ ни одного взгляда, ни одного жеста, ни одной ужимки, которыхъ нельзя бы было предвидѣть каждую минуту. Уйти отъ такого чуждаго русскому быту образа можно только въ бытовую характерность. Исполнительница Художественнаго Театра рискнула даже придать рѣчамъ Лизы легкій крестьянскій акцентъ. Но очень скоро обнаружилось, что это, какъ говорится, рѣжетъ ухо, дисгармонируетъ съ красотой и музыкальностью стиха. Пришлось отъ этого отказаться. Но немного красокъ

---

[1]) Изъ музейной рукописи.

удалось сохранить и вообще для воспроизведенія простой дѣвушки, пришедшей изъ деревни. Малѣйшій преувеличенный въ этомъ направленіи жестъ такъ же шокировалъ самый смѣлый реальный вкусъ, какъ и акцентъ. Въ концѣ концовъ Художественному Театру не удалось создать что-либо новое въ этомъ лицѣ. Но я не могу считать эту задачу безнадежной. Художественному Театру предстоялъ выборъ между двумя исполнительницами: одна — уже опытная и талантливая, и даже съ отличной московской дикціей, но по внѣшности не подходящая къ типу здоровой крестьянской дѣвушки, другая—съ отличными бытовыми средствами, но мало-опытная и не такъ даровита. Выборъ, конечно, остановился на первой—и задача создать яркій по свѣжести красокъ образъ потухла. Зато выиграла общая жизненность, простота исполненія, юморъ и веселость.

Здѣсь кстати остановиться на интересныхъ явленіяхъ, когда актерамъ приходится играть пьесу въ риѳмованныхъ стихахъ. Рѣчь идетъ, разумѣется, о хорошихъ стихахъ. Зрители, далекіе отъ огромнаго актерскаго труда, врядъ ли представляютъ себѣ ясно, въ чемъ собственно заключается трудность исполненія пьесы въ стихахъ. Эта художественная работа прекрасно вознаграждается, потому что красивая ритмичность облегчаетъ впечатлѣніе и часто искупаетъ значительные артистическіе недочеты,—но вмѣстѣ съ тѣмъ и дорого обходится актеру. Я еще не встрѣчалъ актера, который бы сказалъ, что пьесу въ стихахъ ему такъ же легко играть, какъ пьесу въ прозѣ. Самая блестящая память и полное спокойствіе на сценѣ не избавляютъ его отъ особеннаго, упорнаго вниманія, отъ особеннаго страха передъ текстомъ. Не обращая вниманія на суфлера въ другихъ пьесахъ, въ этой актеръ инстинктивнымъ взглядомъ справляется, на мѣстѣ ли тотъ, который, въ случаѣ заминки, можетъ спасти его отъ паники. Рѣдкій актеръ не спроситъ во время представленія пьесы въ стихахъ—„кто сегодня суфлируетъ?“ Если сегодняшній суфлеръ пользуется его довѣріемъ, актеръ выйдетъ на сцену спокойнѣе. И наоборотъ, если онъ не довѣряетъ суфлеру, онъ будетъ непрерывно находиться подъ страхомъ, что въ критическую минуту останется безпомощенъ. А актеръ волнуется, если ему надо думать о словахъ. Они должны литься изъ его устъ съ легкостью обыденной, живой рѣчи.

Но это еще не самое интересное. Любопытны тѣ ограниченія, которыми стихи сдерживаютъ и направляютъ темпераментъ актера. Если признать, что актеръ живетъ на сценѣ чувствомъ, а не словами и что высшимъ проявленіемъ индивидуальности является искренность переживаній,—то вѣдь нѣтъ числа, нѣтъ предѣловъ неожиданнымъ интонаціямъ, оттѣнкамъ, вдохновеннымъ блесткамъ, на которые

способна даровитая индивидуальность. Никакой, самый придирчивый авторъ не поставитъ въ упрекъ актеру не только перестановку словъ, но даже купюры, если актеръ въ своей талантливой интерпретаціи оживляетъ и украшаетъ рисунокъ автора. И нѣтъ предѣла разнообразію паузъ, полусловъ, выразительныхъ звуковъ, логическихъ удареній, какими испещрена роль, искренно переживаемая актеромъ.

На все это стихи налагаютъ свои условія, которыя актеръ обязанъ принять. Онъ не смѣетъ переставить ни единаго слова. Въ свободной интонаціи онъ не можетъ замѣнить запятую точкой, и наоборотъ. Онъ долженъ такъ дисциплинировать свои переживанія, голосъ и дикцію, чтобы одинъ слогъ не прозвучалъ за два. Какъ естественно было бы Лизѣ, потягиваясь съ просонья, произнести: „а-ахъ, какъ скоро ночь минула“. Этого нельзя. Какъ развита въ русскомъ актерѣ привычка испещрять свою рѣчь вставными „да“, „ну“, „вѣдь“, „мм...“ и т. п. Ни одинъ подобный звукъ не допускается въ стихахъ. Но отъ этихъ всѣхъ погрѣшностей еще можетъ удержать музыкальное ухо, по хорошей инерціи. А паузы? Нельзя поставить одну риѳму отъ другой на далекое разстояніе. Напримѣръ:

Переведу часы, хоть знаю, будетъ гонка:
Заставлю ихъ играть. Ахъ, баринъ!
Баринъ, да.
Вѣдь экая шалунья ты, дѣвчонка.
Не могъ придумать я, что это за бѣда.

Во время этихъ четырехъ стиховъ сколько движенія на сценѣ! Лиза идетъ къ часамъ и переводитъ ихъ, часы играютъ, Фамусовъ заглядываетъ въ дверь, съ любопытствомъ смотритъ на странное занятіе Лизы, приближается къ ней, она оглядывается, пугается. Но стихи не позволяютъ не только тратить на это много времени, но даже слишкомъ отвлекать вниманіе отъ двухъ риѳмъ: „гонка“ и „дѣвчонка“ и двухъ другихъ: „баринъ, да“—„что это за бѣда“...

Дѣлать на каждомъ стихѣ остановку—грубо; говорить стихи какъ прозу—значитъ убивать музыкальность и красоту риѳмы.

Ну, разумѣется, къ тому бъ
И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать онъ балы.
Вотъ, напримѣръ, полковникъ Скалозубъ...

Требуется тонкое мастерство, чтобъ не исчезли риѳмы „къ тому бъ“ и „Скалозубъ“ и чтобъ рѣчь оставалась непринужденною.

Логическія ударенія, въ которыхъ индивидуальность особенно капризничаетъ, здѣсь, въ огромномъ большинствѣ, строго указаны стихомъ.

Существуетъ двоякое толкованіе стиха Чацкаго: „И кажется, что

въ этомъ". Одни утверждаютъ, что Чацкій просто указываетъ на опредѣленный уголъ комнаты, другіе — что въ этомъ стихѣ заключается лирическое отношеніе Чацкаго къ чистымъ, дѣтскимъ играмъ съ Софьей въ темномъ уголкѣ. Соблазнъ оттѣнить эту фразу лиризмомъ, конечно, силенъ. Но не было бы ни соблазна, ни спора, если бы просто справились съ русскимъ стихосложеніемъ, которое не допускаетъ ударенія на *что*, такъ какъ оно неминуемо нарушитъ ямбъ. А вѣдь нѣкоторые издатели даже внесли въ изданіе свое объясненіе и напечатали „что" курсивомъ, какъ подлежащее ударенію...

Таковы суровые для актера и въ то же время прекрасные законы стиха. Но они мало тяготятъ, если задача актера сводится къ чтенію ихъ—и очень осложняютъ трудъ актера, если онъ видитъ высшую цѣль свою въ искреннихъ переживаніяхъ.

Вл. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1910.

Парламентскіе выборы во Франціи.—Избирательныя программы и воззванія кандидатовъ.—Рѣчь министра-президента Бріана и враждебная ему демонстрація.—Общій характеръ выборовъ и ихъ особенности.—Лекція Рузвельта въ Парижѣ.—Избирательная реформа въ Пруссіи.—Политическій кризисъ въ Англіи.

Французская республика обновила составъ своего парламента при общемъ спокойствіи и даже, быть можетъ, равнодушіи населенія. Огромное большинство избирателей повидимому перестало ожидать какихъ-нибудь крупныхъ перемѣнъ въ ходѣ внутренней политики страны; установившійся порядокъ вещей представляется настолько прочнымъ, что ни враги, ни защитники его не имѣютъ повода вступать изъ-за него въ борьбу. Правда, различныя политическія партіи вырабатываютъ и поддерживаютъ болѣе или менѣе радикальныя программы реформъ; но въ сущности общественное мнѣніе мало интересуется этими программами и не придаетъ имъ большого реальнаго значенія. При республиканской свободѣ политической жизни очень многое достигается

народомъ безъ помощи правительства и безъ содѣйствія законодательной власти. Въ обществѣ падаетъ вѣра въ спасительность оффиціальныхъ государственныхъ мѣръ для рѣшенія общихъ соціально-политическихъ вопросовъ. Недавно еще казалось, что французская демократія настойчиво стремится къ установленію новой избирательной системы, построенной на принципѣ пропорціональнаго представительства; между тѣмъ стоило только министру-президенту высказаться противъ своевременности этой реформы—и тотчасъ же все движеніе въ пользу преобразованія затихло. Съ другой стороны, можно было думать, что скандальныя разоблаченія относительно хищническаго способа ликвидаціи церковныхъ имуществъ возбудятъ энергію реакціонной оппозиціи и подорвутъ довѣріе къ кабинету Бріана; однако, министръ-президентъ успѣлъ доказать, что въ бытность свою министромъ юстиціи онъ старался ввести дѣйствительный контроль надъ дѣятельностью ликвидаторовъ, но встрѣтилъ упорное сопротивленіе въ канцеляріяхъ судебнаго вѣдомства, гдѣ рутинные пріемы и обычаи пользуются непоколебимымъ авторитетомъ. Многіе, конечно, недовольны господствомъ рутины и традиціи въ правительственныхъ учрежденіяхъ; но это недовольство нисколько не повліяло на результаты парламентскихъ выборовъ 24-го апрѣля.

Само собою разумѣется, что видимое равнодушіе къ широковѣщательнымъ политическимъ программамъ истолковывается ихъ составителями и сторонниками по своему. Извѣстный проповѣдникъ избирательной реформы, Шарль Бенуа, въ своемъ воззваніи къ избирателямъ заявлялъ слѣдующее: „Франція въ настоящее время болѣе чѣмъ скучаетъ, — она устала. Погруженное въ долгій сонъ, общественное мнѣніе, когда его встряхиваютъ, не знаетъ въ точности, чего оно хочетъ, но чувствуется, что оно не хочетъ уже того, что̀ имѣетъ, и смутно надѣется на что-нибудь иное — на республику, конечно, но на другую манеру существованія республики, на учрежденія, законы, нравы, пріемы, болѣе широко, великодушно и равномѣрно республиканскіе. Прежде всего страна ждетъ и желаетъ мира. Когда дадутъ ей миръ совѣсти, воли и интересовъ—миръ религіозный, миръ гражданскій, миръ соціальный? Многое было разрушено за полвѣка: когда же начнутъ опять строить? Когда приступятъ къ организаціи демократіи, организуя свободу, всеобщее голосованіе, трудъ?.. Невѣдомыя прежде силы родились фактически; нужно ввести ихъ въ область права. Нужно рѣшиться на реформы, которыя обновятъ эту уставшую страну, всколыхнувъ ее до основанія — реформу конституціонную, парламентскую, избирательную, со всѣми вытекающими изъ нея послѣдствіями, реформу административную, судебную, фискальную, реформы соціальныя“. По мнѣнію Шарля Бенуа, французская нація

устала потому, что ее мало встряхиваютъ коренными реформами; она нуждается, будто бы, въ такихъ перемѣнахъ, которыя придуманы для нея знающими людьми, независимо отъ ея собственныхъ мнѣній и желаній. Странѣ приписывается здѣсь пассивная, страдательная роль; она является для Бенуа предметомъ реформаторства, не только смѣлаго и всесторонняго, но и оглушительнаго, ошеломляющаго. Нѣтъ сомнѣнія, что такой взглядъ на вещи совершенно не соотвѣтствуетъ демократическимъ идеямъ. Если нація не стремится сознательно къ реформамъ и не отдаетъ себѣ отчета въ ихъ важности, то во имя чего же будутъ навязывать ихъ народу и обновлять ими страну? Почему надо встряхивать уставшую Францію, вмѣсто того, чтобы дать ей наслаждаться заслуженнымъ спокойствіемъ?

Болѣе осторожно и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленно выражались другіе республиканскіе дѣятели въ своихъ обращеніяхъ къ избирателямъ. Министръ торговли, соціалистъ Вивіани, говорилъ о „великихъ пріобрѣтеніяхъ революціи", которыя нужно сохранить, и о дальнѣйшихъ усиліяхъ для ихъ расширенія и укрѣпленія; онъ стоитъ за „безконечное развитіе и движеніе общества на пути къ соціальной справедливости", за мирное „умственное и экономическое освобожденіе бѣдняковъ-работниковъ", за „сохраненіе и признаніе собственности, какова она есть, въ рукахъ крестьянъ и коммерсантовъ, — собственности, пріобрѣтенной трудомъ, поддерживаемой постоянною работою", за распространеніе просвѣщенія и за улучшеніе техники во всѣхъ отрасляхъ промышленности и, наконецъ, за соблюденіе гарантій внѣшней безопасности государства путемъ разумной и достойной политики, опирающейся на военную силу. Министръ называетъ себя „соціалистомъ", но его руководящія идеи не имѣютъ въ себѣ ничего соціалистическаго и могутъ быть охотно восприняты всякимъ убѣжденнымъ представителемъ буржуазіи. Вивіани гордится тѣмъ, что онъ способствовалъ осуществленію „двадцати четырехъ соціальныхъ законовъ, изъ которыхъ одинъ—о пенсіяхъ для рабочихъ и крестьянъ въ видахъ обезпеченія ихъ въ старости — останется заслугою его жизни"; однако никто не смотрѣлъ на эти скромные соціальные законы какъ на частичныя попытки осуществленія соціалистической программы. Жанъ Жорѐсъ, съ своей стороны, справедливо утверждаетъ, что все, сдѣланное до сихъ поръ въ области соціальнаго законодательства, достигнуто лишь настойчивыми усиліями и энергіею соціалистовъ. „Одинъ соціализмъ долго доказывалъ необходимость и возможность законныхъ пенсій для стариковъ-рабочихъ и крестьянъ — и то, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ объявлялось утопіею и шарлатанствомъ, превратилось въ законъ, хотя въ формѣ еще недостаточной, но допускающей развитіе и улучшеніе. Придется, прежде

всего, понизить возрастъ, съ котораго начинается выдача пенсій (65 лѣтъ) и до котораго рѣдко доживаютъ рабочіе, особенно въ такихъ истощающихъ и убійственныхъ отрасляхъ промышленности, какъ напр. стекольное производство. Такъ же точно одни соціалисты неоднократно спасали въ палатѣ проектъ подоходнаго налога, угрожаемый коварными поправками буржуазныхъ лѣвыхъ, и еслибы партія соціалистовъ располагала какимъ-нибудь вліяніемъ въ сенатѣ, то конечно реформа налоговъ не застряла бы тамъ на неопредѣленное время". Для того, чтобы соціализмъ могъ проявить всю свою „освободительную энергію", Жорéсъ предлагаетъ отречься отъ системы выборовъ по округамъ, связанной съ господствомъ мелкихъ мѣстныхъ интригъ и позорныхъ сдѣлокъ, и перейти къ болѣе широкой системѣ выборовъ по департаментскимъ спискамъ, на основѣ пропорціональнаго представительства. За эту же реформу высказывается и старый оппортунистъ, нѣкогда сотрудникъ Гамбетты, Жозефъ Рейнакъ. Умѣренный Поль Дешанель не отстаетъ отъ радикаловъ въ перечисленіи желательныхъ преобразованій. Поль Думеръ повторяетъ программу, предложенную имъ на выборахъ 1906-го года и дающую матеріалъ для реформаторскаго законодательства на многіе годы и даже десятки лѣтъ.

Представителями непримиримой республиканской оппозиціи остаются только „объединенные соціалисты", организаторы и дѣятели синдикальнаго рабочаго движенія, къ которымъ примыкаютъ иногда и откровенные анархисты. Нынѣшній министръ-президентъ, Аристидъ Бріанъ, какъ будто созданъ для роли примирителя передовыхъ прогрессивныхъ партій; своимъ мягкимъ и въ то же время дѣловымъ краснорѣчіемъ онъ одинаково привлекаетъ различные республиканскіе элементы, отъ умѣренно-либеральныхъ до радикальныхъ и соціалистическихъ. Будучи соціалистомъ въ принципѣ, онъ на практикѣ дѣйствуетъ за-одно съ буржуазными группами и пользуется ихъ расположеніемъ и довѣріемъ. Въ своей рѣчи передъ избирателями въ Сенъ-Шамонѣ, 11 апрѣля (нов. ст.), онъ выступалъ проповѣдникомъ примиренія на почвѣ порядка и законности; избирательную реформу онъ думаетъ расширить въ томъ смыслѣ, чтобы срокъ полномочій палаты былъ увеличенъ и чтобы обновленіе ея производилось по третямъ, для сообщенія большей устойчивости и постоянства законодательной работѣ. Республика, по его словамъ, должна быть воплощеніемъ справедливости; она можетъ и обязана защищаться отъ нападеній, угрожающихъ ея основамъ, но внѣ этихъ моментовъ борьбы, въ періоды обезпеченнаго спокойствія, она должна оставаться вѣрною своему назначенію.

Въ то самое время, когда министръ-президентъ произносилъ эти хорошія слова о мирѣ и согласіи, снаружи, со стороны площади,

раздавались шумные крики; толпа стала бросать камни въ зданіе манежа, гдѣ происходилъ банкетъ, и около двадцати оконъ было разбито. Съ большимъ трудомъ удалось полиціи преградить нападавшимъ доступъ въ помѣщеніе министерскаго митинга. Эта манифестація была устроена сторонниками соперника Бріана на выборахъ, кандидата „объединенныхъ соціалистовъ", Лорисса. Собраніе соціалистовъ, происходившее въ городской ратушѣ подъ предсѣдательствомъ секретаря биржи труда, имѣло первоначально мирный характеръ; ораторы убѣждали собравшихся не совершать и не допускать никакихъ насилій, и большинство готово было ограничиться внушительною легальною демонстраціею. Внезапно кто-то закричалъ, что въ залѣ находятся шпіоны; толпа бросилась на полицейскихъ коммиссаровъ, жестоко избила ихъ и продолжала воевать съ полиціею на улицѣ. Послѣ вынужденнаго перерыва Бріанъ возобновилъ свою рѣчь. „Мои слова о мирѣ, согласіи и свободѣ для всѣхъ — сказалъ онъ — были весьма своевременно подчеркнуты маленькою манифестаціею, свидѣтелями которой мы были и которая лишній разъ доказываетъ, что среди массы лицъ, имѣющихъ точное представленіе о свободѣ, остаются еще заброшенные въ природѣ люди, нуждающіеся въ усвоеніи этого понятія. Но подобныя манифестаціи не могутъ заставить насъ измѣнить свои мнѣнія и уклониться отъ нашихъ задачъ и усилій. Настанетъ когда-нибудь часъ, когда наиболѣе волнующіеся поймутъ, что соціальный идеалъ не выражается въ такихъ манифестаціяхъ и что нужно умѣть уважать свободу своихъ согражданъ, чтобы показать себя достойными свободы, съ нѣкоторою надеждою осуществить ее". Однако, въ ожиданіи этихъ будущихъ временъ, благодушный оптимизмъ приводитъ пока къ печальнымъ и нерѣдко кровавымъ столкновеніямъ. Бріану пришлось испытать на себѣ неудобство этого преждевременнаго оптимизма. По окончаніи банкета онъ очутился въ осадномъ положеніи; попытка его выйти на улицу вызвала серьезную свалку, отъ которой пострадали окружавшіе министра мѣстные почетные обыватели. Бріанъ долженъ былъ по неволѣ вернуться обратно въ манежъ и ждать прихода свѣжихъ полицейскихъ силъ, содѣйствіе которыхъ онъ отвергалъ въ принципѣ; онъ прослѣдовалъ потомъ, въ сопровожденіи своихъ друзей и почитателей, подъ защитою жандармовъ и агентовъ, прибывшихъ изъ Сентъ-Этьенна. Изъ толпы бросали камни и кое-гдѣ слышны были выстрѣлы; путешествіе министра-президента до вокзала было для него далеко не безопасно. Виновниками безпорядковъ и насилій оказались не столько соціалисты, сколько присоединившіеся къ нимъ анархисты; но кто бы ни нарушалъ порядокъ, всегда можно будетъ считать несомнѣннымъ, что при самомъ лучшемъ режимѣ найдутся озлобленные люди, поддающіеся порывамъ чувства,

а не внушеніямъ разума. Бріанъ возлагаетъ всѣ свои надежды на лучшія стороны человѣческой природы; онъ разсчитываетъ на убѣдительную силу логики и правды, упуская изъ виду тѣ инстинкты, которые иногда неодолимо прорываются наружу подъ гнетомъ житейскихъ невзгодъ и бѣдствій. Обычные анархисты суть именно люди, не нашедшіе и не могущіе найти себѣ опредѣленнаго мѣста въ буржуазномъ обществѣ; они страдаютъ отъ всей окружающей ихъ соціальной обстановки и легко увлекаются на путь насилія. Эти безпокойные элементы не имѣютъ, конечно, ничего общаго съ теоретическими сторонниками анархизма, отрицающими принудительную государственность во имя свободныхъ формъ общежитія.

Бріанъ въ концѣ своей рѣчи коснулся и другого явленія, тѣсно связаннаго съ анархизмомъ—отрицанія національнаго патріотизма и усилившейся въ послѣдніе годы пропаганды антипатріотическихъ идей среди рабочихъ. Революціонеры, склонные прибѣгать къ физическому воздѣйствію относительно своихъ согражданъ, „совѣтуютъ націи не защищаться при нападеніи, подчиняться непріятельскому нашествію, отдаваться подъ власть врага и мириться съ рабствомъ". По истинѣ—продолжалъ министръ—„это пропаганда самая нелогичная, самая противорѣчивая, самая нелѣпая, какую можно себѣ представить. Къ счастью, она не имѣетъ успѣха въ массѣ рабочихъ. Они поняли, что у нихъ есть обязанности, сближающія ихъ съ другими гражданами страны. Они—соціалисты и республиканцы. Всѣ ихъ усилія должны быть направлены къ защитѣ и украшенію свободы и республики, къ распространенію сіянія Франціи на весь міръ. Соціалисты и республиканцы должны вступить въ тѣсный братскій союзъ во имя величія Франціи и республики". Эти красивыя фразы всегда вызываютъ рукоплесканія и производятъ надлежащій эффектъ, но анализировать ихъ не слѣдуетъ, ибо въ нихъ могутъ оказаться скрытыя несообразности. Еслибы, по совѣту Бріана, соціалисты тѣсно соединились съ республиканцами, то это означало бы одно изъ двухъ: или соціалисты перестали быть соціалистами и превратились въ буржуазныхъ республиканцевъ, или буржуазные республиканцы прониклись соціалистическими идеями и отреклись отъ всѣхъ своихъ старыхъ принциповъ. И въ самомъ дѣлѣ, на языкѣ французскихъ политическихъ дѣятелей соціализмъ получаетъ какое-то особое условное значеніе, совершенно невинное съ точки зрѣнія буржуазіи. Для Вивіани соціализмъ есть не что иное, какъ режимъ собственности, пріобрѣтаемой трудами крестьянъ и коммерсантовъ; для Бріана соціализмъ сводится къ идеямъ единенія и солидарности между всѣми доброжелательными гражданами Франціи — между капиталистами и рабочими, между защитниками и противниками буржуазнаго строя. Нѣкоторые идутъ

дальше и допускаютъ солидарность между рабочими классами различныхъ странъ; но эта форма единенія, исключающая возможность войны между націями, кажется Бріану зловредною и нелѣпою, потому что она предполагаетъ, будто бы, отказъ отъ защиты въ случаѣ нападенія, отрицаніе права необходимой обороны, готовность подчиниться иноземнымъ завоевателямъ. Въ дѣйствительности, разумѣется, проповѣдники всеобщаго мира именно потому и отрицаютъ шаблонный патріотизмъ, что считаютъ его излишнимъ при господствѣ солидарности между народами, когда о непріятельскихъ нашествіяхъ, о нападеніи и оборонѣ не можетъ быть и рѣчи. Публика, впрочемъ, не разбираетъ этихъ тонкостей; она одинаково рукоплещетъ и патріотамъ, краснорѣчиво говорящимъ о національномъ достоинствѣ и могуществѣ Франціи, и идеалистамъ, разсуждающимъ о ненужности армій и объ установленіи всеобщаго мира.

Французскіе избиратели отнеслись сочувственно къ примирительной политикѣ Бріана и доставили ему крупное большинство въ новой палатѣ. Предстояло избрать всего 597 депутатовъ; избрано около 360, а остальные подлежатъ перебаллотировкѣ. Въ общемъ замѣчается усиленіе лѣвыхъ партій, преобладаніе послѣдовательныхъ соціалистовъ надъ радикалами-соціалистами, значительный упадокъ монархическихъ и клерикальныхъ группъ. Во многихъ округахъ сразу проходятъ малоизвѣстныя лица, а выдающіеся республиканцы терпятъ неудачу. Жорѐсъ не получилъ абсолютнаго большинства голосовъ, точно такъ же какъ и президентъ палаты Бриссонъ, министръ публичныхъ работъ Мильеранъ, Поль Думеръ; всѣ они должны подвергнуться вторичному голосованію. Въ Парижѣ избрано нѣсколько завѣдомыхъ реакціонеровъ, націоналистовъ и монархистовъ, какъ Морисъ Баррѐсъ, адмиралъ Бьенэмэ, Дени Кошенъ, Жоржъ Берри, Милльвуа; но большинство принадлежитъ радикаламъ-соціалистамъ и „объединеннымъ соціалистамъ". По поводу избранія бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ Делькассѐ въ департаментѣ Арьежъ произошли безпорядки; толпа опрокидывала ящики съ бюллетенями, разбрасывала и топтала ихъ, громко выражая свои протесты противъ „марокканца", „человѣка войны"; очень многіе голоса, поданные за него, не могли быть приняты въ разсчетъ, но тѣмъ не менѣе онъ оказался избраннымъ, хотя и ничтожнымъ большинствомъ. Противники Делькассѐ выставляли его виновникомъ марокккской экспедиціи, сторонникомъ войны— и этого предположенія было достаточно, чтобы возбудить противъ него ненависть мѣстныхъ обывателей. Подобные эпизоды лучше всего характеризуютъ истинное настроеніе французской демократіи. Воинственный патріотизмъ никогда не имѣлъ корней въ массѣ трудящагося населенія; онъ большею частью представлялъ собою искус-

ственный продуктъ политиканства, и окончательно теряетъ почву по мѣрѣ укрѣпленія демократическихъ началъ въ управленіи и политикѣ. Типъ воинственнаго патріота, нѣкогда столь распространенный и популярный во Франціи, почти совершенно исчезаетъ среди политическихъ дѣятелей страны.

Интересный матеріалъ для сопоставленій даетъ лекція, прочитанная въ Сорбоннѣ бывшимъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, Теодоромъ Рузвельтомъ, 23-го апрѣля, на тему: „гражданинъ республики". Со времени своего удаленія со сцены активной политики Рузвельтъ путешествуетъ по разнымъ странамъ; въ Африкѣ онъ охотится на дикихъ звѣрей, въ Европѣ является туристомъ, и повсюду остается жизнерадостнымъ, полнымъ силъ и энергіи представителемъ сѣверо-американской націи. Въ своей лекціи онъ не сообщилъ слушателямъ ничего особенно новаго или оригинальнаго; онъ не вдавался ни въ какія теоретическія разсужденія, а говорилъ простымъ языкомъ о достоинствахъ и задачахъ человѣка, желающаго быть сознательнымъ и полезнымъ гражданиномъ своей страны. Правда, онъ говорилъ по-англійски, и вѣроятно немногіе понимали его рѣчь въ аудиторіи Сорбонны; но на другой день напечатанъ былъ въ газетахъ полный текстъ лекціи во французскомъ переводѣ, и публика получила возможность оцѣнить ея содержаніе. Изображая идеалъ человѣка и гражданина, Рузвельтъ обращаетъ главное вниманіе на среднія, господствующія качества, обезпечивающія успѣхъ въ жизни. „Каждый долженъ умѣть и желать трудиться, бороться въ случаѣ надобности и имѣть много здоровыхъ дѣтей"; послѣднее чрезвычайно важно, по мнѣнію Рузвельта, и на этомъ онъ настаивалъ такъ обстоятельно и энергично, что французская публика могла принять его замѣчанія на свой счетъ. Онъ рѣзко осуждалъ сознательное безплодіе, какъ и искусственное ограниченіе количества дѣтей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ первою обязанностью человѣка доставленіе благосостоянія и комфорта своей семьѣ. Богатые люди, милліонеры и милліардеры, сами по себѣ, будучи только воплощеніемъ богатства, не имѣютъ никакого значенія; они становятся полезными только тогда, когда хорошо и умѣло употребляютъ свои средства для общаго блага. Равенство между людьми заключается въ одинаковой доступности различныхъ отраслей дѣятельности для всѣхъ, а нисколько не въ равномъ правѣ всѣхъ на одинаковыя житейскія преимущества. Рузвельтъ стоитъ за свободное и широкое развитіе индивидуализма; онъ не вѣритъ въ доктринерскій соціализмъ, но считаетъ возможнымъ и благотворнымъ примѣненіе отдѣльныхъ его сторонъ и принциповъ, безъ чрезмѣрныхъ обобщеній. Онъ горячо высказывается также за патріотизмъ, за особое отношеніе къ своему отечеству и къ родной

странѣ; но любовь къ родинѣ не должна выражаться въ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ, направленныхъ противъ чужихъ націй. Рузвельтъ закончилъ свою лекцію обычными комплиментами по адресу Франціи. Его политическіе и соціальные взгляды вытекаютъ изъ свойствъ его темперамента, какъ боевой натуры; для французовъ эти взгляды мало соблазнительны и едва ли убѣдительны.

Какъ реальный политикъ, бывшій американскій президентъ цѣнитъ только активныя, дѣйствующія силы; онъ враждебно относится къ неопредѣленнымъ и расплывчатымъ теоріямъ, не имѣющимъ подъ собою практической почвы. „Гражданинъ—говоритъ онъ—долженъ имѣть высокій идеалъ, но онъ долженъ также имѣть возможность достигнуть и осуществить его. Никакое прочное благо не получается отъ стремленій столь возвышенныхъ, что они граничатъ уже съ фантастическимъ и что самое осуществленіе ихъ становится невозможнымъ или даже нежелательнымъ. Туманный мечтатель гораздо рѣже служитъ путеводителемъ и провозвѣстникомъ, чѣмъ опаснымъ врагомъ практическаго реформатора, человѣка, который, при всѣхъ своихъ недочетахъ и ошибкахъ, способствуетъ, однако, въ извѣстной мѣрѣ осуществленію надеждъ и желаній людей, стремящихся къ завоеванію лучшаго. Горе составителямъ пустыхъ фразъ, безплоднымъ спорщикамъ, которые, вмѣсто того чтобы очистить почву предъ человѣкомъ дѣла, обращаются противъ него и мѣшаютъ его работѣ! Проповѣдникъ идеала долженъ всегда помнить, какую жалкую и презрѣнную фигуру будетъ онъ представлять собою и какой великій вредъ онъ причинитъ другимъ, если онъ не постарается самъ въ своей собственной жизни прилагать на дѣлѣ тѣ высокія доктрины, которыя онъ разъясняетъ своимъ согражданамъ. Онъ не долженъ также забывать, что цѣнность идеала во многомъ зависитъ отъ степени его осуществимости. Надо держаться подальше отъ такъ называемыхъ практическихъ людей, для которыхъ практика жизни есть только извѣстная форма низости, отрицающая вѣру въ мораль, въ приличіе, въ изящные способы существованія и поведенія. Такіе люди — худшіе враги политическаго организма; но по справедливости еще ниже стоятъ ихъ теоретическіе противники и реальные союзники, люди фантастическихъ видѣній, которые неустанно гонятся за неосуществимымъ лучшимъ и пренебрегаютъ возможнымъ реальнымъ добромъ“.

Реализмъ Рузвельта, очевидно, вовсе не похожъ на то практическое направленіе политики, которое называется реальнымъ во Франціи. Нѣкоторая расплывчатость, прикрываемая мягкими и изящными формами, обязательна тамъ, гдѣ требуется примиреніе и соглашеніе противоположныхъ интересовъ. Нельзя умалять значеніе и силу соціализма только потому, что болѣе удобенъ индивидуализмъ, свя-

занный съ отвѣтственностью каждаго за свои дѣйствія и грѣхи. Французскіе министры должны по неволѣ совмѣщать соціалистическія идеи съ либерально-буржуазными, чтобы имѣть возможность разумно лавировать между различными теченіями общественной жизни; они не могутъ проводить слишкомъ рѣзкую границу между практическими теоріями, расходящимися въ принципахъ, но допускающими частичное примѣненіе въ законодательствѣ и администраціи. Строго-логическая идейная послѣдовательность не считается достоинствомъ для политическаго дѣятеля, если она не связана съ умѣньемъ приспособлять обстоятельства къ поставленнымъ заранѣе общимъ цѣлямъ. Что̀ представляютъ собою, напр., французскіе соціалисты въ должности министровъ — Мильеранъ, Вивіани или самъ Аристидъ Бріанъ? Съ точки зрѣнія Рузвельта, это какіе-то незаконные политическіе ублюдки, противорѣчащіе логикѣ и здравому смыслу; а для французовъ это вполнѣ естественныя и разумныя попытки перебросить мостъ отъ одной части общества къ другой, подготовить почву для компромисса между противоположными, одинаково важными и могущественными интересами. Быть можетъ, и борьба Рузвельта противъ милліардеровъ и ихъ трёстовъ была бы болѣе успѣшна, еслибы она вдохновлялась болѣе общими принципіальными идеями, способными возбуждать симпатію и энтузіазмъ въ широкихъ слояхъ трудящагося населенія.

Вяло и скучно тянулось обсужденіе прусской избирательной реформы въ обѣихъ палатахъ прусскаго парламента. Даже тѣ скромныя улучшенія избирательной системы, которыя предлагались консервативнымъ правительствомъ Бетмана-Голльвега, не встрѣтили сочувствія въ палатѣ депутатовъ и подверглись значительнымъ урѣзкамъ и поправкамъ, дѣлающимъ всю реформу совершенно безцѣльною и безплодною. Палата не согласилась замѣнить косвенные выборы прямыми, съ сохраненіемъ открытой подачи голосовъ, какъ предположено было въ правительственномъ законопроектѣ; большинство рѣшило, напротивъ, оставить въ силѣ систему косвенныхъ выборовъ, но за то ввести тайную подачу голосовъ при избраніи выборщиковъ. Министерство нашло нужнымъ подчиниться этому рѣшенію и въ такомъ видѣ внесло законопроектъ въ палату господъ.

Въ засѣданіи 15 апрѣля, послѣ вступительной рѣчи фонъ-Бетмана-Голльвега, высказались противъ реформы такіе представители прусскаго аристократизма, какъ престарѣлый графъ Вартенслебенъ, князь Гацфельдъ и бывшій министръ двора, фонъ-Ведель-Писдорфъ. Эти ораторы рѣшительно утверждали, что существующій избирательный законъ не нуждается ни въ какой реформѣ, что онъ дѣйствуетъ

въ Пруссіи превосходно, служа надежнымъ оплотомъ исконныхъ началъ прусской государственности, и что попытка сдѣлать что-нибудь новое въ этой области оправдывается единственно лишь обѣщаніемъ монарха въ тронной рѣчи 8-го ноября 1908-го года. Коммиссія палаты господъ постаралась внести въ проектъ такія измѣненія и оговорки, которыя еще болѣе подрываютъ его значеніе. При второмъ чтеніи закона въ верхней палатѣ предложено было заранѣе поставить преграду всякимъ дальнѣйшимъ посягательствамъ на реформу избирательнаго права: для измѣненія новаго закона требовалось бы большинство двухъ третей въ обѣихъ палатахъ, что̀ на практикѣ было бы равносильно закрѣпленію данной избирательной системы на многіе годы. Министръ-президентъ, въ засѣданіи 28-го апрѣля, вновь объяснялъ свою точку зрѣнія и убѣждалъ палату ограничиться лишь тѣми перемѣнами, которыя по существу не противорѣчатъ рѣшеніямъ палаты депутатовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ весь законопроектъ можетъ потерпѣть неудачу. Князь Сальмъ-Горстмаръ допускаетъ принятіе этого закона только какъ необходимое зло. Князь Лихновскій одобряетъ предложеніе фонъ-Шорлемера, принятое правительствомъ и имѣющее цѣлью урегулировать распредѣленіе избирателей на три класса не только въ цѣлыхъ общинахъ, но и въ отдѣльныхъ частяхъ болѣе многолюдныхъ общинъ. Фонъ-Бургсдорфъ оплакиваетъ всякія вообще покушенія на избирательные и прочіе порядки, лежащіе въ основѣ могущества и величія прусской монархіи, и усердные охранительные возгласы этого оратора встрѣчаютъ шумное одобреніе въ палатѣ. Единственная дѣловая и серьезная рѣчь — берлинскаго обербургомистра Киршнера — была выслушана прусскими лордами съ большимъ нетерпѣніемъ. Киршнеръ не безъ остроумія разобралъ своеобразные аргументы фонъ-Бургсдорфа и его единомышленниковъ, стремящихся остановить стихійный ходъ исторіи. Онъ напомнилъ „вѣрному рыцарю“, что люди воевали и противъ вѣтряныхъ мельницъ и что однако подражать этому авторитетному примѣру не слѣдуетъ. Указавъ на коренные недостатки законопроекта, Киршнеръ доказывалъ, что принятіе его никого не удовлетворитъ и не успокоитъ, а только усилитъ недовольство демократическихъ классовъ населенія. Графъ Опперсдорфъ, представитель партіи центра, соглашается съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями Киршнера и рѣзко возражаетъ противъ чрезмѣрнаго оппортунизма правительства, которое не съумѣло отстоять свои первоначальные взгляды и допустило радикальную передѣлку закона въ ущербъ требованіямъ справедливости. Заявленія представителей крупныхъ городовъ о необходимости новаго распредѣленія избирательныхъ округовъ, соотвѣтственно росту городского населенія, не были приняты во вни-

маніе, хотя были поддержаны такимъ авторитетнымъ консерваторомъ, какъ профессоръ Адольфъ Вагнеръ. При голосованіи, 29 апрѣля, палата одобрила законъ большинствомъ 140 противъ 94 голосовъ.

Опытъ избирательной реформы наглядно показалъ всему либеральному обществу въ Пруссіи, какой политическою силою обладаютъ еще привилегированные консервативные классы, къ которымъ оппозиція издавна привыкла относиться пренебрежительно, съ обычнымъ оттѣнкомъ ироніи и насмѣшки. „Юнкерство" имѣетъ твердую опору въ странѣ и располагаетъ обезпеченнымъ большинствомъ въ парламентѣ; оно имѣетъ многочисленныхъ и вліятельныхъ союзниковъ среди просвѣщенной буржуазіи, и съ ними заодно дѣйствуютъ ученые профессора, спеціалисты по экономическимъ и соціальнымъ наукамъ. Обербургомистры Берлина, Кенигсберга, Бреславля и другихъ важнѣйшихъ центровъ Пруссіи тщетно ссылались на очевидную несообразность стариннаго распредѣленія избирательныхъ округовъ по городамъ и селамъ,—распредѣленія, непомѣрно увеличивающаго представительство сельскихъ округовъ на счетъ городскихъ. Такъ какъ эта несообразность въ высшей степени выгодна для „юнкеровъ" и аграріевъ, то она остается въ силѣ, и протесты городовъ отвергаются безъ всякихъ церемоній. Политическое безсиліе либеральныхъ и оппозиціонныхъ партій въ Пруссіи представляетъ фактъ необъяснимый съ точки зрѣнія общепринятыхъ понятій и теорій. Казалось бы, нигдѣ крупная промышленность не достигла такихъ блестящихъ успѣховъ, какъ въ Пруссіи; необыкновенно быстрый ростъ капитализма въ его разнообразныхъ формахъ долженъ былъ выдвинуть на первый планъ буржуазію и усилить ея положеніе въ государствѣ. Мы не видимъ, однако, ничего подобнаго; развитіе капитализма и процвѣтаніе крупной промышленности какъ будто вовсе не измѣнили реальнаго соотношенія общественныхъ силъ и нисколько не повліяли на политическую роль и вліяніе отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. Тѣ же соціальные элементы, которые господствовали въ Пруссіи до половины прошлаго вѣка, продолжаютъ господствовать въ ней и теперь, и это владычество является и нынѣ столь же безраздѣльнымъ, какимъ оно было до революціи 1848-го года. Эта поразительная отсталость въ политическомъ развитіи прусской буржуазіи зависитъ, прежде всего, отъ ея собственнаго поведенія, отъ ея внутреннихъ качествъ и недостатковъ, отъ ея всегдашней пассивности и традиціонной покорности по отношенію къ государству. Либеральныя партіи и группы скромно шли за правительствомъ и позволяли себѣ иногда выражать ему свои пожеланія; но дѣйствовать онѣ не умѣли и не стремились, полагаясь больше на справедливость и благосклонность власти, чѣмъ на собственную энергію и настойчивость. Внутренняя рознь либераль-

ныхъ группъ увеличивала ихъ слабость, и только въ новѣйшее время дѣлались попытки объединенія такихъ родственно-близкихъ между собою элементовъ, которые съ самаго начала не имѣли разумныхъ мотивовъ къ разладу. Если въ послѣдніе годы прусскій либерализмъ начинаетъ проявлять нѣкоторую жизненность, то этимъ онъ обязанъ, главнымъ образомъ, возбуждающему дѣйствію соціалъ-демократіи, которая приняла на себя руководящую роль во всемъ современномъ движеніи по поводу реформы избирательнаго права.

Въ Англіи конституціонный кризисъ развивается по заранѣе опредѣленной программѣ. Въ мартѣ лордъ Розбери внесъ свои резолюціи, смыслъ которыхъ сводится къ признанію необходимости сильной и полноправной верхней палаты и къ установленію извѣстной комбинаціи избирательнаго принципа съ наслѣдственнымъ. Обсужденіе этихъ резолюцій заняло нѣсколько засѣданій палаты лордовъ, начиная съ 14-го марта. Затѣмъ въ палатѣ общинъ разсматривались съ 29 марта внесенныя правительствомъ резолюціи, клонящіяся къ ограниченію права veto верхней палаты, и онѣ приняты были въ засѣданіи 14-го апрѣля большинствомъ приблизительно въ сотню голосовъ, послѣ чего премьеръ Асквитъ тотчасъ представилъ спикеру соотвѣтственный законопроектъ. Очередь дошла, такимъ образомъ, до прошлогодняго бюджета Ллойда-Джорджа, который подлежалъ разсмотрѣнію и принятію послѣ того какъ прошли резолюціи о верхней палатѣ. Бюджетъ возбудилъ горячія пренія, при дѣятельномъ участіи лучшихъ силъ палаты, начиная съ самихъ вождей, Асквита и Бальфура. Въ засѣданіи палаты общинъ 27-го апрѣля, бюджетъ былъ одобренъ и поступилъ въ палату лордовъ, гдѣ обсужденіе его было уже дѣломъ простой формальности. Верхняя палата, по обыкновенію, подчинилась безспорному результату парламентскихъ выборовъ и приняла 29-го числа знаменитый и отчасти роковой для нея бюджетъ, навязанный ей народнымъ голосомъ.

Предварительныя стадіи кризиса пройдены, и теперь предстоитъ проведеніе конституціонной реформы, возвѣщенной резолюціями Асквита и Розбери. Объ этомъ намъ придется говорить болѣе подробно въ одномъ изъ ближайшихъ обозрѣній.

ПАМЯТИ К. Д. КАВЕЛИНА

(† 3 мая 1885-го года.)

Со времени смерти К. Д. Кавелина исполняется четверть вѣка. Сошли со сцены почти всѣ люди его поколѣнія, почти всѣ товарищи его по преподаванію въ университетѣ, громадное большинство его университетскихъ слушателей—но память о немъ живетъ въ широкихъ кругахъ русскаго общества. Его имя дорого всѣмъ интересующимся исторіей русской науки и русской мысли; оно еще дороже знавшимъ его лично, хотя бы только въ послѣдніе годы его жизни. Ученикъ Бѣлинскаго, товарищъ Грановскаго, другъ Герцена и Тургенева, онъ былъ и оставался до конца типичнымъ представителемъ эпохи „сороковыхъ годовъ", донесшимъ до могилы ея лучшіе завѣты и ея „святое недовольство".

Нелегко далась Кавелину бодрость духа и несокрушимость надежды. Мало найдется людей, которымъ пришлось бы перенести столько тяжелыхъ ударовъ и въ частной, и въ общественной жизни. Онъ потерялъ единственнаго сына, талантливаго, много обѣщавшаго юношу; шестнадцать лѣтъ спустя умерла, въ цвѣтѣ лѣтъ, его единственная дочь (Софія Константиновна Брюллова), даровитость которой была замѣчена и оцѣнена такимъ судьею, какъ Тургеневъ. Больше чѣмъ кто-либо призванный къ профессурѣ, краснорѣчивый, соединявшій съ глубокими знаніями удивительную ясность изложенія, привлекавшій къ себѣ не только умы, но и сердца молодежи, онъ дважды счелъ себя вынужденнымъ отказаться отъ каѳедры: въ первый разъ (въ Москвѣ, въ 1848 г.)—по мотивамъ личнаго, этическаго свойства, во второй разъ (въ Петербургѣ, въ 1861 г.)—во время извѣстнаго конфликта между студентами и административною властью. Иниціаторъ коллективной отставки, до тѣхъ поръ небывалой и неизбѣжно принявшей окраску демонстраціи и протеста, Кавелинъ хорошо зналъ, чѣмъ онъ рискуетъ, но не остановился передъ шагомъ, который считалъ для себя нравственно обязательнымъ. Еще раньше онъ былъ удаленъ изъ числа преподавателей наслѣдника цесаревича (Николая Александровича), потому что не хотѣлъ скрывать своего радикальнаго взгляда на способъ отмѣны крѣпостного права. Во всемъ оффиціальномъ мірѣ не нашлось лучшаго примѣненія для выдаю-

щихся дарованій Кавелина, чѣмъ служба по департаменту неокладныхъ сборовъ, которую онъ долженъ былъ принять, за закрытіемъ передъ нимъ другихъ дорогъ и за отсутствіемъ другихъ средствъ къ жизни. Онъ увеличилъ собою число крупныхъ силъ, признанныхъ ненужными или опасными и выброшенныхъ за бортъ русской государственности. Только много лѣтъ спустя, на склонѣ жизни, Кавелинъ получилъ возможность вернуться къ своему излюбленному дѣлу, хотя и въ небольшой, замкнутой аудиторіи. И какъ онъ любилъ эту аудиторію, какъ сердечно относился къ „своимъ" офицерамъ, какъ гордился ихъ вниманіемъ, какъ радовался ихъ успѣхамъ! Популярность его между ними была такъ же велика, какъ и вліяніе его на общій ходъ дѣлъ въ военно-юридической академіи.

Непрерывный трудъ наполняетъ собою все существованіе Кавелина. Переходя отъ одной научной сферы къ другой, онъ вездѣ оставляетъ глубокій слѣдъ, вездѣ пролагаетъ или намѣчаетъ новые пути. Какъ юристъ, онъ раздѣлялъ свое вниманіе между предметами, которые онъ преподавалъ въ университетѣ: исторіей русскаго законодательства, расширявшейся подъ его рукою въ исторію русскаго юридическаго быта, и гражданскимъ правомъ (послѣднему были посвящены и лекціи его въ военно-юридической академіи). Сдѣланное имъ въ первой области положило основаніе его славѣ. Менѣе извѣстны его работы по гражданскому праву, встрѣтившія, при первомъ появленіи ихъ, немало возраженій; но современные юристы находятъ и здѣсь много замѣчательнаго. „Ученіе Кавелина о тѣсной близости областей права частнаго и публичнаго"—говоритъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ—„теперь, въ противоположность господствовавшему въ его время взгляду, начинаетъ признаваться почти всѣми юристами; опредѣленіе гражданскаго права, какъ права имущественныхъ отношеній, также данное Кавелинымъ независимо отъ господствовавшихъ воззрѣній, находитъ сторонниковъ въ лицѣ очень видныхъ германскихъ ученыхъ". О значеніи философскихъ трудовъ Кавелина можно судить уже по тому вниманію, которое они вызвали въ самыхъ различныхъ лагеряхъ. Вокругъ „Задачъ психологіи" возгорѣлась оживленная, продолжительная полемика, въ которой приняли участіе съ одной стороны—Сѣченовъ, съ другой—Юрій Самаринъ. Въ „Задачахъ этики" Кавелинъ затронулъ тѣ проблемы, которыя и теперь волнуютъ русское общество: онъ выдвинулъ на первый планъ вопросъ объ отношеніи между личнымъ совершенствованіемъ и улучшеніемъ общественныхъ условій.

Соприкасаясь съ злобой дня въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, отстаивая, напримѣръ, въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ по гражданскому праву—совпавшихъ, по времени, съ приступомъ къ пере-

смотру нашихъ гражданскихъ законовъ, — полную личную и имущественную правоспособность женщины, Кавелинъ выступалъ и прямо въ качествѣ публициста. О важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ онъ, по условіямъ тогдашняго времени, могъ говорить только въ брошюрахъ, появлявшихся за границей и потому до сихъ поръ недостаточно извѣстныхъ русской публикѣ; но его статьи объ общинномъ землевладѣніи и о другихъ сторонахъ крестьянскаго быта бросали, въ свое время, яркій свѣтъ на важнѣйшую область русской жизни и до сихъ поръ не потеряли своего значенія. Появясь именно въ ту минуту (1882), когда вновь былъ выдвинутъ на сцену крестьянскій вопросъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ оффиціально считавшійся несуществующимъ, навсегда похороненнымъ, книга Кавелина на эту тему указывала пути и средства къ широкому, мирному развитію народной массы. Его голосъ не былъ услышанъ: послѣдніе годы его жизни были омрачены зрѣлищемъ воскресающаго крѣпостничества. Своего кульминаціоннаго пункта реакція достигла уже послѣ его смерти; судьба была къ нему благосклонна, скрывъ отъ него, съ какой быстротой Россія понеслась внизъ по наклонной плоскости, отъ которой предостерегала истинно патріотическая его мудрость. Да, Кавелинъ былъ патріотомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова: онъ вѣрилъ въ русскій народъ, онъ любилъ его не только головою, но и сердцемъ, любилъ крестьянство, какъ великое цѣлое—и отдѣльнаго крестьянина, какъ живую личность. „Больше чѣмъ когда-нибудь"—говорилъ онъ въ частномъ письмѣ отъ 4-го марта 1865-го года [1]),—„я вѣрую въ Россію и люблю ее. То, что̀ вижу теперь вокругъ себя, представляется мнѣ окончаніемъ цѣлаго періода, заключительнымъ актомъ Петровской реформы, которая уходитъ въ прошедшее, исполнивъ свое дѣло. За видимой гнилью, за полинявшей позолотой и почернѣвшей мишурой проходитъ вѣяніе какой-то другой, невѣдомой еще жизни, чувствуется медленное пробужденіе свѣжей силы, не знающей ни себя, ни формулы, которую она будетъ развивать... Старое тихо и безсильно умираетъ; новое медленно нарождается, не спѣша заявлять своихъ правъ, какъ будто и вопроса нѣтъ, что они несомнѣнны". Въ другомъ письмѣ, отъ 11-го іюля того же года, онъ радостно привѣтствуетъ умѣлость и достоинство, съ которыми держатъ себя крестьяне въ только-что открытыхъ, тогда еще не заподозрѣнныхъ и не придавленныхъ земскихъ собраніяхъ. Особенно знаменательны слова, сказанныя Кавелинымъ за годъ до его смерти, въ небольшой запискѣ, при которой посылалась на просмотръ статья С. Я. Капу-

---

[1]) Болѣе подробныя выдержки изъ писемъ Кавелина, полученныхъ мною въ разное время, приведены въ декабрьской „Общественной Хроникѣ" 1890-го года.

стина: „онъ, *подобно мнѣ*, Никита Пустосвятъ или Аввакумъ, безгранично преданный интересамъ сельскаго русскаго населенія, твердо вѣрующій въ общинные элементы русскаго народа и убѣжденный, что только ими мы можемъ обновиться“.

„Преданность интересамъ сельскаго населенія“ руководила Кавелинымъ и въ практической жизни. „Увлекающійся, подвижный“— писалъ я о немъ двадцать лѣтъ тому назадъ,—„онъ обрекаетъ себя на *нѣмецкое* терпѣніе, на шествіе *куринымъ шагомъ*, лишь бы только приблизиться къ излюбленной цѣли—улучшенію хозяйства его сосѣдей, крестьянъ сельца Иванова (Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губерніи). Многолѣтняя работа его въ этомъ направленіи—это тотъ „долгій трудъ“, тотъ „подвигъ червяка“, о которомъ говоритъ, въ одномъ изъ своихъ лучшихъ стихотвореній, Иванъ Аксаковъ. На такой трудъ, на такой подвигъ способны только тѣ, для которыхъ награда—не въ шумномъ одобреніи толпы, даже не въ сочувствіи небольшой группы, а въ сознаніи исполненнаго долга“. Служеніемъ долгу, глубоко и широко понятому, всегда и во всемъ руководился Кавелинъ. И если находились люди, обвинявшіе его въ исканіи популярности, то это объясняется недоразумѣніемъ, вольнымъ или невольнымъ. Прямолинейный, непреклонно вѣрный однажды избранному пути, Кавелинъ являлся, иногда, строгимъ судьею другихъ, менѣе послѣдовательныхъ и цѣльныхъ. У него были недоброжелатели, были враги, рѣдко рѣшавшіеся выступать открыто [1])—но гораздо больше было друзей, цѣнившихъ въ немъ, между прочимъ, именно его неподкупную нравственную строгость. Къ числу такихъ друзей принадлежали, прежде всего, его товарищи по спб. университету, одновременно съ нимъ оставившіе свои каѳедры: М. М. Стасюлевичъ, В. Д. Спасовичъ, А. Н. Пыпинъ, Б. И. Утинъ. Къ нимъ примыкали, въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, ближайшіе сотрудники „Вѣстника Европы“, съ которымъ такъ тѣсно была связана въ то время дѣятельность Кавелина. И въ глазахъ тѣхъ изъ нихъ, которые еще не сошли со сцены, личность Кавелина остается окруженною ореоломъ, надъ которымъ безсильно время.

К. Арсеньевъ.

---

[1]) Въ хроникѣ, на которую я ссылался выше, мнѣ пришлось опровергать незаслуженные упреки Кавелину, содержавшіеся въ „Дневникѣ“ А. В. Никитенко. Нота неудовольствія звучитъ, хотя и глухо, въ отзывѣ Н. И. Костомарова о Кавелинѣ (въ отрывкѣ изъ автобіографіи Костомарова, напечатанномъ въ Юбилейномъ Сборникѣ Литературнаго Фонда). Въ этомъ отзывѣ есть фактическія неточности: въ спб. университетѣ Кавелинъ читалъ не государственное, а гражданское право; мѣсто въ м-вѣ финансовъ Кавелинъ получилъ не „черезъ мѣсяцъ или два“ послѣ выхода изъ университета, а слишкомъ три года послѣ того.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1910 г.

— L. Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда. 1859—1909. Спб., 1910. Ц. 3 р.

Въ сборникъ, изданный въ ознаменованіе пятидесятилѣтія Литературнаго Фонда, вошло 64 произведенія 52 авторовъ. Лучшія наличныя силы литературы дружно откликнулись на призывъ комитета, и, какъ четверть вѣка назадъ, образовалась книга выдающагося интереса. Изъ именъ, которыя были украшеніемъ перваго юбилейнаго сборника, немного находимъ въ новомъ: сошли въ могилу Салтыковъ-Щедринъ, Кавелинъ, Д. Григоровичъ, Я. Полонскій, Апухтинъ, Гаршинъ, Надсонъ и многіе другіе. Изъ сотрудниковъ перваго сборника въ новомъ приняли участіе только Левъ Толстой и Д. Мережковскій. Первый долженъ считаться, наравнѣ съ Дружининымъ, отцомъ фонда, такъ какъ они вмѣстѣ писали уставъ фонда въ 1857-мъ году.

Сборникъ открывается обширною статьею А. А. Корнилова—общимъ очеркомъ жизни и дѣятельности фонда за 50 лѣтъ (вышедшимъ и отдѣльною брошюрою къ моменту празднованія пятидесятилѣтія, 8 ноября 1909-го года). Къ этому очерку, его дополняя, примыкаютъ статьи и рѣчи гг. Набокова, Батюшкова, Пантелѣева, Воропонова, Карѣева, Венгерова, Котляревскаго, Анненскаго, Арсеньева, Лугового о выдающихся дѣятеляхъ и сотрудникахъ фонда, начиная съ самыхъ раннихъ, какъ Егоръ Ковалевскій, и кончая недавно сошедшими со сцены жизни П. И. Вейнбергомъ и Михайловскимъ. Характеристики этихъ дѣятелей фонда сливаются съ обширною категоріею статей, имѣющихъ выдающееся историко-литературное значеніе.

Неизвѣстную раньше эпиграмму Пушкина сообщилъ П. Морозовъ:

„Припадками болѣзни женской
Словесность Русская больна:
Лежитъ въ истерикѣ она
И бредитъ языкомъ мечтаній,
И хладный между тѣмъ зоилъ
Ей Каченовскій застудилъ
Теченье мѣсячныхъ изданій“.

А. А. Корниловъ далъ неопубликованное еще письмо Кольцова къ Бѣлинскому. Особенно цѣнны и интересны матеріалы, относящіеся

къ шестидесятымъ годамъ прошлаго вѣка. Неизданная глава изъ автобіографіи Н. Костомарова говоритъ о петербургскомъ университетѣ и его профессорахъ въ 1860 г.: Срезневскомъ, Кавелинѣ, Спасовичѣ, Пыпинѣ (попутно—и о Чернышевскомъ), Стасюлевичѣ и др. О Чернышевскомъ напечатана замѣтка А. Посникова: „Чернышевскій и его комментарій къ Политической экономіи Милля". Крупный интересъ представляетъ извлеченный изъ бумагъ Чернышевскаго дневникъ Добролюбова за январь и февраль 1857 года. „Когда Чернышевскій изъ того же дневника — замѣчаетъ во вступительной замѣткѣ г. Венгеровъ — взялъ только мѣста, которыя насъ умиляютъ своею нравственною высотою, то получился образъ черезъ-чуръ безплотный... Но когда вы тѣ же мѣста прочитываете въ дневникѣ, насквозь проникнутомъ самымъ строгимъ отношеніемъ къ себѣ и безграничной откровенностью, то всякій разговоръ о позѣ падаетъ самъ собою... Вся эта смѣсь разбросанныхъ по всему дневнику высоко идеальныхъ настроеній съ подробностями ультра-житейскими только укрѣпляетъ наше старое представленіе о Добролюбовѣ. Образъ его выигрываетъ въ жизненности, какъ выигрываетъ всякій портретъ отъ наложенія тѣней. Предъ нами идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ слова, но идеалистъ не иконописный, а съ кровью въ жилахъ и блескомъ страсти въ глазахъ". Кромѣ дневника, о Добролюбовѣ имѣется замѣтка Н. Н. Златовратскаго, содержащая воспоминанія его дяди, А. П. Златовратскаго, товарища знаменитаго критика по Педагогическому институту. Другого такого же идеалиста рисуютъ намъ обширные отрывки изъ воспоминаній Н. Шелгунова, въ собраніи его сочиненій не появившіеся: это—извѣстный поэтъ переводчикъ и авторъ прокламаціи „Къ молодому поколѣнію" М. Л. Михайловъ. Наконецъ, къ семидесятымъ и восьмидесятымъ годамъ относятся письма къ В. П. Острогорскому Тургенева и Гончарова и юношеская, полуавтобіографическая повѣсть Надсона: „Къ тихой пристани". М. Ковалевскій говоритъ о баденскомъ періодѣ жизни Тургенева. Назовемъ здѣсь же рѣчь Георга Брандеса — о литературной конвенціи, статью Григорія Градовскаго: „Капитанъ Копѣйкинъ" и остроумную замѣтку г. Горнфельда: „Объ одной фамиліи у Льва Толстого" (*Халтюпкины*, какъ обзываетъ революціонеровъ въ „Воскресеніи" старая графиня, не лѣзущая въ карманъ за словомъ). Богатъ и отдѣлъ беллетристическій и стихотворный. Отъ модерниста Валерія Брюсова до стараго народника-крестьянина Дрожжина, отъ Мих. Альбова и В. Г. Короленка до Ѳедора Соллогуба, представлены всѣ оттѣнки современныхъ литературныхъ теченій, произведеніями если не всегда первоклассными, то показывающими доброе отношеніе авторовъ къ дѣлу Литературнаго Фонда. Обыденную участь рядового литератора,

надорвавшагося въ спѣшной и непосильной работѣ, рисуетъ въ наброскѣ „Кляча“ А. Купринъ. Къ числу лучшихъ вещей принадлежитъ разсказъ В. Г. Короленка: „На Свѣтлоярѣ“. Изъ всего беллетристическаго матеріала выпуклымъ и сжатымъ сильнымъ письмомъ выдѣляется разсказъ Льва Толстого: „Пѣсни въ деревнѣ“ (современная рекрутчина). Ему же принадлежатъ статья „Единая заповѣдь“, вся, увы! испещренная рядами многозначительныхъ точекъ, и сценка: „Разговоръ съ прохожимъ“. — Не можетъ быть сомнѣнія въ полномъ успѣхѣ сборника у читающей публики, и можно только пожелать, чтобы онъ способствовалъ распространенію точныхъ свѣдѣній о дѣятельности фонда. Пора Литературному Фонду „считать своихъ членовъ не сотнями, какъ теперь, а тысячами и десятками тысячъ. Дѣло его должно стать дѣломъ всего русскаго общества“ (изъ статьи А. А. Корнилова).

— И. А. Родіоновъ. Наше преступленіе (не бредъ, а быль). Изъ современной народной жизни. Пятое, исправленное изданіе. Спб., 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Въ формѣ беллетристическаго разсказа объ одномъ уголовномъ происшествіи (убійство деревенскими пьяными хулиганами односельчанина), г. Родіоновъ написалъ яркій и злобный памфлетъ въ защиту смертной казни за убійство. „Разъ народъ по чьей бы то ни было винѣ помѣшался и гибнетъ въ буйствѣ и пьянствѣ, надо надѣть на него смирительную рубашку, иначе онъ все смететъ съ лица земли и самъ себя смететъ“—говоритъ авторъ устами одного изъ своихъ стародумовъ. „Темный разнузданный звѣрь самъ собою управиться не можетъ. И вотъ, такой единственно дѣйствительной смирительной рубашкой были бы драконовскіе законы и безпощадный судъ безъ всякаго этого слюнтяйства, безъ всякаго снисхожденія... За пьяныя убійства непремѣнно вѣшать, иначе ничѣмъ не остановить кроваваго потока!.. Еслибъ у насъ, скажемъ, въ уѣздѣ вздернули трехъ-четырехъ за пьяныя убійства, повѣрьте, одной „жестокой“ мѣрой спасли бы сотни жизней, а сколько такихъ уѣздовъ въ Россіи? Сочтите... Это освѣжающе подѣйствовало бы, потому что другіе пьяные буяны прежде, чѣмъ всадить ножъ въ бокъ своему пріятелю или раскроить ему топоромъ черепъ, призадумались бы и о своихъ головахъ“. Мужикъ, по словамъ излюбленныхъ героевъ г. Родіонова, это—„звѣрь, помноженный на скота... гадъ какой-то... особенно эта деревенская молодежь. Ничего человѣческаго не осталось!..“

Эти рѣчи знакомы давно. Ихъ дикое мужиконенавистничество и каннибальскія требованія новыхъ и новыхъ „освѣжающихъ“ казней можно было бы обойти полнымъ молчаніемъ, еслибы не одно обстоя-

тельство. Книга г. Родіонова написана — тамъ, гдѣ онъ говоритъ не въ качествѣ памфлетиста откровеннаго направленія,—безспорно талантливо, съ хорошимъ знаніемъ крестьянскаго обихода и быта. Внѣ отталкивающей тенденціи и страстнаго нарушенія художественной перспективы, отдѣльныя сцены повѣсти производятъ впечатлѣніе, что въ данномъ случаѣ такъ могло быть, и бываетъ! И вотъ, эти-то проблески таланта, умѣющаго почувствовать и жизнь деревенской природы, и стонъ нужды, и бабьи слезы и муки, въ соединеніи съ необъяснимою кровожадностью, приводятъ въ недоумѣніе и какъ-то пугаютъ: наивность ли это совершенно первобытной политической мысли, или неслыханное проституированіе таланта? У г. Родіонова, книга котораго выдерживаетъ уже пятое изданіе, очевидно находятся поклонники. Сознаетъ ли авторъ, что нѣкоторые изъ нихъ „пригвождаютъ жирнымъ поцѣлуемъ несчастнаго къ позорному столбу"?...

— Изъ исторіи новѣйшей русской литературы. В. Базаровъ, П. Орловскій, В. Фриче и В. Шулятиковъ. Москва, 1910. Ц. 1 р. 75 к.

Сборникъ содержитъ три статьи г. П. Орловскаго изъ исторіи новѣйшаго романа (о Горькомъ, Купринѣ и Андреевѣ) и статьи В. Фриче: „Эволюція театра и драмы", В. Базарова: „Судьбы русскаго идеализма за послѣднее десятилѣтіе" и В. Шулятикова: „Этапы новѣйшей лирики". Писанія всѣхъ четырехъ авторовъ объединены общимъ міровоззрѣніемъ экономическаго матеріализма. Въ послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ въ русской общественности все рѣзче обозначался переходъ отъ земледѣльческой, деревенской, барско-крестьянской Руси къ Руси промышленной, городской, буржуазной. Развитіе пролетаріата и буржуазіи должно было отразиться въ новой русской литературѣ—и названные авторы пытаются поставить развитіе ея во всѣхъ направленіяхъ не только въ связь съ новыми явленіями общественности, но и въ прямую зависимость отъ нихъ. Наименѣе недоумѣній возбуждаютъ статьи гг. Орловскаго и Фриче. Первый изъ нихъ хорошо помнитъ, что область художественнаго творчества, „по самому свойству своего поэтическаго отображенія жизни, менѣе всего точно отражаетъ дѣйствительность и болѣе всего запаздываетъ съ этимъ отраженіемъ". Поэтому, въ освѣщеніи избранныхъ имъ романистовъ г. Орловскій въ достаточной мѣрѣ остороженъ, не гнетъ фактовъ подъ одну линейку; онъ относится, напримѣръ, вполнѣ критически къ повѣсти Горькаго: „Мать", находя, что, „выбравъ весьма выгодную въ художественномъ отношеніи перспективу, авторъ заполнилъ ее не живыми, реальными лицами, а ликами, написанными въ условномъ іератическомъ письмѣ... Пропагандистскія достоинства

не могутъ еще служить аттестатомъ художественному произведенію". Въ общемъ писатели оцѣниваются г. Орловскимъ не по степени соотвѣтствія ихъ произведеній программѣ с.-д., а по внутренней художественной цѣнности ихъ произведеній и по ихъ психологическому складу. Правда, въ очеркѣ объ Андреевѣ начала иногда не сходятся съ концами: „интеллигентный" читатель находитъ-де, что всѣ вещи Андреева въ концѣ концовъ ему не удались—между тѣмъ, по словамъ автора, это настоящій „бардъ интеллигенціи", въ то же время проникнутый буржуазностью и склонностями къ анархизму, и онъ же предпочитаетъ „борьбѣ — искупленіе путемъ страданія". Почему „страдательность" составляетъ якобы свойство развивающейся, растущей буржуазности — неизвѣстно. Г. Фриче въ лучшей статьѣ сборника даетъ интересный обзоръ эволюціи театра и драмы съ 1881-го года, пользуясь содержаніемъ драматической литературы этого времени для характеристики наростанія въ русской общественности значенія и вліянія буржуазныхъ классовъ. Въ связь съ ростомъ капитализма — безъ чрезмѣрныхъ натяжекъ — поставлены и новыя формы частно-капиталистическаго театра, все болѣе гоняющагося за перемѣнчивыми вкусами театральной массы. Въ общемъ справедливъ печальный выводъ: „у насъ драма идетъ по тому же пути развитія, какъ и на Западѣ Европы, гдѣ она (не смотря на появленіе единичныхъ вдумчивыхъ и оригинальныхъ авторовъ) съ каждымъ годомъ теряетъ серьезное художественное и общественное значеніе, превращаясь изъ орудія соціальной борьбы въ развлеченіе сытой и праздной публики". Статья г. Базарова не представляетъ чего-либо новаго въ принятой экономическими матеріалистами критикѣ идеализма „Вѣхъ". За то статья Шулятикова—послѣднее слово стремленія все вывести и объяснить изъ производственныхъ основаній. Такъ какъ разбираемые имъ новые русскіе лирики—Надсонъ, Апухтинъ, Вл. Соловьевъ, Мережковскій, Минскій, Голенищевъ-Кутузовъ, Бунинъ — очевидно, не выразители пролетарскаго міропониманія, то нужно доказать, что они буржуазны: и это съ успѣхомъ достигается при помощи такихъ, напр., пріемовъ. Въ экономической жизни наблюдается развитіе и культивированіе „различій"; для промышленнаго успѣха въ техникѣ и производствѣ необходимо проявлять „особенность и несравнимость", при томъ необходимо въ этомъ отношеніи постоянно идти впередъ, безъ перерыва. Это—основа, а надстройка—это, напр., „страданіе, взятое какъ нѣчто an und für sich, надѣленное самодовлѣющею цѣнностью—„великое страданіе", какъ называлъ его одинъ изъ крупнѣйшихъ теоретиковъ новѣйшей буржуазіи, Фридрихъ Ницше, построившій на культѣ страданія цѣлую философскую систему—страданіе, не дающее успокоиться, не дающее спуститься до посредствен-

ности, создающее индивидуальность, поднимающее высоко надъ толпой"—что и отличаетъ-де, напр., надсоновскую лирику. Она есть абстрагированіе „экономическаго человѣка"; Надсона эстетика „энергетична", ибо, какъ въ техникѣ, стремится достигать эффекта отрѣшенностью отъ всего лишняго, путемъ наименьшихъ усилій. Эти элементы новизны и способствовали-де успѣху Надсона среди слагавшагося буржуазнаго общества! И все въ томъ же родѣ. И настроенія—„культъ страданія", „буддійскія настроенія", тяготѣніе къ природѣ, — и пріемы творчества, все оказывается, въ силу ничѣмъ не сдержанной формальной игры сближеній между соціально-экономическими явленіями и поэтическими моментами, спеціальнымъ и нарочитымъ свойствомъ русскихъ буржуазныхъ „квалифицированныхъ" верховъ, какъ таковыхъ. Цѣлью г. Шулятикова, по его словамъ, было „дать читателямъ, знакомящимся съ новѣйшей русской поэзіей и изучающимъ ее, руководящую нить, съ помощью которой они могли бы оріентироваться въ массѣ поэтическихъ опытовъ и дарованій и составлять оцѣнки отдѣльныхъ deorum majorum et minorum современнаго россійскаго Парнаса". Вышло нѣчто въ родѣ практическаго руководства для оцѣнки торгово-промышленныхъ заведеній: заглянулъ дошлый „оцѣнщикъ" въ книжку, смекнулъ, прикинулъ и — дѣло въ шляпѣ.

— Общестуденческій Литературный Сборникъ. Москва, 1910. Ц. 1 р. Студенческій альманахъ. Книга I. Изданіе Д. Тягая. Кіевъ, 1910. Ц. 1 р.

Къ безчисленнымъ литературнымъ сборникамъ и альманахамъ нашихъ дней прибавились еще „студенческіе". Было время, когда подобные сборники упражненій въ стихахъ и прозѣ учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежи имѣли нѣкоторое литературное значеніе, (напр. въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка изданія воспитанниковъ Благороднаго пансіона при московскомъ университетѣ). Но тогда начинающимъ писателямъ, выходившимъ почти исключительно изъ среды студенчества, рѣшительно негдѣ было пробовать свои силы. Теперь, при изобиліи газетъ и журналовъ, опыты „студенческой" литературы производятъ совершенно такое же впечатлѣніе, какъ собранія произведеній „поэтовъ-самоучекъ", „поэтовъ-крестьянъ", съ подразумѣваемою въ указаніяхъ этого рода просьбою о снисходительности.

Цѣль перваго „общестуденческаго" сборника—благотворительная. Весною 1906-го года въ Пятигорскѣ открылся первый студенческій санаторій, дающій пріютъ нѣсколькимъ десяткамъ больныхъ студентовъ и студентокъ. Въ сборникѣ указывается, насколько необезпе-

ченъ санаторій, существуя, главнымъ образомъ, на доходы отъ концертовъ и студенческихъ вечеровъ, устраиваемыхъ на группахъ минеральныхъ водъ; между тѣмъ, не десятки, а сотни молодежи, учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, ежегодно нуждаются въ отдыхѣ и леченіи отъ неврастеніи, катарровъ, туберкулеза, сифилиса и пр. Завѣдующее санаторіемъ мѣстное Общество пособія бѣднымъ, у котораго и другой работы много, охотно передало бы санаторій на попеченіе спеціальнаго общества, какое и предвидится по уставу. Авторъ очерка приглашаетъ студенчество, въ интересахъ котораго существуетъ санаторій, освободиться отъ опеки благотворительныхъ обществъ и комитетовъ и объединиться, дабы создать изъ пятигорскаго санаторія настоящій „студенческій домъ, куда каждый больной или переутомившійся товарищъ шелъ бы какъ въ свой домъ и находилъ бы здѣсь леченіе и покой".

„Общестуденческій литературный сборникъ", возникшій по мысли студентовъ московскаго университета, имѣетъ цѣлью помочь осуществленію этой мечты, а также—какъ говорятъ въ предисловіи къ нему его редакторы, гг. И. Бунинъ, Н. Давыдовъ и Н. Телешовъ — нѣсколько ознакомить общество „съ направленіемъ и пріемами литературнаго творчества современной учащейся въ высшей школѣ молодежи". Кромѣ Москвы, откликнулись студенты изъ Петербурга, Кіева, Казани, Харькова, Одессы, Томска. Въ сборникѣ напечатано нѣсколько десятковъ лирическихъ стихотвореній, 15 беллетристическихъ набросковъ и литературная характеристика А. И. Куприна. Редакторы сборника были весьма снисходительны къ молодымъ авторамъ: „общестуденческій" сборникъ блѣденъ, и физіономія современнаго студенчества рисуется въ немъ очень неопредѣленными чертами. Можетъ быть, личность редакторовъ слишкомъ заслонила собою молодежь, такъ что отпали—въ матеріалѣ, присланномъ со всѣхъ концовъ Россіи—„направленія и пріемы творчества", не показавшіеся редакторамъ достойными вниманія. Въ напечатанныхъ стихотвореніяхъ слышны отголоски Полонскаго, Фета, особенно Надсона; сравнительно слабо представлены чисто „гражданскіе мотивы" съ одной стороны, съ другой—мотивы всюду проникающаго модернизма. Все, приблизительно, одного уровня: болѣе или менѣе гладкій стихъ, природа, любовь, загадки бытія, смутныя грезы о счастіи, „увядшій жизни цвѣтъ безъ малаго въ осмнадцать лѣтъ", „разыгранный Фрейшюцъ перстами робкихъ ученицъ"... Отголосковъ современности не слышно. То же самое и въ беллетристическихъ упражненіяхъ, и въ критической статьѣ автора, добросовѣстно читавшаго Куприна. Конечно, все это имѣетъ свою долю прелести, какъ все молодое и, можетъ быть, что-то обѣщающее.

Кіевскій сборникъ гораздо болѣе претенціозенъ. Насъ пугаютъ,

что это—первый изъ цѣлаго ряда студенческихъ альманаховъ. Издатель полагаетъ, что „самый фактъ появленія альманаха въ моментъ наростанія идейныхъ интересовъ въ средѣ студенчества является залогомъ его своевременности“, а редакторы-студенты говорятъ, что на ряду съ самоубійствами, нуждою, духовнымъ одиночествомъ и „ядовитыми цвѣтами, пышно распускающимися на почвѣ идейнаго распада и безсилія воли, въ глубинѣ студенческой жизни бьется творческая мысль, идетъ упорная, невидимая работа самокритики, исканій, залагаются элементы новой интеллигенціи, крѣпкой знаніемъ своей будущей роли въ устроительствѣ жизни и готовящейся къ ней. Выявленію этой стороны студенческой жизни—*творческаго напряженія ея силъ* (курсивъ подлинника)—долженъ служить предлагаемый альманахъ“. Кіевскій альманахъ, конечно, ярче „общестуденческаго“ и живѣе откликается на современность. Но „творческія силы“ выявляются въ немъ плохо. Онъ открывается большою повѣстью на такую жгучую тему, какъ переживанія революціонера, взятаго при вооруженномъ сопротивленіи, ожидающаго смерти и подъ петлей выдающаго товарищей („Голгофа“, г. Френкеля). Довольно и стиховъ, и разсказовъ. Кромѣ нѣсколькихъ статей критическаго содержанія (Л. Андреевъ, Тургеневъ и др.), фразистая статья недавняго студента пытается освѣтить вопросъ, будетъ ли студенчество впредь играть самостоятельную общественно-двигательную роль, какъ въ предреволюціонное время (не приходя, однако, ни къ какому опредѣленному выводу). Имѣется даже замѣтка: „Къ вопросу о русской общинѣ“. Значительно сильнѣе, чѣмъ въ „общестуденческомъ сборникѣ“, сказалось здѣсь и тяготѣніе къ новымъ формамъ художественной литературы, къ импрессіонизму и т. п., вплоть до дикой вычурности въ одномъ стихотвореніи: „...губъ твоихъ, покрытыхъ сыпью, не хочетъ мой предсмертный взглядъ. Туши жъ огонь! Теперь я выпью едва не выплеснутый ядъ“...

Слабая сторона обоихъ сборниковъ—что ни тотъ, ни другой не раскрываютъ того, что̀ было бы интересно широкимъ кругамъ общества: быта нашей молодежи. Ея духовные интересы обнаружены очень неполно: изъ настроеній нѣсколькихъ студентовъ, берущихся за перо, невозможно выводить заключенія относительно студенчества вообще.—Ч. В—скій.

— „Незабвенному Владиміру Васильевичу Стасову“. Сборникъ воспоминаній. Спб., 1910 г. Ц. 3 р.

Кружокъ почитателей В. В. Стасова вскорѣ послѣ его смерти занялся собираніемъ матеріаловъ для увѣковѣченія его памяти. Теперь

имъ изданъ, подъ редакціей С. А. Венгерова, сборникъ воспоминаній о знаменитомъ художественномъ критикѣ, съ многочисленными его портретами и иллюстраціями. Воспоминанія отличаются рѣдкимъ единодушіемъ. Всѣ знавшіе Стасова—и соглашавшіеся, и не соглашавшіеся съ нимъ при жизни—говорятъ о немъ съ удивительной сердечностью, рисуютъ его какъ крупнаго, вліятельнаго дѣятеля и необыкновенно обаятельнаго человѣка. Нѣкоторымъ диссонансомъ въ общемъ хорѣ похвалъ является только перепечатанный изъ „Товарища" некрологъ, написанный г. Философовымъ какъ бы свысока, въ полу-снисходительномъ тонѣ—обычномъ для молодого поколѣнія, когда рѣчь идетъ о „пережившихъ себя старикахъ". Какъ показываетъ примѣчаніе, этотъ диссонансъ допущенъ редакціей сознательно. И онъ умѣстенъ. Рѣзкая критика изъ чужого лагеря, если она (какъ въ данномъ случаѣ) искренна и дѣльна, особенно ярко оттѣняетъ то, что есть въ объектѣ критики наиболѣе цѣннаго и прочнаго. Кругъ идей, вдохновлявшихъ Стасова, органически слившихся съ его личностью, былъ обусловленъ его эпохой. Какъ многое другое, эти идеи преходящи, ихъ можно оспаривать и разсматривать съ разныхъ точекъ зрѣнія. Но то, что глубже идей—чувство, любовь къ искусству, благородное доброжелательство къ людямъ, бодрая вѣра въ жизнь,—все это неизмѣнно останется, не потеряетъ значенія и для будущихъ поколѣній. Въ воспоминаніяхъ о Стасовѣ прежде всего бросается въ глаза, что это былъ „большой" человѣкъ, отличавшійся необыкновеннымъ здоровьемъ, какъ душевнымъ, такъ и физическимъ, и рѣдкою цѣльностью. Только яркая, чуждая надлома эпоха могла создавать такихъ силачей. Жизнь для нихъ всегда полна захватывающаго интереса и аппетитъ ихъ къ ней положительно неистощимъ. Въ щедро разсыпанныхъ по адресу Стасова эпитетахъ: „вѣчно юный", „могучій", „богатырь" нѣтъ никакого преувеличенія. Въ 82 года Стасовъ отличался такою же жизненностью, какъ и въ юности. Эту жизненность покойный Стасовъ вносилъ въ каждое дѣло, съ которымъ соприкасался. Публичная библіотека была для него вторымъ „домомъ", художественная критика — страстью. Стасовъ былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ критиковъ, которыхъ упрекаютъ въ преувеличеніяхъ и односторонности, въ снисходительности. Но кто не преувеличиваетъ и не ошибается? Только тотъ, кто ничего не любитъ. Развѣ увлеченія и ошибки умаляютъ значеніе критики Бѣлинскаго? Въ предисловіи къ сборнику С. А. Венгеровъ не безъ основанія сопоставляетъ Стасова съ „неистовымъ Виссаріономъ", отмѣчая общность темпераментовъ обоихъ критиковъ и ихъ одинаковую манеру съ энтузіазмомъ защищать дорогія идеи. Появленіе новаго таланта было для Стасова настоящимъ праздникомъ, радостью сердца, и своихъ любимыхъ художниковъ онъ никогда не уставалъ

защищать. Какъ художники-передвижники, такъ и музыканты-„кучкисты“ обязаны очень многимъ его нравственной поддержкѣ и неутомимой пропагандѣ. „Односторонность“ Стасова, обусловливаемая пылкостью, уживалась въ немъ съ большимъ безпристрастіемъ и терпимостью, съ широтой взглядовъ и чувствъ. Въ воспоминаніяхъ Рѣпина и Антокольскаго можно найти много на этотъ счетъ интересныхъ данныхъ.

Среди другихъ статей сборника выдѣляется живой и содержательный, хотя и нѣсколько краткій очеркъ жизни и дѣятельности Стасова, составленный г. Рупини. Краткость такого необходимаго обзора—пожалуй, единственный пробѣлъ въ этомъ заботливо и умѣло составленномъ сборникѣ, особенно если имѣть въ виду, что онъ предназначается не только для друзей Стасова, но и для широкой, мало знакомой съ нимъ публики.

Къ статьямъ и воспоминаніямъ о Стасовѣ приложенъ подробный хронологическій указатель его трудовъ, занимающій болѣе 25 страницъ; приведены выдержки изъ статей, написанныхъ по поводу его смерти; воспроизведены даже программы концертовъ, данныхъ въ его память. Въ общемъ — впечатлѣніе исчерпывающей полноты и цѣльности. Стильная обложка съ портретомъ, заставки и прописныя древнерусскія буквы, взятыя изъ сочиненія Стасова: „Славянскій и восточный орнаментъ“, еще болѣе способствуютъ этому впечатлѣнію. Почитатели Стасова должны быть удовлетворены.—Е. К.

— „Книга для чтенія по исторіи новаго времени“, т. I. Изд. подъ редакціей „Исторической Коммиссіи учебнаго отдѣла Общ. Распр. Технич. Знаній“, Москва, 1910 г. Цѣна 2 р. 75 к.

Наша средняя школа и связанная съ нею учебная литература переживаютъ время кризиса, попытокъ выйти на новые пути. Картина развала изжитой старины приводитъ многихъ въ уныніе. И не мудрено: вмѣсто привычнаго и опредѣленнаго—кругомъ непривычная пестрота исканій, часто неудачныхъ, безпомощныхъ, фальшивыхъ. Но про школу нашу и про нашу педагогику можно сказать, какъ про душу человѣческую: „не оживетъ, аще не умретъ“. А въ практикѣ нынѣшней школы, какъ и въ учебной литературѣ, много можно отмѣтить признаковъ „оживанія“. Среди положительныхъ явленій, влившихъ свѣжую струю въ дѣло нашего историческаго преподаванія, видное мѣсто заняла „Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ“, составленная кружкомъ преподавателей, подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова, и выдержавшая уже нѣсколько изданій. Къ ней и примыкаетъ новая „Книга для чтенія“, разсчитанная на пять томовъ.

Примыкаетъ—но не продолжаетъ органически, такъ какъ задумана по иному плану, имѣющему свою особую цѣну: „историческая коммиссія“ рѣшила соединить въ своемъ изданіи статьи по русской и по западно-европейской исторіи, полагая, что „соціологически“ невозможно отдѣлять изученіе исторіи Россіи отъ изученія историческаго процесса, пережитого Западной Европой. Этотъ починъ можно только привѣтствовать. Помимо усиленія связи исторіи, какъ предмета преподаванія, съ развитіемъ исторической науки, этотъ пріемъ, если онъ проникнетъ въ практику преподаванія, получитъ большую педагогическую цѣнность, углубляя, въ доступной учащимся формѣ, сознательное усвоеніе родной исторіи, какъ исторіи великаго европейскаго народа. И многое, что при шаблонно-школьномъ изложеніи русской исторіи, какъ мѣстнаго историческаго процесса, воспринималось лишь памятью и воображеніемъ, въ голой внѣшней фактичности, получаетъ при сравнительно-историческомъ освѣщеніи глубокое идейное, общечеловѣческое значеніе. Эту черту новой „Книги для чтенія“, сравнительно съ прежней, надо признать педагогическимъ плюсомъ. Остается пожелать, чтобы не только „новая“ исторія, но и русское средневѣковье подверглось такой же обработкѣ, чтобы „Книга для чтенія“ исторической коммиссіи получила свое естественное начало, какимъ не можетъ, съ данной точки зрѣнія, служить прежняя, не смотря на высокія свои достоинства.

Планъ перваго тома „Книги для чтенія“ построенъ по схемѣ параллельнаго изложенія основныхъ явленій западной и русской исторіи. Въ началѣ перваго тома помѣщены статьи, характеризующія „новыя основы хозяйственной жизни Европы“ (Пискорскій), въ частности—„революцію цѣнъ“ и новый укладъ торговой жизни, вызвавшій возникновеніе биржъ (Дживелеговъ); затѣмъ идетъ рядъ статей, освѣщающихъ новыя культурныя теченія—гуманизмъ и реформацію, а также новыя явленія политической жизни, главнымъ образомъ на примѣрѣ Франціи и „политическихъ теорій XVI в.“. Русскій отдѣлъ даетъ характеристику перелома въ русскомъ народномъ хозяйствѣ XVI вѣка (Рожковъ), развитія новыхъ явленій въ государственной и общественной жизни Великороссіи и броженія, вызваннаго въ XVII в. кризисомъ всего уклада жизни и средневѣкового церковно-общественнаго міровоззрѣнія. Трудность поставленной задачи и, вѣроятно, рядъ случайностей, которыхъ мудрено избѣжать при организаціи коллективной работы, объясняютъ дефекты исполненія, изъ которыхъ важнѣйшій—недостаточная стройность общаго плана. Конечно, такой планъ былъ бы отчетливо выполнимъ въ „Книгѣ для чтенія“ лишь при болѣе громоздкихъ размѣрахъ, которые противорѣчили бы ея практическому назначенію. Статьи, естественно—разнаго достоинства. Стре-

мленіе дать возможно больше повредило статьѣ Пискорскаго и очерку Дживелегова: „Новая культура и новое просвѣщеніе“: нельзя замѣнять статью для чтенія конспектомъ курса, превращающимся мѣстами въ перечень неразъясненныхъ понятій и неописанныхъ явленій. Односторонняя и сухая статья Перцова — едва-ли выяснитъ читателямъ историческое значеніе дѣла Лютера, если только они не повѣрятъ, что оно сводится къ политическому упадку и раззоренію Германіи. Есть статьи слабыя, какъ напр. безцвѣтный „Орденъ іезуитовъ“ П. Митрофанова, отсылающій вдобавокъ къ устарѣлымъ пособіямъ, не упоминая ни о превосходномъ „Лойолѣ“ Готейна, ни объ односторонней, но доступной и полезной книгѣ Филипсона. Очень хороши и могутъ читаться съ пользою статьи Дживелегова—„Первыя биржи и революція цѣнъ“, Васютинскаго—о кальвинизмѣ, Филатова—о политическихъ теоріяхъ XVI в. и о развитіи французскаго абсолютизма, Тарле—о возстаніи Нидерландовъ, Кулишера—о торгово-промышленномъ развитіи Англіи. Бѣглая статейка Рябинина о Польшѣ—очень хрупкій мостикъ отъ запада къ востоку Европы.

Статья Рожкова о народномъ хозяйствѣ Россіи въ XVI в.—одно изъ украшеній настоящей книги. Политическая эволюція московскаго самодержавія представлена усѣченно въ статьѣ С. А. Князькова: она говоритъ лишь о XVI в., времени переходномъ, а необходимое, по общему замыслу „Книги для чтенія“, изображеніе полнаго расцвѣта „московскаго царства“ при Алексѣѣ Михайловичѣ—отсутствуетъ. Сама по себѣ статья Князькова даетъ хорошее чтеніе, какъ и очеркъ „Смутнаго Времени“ Пичеты, хотя необходимымъ дополненіемъ къ послѣднему должна служить превосходная картина перелома въ политическомъ самосознаніи русскаго общества, данная А. И. Яковлевымъ („Безумное молчаніе“ — въ „Сборникѣ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому“). Вполнѣ удовлетворителенъ и очеркъ земскихъ соборовъ, Алексѣева. Описаніе общественнаго строя московскаго государства въ XVII в. въ статьѣ В. Н. Сторожева—образецъ стройнаго и яснаго изложенія. Вмѣстѣ съ дѣльной статьей Боголюбова о крестьянахъ она помогаетъ понять основы соціальнаго строя московской Руси. Съ интересомъ прочтется и статья Мельгунова о „религіозно-общественныхъ“ движеніяхъ XVII в.: поддаваясь увлеченію автора, молодая аудиторія едва-ли отнесется критически къ идеализаціи Аввакума и къ преувеличенію культурныхъ силъ раскола. Въ итогѣ—книга, пестрая, какъ почти всякій коллективный трудъ, вводитъ въ оборотъ новую и цѣнную педагогическую и образовательную идею и даетъ немало хорошаго матеріала для чтенія, не только учащимся, но и всякому, кто имѣетъ интересъ къ исторіи.—А. Прѣсняковъ.

— Влад. Грабеньскій. Исторія польскаго народа. Разрѣшенный авторомъ переводъ со второго, дополненнаго польскаго изданія (1906 г.), подъ ред. Н. Ястребова. Спб., 1910.

Книга Влад. Грабеньскаго въ сжатомъ и краткомъ, чисто догматическомъ изложеніи даетъ исторію польскаго народа отъ перваго его появленія въ средѣ европейскихъ народовъ и вплоть до нашихъ дней. Отъ главы къ главѣ авторъ то ведетъ разсказъ о политической исторіи Польши, то излагаетъ такъ называемую внутреннюю исторію народа, при чемъ объясненіе фактовъ и событій политической жизни каждаго даннаго періода ищетъ въ ходѣ, развитіи и организаціи внутреннихъ отношеній. Такой пріемъ поясненія внѣшней исторіи исторіей внутренней, какъ причиной, даетъ автору и основу для дѣленія польской исторіи на періоды. Методъ этотъ, совершенно цѣлесообразный и даже необходимый въ изложеніи исторіи народа, оказывается не вполнѣ достаточнымъ, когда авторъ отъ исторіи народа переходитъ къ исторіи государства, въ которомъ дѣйствующимъ факторомъ является не одинъ народъ, а комплексъ народовъ. Весьма стройное изложеніе внутренней и внѣшней исторіи Польши до ея объединенія съ Литвою смѣняется, поэтому, довольно механическимъ разсказомъ о фактахъ государственной жизни перваго періода, послѣдовавшаго за этимъ объединеніемъ. Точно также стройная внутренняя связь разсказа обрывается и въ разсказѣ о борьбѣ Польши съ украинскимъ козачествомъ, значеніе и результаты которой не могутъ быть сколько-нибудь отчетливо уяснены исторіей внутреннихъ польскихъ отношеній. Замѣчается также въ книгѣ Влад. Грабеньскаго и извѣстная неравномѣрность частей. Посвятивъ короткія и сжатыя главы исторіи образованія польскаго монархическаго государства и упадку монархической власти, главы наиболѣе ясно и отчетливо изложенныя, авторъ болѣе подробно, но далеко не такъ отчетливо излагаетъ исторію шляхетской Польши — періодъ правленія сословій, попытокъ реформъ и паденія польскаго государства, а всю послѣднюю треть книги занимаетъ разсказомъ о внѣшней исторіи политической борьбы поляковъ за народное существованіе послѣ раздѣла территоріи польскаго государства между Россіей, Австріей и Пруссіей. Эта послѣдняя треть книги является наименѣе удовлетворительной въ смыслѣ стройности и внутренней связности изложенія. Не смотря на нѣкоторые недостатки, книга Влад. Грабеньскаго является весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ русской учебной литературѣ. Написанная по типу научныхъ руководствъ для высшихъ учебныхъ заведеній, она даетъ крѣпкую и точную общую историческую схему, пробѣлы и просвѣты которой легко могутъ быть

заполнены изучающими польскую исторію подъ руководительствомъ университетскаго преподавателя. Такимъ, напримѣръ, пробѣломъ является въ книгѣ Влад. Грабеньскаго почти полное отсутствіе указаній на научныя контроверзы, намѣренное, въ дидактическихъ цѣляхъ, принятіе нѣкоторыхъ спорныхъ гипотезъ за нѣчто достовѣрное и т. д. Для облегченія указаннаго руководительства авторъ прилагаетъ къ своей книгѣ длинный списокъ темъ для монографическихъ работъ, которыя могутъ быть исполнены учащимися. Въ концѣ книги Влад. Грабеньскій даетъ и обширную библіографію, преимущественно на польскомъ языкѣ. Дѣло руководителя—добавить для русскихъ учащихся недостаточную у Влад. Грабеньскаго библіографію русскую и совершенно отсутствующую у него библіографію украинскую. Въ заключеніе нельзя не отмѣтить правильности и литературности русскаго перевода книги Влад. Грабеньскаго.—М. Славинскій.

— Гюнтеръ, К. Происхожденіе и развитіе человѣка. Путь развитія отъ простѣйшаго животнаго до человѣка. Съ атласомъ изъ 90 таблицъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей профессора, д-ра зоологіи Н. А. Холодковскаго. С.-Петербургъ, 1909. Два тома. Ц. 20 р.

Въ связи съ общимъ обновленіемъ русскаго книжнаго рынка, наблюдаемымъ съ 1905 г., замѣтно обновился и отдѣлъ естествознанія. Если сравнить этотъ послѣдній въ его настоящемъ состояніи съ тѣмъ, какимъ онъ былъ лѣтъ семь-восемь тому назадъ, разница получается громадная. Въ настоящее время онъ богатъ превосходными, капитальными книгами, какъ переводными, такъ и оригинальными. Благодаря издательской дѣятельности такихъ фирмъ, какъ, напримѣръ, „Просвѣщеніе“ („Культура“), Брокгаузъ и Ефронъ, А. Девріенъ, М. и С. Сабашниковы, Пироговское Товарищество, „Сотрудникъ“ въ Кіевѣ, „Матезисъ“ въ Одессѣ, на русскомъ языкѣ появились классическія работы цѣлаго ряда иностранныхъ авторовъ, представляющія, въ совокупности, энциклопедію естественно-историческихъ знаній, о которой недавно еще нельзя было и мечтать. Къ числу такихъ работъ принадлежитъ и книга Гюнтера. О происхожденіи человѣка до сихъ поръ имѣлся на русскомъ языкѣ лишь одинъ трудъ Дарвина, если не считать устарѣвшей книги Фохта: „Человѣкъ и мѣсто его въ мірозданіи“. Труды Геккеля до послѣдняго времени находились подъ запретомъ; одинъ изъ нихъ („Естественная исторія мірозданія“, пер. подъ ред. проф. Брандта) былъ даже уничтоженъ цензурой. Отличіе труда Гюнтера отъ книгъ Дарвина и Геккеля заключается въ томъ, что двѣ послѣднія стараются дать отвѣтъ на вопросъ о *причинахъ*, вызвавшихъ происхожденіе человѣка изъ какого-то дру-

гого существа, стоящаго ниже его на зоологической лѣстницѣ. Наоборотъ, Гюнтеръ выдвигаетъ на первый планъ не теоретическую, а фактическую сторону вопроса и старается дать читателю „возможность составить себѣ, путемъ самостоятельнаго изученія, дѣйствительное и основательное представленіе о фактахъ, говорящихъ въ пользу эволюціоннаго ученія". Гюнтеръ старается отвѣтить не столько на вопросъ—*почему*, сколько на вопросъ—*какъ* произошла эволюція человѣка. Поэтому центральное мѣсто въ трудѣ Гюнтера занимаютъ не два тома текста, а превосходно составленный атласъ, объясненіемъ къ которому и является текстъ. Гюнтеръ поясняетъ факты, лежащіе въ основѣ эволюціонной теоріи, больше всего рисунками, заимствуя ихъ изъ новѣйшихъ и наиболѣе выдающихся трудовъ какъ зоологовъ, такъ и анатомовъ и геологовъ. Онъ пытается нарисовать послѣдовательную и цѣлостную картину эволюціи организмовъ, начиная съ появленія на землѣ органическаго живого вещества и кончая „царемъ природы", человѣкомъ. Самъ авторъ—убѣжденный эволюціонистъ и свой трудъ посвящаетъ памяти Дарвина, по случаю столѣтія со дня его рожденія. Говоря о происхожденіи жизни на землѣ, авторъ придерживается теоріи Пфлюгера, основанной на изученіи ціанистыхъ соединеній и ихъ способности къ превращеніямъ: разъ дано живое вещество, эволюція организмовъ является органическимъ послѣдствіемъ его происхожденія. Въ своемъ изложеніи Гюнтеръ касается лишь тѣхъ органическихъ формъ, которыя не безъ основанія могутъ считаться предками человѣка. Поэтому непосредственно послѣ червей Гюнтеръ говоритъ о ланцетникѣ (Amphioxus) и объ оболочниковыхъ (Tunicata), принимая червей за прямыхъ предковъ человѣка среди безпозвоночныхъ. Къ сожалѣнію, изложеніе эмбріологіи позвоночныхъ сдѣлано Гюнтеромъ не особенно выпукло; давая много фактическаго матеріала, онъ не даетъ отчетливой схемы развитія. Слѣдуетъ отмѣтить еще, что классификація Гюнтера во многомъ уклоняется отъ общепринятой. Онъ оригиналенъ не только въ этомъ: его трудъ очень богатъ новыми, интересными взглядами—но, высказывая ихъ, Гюнтеръ всегда остается вѣренъ самому себѣ и всегда отдѣляетъ теорію отъ факта. Онъ никогда и нигдѣ не перестаетъ быть добросовѣстнымъ изслѣдователемъ и честнымъ мыслителемъ. Каждый вопросъ, имъ затронутый, онъ разсматриваетъ съ должной полнотой и глубиной, стараясь на возможно меньшемъ пространствѣ дать возможно больше матеріала. Отъ этого выигрываетъ содержательность книги, но несомнѣнно проигрываетъ ея общепонятность. „Книга моя—говоритъ Гюнтеръ—написана для человѣка съ общимъ образованіемъ; въ ней нѣтъ ничего спеціальнаго". Въ этомъ можно усомниться, по крайней мѣрѣ имѣя въ виду русскихъ читателей. Чтобы усвоить какъ слѣдуетъ содержа-

ніе книги Гюнтера, недостаточно тѣхъ свѣдѣній по біологіи и зоологіи, которыя, и то кое-гдѣ, сообщаются въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Быть можетъ, съ книгой Гюнтера не вполнѣ справится и студентъ-первокурсникъ естественнаго факультета, хотя нельзя не согласиться съ авторомъ, что „шутя проникнуть въ болѣе или менѣе обширную область изслѣдованія невозможно". Во всякомъ случаѣ книга столько даетъ читателю, что онъ не останется въ накладѣ, преодолѣвъ, хотя бы и съ нѣкоторыми усиліями, трудности ея изложенія. Благодаря превосходному атласу, пониманіе книги значительно облегчается; авторъ вполнѣ основательно совѣтуетъ читать ее не иначе какъ „съ раскрытымъ атласомъ". Къ сожалѣнію, очень высокая цѣна книги закрываетъ для нея входъ даже въ большія библіотеки. Издатель напрасно далъ столь роскошную внѣшность двумъ томамъ текста, которые можно было бы издать гораздо компактнѣе и дешевле. Что касается до атласа, то изданіе его безупречно. Переводъ книги сдѣланъ весьма добросовѣстно, хотя мѣстами довольно тяжелымъ языкомъ. — Н. Рубакинъ.

— Наши неурожаи и продовольственный вопросъ. Часть I и II. А. С. Ермолова.

Большой трудъ А. С. Ермолова о продовольственномъ дѣлѣ въ Россіи заключаетъ въ себѣ описаніе продовольственныхъ операцій за время съ 1867 по 1908 г., съ финансовыми итогами ихъ для государственнаго казначейства, критику дѣйствующаго продовольственнаго устава, съ указаніемъ основныхъ началъ, на которыхъ должна быть построена, по мнѣнію автора, цѣлесообразная помощь населенію при неурожаяхъ, и изложеніе мѣръ „къ предупрежденію неурожайныхъ бѣдствій и къ упроченію благосостоянія сельскаго населенія". Въ „Приложеніи" мы находимъ, между прочимъ, интересный очеркъ продовольственнаго дѣла въ Индіи.

Начинается книга краткимъ историческимъ очеркомъ неурожаевъ и продовольственныхъ мѣръ нашего правительства въ прошлыя времена, до момента передачи продовольственнаго дѣла въ руки вновь образованнаго земства. Затѣмъ идетъ изложеніе дѣятельности въ данномъ отношеніи земскихъ учрежденій, съ подраздѣленіемъ ея на два періода: до 1891 г., когда продовольственный уставъ дѣйствовалъ въ полномъ объемѣ, и затѣмъ до 1900 г., когда участіе земства въ продовольственномъ дѣлѣ было ограничено, и правительство стало широко прибѣгать къ сложенію съ населенія продовольственныхъ долговъ. Послѣ 1891 г., правительство взяло на себя закупку хлѣба для неурожайныхъ мѣстъ, находя, что продовольственная кампанія 1891 г. не оправдала надеждъ, возлагавшихся въ этомъ отношеніи на земскія учрежденія. Книга

г. Ермолова, къ сожалѣнію, не освѣтила вопроса о томъ, насколько удачно справлялось въ то время съ этой задачей правительство, имѣвшее то преимущество, что передъ нимъ былъ опытъ массовой (болѣе 100 милл. пуд.) закупки въ 1891 г. хлѣба земскими учрежденіями, не совсѣмъ удавшійся, по винѣ, между прочимъ, самого правительства, первоначально замалчивавшаго неурожай („вы мнѣ всѣ курсы испортите"—сказалъ, напр., Вышнеградскій автору разсматриваемаго нами труда, вручившему ему записку о приближеніи грозы: „изъ этого ящика ваша записка не выйдетъ, ни одинъ человѣкъ не долженъ о ней знать", и запоздавшаго съ ассигнованіемъ средствъ на борьбу съ голодомъ.

Вообще фактическія данныя въ книгѣ г. Ермолова о продовольственныхъ операціяхъ прежнихъ лѣтъ крайне скудны; авторъ пользовался почти исключительно оффиціальными матеріалами и избѣгалъ частныхъ свѣдѣній, хотя бы они, какъ напр. книга В. Э. Общ. о продовольственномъ вопросѣ въ 1897 — 98 г.г., заключала, по сознанію автора, „много полезныхъ данныхъ о положеніи дѣлъ на мѣстахъ". Болѣе свѣдѣній приводится относительно дѣятельности Краснаго Креста и попечительства о домахъ трудолюбія, объ общественныхъ работахъ для потерпѣвшихъ отъ неурожая и о снабженіи пострадавшихъ лошадьми. Описаніе главныхъ продовольственныхъ кампаній въ большинствѣ случаевъ сводится къ наименованію пострадавшихъ губерній, къ указанію движенія суммъ государственнаго казначейства, ассигнуемыхъ на пособіе пострадавшимъ, къ перечисленію данныхъ имъ правительственныхъ льготъ и т. п.; не всегда приводятся даже свѣдѣнія о количествѣ закупленнаго хлѣба, тѣмъ менѣе—о цѣнѣ купленнаго правительствомъ зерна; не имѣется свѣдѣній и о числѣ лицъ, пользовавшихся продовольственными ссудами.

Сколько-нибудь подробныя данныя, касающіяся собственно продовольственной кампаніи, сообщаются лишь о кампаніи 1906—7 г.г., относящейся къ тому времени, когда введены были временныя правила 1900 г., передававшія продовольственное дѣло „всецѣло въ руки административныхъ органовъ" и оставившія земству лишь операціи подсобныя. Эту кампанію авторъ наблюдалъ лично и о ходѣ ея мин-вомъ внутр. дѣлъ изданъ, согласно постановленію первой Государственной Думы, подробный отчетъ". Не одобряя общаго отношенія правительства къ продовольствію населенія, выразившагося расточительной, по мнѣнію автора, раздачей ссудъ и массовымъ сложеніемъ продовольственныхъ долговъ, внушившимъ, будто бы, населенію мысль о продовольственной помощи, какъ о безвозвратномъ пособіи, авторъ объ исполнительной собственно дѣятельности министерства въ области продовольствія населенія составилъ довольно высокое мнѣніе. Продовольственная кампанія 1906—1907 г., напр., по его мнѣнію, „была проведена мин-вомъ внутрен-

нихъ дѣлъ съ такимъ успѣхомъ, какой при данныхъ условіяхъ и при дѣйствіи существующаго закона только и былъ возможенъ. Даже и всѣ недочеты, которыхъ нельзя слишкомъ обобщать, находятъ себѣ объясненіе въ цѣломъ рядѣ обстоятельствъ". Мысль эта, конечно, справедлива, если подъ „обстоятельствами" понимать, напр., и распоряженія г. Гурко, о которомъ, однако, г. Ермоловъ и не поминаетъ, а его сподвижнику, г. Лидвалю, отводитъ (въ другомъ мѣстѣ) нѣсколько строкъ. Но за то онъ нѣсколько разъ ссылается (стр. 361, 365, 376, 387) на фактъ сокращенія первой Государственной Думой испрашивавшагося правительствомъ кредита на продовольствіе населенію, какъ на важное препятствіе къ закупкѣ хлѣба въ концѣ лѣта, а не въ концѣ осени или началѣ зимы. Чтобы по достоинству оцѣнить это переложеніе вины съ однихъ плечъ на другія, достаточно напомнить всѣмъ извѣстные факты: требованіе кредита въ 50 милл. руб. внесено въ Государственную Думу въ концѣ іюня 1906 г.; Дума разрѣшила кредитъ, на первый разъ въ 15 мил. руб., 8 іюля; послѣ того она была распущена, и новыя ассигнованія сдѣланы 29 іюля; совѣщаніе же для опредѣленія суммы, потребной для каждой губерніи, было собрано лишь 31 августа! Защищаетъ авторъ мин-во внутреннихъ дѣлъ и отъ печати („агитаціонной", по его квалификаціи), „стремившейся единичные случаи обобщать, чтобы всю правительственную помощь населенію выставить въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ" (стр. 409). Не безъ пристрастія въ пользу правительственныхъ учрежденій оцѣниваетъ авторъ и недостатки нашего сельскаго управленія, рѣзко обличая неправду сельскихъ и волостныхъ сходовъ и властей, а по отношенію къ фактическому хозяину—на мѣстахъ земскому начальнику—ограничиваясь осторожнымъ вопросомъ: „всегда ли къ добру" клонилось ихъ вмѣшательство въ сельскую жизнь?

Возложивъ несправедливо на первую Государственную Думу главную отвѣтственность за поздній приступъ правительствомъ къ продовольственной кампаніи 1906 г., г. Ермоловъ почему-то счелъ нужнымъ сводить счеты и съ другимъ проявленіемъ пережитаго нами бурнаго времени—крестьянскимъ движеніемъ 1906 г., поминаемымъ имъ всегда въ сочетаніи со словами: „преступная агитація". Агитація вызвала разгромы помѣщичьихъ экономій (I, 323, II, 169), стачки (I, 324), стремленіе „всѣхъ поровнять" (стр. 559); а за удачные поджоги „распропагандированные крестьяне", „какъ говорятъ, даже премію отъ какого-то тайнаго комитета получали" (II, 198). Агитація повинна и въ недовѣріи, проявленномъ крестьянами въ 1906 г. по отношенію къ лицамъ высшихъ классовъ, работавшимъ во время голода (стр. 331). Утверждая это, авторъ забылъ, что и въ 1891 г. крестьяне не только не вѣрили въ безкорыстіе работавшихъ среди

нихъ постороннихъ лицъ, „а напротивъ, заподозривали ихъ въ томъ, что присланныя яко-бы отъ Царя деньги они обращали въ свою пользу“ (стр. 117). Это двустороннее пристрастіе автора налагаетъ особый отпечатокъ на его, въ общемъ, полезную книгу.

Излишне, кажется, прибавлять, что въ книгѣ А. С. Ермолова высказывается рѣзкое осужденіе нашей общины. Это—въ порядкѣ вещей. Но не порядкомъ нужно признать обоснованіе авторомъ отрицательнаго къ ней отношенія ссылкою на то, что „отъ излюбленнаго трехполья, пока крестьяне владѣютъ землею общинно, они не отстанутъ“ (II, 144). Въ качествѣ ученаго агронома-писателя и бывшаго главы учрежденія, вѣдающаго наше земледѣліе, авторъ долженъ бы знать, что многія тысячи, если не десятки тысячъ общинъ центральной нечерноземной полосы переходятъ въ послѣднее время къ многопольнымъ сѣвооборотамъ, съ посѣвомъ травъ, и на пути болѣе успѣшнаго развитія этого важнаго процесса лежитъ не косность общины, а недостатокъ просвѣщеннаго содѣйствія крестьянамъ со стороны общественной агрономіи.

— В. Твердохлѣбовъ. Обложеніе городскихъ недвижимостей на Западѣ. Часть II. Мѣстное обложеніе. (Новые виды городскихъ налоговъ). Одесса, 1909 г.

— П. Гензель. Новѣйшія теченія въ коммунальномъ обложеніи на Западѣ. Москва, 1909 г.

Литературные матеріалы о мѣстномъ обложеніи въ Россіи крайне скудны и не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ матеріалами, касающимися вопросовъ государственнаго обложенія, не смотря на то, что доходы муниципалитетовъ должны, казалось бы, привлекать къ себѣ особое вниманіе уже потому, что на ихъ счетъ, главнымъ образомъ, удовлетворяются непосредственныя, культурныя нужды населенія. Въ иномъ положеніи вопросы мѣстнаго обложенія находятся въ Западной Европѣ, гдѣ вниманіе къ нимъ общества настолько значительно, что заразило даже русскихъ ученыхъ, гораздо охотнѣе останавливающихся на вопросахъ мѣстнаго обложенія на Западѣ, нежели въ Россіи. Это различіе интереса, возбуждаемаго мѣстнымъ обложеніемъ на Западѣ и Востокѣ Европы, находитъ объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что, вслѣдствіе болѣе высокаго состоянія культуры и развитія городской жизни на Западѣ, требованія благоустройства, предъявляемыя къ муниципалитетамъ, а слѣдовательно, и ихъ расходы тамъ гораздо значительнѣе, и вопросъ объ изысканіи средствъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія бремени этихъ расходовъ настоятельнѣе навязывается общественному вниманію.

Вопросамъ коммунальнаго обложенія на Западѣ посвящены и два

новыхъ, весьма интересныхъ произведенія русскихъ ученыхъ, указанныя въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Книга г. Твердохлѣбова обнимаетъ мѣстное обложеніе всѣхъ главнѣйшихъ государствъ цивилизованнаго міра, а трудъ г. Гензеля ограничивается Англіей, Германіей, Бельгіей и Голландіей, но относительно второстепенныхъ государствъ Германіи сообщаетъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Обѣ книги даютъ намъ общее понятіе о современномъ положеніи мѣстнаго обложенія. При этомъ г. Твердохлѣбовъ разсматриваетъ историческій ходъ развитія послѣдняго въ каждомъ государствѣ, пытаясь связать различные его этапы съ эволюціей хозяйственнаго быта; отводитъ много мѣста изложенію мнѣній спорящихъ сторонъ о тѣхъ или другихъ видахъ мѣстнаго обложенія и критически разбираетъ эти мнѣнія; особенное вниманіе удѣляетъ вопросу о зарожденіи и дальнѣйшемъ развитіи идеи обложенія земельной ренты и незаслуженнаго прироста цѣнности земли—идеи, первоначально выдвинутой въ области коммунальнаго обложенія, получившей значительный толчокъ отъ связи ея съ идеей національзаціи земли вообще (уже Милль стоялъ за „конфискацію будущаго прироста цѣнности земли путемъ обложенія прироста) и отъ пропаганды взглядовъ Генри Джорджа въ частности, и включенной въ новѣйшемъ законопроектѣ Ллойдъ-Джорджа—вызвавшемъ такое возмущеніе страстей въ Англіи—въ систему государственнаго бюджета. Хотя этотъ законопроектъ выходитъ изъ предѣловъ мѣстнаго обложенія, но такъ какъ налогъ на землю включенъ въ государственный бюджетъ отчасти въ интересахъ мѣстнаго обложенія—именно для того, чтобы сломить упорство палаты лордовъ, не допускавшей такого обложенія путемъ самостоятельныхъ биллей, принимавшихся палатой общинъ,—то г. Твердохлѣбовъ разсказываетъ и исторію послѣдняго англійскаго государственнаго бюджета.

Въ книгѣ г. Гензеля мы находимъ иное соотношеніе составныхъ частей: она подробнѣе останавливается на реформѣ коммунальнаго обложенія въ Пруссіи въ 1893 г., проходитъ почти полнымъ молчаніемъ теченіе въ пользу обложенія земельной ренты и незаслуженнаго прироста цѣнности недвижимости (этому предмету посвящено особое сочиненіе автора), но за то особенное вниманіе удѣляетъ вопросу „о выравниваніи податной силы отдѣльныхъ общинъ страны“ путемъ государственныхъ пособій, который собственно и составляетъ центральный пунктъ всего изслѣдованія. Этотъ вопросъ разсматривается и въ очеркахъ, посвященныхъ отдѣльнымъ странамъ (при чемъ неравномѣрность выгодъ коммунальнаго обложенія иллюстрируется многочисленными примѣрами), и въ особой главѣ: „Теорія коммунальнаго обложенія“, разбирающей вопросъ о личныхъ и реальныхъ налогахъ въ мѣстномъ обложеніи. Въ этой же главѣ трактуется и во-

просъ о переложеніи реальныхъ налоговъ, которому г. Твердохлѣбовъ намѣревается посвятить особый томъ.

Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Гензель считаетъ нужнымъ оговориться относительно избранія имъ темы изъ области западно-европейскихъ, а не русскихъ финансовъ. Отвѣчая на возможные упреки, „авторъ позволяетъ себѣ выразить надежду, что выводы, добытые имъ изъ изученія западно-европейскихъ условій, должны пригодиться и въ Россіи“ при предстоящей реформѣ государственныхъ и коммунальныхъ финансовъ, и что въ частности намъ уже не обойтись безъ пріема выравниванія податной силы отдѣльныхъ общинъ, „если мы хотимъ смягчить хроническое финансовое голоданіе русскихъ общинъ“. Замѣчаніе это, конечно, справедливо; но по поводу послѣдняго предположенія авторъ считаетъ нелишнимъ замѣтить, что общая позиція коммунальнаго хозяйства въ Россіи, съ преобладаніемъ крупныхъ территоріальныхъ единицъ, обнимающихъ множество общинъ (земства), значительно отличается отъ того, что наблюдается въ Западной Европѣ, гдѣ главная масса коммунальныхъ расходовъ падаетъ на плечи отдѣльныхъ поселеній и даже (въ крупныхъ городахъ) на части послѣднихъ. Въ общемъ, опытъ коммунальнаго хозяйства на Западѣ скорѣе можетъ быть использованъ русскими городскими, нежели сельскими общинами; да и матеріалами для разсматриваемыхъ нами изслѣдованій служили почти исключительно данныя городского хозяйства.—В. В.

Въ теченіе апрѣля мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Алтаевъ, А. — Двѣ королевы (Марія Стюартъ и Елизавета Англійская). Историческая повѣсть для юношества. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Анненскій, И. Ѳ.—Вторая книга отраженій. Спб., 1909 г. Цѣна 80 к.

Анненскій, Иннокентій. — Кипарисовый Ларецъ. Вторая книга стиховъ (Посмертная). Спб., 1910 г. Цѣна 80 коп.

Апушкинъ, В. А.—Русско-японская война 1904—1905 г. Съ рисунками и планами. Москва, 1910 г.

Архангельскій, В. М. — Филантропическія начинанія русскаго правительства XVIII-го вѣка. Смоленскъ, 1910 г. Цѣна 1 р.

Бажаевъ, В. Г.—Крестьянская аренда въ Россіи. Москва, 1910 г. Ц. 60 к.

Бернштейнъ-Коганъ, С.—Численность, составъ и положеніе петербургскихъ рабочихъ. Опытъ статистическаго изслѣдованія. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 20 к.

Бинэ, Альфредъ.—Современныя идеи о дѣтяхъ. Пер. подъ ред. Г. Г. Шпетта. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Богословскій, Ив. Вл.—Развитіе жизни. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р. 75 к.

Бразоль, Л. Е.—О холерѣ и ея гомеопатическомъ лѣченіи. Второе изданіе. Спб., 1908 г. Цѣна 20 к.

Бутру, Э. — Наука и религія въ современной философіи. Пер. В. Базарова. Изд. „Шиповникъ". Спб., 1910 г. Цѣна 2 р. 25 к.

Бѣлоконскій, И. П. — Земское движеніе. Земство и конституція. Москва, 1910 г.

Вяземскій, Б. Л., кн.—Верховный тайный совѣтъ. Спб., 1909 г. Ц. 3 р.

Гамсунъ, Кнутъ. — Собраніе сочиненій. Т. XII. Изд. „Шиповника". Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Ганжулевичъ, Т.— Русская жизнь и ея теченія въ творчествѣ Л. Андреева. Изд. 2-ое, дополненное. Спб., 1910 г.

Гаринъ, К.—Въ сутолокѣ провинціальной жизни. 1886—1896. Томъ VIII. Спб, 1910 г. Цѣна 1 р.

Гердъ, В. А. — Строеніе и жизнь человѣческаго тѣла. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 60 коп.

Гершензонъ, М.—Жизнь В. С. Печерина. Москва, 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гинцбургъ, Николай.—Лѣтомъ у дѣдушки. Разсказъ изъ словъ съ буквою ѣ въ корнѣ. Спб., 1910 г. Цѣна 15 к.

Городецкій, Сергѣй.—Повѣсти и разсказы. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Горькій, М.—Разсказы. Томъ IX. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Дуговская, Л., врачъ.—Лечебныя мѣста, санаторія и кумысолечебныя заведенія русскія и заграничныя для легочныхъ и туберкулезныхъ Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Дымовъ, Осипъ. — Разсказы. Книга I. Изд. „Шиповникъ". Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Ивановъ-Разумникъ.—О смыслѣ жизни. Ѳ. Соллогубъ, Л. Андреевъ, Л. Шестовъ. 2-ое изданіе. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Жеребцовъ, В. О.—Судебный слѣдователь. Таблица подсудности уголовныхъ дѣлъ. Саратовъ, 1910 г. Цѣна 20 к.

Кечеджи-Шаповаловъ, М. В.—Современная культура и высшее коммерческое образованіе. Спб., 1910 г. Цѣна 25 к.

Коргановъ, В. Д. — Бетховенъ. Біографическій этюдъ. Съ иллюстраціями. Спб., 1910 г. Цѣна 7 р. 50 к.

Кулишеръ, І. М.—Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Курловъ, Е.—Стихи. Москва, 1910 г. Цѣна 60 к.

Левинъ, И. — Свеклосахарная промышленность въ Россіи. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Лемонье, Камиллъ.—Собраніе сочиненій. Т. III. Въ плѣну страстей. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Ливенъ, М., баронъ.—Цезарь Борджіа. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Мижуевъ, П. Г.—Англійскіе рабочіе союзы. Спб., 1909 г. Цѣна 40 к.

——— Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Moll, Albert.—Гипнотизмъ, со включеніемъ главныхъ основъ психотерапіи и оккультизма. Переводъ Д. Г. Фридберга. Спб., 1909 г. Цѣна 4 р.

Муйжель, В.—Разсказы. Томъ IV. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Нагродская, Е. А.—Гнѣвъ Діониса. Спб., Цѣна 1 р. 50 к.

Неклонъ, Б.—Разсказы. Стихотворенія. Могилевъ, 1910 г.

Окуличъ-Окій, С. — Гибель культуры. Симфонія. Стихи. Москва, 1910 г. Цѣна 50 коп.

Онищанскій, М. С.—Санитарныя условія морского переѣзда паломниковъ-мусульманъ. Спб., 1910 г.

Оствальдъ, Вильгельмъ.—Введеніе въ изученіе химіи. Пер. Н. А. Шилова. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 80 к.

Острогорскій, Викторъ.—Этюды о русскихъ писателяхъ. И. А. Гончаровъ. Изд. 2-ое. Спб., 1910 г. Цѣна 50 к.

——— Этюды о русскихъ писателяхъ. Мотивы Лермонтовской поэзіи. Изд. 2-ое. Спб., 1910 г. Цѣна 40 к.

Паперъ, Марія.—Парусъ. Стихи. 1907—1910 гг. Москва, 1910 г. Цѣна 50 к.

Перовъ, М. — Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для устнаго рѣшенія. Изд. „Посредника". Москва, 1910. Цѣна 15 к.

Платоновъ, С. Ѳ.—Учебникъ русской исторіи для средней школы. Часть II. Спб., 1910 г. Цѣна 90 к.

Плетневъ, Алексѣй.—Старое и новое. Матеріалы къ исторіи нашего образованія. Изд. 2-ое. Одесса, 1910 г. Цѣна 15 к.

П—нъ, Н. П.—Моя переписка съ гр. Л. Н. Толстымъ. Вѣрный, 1909 г.

Пыпинъ, А. Н. — Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей: „Два мѣсяца въ Прагѣ" и „Вячеславъ Ганка". Подъ ред. В. А. Ляцкой. Москва, 1910 г. Ц. 2 р.

Ратгаузъ, Д.—Тоска бытія. Собраніе стихотвореній. Т. IV. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Рудинскій, Н.—Записки земскаго врача. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Семеновъ-Волжскій, С.—Разсказы. Т. I. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Сириновъ, М. А. — Теоретическая политическая экономія, какъ наука. Выпускъ I. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Сиротининъ, Андрей. — Какъ научиться по-чешски? Чешская грамматика съ хрестоматіей и словаремъ. Варшава, 1910 г. Цѣна 95 к.

Созоновъ, Л. И.—Обжалованіе приговоровъ военныхъ судовъ въ кассаціонномъ порядкѣ. Спб., 1910 г. Цѣна 75 к.

Стопани, А. М. — Заработная плата и рабочій день бакинскихъ нефтепромышленныхъ рабочихъ. Баку, 1910 г. Цѣна 50 к.

Тосениновъ, Г. В.—Три повѣсти. Владивостокъ, 1910 г.

Тэффи.—Семь огней. Изд. „Шиповника". Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Уманецъ, Ѳ. М. — Александръ и Сперанскій. Историческая монографія. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Уэллсъ, Гербертъ-Джорджъ.—Собраніе сочиненій. Т. 6. Изд. „Шиповника". Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Фейгинъ, Ф. И.—Современные японцы. Спб., 1910 г. Цѣна 20 к.

Ферворнъ, Максъ. — Общая физіологія. Пер. съ 5 нѣм. изд. I. Я. Ляховскаго и М. Я. Гольденвейзеръ. Подъ ред. и съ пред. проф. Г. А. Кожевникова. Выпускъ I. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р. 50 к.

——— Рѣчи и статьи. Пер. съ нѣм. Э. А. Берштейнъ и М. К. Съ пред. проф. Гр. Кожевникова. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р.

Фидлеръ, Я., д-ръ.—Къ вопросамъ пола. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Фреймаркъ, Гансъ.—Оккультизмъ и сексуализмъ. Пер. съ нѣм. С. Пресса. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р.

Фрейтагъ-Лорингновенъ, А., баронъ. — Наслѣдованіе въ крестьянской недвижимости по германскому праву. Т. I. Историческія основы. Юрьевъ, 1910 г.

Четвериковъ, Н.—Относительность движенія и начало наименьшаго дѣйствія въ природѣ. Шербиновскій рудникъ, 1910 г.

Чулицкій, В. М. — Педагогическіе завѣты Стоюнина русскому обществу. Спб., 1910 г. Цѣна 40 коп.

Чулковъ, Георгій. — Разсказы. Книга II. Изд. „Шиповника". Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Шапиръ, Ольга.—Въ бурные годы. Романъ (1866—1877). Изданіе второе. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р.

——— Роза Сарона. Повѣсть. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Шоу, Бернардъ. — Собраніе сочиненій. Т. III. Сила женщины. Врачъ на распутьи. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Шульговскій, Н.—Аза. Драма. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Экоутъ, Жоржъ.—Собраніе сочиненій. Изъ міра бывшихъ людей. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

— Альманахъ для всѣхъ. Книга I. Спб. 1910 г. Цѣна 60 коп.

— Антологія современной поэзіи. Чтецъ-декламаторъ. Т. IV. Кіевъ, 1909 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества. № 21. Красавецъ Джой. Исторія собаки, ею самой разсказанная. Цѣна 80 к. № 47. С. А. Порѣцкій. Давайте работать! Картонажныя и переплетныя работы. Ц. 60 коп. № 76. Бѣлый невольникъ. Разсказъ А. Хирьякова. Цѣна 15 коп. № 163. Ф. Карпентеръ. Поѣздка по Сѣверной Америкѣ. Съ англ. пер. А. Тахтарева. Ц. 65 к. № 173. Лѣпка. Что и какъ лѣпить. Сост. Е. Г. Цѣна 25 коп. № 177. За работу! Работы по дереву. Сост. Е. К. Соломинъ. Цѣна 25 коп. № 181. Лось съ бѣлой отмѣтиной. Разсказъ Ч. Робертса. Пер. съ англ. П. Буланже. Ц. 15 к № 179. Министръ на часъ. Разсказъ Фр. Фокса. Пер. съ англ. П. Буланже. Ц. 15 к.

— Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества. № 44. Чудный даръ. Сборникъ сказокъ. Изд. 3. Цѣна 75 коп. № 51. С. А. Порѣцкій. Давайте работать! Вып. II. Столярныя работы. Цѣна 60 коп. № 74. Дождевая волшебница и др. сказки. № 180. I. Обидѣли. Разсказъ А. Хирьякова. II. Страничка изъ жизни моего пріятеля Мишки Топтыгина. Разсказъ Вл. Ярополова. Цѣна 20 коп.

— Вопросы колонизаціи. Сборникъ № 6. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

— Географическій словарь Россіи. Подъ ред. Д. И. Рихтера. Выпускъ 4. Вегле—Вуекоша. Спб., 1910 г.

— Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 6. Какъ отъ болота хорошую пользу получить. Цѣна 3 к. Кн. 54. Какъ улучшаютъ крестьянское хозяйство. Вторая бесѣда агронома А. Зубрилина. Кн. 84. Ленъ, какъ его сѣять и какая отъ него польза. Сост. Д. Ф. Бурлюкъ. Кн. 87. Какъ сѣять макъ и какая отъ него выгода. Сост. Д. Ф. Бурлюкъ. Цѣна каждой книжки 2 коп.

— Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Книжка 31. Огородничество и садоводство. Сост. И. Л. Елинъ. Вып. I. Какъ ухаживать за огородомъ и парниками. Цѣна 15 коп. Книжка 59. Какъ получить большіе урожаи хлѣбовъ при недостаткѣ навоза. Третья бесѣда земскаго агронома А. Зубрилина. Цѣна 6 коп.

— Дневникъ Маріи Башкирцевой. Пер. подъ ред. Л. Я. Гуревичъ. Изд. 2. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р.

— Дѣтскій организмъ въ борьбѣ съ болѣзнями и смертью. Публичныя лекціи по гигіенѣ дѣтскаго возраста Московскаго Общества борьбы съ дѣтской смертностью. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 75 к.

— Записки Наукового Товариства Ім. Шевченка. Р. 1910, кн. I. Львів.

— Изданія „Посредника". № 309. И. Старинина. Объ одномъ добромъ человѣкѣ. № 540. И. Горбуновъ-Посадовъ. Въ Христову ночь и др. стихотворенія. № 742. Изреченія Магомета, не вошедшія въ Коранъ. Собраны Л. Н. Толстымъ. № 763. Изреченія китайскаго мудреца Лао-Тце, избранныя Л. Н. Толстымъ. Ц. каждаго № 3 к. № 492. Ѳ. Горностаевъ. Два ребенка. Ц. 2 к.

— Изъ исторіи новѣйшей русской литературы. Статьи В. Базарова, П. Орловскаго, В. Фриче и В. Шулятикова. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 75 к.

— Историческая хрестоматія по Русской исторіи. Составили Я. Г. Гуревичъ и Б. А. Павловичъ. Т. II. Изд. 5, переработанное и дополненное Я. Я. Гуревичемъ въ сотрудничествѣ съ С. В. Вознесенскимъ. Спб., 1910 г. Ц. 2 р. 25 к.

— Историческій очеркъ сооруженія надгробнаго памятника Самуилу Ганеману, основателю гомеопатіи. Спб., 1910 г.

— Исторія соціализма въ монографіяхъ К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго и Э. Бернштейна. Полный пер. Е. и И. Леонтьевыхъ. Изд. 4. Съ пред. К. Каутскаго къ русскому изданію. Два тома въ одной книгѣ. Спб., 1909 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Выпускъ XVIII. Купля-продажа земель въ Европейской Россіи въ 1903-мъ году. Спб., 1910 г.

— Маякъ. Ежемѣсячное изданіе для дѣтей, подъ ред. И. Горбунова-Посадова. № 2.

— Мирный переворотъ въ экономической жизни. Кооперацiи въ Великобританіи. Ред. Екат. Веббъ. Съ англ. пер. А. К. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

— Непонятное приключеніе въ сенатѣ. Съ комментаріями и соображеніями графа Петра Кутузова. Спб., 1910 г.

— Общественныя работы въ Казанской губ. 1906—1907 гг. Отчетъ Казанской Губ. Земской Управы по техническому отдѣлу. Казань, 1909 г.

— Отчетъ по лѣсному управленію за 1908-й годъ. Составленъ V отдѣленіемъ Лѣсного Департамента. Спб., 1910 г.

— Очерки по исторіи земскаго обязательнаго страхованія отъ огня въ Херсонской губ. Выпускъ I. Херсонъ, 1910 г. Цѣна 30 коп.

— Памяти В. А. Гольцева. Сборникъ подъ ред. А. А. Кизеветтера. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

— Памяти Н. В. Гоголя. Сборникъ рѣчей, рефератовъ и стихотвореній, читанныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ во время празднованія 100-лѣтней годовщины дня рожденія писателя. Изд. Кавк. Учебн. Округа. Тифлисъ, 1909 г.

— Пасхальный альманахъ. Книгоиздательство „Новина". Спб., 1910 г.

— Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1908 годъ. Спб., 1910 г.

— Старообрядческая мысль. № 1—2. Кіевъ, 1910 г.

— Статистическій Ежегодникъ 1909 г. Изд. Харьковской Губ. Зем. Управы. Харьковъ, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Фіорды. Сборникъ 4. Датскіе, норвежскіе и шведскіе писатели въ пер. А. и П. Ганзенъ. Царственный гость. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда. 1859—1909. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

— Движение на населението прѣзъ 1904 година. Часть II по околии и окрузи. София, 1909 год.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

1 мая 1910.

Старый вопросъ.—Почему мы его не поднимаемъ?—Судебная ликвидація и необходимость амнистіи.—Нѣсколько иллюстрацій.—Петербургскія городскія дѣла.—Новый голова, г. Глазуновъ.—Указъ сената объ обывательскихъ обществахъ.—А. Я. Пассоверъ, В. И. Семеновъ, А. В. Перелешинъ и М. Л. Кропивницкій †.

Извѣстный Вилліамъ Стэдъ, въ апрѣльской книжкѣ англійскаго „R. of R.", обращается къ русскому правительству съ требованіемъ амнистіи „для всѣхъ лицъ, находящихся подъ судомъ, въ ссылкѣ или въ тюрьмѣ за политическія преступленія, совершенныя во время революціоннаго періода". Онъ написалъ горячую статью, сущность которой г. М. Новорусскій передалъ въ „Рѣчи" (№ 99), „съ такой точностью, какой заслуживаетъ искренній оптимизмъ автора и допускаетъ „свобода" русской печати". Поводомъ для Стэда послужило дѣло Чайковскаго, послѣ долгихъ лѣтъ дознанія и слѣдствія и долгихъ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія „преступника" закончившееся оправданіемъ.

Чужой для Россіи человѣкъ—Стэдъ—заговорилъ объ амнистіи. А мы молчимъ. На мысль о необходимости амнистіи его навело дѣло Чайковскаго, который оплатилъ судебную ликвидацію революціонныхъ дней *только* предварительнымъ заключеніемъ. А передъ нашими глазами каждый день проходятъ картины ликвидаціи, одна другой ужаснѣе. Мы ежедневно читаемъ и слышимъ о приговорахъ, присуждающихъ къ крѣпости, къ исправительному дому, къ ссылкѣ на поселеніе, къ каторгѣ, къ смертной казни; при оправдательномъ приговорѣ намъ и въ голову не приходитъ сокрушаться о предварительномъ заключеніи—и мы какъ будто забыли то слово, которое четыре и три года назадъ не сходило съ нашихъ устъ. Какъ какой-то далекій, чуждый намъ призывъ, пришло оно изъ Англіи. Прозвучало—и замолкло, не встрѣтивъ отклика. Статью Стэда печать лишь отмѣтила.

Неужели мы въ такой мѣрѣ „успокоились" и пріуготовились къ воспріятію обѣщанныхъ послѣ успокоенія „реформъ"—къ отнятію отъ Финляндіи тѣхъ вольностей и правъ, которыми она безвозбранно пользовалась въ до-конституціонное время, къ расширенію объема ограниченій для евреевъ, къ возведенію въ общую правовую норму исключитель-

ныхъ положеній и т. п.,—что уже вовсе утратили способность реагировать на „судебные скорпіоны“? Неужели мы совсѣмъ разучились понимать различіе между формальной правдой не столько закона, сколько „разъясненій“, и реальной правдой жизни? Неужели русское общественное сознаніе цѣликомъ опустилось на тотъ уровень дикости, на которомъ стоитъ, какъ принципъ, торжество мстительности и готтентотской морали? Конечно, нѣтъ.

Что политика успокоенія возымѣла дѣйствіе на все русское общество, и немалое—противъ этого спорить нельзя. Мы, дѣйствительно, съ одной стороны, и „успокоились“, и „пріуготовились“, съ другой—во многомъ „разучились“ и „утратили способность“. Но само собою разумѣется, что слишкомъ еще рано ставить знакъ равенства между русскимъ общественнымъ и народнымъ сознаніемъ—и тѣмъ сознаніемъ, которое формулируется въ союзническихъ чайныхъ, на съѣздахъ объединенныхъ дворянъ, въ „Русскомъ Знамени“, въ „Новомъ Времени“ и въ рѣчахъ правыхъ членовъ Государственной Думы. Слишкомъ еще рано утверждать, что крики: „мало!“—мало казней, мало каторги, мало закономѣрнаго причиненія людямъ страданій—отражаютъ сознаніе русскаго народа. Въ глубинѣ этого сознанія затаенъ другой крикъ: „довольно!“ И если онъ не раздается, то только по полной безнадежности. М. Новорусскій относитъ требованіе Стэда на счетъ его „неисправимаго“ оптимизма. Развѣ это не вѣрно? Развѣ можно сейчасъ у насъ даже мечтать объ амнистіи? Какая возможна амнистія, когда громко и властно раздаются голоса, желающіе нормировать карательную дѣятельность государства на основаніи опросовъ, обращаемыхъ къ потерпѣвшимъ отъ преступленія? Амнистія есть прощеніе во имя забвенія и забвеніе во имя прощенія. Можно ли взывать къ забвенію, когда задачей минуты поставлены чуть не археологическія раскопки въ цѣляхъ расправы съ тѣми, кто революціоннымъ взрывомъ былъ выбитъ изъ колеи обывательскихъ мыслей и обывательскаго благонравія?

Но есть и другая причина, почему мы не говоримъ и не пишемъ объ амнистіи. Мысль о сидящихъ въ тюрьмахъ—въ ожиданіи суда и осужденныхъ,—о томящихся въ нарымскомъ или туруханскомъ краѣ, даже объ отбывающихъ вѣчную каторгу въ насъ естественно подавлена мыслью о тѣхъ, кого ежедневно вѣшаютъ. На каждый день минувшаго года приходилось, въ среднемъ, почти по двѣ казни. Немногимъ менѣе казнятъ и въ нынѣшнемъ году. Создалось такое положеніе, что люди прилагаютъ невѣроятныя усилія, чтобы добиться замѣны казни безсрочной каторгой, и радуются, когда тотъ, о комъ они хлопотали, закованный въ ручные и ножные кандалы, будетъ посаженъ въ камеру съ надписью на двери: „вѣчники“. На нашемъ

языкѣ слово „помилованіе“ сохранило свой прежній до-конституціонный смыслъ только въ отношеніи погромщиковъ и провокаторовъ. Въ отношеніи лицъ, которыя были причастны къ революціи или покрываютъ не погромщическимъ, а революціоннымъ флагомъ свою ничего общаго не имѣющую ни съ какой идейностью преступность, мы уже давно подъ помилованіемъ разумѣемъ не освобожденіе отъ суда и отъ наказанія вообще, а освобожденіе отъ петли. Для насъ вѣчная каторга стала желаннымъ актомъ помилованія. При такомъ перемѣщеніи масштаба уголовно-правовыхъ понятій, можно было бы и вовсе забыть то слово, которое первое раздалось въ первомъ русскомъ парламентѣ.

А между тѣмъ политическая амнистія нужна Россіи въ настоящій моментъ даже болѣе, чѣмъ была нужна тогда. Если отрѣшиться отъ привычки видѣть ежедневно проливаемую кровь и если стряхнуть съ себя покорность передъ безнадежностью, то эта необходимость встаетъ во всей своей юридической ясности. Чѣмъ далѣе развертывается картина судебной ликвидаціи дней свободы, тѣмъ виднѣе становится отсутствіе внутренняго смысла въ такъ называемомъ „торжествѣ правосудія“.

Въ Минскѣ, съ мѣсяцъ назадъ, передъ судебной палатой сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ крестьянинъ-бѣлоруссъ. Его обвиняли въ распространеніи выборгскаго воззванія или, фактически, въ томъ, что въ іюлѣ 1906-го года онъ, въ уѣздномъ городѣ, на базарѣ, громко читалъ воззваніе въ присутствіи кучки слушателей. Онъ объяснялъ, что воззваніе ему тогда кто-то сунулъ въ руку, что до конца онъ „прокламата“ не дочиталъ и что былъ выпивши. Но видимо не эти объясненія его интересовали. Ихъ онъ сказалъ мелькомъ. Долго и подробно онъ говорилъ о томъ, что для суда пріѣхалъ изъ ставропольской губерніи, гдѣ служитъ на желѣзной дорогѣ, что онъ оторванъ отъ заработка, который нашелъ не безъ труда, что теперь его семьѣ предстоитъ голодъ. Свидѣтели — два стражника — почти на всѣ вопросы обвиненія и защиты отзывались запамятованіемъ. Они помнили только, что задержали подсудимаго въ моментъ совершенія „преступленія“ и что онъ былъ выпивши. Палата назначила два мѣсяца тюрьмы.

Зачѣмъ была нужна вся сложная почти четырехлѣтняя процедура, окончившаяся карой, право опредѣленія которой, по размѣру, принадлежитъ мировымъ судьямъ и земскимъ начальникамъ? Кому и зачѣмъ нужно, чтобы невѣдомый крестьянинъ-бѣлоруссъ отсидѣлъ два мѣсяца въ острогѣ? Страшное воззваніе давно забыто. Ни для кого не секретъ, что революціоннаго значенія оно не имѣло. Авторы воззванія давно за него понесли расплату. Если допустить, что

осужденный и имѣлъ тогда, въ іюлѣ 1906-го года, какія-либо „преступныя“ намѣренія, то видъ его и безсвязныя слова слишкомъ ясно свидѣтельствовали, что четыре года вытравили изъ него до конца всякую революціонность. Съ государственной точки зрѣнія, назначенное ему наказаніе получило только тотъ смыслъ, что человѣкъ на два мѣсяца отстраненъ отъ производительнаго труда.

Въ другомъ судебномъ округѣ, немного раньше, палата судила женщину-врача N. Исторія этого процесса весьма любопытна. Въ городѣ, гдѣ подсудимая временно занимала должность врача земской больницы, въ послѣдніе мѣсяцы 1905-го года, какъ и вездѣ, бастовали фабрики, желѣзная дорога, почта и телеграфъ. Власти, тоже какъ вездѣ, находились, по выраженію П. А. Столыпина, въ состояніи паралича. Активно дѣйствовали однѣ революціонныя организаціи. Въ серединѣ декабря параличное состояніе властей прекратилось. Начались обыски и аресты. Въ квартирѣ N оказалась въ большомъ количествѣ соціалъ-демократическая партійная литература, и N была арестована. Черезъ три мѣсяца дѣло о ней было разрѣшено въ административномъ порядкѣ. Совѣщаніе при департаментѣ полиціи назначило ей ссылку въ одну изъ отдаленныхъ губерній Европейской Россіи. Вскорѣ по прибытіи въ мѣсто ссылки, N скрылась, благополучно перебралась черезъ границу и поселилась въ Швейцаріи. Прошло три года. N надумала „легализоваться“. Это новый терминъ, которому повидимому суждено войти въ нашъ обиходный языкъ. „Легализоваться“—значитъ вернуться изъ-за-границы, учинить то, что по уставу уголовнаго судопроизводства называется „явкой съ повинной“, сѣсть въ предварительный арестъ, затѣмъ предстать на судъ, отсидѣть сколько будетъ причитаться въ крѣпости, въ тюрьмѣ или въ мѣстѣ ссылки—словомъ, ликвидировать прошлое участіе въ народномъ движеніи, чтобы выкупить, такъ сказать, утраченное право русскаго обывателя кормиться у себя дома. Рѣшившіе легализоваться, само собою разумѣется, наводятъ предварительныя справки и расцѣниваютъ тотъ счетъ, который имъ будетъ предъявленъ къ уплатѣ.

Такъ поступила и N. Ей сообщили, что за нею числится одно: неотбытая ссылка. Она вернулась и поселилась тамъ, откуда скрылась. Но за три года ея отсутствія политика правительства коренным образомъ измѣнилась. Въ 1906 г. революцію обезвреживали. Когда стало наступать „успокоеніе“, добрались до вырыванія корней. Во имя неукоснительнаго торжества законности, противъ революціи былъ выдвинутъ арсеналъ уголовнаго уложенія, которое оказалось тѣмъ болѣе удобнымъ, чѣмъ менѣе входило въ отправныя положенія его составителей признаніе за русскими гражданами права на политическое самоопредѣленіе и, въ частности, на партійную жизнь и дѣя-

тельность. За эти три года появились рѣшенія сената по дѣлу соціалъ-демократической фракціи второй Думы и по дѣлу Лопухина. Провозглашена была новая теорія „участія въ соучастіи". „Свободѣ" политическаго самоопредѣленія и союзовъ была противопоставлена для соціалистическихъ партій ст. 102-ая уголовнаго уложенія, на основаніи которой нормальное наказаніе—каторга, и самое низшее, при наличности всѣхъ возможныхъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ—ссылка на поселеніе. N этого не знала или, зная, не учла. Она не учла, что, за время ея нахожденія внѣ предѣловъ досягаемости, тѣ самыя фактическія данныя, за которыя ей была назначена срочная административная ссылка, создали параллельное судебное преслѣдованіе по 102-ой статьѣ. Вмѣсто доживанія срока въ назначенномъ ей въ 1906-мъ году мѣстѣ, она оказалась въ тюрьмѣ, откуда, послѣ шести мѣсяцевъ заключенія, предстала передъ судебной палатой.

Процессъ проходилъ въ обычныхъ условіяхъ разсмотрѣнія въ настоящее время подобнаго рода дѣлъ. Свидѣтели — почти исключительно чины полиціи, производившіе обыскъ—отзывались запамятованіемъ, приводя въ свое оправданіе безспорные аргументы: прошло столько времени; тогда каждую ночь производилось по нѣскольку обысковъ, и сказать теперь, что, у кого и при какихъ обстоятельствахъ было забрано—невозможно. Читались документы—разнообразныя программы, воззванія, резолюціи, подъ нынѣшнимъ угломъ зрѣнія „преступнаго содержанія", тогда какъ въ концѣ 1905-го года все это открыто печаталось въ легальной прессѣ. Палата признала подсудимую виновной въ храненіи преступной литературы,—т.-е. и по юридической квалификаціи—только въ томъ дѣяніи, за которое ей была назначена административная ссылка,—но отъ наказанія не освободила, а назначила годъ крѣпости. Подсудимая подавать кассаціонную жалобу не пожелала. Она обратилась съ просьбой какъ можно скорѣе привести приговоръ въ исполненіе. Она увидѣла возможность конца своимъ мытарствамъ—отъ революціи къ эмигрантству, отъ эмигрантства къ тюрьмѣ и къ ожиданію погрузиться въ нирванну каторги—и ее охватило одно желаніе, чтобы конецъ наступилъ скорѣе.

Еще одинъ примѣръ. Осенью 1905 г. только-что окончившій гимназію юноша поступилъ въ университетъ. Въ октябрѣ университетъ былъ закрытъ, и онъ вернулся въ свой родной городъ. Тутъ тоже была въ разгарѣ революція. Юноша отдался движенію—кто тогда ему не отдавался! Но активной роли онъ не игралъ и ни въ какихъ террористическихъ актахъ участія не принималъ. Въ декабрѣ, на одномъ „не разрѣшенномъ" собраніи (кто тогда испрашивалъ для собраній разрѣшенія!), юноша былъ задержанъ. При немъ нашлась литература. На допросѣ онъ заявилъ: „я по убѣжденіямъ соціалъ-

демократъ" (кто тогда изъ людей его возраста не былъ соціалъ-демократомъ „по убѣжденіямъ"!) Начато было дѣло. Полгода юноша просидѣлъ въ тюрьмѣ, послѣ чего былъ выпущенъ подъ залогъ. Къ открытію университета, осенью 1906 г., онъ оказался на свободѣ и сталъ фактическимъ студентомъ. Четыре года онъ проходилъ курсъ, сдавалъ экзамены, писалъ рефераты, работалъ въ семинаріяхъ. И четыре же года надъ его дѣломъ работалъ судебный аппаратъ. Блестяще окончивъ курсъ, онъ сдаетъ государственные экзамены; ему предстоитъ быть оставленнымъ при университетѣ для приготовленія къ профессурѣ. И одновременно ему предстоитъ судъ по ст. 102-ой; передъ нимъ стоитъ призракъ каторги за то, что̀ сохранилось въ его памяти только благодаря допросамъ и обвинительному акту. Что̀ выиграетъ государственность, если вмѣсто университетскаго диплома, заслуженнаго четырьмя годами систематическаго труда, онъ получитъ судебный приговоръ и на порогѣ широкаго будущаго обратится въ „бывшаго" человѣка за то, что въ 1905-мъ году ему было только 18 лѣтъ? Скажутъ: невѣроятно, чтобы его присудили къ каторгѣ. Но, въ такомъ случаѣ, кому и зачѣмъ будетъ нужно, чтобы въ его жизни произошелъ перерывъ—чтобы прежде, чѣмъ начать жизнь человѣка, получившаго высшее образованіе, онъ прошелъ черезъ искусъ тюремнаго сидѣнья?

Съ сохраненіемъ логики и смысла продолжать распутываніе клубка, смотаннаго днями свободы, „успокоеніемъ", вырываніемъ корней и уголовнымъ закономъ, который былъ написанъ въ предположеніи иныхъ политическихъ условій — совершенно невозможно. Клубокъ можно только разрубить амнистіей, — забвеніемъ того, что̀ въ дѣйствительности уже забыто. Идея правосудія не допускаетъ искусственности. А наша нынѣшняя судебная ликвидація вся построена на натяжкахъ и искусственности,—то въ одну сторону, то въ другую. Искусственно отдаются судебнымъ скорпіонамъ „легализующіеся". Искусственно дѣйствуютъ суды, переходя отъ суроваго обвиненія къ менѣе суровому, ибо судьи—живые люди, и какъ бы „свято" ни чтилась только на словахъ ихъ „независимость", они, всетаки, имѣютъ совѣсть, умѣряющую извнѣ идущія къ нимъ требованія. Въ большинствѣ случаевъ, суды коронные, не исключая военныхъ, назначаютъ минимальныя изъ возможныхъ по „разъясненіямъ" наказаній за политическія преступленія, совершенныя въ революціонный періодъ. Принимая во вниманіе данную у насъ степень послѣконституціонной судейской „независимости", должно признать, что этотъ фактъ объективно подсказываетъ необходимость амнистіи.

Рѣзкимъ противорѣчіемъ явился приговоръ военнаго суда по такъ называемому дѣлу о новороссійской республикѣ. Изъ двадцати под-

судимыхъ семи назначена смертная казнь и тринадцати—каторга. Но это дѣло другими своими особенностями не менѣе краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о необходимости амнистіей поставить крестъ на создавшемся юридическомъ хаосѣ. Приговоръ, постановленный въ мартѣ нынѣшняго года—по счету третій. Первымъ приговоромъ семь подсудимыхъ были присуждены къ каторгѣ, тринадцать — къ поселенію. Вторымъ: трое — къ поселенію, четырнадцать—къ крѣпости, съ зачетомъ предварительнаго заключенія, одинъ—къ четыремъ мѣсяцамъ тюрьмы; двое были оправданы. Понадобились двѣ кассаціонныя отмѣны приговоровъ, и только послѣ нихъ изъ устъ военнаго суда раздалось: смертная казнь и каторга безъ всякой пощады. Кромѣ того, никакая суровость третьяго приговора не могла снять и не сняла съ новороссійскаго дѣла того, что̀ военный же судъ завѣрилъ при второмъ разбирательствѣ и что̀ никѣмъ никогда не было затѣмъ опровергнуто. Напомнимъ слѣдующія мѣста изъ постановленія суда, какъ оно было изложено на страницахъ газетъ въ іюлѣ прошлаго года: „Цѣлый рядъ допрошенныхъ судомъ свидѣтелей установилъ, что судебный слѣдователь въ протоколы слѣдствія внесъ безъ всякихъ оговорокъ указанія допрошенныхъ имъ свидѣтелей на такихъ лицъ, о которыхъ они, свидѣтели, никогда ничего не говорили и которыхъ они даже не знаютъ“. Судъ довелъ до свѣдѣнія министра юстиціи о неправильныхъ дѣйствіяхъ старшаго предсѣдателя новочеркасской судебной палаты, сенатора Хлодовскаго. „Дѣло въ томъ—передавали газеты,—что свидѣтели, бывшіе мировые судьи г. Новороссійска, Пальчековскій и Овчаренко, заявили суду, что ихъ постигла кара за тѣ показанія, которыя они давали на судѣ во время перваго разбора дѣла. А показали они, что никто въ декабрѣ 1905 г. не препятствовалъ имъ исполнять свои судейскія обязанности въ г. Новороссійскѣ—и вотъ, за то, что̀ имѣло мѣсто въ дѣйствительности, ихъ перевели на тѣ же должности, но съ меньшими окладами“.

Мы высказали нѣсколько мыслей по поводу вопроса, который поднялъ Стэдъ, и привели нѣсколько иллюстрацій. Мы ждемъ горькой улыбки на лицѣ читателей. Дѣйствительно, для крика о несправедливостяхъ, о царствѣ мстительности и ненужной злобы у всѣхъ насъ пересохло горло. Когда мы вспоминаемъ казнимыхъ, сосланныхъ и ссылаемыхъ, лицо скашивается улыбкой безнадежной ироніи... Вѣрную характеристику переживаемаго времени далъ на-дняхъ г. Рославлевъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. „Болѣе рѣзкаго диссонанса между пасхальнымъ звономъ и душевной нѣмотой русскаго общества я еще не помню—писалъ онъ.—Тотъ маразмъ, на который жаловались въ эпоху Плеве и Сипягина,—ничто сравнительно съ те-

перешнимъ. Тогда еще на что-то надѣялись, во что-то вѣрили. Теперь—могильный мракъ...“

Городскія дѣла Петербурга все въ прежнемъ положеніи. Первые четыре мѣсяца дѣятельности городской думы съ обновленнымъ на половину составомъ гласныхъ ничего существеннаго городу не дали. Группа новыхъ гласныхъ ведетъ оригинальную борьбу: за право работать. Стародумцы же напрягаютъ всю энергію на то, чтобы обновленцевъ къ работѣ не допускать. Стародумцамъ принадлежитъ большинство, и они съ успѣхомъ побѣждаютъ всякій разъ, когда право работать такъ или иначе оказывается въ зависимости отъ выборовъ. Что они не пропустятъ ни одного обновленца въ управу и вообще на связанныя съ оплатой труда исполнительныя должности—это было ясно съ перваго дня, когда обѣ стороны, при избраніи предсѣдателя думы, подсчитали свои силы. Но стародумцы пошли далѣе. Они закрыли для обновленцевъ даже двери подготовительныхъ коммиссій.

Подготовительныя коммиссіи не обладаютъ никакой исполнительной властью. Члены этихъ коммиссій ни жалованья, ни излюбленныхъ петербургской думой „разъѣздныхъ“ не получаютъ. Задача подготовительныхъ коммиссій исчерпывается предварительной разработкой вносимыхъ въ думу вопросовъ. При такихъ условіяхъ, казалось бы, нѣтъ и не можетъ быть противорѣчія между интересами дѣла и интересами партійными, какъ бы узко и своеобразно послѣдніе ни трактовались. Очевидно, что и тѣ, и другіе интересы требуютъ, чтобы въ подготовительныхъ коммиссіяхъ участвовали представители различныхъ мнѣній и воззрѣній. Въ интересахъ дѣла—этимъ обезпечивается всесторонняя подготовка вопроса. Въ интересахъ главенствующей партіи—лучше заранѣе знать аргументацію оппозиціи, нежели впервые ее услышать въ тотъ моментъ, когда вопросъ предстоитъ рѣшать. Съ практической точки зрѣнія нельзя забывать, что, какъ свидѣтельствуетъ опытъ,—и западный, и нашъ,—смѣшанный составъ подготовительныхъ коммиссій всегда способствуетъ сокращенію преній въ публичныхъ засѣданіяхъ собраній и вообще ускоряетъ движеніе дѣлъ. Въ коммиссіяхъ легче происходятъ соглашенія, люди ближе соприкасаются съ дѣловой стороной обсуждаемыхъ вопросовъ Все это — азбучныя истины. Въ нашихъ государственныхъ представительныхъ учрежденіяхъ,—въ Совѣтѣ и въ Думѣ,—коммиссіи всегда образуются по принципу пропорціональнаго участія всѣхъ партій.

Большинство петербургской городской думы рѣшило, что оно выше всякихъ общепризнанныхъ истинъ, и отказалось идти на какія бы то ни было уступки. Оно заявило меньшинству, что будетъ пропу-

скать въ подготовительныя коммиссіи тѣхъ изъ обновленцевъ, кого захочетъ, и въ томъ числѣ, въ какомъ захочетъ, не справляясь съ желаніями и требованіями ни меньшинства, какъ цѣлаго, ни самихъ кандидатовъ. И, въ видѣ иллюстраціи, большинство, при первыхъ же выборахъ членовъ коммиссій, исключило изъ списка кандидатовъ въ финансовую коммиссію гласнаго, который въ теченіе трехъ лѣтъ былъ самымъ дѣятельнымъ въ ней работникомъ, юристовъ намѣтило въ составъ техническихъ коммиссій, врача или инженера—въ составъ юридической. Меньшинству ничего другого не оставалось, какъ уклониться отъ предложенныхъ условій избранія. Такимъ образомъ, въ петербургской городской думѣ на цѣлое трехлѣтіе создался порядокъ, при которомъ крупныя интеллектуальныя силы устранены отъ подготовительной работы. Конечно, эти силы, по мѣрѣ возможности, будутъ работать внѣ коммиссій. Въ результатѣ, доклады коммиссій будутъ въ общихъ собраніяхъ думы проваливаться, и дѣятельность думы еще болѣе застопорится. И это не будетъ со стороны меньшинства ни обструкціей, ни бойкотомъ,—это будетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ принципа, которымъ руководствуется большинство: „хоть часъ, да мой". Кто знаетъ петербургскихъ стародумцевъ, для того не секретъ ихъ, за немногими исключеніями, интеллектуальное убожество.

Къ разсмотрѣнію смѣты на 1910-ый годъ дума еще не приступала. Съ ноября прошлаго года смѣта ставится на повѣстку каждаго засѣданія, и каждый разъ предсѣдатель объявляетъ, что разсматривать проектъ смѣты нельзя, въ виду отсутствія доклада финансовой коммиссіи. Какъ успѣетъ дума до лѣтнихъ каникулъ покончить со смѣтой, трудно даже себѣ представить. Осталось всего три очередныхъ засѣданія, а на продолженія стародумцы не ходятъ. Засѣданіе 9-го апрѣля не состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ: къ установленному правилами сроку явилось изъ 54-хъ—33 гласныхъ; изъ нихъ 27 изъ обновленческаго меньшинства и 6 изъ стародумскаго большинства. Упрека, конечно, заслуживаетъ и меньшинство, насчитывающее 60 гласныхъ. Но вина въ „срывѣ" засѣданія, всетаки, всецѣло падаетъ на большинство, къ составу котораго принадлежитъ свыше 80 гласныхъ, а явилось, вмѣстѣ съ членами управы, шесть. Едва ли могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что „срывъ" произошелъ не случайно. И невольно этотъ фактъ напрашивается на сопоставленіе съ другимъ, имѣвшимъ мѣсто въ тотъ же день, 9-го апрѣля, утромъ: обвалился домъ Новожилова, похоронившій нѣсколькихъ рабочихъ и изувѣчившій другихъ. Если бы засѣданіе состоялось, управа не избѣгла бы запроса. Кромѣ того, на повѣсткѣ стоялъ вопросъ объ исполнительныхъ коммиссіяхъ, т.-е. о „разъѣздныхъ". Была опасность, что въ продолженіе засѣда-

нія большинство голосовъ окажется у обновленцевъ и что они поспѣшатъ оставить къ празднику кормящихся безъ кормленія.

Новый городской голова, г. Глазуновъ, дебютировалъ заявленіемъ, что онъ хозяинъ города. Онъ сослался, при этомъ, на законъ и на существо своего положенія въ организаціи городского самоуправленія. Г. Глазуновъ говорилъ, что будетъ первымъ слугой населенію. Но въ словахъ его откровенно сквозило, что онъ будетъ властнымъ слугой своихъ подвластныхъ—слугой-хозяиномъ, если не въ отношеніи прикащиковъ, то въ отношеніи подначальныхъ обывателей. Словомъ, въ Петербургѣ, повидимому, явился новый самодержецъ, считающій, что дума его выбрала для того, чтобы онъ стоялъ надъ нею. Что это такъ—имѣются косвенныя свидѣтельства. У г. Глазунова есть не то комментаторъ его мыслей, не то вдохновитель, г. Сн—въ изъ „Новаго Времени". Въ „Новомъ Времени" вообще пишутъ менторскимъ тономъ. Г. Пиленко поучаетъ Государственную Думу. Г. Меньшиковъ—министровъ и Россію вообще. За большими писателями тянутся маленькіе. Г. Сн—въ поучаетъ думу городскую. Вмѣсто отчетовъ о засѣданіяхъ, онъ обыкновенно пишетъ о томъ, чѣмъ былъ изумленъ и чѣмъ обрадованъ, и попутно преподаетъ указанія. Къ г. Глазунову г. Сн—въ давно благоволитъ. Послѣ утвержденія г. Глазунова онъ писалъ: „Въ должности городского головы человѣкъ энергичный, умный и честный можетъ весьма много сдѣлать для жителей города и для самого города, безотносительно, принадлежитъ онъ къ большинству или меньшинству. Городской голова долженъ стоять внѣ партій, да, по правдѣ говоря, онъ въ нихъ и не нуждается. Законъ предоставляетъ ему и власть, и иниціативу въ широкихъ размѣрахъ, и тотъ же законъ даетъ ему такое полное право контроля, что если городской голова ничего не сдѣлаетъ для города, то винить ему придется только самого себя и никого и ничто болѣе... „Примѣръ покойнаго Алексѣева въ Москвѣ совершенно точно подтверждаетъ, что человѣкъ сильной воли и недюжиннаго ума можетъ быть дѣйствительнымъ хозяиномъ города и принести ему громадную пользу при условіяхъ, несомнѣнно болѣе трудныхъ и щекотливыхъ, чѣмъ условія нашего настоящаго времени". Сомнительно, чтобы „въ условіяхъ настоящаго времени" г. Глазунову удалось повторить въ Петербургѣ московскій примѣръ покойнаго Алексѣева. Но все говоритъ за то, что онъ будетъ стремиться экспериментировать въ этомъ направленіи и что городскому самоуправленію, а вмѣстѣ съ нимъ и городскому населенію, отъ такихъ экспериментовъ не поздоровится.

Г. Глазуновъ—типичный представитель петербургскаго стародумства. Онъ—человѣкъ партійный, властолюбивый. Лично безукоризненно честный и чистоплотный, онъ для своей партіи возвелъ въ культъ си-

стему „кормленія“, какъ самое вѣрное цементирующее средство. Въ городскихъ дѣлахъ вниманіе г. Глазунова всегда будетъ направлено въ ту сторону, откуда идутъ приказанія. И это для него будетъ тѣмъ легче, чѣмъ опредѣленнѣе измѣнилось „тамъ“ отношеніе къ идеѣ обновленчества въ городскомъ самоуправленіи. Ходятъ упорные слухи, что „тамъ“ изыскивается „законный“ способъ, чтобы закрыть образовавшіяся два года назадъ обывательскія общества. Разъ способъ ищутъ, то, конечно, найдутъ. Разъяснительное правотворчество послѣднихъ лѣтъ можетъ въ томъ служить надежнѣйшей порукой. Для запрета открывать новыя общества избирателей и обывателей способъ уже найденъ. Перекинуть мостъ къ обществамъ уже открытымъ—для современныхъ юристовъ самое пустое дѣло.

Недавно опубликованъ указъ сената, оставившаго безъ послѣдствій жалобу учредителей „общества обывателей города Елизаветграда“ на опредѣленіе мѣстнаго объ обществахъ присутствія. Сенатъ призналъ: во-первыхъ, „что образованіе частнаго общества, однороднаго по характеру своей дѣятельности съ органами городского общественнаго управленія, не вызывается необходимостью, такъ какъ населеніе города, на основаніи закона, принимаетъ уже активное участіе въ веденіи городского хозяйства и завѣдываніи дѣлами городского поселенія посредствомъ избранія своихъ представителей въ городскую думу“; во-вторыхъ, „что совмѣстная дѣятельность органовъ городского управленія и частнаго общества по разрѣшенію однихъ и тѣхъ же вопросовъ городского хозяйства и управленія могла бы повести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ въ случаяхъ разрѣшенія однородныхъ вопросовъ въ различныхъ направленіяхъ“. Не для юридическаго разбора привели мы эти мотивы. Они и безъ разбора достаточно ясны и вызываютъ удивленіе только въ отношеніи запоздалости обнаруженнаго сенатомъ всероссійскаго попустительства. Надо немедленно закрыть больницы краснаго креста и общинъ сестеръ милосердія, частныя больницы и лечебницы, надо немедленно воспретить городскимъ жителямъ всякія благотворительныя организаціи, опечатать пріюты, столовыя, и т. д., и т. д. Ибо образованіе подобнаго рода общественныхъ организацій „не вызывается необходимостью“: попеченіе о больничныхъ и санитарныхъ нуждахъ города и о мѣрахъ призрѣнія составляетъ обязанность городского самоуправленія, и населеніе (!) городовъ уже участвуетъ, черезъ избраніе гласныхъ, въ удовлетвореніи этихъ потребностей. Ибо совмѣстная дѣятельность органовъ городского управленія и частныхъ общественныхъ организацій можетъ „повести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ“.

Очевидно, не рѣшеніе вытекло изъ мотивовъ, а наоборотъ. „Россія“ устраняетъ въ этомъ отношеніи всякія сомнѣнія и одновременно

разъясняетъ, куда направленъ ударъ сенатскаго указа. „Большинство петербургскихъ обществъ успѣло доказать — писало по поводу указа „совершенно частное изданіе“, — что задачи благоустройства, если, вообще, въ какой-либо мѣрѣ и преслѣдуются ими, то, во всякомъ случаѣ, далеко не въ такой, въ какой усилія ихъ направлены къ борьбѣ съ существующимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, т.-е. съ учрежденіями, самимъ закономъ признаваемыми наиболѣе компетентными въ дѣлѣ удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ“. Итакъ, вотъ новѣйшій курсъ правительственной политики въ отношеніи городского самоуправленія: то, что существуетъ въ нынѣшней организаціи городского общественнаго управленія, все хорошо, ибо такъ признаетъ законъ. Что это хорошее 12-го декабря 1904-го года съ высоты престола было объявлено подлежащимъ „неотложной“ коренной реформѣ—объ этомъ забыто. Петербургскія обывательскія общества виноваты въ томъ, что они боролись и борются съ пріемами стародумскаго хозяйничанья, обнаруженными холерой, съ системой кормленія, съ самоупраздненіемъ городской думы. Да, въ этомъ они виноваты. Да, они были главной причиной того, что стародумцы на выборахъ потерпѣли пораженіе. Да, ихъ существованіе грозитъ тому, что черезъ три года въ городскихъ дѣлахъ наступитъ конецъ владычеству гг. Унковскихъ и Глазуновыхъ. Значитъ—ихъ надо закрыть. И закроютъ!..

Въ другомъ мѣстѣ настоящей книжки говорится, по поводу К. Д. Кавелина, о тѣхъ—слишкомъ многихъ — выдающихся людяхъ, которыхъ особыя условія русской жизни не допустили на излюбленный ими путь или заставили преждевременно его оставить. Къ числу такихъ людей принадлежалъ скончавшійся на дняхъ Александръ Яковлевичъ Пассоверъ. Это былъ человѣкъ, въ рѣдкой степени соединявшій въ себѣ всѣ данныя для профессуры: необыкновенно даровитый, замѣчательно владѣвшій словомъ, умѣвшій убѣждать и увлекать слушателей, своеобразный во всѣхъ своихъ взглядахъ, обладавшій громадною памятью и разносторонними знаніями, онъ не зналъ бо̀льшаго наслажденія, какъ дѣлиться мыслями, передавать усвоенное и продуманное, выслушивать и отражать возраженія. Понятно, что онъ еще на университетской скамьѣ не только мечталъ о профессорской дѣятельности, но и усердно готовился къ ней. Оставленный при университетѣ, онъ провелъ три года за границей и вернулся въ Россію, въ 1866-мъ году, увѣренный въ томъ, что ему предстоитъ начать, въ ближайшемъ будущемъ, чтеніе лекцій по государственному праву. Какъ разъ въ это время, къ несчастію не только для А. Я., но и для всей Россіи, постъ министра народнаго просвѣщенія занялъ

гр. Д. А. Толстой — и доступъ къ каѳедрѣ былъ закрытъ для лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Тогда А. Я. рѣшился вступить въ ряды магистратуры: онъ былъ секретаремъ прокурора московской судебной палаты (Д. А. Ровинскаго), потомъ товарищемъ прокурора владимірскаго окружнаго суда—но ему вскорѣ пришлось убѣдиться, что и на этомъ поприщѣ нѣтъ мѣста для евреевъ. Вступить въ присяжную адвокатуру—сначала одесскую, потомъ петербургскую—его принудили, такимъ образомъ, обстоятельства, независѣвшія отъ его воли. Конечно, онъ выдвинулся и здѣсь на первый планъ—но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что онъ, какъ и В. Д. Спасовичъ, никогда не переставалъ жалѣть о неосуществившихся надеждахъ его молодости. Отсюда неутомимое усердіе, съ которымъ онъ, въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, руководилъ одною изъ конференцій помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Кто видѣлъ его хотя однажды въ этой роли, тотъ знаетъ, сколько онъ вносилъ въ нее энергіи, искусства и любви къ дѣлу. Немного, думаемъ мы, найдется университетскихъ семинарій, гдѣ профессоръ такъ дѣйствовалъ бы на своихъ слушателей и они относились бы къ нему съ такимъ вниманіемъ и уваженіемъ.

Объ эрудиціи А. Я. Пассовера, о глубокомъ изученіи имъ принимаемыхъ на себя дѣлъ, объ изяществѣ, силѣ и убѣдительности его судебныхъ рѣчей не существуетъ двухъ различныхъ мнѣній. Не меньше, чѣмъ на судѣ, его блестящее дарованіе проявлялось на юридическихъ консультаціяхъ, къ которымъ, въ послѣднее время, сводилась значительная часть его работы. Кому дано было подойти къ нему ближе, тотъ никогда не забудетъ его личной обаятельности. Превосходный діалектикъ, упорный въ защитѣ своихъ мнѣній, онъ умѣлъ выслушивать противника и никогда не переносилъ спора на личную почву. Большой потерей для юридической, а можетъ быть и для общей литературы служитъ отсутствіе печатныхъ трудовъ А. Я. Пассовера, не соглашавшагося даже на записыванье и изданіе его рѣчей. Пожелаемъ, по крайней мѣрѣ, чтобы преданія о немъ какъ можно дольше и какъ можно полнѣе сохранились въ средѣ, къ которой онъ принадлежалъ. Особенно цѣнны были бы воспоминанія его товарищей по корпораціи, старшихъ и младшихъ, вмѣстѣ съ нимъ работавшихъ или учившихся у него.

Русская публицистическая литература и, въ частности, „Вѣстникъ Европы“ понесли тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося въ пасхальную ночь Владиміра Ивановича Семенова. Покойный въ изумительно короткій для писателя срокъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Его три книги: „Расплата“, „Бой при Цусимѣ“ и „Цѣна крови“,

изъ которыхъ первая появилась отдѣльнымъ изданіемъ въ 1907-мъ году, а послѣдняя всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, переведены чуть не на всѣ европейскіе языки. И такой успѣхъ былъ авторомъ вполнѣ заслуженъ. Съ талантливостью и живостью изложенія въ немъ соединялись недюжинная наблюдательность и детальное знаніе морского быта. Все, что писалъ В. И., было проникнуто неподдѣльной искренностью и правдивостью. Его описанія жизни на кораблѣ въ осажденномъ Портъ-Артурѣ, перехода „великой армады" негодныхъ судовъ отъ Либавы до Цусимскаго пролива, боя, въ которомъ эта армада безславно была разстрѣляна и погибла, затѣмъ японскаго плѣна, гдѣ онъ, израненный, провелъ долгіе мѣсяцы,—полны самаго захватывающаго интереса. Хотя главнымъ матеріаломъ для всѣхъ этихъ описаній послужилъ дневникъ покойнаго, но субъективныя переживанія автора никогда не давятъ описываемыхъ событій и эпизодовъ.

Въ „Вѣстникѣ Европы" В. И. Семеновъ началъ печататься съ мая 1909-го года. У насъ имъ были помѣщены: „Цѣна крови" (май—іюль) и затѣмъ рядъ статей—„Флотъ и морское вѣдомство" (октябрь и ноябрь), „Флотъ и морское вѣдомство послѣ войны" (декабрь) и „Адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ" (мартъ 1910). Строевой флотскій офицеръ въ самомъ лучшемъ и чистомъ смыслѣ понятія, В. И., проходившій значительную часть своей службы подъ руководствомъ покойныхъ Макарова и Рожественскаго, умѣлой рукой вскрывалъ причины нашего безпримѣрнаго пораженія на морѣ. Онъ писалъ рѣзко. Онъ безъ всякихъ прикрасъ противополагалъ „флотъ"—„морскому вѣдомству", плавающія команды—чиновничеству, свившему гнѣздо подъ адмиралтейскимъ шпицемъ, покойныхъ Макарова и Рожественскаго — тѣмъ „береговымъ" адмираламъ, которые слишкомъ заняты заботами о престижѣ власти и о почестяхъ, чтобы имѣть время быть фактическими начальниками ввѣряемыхъ имъ эскадръ, отрядовъ и портовыхъ управленій. Не сомнѣваемся, что отъ критики В. И. Семеновъ перешелъ бы къ положительной формулировкѣ требованій и условій возвѣщенной реорганизаціи нашего морского вѣдомства. Для этого онъ имѣлъ всѣ данныя. Но судьба сулила иначе... Судьба посадила его, послѣ японскаго плѣна, на скамью подсудимыхъ. Онъ гордился, что сидѣлъ на ней рядомъ съ Рожественскимъ. Оба они были тяжело ранены на „Суворовѣ". Оба были взяты въ плѣнъ въ полусознательномъ состояніи. Оба съ честью сошли съ позорной скамьи. И оба оказались ненужными для русскаго флота. Послѣ оправданія, В. И. Семеновъ былъ уволенъ въ отставку. Легъ онъ въ могилу рядомъ съ Рожественскимъ...

Рѣдѣютъ ряды до-конституціонныхъ земцевъ, для которыхъ послѣ конституціи, волею разъясненій и привлеченій, въ земствѣ не оказалось мѣста. Въ Буйскомъ уѣздѣ Костромской губ. скончался А. В. Перелешинъ. Онъ былъ первымъ выборнымъ членомъ Государственнаго Совѣта отъ костромского губернскаго земства. Послѣ роспуска первой Думы онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими представителями земства, сложилъ съ себя званіе члена верхней палаты. Черезъ мѣсяцъ предстояли земскіе выборы—и губернаторъ поспѣшилъ привлечь А. В. къ суду, за допущеніе въ губернскомъ земскомъ собраніи рѣчи гласнаго Сафонова, требовавшей распространенія изданій въ разъясненіе манифеста 17-го октября. Такъ окончилась его земская дѣятельность. Но ко времени государственныхъ выборовъ правоограниченіе съ покойнаго было снято, и онъ былъ выбранъ членомъ второй Думы. Въ Думѣ А. В. принадлежалъ къ фракціи народной свободы.

Въ ночь съ 8-го на 9-ое апрѣля скоропостижно скончался украинскій артистъ и драматургъ Маркъ Лукичъ Кропивницкій. Внѣшняя біографія М. Л. исчерпывается нѣсколькими строчками: родился въ 1841 г. въ Херсонской губ., учился въ уѣздномъ училищѣ, слушалъ лекціи въ кіевскомъ университетѣ, курса котораго не окончилъ, поступивъ, по желанію отца, на службу. До 30-ти лѣтъ М. Л. тянулъ лямку мелкаго уѣзднаго чиновника, разнообразя свое существованіе случайными выступленіями въ любительскихъ спектакляхъ г. Елизаветграда. Въ 1871 г. М. Л. дебютировалъ на сценѣ въ Одессѣ, и шумный успѣхъ, выпавшій на его долю, рѣшилъ дальнѣйшую его участь. Личная біографія М. Л. исчезаетъ, сливаясь съ исторіей новаго украинскаго театра.

Первые годы артистической дѣятельности М. Л. совпали съ порой запретительныхъ мѣръ, направленныхъ противъ украинскаго слова. Въ полной силѣ было тогда знаменитое изреченіе министра Валуева о томъ, что „не было, нѣтъ и быть не можетъ никакого малороссійскаго языка". Мѣстныя вліянія иногда до того усиливали значеніе этой формулы, что въ концертахъ малороссійскія пѣсни исполнялись во французскомъ переводѣ — но иногда они же давали возможность устраивать случайные украинскіе спектакли на большихъ сценахъ. Когда извѣстнымъ майскимъ указомъ 1876-го года была воспрещена вся украинская литература (кромѣ оригинальной беллетристики), полному запрещенію подверглись и спектакли на украинскомъ языкѣ, и М. Л. на нѣсколько лѣтъ былъ отрѣзанъ отъ родной почвы. Расцвѣтъ украинскаго театра, а одновременно и славы М. Л., наступаетъ въ началѣ 80-хъ годовъ, когда, послѣ многочисленныхъ хода-

тайствъ, снова разрѣшены были украинскіе спектакли. Къ этому времени подъ руководствомъ М. Л. образуется спеціальная украинская труппа, въ составъ которой, кромѣ М. Л., вошли такіе крупные артисты, какъ Заньковецкая, Затыркевичъ, Садовскій, Саксаганскій, Манько. Спектакли этой труппы въ украинскихъ городахъ вызвали незабываемый энтузіазмъ и высокій подъемъ національнаго чувства, являясь какъ бы прологомъ къ возрожденію украинскаго народа. Эта особенность украинскаго театра не осталась внѣ поля зрѣнія мѣстной администраціи: тогдашній кіевскій ген.-губ. Дрентельнъ воспретилъ украинскіе спектакли на всей территоріи юго-западнаго края. Украинской труппѣ пришлось гастролировать частью на югѣ Россіи, частью на сѣверѣ и въ центрѣ—въ Петербургѣ и Москвѣ. Петербургскимъ театраламъ донынѣ памятны спектакли этой труппы, бывшіе настоящимъ тріумфомъ и украинскаго искусства, и украинскихъ артистовъ, во главѣ которыхъ стоялъ М. Л. Съ конца 80-хъ годовъ украинскому театру пришлось пережить новыя трудности: цензура стала систематически воспрещать украинскія пьесы изъ жизни всѣхъ слоевъ населенія, кромѣ крестьянскаго; воспрещались также тѣ пьесы, сюжеты которыхъ не были основаны исключительно на любовной завязкѣ. Сохранить при этомъ свѣжесть и разнообразіе репертуара, не замереть въ застывшихъ рамкахъ — казалось совершенно невозможнымъ. И эта невозможность была преодолѣна украинскимъ театромъ благодаря М. Л., который и живымъ образцомъ своего творчества, въ качествѣ артиста и драматурга, и словеснымъ поученіемъ, въ качествѣ режиссера и руководителя, научилъ украинскихъ артистовъ обратить свое творчество внутрь и вглубь, и тѣмъ спасъ украинскій театръ отъ губительной остановки развитія. М. Л. приблизилъ украинскій театръ и творчество украинскихъ артистовъ къ живой дѣйствительности народной, слилъ духъ этого театра съ духомъ родного народа, научилъ его питаться родными соками, вступать въ непрерывный обмѣнъ съ непрекращающимся въ народныхъ массахъ національнымъ творчествомъ, освѣжать этимъ творчествомъ творчество художественное. Въ этомъ М. Л.—прямой продолжатель Шевченка, точный выразитель основной тенденціи украинскаго возрожденія. Въ этомъ—его заслуга передъ родиной, въ этомъ и основаніе его широкой извѣстности. Похороненъ М. Л. въ Харьковѣ.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ Комитета Литературнаго Фонда.

Литературный Фондъ съ самаго своего основанія считалъ себя обязаннымъ оказывать поддержку недостаточнымъ литераторамъ и ученымъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія ихъ дѣтей. Въ послѣднее время онъ расходовалъ около 4-хъ тысячъ руб. въ годъ на стипендіи и на взносъ платы въ разныя высшія и среднія учебныя заведенія; кромѣ того располагалъ нѣкоторымъ числомъ безплатныхъ вакансій въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но при расширившемся кругѣ кліентовъ Фонда, значительномъ повышеніи платы въ учебныхъ заведеніяхъ всей этой помощи въ настоящее время оказывается недостаточно. Не имѣя возможности выходить изъ предѣловъ своихъ средствъ, Литературный Фондъ вынужденъ ограничивать свою помощь взносомъ платы лишь за одного сына, или за одну дочь; бываютъ случаи, что взносъ дѣлается только единовременный, съ предупрежденіемъ кліента, что Фондъ не принимаетъ на себя обязательства за будущее; иногда уплачивается только часть взноса, встрѣчаются и прямые отказы.

Нынѣ Комитетъ Литературнаго Фонда, желая дать возможно болѣе широкое развитіе пособіямъ на воспитаніе и образованіе, постановилъ: 1) учредить спеціальный капиталъ, проценты съ котораго должны расходоваться только на выдачу пособій на воспитаніе и образованіе; 2) предложить ближайшему общему собранію Фонда зачислить въ этотъ капиталъ около 16.000 рублей, полученныхъ по духовному завѣщанію Евгеніи Алексѣевны Поповой, и 3) обратиться за содѣйствіемъ къ русскому обществу, всегда отзывчивому на нужды образованія.

Всякое пожертвованіе въ этотъ капиталъ будетъ считаться неприкосновеннымъ, при чемъ жертвователи могутъ по своему усмотрѣнію ставить тѣ или другія условія.

II.—Отъ Комитета по сбору пожертвованій на сооруженіе въ гор. Чембарѣ Народнаго Дома имени В. Г. Бѣлинскаго.

Граждане гор. Чембара (Пензенской губ.), въ лицѣ Городского Управленія, въ заботахъ о болѣе достойномъ ознаменованіи предстоящаго дня столѣтія со дня рожденія знаменитаго своего земляка — Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго — пришли къ мысли, что лучшимъ памятникомъ великому творцу русской художественной критики будетъ устройство въ гор. Чембарѣ Народнаго Дома имени Бѣлинскаго.

Бѣлинскій провелъ въ гор. Чембарѣ дѣтскіе годы, здѣсь онъ началъ учиться, здѣсь протекли первые годы его юности.

Народный домъ, гдѣ должны быть сосредоточены: 1) существующая уже, но неимѣющая своего помѣщенія, библіотека имени писателя, 2) народная аудиторія, 3) первоначальная школа,—явится не только памятникомъ великому учителю-идеалисту, но и просвѣтительнымъ учрежденіемъ для гор. Чембара и его уѣзда.

Открывая нынѣ съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора всероссійскую подписку на Народный Домъ имени В. Г. Бѣлинскаго, Комитетъ по сбору пожертвованій обращается ко всѣмъ, кому дорога память о великомъ писателѣ, кому дороги просвѣтительныя цѣли, которыя будетъ преслѣдовать Народный Домъ, съ просьбою принять посильное участіе въ созиданіи этого Дома.

III. — Отъ Уѣздной Земской Управы сельца Иванова, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губ.

3-го мая минетъ 25 лѣтъ со дня кончины К. Д. Кавелина. Хочется думать, что память о свѣтлой личности Константина Дмитріевича еще жива и долго еще будетъ жить въ лучшей части русскаго общества, и что найдутся желающіе тѣмъ или другимъ способомъ закрѣпить память о немъ, заставить и будущія поколѣнія вспоминать его завѣты.

Позволяю себѣ поэтому сообщить, что въ бывшемъ имѣніи К. Д. Кавелина, въ сельцѣ Ивановѣ Бѣлевскаго уѣзда Тульской губерніи,

уѣздное земство строитъ сейчасъ зданіе для двухкласснаго училища его имени съ шестилѣтнимъ курсомъ. По смѣтѣ расходы на эту постройку исчислены въ 8.900 рублей.

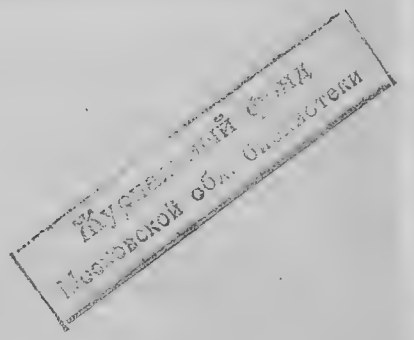
Затѣмъ является нужда въ особомъ зданіи для общежитія при училищѣ, что по смѣтѣ обойдется около 3.000 рублей. Крайне желательно при этомъ обставить училище возможно лучше во всѣхъ отношеніяхъ, снабдивъ его учебными наглядными пособіями, библіотекой, мебелью и пр.

Все это потребуетъ значительныхъ расходовъ, между тѣмъ въ распоряженіи Управы имѣется всего 8.000 рублей на это дѣло.

Можетъ быть найдутся желающіе оказать своими пожертвованіями посильную помощь надлежащему устройству училища имени Кавелина въ родномъ его уѣздѣ.

Еслибы сумма, собранная такимъ образомъ, превысила нужныя на постройку средства, весь остатокъ будетъ израсходованъ Управою на другія нужды той же школы по соглашенію съ попечительницей училища Еленой Павловной Зарудной.

Пожертвованія можно направлять или въ городъ Бѣлевъ, Тульской губерніи, въ Уѣздную Земскую Управу, или въ контору редакціи „Вѣстника Европы", или въ контору редакціи „Русскихъ Вѣдомостей".


Центральный фонд
Московской обл. библиотеки

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ПЯТАЯ. — МАЙ.

СТРАН.

1. Англійская гелиогравюра: К. Д. КАВЕЛИНЪ.
2. Рисунки В. И. Россинскаго: главнѣйшіе типы комедіи „ГОРЕ ОТЪ УМА“ въ постановкѣ Московскаго Художественнаго театра.

I. ПРЕСТУПЛЕНІЕ ГРИГОРЬЕВА.—Разсказъ.—**Вл. Кохановскаго** 3
II. ВЪ ИЗГНАНІИ.—Отрывокъ.—**Тана** 57
III. ЗА СНѢЖНЫМИ ВЕРШИНАМИ. — Изъ путевыхъ замѣтокъ. — III. Въ горныхъ ущельяхъ Сванетіи.—IV. Въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ.—V. На невѣдомомъ курортѣ.—VI. У забытаго памятника прошлаго.—VII. Латпарскій перевалъ.—Окончаніе.—**Н. А. Морозова** 64
IV. НА ИМАТРѢ ЗИМОЙ. — Стихотвореніе. — **Л. М. Василевскаго** 89
V. ГОДЪ ТЮРЬМЫ.—VI-XII.—Окончаніе.—**Сергѣева** 90
VI. ЗЛАТОЦВѢТЪ.—Стихотвореніе.—**Н. А. Карпова** 108
VII. ДАРВИНИЗМЪ И ХРИСТІАНСКАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ. — **А. Берса** 109
VIII. ВЪ ПОѢЗДѢ.—**И. Сургучева** 120
IX. БЫЛЪ ЧУДНЫЙ, ГОРДЫЙ ХРАМЪ...—Стих. **А. Хирьякова**. 131
X. РЫЦАРЬ КАПИТАЛА. — „A captain of industry“, by Upton Sinclair.—I-IV.—Перев. съ англ. **М. Чепинской** 132
XI. ***. ПОЛУТѢНИ... ПОЛУЗВУКИ...—Стих. **Елены Карѣевой**. 156
XII. ИЗРАИЛЬ И ВАВИЛОНЪ.—I-II.—**Н. Никольскаго** . . . 157
XIII. МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ КОНЦѢ 70-хъ И НАЧАЛѢ 80-хъ ГОДОВЪ ПРОШЛАГО ВѢКА. — Личныя воспоминанія.— **Максима Ковалевскаго** 178
XIV. АННА-ВЕРОНИКА. — H. G. Wells. „Ann-Veronica“. A modern Love-Story. — XXXI-XL.—Окончаніе.—Перев. съ англ. **З. В.** 222
XV. Хроника. — ПО ПОВОДУ БЮДЖЕТА НА 1910-ый ГОДЪ.— **М. И. Фридмана** 261
XVI. ШКОЛЬНЫЙ ГИПНОЗЪ.—Изъ записокъ педагога. — **Аркадія Велскаго** 274
XVII. ЛЮБОПЫТНОЕ СОВПАДЕНІЕ.—Письмо изъ Лондона.—**Діонео**. 289
XVIII. ПО ПОВОДУ ДѢЛА ТАРНОВСКОЙ. — Письмо изъ Венеціи. — **М. Осоргина** 302
XIX. СОВРЕМЕННАЯ РЕФОРМА КИТАЙСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ. — **В. Алексѣева** 310
XX. ДМИТРІЙ ДМИТРІЕВИЧЪ АХШАРУМОВЪ. — **Ч. Вѣтринскаго** 321

СТРАН.

XXI. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — **И. В. Жилкина** . . 330

XXII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—П. А. Столыпинъ о современномъ положеніи Россіи.—Задачи правительства и способъ ихъ исполненія.—Второе чтеніе законопроекта о мѣстномъ судѣ.—Вопросъ объ условномъ осужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ. — Своеобразные политическіе взгляды.—Печальное засѣданіе.—Московское юридическое общество 342

XXIII. КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. А. Адріанова** 357

XXIV. ЕЩЕ О „ВѢХАХЪ".—**Л. З. Слонимскаго** 369

XXV. „ГОРЕ ОТЪ УМА" въ Московскомъ Художественномъ Театрѣ.—I-V.—**Вл. И. Немировича-Данченко** 375

XXVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Парламентскіе выборы во Франціи.—Избирательныя программы и воззванія кандидатовъ — Рѣчь министра-президента Бріана и враждебная ему демонстрація. — Общій характеръ выборовъ и ихъ особенности.—Лекція Рузвельта въ Парижѣ.—Избирательная реформа въ Пруссіи.—Политическій кризисъ въ Англіи 392

XXVII. ПАМЯТИ К. Д. КАВЕЛИНА († 3 мая 1885-го года). — **К. К. Арсеньева** 405

XXVIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — I. Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда. — 1859-1909.—И. А. Родіоновъ. Наше преступленіе (не бредъ, а быль). Изъ современной народной жизни. 5-е испр. изд. — Изъ исторіи новѣйшей русской литературы. В. Базаровъ, П. Орловскій, В. Фриче и В. Шулятиковъ.—Общестуденческій Литературный Сборникъ.—Студенческій альманахъ. Книга I. Изд. Д. Тягая.—**Ч. В—скаго.**—„Незабвенному Владиміру Васильевичу Стасову". Сборникъ воспоминаній.—**Е. К.**—„Книга для чтенія по исторіи новаго времени", т. I, изд. подъ ред. „Историч. Ком. учебн. отд. Общества Распр. Техн. Знаній". — **А. Прѣснякова.** — Влад. Грабеньскій. Исторія польскаго народа. Разр. авторомъ перев. со 2-го, доп. польскаго изд. подъ ред. Н. Ястребова.—**М. А. Славинскаго.** — К. Гюнтеръ. Происхожденіе и развитіе человѣка. Путь развитія отъ простѣйшаго животнаго до человѣка. Съ атласомъ изъ 90 табл., перев. съ нѣм. подъ ред. проф., д-ра зоологіи Н. А. Холодковскаго. — **Н. Рубакина.** — Наши неурожаи и продовольственный вопросъ, ч. I и II, А. С. Ермолова.—В. Твердохлѣбовъ. Обложеніе городскихъ недвижимостей на Западѣ. Часть II. Мѣстное обложеніе. — П. Гензель. Новѣйшія теченія въ коммунальномъ обложеніи на Западѣ.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры 409

XXIX. ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Старый вопросъ.—Почему мы его не поднимаемъ? — Судебная ликвидація и необходимость амнистіи. — Нѣсколько иллюстрацій. — Петербургскія городскія дѣла.—Новый голова, г. Глазуновъ.—Указъ сената объ обывательскихъ обществахъ. — А. Я. Пассоверъ, В. И. Семеновъ, А. В. Перелешинъ и М. Л. Кропивницкій † 434

XXX. ИЗВѢЩЕНІЯ.—I-III 450

XXXI. ОБЪЯВЛЕНІЯ 455

XXXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ИНОСТР. КНИЖН. МАГАЗИНЪ **Авг. Дейбнеръ**
книги и журналы
(съ 1859 года).

— Морская, д. 12, уг. Невскаго, къ аркѣ. —

Знаменитая серія книжекъ Н. Абрамова:

„ДАРЪ СЛОВА".

Вып. I. Искусство—излагать свои мысли. Пятое стереотипное изданіе (Двадцатая тысяча).—Языкъ и мысль. Строй сочиненія. — Слогъ. — Шопенгауэръ о слогѣ.— Словарь языка.—Словарь синонимовъ.— Общіе совѣты.—**Цѣна 25 коп.**

Вып. II. Искусство разговаривать и спорить. (Діалектика и эристика). Четвертое изданіе. — О разговорѣ. — Что значитъ разговаривать? — О чемъ разговаривать? Какъ и когда разговаривать? — О молчаніи.—Искусство приказывать, просить и отказывать. — О спорѣ. — Какъ вести споръ? — Уловки нечестныхъ спорщиковъ. **Цѣна 25 коп.**

Вып. III. Искусство писать сочиненія. Разсказъ.—Описаніе.—Письмо.—Повѣсть и романъ. — Разсужденіе. — Газетная и журнальная работа.—**Цѣна 25 коп.**

Вып. IV. Искусство произносить рѣчи. Какъ составляется рѣчь?—Амплификація. Антитеза. — Эпитеты. — Произношеніе. — Ораторская лихорадка. — Передъ рѣчью. Мимика—**Цѣна 25 коп.**

Вып. V. Мимика (съ 40 рис.). Что такое мимика?—Средства мимики.—Положеніе тѣла.—Состоянія и ихъ выраженія.—Человѣческое лицо.—Глазъ.—Ротъ.—Носъ.— Смѣхъ и плачъ.—Заключеніе. **Цѣна 25 к.**

Вып. VI. Искусство острить. Что такое остроуміе?—О смѣшномъ.—Цѣли остроумія.—Игра звуковъ.—Игра словъ.—Игра мыслей.—Игра съ незнаніемъ.—Пародія, эпиграмма и юморъ. **Цѣна 25 коп.**

Вып. VII. Искусство вести засѣданіе. Образованіе общества.—Предложеніе кандидатовъ и выборы.—Должностныя лица (бюро) и ихъ обязанности.—Коммиссіи.— Кворумъ.—Порядокъ занятій („повѣстка"). —Поднятіе вопросовъ.—Постановленіе и предложенія.—Вопросъ и голосованіе.— Полученіе слова. — Пренія. — Общіе совѣты.—Законы объ обществахъ и публичныхъ собраніяхъ.—**Цѣна 25 коп.**

Вып. VIII. Искусство писать стихи. Что такое поэтическое творчество?—Поэтическій образъ. — Поэтическій слогъ. — Стихосложеніе. — Риѳма. — Строфа. — Поэтическія вольности. — Упражненія.— **Цѣна 25 коп.**

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Полный словарь русскихъ риѳмъ.

Издательство „ДАРЪ СЛОВА", Спб., Б. Монетная 1.

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ РОССІИ

Подъ редакціей Ѳ. К. Волкова.

Томъ I.

ЕЖЕГОДНОЕ ИЗДАНІЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА РУССКАГО МУЗЕЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

ТОМЪ IN 4° ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ (XVII+214+5) СТРАНИЦЪ ТЕКСТА, 199 ИЛЛЮСТРАЦІЙ, 7 ФОТОТИПИЧЕСК. ТАБЛИЦЪ, 2 ТАБЛИЦЫ ВЪ КРАСКАХЪ.

Цѣна 7 р. 50 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖН. МАГАЗИНАХЪ

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

Поставщиковъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ, 13. Невскій, 13. | Москва: 1) Кузнецкій Мостъ, № 12. 2) Моховая ул., 22.

Вышла въ свѣтъ НОВАЯ КНИГА

Юбилейный Сборникъ Литературнаго Фонда.

Съ тремя фототипіями. Ц. 3 р.

Содержаніе:

С. В. Отъ редакціи. **Корниловъ, А. А.** Пятидесятилѣтіе Литературнаго Фонда. Общій очеркъ. Списокъ членовъ-учредителей. Списокъ членовъ комитета со времени основанія Общества. **Л. Пантелѣевъ.** Изъ исторіи первыхъ лѣтъ существованія Литературнаго Фонда. **Левъ Толстой.** Единая заповѣдь. **Н. Костомаровъ.** Петербургскій университетъ начала 1860-хъ годовъ. Съ замѣткой **В. Г. Котельникова. Кольцовъ.** Неизданное письмо къ Бѣлинскому и дума „Неразгаданная истина". **О. Чюмина.** Онъ погибъ въ бою великомъ. **Мих. Альбовъ.** Разгадка впереди. Отрывки изъ неоконченной повѣсти. **Петръ Быковъ.** Изъ настроеній. Въ степи. **Ал. Будищевъ.** Въ дѣтской. **Вл. Лихачовъ.** Изъ весеннихъ думъ. **В. Котельниковъ.** Земля и наука. Сельскохозяйственный этюдъ. **А. Федоровъ.** Вечеръ. **А. Федоровъ.** Кукушка. **Ал. Будищевъ.** Только вечеръ затеплится синій. **Л. Шестовъ.** Изъ книги „Великіе кануны". **З. Гиппіусъ.** Женское. Вѣнокъ. **С. Надсонъ.** Къ тихой пристани. Незаконченная юношеская повѣсть. Сообщила **М. В. Ватсонъ. П. Соловьева.** (Allegro). Въ дорогѣ. Вечеръ. Утро. **Ивановъ-Разумникъ.** Творчество и критика. (Отрывокъ изъ письма). **Валерій Брюсовъ.** Въ моей странѣ. **С. Венгеровъ.** Дружининъ. **К. Фофановъ.** Поэзія – богъ. **Александръ Блокъ.** Осенній день. **Ѳ. Воропоновъ.** Нѣсколько словъ о В. П. Гаевскомъ. **Д. Мережковскій.** Люблю иль нѣтъ, легка мнѣ безнадежность. **Л. Пантелѣевъ.** В. П. Ковалевскій, первый предсѣдатель Комитета Литературнаго Фонда. **Д. Ратгаузъ.** Изъ книги „Тоска бытія". **Ѳ. Батюшковъ.** Завѣты Литературнаго Фонда. **Сергѣй Городецкій.** Отданіе молодости. **Н. Карѣевъ.** Традиціи Литературнаго Фонда. **В. А. Манассеинъ,** какъ выразитель ихъ. **А. Лукьяновъ.** Въ городѣ. **Дмитрій Цензоръ.** Въ большомъ домѣ. **Н. Карѣевъ** Я. Г. Гуревичъ. **Добролюбовъ.** Дневникъ 1857 г. Съ замѣткой **С. Венгерова. А. Купринъ.** Кляча. **К. Арсеньевъ.** Н. А. Бѣлоголовый и Г. А. Джаншіевъ. **Ал. Луговой.** Въ тихіе ясные дни. Лебединая пѣснь. **Ѳедоръ Сологубъ.** Отчего боятся дѣти. **Н. Карѣевъ.** Что дѣлалось на свѣтѣ въ годъ основанія Литературнаго Фонда. Изъ переписки **В. П. Острогорскаго.** I. Письмо **Тургенева.** II. Три письма **Гончарова.** Сообщилъ **Н. В. Ельмановъ. Ольга Шапиръ.** Одна изъ многихъ. **Пушкинъ.** Неизвѣстная эпиграмма его. Сообщилъ **П. Морозовъ. Н. В. Шелгуновъ.** Изъ воспоминаній. Сообщилъ **В. И. Семевскій. А. Горнфельдъ.** Объ одной фамиліи у Льва Толстого. **Несторъ Котляревскій.** Петръ Исаевичъ Вейнбергъ. **Н. Минскій.** Безъ отчизны, безъ семьи. **Николай Морозовъ.** Сѣверный Вѣнецъ (Изъ звѣздныхъ пѣсенъ). **Вл. Короленко.** На Свѣтлоярѣ. **Н. Минскій.** Изъ Верлэна. **А. Посниковъ.** Чернышевскій и его комментарій къ „Политической экономіи" Милля. **Н. Златовратскій.** Изъ воспоминаній о Н. А. Добролюбовѣ. **Влад. Набоковъ.** Пятидесятилѣтіе Литературнаго Фонда. **Левъ Толстой.** Разговоръ съ прохожимъ. **Вас. Немировичъ-Данченко.** Цвѣтокъ Великаго океана. Отрывокъ. **М. Ватсонъ.** Съ итальянскаго. **Ал. Луговой.** Манассеинъ. **С. Дрожжинъ.** Пѣсни и думки. **С. Дрожжинъ.** Въ деревнѣ. **Георгъ Брандесъ.** Рѣчь. Переводъ съ датскаго **В. Спасской. Гр. Градовскій.** Капитанъ Копѣйкинъ. **Вл. Ладыженскій.** Въ комнатѣ тихо. Сижу безъ огня. **Максимъ Ковалевскій.** Баденскій періодъ жизни Тургенева. **Левъ Толстой.** Пѣсни на деревнѣ. **Н. Анненскій.** Памяти Н. К. Михайловскаго. Празднованіе юбилея Литературнаго Фонда. Привѣтствія, полученныя Литературнымъ Фондомъ 8 ноября 1909 года.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО.

Журналъ выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, за исключеніемъ іюня и іюля. Подписка принимается на годъ съ 15-го ноября 1909-го года и на полгода съ 15-го апрѣля 1910-го года. Подписная цѣна съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи 2 руб. въ годъ и 1 руб. 10 коп. на полгода.

Въ первомъ полугодіи въ журналѣ были помѣщены СТАТЬИ: **проф. А. Э. Вормса**—О правѣ женщинъ на выдѣлъ по указу 9-го ноября, Признаніе крестьянъ расточителями; **В. П. Дроздова** — О новыхъ порядкахъ владѣнія крестьянъ землею, Пьяный вопросъ, Кустари и ихъ нужды; **Н. М. Іорданскаго** — Мѣстный судъ и его реформа; **И. В. Ильинскаго** — Объ условномъ осужденіи; **проф. А. А. Кауфмана** — О переселеніи въ Сибирь, О ходачествѣ; **А. Е. Кулыжнаго** — Крестьяне и кооперація; **А. П. Левицкаго** — Земскіе налоги и оцѣнка; **проф. А. А. Мануилова** — Указъ 9-го ноября; **Ал. Ал. Мануилова** — Продажа хлѣба и хлѣбные элеваторы, Экономическая сторона крестьянской реформы; **С. П. Мельгунова**—Паденіе крѣпостного права; **В. Ф. Тотоміанца**—Сбытъ хлѣба кредитными и сельскохозяйственными товариществами; **В. Я. Уланова**—Народное образованіе въ Россіи; **А. В. Чаянова**—Народныя сбереженія; **О. А. Шкапскаго**—Переселенческое движеніе послѣднихъ лѣтъ; **Н. В. Якушкива** — Государственный бюджетъ, и др. ФЕЛЬЕТОНЫ: **П. Булыгина**—Обида, Война; **академ. Ив. Бунина**—Стихотвореніе „Спротка"; **Г. В. Вернадскаго** — Для души, Крѣпостное право на Руси; **В. Всеволодова**—Кометы; **Игоря Ильинскаго**—Двѣ старухи, И. С. Тургеневъ о крѣпостномъ правѣ; **А. Мухина**—А. П. Чеховъ; **В. Г. Сахновскаго** — А. В. Кольцовъ; **Юл. Семенова** — Какъ люди летаютъ; **С. Т. Семенова**—Именинникъ и др. ОТЧЕТЫ О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ и ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ и СООБЩЕНІЯ. ЖИЗНЬ РОССІИ. (Жизнь деревни. Письма изъ деревни). ВЪ ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ. (Статьи: **Н. П. Губскаго, А. Г. Іоллоса, А. Рудакова, А. В. Чаянова** и др.). СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ. (Статьи: **В. Э. Брунста, М. Н. Вонзблейна, Д. И. Деларова, М. Е. Шатерникова** и др.). ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ. КНИГИ И О КНИГАХЪ. ТОРГОВЛЯ.

Пробный нумеръ высылается БЕЗПЛАТНО.

Адресъ редакціи: Москва, Ново-Слободская, домъ № 85, кв. 11.

Редакторъ-издатель *В. П. Дроздовъ.*

„Промышленность и Торговля“

24 номера въ годъ.—III годъ изданія.

Изданіе, посвященное вопросамъ промышленности и торговли, практической экономики, экономической и финансовой политики, а также защитѣ интересовъ не только торгово-промышленнаго класса, но и всего экономическаго развитія Россіи.

ЖУРНАЛЪ

„ПРОМЫШЛЕННОСТЬ и ТОРГОВЛЯ“

Органъ Совѣта Съѣздовъ представителей промышленности и торговли.

Выходитъ дважды въ мѣсяцъ, каждое 1 и 15 число подъ редакціей Управляющаго дѣлами Совѣта **А. А. Вольскаго.**

Въ каждомъ номерѣ 8—10 передовыхъ статей.

Каждый мѣсяцъ помѣщается 25 обзоровъ, совокупность коихъ даетъ полную картину экономической жизни страны.

Пробный номеръ высылается безплатно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкой и пересылкой на годъ—12 р., на 6 мѣсяцевъ—7 р. и на 3 мѣс.—4 р.

ЦѢНЫ ОБЪЯВЛЕНІЙ:

	Годовое впереди текста:	Годовое сзади текста:	Полугодовое впереди текста:	Полугодовое сзади текста:
Цѣлая стр.	300 р.	200 р.	225 р.	150 р.
Половина „	160 р.	120 р.	120 р.	90 р.
Четверть „	90 р.	70 р.	65 р.	50 р.

Разовыя объявленія—по соглашенію.

Редакція и Контора—**С.-Петербургъ, Невскій, 100.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1910** ГОДЪ

на прогрессивную, экономическую и литературную газету

ТРУДОВАЯ ГАЗЕТА

издающуюся безъ цензуры въ гор. **Николаевѣ**, Херсонской губерніи. Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: На годъ—4 р., на 1/2 года—2 р., на 3 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—35 к. **За границу:** на 1 годъ—8 р., на полгода—4 р.

Цѣна отдѣльнаго номера въ кіоскахъ и у газетчиковъ

1 к. **ОДНА КОПѢЙКА.** 1 к.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются безплатно.

Въ 1910 году „Трудовая Газета“ будетъ выходить въ увеличенномъ форматѣ и чутко откликаться на всѣ запросы общественности. „Трудовая Газета“ вмѣщаетъ въ себѣ все, что только можетъ интересовать общественную мысль. За наименьшую плату она даетъ разнообразный и содержательный матеріалъ для чтенія, почти равный матеріалу большихъ газетъ. Редакція „Трудовой Газеты знаетъ“, что не всякому по карману дорогія газеты, и идетъ навстрѣчу запросамъ малоимущаго читателя-труженика. Она отвела въ своей газетѣ широкое поле нуждамъ трудящихся массъ, народному образованію, быту деревни, городскому самоуправленію, торгово-промышленной и фабричной дѣятельности. Для освѣщенія жизни прибугскаго края и сосѣднихъ съ Николаевомъ поселеній она пріобрѣла собственныхъ корреспондентовъ. Редакція не ищетъ обогащенія, чужда тщеславія и будетъ счастлива, если за свои труды и матеріальныя затраты получитъ въ награду живое и непрерывное духовное общеніе съ своимъ читателемъ.

Подписку и объявленія адресовать въ главную контору „Трудовой Газеты“ — **г. Николаевъ** (Херсонск. губ.), **уг. Никольской и Московской ул., д. Когона.**—Телеф. № 34.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородніе также адресуютъ **исключительно** въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки **12 р.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **12 р. 75 к.**, съ пересылкой въ другіе города **14 р. 25 к.**, за границу—**16 р.** Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую. **Полные экземпляры** имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902—1907 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При **„Журналѣ“** съ апрѣля 1904 года издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ **„Извѣстія по народному образованію“** съ приложеніемъ **„Справочной книги по низшему образованію“**. **„Извѣстія“** воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ **„Журнала“**, но **„Справочная книга“** составляетъ совершенно отдѣльное отъ **„Журнала“** изданіе. Цѣна **„Извѣстій“** составляетъ **3 р.** съ пересылкой и доставкой, за границу—**4 р.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1910 годъ

на большую ежедневную литературную, политическую и общественную газету

„БАКУ"

IX-й годъ изданія.

Газета выходитъ въ объемѣ и по программѣ большихъ столичныхъ газетъ подъ общею редакціей **Х. А. Вермишева**, при ближайшемъ участіи Минаса Берберьяна, Г. Е. Старцева (Ант.), С. А. Айвазова, Б. Г. Перлина и др. постоянныхъ сотрудниковъ редакціи.

Кромѣ того **„Баку"** обѣщали свое сотрудничество: Ю. А. Веселовскій, Дагестани, Магистрантъ, Я. А. Манандянъ, кн. Г. М. Тумановъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ и др.

Газета ставитъ себѣ основною цѣлью всестороннее освѣщеніе нуждъ **Кавказа** и въ частности **города „Баку" и бакинскаго нефтепромышленнаго района.**

Вмѣстѣ съ тѣмъ газетой обращено серьезное вниманіе на ознакомленіе своихъ читателей съ важнѣйшими событіями изъ жизни **Закаспійскаго Края, Персіи и Малой Азіи.**

Жизнь армянъ и мусульманъ—въ наиболѣе яркихъ ея проявленіяхъ—будетъ предметомъ особеннаго вниманія газеты **„Баку"**.

Обширный отдѣлъ ежедневныхъ телеграммъ и корреспонденцій отъ собственныхъ крреспондентовъ изъ Петербурга, Москвы, Тифлиса, Эчміадзина, Тегерана, Тавриза, Вана, Эрзерума, Константинополя, Парижа и другихъ важнѣйшихъ центровъ.

Съ будущаго года въ газетѣ будутъ новые отдѣлы **Тифлисской жизни** (фельетоны, телеграммы и самостоятельныя статьи по вопросамъ Тифлисской жизни), и **Тегеранской жизни.** Въ отдѣлахъ этихъ будутъ даваться ежедневно обзоры всѣхъ важнѣйшихъ событій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Для иногороднихъ:

На годъ	8 р. 50 к.	На 6 мѣс.	5 р. — к.
„ 11 мѣс.	7 „ 50 „	„ 5 „	4 „ 50 „
„ 10 „	7 „ — „	„ 4 „	4 „ — „
„ 9 „	6 „ 50 „	„ 3 „	3 „ — „
„ 8 „	6 „ — „	„ 2 „	2 „ 50 „
„ 7 „	5 „ 50 „	„ 1 „	1 „ 50 „

За границу: 15 р. на годъ и 8 р. на полгода.

Льготная подписка (при непосредственномъ обращеніи въ контору): 1) Сельскимъ учителямъ, сельскимъ священникамъ и учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, рабочимъ, мастеровымъ и фельдшерамъ предоставляется 20% скидки. 2) Служащимъ въ правит., обществ. и торгово-промышл. учрежденіяхъ при коллективной подпискѣ черезъ казначеевъ и дѣлопроизв. 10% скидки. 3) Книгопродавцамъ, кіоскамъ, агентамъ и др. посредникамъ по пріему подписки 5% скидки.

Всѣмъ подписчикамъ предоставляется разсрочка во взносѣ подписной платы, а именно: для иногороднихъ—при подпискѣ **4 р. 50 к.**, 1 марта—**2 р.** и 1 іюля—**2 р.**

Плата за объявленія: для иногороднихъ— впереди текста 25 к., позади текста — 20 к. за строчку петита. Многократныя объявленія—по соглашенію съ конторой.

Для лицъ, ищущихъ труда, спеціальный тарифъ по 5 к. за строку объявленія. размѣромъ не болѣе 10 строкъ; свыше этого размѣра по таксѣ со скидкой 50%.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ, (Молоканская улица, гос. „Кавказъ").

N. B. Газета совершенно свободна въ отношеніи пріема объявленій изъ всѣхъ городовъ Россіи и заграницы и въ этомъ отношеніи не связана ни съ какою конторою объявленій.

Редакторъ-издатель **Х. Вермишевъ.**

Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ

въ геліогравюрахъ англійскаго типа REMBRANDT-INTAGLIO (стѣнного размѣра 38×51 с./м.). Цѣна каждаго эстампа 75 коп.

И. К. Айвазовскій. Черное море.
Н. П. Богдановъ-Бѣльскій. Устный счетъ.
І. Е. Бразъ. Портретъ Чехова.
В. М. Васнецовъ. Аленушка.
„ Богатыри.
„ Иванъ-царевичъ на сѣромъ волкѣ.
„ Богоматерь.
Н. Н. Ге. Портретъ А. И. Герцена.
„ Петръ I и Алексѣй.
Н. А. Касаткинъ. Шахтерка.
И. Н. Крамской. Неутѣшное горе.
„ Христосъ въ пустынѣ.
„ Портретъ Т. Г. Шевченко.
А. И. Корзухинъ. Птичьи враги.
Н. Д. Кузнецовъ. Послѣ обѣда.
И. И. Левитанъ. У омута.
В. М. Максимовъ. Все въ прошломъ.
Ф. А. Малявинъ. Крестьянская дѣвушка.
В. Г. Перовъ. Охотники на привалѣ.
„ Птицеловъ.
„ На могилѣ сына.
„ Ѳ. М. Достевскій.
В. Д. Полѣновъ. Среди учителей.
„ Бабушкинъ садъ.
„ Христосъ и грѣшница.
И. М. Прянишниковъ. Шутники.
И. Е. Рѣпинъ. Портретъ Л. Н. Толстого.
„ Царевна Софья.
„ Не ждали.
„ М. И. Глинка.
„ Запорожцы.
В. И. Суриковъ. Боярыня Морозова.
В. А. Сѣровъ. Дѣти.
К. Д. Флавицкій. Княжна Тараканова.
И. И. Шишкинъ. Утро въ сосновомъ лѣсу.
Н. А. Ярошенко. Портретъ В. С. Соловьева и друг.

ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ИНОСТРАННОЙ ЖИВОПИСИ

въ геліогравюрахъ англійскаго типа REMBRANDT-INTAGLIO (размѣръ 34×46 с./м.). Цѣна каждаго эстампа 60 коп.

Ж. Бастьенъ-Лепажъ. Сѣнокосъ.
„ Сельская любовь.
А. Беклинъ. Автопортретъ.
„ Островъ мертвыхъ.
„ Игра волнъ.
„ Поля блаженныхъ.
Л. Бонна. Викторъ Гюго.
А. Ж. Гро. Сраженіе подъ Эйлау.
Э. Делакруа. Рѣзня на Хіосѣ.
„ 28-е іюля 1830 г.
П. Деларошъ. Дѣти Эдуарда IV въ Тоуэрѣ.
Ф. С. Жераръ. M-me Рекамье.
Ж. Л. Жерико. Скачки въ Инсомѣ.
Ж. Ш. Казенъ. Измаилъ.
М. Клингеръ. Источникъ.
Д. Констэбль. Ржаное поле.
Г. Курбе. Похороны въ Орнанѣ.
„ Бой оленей.
Т. Кутюръ. Римляне временъ упадка.
В. Лейбль. Возвращеніе съ охоты.
„ Неравная пара.
В. Лейстиковъ. Груневальдъ.
Ф. Лейтонъ. Купанье Психеи.
Ф. Ленбахъ. Фр. Листъ.
Л. Лермитъ. Расплата съ косцами.
М. Либерманъ. Прядильщицы льна.
Т. Лоренсъ. Король римскій.
Р. Макартъ. Охота Діаны.
Э. Манэ. За буфетомъ въ Фоли-Бержеръ.
А. Менцель. Желѣзодѣлательный заводъ.
„ Концертъ въ Санъ-Суси.
Ж. Ф. Милле. Собирательницы колосьевъ.
„ Вечерній звонъ.
„ Пастушка овецъ.
Г. Моро. Смерть Орфея.
П. Прюдонъ. Пробужденіе Психеи.
А. Л. Рихтеръ. Свадебный поѣздъ.
А. Роль. Обѣдъ.
Д. Сарджентъ. Карменчита.
Д. Сегантини. За плугомъ.
Г. Тома. Лунная ночь.
К. Тройонъ. Быки на работѣ.
Ф. Уде. Христосъ благословляетъ дѣтей.
Т. Шассеріо. Тепидарій.
М. Швиндъ. Пустынникъ ведетъ коней на водопой.
Ф. Штукъ. Грѣхъ.
„ Изгнаніе изъ рая.
„ Стражъ рая.
Ж. А. Энгръ. Освобожденіе Анжелики.
Ж. Ж. Эннеръ. Сусанна въ купальнѣ и друг.

При заказахъ на сумму свыше 3 руб. пересылка безплатная.

Главная Контора Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

Москва, Б. Никитская, 5. Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Загородный, 14.

Издательство „КАЗБЕКЪ“ Сергѣя Казарова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910-й ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНЫЯ ОБЩЕ-ПОЛИТИЧЕСКІЯ, ЭКОНОМИЧЕСКІЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ГАЗЕТЫ:

„КУБАНСКІЙ КРАЙ“

ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРѢ.

Подписная плата: на годъ **9 р.**, на 6 мѣсяцевъ **5 р.**, на три мѣсяца **2 р. 75 к.**, на 1 мѣсяцъ **1 р.**, съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

Разсрочка: при подпискѣ **три руб.**, 1 апрѣля и 1 іюля **по три руб.** и обязательно должно быть заявлено при подпискѣ.

„ТЕРЕКЪ“

ВО ВЛАДИКАВКАЗѢ.

Подписная плата: на годъ **7 р.**, на 6 мѣсяцевъ **4 р.**, на три мѣсяца **2 р. 50 к.**, на 1 мѣсяцъ **85 к.**, съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

Разсрочка: при подпискѣ **три руб.**, 1 апрѣля и 1 іюля **по два руб.** и обязательно должно быть заявлено при подпискѣ.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ.

За строку петита: впереди текста (1-я стран.) — 30 коп., позади текста (4-я стран.) — 20 коп., среди текста (2-я стран.)—40 коп., стороннее сообщеніе—50 коп. со строки. Разсылка приложеній при газетѣ—3 руб. за каждыя 1000 экземпл.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Екатеринодарѣ — уг. Екатеринин. и Борзиков. ул., соб. домъ.
Во Владикавказѣ — уг. Московск. и Мѣщанской ул., соб. домъ.

Редакторъ-Издатель *Сергѣй Казаровъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1910 годъ

(20-ый годъ изданія. Основатель Я. Г. Гуревичъ)

на общепедагогическій журналъ для учителей и дѣятелей по народному образованію

РУССКАЯ ШКОЛА.

Программа журнала: Общіе вопросы образованія и воспитанія. Реформа школы. Экспериментальная педагогика, психологія, школьная гигіена. Методика преподаванія различныхъ предметовъ. Исторія школы. Обзоры новѣйшихъ теченій въ области разныхъ наукъ. Дѣятельность госуд. и обществ. учрежденій по народн. образованію (Госуд. Думы, земствъ и пр.). Народное образованіе за границей. Низшая и средняя школа въ Россіи. Вопросы націон. школы разл. народовъ Россіи. Профессіональное образованіе. Женское образованіе. Внѣшкольное образованіе.

Кромѣ статей по означ. программѣ журналъ даетъ **слѣдующіе постоянные отдѣлы:** I. Экспериментальная педагогика, **подъ ред. А. П. Нечаева.** II. Критика и библіографія, обзоры педагогич. и дѣтск. журналовъ. III. Хроника народнаго образованія на Западѣ. IV. Хроника національной школы разл. народовъ Россіи. V. Хроника библіотечнаго дѣла. VI. Хроника народнаго образованія въ Россіи. VII. Хроника профессіональнаго образованія. VIII. Хроника внѣшкольнаго образованія. IX. Замѣтки изъ текущей жизни. X. Разныя извѣстія. XI. Новѣйшія правительственныя распоряженія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Н. Я. Абрамовичъ, Х. Д. Алчевская, Г. Аграевъ, Ц. Ц. Балталонъ, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А. Бѣлозерскій, И. П. Бѣлоконскій, В. П. Вахтеровъ, прив.-доц. Б. Вейнбергъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, Е. М. Гаршинъ, проф. И. М. Гревсъ, А. Г. Готлибъ, Я. Я. Гуревичъ, Л. Я. Гуревичъ, А. Гуревичъ, К. Деруновъ, И. Житецкій, проф. Ц. А. Заболотскій, А. Заксъ, С. Золотаревъ, Г. Г. Зоргенфрей, проф. Д. Н. Кайгородовъ, П. Ѳ. Каптеревъ, проф. Н. И. Карѣевъ, Н. Казанцевъ, В. А. Кельтуяла, Н. М. Книповичъ, Н. И. Коробко, И. И. Лапшинъ, Б. Лезинъ, М. К. Лемке, проф. П. Ф. Лесгафтъ, Э. Ф. Лесгафтъ, А. Липовскій, А. А. Локтинъ, Э. Лямбекъ, Ѳ. Макаровъ, П. Г. Мижуевъ, А. Мезіеръ, А. Музыченко, А. П. Налимовъ, прив.-доц. А. П. Нечаевъ, Ф. Ф. Ольденбургъ, Л. Г. Оршанскій, А. Н. Острогорскій, Ф. И. Павловъ, проф. А. Л. Погодинъ, С. Н. Поляковъ, В. Л. Розенбергъ, Г. Роковъ, Н. А. Рубакинъ, Е. Рѣпина, С. Ф. Русова, С. И. Сазоновъ, проф. И. А. Сикорскій, С. И. Симоновъ, Л. С. Севрукъ, проф. Ир. П. Скворцовъ, А. Ѳ. Соколовъ, Н. М. Соколовъ, А. Стаховичъ, Ем. Стратоновъ, М. И. Страхова, М. А. Тростниковъ, Н. Томилинъ, К. А. Тюлеліевъ, В. И. Чарнолускій, Н. В. Чеховъ, В. И. Фармаковскій, В. А. Флеровъ, С. И. Шохоръ-Троцкій, Н. Шохоръ-Троцкая, А. Яцимирскій и др.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе **пятнадцати** печ. листовъ (за май-іюнь и іюль-августъ—книжки двойного объема). **Подписная цѣна:** въ СПБ. безъ дост.—**семь** р., съ дост.—**7 руб. 50** коп., для иногороднихъ—**восемь** руб.; за границу—**девять** руб. въ годъ. Для **сельскихъ учителей**, выписывающихъ журналъ за свой счетъ, **шесть** руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. (При подпискѣ—**3** р. и въ іюлѣ—**3** р.). Городамъ и земствамъ, выписывающимъ не менѣе 10 экз., **уступка въ 15%**. Книжнымъ магазинамъ **за комиссію 5%** съ годовой цѣны. Подписка съ разсрочкой и уступкой принимается **непосредственно въ конторѣ** редакціи (С.-Петербургъ, Лиговская улица, д. № 1).

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій Міръ“ въ 1904 году.

Редакторъ-издатель **Я. Я. Гуревичъ.**

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей: „Два мѣсяца въ Прагѣ“ и „Вячеславъ Ганка“. Подъ редакціей В. А. Ляцкой. Съ портретомъ и факсимиле А. Н. Пыпина. Москва, 1910. Ц. 2 рубля.

Все, входящее въ составъ литературнаго наслѣдства А. Н. Пыпина, имѣетъ большую цѣнность. Многочисленные почитатели покойнаго не могутъ не быть благодарны его дочери, В. А. Ляцкой, за изданіе названной выше книги. „Мои Замѣтки“—это появившееся въ „Вѣстникѣ Европы“ 1905-го года начало автобіографіи А. Н. Пыпина, оставшейся, къ сожалѣнію, неоконченною. Мы находимъ здѣсь не только отраженіе раннихъ переживаній автора, но и богатый матеріалъ для знакомства съ провинціальнымъ, университетскимъ и литературнымъ міромъ того времени. Воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ, къ которому А. Н. Пыпинъ былъ близокъ съ самаго дѣтства, силуэты казанскихъ и петербургскихъ профессоровъ, первыя соприкосновенія съ писательской средой пятидесятыхъ годовъ, первыя заграничныя впечатлѣнія—все это полно интереса, увеличиваемаго простотою, безъискусственностью изложенія. Прекраснымъ дополненіемъ къ „Замѣткамъ“ служатъ двѣ статьи, написанныя въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ и перепечатанныя изъ „Современника“ той эпохи, гдѣ онѣ были теперь мало для кого доступны. Особенно любопытна первая изъ нихъ, относящаяся къ самому началу чешскаго „возрожденія“.

Н. Карѣевъ. Общій курсъ исторіи XIX-го вѣка. Спб., 1910. Ц. 2 рубля.

Въ громадномъ трудѣ Н. И. Карѣева: „Исторія Западной Европы въ новое время“ XIX-му вѣку посвящены три тома—четвертый, пятый и шестой,—или, лучше сказать, четыре, такъ какъ послѣдній томъ состоитъ изъ двухъ частей, очень значительныхъ по объему. Чтобы сдѣлать результаты этого труда болѣе доступными для массы читателей, авторъ извлекъ изъ него все наиболѣе важное, составивъ, такимъ образомъ, одинъ большой томъ, содержащій въ себѣ, кромѣ того, бѣглый обзоръ важнѣйшихъ событій внѣ Стараго Свѣта. Тѣ основныя черты, которыми главная работа Н. И. Карѣева отличается отъ другихъ сочиненій по исторіи XIX-го вѣка, сохранены и въ настоящей книгѣ: очень много мѣста отведено экономической и умственной жизни Европы. Пожалѣть можно только о томъ, что въ книгѣ мало библіографическихъ указаній. Авторъ объясняетъ это чрезвычайнымъ богатствомъ исторической литературы, относящейся къ XIX-му вѣку. Едва ли, однако, объемъ книги увеличился бы значительно, еслибы въ каждой главѣ были сдѣланы ссылки на *важнѣйшіе* труды по данному предмету.

Сергѣй Муромцевъ. Статьи и рѣчи. Выпускъ первый. Некрологи, привѣтствія, воспоминанія (1878—1910). Москва, 1910.

Привѣтствуемъ начало изданія, которое должно ближе ознакомить русское общество съ различными сторонами дѣятельности одного изъ выдающихся его представителей. Задолго до начала новой эпохи въ русской государственной жизни С. А. Муромцевъ былъ хорошо извѣстенъ не только въ научномъ мірѣ, но и въ болѣе широкихъ сферахъ. Многолѣтній редакторъ „Юридическаго Вѣстника“, безсмѣнный предсѣдатель старѣйшаго изъ русскихъ юридическихъ обществъ работалъ не для одной спеціальности, въ которой онъ сразу выдвинулся на первый планъ: онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто всѣми силами ума и воли пролагалъ пути къ политическому и соціальному обновленію Россіи. Въ исторію этого обновленія С. А. Муромцевъ неизгладимыми чертами внесъ свое имя, какъ предсѣдатель первой Государственной Думы. Отсюда удвоенный интересъ ко всему, выходившему изъ-подъ его пера. Въ первомъ выпускѣ особенно выдаются статьи, посвященныя Н. Н. Крылову и А. Ф. Кистяковскому. Тамъ же помѣщена рѣчь, повлекшая за собою закрытіе московскаго юридическаго общества (о ней говорится выше, въ внутреннемъ обозрѣніи).

И. П. Бѣлоконскій. Земское движеніе. Земство и конституція. Съ рисунками. Москва, 1910.

Эта интересная книга заключаетъ въ себѣ бѣглый обзоръ той роли, которую земство, съ самаго своего открытія, играло въ стремленіи къ политической реформѣ. Нельзя сказать, чтобы свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, отличались вездѣ одинаковою точностью и полнотою; но во всякомъ случаѣ они проливаютъ немало свѣта на многіе, до сихъ поръ едва затронутые уголки русской общественной жизни. Отмѣтимъ двѣ небольшія ошибки. Сенаторъ М. Н. Любощинскій, состоявшій гласнымъ с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія во время памятной сессіи 1867-го года, не былъ, какъ сказано на стр. 7-ой, уволенъ въ отставку: объ удаленіи его дѣйствительно былъ поднятъ вопросъ въ высшихъ сферахъ, но тогдашнему министру юстиціи, Д. Н. Замятнину, удалось отстоять его, ссылкою на только что провозглашенную несмѣняемость судей (Любощинскій засѣдалъ въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ Сената). Историческое засѣданіе 8 марта 1881-го года, о которомъ идетъ рѣчь на стр. 25—26, происходило не въ Государственномъ Совѣтѣ, а въ особомъ совѣщаніи, въ которомъ, кромѣ министровъ, присутствовали только нѣсколько особо приглашенныхъ лицъ.

Памяти Виктора Александровича Гольцева. Подъ редакціей А. А. Кизеветтера. Воспоминанія и статьи А. А. Кизеветтера, Ч. Вѣтринскаго, С. А. Муромцева, И. П. Петрункевича, В. Г. Короленко, М. М. Ковалевскаго, Н. А. Каблукова, А. А. Мануилова, Н. В. Давыдова. Письма самого В. А. Гольцева и многихъ другихъ лицъ. Москва, 1910. Ц. 1 руб. 75 коп. Чистый доходъ получитъ просвѣтительное назначеніе, связанное съ именемъ В. А. Гольцева.

Объ этой интересной книгѣ мы надѣемся поговорить особо. Теперь скажемъ только, что и текстъ ея, и приложенныя къ ней письма представляютъ богатый матеріалъ для характеристики цѣлой эпохи въ исторіи русской журналистики и русскаго общества.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1910 г.

(Сорокъ-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА**

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО, А. С. ПОСНИКОВА, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Въ 1910 г. журналъ, также какъ и въ текущемъ году, кромѣ прежнихъ отдѣловъ, будетъ заключать обозрѣніе провинціальной жизни, обзоры новыхъ явленій въ мірѣ науки, литературы, искусства и постоянныя корреспонденціи изъ главныхъ центровъ Запада. Кромѣ снимковъ съ портретовъ историческихъ дѣятелей, въ 1910 г. въ журналѣ будутъ помѣщаемы художественныя приложенія по отдѣлу искусства; такъ, въ первыхъ книжкахъ будутъ даны главные типы „Горе отъ ума“ въ постановкѣ Московскаго Художественнаго театра. Снимки исполнены въ краскахъ по рисункамъ художника В. И. Россинскаго, фирмой Meisenbach, Riffarth & C° въ Берлинѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Загородный пр., 14; въ книжн. магаз.: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала; Большая Никитская, д. 5, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

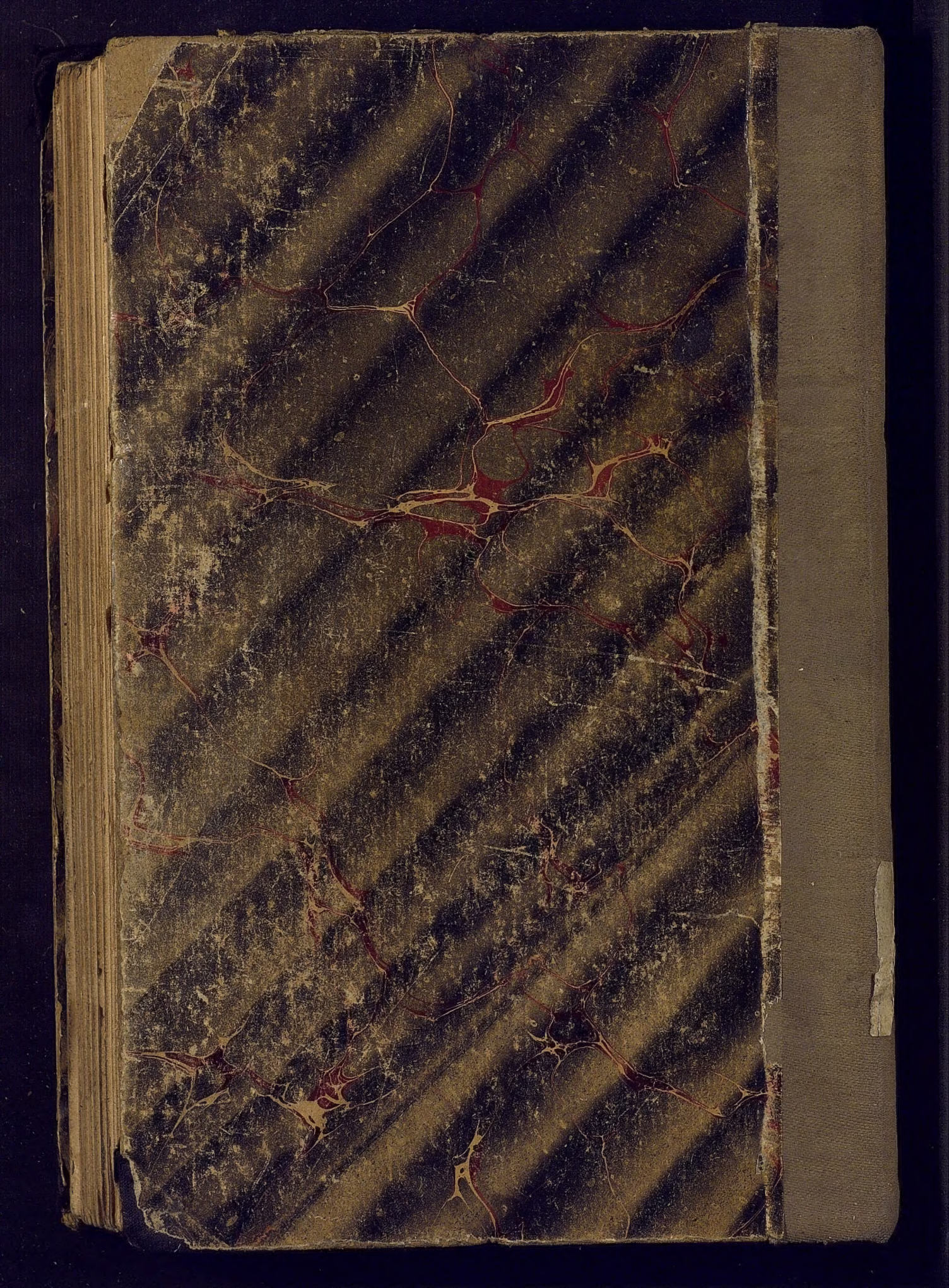
въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Главной Конторѣ журнала *своевременно*, съ указаніемъ прежняго адреса. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Подписныя квитанціи* высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Моховая, 32.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Загородный просп., 14.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Б. Никитская, 5.